

ISSN 2587-6112
e-ISSN 2618-9488

Археология евразийских степей

№ 6 2022

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ
№ 6 2022

Главный редактор:

чл.-корр. АН РТ, доктор исторических наук *А.Г. Ситдиков*

Редакционный совет:

Г. Атанасов, д.и.н., проф. (Силистра, Болгария); **А. Авербух**, д-р, (Париж, Франция); **Х.А. Афонсо Марреро**, проф. (Гранада, Испания); **Б.В. Базаров**, д.и.н., проф., академик РАН (Улан-Удэ); **Н. Бороффка**, д-р, проф. (Берлин, Германия); **Н.Б. Виноградов**, д.и.н., проф. (Челябинск); **А.Р. Канторович**, д.и.н., проф. (Москва); **В. Кожокару**, д-р хабилитат (Яссы, Румыния); **Н.Н. Крадин**, член-корр. РАН, д.и.н. (Владивосток); **В.В. Напольских**, д.и.н., чл.-корр. РАН (Казань); **А. Самзун**, д-р. (Париж Франция); **В. Франсуа**, д-р хабилитат (Экс-ан-Прованс, Франция); **Р.Р. Хайрутдинов**, к.и.н. (Казань); **Е.Н. Черных**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Москва); **М.В. Шуньков**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Новосибирск); **Ю. Янхунен**, д.и.н., проф. (Хельсинки, Финляндия).

Редакционная коллегия номера:

Е.В. Асташенкова, к.и.н. (Владивосток); **С.Г. Бочаров**, к.и.н. (Севастополь); **И.О. Гавритухин** (Москва); **М.Ш. Галимова**, к.и.н. (Казань); **З.В. Доде**, д.и.н. (Ростов-на-Дону); **Ю.А. Зеленев**, д.и.н. (Йошкар-Ола); **И.Л. Измайлов**, д.и.н. (Казань); **В.П. Кирилко**, к.и.н. (Симферополь); **Д.Г. Мухаметшин**, к.и.н. (Болгар); **В.Л. Мыц**, к.и.н. (Санкт-Петербург); **К.А. Руденко**, д.и.н. (Казань); **Р.Р. Саттаров**, к.и.н. (Казань); **А.А. Тюрк**, PhD, проф. (Будапешт, Венгрия); **Ф.Ш. Хузин**, д.и.н., проф. (Казань); **Е.М. Черных**, к.и.н. (Ижевск); **З.Г. Шакиров**, к.и.н. (Казань); **Р.Н. Хамзин** (Казань); **Л.В. Яворская**, к.и.н., доцент (Москва).

Ответственный секретарь: А.С. Беспалова

Журнал основан в мае 2017 г.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-79080
от 28 августа 2020 г. выдано Роскомнадзором

Адрес редакции, издателя:

420012, г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Телефон: (843)236-55-42

Адрес учредителя:

420111, г. Казань, ул. Баумана, 20

E-mail: archeostepps@gmail.com

https://www.evrastep.ru

Индекс ПП754, электронный каталог печатных изданий

«Почта России»

Выходит 6 раз в год

ISSN 2587-6112
e-ISSN 2618-9488

ARKHEOLOGIIA EVRAZIISKIKH STEPPEI
ARCHAEOLOGY OF THE EURASIAN STEPPES
No 6 2022

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **Airat G. Sitdikov**

Executive editors:

Georgy Atanasov, Dr. Hab., Prof. (Silistra, Bulgaria); **José Andrés Afonso Marrero**, PhD, Prof. (Granada, Spain); **Aline Averbouh**, Dr. (Paris, France); **Boris V. Bazarov**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Academic of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude); **Nikolaus Boroffka**, PhD, Prof. (Berlin, Germany); **Nikolay B. Vinogradov**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Chelyabinsk); **Evgenii N. Chernykh**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Victor Cojocaru**, Dr. Hab. (Yassy, Romania); **Véronique François**, Dr. Hab. (Aix-en-Provence, France); **Anatolii R. Kantorovich**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Moscow); **Nikolay N. Kradin**, Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok); **Ramil R. Khayrutdinov**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Vladimir V. Napolskikh**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Kazan); **Anaick Samzun**, Dr. (Paris, France); **Michael V. Shunkov**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk); **Juha Janhunen**, PhD, Prof. (Helsinki, Finland).

Editorial board:

Elena V. Astashenkova, Candidate of Historical Sciences (Vladivostok); **Sergei G. Bocharov**, Candidate of Historical Sciences (Sevastopol); **Igor O. Gavritukhin** (Moscow); **Madina Sh. Galimova**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Zvezdana V. Dode**, Doctor of Historical Sciences (Rostov on Don); **Yuriy A. Zeleneev**, Doctor of Historical Sciences (Yoshkar-Ola); **Iskander L. Izmailov**, Doctor of Historical Sciences (Kazan); **Vladimir P. Kirilko**, Candidate of Historical Sciences (Simferopol); **Dzhamil G. Mukhametshin** Candidate of Historical Sciences (Bolgar); **Victor L. Myts**, Candidate of Historical Sciences (Saint Petersburg); **Nail G. Nabiullin**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Konstantin A. Rudenko**, Doctor of Historical Sciences (Kazan); **Ruzil R. Sattarov**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Attila A. Türk**, PhD (Budapest, Hungary); **Fayaz Sh. Khuzin**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Kazan); **Zufar G. Shakirov**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Radion N. Khanzin** (Kazan); **Liliya V. Yavorskaya** Candidate of Historical Sciences (Moscow).

Executive Secretary: Antonina S. Bespalova

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation
Telephone: (843)236-55-42
E-mail: archeostepps@gmail.com
<https://www.evrastep.ru>

СОДЕРЖАНИЕ
Наследие ислама в археологии России*

Бугарчев А.И., Степанов О.В. (Казань, Россия) О болгарских монетах Менгу-Тимура с титулом «ан-Насир ли-дин Аллах» (1266–1272)	8
Волков И.В., Лопан О.В. (Казань, Россия) Участок мусульманского кладбища XIV в. на южной окраине Болгарского городища (раскоп CLXXVIII)	14
Коваль В.Ю. (Москва, Россия) Мусульмане в Средневековой Руси: в поисках неуловимых следов	25
Кольченко В.А. (Бишкек, Кыргызская Республика), Бездудный В.Г., Тулуш Д.К., Ситдинов А.Г. (Казань, Россия) Геофизические исследования средневековых городов Чуйской долины в 2021 году	37
Кравченко Э.Е. (Казань, Россия) Мусульмане хазарского времени на Северском Донце: археологические свидетельства и вопросы их интерпретации	59
Золотоордынский город Мохши: актуальные проблемы археологии и сохранения**	
Ахметгалин Ф.А., Ситдинов А.Г. (Казань, Россия) Изучение материальной культуры Волго-Окского региона в эпоху средневековья: предварительные итоги и перспективы исследований	76
Белорыбкин Г.Н. (Пенза, Россия), Зеленев Ю.А. (Йошкар-Ола, Россия), Ситдинов А.Г. (Казань, Россия) Основные итоги археологического изучения Наровчатского городища (г. Мохши) и его окрестностей	85
Бочаров С.Г. (Севастополь, Россия), Обухов Ю.Д. (Элиста, Россия) Находки монет чекана города Мохши на Маджарском городище и памятниках его ближайшей округи	97
Винничек В.А. (Пенза, Россия), Архипенко А.А. (Симферополь, Россия) О двух комплексах крымских монет с урочища Сырты Вадинского района Пензенской области	105
Винничек В.А., Винничек К.М. (Пенза, Россия) Бронзовые матрицы с Никольского селища: к вопросу об их применении в качестве разновесок в средние века	110
Винничек В.А., Винничек К.М., Кезина С.В., Дидюлин А.В. (Пенза, Россия) Уникальный перстень-печатка с Верхнесурского средневекового поселения	114
Голубев О.В. (Пенза, Россия) Территория распространения монет чекана Мохши	119
Зиливинская Э.Д. (Москва, Россия) Среднеазиатские параллели в мемориальном зодчестве Мохши	122
Сташенков Д.А., Кочкина А.Ф. (Самара, Россия) Кочевое население Самарского Поволжья в эпоху Золотой Орды	133
Бездудный В.Г. (Казань, Россия), Пигарев Е.М. (Йошкар-Ола, Россия), Ситдинов А.Г. (Казань, Россия) Магнитометрические исследования памятников Золотой Орды Нижнего Поволжья	144
Ставицкий В.В. (Пенза, Россия) История изучения примокшанской группы мордовских могильников золотоордынского времени	155

* «По материалам круглого стола «Тысячелетнее наследие ислама в археологии России», посвященного 1100-летию принятия ислама Волжской Булгарией».

** По материалам Всероссийской научной конференции «История и археология Золотой Орды Примокшанья: актуальные вопросы изучения и сохранения городища Наровчат – Мохши»

Исследования по археологии евразийских степей

Таймазов А.И. (<i>Махачкала, Россия</i>) Кремневый инвентарь местонахождения Айникаб 5 на Северо-Восточном Кавказе	167
Яковлева Е.С. (<i>Челябинск, Россия</i>) Обустройство жилого пространства в нео-энеолите Южного Зауралья	175
Григорьев С.А. (<i>Екатеринбург, Россия</i>) Хронология сейминско-турбинских бронз на основании ближневосточных и китайских источников и датировки извержения Санторина	186
Гончаров Е.Ю. (<i>Москва, Россия</i>), Лебединский В.В. (<i>Севастополь, Россия</i>) Античные монеты из собрания музея в Тартусе (Сирия)	201
Казаков Е.П. (<i>Казань, Россия</i>) Турбаслинско-именьковская общность: проблемы изучения	206
Урбушев А.У. (<i>Казань, Россия</i>) Наскальные изображения Сетерлю-1 (Центральный Алтай)	218
Лифанов Н.А. (<i>Казань, Россия</i>) Селище Брусяны III – средневековое поселение на Самарской Луке (раскопки 2018 г.)	227
Русланова Р.Р. (<i>Уфа, Россия</i>) Средневековые бусы кургана №1 могильника Кусимово-3 в Южном Зауралье	240
Русланов Е.В. (<i>Уфа, Россия</i>) Горновский археологический комплекс золотоордынского времени в Предуралье: к 60-летию научного изучения	253
Неделькин Е.В., Гинькут Н.В. (<i>Севастополь, Россия</i>) Археологические исследования крепости Чоргунский Исар (Юго-Западный Крым) в 2019 году	268
Майко В.В. (<i>Симферополь, Россия</i>) Штрихи к портрету материальной культуры Солхата (на примере охранных раскопок 2011 г.)	293
Бабенко В.А. (<i>Ставрополь, Россия</i>) Погребения кочевой знати из курганного могильника «Айгурский-1» на Северо-Востоке Ставрополя	303
Адамов А.А. (<i>Тобольск, Россия</i>) Железный ключ с городища Искер. К вопросу о новом типе средневековых съемных замков	320
Кузьмина И.Р. (<i>Казань, Россия</i>) От археологических разведок до междисциплинарных научных исследований памятников Острова-града Свяжск в 1990-х–2000-х гг.	329

Критика и библиография

Ставицкий В.В. (<i>Пенза, Россия</i>) Рецензия на монографию: Вихляев В. И., Петербургский И. М., Седышев О. В. Древние и средневековые поселения мордвы. Саранск: Морд. университет, 2013. 216 с.	339
--	-----

Хроника

Волков И.В., Недашковская Н.И., Недашковский Л.Ф., Ситдинов А.Г. (<i>Казань, Россия</i>) К юбилею Марины Дмитриевны Полубояриновой	344
Ситдинов А.Г. (<i>Казань, Россия</i>), Онгарулы А. (<i>Алматы, Республика Казахстан</i>), Воякин Д.А. (<i>Самарканд, Узбекистан</i>), Поляков А.В. (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>), Саттаров Р.Р. (<i>Казань, Россия</i>) V Международный конгресс археологии евразийских степей «Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда»	348
Авторский указатель	357
Список сокращений	386
Правила для авторов	387

CONTENT

The legacy of Islam in the archaeology of Russia

Bugarchev A.I., Stepanov O.V. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) About the Bulgarian Coins of Mengu-Timur with the Title "An-Nasir Li-Din Allah" (1266–1272).....	8
Volkov I.V., Lopan O.V. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) The Part of Muslim Cemetery of the XIV Century on the Southern Outskirts of the Bolgar Fortified Settlement (CLXXVIII excavation)	14
Koval V.Yu. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) Muslims in Medieval Rus: in search of subtle traces	25
Kolchenko V.A. (<i>Bishkek, Kyrgyz Republic</i>), Bezudny V.G., Tulush D.K., Sitdikov A.G. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Geophysical Studies of Medieval Cities in the Chuy Valley in 2021 ..	37
Kravchenko E.E. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) The Muslims of Khazar Time on the Severskiy Donets: archaeological evidence and issues of their interpretation	59
Golden Horde city of Mukhshi: topical issues of archaeology and conservation	
Akhmetgalin F.A., Sitdikov A.G. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Study of the Material Culture of the Volga-Oka Region During the Middle Ages: preliminary results and research prospects	76
Belorybkin G.N. (<i>Penza, Russian Federation</i>), Zeleneyev Yu.A. (<i>Yoshkar-Ola, Russian Federation</i>), Sitdikov A.G. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) The Main Results of the Archaeological Study of Narovchat Settlement (the City of Mukhshi) and Its Outskirts	85
Bocharov S.G. (<i>Sevastopol, Russian Federation</i>), Obukhov Yu.D. (<i>Elista, Russian Federation</i>) Finds of Coins, Minted in Medieval Mukhshi City on the Majar Settlement and Sites of Its Nearest District	97
Vinnichek V.A. (<i>Penza, Russian Federation</i>), Arkhipenko A.A. (<i>Simferopol, Russian Federation</i>) About Two Sets of Crimean Coins from the Syrty Locality in the Vadinsky District of the Penza Oblast.....	105
Vinnichek V.A., Vinnichek K.M. (<i>Penza, Russian Federation</i>) Bronze Matrices from the Nikolskoye Settlement: to the question of their use as weights in the middle ages	110
Vinnichek V.A., Vinnichek K.M., Kezina S.V., Didyulin A.V. (<i>Penza, Russian Federation</i>) A Unique Signet Ring from Verkhnesursky Medieval Settlement	114
Golubev O.V. (<i>Penza, Russian Federation</i>) Circulation Area of Mukhshi Coinage	119
Zilivinskaya E.D. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) Central Asian Parallels in the Memorial Architecture of Mukhshi	122
Stashenkov D.A., Kochkina A.F. (<i>Samara, Russian Federation</i>) Nomadic Population of the Samara Volga Region in the Golden Horde Epoch	133
Bezudny V.G. (<i>Kazan, Russian Federation</i>), Pigarev E.M. (<i>Yoshkar-Ola, Russian Federation</i>), Sitdikov A.G. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Magnetometrical Studies of the Golden Horde Sites in the Lower Volga Region	144
Stavitsky V.V. (<i>Penza, Russian Federation</i>) History of the Study of the Moksha River Region Group of the Golden Horde Time Mordovian Burial Grounds.....	155
Studies on the archaeology of the Eurasian steppes	
Taymazov A.I. (<i>Makhachkala, Russian Federation</i>) Flint Inventory from the Ainikab 5 Site in the North-Eastern Caucasus	167

Yakovleva E.S. (<i>Chelyabinsk, Russian Federation</i>) Arrangement of Living Space in the Neolithic and Eneolithic of the Southern Trans-Urals	175
Grigoriev S.A. (<i>Ekaterinburg, Russian Federation</i>) Chronology of the Seima-Turbino Bronzes Based on Near Eastern and Chinese Sources and the Dating of the Santorini Eruption	186
Goncharov E.Yu. (<i>Moscow, Russian Federation</i>), Lebedinsky V.V. (<i>Sevastopol, Russian Federation</i>) Antique Coins from the Collection of Tartus Museum (Syria)	201
Kazakov E.P. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) The Turbasly–Imenkovo Community: issues of studying	206
Urbushev A.U. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Rock Paintings of the Seterlu-1 Site (Central Altai)	218
Lifanov N.A. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Brusyany III – a Medieval Settlement on the Samara Bend (excavation 2018)	227
Ruslanova R.R. (<i>Ufa, Russian Federation</i>) Medieval Beads from Barrow № 1 of the Kusimovo-3 Burial Ground in the Southern Trans-Urals	240
Ruslanov E.V. (<i>Ufa, Russian Federation</i>) Gornovo Archaeological Complex of the Golden Horde Time in the Cis-Urals: to the 60th anniversary of scientific study	253
Nedelkin E.V., Ginkut N.V. (<i>Sevastopol, Russian Federation</i>) Archaeological Studies of the Chorgunskiy Isar Fortress (South-Western Crimea) in 2019	268
Maiko V.V. (<i>Simferopol, Russian Federation</i>) Touches to the Portrait of Solkhat Material Culture (on the example of security excavations in 2011)	293
Babenko V.A. (<i>Stavropol, Russian Federation</i>) Burials of the Nomadic Elite from the Barrow Field "Aigursky-1" in the North-East of the Stavropol Region	303
Adamov A.A. (<i>Tobolsk, Russian Federation</i>) The Iron Key from the Isker Settlement. To The Issue of a New Type of Medieval Padlocks	320
Kuzmina I.R. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) From Archaeological Reconnaissances to Interdisciplinary Scientific Studies of the Sites on the Island-Town of Sviyazhsk in the 1990s-2000s.	329

Critique and Bibliography

Stavitsky V.V. (<i>Penza, Russian Federation</i>) Review of the Monograph: Vikhlyaev V.I., Petersburgsky I.M., Sedyshev O.V. Ancient and Medieval Settlements of the Mordovians. Saransk: Mord. University, 2013. 216 P. ...	339
---	-----

Chronicle

Volkov I.V., Nedashkovskaya N.I., Nedashkovsky L.F., Sitdikov A.G. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) To the Anniversary of Marina Dmitrievna Poluboyarinova	344
Sitdikov A.G. (<i>Kazan, Russian Federation</i>), Ongaruly A. (<i>Almaty, Republic of Kazakhstan</i>), Voyakin D.A. (<i>Samarkand, Uzbekistan</i>), Polyakov A.V. (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>), Sattarov R.R. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) V International Congress on Archaeology of the Eur- asian Steppes "Eurasian Steppe Civilization: human and historical and cultural environment"	348
Index of the Authors 2022	370
List of Abbreviations	386
Instructions for Authors	387

Наследие ислама в археологии России

УДК 737(470.41)«12»

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.6.8.13>

О БУЛГАРСКИХ МОНЕТАХ МЕНГУ-ТИМУРА С ТИТУЛОМ «АН-НАСИР ЛИ-ДИН АЛЛАХ» (1266-1272 ГГ.)¹

©2022 г. А.И. Бугарчев, О.В. Степанов

Статья посвящена изучению одного раннего типа золотоордынского дирхама с шифром С/64 с легендой «Главная тамга», чеканившегося в 665–671 г. по х. / 1266–1272 гг. Он выявлен в составе четырех кладов 2-й пол. XIII в. Установлены три варианта написания топонима Булгар – БЛГАР, БУЛГАР и БУАЛГАР, три варианта тамги – с перекладиной у правой ножки, с перекладиной у левой ножки и без перекладины. Авторами подробно рассмотрена метрология. Приводятся две гистограммы – из Лаишевского клада (учтено 66 экземпляров) и сборная, по материалам всех известных авторам экземпляров (учтено 149 монет). Выявлено несколько пиков, совпадающих у обеих гистограмм – на значениях 0,66 г, 0,88 г и 1,01 г. На сборной гистограмме обнаружены ещё два второстепенных подъёма – на 1,15 г и 1,26 г. Делается вывод о неоднократном понижении указного веса на шаг примерно 0,12 г. Авторы считают, что монеты С/64 могли чеканиться на нескольких монетных дворах Булгарского региона. После 1273 г. указанный тип уходит из денежного обращения.

Ключевые слова: археология, дирхам, монета, клад, тамга, метрология, эмитент, денежное обращение, Булгар, хан Менгу-Тимур, ан-Насир, XIII век.

ABOUT THE BULGARIAN COINS OF MENGU-TIMUR WITH THE TITLE "AN-NASIR LI-DIN ALLAH" (1266-1272)²

A.I. Bugarchev, O.V. Stepanov

The paper deals with the study of an early type of Golden Horde dirham with the number C/64 with the legend "Main Tamga", minted in 665-671 AH / 1266-1272 AD. Three variants of the Bulgar toponym were found – BLGAR, BULGAR, BUALGAR, three variants of tamga – with a cross-piece at the right leg, with a cross-piece at the left leg and without a cross-piece. The metrology is considered in detail by the authors. Two histograms are given – from the Laishevo hoard (66) and the collection, based on all coins known to the authors (149). Several peaks were found that coincide in both histograms – at values of 0.66 g, 0.88 g and 1.01 g. Two more minor maxima were found on the combined histogram – by 1.15 g and 1.26 g. It is concluded that the indicated weight was repeatedly lowered by a step of 0.12 g. The authors believe that C/64 coins could have been minted at several mints of the Bolgar region. After 1273, this type falls out of coin circulation.

Keywords: archaeology, dirham, coin, hoard, tamga, metrology, coin circulation, Bulgar, khan Mengu-Timur, an-Nasir, XIII century.

В 665 г. по х. (1266/1267 гг.) к власти в Улусе Джучидов пришёл Менгу-Тимур, сын Тукана, внук Бату.

В результате денежной реформы, проведённой ханом в том же 665 г. по х., в денежное обращение Булгарского региона поступили новые серебряные монеты самого разного веса. По нашим расчётам, на монетных дворах Биляра, Булгара, Кермана и на анонимном дворе (возможно, их было более одного) были начеканены дирхамы и фракции восьми весовых групп-номиналов. В 665–671 гг. по х.

(1266–1272 гг.) региональные монеты выпускались без имени эмитента. Главным элементом было наличие «двуногой» тамги – тамги Менгу-Тимура. Одними из таких типов¹ были дирхамы с титулом «Ан-Насир ли-Дин Аллах» (по каталогу А.З. Сингатуллиной – №64; Сингатуллина, 2003, с. 86–87, 137, 163). Далее монеты данного типа будут обозначаться как С/64.

В XIX–XX в. возникла путаница в атрибуции монет с титулом «ан-Насир ли-Дин Аллах». В зависимости от имевшегося в

¹ Исследование выполнено при частичной финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00485А

² The study was carried out with partial financial support of the RFBR within the framework of scientific project No. 19-09-00485 A

наличии нумизматического материала нумизматы относили монеты с титулом «ан-Насир» к различным отрезкам времени – от конца XII в. (времени правления багдадского халифа ан-Насир ли-Дин Аллаха, умер в 1225 г.) до конца XIII в., до начала правления золотоордынского хана Токты². Как правило, не делалось различий в типологии монет с данным титулом. Сейчас можно утверждать, что это имя ставилось на болгарских эмиссиях в три разных отрезка времени:

– с 30-х гг. XIII в. до 1251 г. на серебряных и медных болгарских динарах в период нахождения Улуса Джучидов в составе Монгольской империи;

– в 1266/1267 – 1273 гг. при правлении первого золотоордынского хана Менгу-Тимура на серебряных и медных монетах чеканки Булгара с тамгой Менгу-Тимура, это типы С/64 (серебро) и С/65 (медь) (Бугарчев, Степанов, 2015, с. 16–21);

– в 692 г. по х. (1292/1293 гг.) при правлении хана Токты на дирхамах Булгара с наследной тамгой Менгу-Тимура, тип С/63.

В данной работе мы рассмотрим монеты с титулом «ан-Насир ли-Дин Аллах» периода 1266/1267 – 1273 гг. Тип С/64 встречается в составе 4 кладов: №12³, №14⁴, №15⁵ и №25⁶ (Бугарчев, Петров, 2018, с. 132). Булгарский клад 1971 г. (№12) состоял только из монет С/64, всего 11 экз. Лаишевский клад №14 являлся смешанным и содержал дирхамы и фракции, чеканенные в период 1240-х – начала 1270-х гг. общим числом 313 экз., из которых 78 монет – это тип С/64. В составе небольшого Балымерского клада №15 насчитывалось 7 дирхамов С/64. Наименьшая информация сохранилась о кладе №25 – осталось неизвестным общее число монет, и, соответственно, не сохранилась разбивка по типам.

Самым продуктивным для анализа особенностей болгарских монет 1260-х – начала 1270-х гг. остаётся Лаишевский клад.

При изучении состава клада нами были выявлены следующие варианты легенд С/64:

А. Написание монетного двора:

I – топоним Булгар написан с *вав* и *алиф* (фототаблица, №1–2);

II – топоним Булгар только с *вав* (фототаблица, №5–10);

III – Булгар без *вав* и *алифа* (фототаблица, №4) – уже было ранее отмечено А.З. Сингатуллиной (Сингатуллина, 2003, с. 40). С первым вариантом написания чеканились почти все монеты каана Мунке

(1251–1259 гг.), а с третьим вариантом – все последующие типы серебряных монет хана Менгу-Тимура (1266/1267 – 1282 гг.) и его преемников.

Б. Проставление перекадины у правой или левой ножки тамги. Известны экземпляры вообще без перекадины. Не исключено, что здесь можно говорить о работе нескольких монетных дворов.

В. Метрология. Для изучения особенностей метрологии С/64 была построена гистограмма по материалам Кокрятского клада, на который выявилась мода $0,88 \pm 0,02$ г (Бугарчев, Петров, 2018, с. 84, гист. 12, учтено 66 экз., диапазон значений веса необломанных экземпляров от 0,61 до 1,30 г).

Для определения второстепенных пиков приведём суммарную гистограмму 1 по этим же монетам⁷.

Отдельная группа монет весит от 1,21 до 1,34 г (13 дирхамов). Экземпляр с селища Чакма весил 1,45 г (Бугарчев, Руденко, 2013, с. 65).

Для гистограммы 2 были привлечены все известные монеты, как кладовые, так и единичные экземпляры, всего 149 дирхамов, диапазон значений их веса 0,60–1,34 г (две монеты весом 0,55–0,56 г в расчёт не принимались).

Из суммарной гистограммы 2 мы получили следующие значения: мода $0,66 \pm 0,02$ г (13 экз.), второстепенные пики – $0,88 \pm 0,02$ г (12 экз.), $1,01 \pm 0,02$ г (11 экз.), $1,15 \pm 0,02$ г (7 экз.). В правой группе гистограммы (общее число 13 экз., диапазон веса от 1,21 до 1,34 г) выделяется пик со значением веса $1,26 \pm 0,02$ г (6 экз.).

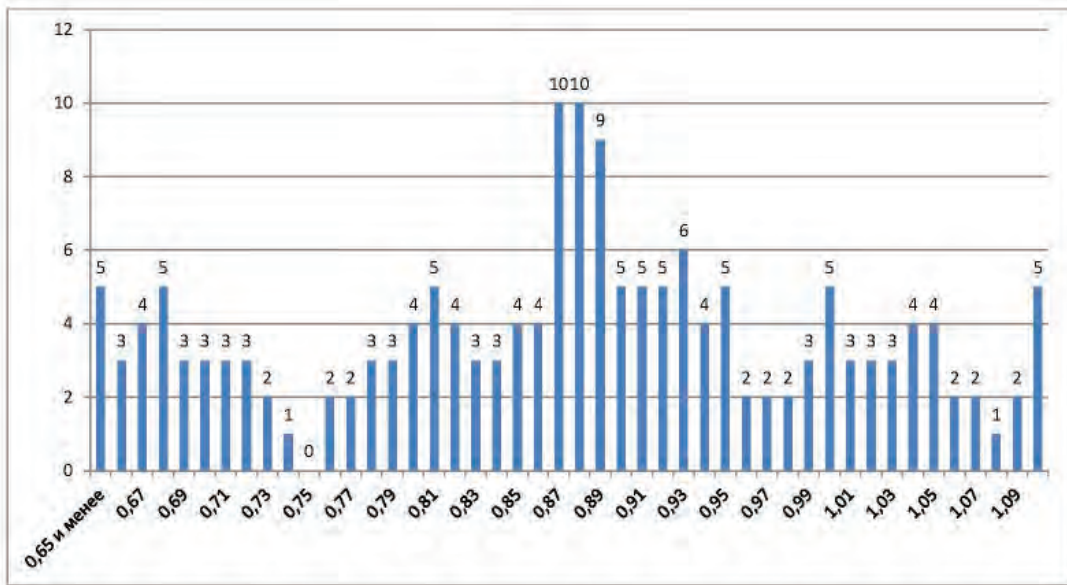
Сопоставим показатели обеих гистограмм.

Наблюдаются совпадения по модам на значениях 0,66 г, 0,88 г и 1,01 г, что свидетельствует об объективности полученных результатов.

Наличие нескольких пиков не позволяет однозначно говорить, к какой весовой группе (номиналу) могли относиться монеты С/64. Пока мы можем только предположить следующий ход событий: самыми первыми были начеканены экземпляры указным весом 1,26 г. Затем последовали понижения веса на шаг примерно 0,12 г: до 1,15 г, затем до 1,01 г, далее 0,88 г и последнее понижение до 0,66 г. Шаг в $\sim 0,12$ г здесь не случаен – ранее мы установили этапы понижения веса болгарских монет Арыг-Буги в период 1260–1266 гг. как раз на величину 0,12–0,14 г (Бугарчев, Петров, 2018, с. 123).

Гистограмма 1, кладовая, суммарная. Зависимость количества монет С/64 из Кокрятского клада от значения их веса. Учтено 66 экз.

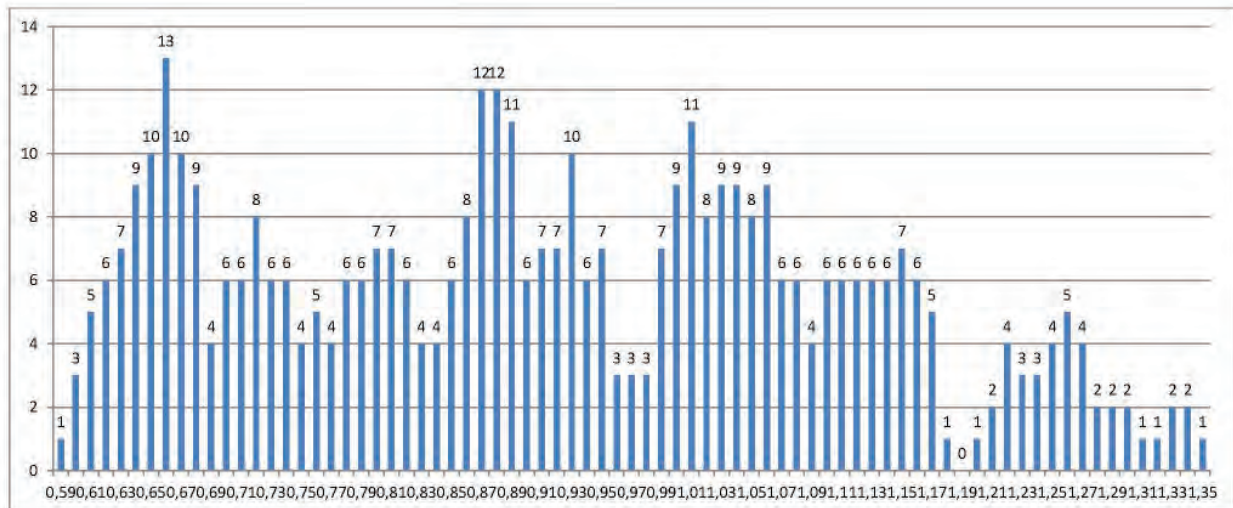
Histogram 1, hoard, total. The dependence of the number of coins C/64 from the Kokryat hoard on the value of their weight. 66 coins were taken into account

Мода_{max} на значениях 0,88±0,02 г, 10 экз., второстепенные пики на значениях 0,68±0,02 г (5 экз.) и 1,00±0,02 г (5 экз.).

Гистограмма 2, сборная, суммарная. Зависимость количества монет С/64 от значения их веса. Учтено 149 экз.

Histogram 2, collected, total. The dependence of the number of coins C/64 on the value of their weight. 149 coins were taken into account

Мода_{max} 0,66±0,02 г (13 экз.). Второстепенные пики – 0,88±0,02 г (12 экз.), 1,01±0,02 г (11 экз.), 1,15±0,02 г (7 экз.). В правой группе гистограммы выделяется пик со значением веса 1,26±0,02 г (6 экз.).

Таблица 1. Сравнение показателей кладовой и сборной гистограмм дирхамов С/64
Table 1. Comparison of the histogram indices of the hoard and the collected dirhams C/64

Тип гистограммы	Мода±0,02 г				
	Кладовая (Лаишевский клад*)	0,68	0,88	1,00	-
Сборная**	0,66	0,88	1,01	1,15	1,26

*Учтено 66 экз. **Учтено 149 экз. Жирным шрифтом выделены моды_{max}

Рис. 1. Фототаблица. 1, 2 – вариант написания топонима БУАЛГАР; 3 – вариант БУЛГАР; 4 – вариант БЛГАР; 5-8 – варианты с тамгой «перекладина у правой ножки»; 9 – вариант с тамгой «перекладина у левой ножки»; 10-11 – варианты с тамгой без перекладины; 12 – вариант лицевой стороны; 13 – вариант написания топонима с буквой «гайн» в виде треугольника.

Fig. 1. Photo table. 1, 2 – spelling variant of the toponym BUALGAR; 3 – variant BULGAR; 4 – variant BLGAR; 5-8 – variants with tamga "crossbar at the right leg"; 9 – variant with tamga "crossbar at the left leg"; 10-11 – variants with tamga without crossbar; 12 – variant of the obverse; 13 – writing variant of the toponym with the letter "ghain" in the form of a triangle.

Таким образом, можно констатировать, что по написанию *топонима* на монетах С/64 выявлены три варианта – БЛГАР, БУЛГАР и БУАЛГАР. Установлены три варианта *тамги*: с перекладиной у правой ножки, с перекладиной у левой ножки и без перекладины. При изучении *метрологии* была получена полимодальная гистограмма с пиками на пяти значениях с возможным шагом понижения веса в 0,12 г. Возможно, что эмиссии С/64 осуществлялись на нескольких монетных дворах, расположенных на территории Булгарского региона.

Легенда, расположенная над тамгой и по бокам тамги, по мнению А.З. Синга-

туллиной, должна переводиться как «Главная тамга». «Чеканка монет с тамгой дома Бату и подчеркиванием её значения «Главная тамга» действительно могла быть выражением антимонольских настроений джучидского хана» (Сингатуллина, 2003, с. 33).

После 1273 г. дирхамы С/64 в региональном денежном обращении не участвуют. Они, возможно, находились в составе клада № 25, включавшего в себя все типы Менгу-Тимура, Туда-Менгу и эмиссии 1280-х – нач. 1290-х гг., однако точный типовой состав клада не сохранился.

Благодарности:

Авторы благодарят В.П. Емельянова за помощь в подборе материала для данной статьи.

Примечания:

¹ За критерий типа в данном случае принимается два компонента – композиционное оформление и содержание легенд на стороне монеты с именем эмитента (Петров, 2010).

² Ход дискуссии и аргументы приводятся в монографии Альфиры Закиулловны Сингатуллиной (2003, с. 16-26).

³ Клад хранится в Болгарском музее, учтён в Инвентарной книге №1, где приводятся инвентарные номера 11 экземпляров. До монографии 2018 г. не публиковался.

⁴ Впервые о кладе было сообщено на IV Международном Золотоордынском Форуме в Казани (март 2015 г.). До монографии 2018 г. не публиковался.

⁵ Впервые клад издан в сборнике «Нумизматика Золотой Орды» 2013 г. (Рева, Тростянский, 2013, с. 8-15).

⁶ До монографии 2018 г. не публиковался.

⁷ Особенности построения суммарной гистограммы см. Петров, 2003, с. 11-21.

ЛИТЕРАТУРА

Бугарчев А.И., Петров П.Н. Монетныеклады Булгарского вилайата XIII – первой четверти XIV вв. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 336 с.

Бугарчев А.И., Руденко К.А. Нумизматические находки с селища Чакма (р.п. Лаишево, Республика Татарстан) // Поволжская археология. 2013. №4 (6). С. 64–78.

Бугарчев А.И., Степанов О.В. Клад золотоордынских монет из Татарстана // Нумизматика Золотой Орды. № 5. / Гл. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани, 2015. С. 16–21.

Петров П.Н. Очерки по нумизматике монгольских государств XIII–XIV веков. Нижний Новгород: Историко-археологический центр «Регион», 2003. 180 с.

Петров П.Н. Клад из Дев-кескен-кала и вопросы начала чеканки серебряных монет в Джучидском улусе // Золотоордынская цивилизация. Вып. 3 / Ред. И.М. Миргалеев. Казань: Фэн, 2010. С. 121–149.

Рева Р.Ю., Тростянский О.В. Балымерский клад джучидских монет XIII века // Нумизматика Золотой Орды. № 3 / Гл. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани, 2013. С. 8–15.

Сингатуллина А.З. Джучидские монеты поволжских городов XIII в. Казань: Заман, 2003. 192 с.

Информация об авторах:

Бугарчев Алексей Игоревич, лаборант-исследователь, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); Abugar.61@rambler.ru

Степанов Олег Витальевич, краевед, нумизмат-исследователь (г. Казань, Россия); Vorchun_65@mail.ru

REFERENCES

Bugarchev, A. I., Petrov, P. N. 2018. *Monetnye klady Bulgarskogo vilayata XIII–pervoy chetverti XIV vv. (Coin hoards of the Bulgarian Wilayat of the XIII – first quarter of the XIV centuries)*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Bugarchev, A. I., Rudenko K. A. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 6 (4), 64–78 (in Russian).

Bugarchev, A. I., Stepanov, O. V. 2015. In Mirgaleev, I. M. (ed.-in-chief). *Numizmatika Zolotoi Ordy (Golden Horde Numismatics)* 5. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 16–21 (in Russian).

Petrov P.N. 2003. *Ocherki po numizmatike mongol'skikh gosudarstv XIII–XIV vekov (Surveys on numismatics of the Mongolian states of the XIII–XIV centuries)*. Nizhniy Novgorod: "REgion" Publ. (in Russian).

Petrov P.N. 2010. In Mirgaleev I.M. (ed.). *Zolotoordynskaya tsivilizatsiia (The Golden Horde civilization)* 3. Kazan: "Фдн" Publ., 121–149 (in Russian).

Reva, R. Yu., Trost'yanskii, O. V. 2013. In Mirgaleev, I. M. (ed.-in-chief). *Numizmatika Zolotoi Ordy (Golden Horde Numismatics)* 3. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 8–15 (in Russian).

Singatullina, A. Z. 2003. *Dzhuchidskie monety povolzhskikh gorodov XIII v. (Jochid Coins in Volga Cities in 13th c.)*. Kazan: "Zaman" Publ. (in Russian).

About the Authors:

Bugarchev Alexey I. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; abugar.61@rambler.ru

Stepanov Oleg V. Local Historian, numismatist –researcher. Kazan, Russian Federation; Vorchun_65@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2022 г.
Статья принята к публикации 01.12.2022 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.6.14.24>

УЧАСТОК МУСУЛЬМАНСКОГО КЛАДБИЩА XIV В. НА ЮЖНОЙ ОКРАИНЕ БОЛГАРСКОГО ГОРОДИЩА (РАСКОП CLXXVIII)

© 2022 г. И.В. Волков, О.В. Лопан

В статье отражены результаты полевых исследований, проведенных в 2012 г. на южной окраине Болгарского городища (раскоп CLXXVIII). Здесь были выявлены погребения золотоордынского времени, совершенные по мусульманскому обряду. Найденная в одном из захоронений монета «двуглавый орел» показывает, что кладбище функционировало, по крайней мере, с 40-х гг. XIV в., поскольку пулы с двуглавым орлом имеют очень короткий период обращения и практически не выходят за рамки 1340-х гг. Участок изначально использовался под некрополь – никаких следов хозяйственной деятельности здесь не выявлено, а единичные находки происходят из слоя позднейшей распашки. Между могилами прослежено компактное скопление костей МРС – можно предполагать, что этот комплекс связан с разовыми поминками.

Ключевые слова: археологические раскопки. Золотая Орда, XIV в., Болгарское городище, мусульманские погребения.

THE PART OF MUSLIM CEMETERY OF THE XIV CENTURY ON THE SOUTHERN OUTSKIRTS OF THE BOLGAR FORTIFIED SETTLEMENT (CLXXVIII EXCAVATION)

I.V. Volkov, O.V. Lopan

The results of field studies conducted in 2012 on the southern outskirts of the Bolgar fortified settlement (CLXXVIII excavation) are presented in the paper. The burials of the Golden Horde time made by the Muslim rite were found here. The coin "two-headed eagle", found in one of the burials, shows that the cemetery functioned at least since the 40s of the XIV century, as the pulis with a two-headed eagle have a very short period of circulation and usually do not go beyond the 1340s. This section was originally used as a necropolis because the traces of economic activity have not been revealed, and individual findings came from the layer of later plowing. The compact set of small cattle bones was traced between burials. It can be assumed that this site is associated with a once-only wake.

Keywords: archaeological excavations, Golden Horde, XIV century, Bolgar fortified settlement, Muslim burials.

Раскопки на южной окраине Болгарского городища в 2012 году проводились с целью проверки результатов применения георадирования, произведенного сотрудниками Казанского (Приволжского) федерального университета для локализации археологических объектов на памятнике. Раскоп CLXXVIII был заложен в южной части городища на месте одной из выявленных геомагнитных аномалий (рис. 1). На изображениях, полученных с помощью георадара, эта аномалия выглядела как несколько «пятен» и многометровой протяженности «линий» (рис. 2). Осмотр на местности показал, что значительная часть «линий» просматривается на поверхности как слабовыраженный микрорельеф: большинство их соответствовало низким оплывшим валам высотой до 0,2 м, видимым даже под густой травой. При сравнении с доступным космическим снимком оказалось, что

все выделенные «линии» полностью вписываются в систему полей последнего этапа сельскохозяйственного использования городища в XX в. (рис. 1). Поэтому связь данной аномалии с сооружениями золотоордынского времени изначально вызывала значительные сомнения.

Раскоп CLXXVIII площадью 40 кв. м был разбит с таким расчетом, чтобы захватить видимое на георадарных изображениях округлое «пятно»-всхолмление и две примыкающие к нему «линии» (рис. 2). Раскоп располагался в 393 м к северу от гребня самого южного изгиба основного вала городища и в 199 м к северо-западу от северо-западного угла двухкамерного мавзолея, исследованного Н.Д. Аксеновой в 1983–1985 гг. на раскопе LXXXVIII (рис. 1: 1). Раскоп CLXXVIII был заложен на довольно плоском участке с небольшим, но хорошо заметным уклоном к

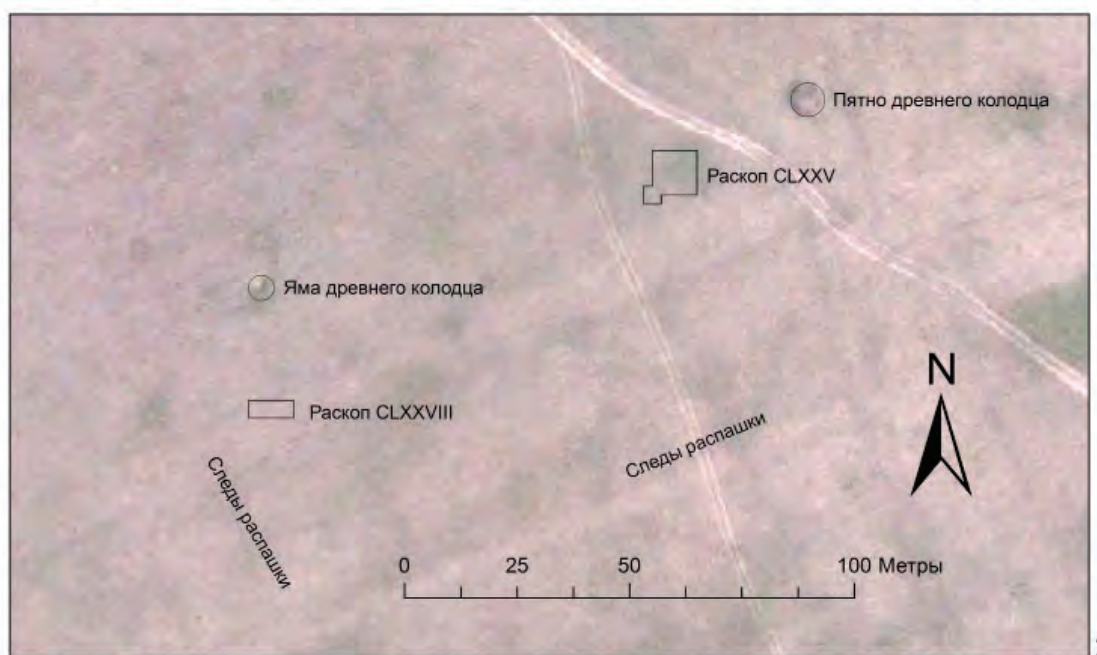

Рис. 1. Космическая съемка южной части Болгарского городища 2011 и 2010 гг. с обозначением места раскопа CLXXVIII.

Fig. 1. Space imaging of southern part of Bolgar fortified settlement with the location of CLXXVIII excavation, 2011 and 2010.

юго-западу. Приблизительно в 70 м к западу от раскопа начинался уступ протяженной террасы, а в 50 м южнее от него располагалась невыразительная котловина.

Вплоть до 90-х гг. XX в. южная периферия городища подвергалась систематической

распашке, средняя мощность слоя которой на исследованном участке составляла 20–25 см, а в местах постоянного отвала плуга – до 40 см. Ниже залегал пласт светлого тощего суглинка мощностью до 20 см, который подстилался серо-коричневатым суглинком с примесью

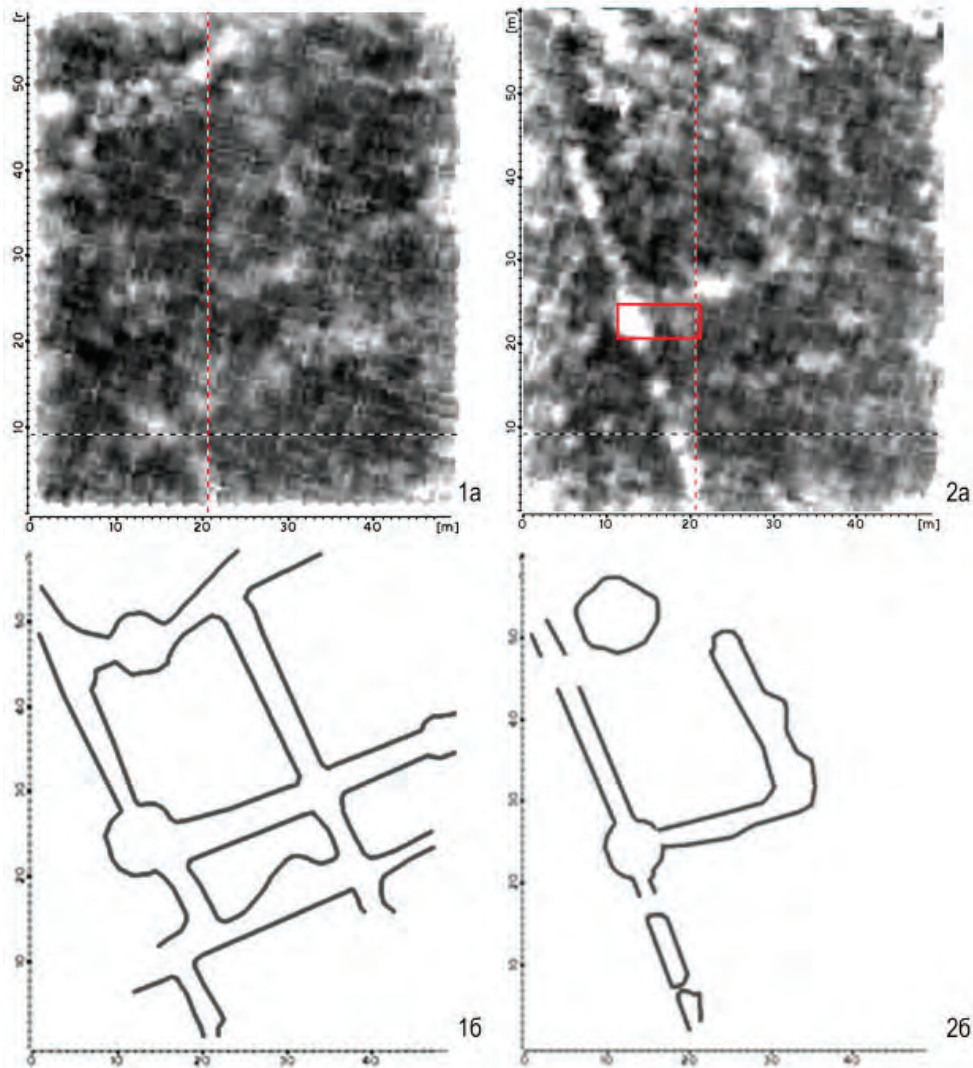

Рис. 2. Изображения аномалий на участке разбивки раскопа CLXXVIII, полученных по результатам георадирования, и прорисовка их границ: 1а, 1б – на глубине 30 см от поверхности; 2а, 2б – на глубине 60 см от поверхности. Красным прямоугольником обозначен периметр раскопа CLXXVIII.

Fig. 2. Image of anomalies on the area of CLXXVIII excavation, received by ground-penetrating radar, and drawing their borderlines: 1a, 1б – at a depth from the surface 30 cm; 2a, 2б – at a depth from the surface 60 cm. The red rectangle indicates the perimeter of CLXXVIII excavation.

гумуса, имевшим в нижней части неоднородную структуру природного происхождения. Материк на данном участке представлен коричнево-оранжевым тощим суглинком, залегавшим на уровне от 1 м от поверхности. Насыщенность находками здесь минимальна – их плотность в пределах пахотного слоя составляла 1–3 мелких фрагмента керамики на квадрат и столько же мелких костей плохой сохранности. Нижележащие слои за пределами углубленных конструкций находок вообще не дали и их можно расценивать как образовавшиеся естественно.

В западной части раскопа была выявлена крупная яма природного происхождения, заполненная массивом оранжевого материкового суглинка, под который уходила стериль-

ная гумусная прослойка, образовавшаяся очевидно до того, как на данном участке городища появилось золотоордынское кладбище, поскольку прослойка была прорезана ямой погребения 4 (рис. 6). В пользу древнего природного происхождения гумусной прослойки свидетельствует и то, что прожилки трещин, видимые в бортах раскопа, пересекали без перерывов все слои, кроме пахотного и ближайшего к нему слоя подзолистой почвы. Гумусная прослойка, скорее всего, могла сформироваться в результате замыывания почвы в яму-вывал (выворотень), появившуюся после падения крупного дерева. В дальнейшем объекты такого рода неоднократно были зафиксированы на раскопах в южной части Болгарского городища.

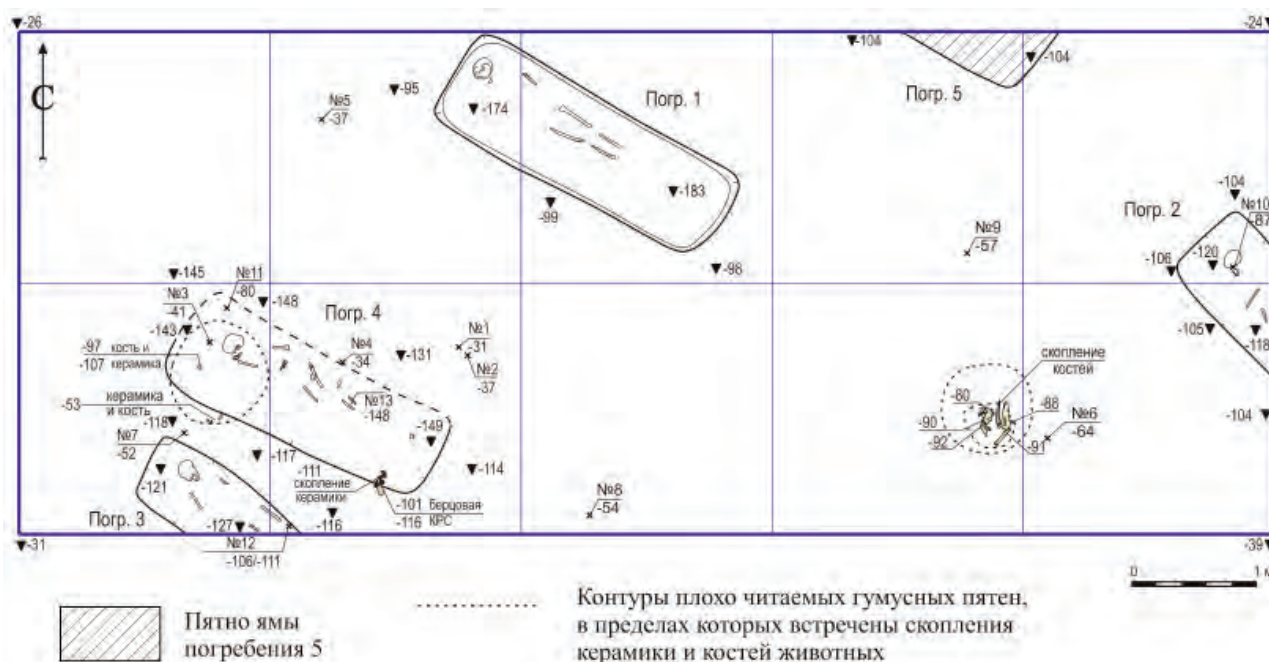

Рис. 3. Болгарское городище, план раскопа CLXXVIII. Нумерация находок соответствует номерам на рис. 7: № 1, 8 – фрагменты стенок амфоры «хиосской» группы; №№ 2, 3, 6, 7, 9 – фрагменты гвоздей железных; № 4 – скоба железная; №№ 5, 10 – фрагменты кашинных сосудов; № 11 – фрагмент горла лощеного кувшина; № 12 – фрагмент лезвия железного ножа (заполнение погр. 3); № 13 – монета медная (погр. 4).

Fig. 3. Bolgar fortified settlement, the plan of CLXXVIII excavation. Numbering of finds corresponds to numbers on fig. 7: № 1, 8 – fragments of the walls of the amphora of the "Chios" group; № 2, 3, 6, 7, 9 – fragments of iron nails, № 4 – iron bracket; № 5, 10 – fragments of cashine ceramics; № 11 – fragment of the throat of glossy jar; № 12 – fragment of an iron knife blade; № 13 – copper coin (burial 4).

На вскрытом участке исследованы четыре грунтовых захоронения золотоордынского периода (рис. 3). Пятно еще одной могилы большей своей частью уходило под северный борт раскопа. Все погребения имеют одну особенность стратиграфии, характерную для периферии городища в целом: над ямами, ниже пахотного слоя, обязательно присутствует черная гумусная линза, образовавшаяся в процессе усадки грунта (рис. 5: 1).

Погребения были совершены в простых прямоугольных ямах, глубина которых от уровня современной поверхности участка составляла от 0,9 до 1,6 м. Костяки на данном участке отличались очень плохой сохранностью – от скелетов по преимуществу сохранились только черепа и срединные части длинных трубчатых костей. Захоронения были совершены по мусульманскому обряду: положение остатков костей позволяет заключить, что все погребенные лежали вытянуто головой на ЗСЗ с небольшим поворотом на правый бок, лицевой стороной черепа на кыблу.

Погребение 1 (рис. 3). Дно могилы располагалось на глубине 1,5–1,6 м от современной поверхности. Сохранность скелета очень плохая. Погребение принадлежало женщине(?) 30–40 лет¹.

Погребение 2 (рис. 3). Дно могильной ямы располагалось на глубине около 0,9 м от современной поверхности. Погребение принадлежало женщине(?) 25–35 лет.

Погребение 3 (рис. 3). Дно могилы располагалось на глубине 0,9–1,0 м от современной поверхности. Погребение принадлежало женщине 30–40 лет. В заполнении могильной ямы, у стенки, над левой бедренной костью (на 0,2 м выше дна могилы), встречен обломок лезвия железного ножа (рис. 7: 12).

Погребение 4 (рис. 3; 5). Под пахотным слоем, на глубине около 0,25 м от поверхности (на том месте, где ниже было выявлено пятно заполнения могильной ямы погребения 4), прослеживались размытые контуры округлого темно-серого гумусного пятна, располагавшегося, как выяснилось позднее, над головой погребенного. На поверхности линзы (толщина которой достигала 0,2 м), у ее края, находились фрагмент красноглиняной керамики I-й общebolгарской группы и мелкий обломок кости животного. Ниже был зафиксирован фрагмент горла красноглиняного лощеного кувшина I-й группы (рис. 7: 11), а еще глубже, в заполнении могильной ямы, встречен фрагмент керамики I-й общebolгарской группы и кость животного (рис. 5: 2). На глубине около

Рис. 4. Болгарское городище, раскоп CLXXVIII, восточный сектор. Скопление костей МРС в предматериковом слое: 1 – зачистка на уровне подошвы пласта 3, вид с юго-запада; 2 – верхняя часть скопления костей МРС, вид с юга; 3 – нижняя часть скопления костей МРС в пределах пласта 4, вид с юга.

Fig. 4. Bolgar fortified settlement, CLXXVIII excavation, eastern sector. The set of small cattle bones from the stratum on top of the bedsoil: 1 – cleaning on the level of subface of stratum 3, view from the south-west; 2 – upper part of the set of small cattle bones, view from the south; 3 – lower part of the set of small cattle bones inside the stratum 4, view from the south.

0,7 м от поверхности (над изножьем прослеженного ниже пятна могильной ямы) был найден обломок белого камня, ниже которого компактно залежали 7 фрагментов сосуда I-й общеполгарской группы и стоявшая вертикально большая берцовая кость КРС (рис. 3; 5: 2, 3). Нижним своим концом эта кость примыкала к стене могильной ямы, которая была выявлена как раз на этом уровне. В заполнении могильной ямы также попадались небольшие белые камни и несколько мелких обломков обожженных кирпичей (рис. 5: 4). В

пахотном слое над погребением и вокруг него были встречены обломки нескольких гвоздей, однако в заполнении самой могилы гвозди не попадались. Дно могильной ямы располагалось на глубине 1,2–1,3 м от современной поверхности. Погребение принадлежало женщине(?) 20–25 лет. Между берцовыми костями на дне могилы плоско лежала медная монета типа «двуглавый орел» (Янина, 1954, № 48) (рис. 5: 4; 7: 13).

Отметим, что плотность находок керамики и костей на всем исследованном участке

Рис. 5. Болгарское городище, раскоп CLXXVIII: 1 – восточный сектор, вид с юго-запада (стрелками на бортах обозначены темные гумусные просадки над погребениями 5 и 2); 2, 3 – скопления костей и фрагментов керамики над погребением 4, выявленные в пределах пласта 5 (2 – вид с юга; 3 – с севера); 4 – погребение 4, вид с юга (в центральной и восточной частях могильной ямы, над костяком, видны куски белого камня, а на дне могилы, между берцовыми костями, – монета).

Fig. 5. Bolgar fortified settlement, CLXXVIII excavation: 1 – eastern sector, view from the south-west (arrows on the sides shows the dark humus subsidence over burials 5 and 2); 2, 3 – set of bones and fragments of pottery over burial 4 inside the stratum 5 (2 – view from the south, 3 – view from the north); 4 – burial 4, view from the south (there are white stones in central and eastern parts of the burial pit over skeleton and a coin on the bottom between shinbones).

Рис. 6. Болгарское городище, раскоп CLXXVIII, западный сектор. В северо-западном углу раскопа хорошо видна стратиграфия большой ямы природного происхождения (древесного выворотня): 1 – зачистка на уровне подошвы пласта 5, вид с юго-востока; 2 – западный борт раскопа, вид с востока; 3 – яма-вывал в северо-западном углу раскопа после выборки заполнения, вид с юго-востока.

Fig. 6. Bolgar fortified settlement, CLXXVIII excavation, western sector. In the north-west corner of excavation stratigraphy of big natural pit (of uprooted tree) is visible: 1 – cleaning on the level of subface of stratum 5, view from the south-east; 2 – western side of excavation, view from the east; 3 – pit of uprooted tree in the north-west corner of excavation after sampling, view from the south-east.

Рис. 7. Болгарское городище, раскоп CLXXVIII. Находки (1–9 – пахотный слой). Нумерация находок соответствует номерам на плане раскопа (рис. 3): 1, 8, – фрагменты стенок амфоры «хиосской» группы; 2, 3, 6, 7, 9 – гвозди железные; 4 – скоба железная; 5 – фрагмент стенки кашинного сосуда; 10 – фрагмент венчика кашинной чаши; 11 – фрагмент горла лощеного кувшина; 12 – обломок лезвия железного ножа из заполнения погребения 3; 13 – монета «двуглавый орел» из погребения 4.

Fig. 7. Bolgar fortified settlement, CLXXVIII excavation. The finds (1-9 – surface soil). Numbering of finds corresponds to numbers on the plan of excavation (fig. 3): 1-8 – fragments of the walls of the amphora of the "Chios" group; 2, 3, 6, 7, 9 – iron nails; 4 – iron bracket; 5 – wall fragment of cashine vessel; 10 – rim fragment of cashine bowl; 11 – fragment of the throat of glossy jar; № 12 – fragment of an iron knife blade, from burial 3 filling; № 13 – copper coin "two-headed eagle" from burial 4.

в целом значительно ниже, чем в заполнении данного отдельного погребения. Кроме того, в могиле присутствовали белые камни и мелкие обломки кирпичей, более нигде не встреченные на исследованном участке. В других погребениях такого количества предметов в заполнении не отмечено. В отношении тех костей и фрагментов керамики, которые разреженно встречаются на разных глубинах, все же можно было бы допускать,

что они случайно попали в могилу в процессе засыпания. Однако, случайное возникновение такой повышенной концентрации находок в одной точке (на фоне их крайней малочисленности в целом на раскопе), образующих сложную «композицию» в виде вертикально стоящей у стенки могилы, в изножье, берцовой кости КРС, окруженной черепками от одного сосуда и перекрытой камнем, представляется маловероятным. Скорее, эти предметы были

помещены сюда преднамеренно, причем, не исключено, что они могли быть положены позднее, в специально сделанную небольшую ямку, не прослеженную в слое выше уровня выявления пятна могильной ямы².

Ранее И.Р. Газимзяновым было отмечено, что среди исследованных на территории Волжской Булгарии средневековых захоронений, в которых положение умершего соответствует мусульманским канонам, в заполнении могильных ям иногда встречаются кости животных, связанные, по мнению автора, с остатками целенаправленно помещенной мясной пищи. Кости КРС или МРС чаще всего располагаются в изголовье или в ногах покойного и могли быть помещены в могилу как сразу при захоронении, так и в процессе засыпания ямы или уже после засыпки (Газимзянов, 1997, с. 21–22). Разрозненные кости животных (КРС, МРС и лошади) и фрагменты керамики в верхних слоях засыпей могильных ям были зафиксированы также в некоторых погребениях, исследованных рядом с мавзолеем на раскопе CLXXIV в южной части Болгарского городища в 2012 г. (Лазукин, 2014, с. 156).

Кроме того, как самостоятельный комплекс на раскопе CLXXVIII можно рассматривать скопление костей мелкого рогатого скота, которое было выявлено в предматериковом слое, на свободном от захоронений участке в юго-восточной части раскопа (рис. 3; 4: 1). Здесь, на глубине около полуметра от поверхности, компактно залежали две половины челюсти и фрагмент черепа МРС (рис. 4: 2). Под ними находились еще две метаподии, два фрагмента позвонков и три фрагмента ребер мелкого рогатого скота, вероятнее всего, от той же туши (рис. 4: 3). Эти нижележащие кости располагались на глубине около 0,6 м от современной поверхности, немного выше материка. Наблюдение за структурой грунта и скоростью его высыхания позволило предполагать, что здесь была округлая яма диаметром до 70 см в верхней части, сужающаяся к низу, однако никаких четких ее границ выявлено не было. Тем не менее, компактное расположение на такой глубине костей, вероятно принадлежавших одной особи, заставляет полагать, что здесь находилась яма, связанная, возможно, с разовыми поминками. Ранее, в 1994 г., на территории еще одного мусульманского кладбища, расположенного также в южной части Болгарского городища, была выявлена яма, содержащая фраг-

менты керамики и кости животных (в том числе и челюсть барана) и, возможно, имевшая ритуальное значение (Газимзянов, 1997, с. 21).

Таким образом, несмотря на малую площадь раскопа CLXXVIII и общую невзрачность малочисленных находок, проведенные исследования привносят любопытные данные о некоторых особенностях погребального обряда у какой-то части мусульманского населения Болгарского городища золотоордынского времени: присутствие камней, керамики и костей животных в могиле, наличие на могильнике отдельно расположенной ямы с костями животных.

Вещевая коллекция, собранная на раскопе CLXXVIII, включает всего лишь 13 индивидуальных находок, среди которых: 5 фрагментов железных кованых гвоздей и одна скоба, фрагмент лезвия железного ножа, два фрагмента амфоры «хиосской» группы, фрагмент горла красноглиняного лощеного кувшина, два фрагмента кашинных сосудов и упомянутая выше монета (рис. 7).

В целом, насыщенность слоя находками на раскопе CLXXVIII минимальна, и скорее соответствует периферии какого-нибудь малого селища, нежели такого значительного городища, что, в свою очередь, указывает на возникновение кладбища на пустыре. Минимальное количество находок или даже их полное отсутствие зафиксировано также в некоторых шурфах и раскопах, заложенных другими исследователями в южной, периферийной части городища (Ситдинов, Сивицкий, Беляев, Хазиев, 2016), что подтверждает обычность пустырей (или сельхозугодий) для городских окраин в пределах валов.

Найденная в погребении 4 монета «двуглавый орел» чекана Сарая-ал-Джедид 743 г.х. (1342–1343 гг.) указывает на то, что кладбище возникло, по крайней мере, с 40-х гг. XIV в., поскольку монеты с двуглавым орлом имеют очень короткий период обращения, не выходящий за рамки 1340-х гг. – по всей Золотой Орде пулы типов «двуглавый орел» практически не встречаются в закрытых комплексах с монетами последующих десятилетий (Федоров-Давыдов, 2003, с. 114–123; Волков, 2008, с. 497; Фомичев, 2008, с. 420). Исходя из указанной датировки, не исключена доля вероятности того, что возникновение данного кладбища могло быть связано с чумной эпидемией 40-х гг. XIV в. в Золотой Орде (Волков, Лопан, 2018).

Примечание:

¹ Половозрастные оценки выполнены в 2012 г. к.и.н., с.н.с. Национального центра археологических исследований Института истории имени Ш. Марджани АН РТ Газимзяновым И.Р.

² По единичной находке в принципе невозможно судить имело ли вертикальное расположение берцовой кости случайный характер или несло какое-то значение, но сам факт заслуживает упоминания хотя бы ради привлечения внимания исследователей к дальнейшей фиксации подобных деталей в заполнении мусульманских могил.

ЛИТЕРАТУРА

Волков И.В. Монгольское погребение XIV в. с монетами из Калмыкии // Древности Юга России: памяти А.Г. Атавина / Отв. ред. д.и.н. Г.Е. Афанасьев. М.: ИА РАН, 2008. С. 494–501.

Волков И.В., Лопан О.В. О времени освоения и возможных причинах запустения южной части Болгарского городища // Археология Евразийских степей. 2018. № 5. С. 204–209.

Газимзянов И.Р. О некоторых элементах в погребальной практике волжских булгар X–XV вв. // Гуманистические традиции Запада и Востока в музейном деле России и Татарстана. Материалы Всерос. научно-практич. конф. Секция археологии / Ред. П.Н. Старостин, С.Ю. Измайлова. Казань: Изд-во ГОМ РТ, 1997. С. 19–22.

Лазукин А.В. Предварительные итоги исследования некрополя в южной части Болгарского городища (раскоп CLXXIV 2012 г.) // Поволжская археология. 2014. № 2 (8). С. 145–164.

Ситдииков А.Г., Сивицкий М.В., Беляев А.В., Хазиев А.И. Результаты археологических исследований на территории Болгарского городища в 2015 году (раскопы ССVII – ССXII) // Археологические исследования 2015 г.: Болгар и Свияжск / авторы-составители: Ситдииков А.Г., Валиев Р.Р., Старков А.С. Казань: «Издательский дом «Казанская недвижимость», 2016. С. 23–24.

Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М.: Палеограф, 2003. 352 с. и 40 с. ил.

Фомичев Н.М. Два клада монет XIV в. из Азова // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2006 г. Вып. 23. / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: ГОУК Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник; ООО Археологическая экспедиция, 2008. С. 419–425.

Янина С.А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1946–1952 гг. // МИА. № 42 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР 1954.. С. 424–484.

Информация об авторах:

Волков Игорь Викторович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); planu_2010@mail.ru

Лопан Оксана Витальевна, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); zumbeispiel-1970@mail.ru

REFERENCES

Volkov, I. V. 2008. In Afanas'ev, G. E. (ed.). *Drevnosti Yuga Rossii: pamyati A.G. Atavina (Antiquities of the South of Russia: In Memory of A.G. Atavin)*. Moscow: "TAUS" Publ., 494–501 (in Russian).

Volkov I.V., Lopan O.V. 2018. In *Arkheologiiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 5, 204–209 (in Russian).

Gazimzianov, I. R. 1997. In Starostin, P. N., Izmailova, S. Yu. (eds.). *Gumanisticheskie traditsii Zapada i Vostoka v muzeinom dele Rossii i Tatarstana (Humanistic Traditions of Occident and Orient in the Museology of Russia and Tatarstan)*. Kazan: State United Museum of the Republic of Tatarstan, 19–22 (in Russian).

Lazukin, A. V. 2014. In *Povolzhskaiia arkheologiiia (Volga River Region Archaeology)* 8 (2), 145–164 (in Russian).

Sitdikov, A. G., Sivitskii, M. V., Belyaev, A. V., Khaziev, A. I. In Sitdikov, A. G., Valiev, R. R., Starkov, A. S. (comp.). *Arkheologicheskie issledovaniia 2015 g.: Bolgar i Sviiazhsk (Archaeological Studies in 2015: Bolgar and Sviyazhsk)*. Kazan: "Kazanskaia nedvizhimost" Publ., 23–24 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 2003. *Denezhnoe delo Zolotoi Ordy (Coinage of the Golden Horde)*. Moscow: "Paleograf" Publ. (in Russian).

Fomichev, N.M. 2008. In Kiyashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2006 g. (Historical and Archaeological Studies in Azov and Lower Don Region in 2006)* 23. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Open-Air Museum, 419–425 (in Russian).

Yanina S.A. 1954. In Smirnov, A. P. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 42. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 424–484 (in Russian).

About the Authors:

Volkov Igor V., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; plany_2010@mail.ru

Lopан Oksana V., Senior Researcher, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; zumbeispiel-1970@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2022 г.
Статья принята к публикации 01.12.2022 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

МУСУЛЬМАНЕ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ: В ПОИСКАХ НЕУЛОВИМЫХ СЛЕДОВ¹

© 2022 г. В.Ю. Коваль

Автором рассматривается проблема поиска следов присутствия мусульман на территории расселения славянских племен в Восточной Европе и русского государства (в VIII–XVI вв.). При археологических исследованиях тут не обнаружено ни мусульманских погребений, ни других свидетельств присутствия на это территории мусульман. Между тем, мусульмане (воины, купцы, администраторы) приезжали сюда и проживали подолгу в этих землях. Причина может крыться в недостаточной изученности территории и обособленном размещении мусульманских кладбищ. Большинство артефактов, поступавших на эту территорию из стран ислама, были предметами торговли и не могут прямо свидетельствовать о проживании мусульман. Одним из возможных свидетельств присутствия мусульман на Руси предложено рассматривать кумганы, которые служили специальными ритуальными сосудами в исламской среде. При этом те же сосуды могли использоваться и как столовые, поэтому использовать такой критерий надо с большой осторожностью.

Ключевые слова: археология, торговля, погребальный обряд, кладбища, ритуалы, кумган.

MUSLIMS IN MEDIEVAL RUS: IN SEARCH OF SUBTLE TRACES²

V. Yu. Koval

The problem of finding traces of the presence of the Muslims in the areas of the settling of Slavic tribes in Eastern Europe and the Russian state (in the VIII–XVI centuries) is considered by the author. The archaeological studies have not revealed here any Muslim burials or other evidence of the presence of the Muslims in this territory. Meanwhile, the Muslims (warriors, merchants, administrators) came here and lived for a long time in these lands. The reason may lie in the lack of studying the territory and the isolated location of the Muslim cemeteries. Most of the artifacts that came to this area from the countries of Islam were trade items and cannot directly testify to the residence of the Muslims. One of possible evidences of the presence of the Muslims in Rus is considered by the author as the kumgans, that used as special ritual vessels in the Islamic society. At the same time, these vessels could also be used as tableware, so this criterion should be used with a great care.

Keywords: archaeology, trade, burial rite, cemeteries, rituals, kumgan.

Восточные славяне, создавшие государство Русь и принявшие христианство в 988 г., контактировали с мусульманами на всём протяжении своей истории. Начались эти контакты ещё в VIII в., когда купцы-мусульмане, вероятно, впервые появились на территории Восточной Европы и стали скупать пушнину у славянских и финноязычных племен. В 922 г. ислам был официально принят волжскими булгарами, чьё государство стало первой страной ислама на территории Восточной Европы. В 1320-х гг. ислам принял хан монгольского государства «Золотая Орда», в подчинении у которого Русь находилась с 1237 г. до конца XV в. Всё это время (начиная по меньшей мере с X в.) на террито-

рии восточных славян, а затем на землях государства Русь постоянно проживали мусульмане. Эти люди упоминаются в текстах русских летописей под именем «бесермен»: среди них были торговцы, подолгу проживавшие в городах Руси, а с XIV в. к ним добавились и воины Золотой Орды, участвовавшие в походах на Русь или составлявшие контингенты, подчинённые ордынским послам и баскакам. Несомненно, многие из них умирали здесь, так и не вернувшись на свою далёкую родину в Орде или странах Востока.

Тела погибших воинов должны были собирать с полей сражений и где-то хоронить либо вывозить для погребения на родину, в степи. Купцы, несомненно, тоже иногда умирали, и

1 Исследование выполнено в рамках госзадания Института археологии РАН по теме «Города в культурном пространстве Северной Евразии в средневековье» (№ НИОКТР 122011200266-3).

2 This research was carried out within the framework of the state task of the Institute of Archaeology RAS on the topic "Cities in the cultural space of Northern Eurasia in the Middle Ages" (No. R&D 122011200266-3).

тогда единоверцы-мусульмане должны были хоронить их по мусульманскому обряду. Этот обряд имеет специфические черты в положении тела умершего в могиле (поворот головы лицом на кыблу, небольшой разворот туловища вправо, слегка согнутая в колене правая нога). Однако до сих пор на территории Руси, занятой славянским населением, такие мусульманские захоронения не найдены. Без всякого сомнения, они располагались отдельно от славянских языческих кладбищ и тем более – от христианских прицерковных некрополей, т. е. были изолированными и, вероятно, размещались за пределами городов и сельских поселений. Этим, вероятно, и объясняется тот факт, что мусульманские погребения пока не обнаружены археологами на территории Руси. Предполагать, что тела всех умерших мусульман вывозили на Родину, – нет достаточных оснований: такой вывоз в эпоху средневековья было очень сложно осуществить – он мог проводиться только в зимнее время. Впрочем, холодное время на Руси занимает почти половину года, так что хотя бы частично умерших мусульман всё же могли вывозить, прежде всего – в Волжскую Булгарию, ближайшую мусульманскую страну, а начиная с XIV в. уже и во всю степную зону. Разумеется, можно предполагать, что захоронения мусульман совершались на временных кладбищах, с тем чтобы через некоторое время можно было бы вывезти кости умерших, однако письменные источники ничего не сообщают про подобные эксгумации и даже про саму их возможность с точки зрения шариата. Следовательно, остаётся только надеяться на удачу в поиске мусульманских погребений на территории Руси.

Какие ещё следы своего присутствия могли оставить мусульмане в зонах расселения славян-язычников и русских-христиан? Выявление таких следов – очень сложная задача, поскольку мусульмане не имеют специфических атрибутов веры, изготовленных из неорганических материалов, которые помогли бы установить их былое присутствие в том или ином месте. Этим они отличаются от христиан, присутствие которых определяется по таким характерным символам, как кресты (нательные, памятные, поклонные, напрестольные и другие), а также бронзовые иконки. Знак креста, вырезанный или процарапанный на предмете, также может служить признаком присутствия христиан (хотя не всякий крест можно расценивать как символ христианства: крест всегда был одним из самых распространённых графем во всех

культурах мира). У мусульман такого знака не было, а необходимый для совершения намаза молитвенный коврик, созданный из органических материалов, не имел шанса сохраниться в земле.

Казалось бы, поиску следов мусульман могли бы помочь разнообразные вещи с надписями арабским шрифтом (ткани, украшения, предметы вооружения и др.), сохранившиеся в сокровищницах аристократии и ныне находящиеся в фондах музеев. Однако все эти вещи были предметами торговли, и их широко использовали славяне (как язычники, так и христиане), поскольку не понимали смысла надписей, принимая их за изысканный орнамент. Хорошо известно использование тканей с арабскими и псевдоарабскими надписями даже на литургических облачениях высших иерархов русской церкви. В качестве примера приведём Малый саккос, приписываемый митрополиту Фотию, но изготовленный, вероятно, в 1430-х гг. для митрополита Исидора, а позже полностью переделанный, в котором использованы полосы со стилизованными псевдоарабскими надписями, копирующими мусульманский символ веры «Нет бога, кроме аллаха» (Качанова, 2011, с. 387, 394) (рис. 1). Видимо, такие надписи (фактически нечитаемые) расценивались в качестве орнамента даже самыми образованными людьми своего времени (священнослужителями), что позволяло помещать их даже на литургическом облачении.

Хорошо читаемые арабские надписи в изобилии украшали роскошные предметы вооружения (шлемы, щиты, сабли), поставившиеся на Русь из Ирана и Турции в XVI–XVII в. и известные нам сегодня преимущественно по собранию Оружейной палаты Московского Кремля. В этих надписях многократно встречается слово «аллах», а сами они представляли собой цитаты из Корана или иные мусульманские благопожелания. Но все эти предметы являлись импортами и находились в пользовании у русской аристократии (вне зависимости от её генетического происхождения).

Арабские надписи (включая исламский символ веры) копировались на первых русских монетах в конце XIV – начале XV в., но это копирование не указывает на восприятие восточных «культурных ценностей», включая ислам, а имело исключительно политические мотивы, прежде всего, прокламацию зависимости от ордынских правителей. Таким образом, и эти предметы ни в коем случае не

Рис. 1. Вышитая золотом псевдоарабская надпись на краю малого саккоса митрополита Фотия
(фото из свободного интернет-ресурса).

Fig. 1. Embroidered in gold pseudo-Arabic inscription on the edge of the small sakkos of Metropolitan Photius
(photo from a free Internet resource).

свидетельствуют о присутствии мусульман в пределах Руси.

Не могут расцениваться в качестве следов пребывания на Руси мусульман и другие импортные предметы: одежда из хлопчатобумажных и шёлковых тканей, керамическая и металлическая посуда, изготовленная в странах Востока, поскольку все эти вещи представляли собой предметы торговли, которые покупались и использовались русскими людьми. Разумеется, косвенно они указывают на присутствие мусульман, ведь доставка таких импортов на Русь могла осуществляться купцами-мусульманами. Но не следует забывать, что в торговле восточными импортами принимали участие и русские купцы православного вероисповедания, которые ездили за товарами как в Орду, так и в Иран (вспомним тут знаменитого тверского купца Афанасия Никитина). Восточные (т. е. изготовленные в исламских странах) товары настолько широко были распространены в быту Руси с VIII по XVII в., что предметы импорта этого времени нельзя признавать за явное свидетельство присутствия в Восточной Европе самих мусульман. Они лишь указывают на многообразие торговых связей Руси с миром исламского Востока.

Не стало больше следов присутствия мусульман в русских землях и во второй половине XVI – XVII в., после того, как Московское царство включило в свой состав обширные территории, населённые мусульманами (в 1552 г. – Казанское ханство, в 1556 г. – Астраханское ханство, в 1582 г. – Сибирское ханство). И это несмотря на то, что в это время приток мусульман на территорию, заселённую прежде исключительно русскими православного вероисповедания, существенно вырос.

Таким образом, надо констатировать, что сегодня нет ясных критериев, по которым можно было бы определить присутствие в том или ином месте мусульман по археологическим материальным остаткам. В этой связи представляется важным рассмотреть одну из категорий предметов материальной культуры, которая может быть одним из претендентов на роль индикатора присутствия мусульман на Руси.

Речь идет о такой специфической форме посуды, как появившиеся в конце XIV в. в Москве кумганы (тюркск.; арабск. «афтафа», персид. «афтоба», узбекск. «абдаса») – кувшины с трубчатым носиком, которые сейчас используются мусульманами всего мира для омовений перед совершением намаза. И хотя нет никаких письменных свидетельств о том, что эти сосуды применялись для той же самой цели в Средневековье, можно предположить, что уже тогда одним из главных предназначений этих сосудов было служить гигиеническим целям (ритуальное омовение, а также мытьё рук и т. п.).

Вопрос о времени появления кумганов/афтафа в странах Востока и начале их использования в гигиенических целях никогда не рассматривался в научной литературе. В музеях мира и коллекциях археологических раскопок известны медные и керамические кумганы. Первые – чрезвычайно редки, поскольку в основной своей массе шли на переплавку как источник металла, а вот керамические – прекрасно фиксируются в археологическом материале. Но конкретное назначение этих сосудов определить крайне сложно.

В странах исламского Востока кумганы/афтафа известны достаточно широко, хотя их археологические датировки не всегда конкретны (Avisar, Stern, 2005, fig. 45: 2, 3,

9, pl. XXX, 2–4; Cytryn-Silverman, 2010, pl. 9.27: 8, 9; 9.34: 3; photo 9.30). В раннеисламский период (VII–X в.) такие сосуды были ещё редкостью, о чём свидетельствует единственная (на многие тысячи иных форм) находка керамического кумгана в слоях VII–VIII в. из раскопок в Иерихоне (Голофаст, 2020, с. 88, 89). В Палестине керамические кумганы становятся массовым явлением лишь в начале XIII в. (Avisar, Stern, 2005, p. 110, 111), бытуя в дальнейшем вплоть до современности. Аналогичная ситуация наблюдается и для металлических кумганов: в X–XI в. они известны только по единичным сохранившимся образцам (Ward, 1993, fig. 48), однако начиная с XIII в., судя по музейным коллекциям, они получают широкое распространение (Atıl et al., 1985, p. 117, 120, 121). Медные кумганы простых (усечённо-конических) форм были довольно широко распространены и в Волжской Булгарии уже начиная с домонгольского времени, о чём свидетельствует сводка их находок, составленная К.А. Руденко (2000, с. 77, 78, рис. 17–23).

Ещё более важны данные, предоставляемые керамикой Волжской Булгарии, поскольку её поселения существовали длительный период – с X по XV в., а керамика сохраняется лучше металлических изделий. На памятниках домонгольского времени кумганы, как особая функциональная форма сосуда, исследователями ранее вовсе не выделялись (Хлебникова, 1984; Кокорина, 2002), а вот с наступлением золотоордынского времени они появляются в городах и при том в заметном количестве (Хлебникова, 1989, рис. 34: 8; 39: 1–2; 42: 1; Кокорина, 2002, рис. 72: 3–6; 73: 10; 74: 8; 75: 7; 77: 1, 6). К сожалению, никаких подсчётов количества функциональных форм посуды исследователями в XX в. не проводилось, поэтому невозможно определить, как широко были распространены кумганы и какую долю они составляли в структуре форм керамики в Болгаре, Биляре, на Русско-Урматском селище и в др. местах. Причина тут ещё кроется и в том, что кумганы не выделялись в отдельную функциональную форму, а рассматривались в качестве одной из разновидностей кувшинов, группировка которых проводилась по форме тулова и его общим пропорциям.

Впервые попытка выделить кумганы из общей массы кувшинообразных сосудов и провести соответствующие подсчёты была предпринята в Болгаре в ходе совместных исследований Институтов археологии РАН и АН Татарстана в 2015 г. Это позволило уста-

новить, что в слоях золотоордынского времени узнаваемые обломки кумганов составляли не менее 7% всех кувшинообразных форм¹. Это очень заметная доля, которая в реальности была, вероятно, несколько выше, поскольку к числу кумганов могли принадлежать и другие обломки кувшинообразных (судя по горловинам) сосудов, трубчатые носики которых не попали в раскоп. Точно указать момент начала производства в Болгаре кумганов пока сложно, однако впервые развал кумгана был зафиксирован в комплексе домонгольского времени (яме 419, относившейся к слою V стратиграфической шкалы Болгарского городища) только в 2020 г. (рис. 2: 1). В раннезолотоордынском горизонте (второй половины XIII – начала XIV в.) слоя IV пока зафиксированы лишь отдельные обломки таких сосудов, а вот в позднезолотоордынском горизонте (второй четверти XIV – начала XV в.) их находки становятся действительно массовыми, причём встречаются уже развалы целых кумганов или крупных их частей (рис. 2: 2; 3; 4).

Таким образом, материалы Болгара свидетельствуют о появлении кумганов, как особой формы посуды, уже в XII в., но широкое распространение эта форма получила не сразу, а начиная лишь с середины XIII в. Кумганы могли использоваться не только как гигиенические сосуды, но и для сервировки стола. О таком их назначении свидетельствуют находки золотоордынских монет с изображениями кумгана и стоящей рядом чаши, относящихся ко времени правления Тохтамыша (Клоков, Лебедев, 2002, с. 98, рис. 13: 19, а, б). Помещение на монету сосуда гигиенического назначения, конечно, маловероятно. Таким образом, монетный материал показывает, что в конце XIV в. кумганы могли использоваться в Орде в т. ч. и как столовая посуда. Впрочем, они могли быть полифункциональны по своему назначению и простые керамические кумганы вполне могли применяться для омовений перед намазом. При этом наряду с ними для тех же ритуальных гигиенических целей могли использоваться и другие кувшинообразные сосуды. В целом же кумган/афтафа стал восприниматься в исламском мире как преимущественно гигиенический сосуд, видимо, относительно поздно (конкретные даты указать пока сложно).

На территории Руси самый ранний медный кумган зафиксирован в Великом Новгороде в хозяйственной яме конца XIII в. (Олейников, Руденко, 2013, с. 144). Он имел прямые морфо-

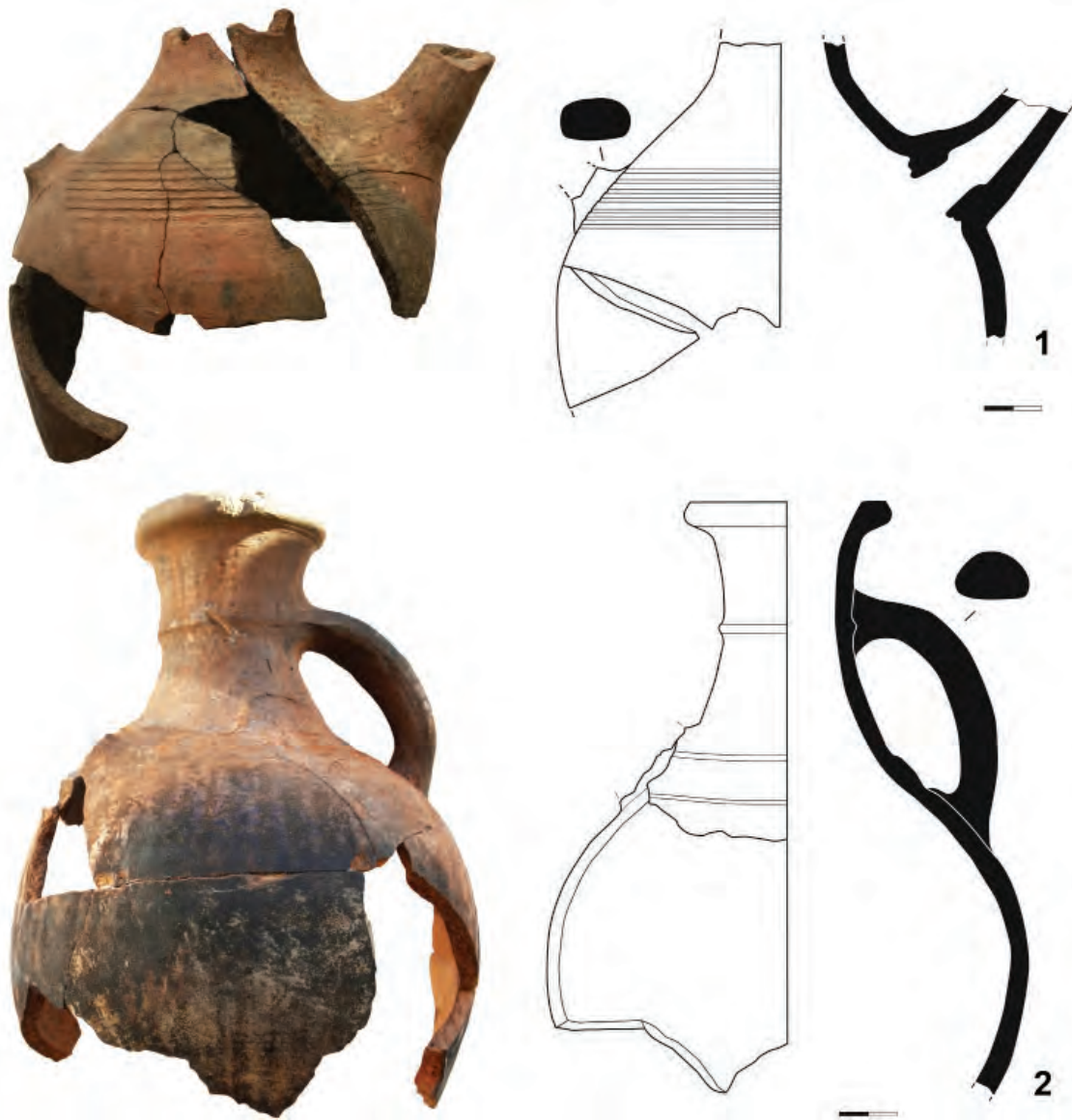

Рис. 2. Кумганы Болгарского городища из горизонтов домонгольского времени (1) и второй четверти XIV в. (2). Фото автора. Шифры находок: 1 – 2020-СХСП-42к; 2 – 2020- СХСП-7к (Здесь и далее шифр включает: год раскопок – номер раскопа – номер находки полевой описи. Буква «к» у номера находки указывает на то, что находка имеет номер по описи керамического материала).

Fig. 2. Kumgans of the Bolgar fortified settlement from the horizons of the pre-Mongol time (1) and the second quarter of the 14th century (2). Photo of the author. Codes of the findings: 1 – 2020-СХСП-42k; 2 – 2020-СХСП-7k. (Hereinafter the code includes the year of excavations – number of the excavation – number of finding according to the field list.

The letter "k" at the finding number indicates that the finding has a number on the list of ceramic material).

логические аналогии среди медных кумганов и кружек, найденных в Болгаре и на других поселениях Волжской Булгарии золотоордынского времени. Второй медный кумган был найден в Москве ещё в 1842 г., этот сосуд был использован как контейнер дляклада, состоявшего из долговых расписок и других подобных документов, обнаруженного в подольной части Кремля при земляных работах (Панова, 1996, с. 80–82). К сожалению, сам этот сосуд не сохранился, но на полях документа, зафиксировавшего факт находки, был сделан рису-

нок этого сосуда, по которому видно, что этот кумган был по форме идентичен новгородскому и болгарским (Панова, 1996, рис. на с. 81) (рис. 5). Владельцем документов, сокрытых в кумгане, а, значит, и самого этого сосуда, мог быть боярин Тимофей Васильевич Вельяминов (умер после 1389 г.) (Кучкин, 1995), который, конечно, не имел никакого отношения к исламу.

Что касается присутствия мусульман в Кремле, то свидетельства об этом имеются, хотя и косвенные. Прежде всего, речь идёт о

Рис. 3. Кумганы Болгарского городища из горизонтов второй четверти XIV в. (1, 2), середины XIV в. (3) и второй половины XIV в. (4). Фото автора. Шифры находок: 1 – 2016-СХСII-1979; 2 – 2015-СХСII-893; 3 – 2016-СХСII-2029; 4 – 2017-СХСII-1139.

Fig. 3. Kulgans of the Bolgar fortified settlement from the horizons of the second quarter of the 14th century (1, 2), mid-14th century (3) and the second half of the 14th century (4). Photo of the author. Codes of findings: 1 – 2016-СХСII-1979; 2 – 2015-СХСII-893; 3 – 2016-СХСII-2029; 4 – 2017-СХСII-1139.

московской берестяной грамоте № 3 с перечнем имущества некоего Тура-бея, найденной здесь же, на Подоле Кремля, неподалёку от усадьбы Вельяминова, и датированной рубежом XIV–XV в. как по археологическому контексту, так и исходя из перечня исторически известных лиц, поставивших свои подписи на грамоте (Гиппиус и др., 2011). Имя «Тура-бей» чисто тюркское, причём указывающее на его аристократический род (бей). В Москве этот представитель ордынской аристо-

кратии, владевший двором в Кремле и значительным имуществом за пределами города, мог оказаться только в том случае, если он перешёл на службу к московскому великому князю (такие случаи известны и особенно участились к концу XIV в.). Тот факт, что Тура-бей сохранил своё имя (не поменяв его на православное), свидетельствует о том, что он не был крещён и продолжал сохранять своё вероисповедание, которого он придерживался в Орде. Разумеется, наряду с мусульманами,

Рис. 4. Кумган из горизонта второй половины XIV в.

Фото автора. Шифр находки: 2014-СХСП-742.

Fig. 4. Kumgan from the horizon of the second half of the 14th century.

Photo of the author. Code of findings: 2014-СХСП-742.

там имелись и язычники-тенгристы, и буддисты, и христиане, включая католиков, однако именно ислам к концу XIV в. завоевал в Орде самые сильные позиции, причём прежде всего в аристократической среде (Васильев, 2007; Иванов и др., 2021, с. 103). Наряду с Тура-беем в документе упоминаются другие восточные имена: Елбуга, Байрам, Ахмед, Онташ. Среди них имена Байрам и Ахмед уже прямо мусульманские, свидетельствующие о том, что они происходили из мусульманских семей и сохранили свои мусульманские имена после переезда в Москву.

Какого бы вероисповедания не придерживался Тура-бей, он, несомненно, был богатым человеком, на что указывают и обломки разнообразной импортной керамики, найденной в том же погребе (постройке Т-117), где была найдена упомянутая берестяная грамота (Коваль, 2015, с. 271–278). Наряду с этими импортами там же были найдены обломки керамического глазурованного кумгана, который по деталям формы (прямой тонкостенный трубчатый носик) был чрезвычайно близок болгарским керамическим кумганам этого же времени (рис. 6). Однако в Волжской

Булгарии глазурованных кумганов в XIV в. не производили (не известно ни одной находки), а состав формовочной массы сосуда и невысокое качество глазури позволяют утверждать, что этот кумган был изготовлен русским мастером (Коваль, 2018, с. 429, рис. 8: 2). При этом для центральных районов Руси рубежа XIV–XV в. он является уникальной находкой. Явная связь этого кумгана с усадьбой Тура-бея позволяет допускать, что этот сосуд мог использоваться своим хозяином или кем-то из его мусульманского окружения (например, людьми с именами Байрам и Ахмед) не только как столовый сосуд, но и как ручной или даже гигиенический ритуальный сосуд. В соответствии с канонами ислама мусульманин должен 5 раз в день совершать намаз и перед этим совершать омовение. Учитывая уникальность формы сосуда и явное изготовление его на заказ, по восточному образцу, гигиеническое его назначение следует считать наиболее вероятным (хотя нельзя исключать и иные варианты).

При этом надо подчеркнуть, что уже в XV в. в ряде мест Руси появились кувшинообразные сосуды местного производства, имев-

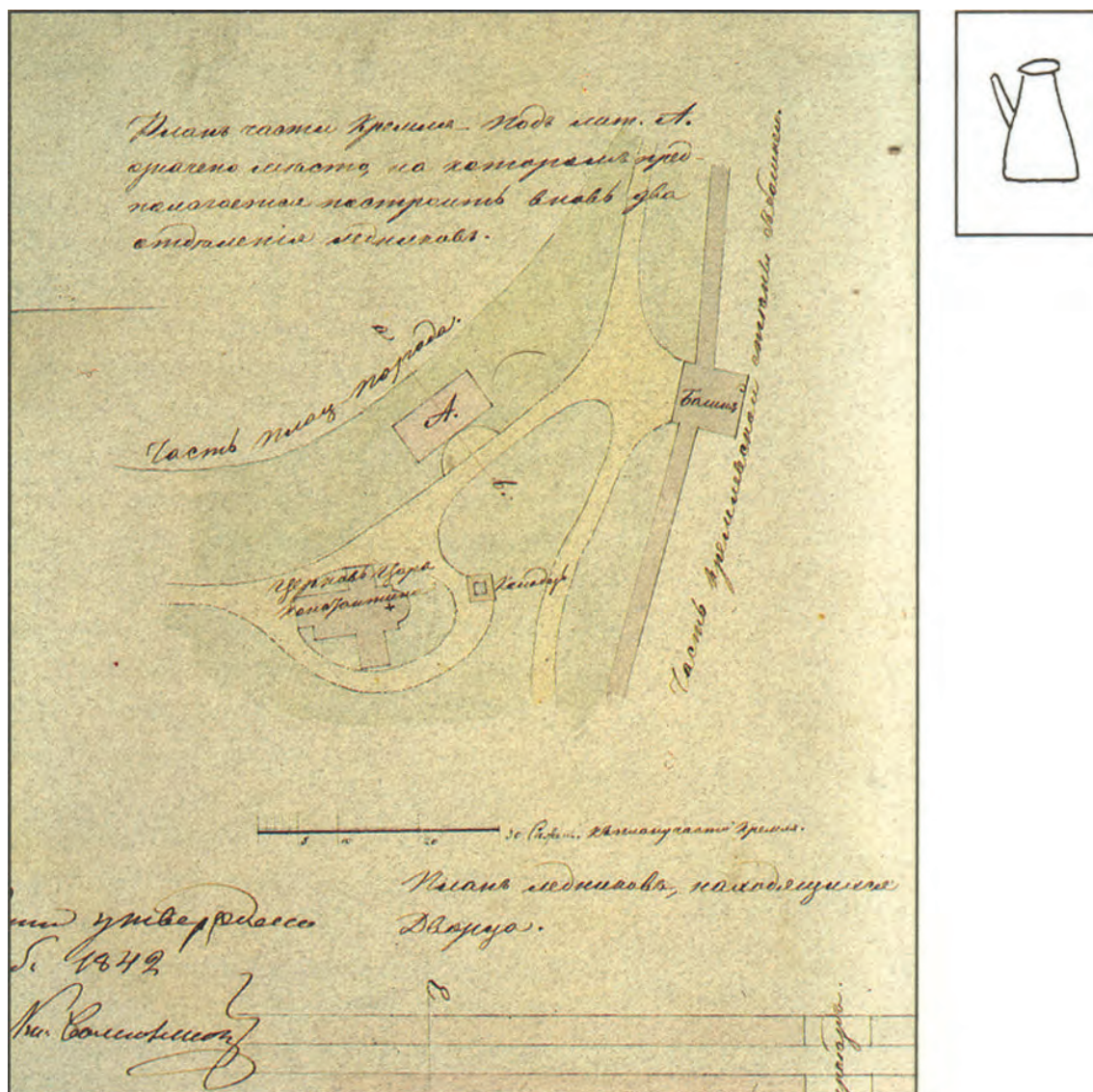

Рис. 5. Копия плана 1842 г. с местом обнаружения пергаменных документов XIV в., на полях которого был зарисован медный кумган, в который были сложены эти документы (по: Панова, 1996, рис. на с. 81).

Fig. 5. A copy of 1842 plan with the discovery place of 14th century parchment documents, on its margins the copper kumgan was sketched; these documents were folded into kumgan (according to Panova, 1996, figure on p. 81).

шие трубчатый носик, которые внешне были очень схожи с мусульманскими кумганами/афтафа, но имели совершенно иное, западноевропейское, происхождение. Изучение истоков этой новой для Руси традиции ещё только начинается, но уже сейчас очевидно, что она никак не связана с восточными (исламскими) гигиеническими сосудами. Тем не менее, нельзя исключать того, что благодаря внешнему сходству со знакомыми как русским, так и их мусульманским соседям, кумганами, эти новые сосуды стали называться тут именно «кумганами». Во всяком случае, это слово сохранилось в великорусском языке в приложении именно к таким формам. Однако в действительности эти европейские по происхождению сосуды правильнее было бы

называть «псевдокумганами» (Коваль, 2019, с. 386–390).

Не ранее конца XV в. псевдокумганы стали изготавливаться в Твери (поливные) (Романова, 2009, рис. 4: 1; 8: 4–6) и Москве (красноглиняные белоангобированные, в т. ч. расписные) (Розенфельдт, 1968, табл. 7: 2, 5, 7, 8; Коваль, 2019, рис. 1: 6). От настоящих восточных кумганов/афтафа они отличались уже тем, что их трубчатый носик был не прямым, а имел S-образный изгиб и соединялся с краем горла вертикальной глиняной пластинкой. Эти сосуды на Руси предназначались для сервировки стола или служили рукомями, но не являлись атрибутом исполнения исламских обрядовых омовений. Поэтому в качестве критерия присутствия мусульман на Руси допустимо

Рис. 6. Фото и графическая реконструкция верхней части глазурованного кумгана из раскопок в Московском Кремле (по: Коваль, 2018, рис. 8: 2).

Fig. 6. Photo and graphic reconstruction of the upper part of the glazed kumgan from excavations in the Moscow Kremlin (according to Koval, 2018, fig. 8: 2).

относить только те кумганы, которые датируются XIII–XIV в. и имеют однозначно восточное происхождение (например, медные) либо прямо копируют восточные (исламские) образцы (а находки такого рода, как было показано выше, единичны).

Гораздо лучше, нежели следы мусульман, отслеживаются на Руси свидетельства присутствия степняков. Такими следами являются, например, металлические зеркала, широко распространённые в обиходе женщин-степнячек, каменные и чугунные котлы, свойствен-

ные кочевому быту, и некоторые другие специфические предметы (Коваль, 2010), однако они говорят об иноэтничном, а не иноконфессиональном компоненте населения.

Таким образом, круг однозначных материальных свидетельств присутствия мусульман на Руси пока остаётся очень узким. Между тем нет сомнений в том, что число приверженцев ислама на Руси было достаточно заметным (особенно после середины XIV в.), и поиск следов их бывшего присутствия здесь остаётся важной научной задачей.

Благодарность:

Благодарю А.И. Бугарчева (Институт археологии АН Татарстана) за подробную консультацию. В данном случае речь идёт о монете, чеканенной в 1388 г. при хане Тохтамыше.

Примечание:

1 Расчёт проведён для слоя золотоордынского времени (слоя IV) и ям, принадлежавших этому слою (16 экз. из 236 обломков, диагностированных принадлежащих кувшинам). Данные взяты из статистической таблицы, подготовленной А.А. Куклиной.

ЛИТЕРАТУРА

- Васильев Д.В.* Ислам в Золотой Орде. Астрахань: Астраханский университет, 2007. 192 с.
- Гиппиус А.А., Зализняк А.А., Коваль В.Ю.* Берестяная грамота из раскопок в Московском Кремле // Московский Кремль в XV столетии. Древние святыни и исторические памятники. Т. 1 / сост. и отв. ред. С.А. Беляев, И.А. Воронникова М.: Арт-Волхонка, 2011. С. 452–455.
- Голофаст Л.А.* Керамика Иерихона позднеантичного и средневекового периодов (V–XV вв.). М.: Индрик, 2020. 160 с.
- Иванов В.А., Проценко А.С., Русланов Е.В.* Погребения с признаками мусульманского обряда у кочевников Золотой Орды // Поволжская археология. 2021. № 4 (38). С. 94–107.
- Качанова И.М.* Проблемы атрибуции Большого и Малого саккосов // Московский Кремль в XV столетии. Древние святыни и исторические памятники. Т. 1 / сост. и отв. ред. С.А. Беляев, И.А. Воронникова М.: Арт-Волхонка, 2011. С. 380–394.
- Клоков В.Б., Лебедев В.П.* Монетный комплекс с Селитренного городища (Золотая Орда, город Сарай) // Древности Поволжья и других регионов. Вып. IV. Нумизматический сборник. Т. 3 / Гл. ред. П.Н. Петров. М.: Информэлектро, 2002. С. 73–165.
- Коваль В.Ю.* Ордынцы на Руси // Русь и Восток в IX–XVI веках: новые археологические исследования / Отв. ред. Н.А. Макаров, В.Ю. Коваль. М.: Наука, 2010. С. 76–85.
- Коваль В.Ю.* Импортная керамика Московского Кремля по материалам раскопок на Подоле в 2007 г. // Археология Подмосквья: Материалы научного семинара. Вып. 11 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2015. С. 254–286.
- Коваль В.Ю.* Керамика из раскопок на Подоле Московского Кремля. Малосерийные группы // Археология Подмосквья: Материалы научного семинара. Вып. 14 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2018. С. 414–441.
- Коваль В.Ю.* Московская чернолощенная посуда // Археология Подмосквья: Материалы научного семинара. Вып. 15 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2019. С. 383–400.
- Кокорина Н.А.* Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV веков (к проблеме преемственности болгарской и болгаро-татарской культур). Казань: Институт истории АН РТ, ИА РАН, 2002. 383 с.
- Кучкин В.А.* Автограф сподвижника Дмитрия Донского // Родина. 1995. № 2. С. 23–26.
- Олейников О.М., Руденко К.А.* Медный кумган XIII в. из Великого Новгорода // РА. 2013. № 2. С. 144–148.
- Панова Т.Д.* Клады Кремля. М.: Музеи Московского Кремля, 1996. 136 с.
- Розенфельдт Р.Л.* Московское керамическое производство XII–XVIII вв. / САИ. Вып. Е1-39. М.: Наука, 1968. 124 с.
- Романова Е.А.* Поливная посуда XIV–XVI вв. из раскопок в Твери // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 23. Материалы научной конференции, посвященной 80-летию академика РАН В.Л. Янина. (Великий Новгород, 27-29 января 2009 г.) / Отв. ред. ??? Великий Новгород: Новгородский музей-заповедник, 2009. С. 310–339.
- Руденко К.А.* Металлическая посуда Поволжья и Прикамья в VIII–XIV вв. Казань: Репер, 2000. 158 с.
- Хлебникова Т.А.* Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М.: Наука, 1984. 241 с.
- Хлебникова Т.А.* Неполивная керамика Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 7–102.
- Atil E., Case W.T., Jett P.* Islamic metalwork in the Freer Gallery of Art. Washington: Smithsonian Institution, 1985. 273 p.
- Avissar M., Stern E.J.* Pottery of the Crusader, Ayyubid and Mamluk periods in Israel. Jerusalem: Israel Antiquities Authority, 2005. 178 p.
- Cytryn-Silverman K.* Chapter 9. The Ceramic Evidence // Ramla. Final Report on the Excavations North of the White Mosque. / O. Gutfeld (ed.). Qedem 51. Monograph of the Institute of Archaeology. Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem, 2010. P. 97–212.

Ward R. Islamic metalwork. L.: Thames & Hudson, 1993. 128 p.

Информация об авторе:

Коваль Владимир Юрьевич, кандидат исторических наук, заведующий отделом средневековой археологии, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); kovaloka@mail.ru

REFERENCES

Vasil'ev, D. V. 2007. *Islam v Zolotoi Orde: Istoriko-arkheologicheskoe issledovanie (Islam in the Golden Horde: Historical-Archaeological Research)*. Astrakhan: "Astrakhanskii universitet" Publishing House (in Russian).

Gippius, A. A., Zaliznyak, A. A., Koval, V. Yu. 2011. In Belyaev, S. A., Vorotnikova, I. A. (eds.). *Moskovskiy Kreml' v XV stoletii. Drevnie svyatyne i istoricheskie pamyatniki. (Moscow Kremlin in the 15th century. Ancient shrines and historical monuments)* 1. Moscow: "Art-Volkhonka" Publ., 452–455 (in Russian).

Golofast, L. A. 2020. *Keramika Ierikhona pozdneantichnogo i srednevekovogo periodov (V–XV vv.) (Pottery of Jericho in the Late antiquity and Medieval Ages (V–XV centuries))*. Moscow: "Indrik" Publ. (in Russian).

Ivanov, V. A., Protsenko, A. S., Ruslanov, E. V. 2021. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 38 (4), 94–107 (in Russian).

Kachanova, I. M. 2011. In Belyaev, S. A., Vorotnikova, I. A. (eds.). *Moskovskiy Kreml' v XV stoletii. Drevnie svyatyne i istoricheskie pamyatniki. (Moscow Kremlin in the 15th century. Ancient shrines and historical monuments)* 1. Moscow: "Art-Volkhonka" Publ., 380–394 (in Russian).

Klokov, V. B., Lebedev, V. P. 2002. In Petrov, P. N. (ed.-in-chief). *Drevnosti Povolzh'ia i drugikh regionov (Antiquities of the Volga River Region and Other Areas) IV = Numizmaticheskii sbornik (Numismatic Proceedings)* 3. Moscow: "Informelektro" Publ., 73–165 (in Russian).

Koval, V. Yu. 2010. In Makarov, N. A., Koval', V. Yu. (eds.). *Rus' i Vostok v IX–XVI vekakh: Novye arkheologicheskie issledovaniia (Rus' and Orient in 9th – 16th Centuries: Recent Archaeological Studies)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences; "Nauka" Publ., 76–85 (in Russian).

Koval, V. Yu. 2015. In Engovatova, A. V. (ed.). *Arkheologiya Podmoskov'ia: Materialy nauchnogo seminarra (Archaeology of the Moscow Region: Proceedings of Scientific Seminar)* 11. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 254–286 (in Russian).

Koval, V. Yu. 2018. In Engovatova, A. V. (ed.). *Arkheologiya Podmoskov'ia: Materialy nauchnogo seminarra (Archaeology of the Moscow Region: Proceedings of Scientific Seminar)* 14. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 414–441 (in Russian).

Koval, V. Yu. 2019. In Engovatova, A. V. (ed.). *Arkheologiya Podmoskov'ia: Materialy nauchnogo seminarra (Archaeology of the Moscow Region: Proceedings of Scientific Seminar)* 15. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 383–400 (in Russian).

Kokorina, N. A. 2002. *Keramika Volzhskoi Bulgarii vtoroi poloviny XI – nachala XV vv.: K probleme preemstvennosti bulgarskoi i bulgaro-tatarskoi kul'tur (Ceramic Ware in Volga Bulgaria during the Second Half of the 11th – Beginning of the 15th Centuries (on the Issue on Succession of the Bulgar and Bulgar-Tatar Cultures))*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardjani, Tatarstan Academy of Sciences; Russian Academy of Sciences, Institute of Archaeology (in Russian).

Kuchkin, V. A. 1995. In *Rodina (Homeland)* (2), 23–26 (in Russian).

Oleynikov, O. M., Rudenko, K. A. 2013. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* 2, 144–148 (in Russian).

Panova, T. D. 1996. *Klady Kremlya (Treasures of the Kremlin)*. Moscow: "Muzei Moskovskogo Kremlya" Publ. (in Russian).

Rozenfeldt, R. L. 1968. *Moskovskoe keramicheskoe proizvodstvo XII–XVIII vv. (Ceramic Production in Moscow in 12th – 18th Centuries)*. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1-39. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Romanova, E. A. 2009. In Yanin, V. L. (ed.). *Novgorod i Novgorodskaya zemlia. Istorii i arkheologiya (Novgorod and Novgorod Land. History and Archaeology)* 23. Veliky Novgorod, 310–339 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2000. *Metallicheskaia posuda Povolzh'ia i Prikam'ia v VIII–XIV vv. (Metal Dishware of the Volga and Kama Regions in 8th – 14th Centuries)*. Kazan: "Reper" Publ. (in Russian).

Khlebnikova, T. A. 1984. *Keramika pamiatnikov Volzhskoi Bulgarii: (K voprosu ob etnokul'turnom sostave naseleniia) (Ceramic Ware of the Volga Bulgaria Sites. On the Issue of Ethnic and Cultural Composition of the Population)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Khlebnikova, T. A. 1988. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (City of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: "Nauka" Publ., 7–102 (in Russian).

Atil, E., Case, W. T., Jett, P. 1985. *Islamic metalwork in the Freer Gallery of Art*. Washington: Smithsonian Institution.

Avissar, M., Stern, E.J. 2005. *Pottery of the Crusader, Ayyubid and Mamluk periods in Israel*. Jerusalem: Israel Antiquities Authority.

Cytryn-Silverman, K. 2010. In O. Gutfeld (ed.) *Ramla. Final Report on the Excavations North of the White Mosque / Qedem 51*. Monograph of the Institute of Archaeology. Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem, 97–212.

Ward, R. 1993. *Islamic metalwork*. London: Thames & Hudson.

Author the Author :

Koval Vladimir Yu. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanova St., 19, Moscow, 117292, Russian Federation; kovaloka@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2022 г.
Статья принята к публикации 01.12.2022 г.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.6.37.58>

ГЕОФИЗИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ ЧУЙСКОЙ ДОЛИНЫ В 2021 Г.¹

©2022 г. В.А. Кольченко, В.Г. Бездудный, Д.К. Тулуш, А.Г. Ситдиков

В статье представлены результаты исследований, проведенных на ряде средневековых городов Чуйской долины, датируемых VI–XII вв. Проведенные работы явились подготовительным этапом для разработки концепции проекта «Средневековые города на трансконтинентальных торговых маршрутах Евразии: урбанистические центры Чуйской долины и Среднего Поволжья». На территории Кыргызской Республики в рамках настоящего проекта исследуется одно из важных направлений распространения средневековых городов в центральной части Чуйской долины – Ак-Суйское ответвление Великого Шёлкового пути. Полученные материалы позволят провести сравнительный анализ строительных технологий и материальной культуры средневекового населения разных частей Чуйской долины между собой и с синхронными памятниками Волго-Уральского региона. Это даст возможность выявить направления трансфера строительных технологий и материальной культуры средневекового населения степной зоны Евразии. В статье дается краткая историческая и историографическая справка, а также основные характеристики городищ Бурана, Сретенское, Сокулукское, Кен-Булун и Тёлёк. Геомагнитные исследования четырех памятников позволили судить о возможных местах расположения магнитных аномалий, характерных для стеновых конструкций, жилых и ремесленных комплексов. Полученные результаты станут основой для выбора участков дальнейших археологических раскопок на объектах.

Ключевые слова: археология, Чуйская долина, средневековье, городище, геофизические исследования, магнитометрия, Кен-Булун, Тёлёк, Бурана, Сретенское, Сокулук.

GEOPHYSICAL STUDIES OF MEDIEVAL CITIES IN THE CHUY VALLEY IN 2021²

V.A. Kolchenko, V.G. Bezdudny, D.K. Tulush, A.G. Sitdikov

The results of studies carried out on a number of settlements of Chuy Valley dated by VI–XII centuries AD are presented in the article. The conducted works were a preparatory stage for the development of the concept of the project “Medieval cities on the Eurasian transcontinental trade routes: urban centers of Chuy Valley and the Middle Volga region”. Within the framework of this project on the territory of Kyrgyz Republic studied one of the important directions of the spread of medieval cities in the central part of Chuy Valley – the Ak-Suu branch of the Silk Road. The obtained materials will make it possible to conduct a comparative analysis of construction technologies and material culture of medieval population of different parts of Chuy Valley between themselves and with synchronous sites of Volga-Ural region. This will make it possible to reveal the transfer directions of building technologies and material culture of the medieval population of the steppe area of Eurasia. The short historical and historiographical review and basic characteristics of Burana, Sretensk, Sokuluk, Ken-Bulun and Telyok hillforts are given. Geomagnetic studies of 4 sites also allow the authors to conclude about possible location of magnetic anomalies what the authors can interpret as walls, living chambers or craft complexes. The results of archaeological works will be basis for selection the places for the future archaeological excavations.

Keywords: archaeology, Chuy valley, Middle Ages, hillfort, geophysical studies, magnetometry, Ken-Bulun, Telyok, Burana, Sretensk, Sokuluk.

1 Работы выполнены в рамках государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2020–2024 гг.)» и гранта Международного института центрально-азиатских исследований (МИЦАИ) №22/2022 на 2022–2023 гг.

2 This work was realized within the framework of the State Program of the Republic of Tatarstan "Preservation of national identity of the Tatar people (2020–2024)" and grant of the International Institute for Central Asian Studies (ICAS) №22/2022 for 2022–2023.

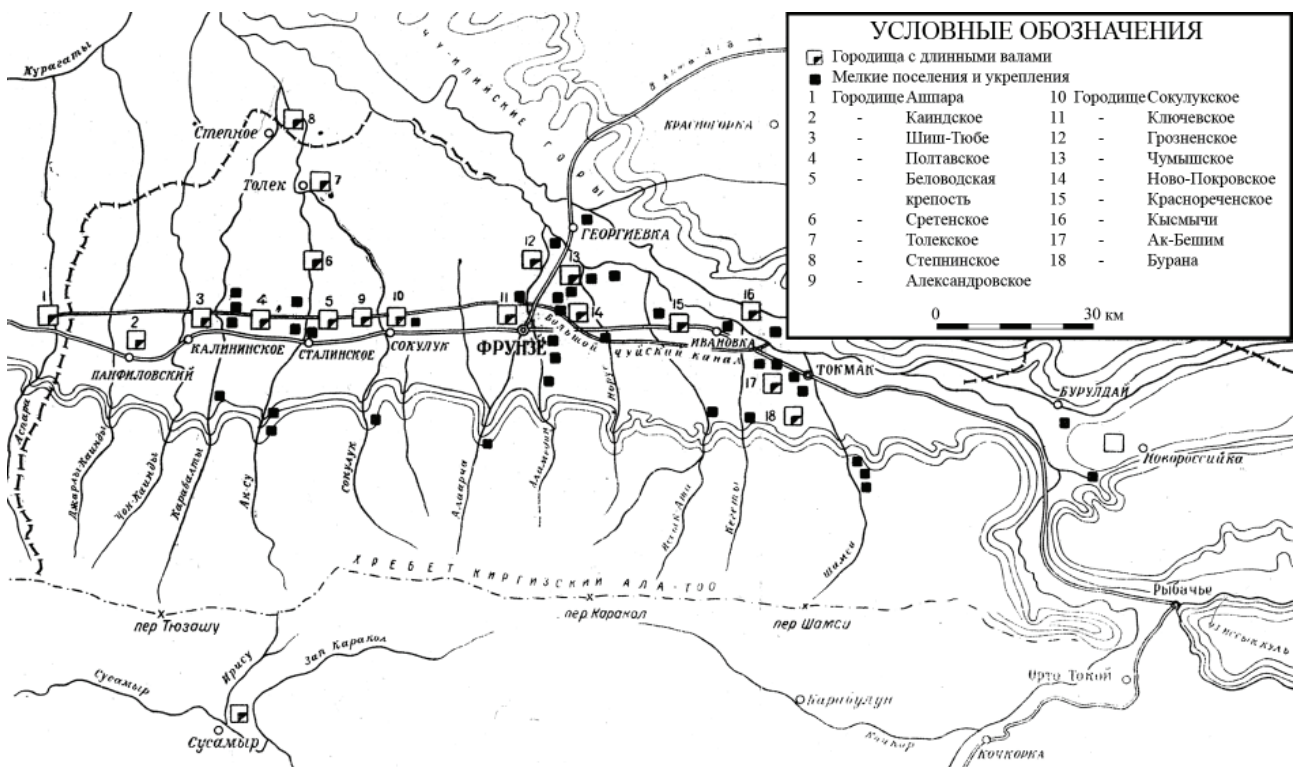

Рис. 1. Археологическая карта раннесредневековых поселений Чуйской долины (по П.Н. Кожемяко, 1959)
 Fig. 1. Archaeological map of early medieval settlements of the Chuy Valley (according to P.N. Kozhemyako, 1959)

В середине 2021 г. стартовал совместный проект археологов Татарстана и Кыргызстана «Средневековые города на трансконтинентальных торговых маршрутах Евразии: урбанистические центры Чуйской долины и Среднего Поволжья». При его подготовке во время рекогносцировочной поездки по городищам Чуйской долины в июле 2021 г. был осмотрен ряд памятников и после анализа увиденного отобрана серия городищ для включения в проект. Это городища Бурана, Кен-Булун, Новопокровское-2, Сокулук, Сретенское и Тёлёк. Было запланировано проведение на них аэрофотографических и геофизических работ, а на городище Новопокровское-2 предполагается обработка ранее найденных на нем находок.

В конце 2021 г. на четырех памятниках: Бурана, Кен-Булун, Сретенское и Тёлёк – были проведены геофизические (магнитометрические) работы; на пятом из ранее намеченных для этих целей памятников – городище Сокулук – проведение магнитометрических исследований оказалось невозможным из-за его технического состояния. Обработка и интерпретация полученных результатов стали первым этапом в реализации вышеозначенного проекта.

Историографический компонент

Предваряя изложение основного содержания, приведём краткие историографические

данные об этих памятниках. Археологическое изучение территории Кыргызстана началось еще в середине XIX в. В.В. Бартольд в 1893–1894 гг. одним из первых собирал сведения о развалинах древних городов Чуйской долины. В отчете о своей поездке он указывает на наличие ряда древних городищ на берегах рек Сокулук, Кара-Балты и Аксу, впадающих в Чу, а также дает отдельные характеристики (примерное местоположение, размер, наименование, версии происхождения) (Бартольд, 1897, с. 18–40). В начале советского периода изучение памятников Киргизии, в том числе Чуйской долины, было связано с именами М.Е. Массона, А.Ю. Якубовского, А. Тереножкина, А.Н. Бернштама и др.

Исследованиями П.Н. Кожемяко, проводившего системные работы в 50-х гг. XX в., была выработана классификация городищ Чуйской долины: городища с длинными стенами (когда вокруг центральных развалин с ныне обвалованными фортификационными сооружениями расположен ещё один ряд стен с радиусом до 1,5–3 км), городища округи (пространственно тяготеющие к первой категории памятников и расположенные около их длинных стен) и городища на выходах горных рек из ущелий (Кожемяко, 1959), а также составлена карта расположения памятников (рис. 1). Из отобранных памятников городища Бурана, Сокулук, Сретенское и Тёлёк отно-

Таблица 1. Размеры городищ, мощность их культурных слоёв и датировка (по П.Н. Кожемяко)
 Table 1. The size of hillforts, the thickness of their cultural layers and dating
 (according to P.N. Kozhemyako)

Название городища, принятая датировка	Размер центральных развалин (шахристана), м	Мощность культурного слоя центральных развалин, м / количество строительных уровней	Периметр «длинных» стен (км) / размер прилегающей освоенной территории – рабада (м)
Бурана, IX-XIII вв.	530×540	до 2,5 (ЮЗ угол)	2 кольца: $P_{\text{внеш}} = 15$
Кен-Булун ¹ , IX-XII вв.	215×160	?	100 (к Ю) × 600 (к В) вдоль террас
Новопокровское-2, VIII-XII вв.	120×120	до 5,6 (СЗ угол) 3 строит. горизонта	Не фиксируется из-за застроенности
Сокулукское, VI – нач. XIII вв.	70×100 (Шахристан-1), 250×500 (всего)	до 8 (разрез БЧК) 3 строит. горизонта	1 кольцо: $P_{\text{рек}} \geq 10$
Сретенское, VI-XII вв.	240×220 (Шахристан-1) 300×350 (всего)	до 4,8; 2 строит. горизонта	2 кольца: $P_{\text{внеш}} = 12,5$
Тёлёк, IX-XII вв.	200×200 (Шахристан-1) 400×400 (всего)	до 6,2; 3 строит. горизонта	1 кольцо с диаметральной делением: $P_{\text{внеш}} = 9,5$

1 Данные о городище Кен-Булун у П.Н. Кожемяко нет; они приведены по более поздним исследованиям

связаны к первой категории, а Кен-Булун и Новопокровское-2 – ко второй. Данные о площади, мощности культурных наслоений и предложенной П.Н. Кожемяко датировке городищ приведены в табл. 1.

Наиболее известным из вышеуказанных памятников является **городище Бурана**, названное так по сохранившемуся на нем минарету X в., фигурирующему в литературе с XIX в. как «башня Бурана» (рис. 2). Оно отождествляется со средневековым городом Баласагун – одной из столиц государства караханидов в X в. и каракитаев (киданей, Си Ляо) в XII в.

Несмотря на частые, начиная с середины XIX в., упоминания городища и его минарета, документированные раскопки проводились лишь трижды – в середине 80-х гг. XIX в., в 50-х и 70–80-х гг. XX в.

Городище расположено в восточной части Чуйской долины в 50–60 км к востоку от г. Бишкека. Оно занимает относительно ровную поверхность, перерезаемую посередине руслом небольшой речки Бурана. Заметим, что в южной части городища рекой промыт каньон глубиной до 3–5 м, в то время как с севера – 1,5–2 м. В бортах каньона на значительную глубину виден культурный слой, т. е. в период жизни города русло реки было иным, но в современном рельефе оно не прослеживается.

Бурана относится к категории городищ с длинными стенами. Центральные развалины (шахристан), обнесенные четырехугольником

обвалованных крепостных стен (620×520 м), расположены на западном берегу р. Бураны (рис. 3). Северо-восточный угол смыт рекой, причем восточная стена и восточная часть южной стены отсутствуют в своем основном объеме, но, вероятно, сохранились в нижней части. Восточная стена шириной 13 м просле-

Рис. 2. Башня на городище Бурана
 Fig. 2. Tower at the Burana hillfort

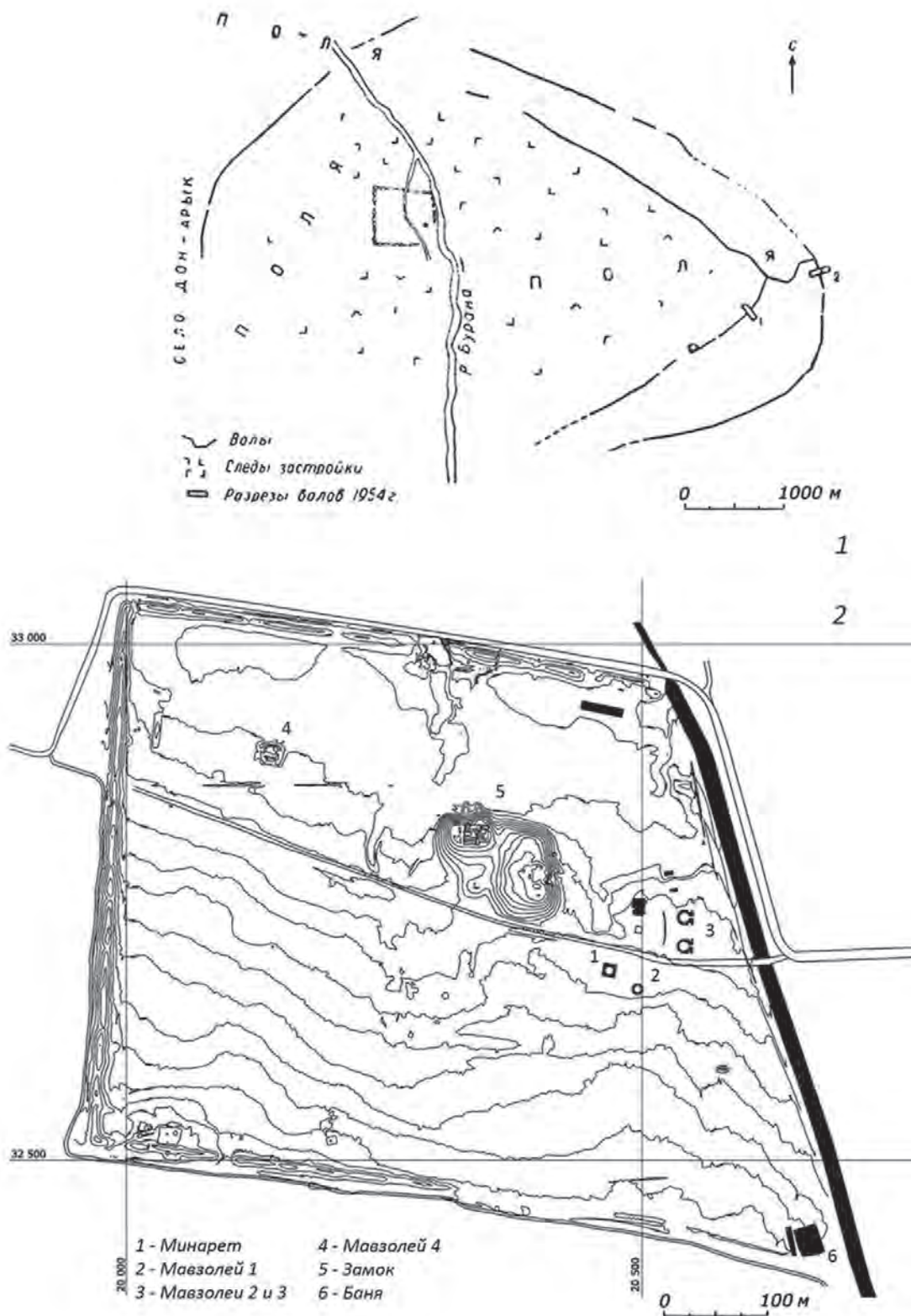

Рис. 3. План городища Бурана
 Fig. 3. Map of the Burana hillfort

жена на высоту в 1 м в средней части, хотя фактически не выделяется в рельефе.

По данным шурфовки 1954 г. мощность культурного слоя центральных развалин была определена до 2,5 м без оснований для разделения их на строительные горизонты (Жоже-

мяко, 1959, с. 128), а время существования городища отнесено к IX–XIV вв.

Почти посередине центральных развалин с юга на север городище пересекает русло отвода реки или канала. В центре, на восточном его берегу, находятся сросшиеся оплывами холмы

– два больших и один поменьше. На западном из них в третьем (нижнем) строительном горизонте был вскрыт замок с т. н. коридорно-гребенчатой планировкой. Его изучение было проведено под руководством Л.М. Ведутовой в середине 80-х гг. Материалы и планы остаются неизданными; обобщённо их интерпретировал Г.Л. Семёнов (Семёнов, 2000).

В 70–80 м восточнее находится сооружённая из жжёного кирпича «башня Бурана» – сохранившийся 24-метровый минарет, составляющий примерно 3/4 своей первоначальной высоты, с квадратным в плане основанием, восьмигранным цоколем и круглым стволом; невысокий вход на внутреннюю винтовую лестницу начинается выше цоколя на уровне 5,3 м от земли.

Ещё в 20 м восточнее – нижняя часть мавзолея 1 из жжёного кирпича, восьмигранного в плане, выявленного археологом Д.Ф. Винником в начале 70-х гг. XX в. при расчистке пространства вокруг минарета. Мавзолей, как сообщается, был возведен на материке. В нем тогда же было вскрыто 10 безынвентарных погребений-группоположений с северной ориентировкой головы. Позднее к юго-востоку от мавзолея раскопом Р-12 (Л.М. Ведутова, С.С. Тур) было вскрыто более десятка погребений: все они с северной ориентацией головы, неглубокие, грунтовые, в ряде случаев с обкладкой могильной ямы жжёным кирпичом.

В 70–80 м к северо-востоку от минарета Д.Ф. Винником были обнаружены и раскопаны нижние части ещё двух мавзолеев (2 и 3) из жжёного кирпича – с круглой в плане погребальной камерой и выделенным, обращённым на восток порталом. Причём эти порталы располагались в 15–20 м от реконструируемой линии крепостной стены, т. е. фактически упирались в неё. В каждом из них было расчищено более 10 погребений, также безынвентарных и с северной ориентацией головы. Таким образом, пространство к северо-востоку, востоку и югу от минарета можно считать средневековым кладбищем, а сам минарет – кладбищенским.

В те же 70-е гг. было обнаружено (Д.Ф. Винник) и в середине 80-х гг. XX в. докопано (В.Д. Горячева и С.Я. Перегудова) ещё одно сооружение из жжёного кирпича (16,3×14 м), интерпретированное как мавзолей 4 или мечеть. Это здание расположено в северо-западной части центральных развалин.

В юго-западном углу центральных развалин в середине 1970-х гг. под руководством

Б.Э. Аманбаевой была раскопана часть жилого/бытового строения с неплохой сохранностью стен, но более подробная информация об этом не опубликована.

Некоторое количество раскопов было заложено за пределами центральных развалин. В конце XIX в. в 1,5 км к югу от центральных развалин на городище было найдено несколько надгробных христианских камней и произведены раскопки 37 погребений (Кольченко, 2019б). В 50 м юго-восточнее центральных развалин Д.Ф. Винником в 1970-х гг. были раскопаны остатки бани из жжёного кирпича, вблизи от неё Л.М. Ведутовой в 1985 г. – участок водопровода в две линии из керамических труб, одна из которых отворачивала в баню. В 3 км к юго-востоку от центральных развалин, но внутри кольца длинных стен в 1972–1974 гг. В.Д. Горячева раскопала отдельно стоящую усадьбу (Массон, Горячева, 1985, с. 62–63). В 1977 г. М. Кубатбеков в 100 м к юго-западу от центральных развалин вскрыл отдельно стоящее тепе.

С 1976 г. центральные развалины городища Бурана являются музеем под открытым небом, а в 2014 г. оно целиком вошло в Список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО как часть серийной номинации «Шелковый путь: сеть маршрутов Чанань – Тянь-Шанского коридора».

Городище Кен-Булун расположено в 15 км к северо-западу от Бураны и 40 км к востоку от Бишкека. Его центральные развалины пятиугольной конфигурации стоят на северном краю первой надпойменной террасы р. Чу¹ и западном борту рельефной складки (террасы) одного из старых русел р. Кегеты (приток р. Чу). С юга и востока к центральным развалинам примыкает пространство с явными признаками культурного слоя, скрывающего достаточно плотную застройку; с востока это пространство ограничено другим руслом р. Кегеты. Крепостных стен, опоясывающих это пространство, зафиксировано не было (рис. 4).

Городище было обнаружено в 1929 г. в ходе разведок А.И. Тереножкина в Чуйской долине (Тереножкин, 2012а, с. 33; 2012б, с. 49). Впрочем, в опубликованной вскоре после исследований статье оно обозначено только на карте под № 46 (как в картотеке), но даже не названо (Тереножкин, 1935, с. 148). Возможно, в силу этого городище надолго выпало из поля зрения исследователей. В 1941 г. при строительстве Большого Чуйского канала (БЧК), трасса которого прошла в 1 км севернее горо-

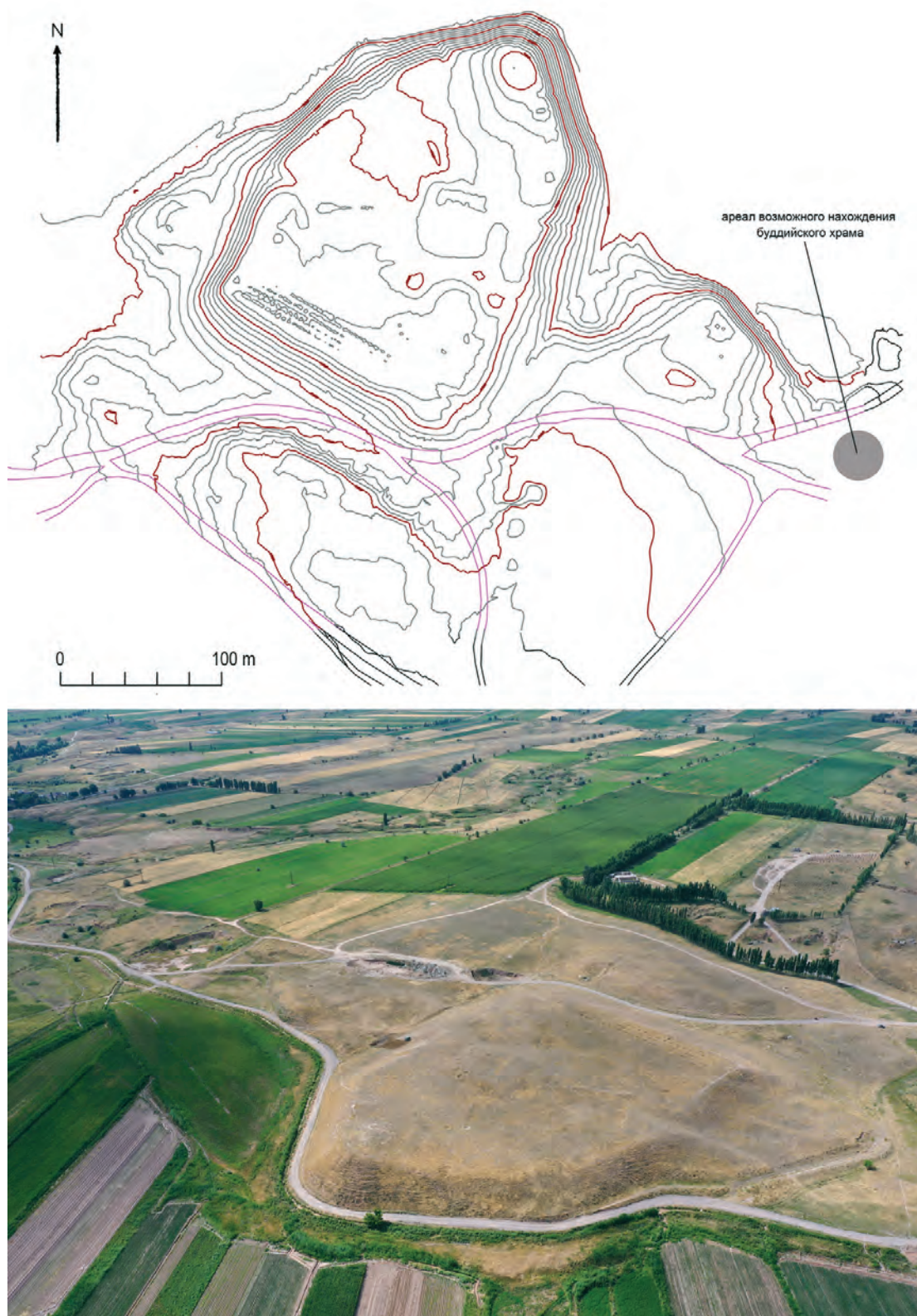

Рис. 4. Топографический план и общий вид на городище Кен-Булун
Fig. 4. Topographic plan and full view of the Ken-Bulun hillfort

дища, в этом районе были найдены оссуарии и погребения воинов «монголо-тимуридского времени», но само городище не называется (Чуйская..., 1950). П.Н. Кожемяко в своём фундаментальном труде о городищах Чуйской долины (Кожемяко, 1959) также его не упоминает.

Лишь в начале XXI в., после обнаружения в грунте из несанкционированного карьера близ памятника бронзовых средневековых буддийских и джайнских древностей и другого художественного металла, о городище вспомнили и провели серию исследований, в

том числе был составлен его топографический план (Камышев, 2012; Кольченко, 2019а).

В 2019 г. вблизи обвалованной фортификации центральных развалин городища, т. е. у стены средневекового города, землеройной техникой была прорыта техническая траншея для выравнивания рельефа дороги². Полученный таким варварским способом разрез культурных напластований был документирован, а из грунта завершается изъятие артефактов, требующих дальнейшей обработки и публикации. По предварительным данным, материал, включающий многочисленную керамику, а также кашин, селадон, бусы и пр., может быть датирован IX–XIII вв.

Городище Новопокровское-2 расположено на достаточно ровной с небольшим уклоном к северу поверхности в 11 км к востоку от Бишкека в середине села, давшего ему своё название. Впервые городище отмечено А.И. Тереножкиным в 1929 г., но, как и Кен-Булу, лишь обозначено под номером 85 на карте (Тереножкин, 1935, с. 148). Его описание в картотеке разведок было опубликовано уже в XXI в. (Тереножкин, 2012б, с. 57). В 1950-х гг. П.Н. Кожемяко в ходе своих системных исследований Чуйской долины дал новое описание городища, определил типологическую принадлежность (городище округи) и предложил датировку – VIII–XII вв. По его данным и описаниям А.И. Тереножкина, городище было квадратным (120×120 м) с буграми башен на углах и серединах сторон. На восточной стороне в середине находился полого опускающийся массив, интерпретированный как пандусный въезд. В середине западной стены бугор был значительно больше остальных, что послужило основанием интерпретировать его как цитадель. Выполненный П.Н. Кожемяко в северо-западном углу городища шурф прорезал культурные напластования мощностью 5,6 м.

В начале 1960-х гг. при земляных работах, связанных со строительством на городище Дома культуры, были обнаружены предметы буддийского культа, ставшие широко известными в научной литературе. Было предположено, что городище является остатком буддийского монастыря (Горячева, Перегудова, 1996). С 2004 г. по настоящее время на городище проводятся археологические раскопки (ставившие первоначальной целью проверку буддийского характера памятника) – выполняются два основных раскопа (в ЮВ углу и центре) и законсервирован третий, разведочный (в середине западной стены). Буддийская

гипотеза не подтвердилась, но был получен большой массив стратифицированного материала, требующий дальнейшей обработки и публикации.

Сокулукское городище расположено в 20 км к западу от Бишкека, на северной окраине одноимённого села. Его центральные развалины занимают пространство, приподнятое между двух балок (старых русел р. Сокулук³): в восточной балке – несколько прудов, а в западной на момент фиксации протекал ручей (рис. 5).

Городище впервые было упомянуто и описано (в пределах центральных развалин) экспедициями под руководством А.Н. Бернштама в 1940–1941 гг. Тогда же был составлен схематический план его центральных развалин. В 1952 г. визуальное, без каких-либо раскопочных работ, городище обследовал П.Н. Кожемяко. Он дал своё описание памятника, составил новый план (с учётом русла БЧК), на который нанёс остатки выявленных им длинных стен с радиусом в 1,5–2 км.

В планиграфии центральные развалины городища (около 500×200 м) представляют собой прямоугольник крепостных обвалованных стен (100×70 м), т. е. шахристан-1, с заметным возвышением в середине западной из них и примыкающее с запада и севера до границ рельефной возвышенности пространство с признаками сплошной застройки, которое можно обозначить как шахристан-2.

В 1941 г. экспедиция археологического надзора над сооружением БЧК одной из своих групп (нач. С.С. Сорокин) пыталась вести археологическое документирование процесса прорезания городища с востока на запад трассой канала. Эти работы стали, по сути, единственными археологическими раскопками на городище. Канал прошёл в 10 м к северу от прямоугольника крепостных стен, через весь шахристан-2.

В опубликованных описаниях указывается, что протяжённость этого своеобразного археологического разреза – 500 м, однако он был не прямой, имел ломаный пятичастный контур. Мощность культурных наслоений растёт от краев к середине, достигая толщины 8 м (Чуйская..., 1950, с. 93–94). Ширина выемки верхних слоев составляла до 30–40 м, на глубине 3–4 м она сократилась до 20–25 м, а на дне, в 10 м от наивысшей точки, сокращалась до 10–12 м. Для сравнения отметим, что в настоящее время ширина зеркала воды канала – 18–20 м; между верхними краями

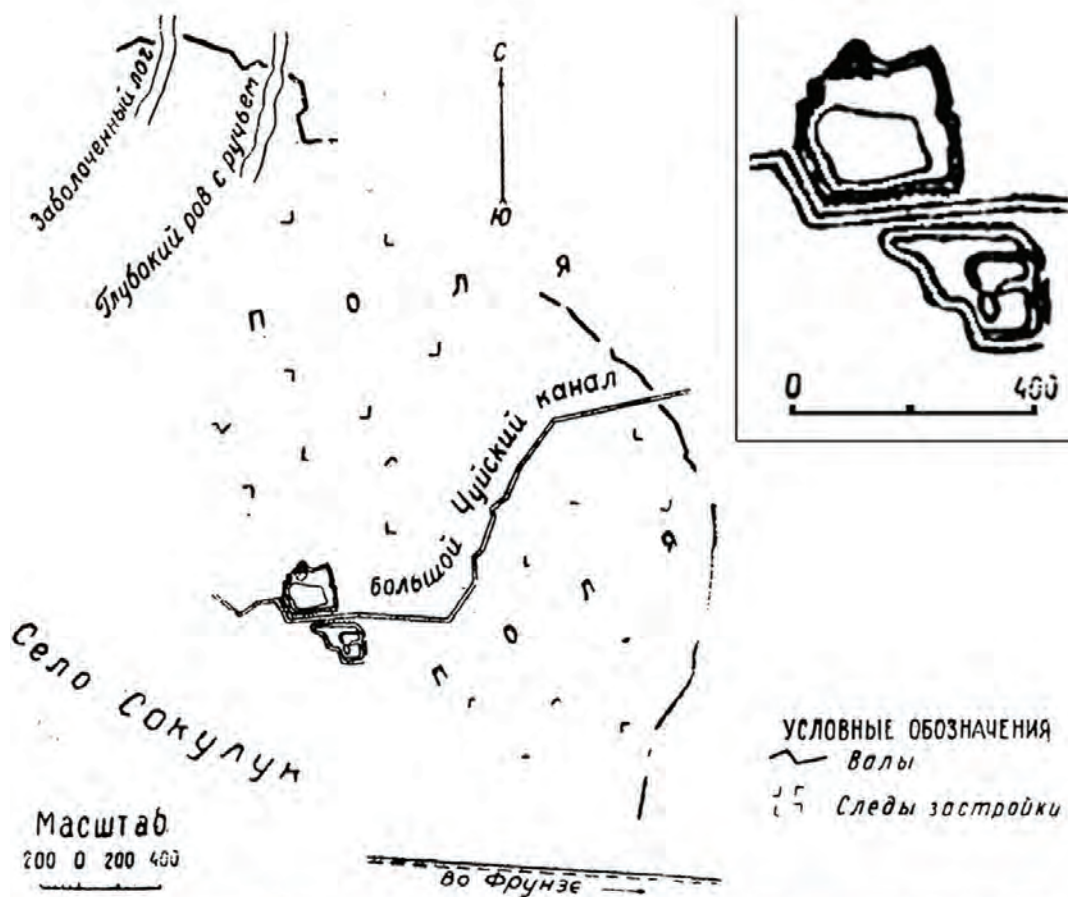

Рис. 5. Топографический план (по П.Н. Кожемяко) и космоснимок городища Сокулук
Fig. 5. Topographic plan (according to P.N. Kozhemyako) and a space photography of the Sokuluk hillfort

склонов – 20–23 м, а с дорогами вдоль русла – около 40 м.

Собранная формально стратифицированная коллекция артефактов легла в основу этнокультурной эволюционной колонки (и археологического раздела музейной экспозиции того времени): верхние 2 м – «караханидский

материал с вкраплениями карлукской керамики»; следующие 2 м – «находки согдийской культуры», но также «карлукской» и «караханидской»; 5–7 м – «карлукские» и «согдийские вещи» с вкраплениями «караханидской керамики»; 6–7 м – «тюркские вещи»; 8-й метр – самый нижний с культурными отложениями

Рис. 6. Космоснимок и топографический план (по П.Н. Кожемяко) городища Сретенка
 Fig. 6. Space photography and topographic plan (according to P.N. Kozhemyako) of the Sretenka hillfort

– связывается с усунями (предметы из «остатков усуньского кургана») (Чуйская..., 1950, с. 96–97). Яркие и своеобразные находки с Сокулукского городища, связываемые во многих публикациях А.Н. Бернштама с согдийцами и «согдийской колонизацией» Чуйской долины, до настоящего времени остаются актуальными индикаторами для хронологических и этнокультурных атрибуций новых находок и реконструкций исторических процессов, хотя их хронологический и этнокультурный пере-

смотр уже запущен (Кольченко, 2003; Торговев, 2004).

Городище Сретенское расположено в 20 км к северо-западу от городища Сокулук. Оно расположено на правом берегу р. Ак-Суу в 4,5 км к северо-западу от села, давшего ему своё имя, в 40 км от впадения р. Ак-Суу в р. Чу, и в 16 км от автомобильной трассы Бишкек – Тараз (рис. 6).

Впервые городище упоминает В.В. Бартольд в отчёте о своей поездке 1893–

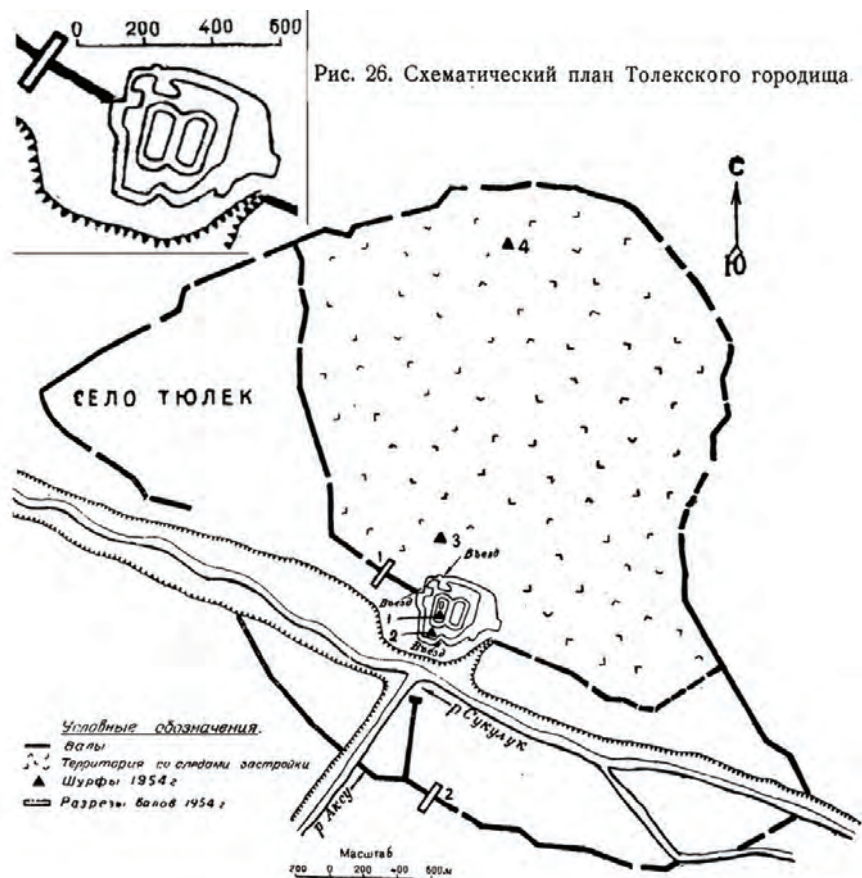

Рис. 7. Топографический план (по П.Н. Кожемяко) и общий вид на городище Тёлёк
 Fig. 7. Topographic plan (according to P.N. Kozhemyako) and a full view of the Telyok hillfort

1894 г., называя его вслед за местными жителями «торткуль Ак-Тепе». Впрочем, никаких данных им не было приведено кроме факта наличия его и двух других городищ вблизи, на отвороте от с. Беловодское на север к броду Ит-Кичу/Тай-Кичу на р. Чу (Бартольд, 1996, с.

394). А.И. Тереножкин в 1929 г. на этом городище не был, ограничившись посещением «городища Чалдовар» в 1 км от с. Беловодское (Тереножкин, 2012а, с. 36), т. е. он дошёл только до городища Беловодская Крепость, которую не отметил в свою очередь В.В. Бартольд.

В 1940 г. городище посетила экспедиция под руководством А.Н. Бернштама, составив его план и опубликовав минимальную вербальную информацию: цитадель в центре и обнесена вокруг стеной, а развалины у местного населения называются «Чалдывар». В том числе, исходя из этого, А.Н. Бернштам полагал его остатками средневекового города Харан-Джуван, упомянутого Макдиси в X в.: «...вокруг него стена и среди неё цитадель, в которой живёт дикхан...» (Чуйская..., 1950, с. 24, табл. IV, 3). А.Н. Бернштам полагал памятник самым северным городищем среди всех Чуйских; в то же время к северу от него к броду на р. Чу, по информации этого исследователя, находится ряд безымянных городищ, выполнявших функции передовых крепостей-рибадов.

В 1952 г. П.Н. Кожемяко дал новое описание памятника, составив свой план городища, включая впервые выявленные длинные стены, и заложил пять шурфов на разных структурных частях памятника (Кожемяко, 1959, с. 98–102). По опубликованной им карте городищ Чуйской долины очевидно, что Сретенское является одним из нескольких в серии памятников (Беловодская Крепость, Тёлёк, Спенинское) на меридиональном ответвлении от основного, широтно ориентированного участка Великого шёлкового пути (Кожемяко, 1959, карта; Ведутова, 1990). В 1994–1995 гг. в течение двух сезонов на городище работал отряд Института истории НАН КР под руководством Л.М. Ведутовой, но материал не был опубликован. Сборы с поверхности и обнажений, а также небольшие несанкционированные раскопки на городище проводили школьники местной школы под руководством учителя истории; их материалы находятся в школьном музее.

По опубликованным данным А.Н. Бернштама, П.Н. Кожемяко и личным наблюдениям В.А. Кольченко, в структуре центральных развалин выделено три компонента. В центре стоит большой конусообразный холм (40×40 м при высоте до 5 м), обозначаемый предшественниками как цитадель. Вокруг него находится относительно ровная почти квадратная площадка (240×220 м)⁴ с плохо просматриваемыми в рельефе по периметру возвышениями крепостных стен. Эту структурную часть можно назвать шахристан-1. Центральный холм и площадка вокруг него ориентированы углами по странам света; юго-западная стена поставлена по краю надпойменной террасы реки. В середине юго-

восточной стены просматривается значительный по размерам (17×22 м) холм (возможно, мощное привратное сооружение), названный П.Н. Кожемяко «второй цитаделью».

Вокруг шахристана-1 – «нижняя площадка» (по терминологии П.Н. Кожемяко), находящаяся на 1–1,2 м ниже уровня «верхней площадки». Её шестигранный неправильный периметр обнесён обвалованной ныне крепостной стеной, возвышающейся в рельефе на 2–2,5 м с внешней стороны и на 1 м – с внутренней (Кожемяко, 1959, с. 100). Полагаем, что эту третью структурную часть центральных развалин можно назвать шахристаном-2.

Два шурфа 1950-х гг. по 6 м² были выполнены на шахристане-1 к северу и востоку от цитадели. По найденной керамике культурные напластования были разделены на три горизонта: 0–1,2 м – X–XII вв.; 1,2–3,5 м – VIII–X вв. и 3,5–4,2/4,8 м – VI–VIII вв. Ещё два шурфа по 6 м² выполнены на шахристане-2 – в северной и юго-восточной части, прорезав соответственно 3,7 и 2,05 м культурного слоя, разделённого по строительным конструкциям на два горизонта, суммарно датированных VI–IX вв. (Кожемяко, 1959, с. 102). Но отсутствие слоёв X–XII вв. в верхнем горизонте шахристана-2 нам представляется маловероятным.

Пространство, обнесённое длинными стенами, расположено с двух сторон от русла р. Ак-Суу с крутыми обрывистыми берегами. Стены были зафиксированы в 50-х гг. в 0,5–1 км к западу и востоку и в 2–2,5 км к северу и югу от центральных развалин; с востока были отмечены остатки второй дуги стен, отстоящие от первого кольца на 1 км (Кожемяко, 1959, с. 101).

Городище Тёлёк расположено у южной околицы одноимённого села. Его центральные развалины расположены на относительно ровной поверхности на северном берегу р. Ак-Суу у впадения в неё р. Сокулук. Между центральными развалинами городищ Тёлёк и Сретенское – 14 км, а от Тёлёка до р. Чу – 15 км (рис. 7).

Первым писал об этом городище в своём «Отчёте...» В.В. Бартольд в 1894 г.: «Несколько южнее впадения Сокулук в Аксу находится холм Ак-Тепе, по-видимому, сооружённый целиком из жжёного кирпича, куски которого везде видны в большом количестве» (Бартольд, 1996, с. 393). Правда, в реальности центральные развалины городища находятся к северу от слияния рек, а к югу были видны

только крепостные длинные стены даже 60 лет спустя.

В 1952 г. П.Н. Кожемяко дал системное описание памятника, составил его первый план, на который нанёс, в том числе, длинные стены, отдалённые от центральных развалин на 1–2 км, выполнил 4 шурфа и 2 разреза длинных стен (Кожемяко, 1959, с. 118–120).

П.Н. Кожемяко выделял четыре яруса в структуре центральных развалин: 1) шахристан-1 (200×200 м), разделённый ложбиной-улицей на две примерно равные части; 2) цитадель (60×80 м) в северо-западном углу шахристана-1, возвышавшаяся на 2–2,5 м над ним; 3) расположенная вокруг шахристана-1 на 70–100 м площадка «второго яруса» с ломаным контуром – шахристан-2; 4) площадка в форме «неправильного многоугольника» (до 420×500 м) на 4 м ниже шахристана-2, вытянутая преимущественно в восточном направлении до 150 м и, в свою очередь, возвышающаяся над окружающим рельефом на 1 м. Такое ярусное строение, по мнению П.Н. Кожемяко, могло быть связано с хронологическими этапами формирования городища (Кожемяко, 1959, с. 118–119).

В 1977–1978 гг. под руководством М.И. Москалёва было выполнено четыре раскопа/шурфа площадью от 9 до 20 м². Результаты исследований опубликованы лишь в виде кратких сообщений в «Археологических открытиях» за соответствующие года.

Одной из особенностей Тёлёка является то, что его длинная «первая стена» фактически примыкала к северо-западному и юго-восточному углам центральных развалин, хотя во всех других случаях центральные развалины остаются в середине её контура. Причём подчёркивается, что по микрорельефу, мало повреждённому хозяйственной деятельностью к середине XX в., пространство, окружённое этой «первой стеной», т. е. к северо-западу, северу и востоку от центральных развалин, визуально членилось на отдельные кварталы размерами 45×96, 50×180, 100×90 м, в каждом из которых читалось по два ряда групп всхолмлений, разделённых ложбиной-улицей (Кожемяко, 1959, с. 119–120). Пространство, огороженное длинными стенами с южной стороны, выраженных следов застройки не содержало.

На шахристанах 1 и 2 было выполнено по одному шурфу по 10 м². Шурф 1 на шахристане-1 прорезал культурные напластования мощностью 6,2 м, которые по строительным остаткам делятся на три горизонта: 0–2 м,

2–3,4 м и 3,4–6,2 м. При этом два верхних горизонта по находкам датированы X–XII вв., а нижний – IX–X вв. (Кожемяко, 1959, с. 121).

Шурф 2 на шахристане-2 прорезал культурные напластования мощностью 5,1 м, которые по выявленным строительным остаткам разделили на четыре горизонта: 0–2 м, 2–2,6 м, 2,6–3,2 м и 3,2–5,1 м. Так как в шурфе не было найдено глазурованной керамики, то он был датирован временем до X в. (Кожемяко, 1959, с. 121–122).

Геофизические исследования

Цель геофизических работ, проведенных в ноябре 2021 г., – оценка перспективности отобранных по рельефу местности участков для раскопочных исследований через получение предварительных данных, их анализ и интерпретацию, а также отработка методики геофизических исследований среднеазиатских сырцовых городищ на значительных площадях.

Применялся один из методов геофизических исследований – магнитометрия (фиксация вертикального градиента магнитного поля на участках исследования при помощи процессорного датчика POS-2). Выбранный метод геофизических исследований был успешно апробирован на городищах Болгарского круга в Поволжье (Бездудный, Ситдииков, 2019; Бездудный и др., 2018). Проводилось измерение вертикального градиента (2 м) магнитного поля земли на участках исследования (рис. 8). Среднее магнитное поле в данном регионе на момент исследования составляло 55 000 нанотесла (нТл). Методика исследования – непрерывная съёмка, время каждого физического наблюдения – 0,5 сек. Это позволило получать значения градиента магнитного поля с удовлетворяющей точностью +/- 0,1 нТл/2 м.

Предварительно была определена задача провести съёмки на площади в 50 000 м²: по 10 000 м² на пяти городищах (Бурана, Кен-Булун, Сокулук, Сретенское и Тёлёк). На каждом из них должно быть не более двух площадок. При выборе площадок мы исходили из технических параметров (возможности разбивки одного или нескольких смежных стандартизированных по размеру участков (50×50 м) с горизонтальной относительно ровной поверхностью, отсутствием на них воздушных или подземных линий электропередач, визуально фиксируемых металлических или металлосодержащих элементов и конструкций, деревьев и кустарников), с одной стороны, историографически опреде-

Рис. 8. Геофизические работы на городище Тёлёк
Fig. 8. Geophysical works on the Telyok hillfort

ляемых потребностей на конкретных памятниках, с другой, и научных задач проекта в целом. В ходе проведения полевых работ было определено, что на городище Сокулук проведение магнитометрических исследований по техническим причинам невозможно (проходит высоковольтная ЛЭП, а на территории – множество металлосодержащих инородных элементов). Предварительно определённая квота площади с этого городища была перенесена на Тёлёк как предполагаемый базовый памятник проекта. Информация о площадках и входящих в них участках, их площади и количестве проведённых измерений приведена в табл. 2.

При разбивке на городищах участки ориентировались сторонами на магнитный север. Внутри участков сеть измерений – $0,5 \times 0,5$ м. Разметка участков производилась при помощи компаса и тахеометра с привязкой их углов к географической системе координат.

В основном, за редким исключением, поверхность городищ – сухой невысокий пустынный травостой.

На территории **городища Бурана** к началу геофизических работ почти не требовалось дополнительной подготовки участков.

Их поверхность была выложена некогда проводившейся распашкой. Было определено две площадки исследования по 5000 м^2 каждая (рис. 9: 1). Суммарно произведено 36 524 измерений и фиксации величин вертикального градиента магнитного поля.

Площадка 1 включает два стандартных участка 50×50 м, стыкуемых в меридиональном направлении: южнее участок 1 и севернее – участок 2 (рис. 9: 4, 5). При определении местоположения площадки мы исходили из историографического интереса – определения характера заполнения площади к югу от минарета и, в частности, вероятности нахождения на ней остатков мечети, к которой этот минарет мог примыкать с севера (вход в минарет с южной стороны). Однако рельефный перепад, образованный при расчистке территории вокруг минарета, и проложенный вдоль верхнего борта этой складки кабель для освещения вынудили отодвинуть площадку на 40 м к югу от него.

Значения магнитного поля на площадке зафиксированы адекватно. Результаты исследования двух участков, снятых с перерывом по времени, стыкуются между собой. Выяв-

Таблица 2. Площади магнитометрических измерений 2021 г. и их количество
 Table 2. Magnetometric measurement areas in 2021 and their number

Городище	Площадка / участки	Размеры (С-Ю×3-В, м)	Кол-во измерений	Примечания
Бурана	1 / 1+2	100×50	36 524	Шахристан, к Ю от минарета
	2 / 3+4	100×50		Шахристан, к З от мавзолея-4
Кен-Булуи	1 / 1	50×100	37 114	40 к ЮВ от центральных развалин
	2 / 2	50×100		Шахристан, середина у В креп.стены
Сретенское	1 / 1+2	70×50	36 162	Шахристан-1, к В от цитадели
	1 / 3	50×80		Шахристан-1, к Ю от цитадели
	2 / 4	50×50		Шахристан-2, ЮЗ часть
	1 / 1+7+8	118×50		Шахристан-1, ЮВ часть
Тёлёк	2 / 2-6	100×150	78 275	Нижняя (4) площадка, 75 м к В от Площадки 1

лено множество мелких сильных всплесков магнитного поля, характерных для реакции на железо (рис. 9: 4). Учитывая, что визуально наблюдался металлический трос, торчащий из земли, вероятно, часть сильных всплесков магнитного поля происходит от современного железа. На данном этапе геофизических исследований сепарировать такие всплески магнитного поля невозможно.

На площадке четко прослеживаются граница интенсивности изменений магнитного поля. Граница, предполагаемой шириной около 2 м, проходит по направлению запад – восток в южной части участка 2. Южнее этой границы у восточного края участка 1 зафиксирован комплекс изменений магнитного поля прямоугольной формы, предположительными размерами 8×10 / 10×12 м (вероятно, разрушенное и не видимое с поверхности сооружение). Выявленные на участке 1 несколько небольших пятен изменений магнитного поля размерами 4×6 м, 3×4 м, возможно, также являются разрушенными и археологизированными сооружениями (рис. 9: 5).

Территория участка 2 лежит преимущественно севернее выявленной границы. Здесь зафиксировано множество сильных изменений магнитного поля, имеющих очень условную структуру. Только в северной части участка 2 можно уверенно предполагать фиксацию остатков каких-то сооружений, обложенных плинфой, с предполагаемыми размерами от 8×10 м, ориентированными почти соосно с квадратным основанием минарета и аналогично сооружению на участке 1 (с небольшими отклонениями). Несколько более мелких сооружений предположительно выявлено в северо-западной части участка 2. Границы магнитного поля отдельных предполагаемых

сооружений частично накладываются друг на друга. Дальнейшие исследования помогут уточнить полученные данные и интерпретацию полученного результата.

Площадка 2 (рис. 9: 2, 3). Включает два стандартных участка 50×50 м, также стыкуемых в меридиональном направлении: южнее – участок 3 и севернее – участок 4. Ставилась задача проверки наличия остатков крупных архитектурных сооружений из жжёного кирпича (плинфы), аналогичных расположенному в 30 м к востоку мавзолею 4.

На участке 3 прослеживается линейное изменение магнитного поля, вероятно, современного происхождения (рис. 9: 2).

Вблизи от центра участка 4 находится углубление подквадратной формы около 7×7 м, глубиной до 1 м от уровня современной дневной поверхности. Фиксируется оно и в магнитном плане по центру участка 4. Происхождение его не ясно, возможно, современное – остатки средневековых культурных наслоений могли быть вынесены землеройной техникой. Внутри углубления магнитометрия фиксирует остатки вероятных сооружений; размеры и форма читаются очень предположительно. В юго-восточном углу участка 4 расположено скопление сильно намагниченных отложений, но являются ли они фиксируемыми *in situ* развалами разрушенных сооружений из жжёного кирпича без дополнительных исследований не ясно, в том числе потому, что в границы исследований попала лишь их явно незначительная часть. В западной части участка 4 зафиксированы менее масштабные, но более упорядоченные по форме изменения магнитного поля.

Предполагаемая графическая интерпретация изменений магнитного поля на участке

Рис. 9. Результаты геофизических исследований на городище Бурана
 Fig. 9. Results of geophysical studies on the Burana hillfort

дана на рис. 9: 3. Дальнейшие исследования могут уточнить полученные результаты и интерпретацию полученного результата.

На городище **Кен-Булун** были также определены две площадки исследования по 5000 м² каждая (рис. 10: 1). Суммарно произведено 37 114 измерений и фиксации величин вертикального градиента магнитного поля. На момент начала геофизических работ поверхность территории городища не требовала дополнительной подготовки поверхности.

Площадка 1 размером 50×100 м была разбита в 40 м к юго-востоку от центральных развалин, южнее рекультивированной после прекращённых несанкционированных дорожно-строительных работ траншеи. Она вытянута в широтном направлении и на западе начинается на границе горизонтальной плоскости после резкого рельефного подъёма. Поверхность городища на этом участке снивелирована тяжелой техникой в 1970-х гг.,

подвергалась многолетней распашке; культурный слой частично нарушен. Она определена как место возможных исследований для понимания контекста массового материала, полученного из дорожной траншеи, – о плотности и системности сооружений в этой части городища и наличия среди них керамических или иных производственных площадок.

Магнитометрическое исследование на площадке 1 (рис. 10: 2) дало множество мелких сильных всплесков магнитного поля (вероятно, часть из них происходит из-за современного железа). Анализ полученных данных позволил интерпретировать результаты как фиксирование квартальной системы в этой части городища в виде улицы и примыкающих к ней небольших переулков с чёткой привязкой к разметке площадки 1. Выявлено, предположительно, как минимум пять частей кварталов (подворий), ограниченных улицами и переулками. В северо-западной части участ-

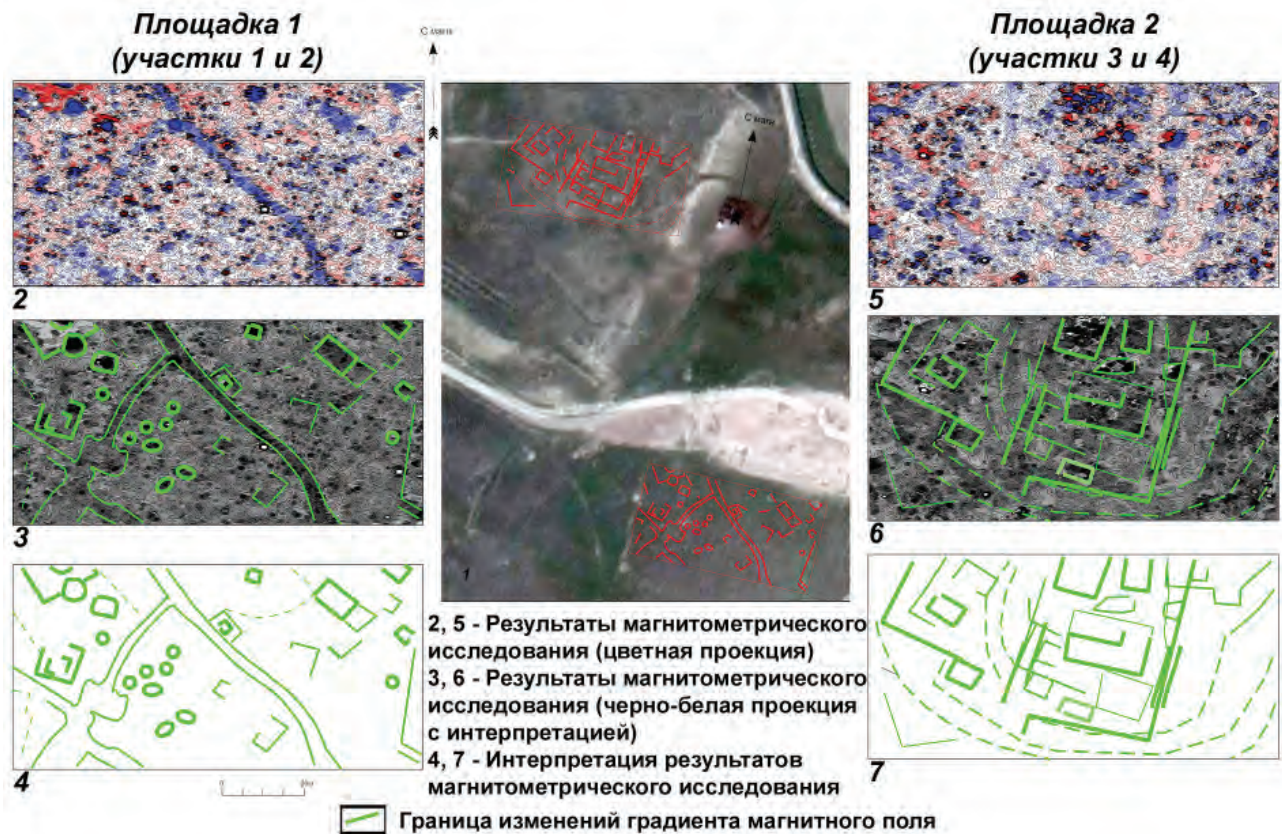

Рис. 10. Результаты геофизических исследований на городище Кен-Булун

Fig. 10. Results of geophysical studies on the Ken-Bulun hillfort

ка, предположительно, зафиксировано подворье с несколькими сооружениями и следами термического производства (рис. 10: 3, 4).

Площадка 2 также размером 50×100 м поставлена в середине центральных развалинах так, что её восточная граница приходится на предполагаемый в рельефе гребень обвалованной крепостной стены. При этом в площадь исследования было включено чётко просматриваемое в рельефе большое квадратное в плане строение с понижением-двором в середине.

Анализ полученных данных магнитометрического исследования на площадке 2 (рис. 10: 5–7) позволяет на уровне интерпретации говорить, что здесь зафиксированы остатки единого комплекса (рис. 10: 6). Центральная его часть состоит как минимум из нескольких конструкций, изготовленных из жжёного кирпича (плинфы). Эта часть комплекса уходит на север, за границы площадки 2. Центральная часть окружена прямоугольными структурами, причем похоже, что они носят концентрический характер. Предположительно несколько сооружений выявлено в западной части. В южной части, вероятно, зафиксирован проход в этот комплекс (рис. 10: 7). Возможно, в границы площадки 2 попа-

ла часть оборонительного сооружения либо другой значимый комплекс типа каравансарая. Анализ топографии этого участка предполагает несколько иную реконструкцию. Тем интереснее будет когда-нибудь проверить данные интерпретации магнитометрических съёмок раскопками.

Поверхность **городища Сретенское** выложена, имеет многочисленные следы от раскопов (воронки D~5 м и глубиной около 1 м с отвалами по периметру). На момент исследований поверхность была покрыта относительно редким кустарником и жёстким травостоем, и площадки съёмок пришлось от них очищать.

Были определены две площадки для геофизических съёмок (рис. 11: 1). Произведено 36 162 измерений и фиксаций величин вертикального градиента магнитного поля.

Площадка 1 сложной конфигурации разбита на шахристане-1 и состоит из трёх участков: участок 1 размерами 50×80 м, располагающийся к югу от центрального холма-цитадели и вытянутый в широтном направлении; участки 2 и 3 площадью 20×50 м и 50×50 м соответственно, расположенные к востоку от центрального холма-цитадели, стыкуемые между собой в меридиональном направлении

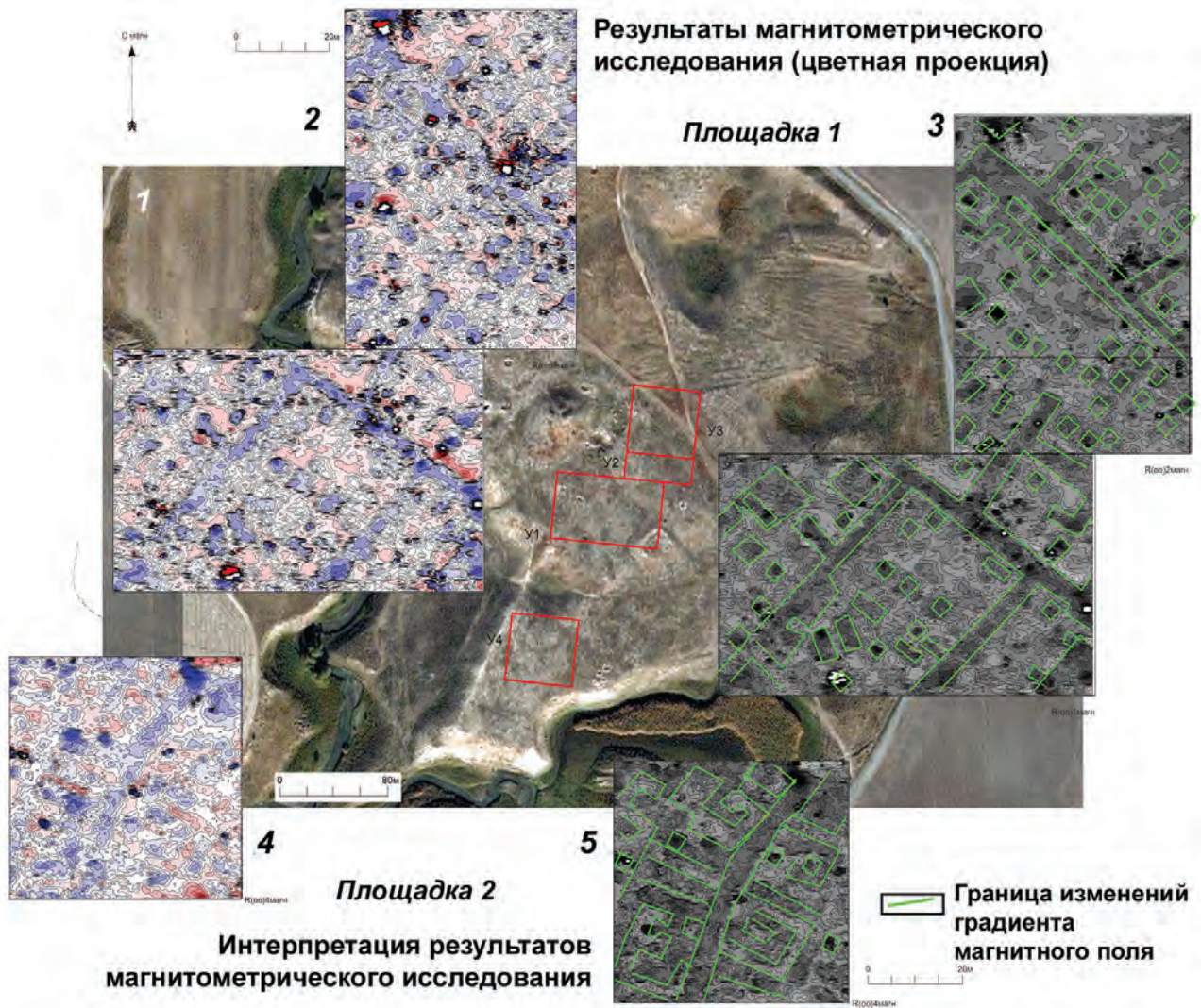

Рис. 11. Результаты геофизических исследований на городище Сретенка

Fig. 11. Results of geophysical studies on the Sretenka hillfort

(участок 2 – южнее, участок 3 – севернее); участок 1 примыкает к участкам 2–3 с юга в своей восточной части и имеет с ними общую линию в 30 м (рис. 11: 2, 4). Общая площадь площадки 1 – 7 500 м².

Площадка 2 состоит из одного стандартного (50×50 м) участка 4, расположенного в юго-западной части шахристана-2 у его примыкания к юго-западному углу шахристана-1, в 55 м от площадки 1 (рис. 11: 3, 5).

Анализ данных геофизической съёмки на обеих площадках позволил проследить от полусотни пятен изменений магнитного поля, которые можно соотносить с отдельными сооружениями либо помещениями. Можно констатировать на разных участках пятна различного размера и разной плотности/интенсивности на единицу площади. Зафиксированные магнитные всплески могут быть интерпретированы как чётко просматриваемая квартальная структура застройки

исследованной части городища. Застройка, по данным наших исследований, плотная на всей территории центральной части городища, но имеющая некоторые отличия в структуре на каждой из площадок. Поэтому можно предполагать различие в функциональном или социальном назначении застройки этих частей городища.

На **городище Тёлёк** были определены две площадки исследования в разных структурных частях городища (рис. 12: 1). Они располагаются на всхолмленной местности с отдельными линейными понижениями. Общая площадь магнитометрических исследований составила 20 900 м². Произведено 78 275 измерений и фиксаций величин вертикального градиента магнитного поля.

На момент начала геофизических работ поверхность площадок на городище не требовала дополнительной подготовки. Визуально они не несут признаков хозяйственного

воздействия, но по ним проходят отрезки грунтовых стихийных дорог местного значения.

Вытянутая в меридиональном направлении *площадка 1* (общим размером 118×50 м) была поставлена в восточной части шахристана-1. Она включает (с севера на юг) стандартизированные участки 1 и 8 размерами 50×50 м и участок-добавление 7 размером 18×50 м на южном склоне-спуске с гребня обвалованной стены шахристана-1.

Юго-западный угол участка 7 вплотную расположен к металлическим оградкам мусульманского кладбища и частично перекрыт магнитным полем, исходящим от них. Вдоль западной стороны участка 8 проходит западина между частями шахристана-1, на поверхности которой – грунтовая дорога. Магнитосъёмка в этом месте также чётко фиксирует однородные сигналы (переданные голубым цветом), интерпретируемые нами как наличие погребённой поверхности средневековой улицы (рис. 12: 2). Западная сторона этого участка, как и в южной части участка 7, выдала другую однородность (показана белым цветом), что мы, учитывая рельеф, интерпретируем как крепостную стену.

В целом по площадке 1 при анализе и интерпретации чётко прослеживается и фиксируется плотная застройка этой части городища, намечается её квартальная структура (рис. 12: 5).

Вытянутая в широтном направлении *площадка 2* (размером 100×150 м) разбита в 75 м к востоку от площадки 1 на нижней, четвёртой части центральных развалин городища и выходит за его предел своим северо-восточным углом. Она включает стандартные участки 2–4 (нумерация с запада на восток) размерами 50×50 м, расположенные южной полосой, и участки 5–6 (нумерация с востока на запад) размерами 50×75 м, лежащие севернее.

Результаты исследования пяти участков, снятых с перерывом по времени, стыкуются между собой. Выявлено множество мелких сильных всплесков магнитного поля, характерных для железа. Прослеживается около сотни пятен изменений магнитного поля, которые можно соотносить с отдельными сооружениями или помещениями (рис. 12: 3).

При интерпретации чётко прорисовывается относительно плотная квартальная структура застройки исследованной части городища (рис. 12: 4).

В северо-восточном углу участка 5 зафиксировано сильное изменение магнитного поля. Также на склоне в пределах участка зафиксирован ряд достаточно сильных небольших по площади изменений магнитного поля. Все эти пятна ограничены улицей в рамках одного подворья (квартала). Возможно, в этом месте было расположено производство с небольшими горнами (вдоль крепостной стены?) и двумя сооружениями в западной части подворья. Желательна дополнительная проверка и уточнение полученного результата при помощи металлодетектора и/или зондажа бурением.

Сопоставляя площадки 1 и 2, мы констатируем, что на них различная плотность и размеры пятен магнитосъёмки на единицу площади. На интерпретационном уровне можно предположить различие частей городища по социальному и/или функциональному назначению.

Подводя итог нашим исследованиям 2021 г. в Чуйской долине, констатируем, что на четырех городищах магнитометрией исследовано 18 участков. Общая площадь магнитометрического исследований составила 50 900 м². Всего произведено 188 075 физических наблюдений магнитного поля. Основываясь на полученных геофизических данных полевых исследований и камеральной обработки, можно обоснованно делать заключение о наличии на участках геофизических исследований остатков археологизированных объектов различного размера и назначения. В целом опыт применения магнитометрии на сырцовых городищах Средней Азии считаем удачным. На всех городищах зафиксирована упорядоченная квартальная (усадебная) застройка с улицами и переулками. Даже в случае если поверхность памятника сnivelирована в результате современной хозяйственной деятельности, фиксируется уличная система с ее отдельными элементами. Вероятно, в основном исследовалась жилая зона городищ. По интенсивности сигналов на единицу площади можно условно выделять зоны очень плотной и относительно разрозненной застройки, что на интерпретационном уровне можно объяснять её престижностью или общественной значимостью. Возможно, на отдельных городищах (Кен-Булун, Тёлёк) зафиксированы зоны/усадыбы производственного назначения.

Однако эти предварительные выводы геофизических исследований нужно проверить раскопными исследованиями. Пред-

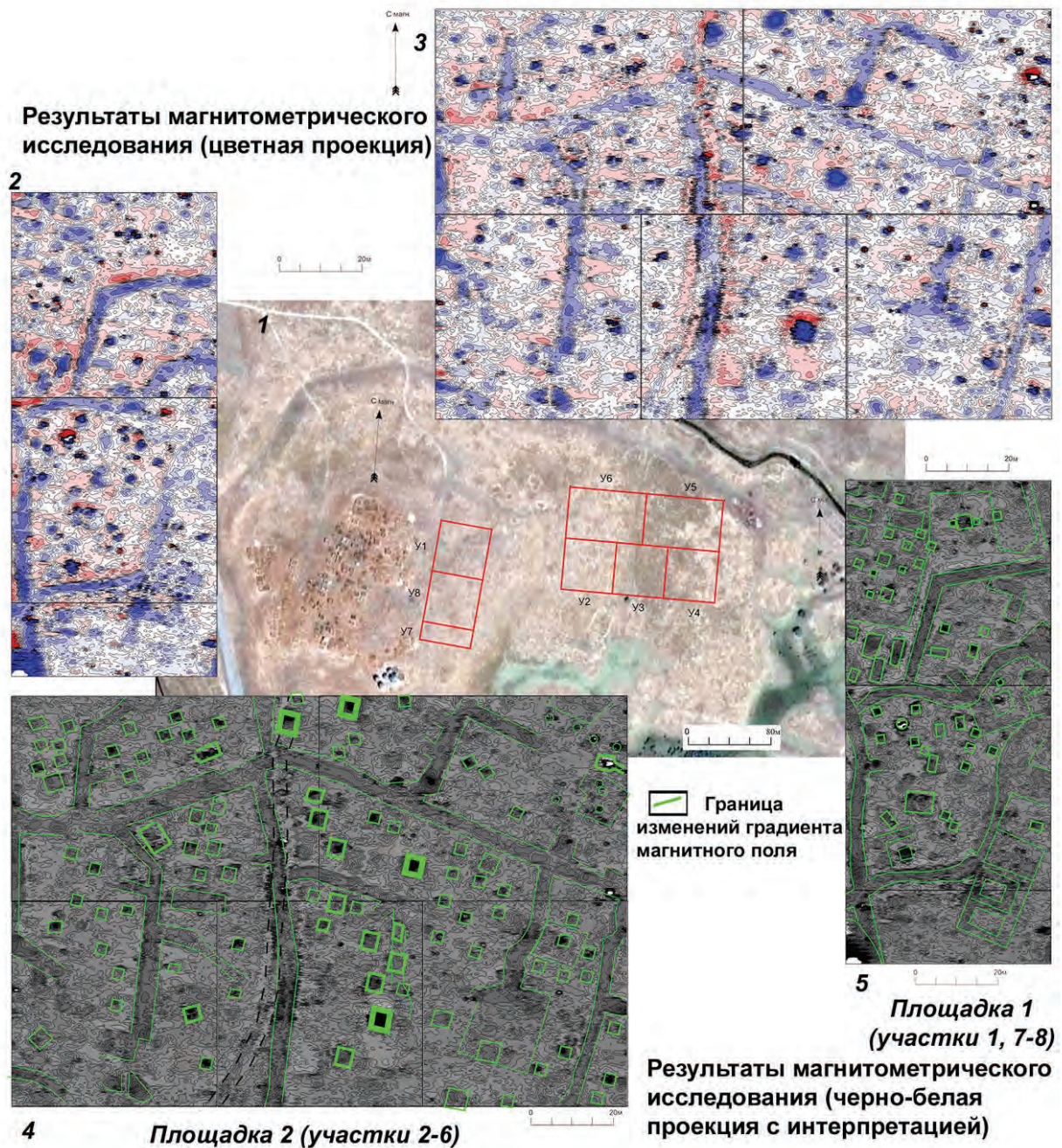

Рис. 12. Результаты геофизических исследований на городище Тёлёк

Fig. 12. Results of geophysical studies on the Telyok hillfort

полагаем, что нами на городищах выявлена система застройки сооружениями на финальном этапе их существования. Достаточно большой пласт информации скрыт в ниже лежащих культурных слоях. Данные исто-

риографии говорят, что, все рассматриваемые памятники являются многослойными объектами с культурными напластованиями, превышающими порой высоту двухэтажного дома.

Примечания:

¹ Современное русло р. Чу проходит в 3 км к северу от городища.

² Эти несанкционированные работы были остановлены. В настоящее время траншея засыпана и рельеф рекультивирован.

³ Современное русло р. Сокулук лежит в 800 м западнее городища.

⁴ 200×180 м по замерам с космоснимка Google.

ЛИТЕРАТУРА

Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893–1894 гг. / Записки Академии наук по Историко-филологическому отделению. Серия VIII. Т. I. № 4. СПб., 1897. 151 с., XVII л. ил.

Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893–1894 гг. // Избранные труды по истории кыргызов и Кыргызстана. Бишкек: Шам, 1996. С. 369–448.

Бездудный В.Г., Ситдииков А.Г. Комплексное геофизическое исследование участка Болгарского городища // РА. 2019. № 3. С. 105–114.

Бездудный В.Г., Шакиров З.Г., Ситдииков А.Г. Комплексные геофизические исследования 2015–2017 гг. на Билярском городище // Археология Евразийских степей. 2018. № 5. С. 18–24.

Ведутова Л.М. К вопросу о торговых путях в Киргизии в раннем средневековье // Формирование и развитие трасс Великого шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье: тез. докл. междунар. семинара ЮНЕСКО (г. Самарканд, 1–6 октября 1990 г.). Ташкент: Фан, 1990. С. 54–56.

Горячева В.Д., Перегудова С.Я. Буддийские памятники Киргизии // ВДИ. 1996. № 2. С. 167–189.

Камышев А.М. Кыргызстан // Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана IX–XV вв. Т. III. Торевтика / Отв. ред. Ш. Пидаев. Самарканд-Ташкент: МИЦАИ, 2012. С. 97–122.

Кожемяко П.Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе: АН КиргССР, 1959. 186 с.

Кольченко В.А. Буддизм и другие «индийские» религии средневекового Кыргызстана // Религии Центральной Азии и Азербайджана. Т. 3. Буддизм / Отв. ред. А. Искандерова. Самарканд: МИЦАИ, 2019. С. 57–163.

Кольченко В.А. К вопросу о "согдийцах" в Чуйской долине // Диалог Цивилизаций. Вып. 3 / Отв. ред. В.М. Массон. Бишкек: Илим, 2003. С. 48–55.

Кольченко В.А. Христианское кладбище монгольского времени на городище Бурана (по данным архивных документов о раскопках 1886 года) // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2. / Ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Кишинев: Stratum Plus, 2019. С. 209–221.

Массон М.Е., Горячева В.Д. Бурана: история изучения городища и его архитектурных памятников. Фрунзе: Илим, 1985. 96 с.

Семенов Г.Л. Замки Семиречья // Ош и Фергана в исторической перспективе / Ош-3000 и культура народов Кыргызстана. Вып. 3 / Отв. ред. В.М. Массон. Бишкек: Мурас, 2000. С. 67–69

Тереножкин А.И. Археологические разведки по реке Чу в 1929 г. // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 5–6. С. 138–150.

Тереножкин А.И. Дневник археологических разведок 1929 г. в долине р. Чу // Архивные материалы по археологии Кыргызстана / Ред. В.А. Кольченко, Б.Э. Аманбаева. Бишкек: Илим, 2012а. С. 28–37.

Тереножкин А.И. Картотека археологических разведок 1929 г. в долине р. Чу // Архивные материалы по археологии Кыргызстана / Ред. В.А. Кольченко, Б.Э. Аманбаева. Бишкек: Илим, 2012б. С. 38–63.

Торгоев А.И. Некоторые основания к датировке нижних слоев городищ Чуйской долины // Вестник Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына. Сер. 1. Гуманитарные науки. История. Регионоведение. Этнография. Религиоведение. 2004. Вып. 4. С. 189–196.

Труды Семиреченской археологической экспедиции. Чуйская долина / МИА. №14 / ред., сост. А.Н. Бернштам. М.-Л.: АН СССР, 1950. 249 с.

Информация об авторах:

Кольченко Валерий Анатольевич, научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова Национальной академии наук Кыргызской Республики (г. Бишкек, Кыргызская Республика); archak@gmail.com

Бездудный Владимир Григорьевич, младший научный сотрудник отдела охранных исследований, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); lekt88@mail.ru

Тулуш Демир Константинович, кандидат исторических наук, заведующий отделом, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); главный специалист, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований (г. Кызыл, Россия); demirtdk@mail.ru

Ситдииков Айрат Габитович, доктор исторических наук, декан, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); директор, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

REFERENCES

Bartold, V. V. 1897. *Otchet o poezdke v Srednyuyu Aziyu s nauchnoj cel'yu. 1893-1894 gg. (The report on a trip to Central Asia for scientific purpose. 1893-1894). Series Zapiski Imperatorskoi Akademii nauk (Notes of the Imperial Academy of Sciences) VIII, Vol. I, no 4. Saint-Petersburg (in Russian).*

Bartold, V. V. 1996. In *Izbrannye trudy po istorii kyrgyzov i Kyrgyzstana (Selected works on the history of the Kyrgyz and Kyrgyzstan)*. Bishkek: Sham Publ. 369-448 (in Russian).

Bezudnyi, V. G., Sitdikov, A. G. 2019. In *Rossiiskaya arheologiya (Russian Archaeology) 3*, 105-114 (in Russian).

Bezudnyi, V. G., Shakirov, Z. G., Sitdikov, A. G. 2018. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 5*, 18-24 (in Russian).

Vedutova, L. M. 1990. In *Formirovanie i razvitie trass Velikogo shelkovogo puti v Tsentral'noy Azii v drevnosti i srednevekove: tez. dokl. mezhdunar. seminara YuNESKO (g. Samarkand, 1-6 oktyabrya 1990 g.) (Formation and development of the Silk Road routes in the Central Asia in antiquity and Medieval period: abstracts of papers of the UNESCO International Seminar (Samarkand, October 1-6, 1990)*. Tashkent: "Fan" Publ., 54-56 (in Russian).

Goryacheva, V. D., Peregudova, S. Ya. 1996. In *Vestnik drevnei istorii (Journal of Ancient History) (2)*, 167-189 (in Russian).

Kamyshev, A. M. 2012. In Pidaev, Sh. (ed.). *Khudozhestvennaya kul'tura Tsentral'noy Azii i Azerbaydzhana IX-XV vv. (Art culture of Central Asia and Azerbaijan) 3 Torevtika (Toreutics)*. Samarkand; Tashkent: International Institute for Central Asian Studies, 97-122 (in Russian).

Kozhemyako, P. N. 1959. *Rannesrednevekove goroda i poseleniya Chuyskoy doliny (Early medieval cities and settlements of Chuy Valley)*. Frunze: Academy of Sciences of the Kyrgyz SSR (in Russian).

Kolchenko, V. A. 2019. In Iskanderova, I. (ed.). *Religii Tsentral'noy Azii i Azerbaydzhana. (Religions of Central Asia and Azerbaijan) 3. Buddizm (Buddhism)*. Samarkand: International Institute for Central Asian Studies, 57-163 (in Russian).

Kolchenko, V. A. 2003. In Masson, V. M. (ed.). *Dialog Tsvivilizatsiy (The Dialogue of Civilisations)*. 3. Bishkek: "Ilim" Publ., 48-55 (in Russian).

Kolchenko, V. A. 2019. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (ed.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde) 2. Series: Archaeological Records of Eastern Europe*. Kazan; Kishinev: "Stratum Plus" Publ., 209-221 (in Russian).

Masson, M. E., Goryacheva, V. D. 1985. *Burana: istoriya izucheniya gorodishcha i ego arkhitekturnykh pamyatnikov (Burana. The History of study of the hillfort and its architectural sites)*. Frunze: "Ilim" Publ. (in Russian).

Semenov, G. L. 2000. In Masson, V. M. (ed.). *Osh i Fergana v istoricheskoy perspective (Osh and Fergana in historical prospect)*. Series: Osh-3000 i kul'tura narodov Kyrgyzstana (Osh-3000 and the culture of nations of Kyrgyzstan) 3. Bishkek: "Muras" Publ., 67-69 (in Russian).

Terenozhkin, A. I. 1935. *Problemy istorii dokapitalisticheskikh obshchestv (Issues of Pre-Capitalist Societies History) (5-6)*, 138-150 (in Russian).

Terenozhkin, A. I. 2012a. In Kolchenko, A. I., Amanbaeva, B. E. (eds.). *Arkhivnye materialy po arkheologii Kyrgyzstana (Archive materials on archaeology of Kyrgyzstan)*. Bishkek: "Ilim" Publ. 28-37 (in Russian).

Terenozhkin, A. I. 2012b. In Kolchenko, A. I., Amanbaeva, B. E. (eds.). *Arkhivnye materialy po arkheologii Kyrgyzstana (Archive materials on archaeology of Kyrgyzstan)*. Bishkek: "Ilim" Publ. 38-63 (in Russian).

Torgoev, A. I. 2004. In *Vestnik Kyrgyzskogo Nacional'nogo universiteta im. Zh. Balasagyna. Ser. 1. Gumanitarnye nauki. Istoriya. Regionovedenie. Etnografiya. Religiovedenie (The bulletin of the Kyrgyz National University named after J. Balasagyn. Ser. 1. Humanities. History. Regional studies. Ethnography. Religious studies) 4*, 189-196 (in Russian).

Bernstam, A. N. (ed.). 1950. *Trudy Semirechenskoi arkheologicheskoi ekspeditsii. Chuyskaya dolina. (Works of Semirechye archaeological expedition. Chuy Valley)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 14. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences (in Russian).

About the Authors:

Kolchenko Valeriy A. Institute of History, Archaeology and Ethnology named after B. Dzhangerchinov National Academy of Science of the Kyrgyz Republic. Tabaldiev Str., 9, Bishkek, 720044, the Kyrgyz Republic; archak@gmail.com

Bezudny Vladimir G. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; lekt88@mail.ru

Tulush Demir K. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Tuvan Institute for Humanitarian and Applied Socio-Economic Research. Kochetova Str., 4, Kyzyl, 667000, the Republic of Tuva, Russian Federation; demirtdk@mail.ru

Sitdikov Airat G. TAS Corresponding Member. Doctor of Historical Sciences. Head of department, Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2022 г.
Статья принята к публикации 01.12.2022 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 297.904.908
К-78

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.6.59.75>

МУСУЛЬМАНЕ ХАЗАРСКОГО ВРЕМЕНИ НА СЕВЕРСКОМ ДОНЦЕ: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА И ВОПРОСЫ ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

© 2022 г. Э.Е. Кравченко

На территории распространения салтово-маяцкой культуры известно пять мусульманских могильников. Они находятся в среднем течении р. Северский Донец. Некрополи изучены неравномерно. Только на двух из них (археологические комплексы у сел Маяки и Сидорово Славянского р-на) исследовались могильники и прилегающие к ним поселения. Анализ их материалов позволяют сделать ряд выводов. Группы мусульман среднеазиатского происхождения попали на территорию Донецкого региона в середине IX века, в период сооружения крепостей на западных границах Хазарского каганата. На укрепленные поселения переселялись и другие этнические группы, в том числе, недавно осевшие кочевники (протоболгары?). Одним из центров размещения мусульман был Сидоровский комплекс, на котором находился крупный контингент, состоящий из пеших воинов. Связать данных мусульман с выходцами из Хорезма, известными в восточных источниках под именем «ал-арсийа», пока нет возможности в связи с малым количеством данных об этой группе населения хазарских городов. Данное предположение пока может рассматриваться в качестве рабочей версии.

Ключевые слова: археология, салтово-маяцкая культура, Хазарский каганат, ислам, некрополь, Северский Донец, постройки, погребения, валы, рвы, эскарпы/

THE MUSLIMS OF KHAZAR TIME ON THE SEVERSKIY DONETS: ARCHAEOLOGICAL EVIDENCE AND ISSUES OF THEIR INTERPRETATION

E.E. Kravchenko

Five Muslim burial grounds are known on the territory of the Saltovo-Mayaki culture. They are located in the middle reaches of the Severskiy Donets river. The necropolises have been studied unevenly. Only on two of them (archaeological sites near the villages of Mayaki and Sidorovo of Slavyansk district) were studied the burial grounds and adjacent settlements. The analysis of their materials allow the author to draw a number of conclusions. Groups of the Muslims of Central Asian origin came to the territory of Donetsk region in the middle of the 9th century, during the construction of fortresses on the western borders of the Khazar Khaganate. Other ethnic groups, including the recently settled nomads (proto-Bulgarians?), also moved to the fortified settlements. One of the centers of Muslim residence there was the Sidorovo complex, which had a large contingent of the infantry. To relate these Muslims to the natives of Khwarazm, known in the Eastern sources as «al-arsiyya», is not yet possible because of the small amount of data on this group of the Khazar cities. This supposition can be regarded as a run-time version for the time being.

Keywords: archaeology, Saltovo-Mayaki culture, Khazar Khaganate necropolis, Islam, Severskiy Donets, buildings, burials, ramparts, ditches, escarpments

Многочисленные исторические свидетельства о проживании в хазарских городах большого количества мусульман предполагают присутствие археологического материала, связанного с указанной группой населения. Тем не менее, местонахождение основных городов Хазарии точной локализации не поддается (Артамонов, 1962, с. 394–399; Новосельцев, 1990, с. 122–134; Гмыря, 1995, с. 66–89). Исследования поселений хазарского времени в Волжской дельте¹ только начаты (Котеньков, Соловьев, 2022). Благодаря чему

данным по расположенным на этих территориях населенным пунктам, а тем более, по прилегающим к ним некрополям крайне мало. В могильниках же, находящихся на землях, некогда входивших в состав Хазарского каганата, наблюдается полное господство язычества (Флеров, 2002, с. 94 – 95). Раннемусульманские некрополи хазарского времени были обнаружены лишь на западной окраине области распространения салтово-маяцкой культуры – в среднем течении Северского Донца.

Впервые на них обратили внимание в 70-х гг. XX в., когда С.И.Татариновым и А.Г.Копылом на археологическом комплек-

се у с. Маяки², был выявлен мусульманский могильник (Копыл, Шамрай, Татарин, 1977, с. 346; Копыл, Драголюбов, Татарин, 1977, с. 310). В 1979 и 1985 гг. С.И.Татарин и В.И.Волошко была исследована группа погребений у с. Платоновка Артемовского р-на Донецкой области (Дадашов, Татарин, 2009, с. 23). Два мусульманских некрополя найдены В.В.Давыденко на Сидоровском археологическом комплексе (Кравченко, Гусев, Давыденко, 1998; Кравченко, Давыденко, 2001, с. 233–234, 240–242; Кравченко, Мирошниченко, Петренко, Давыденко, 2005, с. 276–283; Кравченко, 2005). Раннемусульманские могильники на территории Луганской области (у с. Новолымаревка на р. Деркул и с. Лысогоровка на р. Айдар) изучались К.И.Красильниковым (Красильников, 2001 а, б; 2006; 2010, с. 26с28; Красильников, Красильникова, 2005). Таким образом, в среднем течении Северского Донца был выявлен ряд раннемусульманских некрополей, которые, пока что, остаются единственными памятниками этого типа на всей территории распространения салтово-маяцкой культуры.

Могильник у с. Новолымаревка Беловодского района Луганской области, (рис.1: 1) прилегает к крупному поселению салтово-маяцкой культуры. На нем прослежена группа захоронений с «признаками» мусульманского погребального обряда «в виде направленных к югу лицевых отделов черепов» (Красильников, 2001 а). Судя по всему поселение, расположенное возле могильника не изучалось, либо на нем были проведены очень небольшие по объему исследования.

Могильник у с. Лысогоровка Новопсковского района Луганской области (рис. 1: 2). Прилегал к крупному поселению салтово-маяцкой культуры, о степени изученности которого в доступных автору работах данных нет. На некрополе вскрыто 2500 кв.м. площади и расчищены 134 погребения. В отдельных могилах встречены вещи (55 предметов). Мусульманские погребения располагались компактной группой, рядами, вытянутыми вниз по склону, и были отделены ровом от языческой части некрополя (Красильников, 2006, с. 27). Погребальные сооружения представлены: узкими ямами с вертикальными стенками и ямами с заплечиками вдоль одной или двух сторон. В ряде могил присутствовали деревянные гробовища – рамы, не отличающиеся от рам других салтовских кладбищ, в том числе, языческих. Могилы имели деревянное перекрытие. Погребенные были уложены

головой в западный сектор, 50% – на спине, 35% – на правом боку, 15% с полуразворотом на правый бок. Стабильное положение рук: – «правая вытянута, левая – на костях таза», связано с пеленанием покойника (Красильников, 2006, с. 27). В 24 случаях на черепах умерших были прослежены «головные уборы в виде войлочных тубетеек» (Красильников, Красильникова, 2005, с. 210–211).

На объекте у с. Платоновка Артемовского/Бахмутского района Донецкой обл. (рис. 1: 3) в разные годы была вскрыта группа из пяти погребений. Три из них имели инвентарь и были близки захоронениям «зливкинского» типа. Два безынвентарных погребения уложены вытянуто на правом боку головой в западный сектор, и развернуты лицевой частью черепа к югу (Копыл, Татарин, 1990, с. 56–57; Дадашов, Татарин, 2009, с. 23). Осмотр данного участка, производимый автором в 2008 г., показал, что могильник находился рядом с достаточно крупным поселением салтово-маяцкой культуры³. Детальные раскопки некрополя, а также изучение прилегающего к нему поселения не производилось.

Некрополи у с. Маяки Славянского района (рис. 1: 4) прилегали к крупному городищу. Площадь салтовской части памятника составляет не менее 45 га. Могильник салтово-маяцкой культуры (S до 1 га), который В.К.Михеев отнес к IX в. (Михеев, 1985, с. 16), располагался на левом берегу отрога Ложникова Яра, ограничивающего памятник с юга. В 1976 и 1978 гг. на нем производились раскопки, во время которых были обнаружены, как салтовские безынвентарные погребения, так и группа мусульманских захоронений (Копыл, Шамрай, Татарин, 1977, с. 346; Копыл, Драголюбов, Татарин, 1979, с. 310; Копыл, Татарин, 1990)⁴.

В 1988–1989 гг. изучение некрополей Маяков было продолжено М.Л.Швецовым и автором. К старым раскопам (S – 550 кв.м./ более 80 погребений) прирезали более 1000 кв.м. площади, в пределах которой расчищено 63 захоронения. Стратиграфические и планиграфические наблюдения показали, что на данном участке располагалось не менее 2 некрополей. Один из них относился к хазарскому, а один – мусульманский – к золотоордынскому времени (Швецов, Кравченко, 1989; 1995, с. 503–505; Ходжайов, Швецов, Ходжайова, Фризен, 2012, с. 125–133)⁵.

Некрополь хазарского времени граничил с расчищенной С.И.Татарин и группой мусульманских захоронений (рис. 2:

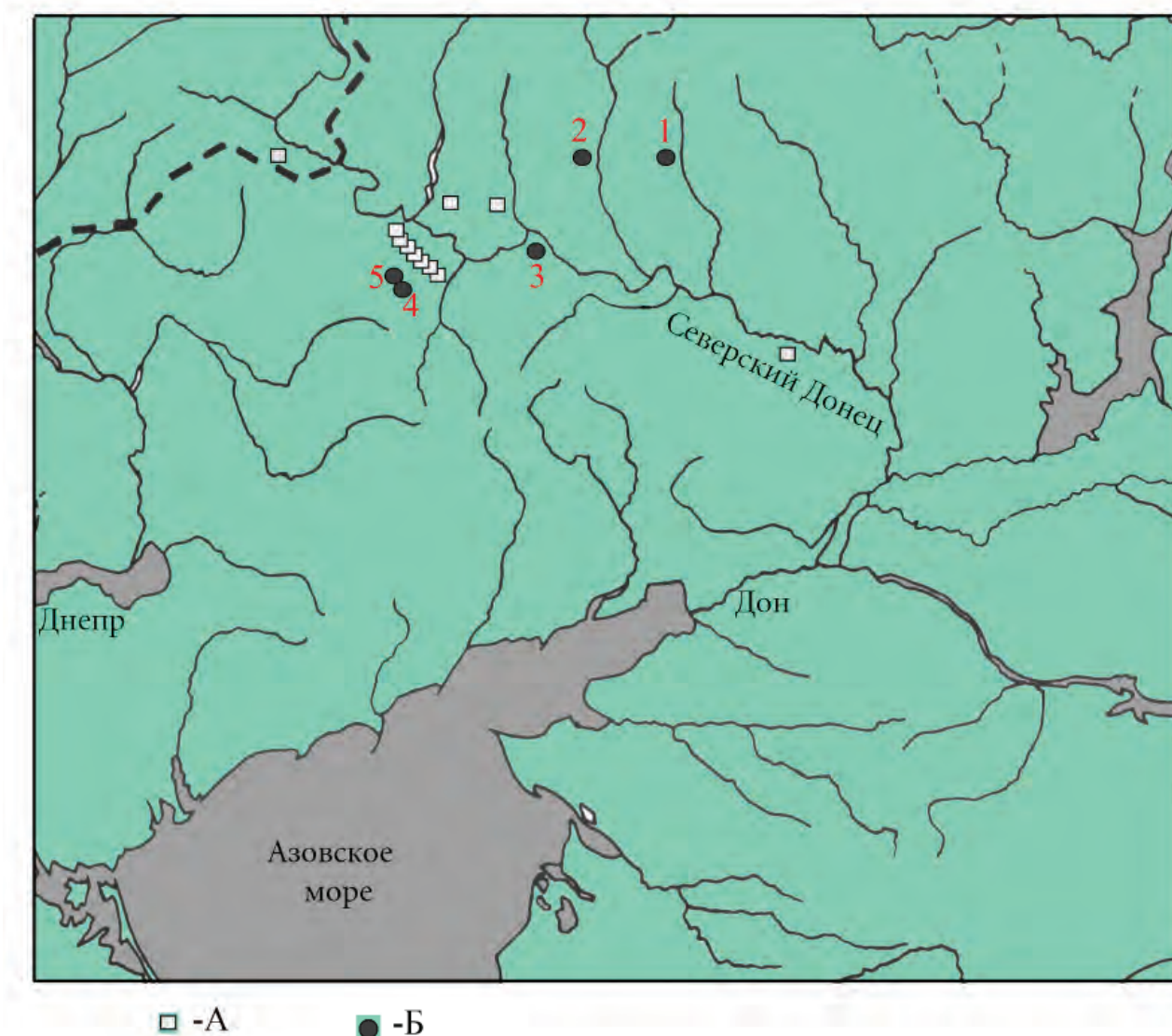

Рис. 1. Схема размещения раннемусульманских некрополей на западных окраинах Хазарского каганата. А – донецкая группа городищ; Б – раннемусульманские некрополи: 1 – Новолымаревка; 2 – Лысогоровка; 3 – Платоновка; 4 – Маяки; 5 – Сидорово.

Fig. 1. Location scheme of Early Muslim necropolises on the western outskirts of the Khazar Khaganate. А – Donetsk group of settlements; Б – Early Muslim necropolises: 1 – Novolymarevka; 2 – Lysogorovka; 3 – Platonovka; 4 – Mayaki; 5 – Sidorovo.

1). Могилы на нем располагались рядами. Встречаются случаи стратиграфии (рис. 2: 2-3) Большинство погребенных было уложено на спине головой в западный сектор (рис. 2: 4), имеются подзахоронения, произведенные в одной яме (Копыл, Татаринов, 1990, рис. 4: 9), скорченные погребения на правом или левом боку. Среди находок присутствуют единичные детали одежды и украшения. В одном погребении (№44) найдена половинка аббасидского дирхема (Ходжайов, Швецов, Ходжайова, Фризен, 2012, с. 130). Единичные захоронения, находящиеся в общих рядах, по обряду не отличались от погребений раннемусульманских кладбищ (рис. 3: 1, 2).

В 300 м к западу от этого участка (рис. 2: 1, 3) была расчищена группа из 14 мусульманских захоронений⁶, относящаяся к еще одному, разрушенному некрополю, который прилегал к внешней стороне линии укрепленной городища хазарского времени (рис. 4: 1, 3). Судя по распространению погребений, некрополь изначально имел крупные размеры. Могилы располагались рядами на расстоянии (1–1,5 м) друг от друга. Большинство погребений произведено в ямах с заплечиками вдоль длинных сторон. Умершего укладывали головой на запад, на правом боку или с разворотом на правый бок. Череп во всех случаях был развернут лицевой частью к югу. Руки нахо-

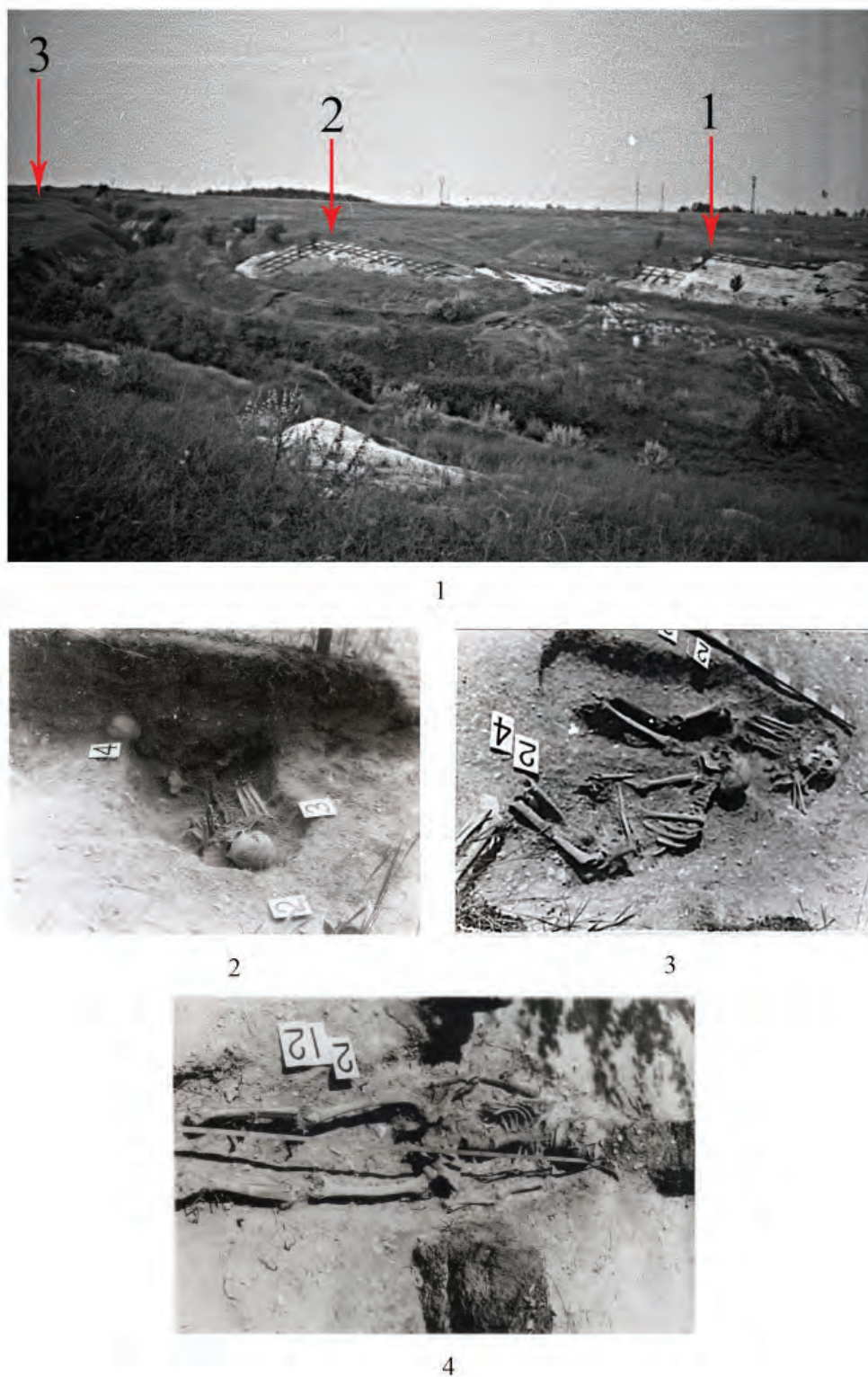

Рис. 2. 1 – вид с юга на раскопы 1988 г. на могильнике Маяки: 1 – раскоп 1, где были обнаружены захоронения могильников хазарского и золотоордынского времени; 2 – раскоп 2 на безы Inventарном некрополе хазарского времени; 3 – место расположения раннемусульманского могильника хазарского времени.

2-3 – захоронения 3 и 4 в раскопе 2 (1988 г.) в процессе расчистки и после нее
4 – погребение 12 раскопа 2 (1988 г.).

Fig. 2. 1 – view from the south on the 1988 excavations of Mayaki burial ground: 1 – excavation 1, where were found burials of the Khazar and Golden Horde time; 2 – excavation 2 on necropolis without inventory of the Khazar time; 3 – location of the Early Muslim burial ground of the Khazar time.

2-3 – burials 3 and 4 in excavation 2 (1988) during and after cleaning; 4 – burial 12 of excavation 2 (1988).

дились в нижней части корпуса. Положение некоторых скелетов свидетельствует о том, что погребенные были спелёнаны.

Сидоровский археологический комплекс (рис. 1: 5) - крупнейший раннесредневековый памятник на рассматриваемой территории. Общая площадь городища, двух селищ и четырех некрополей превышает 120 га. Могильники 1 и 2 содержат мусульманские захоронения. На могильнике 1 (S – более 2 га), расположенном на северной окраине памятника, расчищено 214 погребений. Они располагались рядами, вытянутыми вниз по склону, на расстоянии 0,4–2 м. друг от друга. Практически все погребения произведены в ямах с заплечиками. Три детских захоронения уложены в ямы с подбоем. На уровне заплечиков погребальные камеры перекрывали продольными досками или поперечными плашками. Одна могила имела двускатное перекрытие. В западной части камер присутствовали невысокие материковые уступы, либо производилась меловая подсыпка, на которую укладывалась голова погребенного. В погребении 111 под голову была положена плоская плитка мела. В отдельных захоронениях встречены гробовища - деревянные рамы без дна, широко распространенные на некрополях хазарского времени.

Большинство погребенных уложено головой в западный сектор, на спине или с разворотом на правый бок. Руки – в нижней части корпуса. У многих скелетов наблюдается характерное положение костей, свидетельствующее, что покойник подвергался пеленанию. В 90% случаев голова покойника была развернута лицевой частью в южную сторону. У 10% погребений имеются отклонения, выражающиеся в развороте лицевой части черепа вверх или к северу. Погребения безынвентарны. Единичные предметы содержались в трех могилах, находящихся в одних рядах с погребениями, произведенными по мусульманским канонам.

Могильник 2 расположен в яру, отделяющем городище от селища 1. На нем расчищено 11 захоронений. По обряду он не отличался от некрополя 1. Судя по распространению захоронений, выявленных на обнажениях грунта, он имел значительные размеры, и был не меньше могильника 1.

Как видим, все раннемусульманские некрополи зафиксированы у крупных населенных пунктов. Изучены они неравномерно. На могильниках Луганской области (Новолымаревка и Лысогоровка) раскопкам подвергнуты

собственно некрополи. О прилегающих к ним поселениях имеется мало сведений. На памятнике у с. Платоновка раскопки ограничились изучением разрушаемых погребений. Произвести некоторые наблюдения позволяют лишь относительно хорошо изученные археологические комплексы у сел Маяки и Сидорово.

Составной частью этих памятников являются городища, укрепления которых были дерево-земляными. На Маяках с напольной стороны рвами и валами была отрезана часть холма, площадью 17,78 га. (рис. 4: 1). Склон со стороны реки был укреплен эскарпом (рис. 5: 1, 2). Этот мощный эскарп совершенно не гармонирует с неглубоким рвом и невысоким валом, ограждающим городище с напольной стороны (рис. 4: 2). В связи с тем, что эта линия укреплений одновременно защищает и городище, и прилегающее к нему с юга селище 2, В.К.Михеев в ранних отчетах (до 1966 г.) называл площадку городища «Верхним городом» а селище 2 – «Нижним городом» или «Нижним посадом» (Михеев, 1964, с. 4; 1968, рис. 1). Исследования показали, что вал Маяков уложен на культурный слой, что свидетельствует о том, что укрепления были сооружены на поселении, существовавшем какой-то промежуток времени (Михеев, 1963, с. 6; 1968, с. 16–17).

На Сидоровском комплексе со стороны реки также присутствует эскарп (рис. 6: 1). Он имеет более широкую ступень, чем эскарп Маяков и визуально более четко различим. На площадке холма находятся две разновременных линии укреплений (Кравченко, 2018, с. 14-24). Внутренняя/ранняя - периметр 1,2-1,3 км и внешняя/поздняя – 2,5 км) Достаточно глубокие (более 2 м.) рвы Сидоровского комплекса имеют иную конфигурацию, чем ров Маяков (рис. 6: 2). В нижней их части присутствует вертикальная неширокая, но достаточно глубокая канава с отвесными стенками, существенно усложняющая попытку выбраться из рва. Линии укреплений Сидорова усилены дополнительными сооружениями (подобием палисада), находящимися вне валов. Как и на Маяках, укрепления были построены на территории уже существующего населенного пункта. Валы внутренней линии сооружены из культурного слоя, срезанного с прилегающих участков поселения. В их основании выявлены фрагменты кувшинов с плоскими ручками, которые на интересующей нас территории появляются не ранее середины IX века (Кравченко, 2020а, с. 24–25).

1

2

Рис. 3. 1-2 – погребения 5 и 6 раскопа 2 (1988 г.) на некрополе Маяки.
Fig. 3. 1-2 – burials 5 and 6 of excavation 2 (1988) in the Mayaki necropolis.

Как видим, до появления укреплений, описанные населенные пункты уже существовали. Вероятно, в период, когда на поселениях в среднем течении Северского Донца строились укрепления, на эти населенные пункты пришли новые группы населения. В том числе и мусульмане. В пользу этого свидетельствует ряд наблюдений:

а) салтовский раннемусульманский некрополь Маяков прилегает к внешней стороне линии укреплений памятника;

б) могильник 1 Сидоровского комплекса прилегает к поздней части поселения;

в) мусульманский могильник 2 Сидоровского комплекса расположен у участка памятника, который формировался не ранее середины IX века;

г) ряды погребений на могильнике 2 обрываются на хозяйственных ямах поселения, подходя к ним вплотную, но не пересекая их. В этих ямах, среди прочего материала, содер-

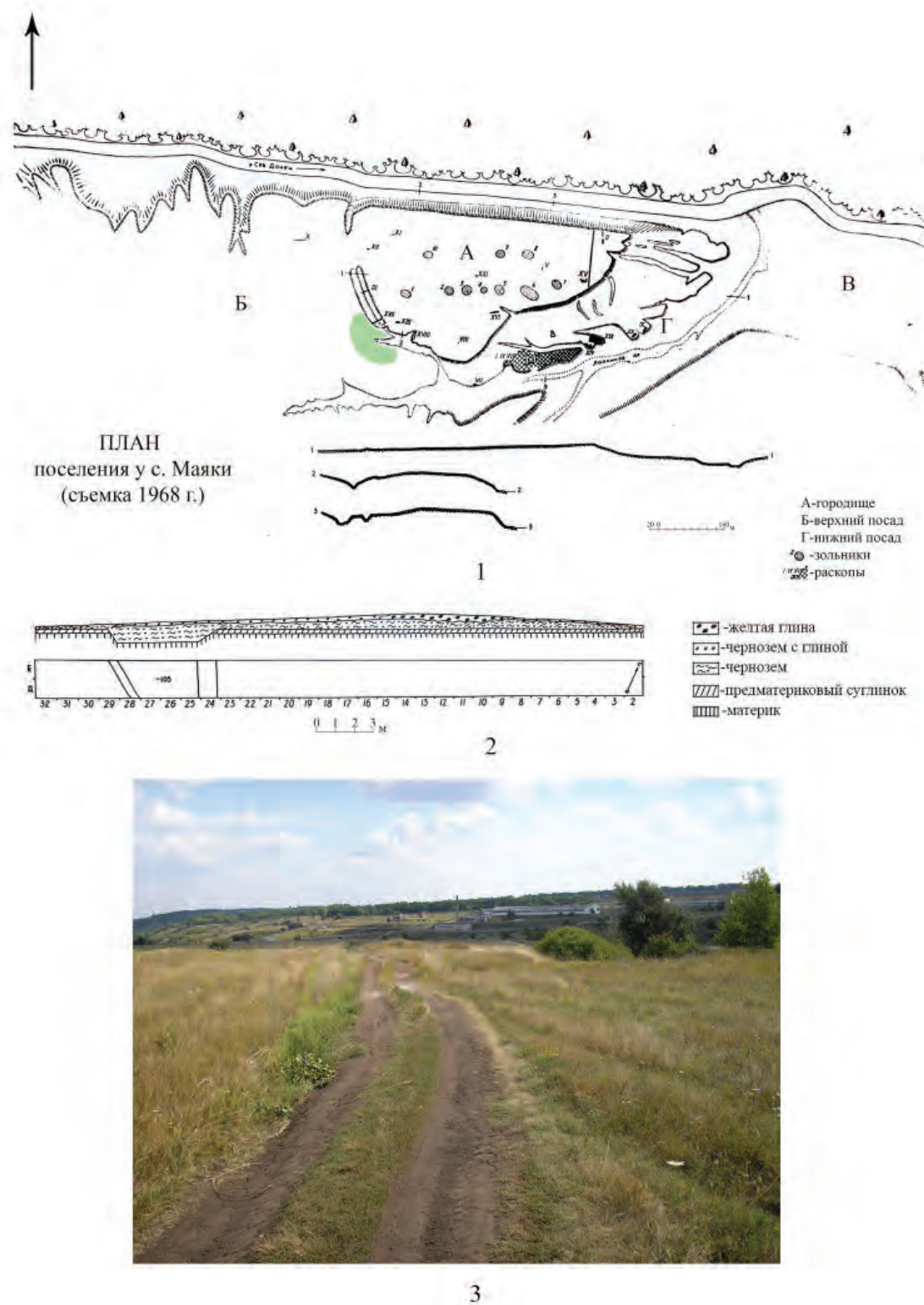

Рис. 4. 1 – план археологического комплекса у с. Маяки (по В.К. Михееву, 1968 г.); зеленым цветом выделено место расположения раннемусульманского некрополя хазарского времени; 2 – разрез рва и вала городища археологического комплекса у с. Маяки (по В.К. Михееву); 3 – вид участка, на котором располагается раннемусульманский некрополь археологического комплекса у с. Маяки (фото 2005 г.)

Fig.4. 1 – plan of the archaeological complex near the village of Mayaki (according to V.K. Mikheyev, 1968); the location of the Early Muslim necropolis of the Khazar time is shown in green; 2 – section of the ditch and rampart of the settlement of the archaeological complex near the village of Mayaki (according to V.K. Mikheyev); 3 – view of the area where the Early Muslim necropolis of the archaeological complex near the village of Mayaki is located (photo 2005).

1

2

Рис. 5. 1 – вид на эскарп археологического комплекса у с. Маяки с северо-востока; 2 – ступень эскарпа археологического комплекса у с. Маяки.

Fig. 5. 1 – view of the escarpment of the archaeological complex near the village of Mayaki from the north-east; 2 – step of the escarpment of the archaeological complex near the village of Mayaki.

1

2

Рис. 6. 1 – вид с городища на ступень эскарпа Сидоровского археологического комплекса;
2 – разрез рва Сидоровского археологического комплекса.

Fig. 6. 1 – view from the fortified settlement on the escarpment step of the Sidorovo archaeological complex;
2 – section of the ditch of the Sidorovo archaeological complex.

жались фрагменты кувшинов с плоскими ручками.

В пользу того, откуда пришли на территорию Донецкого края первые мусульмане, существует ряд соображений. К.И.Красильников

высказал предположение о наличии восточных влияний на материальную культуру населения среднего течения Северского Донца хазарского времени (Красильников, 1986, с. 48; 2001 а; 2001 б, с. 311). К таким

же выводам пришел и автор. Сходство точек зрения, возникших независимо друг от друга, обусловлено близким характером полученного при исследованиях материала, который иначе трудно было интерпретировать. Так, на поселениях Луганцины были зафиксированы не характерные для салтовских памятников региона отопительные сооружения восточного происхождения – тандыры (Красильников, 1986). Печи и санитарные сооружения, сделанные из вкопанных вертикально крупных сосудов с выбитым дном (иногда с вымощенной рядом площадкой) были выявлены на Сидоровском комплексе (Кравченко, 2020а, с. 75–78). Есть они и на Маяках (Кравченко, Цимиданов, Кузин, 1998, с. 3–4). Все эти сооружения находят аналоги в Средней Азии. В частности параллели им присутствуют у уйгуров Ферганы (Захарова, 1959, с. 278–280; Писарчик, 1982, с. 80–81).

Для рассматриваемой нами территории правильным будет направление лица погребенного строго к югу. Большинство же могил на раннемусульманских некрополях региона имеет отклонение к северу, достигающее 30–35°. Такую ориентировку имеют и захоронения на территории Средней Азии, в частности, в Хорезме (Ягодин, Ходжайов, 1970, с. 155, рис. 20–22). Создается впечатление, что население копировало обряд, принесенный с другой территории, где правильным было именно такое положение покойника.

Источники повествуют, что мусульмане в городах, расположенных в центре Хазарии, входили в несколько социальных групп. Крупнейшими из них были ремесленники, торговцы и воины (Заходер, 1962, с. 159; Быков, 1974, с. 60–62). Вероятно, та же ситуация наблюдалась и в укрепленных поселениях, находящихся на западном пограничье каганата.

Маяки представляли собой крупный ремесленно-торговый центр (Материальная культура...2017). Активные следы торговой деятельности фиксируются и на Сидорово. Здесь есть находки гирек, чашечка весов, монеты Арабского халифата. До 35–40% керамики Сидоровского комплекса составляют фрагменты привозных амфор, большинство которых было изготовлено в Крыму и на Тамани (Кравченко, 2020 а, с. 103).

На Сидоровском комплексе очень мало орудий труда, связанных с земледелием: - найдены два наральника, обломки двух серпов, два жернова от ручных мельниц и несколько мелких фрагментов таких же

камней (Кравченко, 2020 а, с. 128–129). На Маяках орудия труда, связанные с земледелием и переработкой его продуктов встречены в очень большом количестве (Сибилев, 1930, с. 11; Михеев, 1985, с. 136, рис. 27). На Сидорово намного реже встречаются фрагменты гончарных серолощенных пифосов и корчаг, которые широко представлены на Маяках. Мало находок предметов, связанных с ремеслами, которые на Маяках, снова же, присутствуют в избытке. Все это свидетельствует о том, что хозяйство жителей Сидоровского комплекса носило потребительский, а не производящий характер.

Особый интерес представляет сравнительный анализ выявленных на этих памятниках построек. На Маяках, наряду с землянкой, группой полуземлянок и незначительно (0,4–0,6 м) углубленных в грунт сооружений, зафиксировано присутствие юртообразных/круглоплановых жилищ. К настоящему моменту на этом памятнике найдено 5 таких построек. Четыре из них раскопано В.К.Михеевым в пределах селища 2 (Михеев, 1985, с. 13). Одно жилище этого типа было выявлено М.Л.Швецовым и автором на селище 3, которое расположено на неукрепленной восточной окраине памятника. Содержащиеся в нем материалы позволили датировать указанную постройку сер. IX века (Кравченко, 2022 б). Вероятно, к этому же времени относились и юрты, найденные В.К.Михеевым (см. Флеров, 1996, с. 59).

Присутствие юртообразных построек на памятниках хазарского времени В.С.Флеров рассматривал, как пережиток кочевого быта и связывал с осевшим на землю кочевым населением (Флеров, 1996, с. 58–60). К какой этнической группе оно относилось, не совсем ясно. Возможно, на рассматриваемых нами территориях, это были протоболгары. Так или иначе, указанное население являлось вчерашними кочевниками, вынужденными в силу каких-то обстоятельств, поселиться в пределах поселения, население которого имело длительные оседлые традиции. В данном случае, на одном из донецких городищ.

На Сидоровском комплексе выявлено значительное количество построек: - остатки двух наземных жилищ и 27 полуземлянок, среди которых присутствовали врезанные в склоны комбинированные жилища⁷ (Кравченко, 2020 а, с. 68–75). При всем многообразии жилых сооружений, круглоплановых построек на данном памятнике выявлено не было, что весьма показательно.

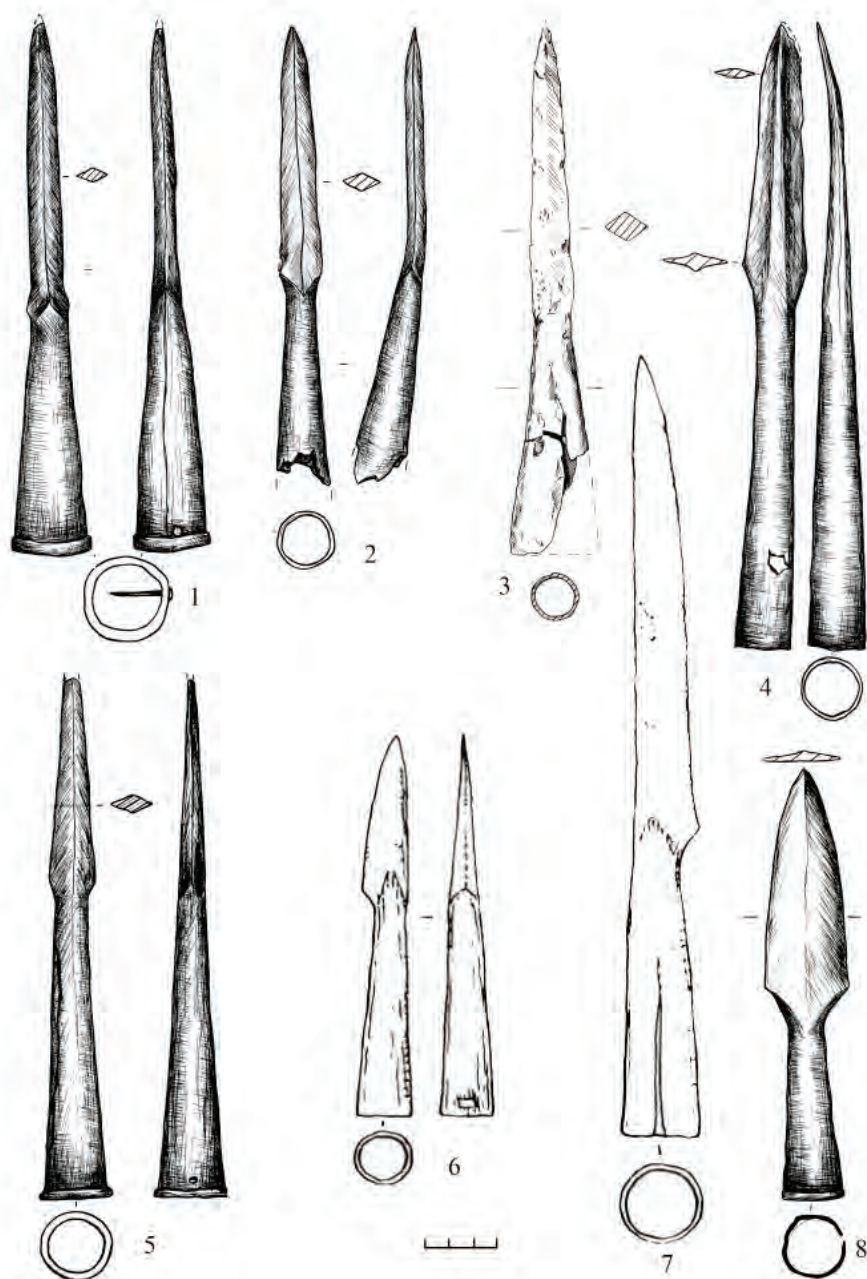

Рис. 7. Наконечники копий с археологического комплекса у с. Маяки.
 Fig. 7. Spearheads from the archaeological complex near the village of Mayaki.

Таким образом, мы видим, что население двух расположенных неподалеку (7 км) крупных поселений имело существенные отличия в способе ведения хозяйства, этнических составляющих, и в плане религиозном. По крайней мере, процент групп населения, придерживавшихся той или иной конфессии, на этих памятниках существенно отличался. На археологическом комплексе у с. Маяки, вероятно, мусульман было меньше чем на соседнем Сидоровском комплексе. Несмотря на то, что на Маяках, у валов городища, присутствовал крупный мусульманский могильник, общий облик большинства некрополей этого памятника, в которых единичные

мусульманские захоронения были разбросаны между многочисленных могил с немусульманской погребальной обрядностью, свидетельствует не в пользу высокого влияния здесь мусульман. Кроме этого, в остеологическом материале, происходящем со слоев хазарского времени археологического комплекса у с. Маяки, даже визуально можно определить наличие костей свиньи.

В отличие от Маяков, на Сидоровском комплексе мусульманское население было очень влиятельным. Обработка Г.Ш.Асылгараевой остеологических материалов Сидорова показала практически полное отсутствие в них свиных костей⁸. Наличие

при памятнике крупных раннемусульманских некрополей со стабильным погребальным обрядом, полностью соответствующем требованиям канонов, свидетельствует о присутствии здесь крупной мусульманской общины. Учитывая это, факт, что хозяйство Сидоровского комплекса было потребляющим, а также факт, что памятник имел протяженную линию укреплений, что требовало присутствия на нём значительного в количественном отношении гарнизона (Кравченко, 2018, с. 26), можно предположить, что мусульмане Сидоровского комплекса составляли воинский контингент. Вполне возможно, что именно Сидоровский комплекс являлся своеобразной базой, на которой концентрировался крупный мусульманский воинский гарнизон, контролирующей значительную территорию.

О его характере косвенно свидетельствуют выявленные на памятнике материалы. Находок оружия и деталей амуниции на Сидоровском комплексе достаточно много. Из предметов вооружения найдены кистени, детали пластинчатого панциря, пластина от бармицы шлема (?) боевой топорик, фрагменты сабель, наконечники стрел и накладки лука. Особый интерес представляют умбоны от щитов, которые на салтовских памятниках исключительно редки. На Сидоровском же комплексе они представлены тремя находками (Кравченко, 2020 а, с. 121–122). Единичными находками представлены предметы конской сбруи (удила, стремяна, конские путы). Практически полностью отсутствуют находки копий и пик. Наиболее вероятно, что находящийся в пределах Сидоровского комплекса гарнизон состоял из пеших воинов, что вполне согласуется с тем, что в их функции входила и оборона укреплений.

На археологическом комплексе у с. Маяки, напротив, зафиксировано большое количество конского снаряжения. Среди находок много стремян, удила, деталей конской сбруи,

дужек от седел, сбруйных колец и подпружных пряжек. На Маяках обнаружено множество наконечников копий и дротиков различных типов (рис. 7). В том числе много пик (Кравченко, 2020 б), широко применявшихся всадниками (Кирпичников, 1966, с. 16).

Оборонительные сооружения Маяков были намного слабее укреплений Сидоровского комплекса. Вероятно, слабость этих укреплений и стала причиной того, что в начале X века городище подверглось сокрушительному разгрому и погибло в пожаре, следы которого хорошо читаются при раскопках. Благодаря этому пожару на Маяках сохранилось огромное количество вещей, в том числе и дорогостоящих орудий труда и оружия.

Таким образом, мусульмане появились в среднем течении Северского Донца, как воинский контингент. Их приход совпал со строительством здесь в середине IX века цепи крепостей. Вероятно, это строительство было связано с укреплением или расширением западных границ каганата. В отличие от сооружения крепостей в 30-е гг. IX в. на Нижнем и Среднем Дону, которое носило государственный характер, это строительство, вероятно, велось силами местных общин, с чем было связано использование различных строительных приемов при сооружении укреплений. Тем не менее, для защиты их местные гарнизоны, часть которых состояла из недавно осевших кочевников, были усилены пришлым воинским контингентом, представленным мусульманами среднеазиатского происхождения. Весьма заманчивым представляется связать этот контингент с мусульманами-хорезмийцами – «ал-арсийя», которые упоминаются в восточных источниках, однако для этого пока что нет достаточных фактических обоснований. Благодаря чему данное предположение, ныне может рассматриваться лишь в качестве рабочей версии.

Примечания:

¹ В понимании автора, здесь, как и на других территориях, входивших в состав Хазарии, древности Хазарского каганата представлены материалами салтово-маяцкого типа, а не какими-либо иными.

² Славянский р-н Донецкой области.

³ Материалы хазарского времени встречались на поверхности пахотного поля на участке 0,3×0,3 км.

⁴ Согласно более позднему сообщению С.И.Татарина, раскопки на некрополях производились им и С.А.Федотовым в 1976, 1978 и 1989 гг. (Дадашов, Татарин, 2009, с. 20). Вероятно, в последней дате присутствует опечатка, так как в 1989 г. некрополь изучался М.Л.Швецовым и автором. Как представляется раскопки некрополей С.И.Татарининым и С.А.Федотовым производились в 1976, 1978 и 1979 гг.

⁵ В книге В.К.Михеева сообщено о трех могильниках на этом участке (Михеев, 1985, с. 16-18). Т.н. «могильнику 2», якобы содержащему захоронения хазарского времени по обряду кремации посвящена отдельная статья (Кравченко, 2022 а). М.Л.Швецов также считал, что на этом месте было три некрополя.

⁶ В отчетах и публикации указанный участок назван «Останец 2» (Швецов, Кравченко, 1989; Ходжайов,

Швецов, Ходжайова, Фризен, 2011, с. 129-130, рис. 18).

⁷ По С.А.Плетневой – полуназемные жилища (Плетнева, 1989, с. 32-35)

⁸ За 13 полевых сезонов на данном памятнике был обнаружен только один клык дикого кабана.

ЛИТЕРАТУРА

Артамонов М.И. История хазар. Л.: ГЭ, 1962. 523 с.

Быков А.А. Из истории денежного обращения Хазарии в VIII и IX вв. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Т. III / Ред. ред. А. С. Тверитинова. М.: Наука. С. 26–70.

Гмыря Л.Б. Страна гуннов у Каспийский ворот. Махачкала: Даг. кн. изд-тво, 1995. 288 с.

Дадашов О.С., Татаринцов С.И. Бахмутский край и хазарский каганат. Артемовск: Центр памятниковедения НАН Украины и Украинского общества охраны памятников истории и культуры, Бахмутское региональное отделение, 2009. 59 с.

Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. 1. Горган и Поволжье в IX–X вв. М.: Восточная литература, 1962. 281 с.

Захарова И.В. Материальная культура уйгуров Советского Союза // Среднеазиатский этнографический сборник. Т. II / Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Т. 47 / Отв. ред. С.П. Толстов, Т.А. Жданко. М.: АН СССР, 1959. С. 215–298.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени. IX–XIII вв. / САИ. Е-1-36. М-Л.: Наука, 1966. 144 с.

Копыл А.Г., Драголюбов А.В., Татаринцов С.И. Работы в Донецкой области // АО 1976 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1977. С. 310.

Копыл А.Г., Татаринцов С.И. Мусульманские элементы в погребальном обряде протоболгар Среднедонечья // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе / Отв. Ред. А. Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1990. С. 52–71.

Копыл А.Г., Шамрай А.В., Татаринцов С.И. Раскопки раннесредневекового могильника у с. Маяки // АО 1978 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1979. С. 346.

Котеньков С.А., Соловьев Д.С. Маршрутами Л.Н. Гумилева. Новые хазарские памятники в дельте Волги // Степные миры в зеркале археологии. Сборник статей, посвященный 70-летию М.К.Хабдуллиной / Отв. ред. Б.М. Хасенова. Нур-Султан: ИП ARD-Print, 2022. С. 214–222.

Кравченко Э.Е. Мусульманское население среднего течения Северского Донца и распространение ислама в Восточной Европе в хазарское время // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 4. Хазарское время / Гл.ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2005. С. 153–186.

Кравченко Э.Е. Оборонительные сооружения археологического комплекса у с. Сидорово // Поволжская археология. 2018 № 2 (25). С. 10–32.

Кравченко Э.Е. Сидоровский археологический комплекс на р. Северский Донец // Археология Евразийских степей. 2020а. № 4. 344 с.

Кравченко Э.Е. Предметы вооружения и конского снаряжения хазарского времени (среднее течение Северского Донца) // Археология Евразийских степей. 2020б. № 6. С. 198–223.

Кравченко Э.Е. О захоронениях по обряду кремации в среднем течении р. Северский Донец // Поволжская археология. 2022а. № 2 (40). С. 56–71.

Кравченко Э.Е. Группа построек хазарского времени археологического комплекса у с. Маяки (по материалам раскопок 1990 г.) 2022б. (В печати)

Кравченко Э.Е., Гусев О.А., Давыденко В.В. Ранние мусульмане в среднем течении Северского Донца // Археологический альманах. Вып. № 7 / Отв. ред. А.В. Колесник. Донецк: Лебедь, 1998. С. 113–140.

Кравченко Э.Е., Давыденко В.В. Сидоровское городище // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2 / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2001. С. 233–302.

Кравченко Э.Е., Мирошниченко В.В., Петренко А.Н., Давыденко В.В. Исследования археологического комплекса у с. Сидорово (материалы экспедиций 2001-2003 гг.) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 4. Хазарское время / Гл.ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2005. С. 261–356.

Кравченко Э.Е., Цимиданов В.В., Кузин В.И. Отчет о работах археолого-этнографической экспедиции Донецкого областного краеведческого музея в Славянском районе в 1998 г. // Архив ИА НАНУ №1998/101.

Красильников К.И. Тандыры в салтовских жилищах Подонья // СА. 1986. № 3. С. 48–60.

Красильников К.И. Археологические свидетельства азиатского этноса в степном Подонцовье в раннем средневековье // V сходовнаві читання А.Кримського. Тези доповідей міжнародної наукової конференції. (10-12 жовтня 2001 р.) К., 2001а. С. 91–92

Красильников К.И. Новые данные об этническом составе населения Степного Подонцовья VIII-нач.Х вв. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2 / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2001. С. 303–322.

Красильников К.И., Красильникова Л.И. Могильник у с. Лысогоровка – новый источник по этноистории степей Подонцовья раннего средневековья // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 4. Хазарское время / Гл.ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2005. С. 187–244.

Красильников К.И. Новое к этнической теме степного варианта Салтовской культуры (по результатам работ на Лысогоровском могильнике в 2004 г.) // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Вип.5 / Відю. ред. С. Н. Сандяров Луганск: Вид. СНУ ім. В. Даля, 2006. С. 299–328.

Красильников К.И. Этнокультурные признаки населения степей Хазарской периферии (к вопросу об идентификации) // Научные труды по иудаике. Материалы XVII Международной ежегодной конференции по иудаике. Т. II / Отв. ред. В.В. Мочалова. М.: Пробел-2000, 2010. С. 16–32.

Матеріальна та духовна культура населення Подінців'я в період середньовіччя VIII–XIV ст. на прикладі городища «Царине» (Маяцьке). Каталог виставки. / Автори укладачі Дєдов В.Н., Шамрай А.В., Соловкін О.О. Київ: Вид. САМ. 2017. 95 с.

Михеев В.К. Результаты археологических работ на Маяцком городище в 1963 г. // Архив музея истории и этнографии Слободской Украины Харьковского национального университета. Ф. 1; Оп. 2; Ед. хр. 4.

Михеев В.К. Отчет об археологических раскопках поселения у с. Маяки в 1964 г. // НА ИА НАНУ №1964/28

Михеев В.К. Отчет об археологических исследованиях поселения салтово-маяцкой культуры у с. Маяки в 1968 г. // Архив ИА НАНУ 1968/48.

Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков: ХГУ, 1985. 147 с.

Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории народов Восточной Европы и Северного Кавказа. М.: Наука, 1990. 262 с.

Писарчик А.К. Традиционные способы отопления жилищ оседлого населения Средней Азии в XIX-XX вв. // Жилище народов Средней Азии и Казахстана / Отв. ред. Е. Е. Неразик, А. Н. Жилина. М.: Наука, 1982. С. 69–111.

Плетнёва С.А. На славяно–хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.: Наука, 1989. 288 с.

Сибилев Н.В. Древности Изюмщины. Вып. 4. Изюм, 1930. 28 с.

Флеров В.С. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. М.: ИА РАН, 1996. 100 с.

Флеров В.С. Иудаизм в Хазарии: - где и что искать? // Хазары. Тезисы Второго Международного коллоквиума / Ред. В. Я. Петрухин, А. М. Федорчук. М.: Сэфер, 2002. С. 93–96.

Ходжайов Т.К., Швецов М.Л., Ходжайова Г.К., Фризен С.Ю. Население Подонцовья эпохи Золотой Орды (по материалам могильников у с. Маяки) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 11. Золотоордынское время. / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДНУ, 2012. С. 125–192.

Швецов М.Л., Кравченко Э.Е. Отчет о спасательных археологических исследованиях на памятнике у с. Маяки и пос. Донецкого Славянского р-на Донецкой обл. в 1989 г. //НА ИА НАНУ №1989/249. 22 с.

Швецов М.Л., Кравченко Э.Е. Нові матеріали до історії ісламу на Україні // Тези повідомлень Міжнародного V круглого столу (Львів, 3-5 травня 1995 р.) Частина 5. Київ-Львів, 1995. С. 503–505.

Ягодин В.Н., Ходжайов Т.К. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент: Фан, 1970. 254 с.

Информация об авторе:

Кравченко Эдуард Евгеньевич, кандидат исторических наук, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); sidae@mail.ru

REFERENCES

Artamonov, M.I. 1962. *Istoriya Khazar (History of the Khazars)*. Leningrad: The State Hermitage Museum (in Russian).

Вукон, А. А. 1978. In Tveritinova, A. S. (ed.) *Vostochnye istochniki po istorii narodov Yugo-Vostochnoy i Tsentral'noy Evropy (Eastern sources on the history of the peoples of Southeastern and Central Europe)* 3. Moscow: "Nauka" Publ., 26–70 (in Russian)

- Gmyrya, L. B. 1995. *Strana gunnov u Kaspiyskiy vorot (The Huns State at the Caspian Gates)*. Makhachkala: "Dagistanskoe kn. izd-tvo" Publ. (in Russian)
- Dadashov, O. S., Tatarinov, S. I. 2009. *Bakmutskii krai i khazarskii kaganat (Bakmut region and the Khazar Khaganate)*. Artemovsk (in Russian)
- Zakhoder, B. N. 1962. *Kaspiyskiy svod svedeniy o Vostochnoy Evrope. T. 1. Gorgan i Povolzh'e v IX–X vv. (The Caspian Corpus of Information on Eastern Europe. Vol. 1. Gorgan and the Volga Region in 9th – 10th cc.)* Moscow: "Vostochnaya literatura" Publ. (in Russian).
- Zakharova, I. V. 1959. In Tolstov, S. P., Zhdanko, T. A. (eds.). *Sredneaziatskiy etnograficheskiy sbornik (Central Asian ethnographic collection of articles)* 2. Series: Trudy Instituta etnografii im. N.N. Miklukho-Maklaia (Proceedings of the N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnography, USSR Academy of Sciences) 47. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 215–298 (in Russian).
- Kirpichnikov, A. N. 1966. *Drevnerusskoe oruzhie (Early Russian Weapons)* 2. *Kop'ia, sulitsy, boevye topory, bulavy, kisteni IX–XIII vv. (Spears, Lances, War Axes, Maces, Flails of 9th–13th Centuries)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1-36. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Kopyl, A. G., Dragoliubov, A. V. Tatarinov, S. I. 1977. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1976 g. (Archaeological Discoveries in 1976)*. Moscow: "Nauka" Publ., 310 (in Russian).
- Kopyl, A. G., Tatarinov, S. I. 1990. In Khalikov, A. Kh. (ed.) *Rannie bolgary i finno-ugry v Vostochnoy Evrope (The Early Bulgars and Finno-Ugric peoples in Eastern Europe)*. Kazan: Institute for Language, Literature, and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 52–71 (in Russian).
- Kopyl, A. G., Shamrai, A. V., Tatarinov, S. I. 1979. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1978 g. (Archaeological Discoveries in 1978)*. Moscow: "Nauka" Publ., 346 (in Russian).
- Kotenkov, S. A., Solovev, D. S. 2022. In Khasenova, B. M. (ed.). *Stepnye miry v zerkale arkheologii. Sbornik statei, posvyashchennyi 70-letiyu M.K.Khabdullinoi (Steppe worlds in the mirror of archaeology. Collection of articles dedicated to the 70th anniversary of M.K. Khabdullina)*. Nur-Sultan: "ARD-Print" Publ., 214–222 (in Russian)
- Kravchenko, E. E. 2005. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 4. *Khazarskoe vremia (Khazar Time)*. Donetsk: Donetsk National University, 153–186 (in Russian).
- Kravchenko, E. E. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 25 (2), 10–32 (in Russian).
- Kravchenko, E. E. 2020. *Sidorovskii arkheologicheskii kompleks na r. Severskii Donets (Sidorovsky Archaeological Complex on the Seversky Donets River)*. *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4 (in Russian).
- Kravchenko, E. E. 2020. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 198–223 (in Russian).
- Kravchenko, E. E. 2022. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 40 (2), 56–71 (in Russian).
- Kravchenko, E.E. (in print) *Gruppa postroek khazarskogo vremeni arkheologicheskogo kompleksa u s. Mayaki (po materialam raskopok 1990 g.) (The information about group of Khazar buildings founded near village of Mayaki (based on the materials of archaeological excavations in 1990)* (in Russian).
- Kravchenko, E. E., Gusev, O. A., Davydenko, V. V. 1998. In Kolesnik, A. V. (eds.) *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological almanac)* 7. Donetsk: "Lebed'" Publ., 113–140 (in Russian).
- Kravchenko, E. E., Davydenko, V. V. 2001. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 2. *Khazarskoe vremia (Khazar Time)*. Donetsk: Donetsk National University, 233–302 (in Russian).
- Kravchenko, E. E., Miroshnichenko, V. V., Petrenko, A. N., Davydenko, V. V. 2005. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 4. *Khazarskoe vremia (Khazar Time)*. Donetsk: Donetsk National University, 261–356 (in Russian).
- Kravchenko, E. E., Tsimidanov, V. V., Kuzin, V. I. 1998. *Otchet o rabotakh arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii Donetskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya v Slavyanskom rayone v 1998 g. (Report on the work of the archaeological and ethnographic team of the Donetsk Regional Museum of Local History in the Slavyansk district in 1998)*. Research Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. No. 1998/101 (in Russian).
- Krasilnikov, K. I. 1986. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 48–60 (in Russian).

Krasilnikov, K.I. 2001a. In *Tezy dopovidei V skhodoznavchi chitannya mizhnarodnoi naukovoï konferentsii (Abstracts of papers presented at the V International practical conference)*. Kiiïv, 91–92 (in Russian).

Krasilnikov, K. I. 2001. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages) 2. Khazarskoe vremia (Khazar Time)*. Donetsk: Donetsk National University, 303–322 (in Russian).

Krasilnikov, K.I. 2006. In Sandyarov, S.N. (eds.) *Materiali ta doslidzhennia z arheologii shidnoi Ukraini (Materials and Researches in the Archaeology of Eastern Ukraine) 5*. Lugansk: East Ukrainian University named after V. Dal' Publ., 299–328 (in Russian).

Krasil'nikov, K. I. 2010. In Mochalova, V. V. (ed.). *Nauchnye trudy po iudaïke. Materialy XVII Mezhdunarodnoi ezhegodnoi konferentsii po iudaïke (Scientific Works on Jewish Studies. Materials of the 17th Annual International Conference on Jewish Studies) II*. Moscow: “Probel-2000” Publ., 16–32 (in Russian).

Krasilnikov, K. I., Krasilnikova, L. I. 2005. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages) 4. Khazarskoe vremia (Khazar Time)*. Donetsk: Donetsk National University, 187–244 (in Russian).

Dedov, V. N., Shamrai, A. V., Solovkin, O. O. (comp.) 2017. *Materialna ta dukhovna kultura naselennia Podintsiv'ia v period serednovichchia VIII–XIV st. na prikladi gorodishcha «Tsaryne» (Maiatske). (The material and spiritual culture of the population of the Don Region in the middle of the VIII–XIV centuries on the example of “Tzarina” fortified settlement (Mayaki))*. Kiiïv: “SAM” Publ. (in Ukrainian).

Mikheev, V. K. 1963. *Rezultaty arkheologicheskikh rabot na Maiatskom gorodishche v 1963 g. (Results of Archaeological Activities at Mayaki Fortified Settlement in 1963)*. Archive of the Museum of History and Ethnography of Sloboda Ukraine, Kharkiv National University. Fund 1. Inv. 2. Unit 4 (in Russian).

Mikheev, V. K. 1964. *Otchet o arkheologicheskikh raskopkakh poseleniia u sela Maiaki v 1964 g. (Report on Archaeological Excavations at a Settlement near Mayaki Village in 1964)*. Research Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. No. 1964/28 (in Russian).

Mikheev, V. K. 1968. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniakh poseleniia saltovskoi kul'tury u sela Maiaki v 1968 g. (Report on the Excavations of Settlement of the Saltovo Culture near Mayaki Village in 1968)*. Research Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. No. 1968/48 (in Russian).

Mikheev, V.K. 1985. *Podonie v sostave Khazarskogo kaganata (The Don region in Khazar Khaganate)*. Kharkiv: Kharkiv State University (in Russian).

Novoseltsev, A. P. 1990. *Khazarskoe gosudarstvo i ego rol' v istorii narodov Vostochnoy Evropy i Severnogo Kavkaza (The Khazar state and its role in the history of the peoples of the Eastern Europe and the North Caucasus)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Pisarchik, A. K. 1982. In Nerazik, E. E., Zhilina, A. N. (eds.) *Zhilishche narodov Sredney Azii i Kazakhstana (Dwelling of the peoples of Central Asia and Kazakhstan)*. Moscow: “Nauka” Publ., 69–111 (in Russian).

Pletneva, S. A. 1989. *Na slaviano-khazarskom pogranch'e. Dmitrievskii arkheologicheskii kompleks (In the Slavic–Khazar Borderlands. Dmitriev Archaeological Complex)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Sibilev, N. V. 1930. *Drevnosti Iziumshchiny (Antiquities of the Izium Region) 4*. Izium (in Russian).

Flerov, V. S. 1996. *Rannesrednevekovye iurtoobraznye zhilishcha Vostochnoi Evropy (Early Medieval Yurt-Shaped Dwellings of Eastern Europe)*. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Flerov, V. S. 2002. In Petrukhin, V. Ya., Fedorchuk, A. M. (eds.). *Khazary. Tezisy Vtorogo Mezhdunarodnogo kollokviuma (The Khazars. Abstracts of papers the II international colloquium)*. Moscow: “Sefer” Publ., 93–96 (in Russian).

Khodzhayov, T. K., Shvetsov, M. L., Khodzhayova, G. K., Frizen, S. Yu. 2012. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages) 11*. Donetsk: Donetsk National University, 125–192 (in Russian).

Shvetsov, M. L., Kravchenko, E. E. 1989. *Otchet o spasate'nykh arkheologicheskikh issledovaniakh na pamiatnike u sela Maiaki Slavianskogo raiona Donetskoi oblasti v 1989 g. (Report on Rescue Archaeological Studies at the site near Mayaki and Donetsky villages in Slavyansky District of Donetsk Region in 1989.)*. Research Archive of the Institute of Archeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. No. 1989/249 (in Russian).

Shvetsov, M. L., Kravchenko, E. E. 1995. In *Tezi povidomlen Mizhnarodnogo V kruglogo stolu (Abstracts of the V International round table) 5*. Kiev, Lviv, 503–505 (in Ukrainian).

Yagodin, V. N., Khodzhaïov, T. K. 1970. *Nekropol drevnego Mizdahkana (Ancient Mizdahkan necropolis)*. Tashkent: “Fan” Publ. (in Russian).

About the Author:

Kravchenko Eduard E. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sidae@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2022 г.
Статья принята к публикации 01.12.2022 г.

**Золотоордынский город Мохши:
актуальные проблемы археологии и сохранения**

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.6.76.84>

**ИЗУЧЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ВОЛГО-ОКСКОГО
РЕГИОНА В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ
ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ¹**

© 2022 г. Ф.А. Ахметгалин, А.Г. Ситдинов

В статье представлена реализация межрегиональной «Программы изучения материальной культуры Волго-Окского междуречья в эпоху средневековья». Выделены этапы реализации программы. Подробно даны результаты исследований 2007–2021 гг. Подводятся итоги археологических исследований в Нижегородской области, в республиках Чувашия и Мордовия в 2007–2009 гг. Выделяется новый этап исследований 2010–2019 гг. Дается анализ археологических исследований средневековых культурных слоев г. Касимова, в результате которых получены сведения по исторической топографии г. Касимова. Перспективы реализации программа предполагают изучение мавзолеев Старопосадского татарского кладбища г. Касимова и Старого Посада. Предполагается исследование других памятников эпохи касимовского ханства за пределами г. Касимова в его округе и в восточных районах Рязанской области. Определяются задачи по изучению в Республики Мордовия и Пензенской области археологических памятников в районе Темникова и Наровчата, где существовали отдельные татарские княжества в XV–XVI вв. Выделяется проблема формирования других групп населения в районе Арзамаса и Алатыря, которая практически не изучена археологически, что определяется новыми направлениями в программе.

Ключевые слова: археология, Волга, Ока, средневековье, Золотая Орда, Нижний Новгород, Казань, Курмыш, Мурзицы, Пенза, Наровчат, Рязань, Касимов, Старый Кадом, Мордовия, Итяковское городище, Темников.

**STUDY OF THE MATERIAL CULTURE OF THE VOLGA-OKA REGION
DURING THE MIDDLE AGES: PRELIMINARY RESULTS AND
RESEARCH PROSPECTS²**

F.A. Akhmetgalin, A.G. Sitdikov

Realization of the interregional "Program of studying the material culture of the Volga-Oka interflaves during the Middle Ages" is presented in the article. The stages of realization of the program are distinguished. The results of the studies in 2007–2021 are given in detail. The results of the archaeological research in the Nizhny Novgorod Region, in the Republics of Chuvashia and Mordovia in 2007–2009 are summed up. A new stage of studies for 2010–2019 is outlined. The analysis of archaeological research of medieval cultural layers in Kasimov is given, as a result of which the information on the historical topography of Kasimov was obtained. Prospects for the realization of the program include the study of the Stariy Posad Tatar cemetery mausoleums in Kasimov and Stariy Posad. There are plans to study other sites of the Kasimov Khanate epoch outside of Kasimov in its environs and in the eastern districts of the Ryazan Oblast. The tasks for studying archaeological sites in the Republic of Mordovia and the Penza Oblast in the regions of Temnikov and Narovchat, where the separate Tatar principalities existed in the XV–XVI centuries, are determined. The issue of formation other groups of population in the regions of Arzamas, Alatyry, that practically wasn't studied archaeologically, is highlighted.

Keywords: archaeology, Volga, Oka, Middle Ages, Golden Horde, Nizhny Novgorod, Kazan, Kurмыш, Murzitsy, Penza, Narovchat, Ryazan, Kasimov, Stariy Kadom, Mordovia, Ityakovo settlement, Temnikov.

¹ С 2014 г. археологические исследования ведутся в рамках гос. Программы Республики Татарстан «Сохранение идентичности татарского народа».

² Since 2014, archaeological studies have been conducted within the framework of the State Program of the Republic of Tatarstan "Preservation of the identity of the Tatar people".

Регион Волго-Окского междуречья – территория древнейших контактов между тюркскими, славянскими и финно-угорскими народами. На этих землях возникли Волжская Болгария, мордовские княжества, Касимовское ханство, Рязанское княжество, Нижегородское княжество, Казанское ханство. На этой территории постоянно шли бурные процессы, способствующие возникновению различных этнических групп в результате взаимодействия финно-угорского, тюрко-татарского, славяно-русского населения. Многообразие ландшафта: лесная зона на севере, черноземные степи на юге, две крупнейшие водные артерии, пограничная зона между двумя крупными государствами Средневековья – способствовало бурным этническим процессам. Таким образом, исторические и этнические процессы в Волго-Окском регионе являлись органической частью общей истории России и во многом определили многонациональный и многоконфессиональный характер Российского государства

Письменные источники по истории региона часто бывают тенденциозны, имеют существенные пробелы и не дают полной картины исторического развития. Поэтому в 2007 г. была принята и опубликована программа археологического, этнографического и исторического изучения «Материальная культура Волго-Окского региона в эпоху Средневековья». Разработка программы осуществлялась специалистами Казани с привлечением ученых из научных центров Татарстана, Марий Эл, Чувашии, Мордовии, Нижегородской, Пензенской, Ульяновской областей (Ахметгалин, Ситдииков, Хузин, 2007, с. 30–31).

Исследования на территории Нижегородской области в 2008–2009 гг. были поддержаны Исламским институтом им. Фаизханова и ДУМ Нижегородской области. На юго-востоке Нижегородской области в 2007–2008 гг. проводились археологические разведки по левому берегу р. Суры и по р. Медяне, было выявлено пять новых археологических памятников от эпохи бронзы до позднего Средневековья (рис. 1). В 2007–2009 гг. археологические исследования были сосредоточены в районе исторического поселения Курмыш (XIV–XVI вв.), который интересен тем, что в 1445 г. там находился Василий Темный после пленения ханом Улуг-Мухаммедом. В дальнейшем Курмыш связывается со служилыми татарами – казаками, которые в дальнейшем основали татарские селения на юго-восто-

ке современной Нижегородской области, в Татарстане, Чувашии и сопредельных территориях (Балякин, Селезнев, 2004. с. 199–204; Орлов, 2001. с. 62–67). В результате археологических исследований было выявлено селище Курмыш IV (рис. 2), датируемое 2-й пол. XIV – нач. XV в. Материалы раскопок характеризуют этот памятник как крупный поселенческий центр на левобережье Суры эпохи Золотой Орды. Он относится к числу золотоордынских неукрепленных поселений городского типа. На территории памятника площадью 16,5 га были обнаружены остатки производства чёрной металлургии. Геофизические исследования на территории селища Курмыш IV в 2020 г. позволили выявить остатки усадебного комплекса золотоордынского времени. Разнообразие вещевого материала указывало на полиэтничность местных насельников (Ахметгалин, Грибов, 2010, с. 26–36; Ситдииков, 2011, с. 134–140.). Также на данном памятнике были исследованы цитадели, где были выявлены культурные слои XV–XVI вв. (Ахметгалин, 2015, с. 35–44).

При дальнейших археологических исследованиях юго-востока Нижегородской области в селе Мурзицы был обнаружен позднесредневековый памятник XIV–XVI вв. (рис. 3). Археологические материалы, собранные на его территории в ходе разведочных работ, указывают на синхронность с поселением Курмыш. Предварительное исследование позволило сделать вывод о том, что памятник площадью в 16 га практически полностью занимает территорию хлебоприемного пункта, охватывая и огороды домохозяйств, прилегающих к нему. Вероятно, поселение продолжило свое существование в XVII в., а также, предположительно, функционировало позднее. Оно стало основой формирования современного села (Ахметгалин, Грибов, 2013, с. 79–93). По некоторым предположениям, памятник может быть также отождествлен с «Грозной крепостью», известной по письменным источникам, основанной Секиз-беем, бывшим правителем Азака (ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 71).

При исследовании юго-восточной части старейшего села Красная Горка (Сафаджай) на огородах было найдено несколько фрагментов средневековой лепной керамики, характерной для данной территории, площадь обследования составила около 1 га (Ахметгалин, Ситдииков, 2008, с. 31).

В результате археологических работ удалось установить, что в юго-восточных

Рис. 2. План поселения Курмыш IV с указанием места геофизических исследований.
Fig. 2. Plan of the Kurmysh IV settlement with an indication of the geophysical studies site.

керамики именьковской культуры происходит и посуда салтовского облика (Ахметгалин, Ситдилов, 2008, с. 30–31). В Ардатовском районе Мордовии были исследованы известные ранее Чукальское мордовское поселение XVII–XVIII вв., Чукальский могильник XVII–XVIII вв., Баевское поселение XVII–XVIII вв., Староардатовский могильник XVI–XVII вв.

В 2007 г. на территории Республики Чувашия проводились археологические работы специалистом Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника Д.Г. Мухаметшиным при поддержке Чувашского государственного института гуманитарных наук, были исследованы надгробные арабографичные эпиграфические (мусульманские) памятники XIV–XVII вв. Всего обнаружено 15 памятников, датируемых XIV–XVIII вв. Результаты эпиграфической экспедиции свидетельствуют о появлении каменных мусульманских надгробий на территории Чувашии не позднее XIV в (Ахметгалин, Ситдилов, 2008, с. 30–31; Ситдилов, Измайлов, 2017, с. 244–247).

В 2014–2022 гг. исследования в основном производились в столице Касимовского ханства экспедициями Института археологии им. А.Х. Халикова по Государственной Программе Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2014–2016 гг. §1.12)» под руководством А.Г. Ситдикова. В результате изысканий была изучена историческая топография Касимова, определены этапы заселения (рис. 4). На Старом Посаде Касимова был выявлен новый археологический памятник, который увязывается с Городцом Мещерским – Касимовым XIII–XVI вв. Исследования в городе позволили изучить этапы возведения ханской мечети и мавзолея Шах Али середины XVI в. Материалы археологических работ подтвердили дату их строительства.

Изучение Касимовского археологического комплекса IX–XIII вв., расположенного в трех км от современного города в верховьях р. Бабенки, позволило предположить, что данный комплекс, вероятно, сопоставим с Городцом Мещерским домонгольского периода (Ахметгалин, Ситдилов, 2020, с. 130–145).

Исследования также велись на средневековом татарском кладбище Старого Посада. На гравюрах и картинах кон. XVIII – XIX в. с изображением этого района имеются нескольких зданий (Ахметгалин, Ситдилов, 2020, с. 147). По описаниям Вельяминова-Зернова, здесь располагались мавзолеи татарских

Нижегородская область. Сеченовский район
План средневекового поселения Мурзицы

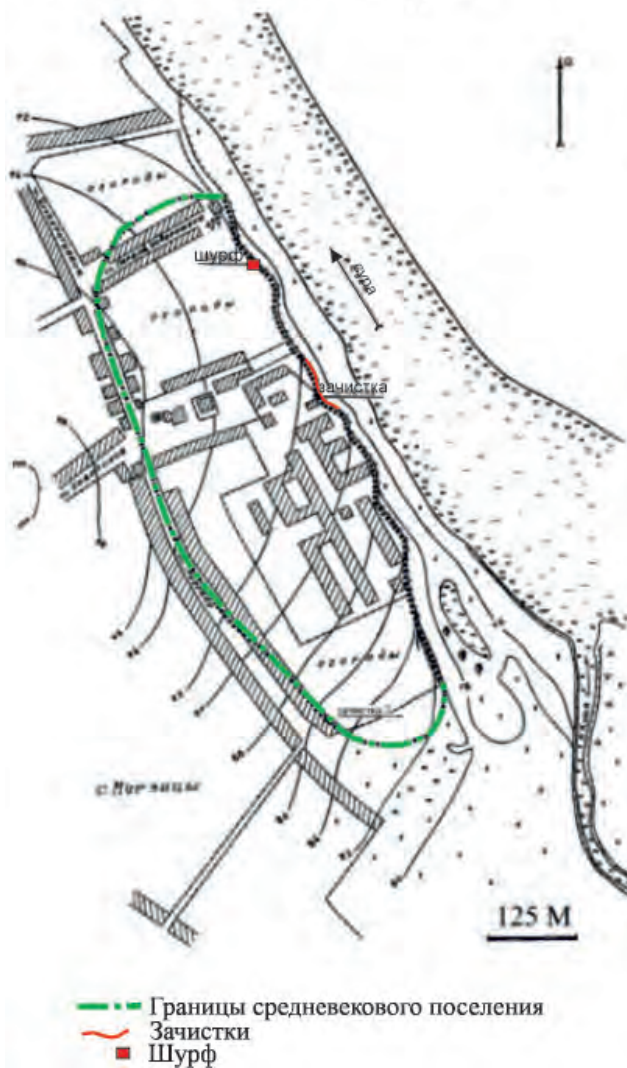

Рис. 3. План поселения Мурзицы I.
Fig. 3. Plan of the Murzitsy I settlement.

ханов и там же были выявлены надгробия с арабографичными эпитафиями XVI–XIX вв. (Вельяминов-Зернов, 1887, с. 187, 191), остатки некоторых мавзолеев наблюдал касимовский архитектор и краевед И.С. Гагин (Гагин, 1902, с. 277–278). Геофизические исследования 2020–2021 гг., проведенные на территории Старопосадского татарского кладбища, позволили выявить аномалии, вероятно, связанные с остатками строений мавзолеев (Геофизические исследования ИА АН РТ).

В округе г. Касимова в результате археологических работ на городище Старый Кадом были выявлены следы чугунолитейного и металлургического производств 2-й пол. XV в. (Ахметгалин, 2018, с. 257–258). В самом г. Касимове по картографическим источникам выявлено место расположения предполагаемой резиденции баскака Мусина (Ахметгалин, Ситдилов, 2020, с. 141).

Археологическая карта России: Рязанская область / Авт.-сост. Ю.А. Краснов, С.Е. Михальченко. Рязанская область. Ч. 1. № 181. М., 1993. С. 79–82.

Ахметгалин Ф.А. Отчет об археологических исследованиях на территории Пильненского района Нижегородской области, Кадомского, Сасовского, Касимовского районов, г. Касимова Рязанская область за 2014 г. Казань, 2015 / НФ МАРТ ИА АН РТ. Ф. Р-1.

Ахметгалин Ф.А. Археологические исследования в г. Касимове и с. Старый Кадом // Археологические открытия. 2016 год / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2018. С. 257–258.

Ахметгалин Ф.А. Отчет об археологических разведках в г. Касимове Рязанской области на территории «Текие Авгана» г. в 2020 г. Казань, 2021 / НФ МАРТ Ф.4. Оп.1. Д. 430.

Ахметгалин Ф.А. Отчет об археологических разведках в г. Касимове Рязанской области на территории Старой татарской (ханской) мечети в 2020 году. Казань, 2021 / НФ МАРТ Ф.4. Оп. 1. Д. 431.

Ахметгалин Ф.А. Отчет об археологических разведках в г. Касимове Рязанской области на территории (текие) мавзолея Шах-Али в 2020 году. Казань. 2021 / НФ МАРТ Ф.4. Оп. 1. Д. 432

Ахметгалин Ф.А., Грибов Н.Н. Русско-болгарское пограничье на Волге в эпоху Золотой Орды (по материалам поселения Курмыш-4) // Научный Татарстан. 2010. № 4 С. 26–36.

Ахметгалин Ф.А., Грибов Н.Н. Западное порубежье Болгарского улуса Золотой Орды (по материалам левобережных памятников Нижнего Посурья) // Поволжская археология. 2013. № 4 (6). С. 79–93.

Ахметгалин Ф.А., Ситдилов А.Г. Историческая топография ханской столицы г. Касимова // Поволжская археология. 2020. № 2 (32). С. 130–145.

Ахметгалин Ф.А., Ситдилов А.Г., Хузин Ф.Ш. Материальная культура населения Волго-Окского региона в эпоху средневековья: проблемы и перспективы изучения // Фаизхановские чтения. Материалы IV науч.-практич. конф. Н. Новгород: ИД Медина, 2008. С. 30–31.

Ахметгалин Ф.А., Хамзин Р.Н., Беляев А.В., Ситдилов А.Г. Археологические исследования средневекового Касимова // Поволжская археология. 2016. №4 (18). С. 183–201.

Балякин П.Ш., Селезнев Ф.А. Назывались ли в XVII веке служилые татары «казаками»? // Исламская традиция: прошлое, настоящее, будущее / Отв. ред. Д.В. Мухетдинов. Н. Новгород: ИД «Медина», 2004. С. 199–204.

Бочаров С.Г., Ситдилов А.Г. Изучение памятников Золотой Орды в Институте археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан // Оренбургский край как историко-культурный феномен. Материалы Международной научно-практической конференции Девятые Большаковские чтения феномен / Науч. ред. С.В. Любичанковский. Оренбург: ОГПУ, 2018. С. 134–137.

Орлов А.М. Нижегородские татары: этнические корни и исторические судьбы (очерки). Н. Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 2001. 242 с.

Геофизические исследования ИА АН РТ на территории г.Касимова и Касимовского района Рязанской области. Доступно по URL: <http://archtat.ru/geofizicheskie-issledovaniya-ia-an-rt-na-territorii-g-kasimova-i-kasimovskogo-rajona-ryazanskoj-oblasti/>. Дата обращения: 09.01.2021.

Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 1. Псковская первая летопись. М.: Языки славянской культуры, 2003. 256 с.

Ситдилов А.Г. Этнокультурное взаимодействие в Посурье и Примокшанье в эпоху Казанского ханства: к постановке проблемы // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 3 / Отв. ред. Б.Р. Рахимзянов. Казань: Ихлас, 2011. С. 134–140.

Ситдилов А.Г., Измайлов И.Л. Средневековое Поволжье и IX–XVI вв.: Взаимодействие городской и кочевой культуры // Труды III Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй» / Ред. Н.Н. Крадин, А.Г. Ситдилов. Владивосток: Дальнаука, 2017. С. 244–247.

Информация об авторах:

Ахметгалин Фарид Альбертович, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); ach_farid@mail.ru

Ситдилов Айрат Габитович, доктор исторических наук, декан, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); директор, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

REFERENCES

Akchurin, M., Isheev, M., Abdiev, A. 2021. *Epokha tatarskikh knyazey v Meshchere (XV–XVII veka) (The era of the Tatar princes in Meshchera (XV–XVII centuries))*. Kazan: Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Krasnov, Yu. A., Mikhal'chenko, S. E. (comp.). 1993. Arkheologicheskaja karta Rossii: Riazanskaia oblast' (Archaeological Map of Russia: Ryazan Oblast). In *Riazanskaia oblast' (Ryazan Oblast)*. Part 1, no. 181. Moscow, 79–82 (in Russian).

Akhmetgalin, F. A. 2015. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiah na territorii Pil'nenskogo raiona Nizhegorodskoi oblasti, Kadomskogo, Sasovskogo, Kasimovskogo raionov, g. Kasimova Riazanskaia oblast' za 2014 g. (Report on Archaeological Investigations on the Territory of the Pilna District, Nizhny Novgorod Oblast, and Kadom, Sasovo and Kasimov Districts and the Town of Kasimov, Ryazan Oblast, for 2014)*. Kazan. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Institute of Archaeology named after Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Fund R-1 (in Russian).

Akhmetgalin, F. A. 2018. In Lopatin, N. V. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 2016 g. (Archaeological Discoveries of 2016)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 393–396 (in Russian).

Akhmetgalin, F. A. 2021. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh v g. Kasimove Riazanskoj oblasti na territorii «Tekie Avgana» g. v 2020 g. (Report on archaeological reconnoissances in Kasimov (Ryazan Oblast) on the territory of "Avgan's Tekiye (mausoleum)" in 2020)*. Kazan. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Institute of Archaeology named after Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Fund 4, inv. 1, dossier 430 (in Russian).

Akhmetgalin, F. A. 2021. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh v g. Kasimove Riazanskoj oblasti na territorii Staroy tatarskoj (khanskoy) mecheti v 2020 godu (Report on archaeological reconnoissances in Kasimov (Ryazan Oblast) on the territory of Old Tatar (Khan's) Mosque in 2020)*. Kazan. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Institute for Archaeology named after Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Fund 4, inv. 1, dossier 431 (in Russian).

Akhmetgalin, F. A. 2021. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh v g. Kasimove Riazanskoj oblasti na territorii (tekije) mavzoleya Shakh-Ali v 2020 godu (Report on archaeological reconnoissances in Kasimov (Ryazan Oblast) on the territory of Shahghali's Tekiye (mausoleum) in 2020)*. Kazan. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Institute of Archaeology named after Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Fund 4, inv. 1, dossier 432 (in Russian).

Akhmetgalin, F. A., Gribov, N. N. 2010. In *Nauchnyi Tatarstan (Scientific Tatarstan)* (4), 26–36 (in Russian).

Akhmetgalin, F. A., Gribov, N. N. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 6 (4), 79–93 (in Russian).

Akhmetgalin, F. A., Sitdikov, A. G. 2020. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 32 (3), 130–145 (in Russian).

Akhmetgalin, F. A., Sitdikov, A. G., Khuzin, F. Sh. 2008. In *Faizkhanovskie chteniia (Faizkhanov Readings)* IV. Nizhny Novgorod: "Medina" Publ. House, 30–31 (in Russian).

Akhmetgalin, F. A., Khamzin, R. N., Belyaev, A. V., Sitdikov, A. G. 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 18 (4), 183–201 (in Russian).

Balyakin, P. Sh., Seleznev, F. A. 2004. In Mukhetdinov, D. V. (ed.). *Islamskaya traditsiya: proshloe, nastoyashchee, budushchee (Islamic tradition: past, present, future)*. Nizhny Novgorod: "Medina" Publishing House, 199–204 (in Russian).

Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. 2018. In Lyubichankovsky, S. V. (ed.). *Desyatye Bol'shakovskie chteniya. Orenburgskiy kray kak istoriko-kul'turnyy fenomen (Tenth Bolshakov Readings. Orenburg Krai as a Historical and Cultural Phenomenon)* Orenburg: Orenburg State Pedagogical University Publ., 134–137 (in Russian).

Orlov, A. M. 2001. *Nizhegorodskie tatory: etnicheskie korni i istoricheskie sud'by (ocherki) (The Nizhny Novgorod Tatars: ethnic roots and historical destinies (essays))*. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University (in Russian).

Geofizicheskie issledovaniya IA AN RT na territorii g.Kasimova i Kasimovskogo rayona Riazanskoj oblasti (Geophysical studies of the Institute of Archaeology of the Tatarstan Academy of Sciences on the territory of Kasimov town and the Kasimov district of the Ryazan Oblast). Available at: <http://archtat.ru/geofizicheskie-issledovaniya-ia-an-rt-na-territorii-g-kasimova-i-kasimovskogo-rajona-ryazanskoj-oblasti/> (accessed: 09.01.2021).

Pskovskaia pervaja letopis' (Pskov 1st Chronicles) 2003. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) V. Moscow: "Iazyki russkoj kul'tury" Publ. (in Russian).

Sitdikov, A. G. 2011. In Rakhimzyanov, B. R. (ed.). *Srednevekovye tiurko-tatarskie gosudarstva (Medieval Turkic-Tatar States)* 3. Kazan: "Ikhlas" Publ., 134–140 (in Russian).

Sitdikov, A. G., Izmaylov, I. L. 2017. In Kradin, N. N., Sitdikov, A. G. (eds.). *Trudy III Mezhdunarodnogo kongressa srednevekovoi arkheologii evrazijskikh stepei "Mezhdru Vostokom i Zapadom: dvizhenie kul'tur, tekhnologii i imperii" (Proceedings of 3rd International Congress on Medieval Archaeology of Eurasian*

Steppes “Between the East and the West: Movements of Cultures, Technologies and Empires”). Vladivostok: “Dal'nauka” Publ., 244–247 (in Russian).

About the Authors:

Akhmetgalin Farid A. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; ach_farid@mail.ru

Sitdikov Airat G. TAS Corresponding Member. Doctor of Historical Sciences. Head of department, Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2022 г.

Статья принята к публикации 01.12.2022 г.

Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902/930

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.6.85.96>

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ НАРОВЧАТСКОГО ГОРОДИЩА (Г. МОХШИ) И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ

© 2022 г. Г.Н. Белорыбкин, Ю.А. Зеленева, А.Г. Ситдиков

Изучение территории Наровчатского городища (г. Мохши) (с. Наровчат Пензенской области) продолжается уже более 130 лет, но до сих пор полноценной картины о том, что представляет собой средневековый город нет. Изучением Наровчатского городища занимались помимо авторов статьи такие известные ученые, как А.А. Кротков, А.Е. Алихова, М.Р. Полесских, В.И. Лебедев, Э.Д. Зиливинская. Большое внимание изучению памятника уделяли и краеведы. Среди них можно выделить В.М. Терехина, И.Ф. Садина, О.В. Голубева, А.Г. Сохрякова, каждый из которых внес свой вклад в изучение отдельных аспектов г. Мохши. В настоящее время результаты исследований выставлены в музеях с. Наровчат и г. Саратов, опубликованы как в отдельных статьях, так и в нескольких монографиях. Планируется музеефикация архитектурных сооружений.

Ключевые слова: археологические раскопки, Золотая Орда, Наровчатское городище, Мохши, история изучения, могильник, мавзолеи, архитектурные сооружения, нумизматика.

THE MAIN RESULTS OF THE ARCHAEOLOGICAL STUDY OF NAROVCHAT SETTLEMENT (THE CITY OF MUKHSHI) AND ITS OUTSKIRTS

G.N. Belorybkin, Yu.A. Zeleneyev, A.G. Sitdikov

The study of the territory of the Narovchat settlement (the city of Mukhshi) (the village of Narovchat, Penza region) has been going on for more than 130 years, but there is still no complete picture of this medieval city. In addition to the authors of the article, such well-known scientists as A.A. Krotkov, A.Ye. Alikhova, M.R. Poleskikh, V.I. Lebedev, and Ye.D. Zilivinskaya studied the Narovchat settlement. Local historians also paid great attention to the study of the site. Among them are V.M. Terekhin, I.F. Sadin, O.V. Golubev, A.G. Sokhryakov, each of them made a contribution to the study of certain aspects of Mukhshi city. Nowadays the results of the studies are exhibited in the museums of the village of Narovchat and the city of Saratov, published both in articles and in several monographs. Museumification of architectural structures is planned.

Keywords: archaeological excavation, Golden Horde, Narovchat settlement, Mukhshi, history of study, burial ground, mausoleums, architectural structures, numismatics.

Город Мохши занимал обширную территорию. С археологической точки зрения здесь мы имеем дело не с одним Наровчатским городищем, а с Наровчатским археологическим комплексом, локализуемым при слиянии рек Шелдаис (левого притока Мохши) и Большой Лапыжовки. Протяженность Наровчатского городища с юго-запада – запада на северо-восток – восток – около 2400 м, с северо-запада – запада на юго-восток – восток – около 1500 м. В настоящее время большая часть территории средневекового Наровчатского городища покрыта современной застройкой с. Наровчата, районного центра Пензенской области.

Впервые археологические материалы Наровчатского городища стали попадать в поле зрения исследователей в XIX в. Первые сведения о монетах с чеканом Мохши (Мухши) появились в 1830-х гг. Такие монеты

были описаны Х.Д. Френом в работе «Монеты ханов улуса Джучиева» в 1832 г. (Френ, 1832, № 55, 92, 147). Монеты, описанные в этой работе, были обнаружены за пределами города Мохши, место нахождения которого тогда еще не было известно.

В конце XIX в. в поле зрения исследователей попадают материалы, обнаруженные непосредственно на Наровчатском городище. Так В.М. Терехин, член Пензенского статистического комитета (его принято называть первым пензенским археологом), в 1892 г. писал в одной из газетных статей: «...На юго-западе от г. Наровчата сохранились признаки городища длиною более версты. Это городище... было, быть может, становищем того самого татарского князя Тога, от Бездежа, который, по свидетельству летописи, отвоёвывал «Наровчатскую сторону у ордынского царевича Абдула... Были находки... и медных

и серебряных монет, одни по виду татарские, другие напоминают болгарские с изображением на лицевой стороне каких-то животных» (Терехин, 1893, № 4).

В 1901 г. В.М. Терехин в статье «Город Наровчат в археологическом отношении» (Пензенские губернские ведомости, № 142–143) характеризует находки с территории памятника. В частности, он отмечает: «На этом же городище и на самом том месте, где стоит в настоящее время г. Наровчат, при рытье колодцев и погребов, на 1½ аршин глубины, некоторыми местными жителями были не раз находимы целые стены, выложенные из каких-то твердых квадратной формы кирпичей – все говорит о будущей большой находке» (Терехин, 1901, № 143).

Кроме того, В.М. Терехин в числе первых обратил внимание на важную находку – большую группу каменных плит, обнаруженных во время строительства Покровского собора в центральной части Наровчата. Строительные работы на Соборной (ныне Советской) площади были обусловлены тем, что в 1870 г. во время большого пожара старый собор полностью выгорел, в связи с чем на его месте решено было построить новое здание.

Как впоследствии сообщил А.А. Кроткову старец Инсарский, прежний соборный протоиерей, бывший в 1870 г. членом комиссии по постройке собора, «при рытье канав для фундамента в середине храма – котлованов для установки 4 каменных столбов, рабочие на глубине 3–4 аршин начали наткнуться на какие-то белые камни, гладки (опечатка в тексте А.А. Кроткова, следует читать «гладко») обсеченные и с хорошим узором» (Кротков, 1939, с. 9). Кроме каменных плит было встречено и большое число погребений, как христианских, так и нехристианских.

9 сентября 1902 года В.М. Терехин совместно с В.П. Семечкиным на заседании Пензенской архивной комиссии сделал заявление о том, что древние каменные плиты, имеющие большое историческое значение, находятся при соборном храме Наровчата и не пользуются заслуженным вниманием. Известно, что на заседании Учёной комиссии было постановлено ходатайствовать перед епархиальным начальством об осмотре белокаменных плит. Нет точных сведений о том, как дальше развивались события, но есть основания считать, что осмотр плит действительно был произведён. Одна плита даже была доставлена в музей Пензенской учёной архивной комиссии. Изделие выглядело следующим образом: «На

известковом камне была изображена барельефом птица, не то павлин, не то петух, а может быть и одна из мифических птиц: Алконост или Сирин. Аксессуары, окружавшие изображение, были явно восточного характера» (Кротков, 1939, с. 7).

Важной вехой в изучении Наровчатского городища и его окрестностей является деятельность И.Ф. Садина. О жизни И.Ф. Садина известно крайне мало. По происхождению он был крестьянином Мокшанского уезда Пензенской губернии. Некоторое время он работал в Саратовском археологическом музее. По словам А.А. Кроткова, И.Ф. Садин был большим любителем и собирателем старины (Кротков, 1939, с. 2). Во время Первой мировой войны И.Ф. Садин был призван в армию и некоторое время отбывал службу в составе запасной команды в Самарканде, что позволило ему более близко познакомиться с материальной культурой Востока. Позднее И.Ф. Садин для продолжения службы был переведён в Наровчат. Здесь в ходе рытья канав для обустройства военного лагеря в районе урочища Красный Ключ запасная команда солдат, в число которой входил И.Ф. Садин, натолкнулась на кирпичную кладку золотоордынского времени, а также на следы водопровода и фонтана. Золотоордынские материалы вызвали у И.Ф. Садина живой интерес и в сравнительно короткий срок он совместно с К.К. Пошатским и другими товарищами из состава запасной команды солдат собрал значительную коллекцию золотоордынских предметов. В состав коллекции входило около 200 золотоордынских монет, бронзовая шестилепестковая накладка с изображением геральдического животного в средней части, серебряная сьюльгама, декорированная зернью, стеклянные бусы, бронзовые кольцевые застёжки и т. д. (Кротков, 1939, с. 2, 7). Коллекция И.Ф. Садина была доставлена в Саратовский археологический музей, где её изучением занялся А.А. Кротков. И.Ф. Садиным также впервые была записана легенда о Нарчатке, что во многом определило роль этого фольклорного памятника в изучении истории Наровчата. О дальнейшей судьбе И.Ф. Садина известно только то, что он вместе с военной частью был отправлен во Францию (вероятней всего, в составе русского экспедиционного корпуса) (Кротков, 1939, с. 7).

Материалы, собранные И.Ф. Садиным, были подробно изучены А.А. Кротковым. По результатам этого изучения А.А. Крот-

ков сделал доклад в татарской комиссии при Саратовском губернском исполкоме и получил ассигнование на разведочные работы в Наровчате. Приехав в Наровчат, А.А. Кротков после долгих поисков нашёл двух людей, которые имели представление об археологических материалах, встреченных на городище и в его окрестностях: А.П. Павловича (учитель средней школы, археолог-любитель) и Пошатского (военный, ранее совместно с И.Ф. Садиным принимавший участие в сборе археологических материалов). Павлович и Пошатский приняли участие в разведочных работах А.А. Кроткова и указали на то место, где в ходе рытья траншей в урочище Бугры была обнаружена золотоордынская кирпичная кладка. Поскольку в тот год Мелюковская коммуна, которой принадлежало поле, где находились остатки сооружений, не дала разрешения на проведение раскопочных работ, раскопки пришлось отложить до 1925 г. В ходе тех же разведочных работ А.А. Кроткову было показано Скановское городище, расположенное примерно в 2 км к востоку от Наровчата (Кротков, 1939, с. 8–9).

Первые раскопочные работы на территории города Мохши были проведены в 1925 г. А.А. Кротков проводил их во время своего отпуска на средства Пензенского общества краеведения при активном участии его членов, в частности краеведа Б.Н. Гвоздева (Кротков, 1939, с. 9–10). Раскопки проводились за пределами застройки Наровчата, в районе урочищ Красный Ключ и Бугры, с разрешения руководства Мелюковской коммуны. В ходе этих раскопок было вскрыто сооружение размерами 6×3,3 м, рядом с которым было выявлено большое количество битого кирпича без следов обмазки. Предположительно кирпичи ещё не были пущены в дело, а были только заготовительным материалом. А.А. Кротков в общих чертах реконструировал внешний облик этого сооружения.

Тогда же было вскрыто другое сооружение, ранее, в 1916 году, потревоженное во время рытья траншей солдатами запасной команды. А.А. Кротков составил подробное описание этой постройки (Кротков, 1939, с. 10–11). Это строение в дальнейшем было вскрыто вторично экспедицией под руководством А.Е. Алиховой, которая интерпретировала его как общественную баню. В пяти метрах к западу от северной стенки сооружения был обнаружен глинобитный очаг.

После проведения археологических работ в районе Красного Ключа было осмотре-

но урочище Мизгить, где были выявлены бугрообразные возвышения, среди которых особенно выделялись величиной один курганообразный бугор и круглая яма, находившаяся в 60 метрах к западу от курганообразного возвышения, в заполнении которой встречался золотоордынский кирпич. Эта яма, предположительно, образовалась во время выборки местным населением кирпичного фундамента. Возможно, здесь находился минарет мусульманской мечети. Курганообразный бугор, по сообщению местных жителей, носил название «Мизгить», причём ещё в конце XIX в. на бугре можно было видеть остатки кирпичной стены, которую впоследствии разрушили дети, игравшие здесь (Кротков, 1939, с. 12). В 1925 г. в урочище Мизгить не производилось широкомасштабных раскопочных работ, так как Мизгитное (Круглое) поле было засеяно просом.

Раскопки в этом районе были произведены в 1926 г., когда район курганообразного возвышения находился под парами. При раскопках данного возвышения было выявлено «здание золотоордынского времени в 2 комнаты с сенцами или навесом с южной стороны» (Кротков, 1939, с. 12). А.А. Кротков составил подробное описание этого сооружения и охарактеризовал строительные материалы, применявшиеся при его возведении.

В том же году А.А. Кротков осмотрел кирпичные сооружения, которые были выявлены во время возведения дамбы на улице Спасской в зоне современной застройки с. Наровчата и провёл раскопки «караван-сарая» на площади одной из частных усадеб (здание было вскрыто в 1926 г. лишь частично, полностью оно было раскопано в 1928 г. В.П. Россиным).

Раскопки и разведки в зоне современной застройки Наровчатского городища были продолжены в 1927 г. Тогда были очерчены границы торгово-административного центра города. Была найдена торговая площадь города Мохши и несколько сооружений из золотоордынского кирпича. Было заложено также несколько разведочных траншей в районе Наровчатского могильника.

А.А. Кротков произвел в районе Соборной (ныне Советской) площади четыре пробных раскопа. Один из них располагался напротив северных дверей собора, второй, в виде траншеи, был протянут вдоль ограды городского сада с внешней стороны, напротив северо-западного угла церкви, третий – напротив западных ее дверей (близ колокольни), также

примыкая к ограде городского сада, четвёртый – напротив южных дверей здания (Кротков, 1927, с. 49). Все раскопы дали сходный материал, на основе которого был сделан вывод о том, что в центральной и южной части современной Советской площади в золотоордынское время находилось мусульманское кладбище.

Как показали исследования А.А. Кроткова, культурный слой Наровчатского археологического комплекса в разных местах пострадал неодинаково. Наиболее сильно был разрушен культурный слой в пределах современной застройки Наровчата, поскольку здесь проводились позднейшие строительные работы. Значительная часть Наровчата состоит из земельных участков усадебного типа со сравнительно небольшой по своей площади застройкой, состоящей из дома и подсобных хозяйственных сооружений (современные улицы Куприна, Куйбышева, Интернациональная и т. д.). В таких местах культурный слой был разрушен сравнительно слабо. Зона частной застройки изучалась только в 1920-х гг. А.А. Кротковым и В.П. Россиным. Раскопки в этой зоне были проведены лишь в усадьбах близ перекрёстка современных улиц Горького (бывшей Полянской) (Сохряков, 2007, с. 10) и Красноармейской (бывшей Солдатской) (Сохряков, 2007, с. 17).

В отчётах А.А. Кроткова нет точных сведений о стратиграфии и состоянии культурного слоя в зоне частных усадеб Наровчата. Но очевидно, что культурный слой в этом районе характеризовался сравнительно высокой степенью сохранности. Золотоордынские сооружения слабо углублены в землю, следовательно, культурный слой XIII–XIV вв. был сравнительно слабо засорен позднейшими наслоениями.

Благодаря этим работам А.А. Кротков очертил границу города Мохши. По мнению археолога, на территории, занятой современными застройками Наровчата, находился торговый и административный центр. Здесь были караван-сарай и торговая площадь, а в восточной части городища находился Наровчатский грунтовой могильник. Промышленный район города А.А. Кротков размещал в районе урочища Красный Ключ, а на месте Мизгитного поля, по его мнению, располагался район, где возвышались жилища местной знати и зажиточной части населения (Кротков, 1939, с. 13). Таким образом, первая археологическая карта Наровчатского городища и его окрестностей была составлена А.А. Крот-

ковым. Кроме того, А.А. Кротков обобщил не только археологические, но и этнографические, топонимические и письменные данные по истории города Мохши (Кротков, 1939).

Материалы, полученные в ходе изучения Наровчатского городища и его окрестностей, были изложены А.А. Кротковым в статьях «К вопросу о северных улусах Золотоордынского ханства» (1928), «Собрание джучидских монет с Наровчатского городища» (1929), «Наровчат и его окрестности в его историко-археологическом отношении» (1939).

А.А. Кротков, опираясь на нумизматические материалы, восстановил историю монетной чеканки города Мохши. По мнению исследователя, ее начало следует относить к 1313 г. (по наиболее ранним монетам с чеканом Мохши). Он предположил, что начало монетной чеканки в Примокшанье следует связывать с переносом столицы улуса из Укека в Мохши, которое произошло в начале правления хана Узбека. Чеканка монет в Мохши продолжалась по крайней мере до правления князя Тагая, чье имя упоминается в русских летописях (Полесских, 1956, с. 91).

После археологических работ, проведённых А.А. Кротковым, на Наровчатском городище длительное время не производились раскопки. В конце 1920-х – 1930-х гг. раскопки осуществлялись только на Старосотенском могильнике. Старосотенский могильник был открыт в 1925 г. А.А. Кротковым. Благодаря раскопочным работам 1925–1927 гг. и 1937–1938 гг. была собрана масса археологических материалов. Однако даже в настоящее время границы могильника определены только приблизительно. На востоке и юго-востоке Старосотенский могильник ограничивался поймой Шелдаиса, с юго-запада – небольшой промоиной, которая фактически отделяет мордовский могильник от мусульманского Мизгитного могильника. Северная граница могильника до настоящего времени не определена, известно только то, что она проходила сравнительно недалеко от оборонительных сооружений Наровчатского городища, защищавших его с юго-западной стороны. Особенности погребального обряда и инвентаря указывают на мордовскую языческую погребальную традицию.

Впервые археологические материалы со Старосотенского могильника начали вводиться в научный оборот А.Е. Алиховой. В 1948 г. она опубликовала статью «Старосотенский могильник», где рассмотрела материалы, полученные в ходе раскопок 1927 г. Однако

материалы, полученные в ходе раскопок на Старосотенском могильнике, до настоящего времени введены в научный оборот неполно.

В 1951 и 1954 гг. А.Е. Алихова продолжила раскопки Старосотенского могильника. Позднее, в 1957–1959 гг. на Советской (Соборной) площади был заложен раскоп с целью обнаружить гончарный горн, частично разрушенный строительными работами в 1956 г. (экспедиция проводилась усилиями Института археологии Академии наук СССР и Мордовского научно-исследовательского института языковедения, литературы, истории и этнографии под руководством А.Е. Алиховой). В ходе этих работ были вскрыты остатки двух золотоордынских гончарных горнов и околотопочная яма (Алихова, 1959).

В 1959–1960 гг. на Мизгитном поле были проведены раскопочные работы экспедицией под руководством А.Е. Алиховой. В ходе этих работ было вскрыто несколько золотоордынских мавзолеев.

А.Е. Алихова отмечала, что золотоордынские мавзолеи на Мизгитном поле были опущены в слой чернозёма мощностью до 90 см. Стратиграфия пластов земли в районе здесь выглядит довольно просто: верхний слой (мощностью от 30 до 50 см) представлен пашней, ниже идёт слой гумуса, который отличается более тёмным цветом. Чернозём подстилается материком из коричневой глины. Как правило, между материком и чёрным гумусом прослеживается полоса, в которой перемешаны материковая глина и чернозём.

Верхние слои культурного слоя оказались уничтожены или повреждены длительной распашкой, так что верхняя часть сооружений не сохранилась. Неплохую сохранность можно отметить в тех случаях, когда археологические материалы залегали сравнительно глубоко, в нижних слоях чернозёма или в ямах в материковой глине. Но многие фундаменты оказались повреждены в результате выборки кирпича и бутового камня местным населением. Большая часть сооружений «имели более или менее заметные признаки в виде щебня или бутового камня» (Алихова, 1973, с. 227), поэтому легко обнаруживались. Менее всего был поврежден фундамент мавзолея № 5, который не имел внешних признаков на поверхности. В других случаях повреждения были весьма существенны. Так, у мавзолея № 1 почти полностью оказалась выбрана южная стена портала и фундамент восточной и западной стен (Алихова, 1973, с. 229). Было потре-

вожено южное погребальное место (Алихова, 1973, с. 233).

При изучении мавзолея № 2 «в восточной половине вначале обрисовались две взаимно перпендикулярные ямы. Одна из них подходила вплотную к северной стене, перерезая желтое пятно суглинка, расположенного с северной стороны. Очевидно, это была грабительская траншея. Вторая яма, вытянутая с запада на восток, оказалась могилой» (Алихова, 1973, с. 234). Таким образом, мавзолей № 2 также был подвергнут разграблению. Мавзолей № 3 тоже был разграблен, хотя и в меньшей степени.

Сильную деформацию испытал фундамент мавзолея № 4. В нём было встречено два погребения, в одном из которых не оказалось костяка, в то время как фрагменты человеческого черепа были разбросаны по дну мавзолея. Над разграбленной погребальной ямой был обнаружен грабительский вкоп, засыпанный щебнем, чернозёмом и известью (Алихова, 1973, с. 235). Второе погребение также оказалось потревоженным (Алихова, 1973, с. 236).

Культурный слой Мизгитного поля был сравнительно слабо засорен позднейшими наслоениями. В то же время золотоордынские сооружения здесь были повреждены выборкой кирпича, что было связано с тем, что большинство кирпичных сооружений имело внешние признаки на поверхности.

На основе материалов раскопок А.Е. Алихова сделала вывод, что в золотоордынское время на Мизгитном поле располагалось мусульманское кладбище, где хоронили местную знать, что видно из того, что над некоторыми погребениями возводились мавзолеи, а сами погребения нередко осуществлялись в деревянных гробах (Алихова, 1960). В двух погребениях были обнаружены обрывки дорожной парчовой ткани, попавший туда вопреки запрету ислама класть в могилу посторонние предметы. О том, что именно здесь хоронили население, исповадавшее ислам, говорит название урочища – Мизгить (иначе – «мечеть»). Скорее всего, минарет мечети следует локализовать в районе круглой ямы, располагавшейся в центре поля. Яма была описана А.Е. Алиховой: сооружение имело 11 м в диаметре, оно располагалось в 100 м к востоку от современной дороги на Вьюнки и в 200 м к западу от ложбины, ограничивающей Старосотенский могильник (Алихова, 1973, с. 227). Согласно сообщениям старожилков, яма образовалась в результате выборки золо-

тоордынских кирпичей и поливных изразцов местным населением (Алихова, 1973, с. 227).

В 1959–1963 гг. раскопки проводились в районе Красного Ключа. В ходе этих работ в левобережье пересыхающего ручья было вскрыто более десятка кирпичных сооружений золотоордынского времени. Большая часть этих сооружений интерпретируется как бани (одна общественная, остальные – частные). В то же время встречены горны для обжига кирпича (Алихова, Отчёт..., 1963, с. 3–6) и чайхана (Алихова, 1976).

Стратиграфия урочища Красный Ключ характеризуется мощным слоем чернозема (до 80–90 см), подстилаемым слоем материковой жёлтой глины. Верхняя часть чернозёмного слоя представлена сравнительно светлым слоем пашни, нижняя прослойка – слоем погребённой почвы, более тёмной. Как правило, между прослойкой чернозёма и материком залегала промежуточная прослойка, в которой перемешивалась жёлтая глина и чернозём. Мощность этой прослойки достигает местами 40 см. В местах, где сохраняются остатки построек, слой чернозема оказывается перемешанным с кирпичной крошкой, жёлтым песком и т. д. А.Е. Алихова отмечала, что вокруг большей части построек урочища нет культурного слоя (Алихова, 1963). Площадь между вскрытыми сооружениями не была исследована.

К югу от бань располагались горны для обжига кирпича, глиняный карьер, где добывалось сырьё для кирпичей и площадка, где предположительно осуществлялась формовка и просушка кирпича (Алихова, 1963, с. 3–7).

Печи для обжига кирпича, расположенные в южной части урочища, подверглись деформации. Первая печь, находилась в том месте, где во время сельскохозяйственных работ было обнаружено большое количество кирпича. Значительная его часть была вывезена с поля для хозяйственных нужд (Алихова, 1963, с. 3). Вторая печь для обжига кирпича пострадала меньше, чем первая.

Археологические работы были также проведены в районе, располагавшемся к юго-востоку от урочища Бугры (в 1963 г.). Планировка этого района была частично реконструирована благодаря раскопкам экспедиции под руководством А.Е. Алиховой, произведённым в 1963 г. Первоначально на правом берегу ложбины с пересыхающим ручьём (правым притоком Малой Лапыжовки) была заложена разведочная траншея шириной 1 м и длиной 30 м. Место расположения этой траншеи в

настоящее время можно восстановить только приблизительно. Она позволила обнаружить две глубокие ямы, расположенные на расстоянии 11 м друг от друга (Алихова, 1963, с. 7). Кроме материалов, обнаруженных в заполнении обеих ям, в траншее не было встречено заметного культурного слоя. По замечанию А.Е. Алиховой, здесь встречались «лишь единичные крайне редкие находки на I и II штыках (Алихова, 1963, с. 11).

Ещё две разведочных траншеи были заложены к северу от строившейся нефтебазы. Траншея № 1 была сориентирована с северо-запада на юго-восток, имела длину 17 м при ширине 1 м. В заполнении траншеи были обнаружены отдельные осколки золотоордынской керамики и обломки костей животных. Находки встречались не глубже 40 см от современной поверхности. Индивидуальных находок в заполнении траншеи не было выявлено (Алихова, 1963, с. 11).

Траншея № 2 была заложена рядом с траншеей № 1 и соединялась с ней под прямым углом. Длина траншеи составляла 29 м при ширине 1 м, она была сориентирована с юго-запада на северо-восток. При раскопках траншеи были обнаружены две хозяйственные ямы. В заполнении самой траншеи были встречены фрагменты костей животных и осколки керамической красноглиняной посуды. В заполнении траншеи найдено несколько индивидуальных находок. На втором штыке (глубина 20–40 см от современной поверхности) были обнаружены бронзовое коромысло весов и фрагмент наконечника стрелы. На третьем штыке (глубина 41–60 см) были встречены фрагмент железного ножа, железный ключ и три глиняных пряслица. На четвертом штыке (глубина 61–80 см) была обнаружена железная щеколда от небольшого ларца, железный гвоздь и глиняный шарик (Алихова, 1963, с. 11).

Мы подробно описываем материалы, которые были обнаружены в ходе закладки разведочных траншей, поскольку эти материалы указывают на то, что застройка района в золотоордынское время была незначительной. По-видимому, здесь находилась периферийная часть поселения, где располагались хозяйственные постройки и мусорные ямы (Алихова, 1963, с. 7–11). Стратиграфия района к юго-востоку от Бугров совпадает со стратиграфией Бугров и Красного Ключа. Мощный слой чернозема до 80–100 см подстилался здесь материком из коричневой глины (Алихова, 1963, с. 11).

Раскопки показали, что золотоордынские сооружения урочищ Красный Ключ, Бугры и Мизгить понесли ущерб от распашки и систематических разграблений со стороны местного населения, добывавшего здесь кирпич. По сообщениям старожилов, местные жители длительное время изымали из земли кирпичи и изразцы, покрытые поливой (Алихова, 1973, с. 227).

В центральной части посёлка раскопки проводились на территории Советской площади и городского сада. В 1957 и 1959 гг. здесь проводились раскопки гончарных горнов № 1 и 2 (Алихова, 1959, с. 3–6). Экспедицией А.Е. Алиховой в это время была вскрыта большая околотопочная яма, в которую выходили жерла топок двух горнов (Алихова, 1959, с. 3). Верхние слои культурного слоя были сильно засорены позднейшими материалами: в верхних слоях ямы был обнаружен фундамент больничной изгороди XIX – начала XX в., ниже (до глубины 195–200 см от современной поверхности) шёл слой, насыщенный углями и шлаками, в котором встречалась русская керамика. Только с глубины 200 см от современной поверхности начали встречаться золотоордынские предметы (Алихова, 1959, с. 6). Таким образом, в бывшей околотопочной яме позднейшие наслоения составляли около 50% всего культурного слоя.

По материалам раскопок вышли статьи А.Е. Алиховой «Мавзолеи города Мохши – Наровчата» (1973) и «Постройки города Мохши» (1976). В первой статье А.Е. Алихова характеризует пять раскопанных мавзолеев (Алихова, 1973, с. 228) и подразделяет их на три типа (Алихова, 1973, с. 228, 230, 234–236). Во второй статье А.Е. Алихова подробно описывает восемь разнообразных построек (общественную баню, чайхану и несколько частных бань) (Алихова, 1976).

В 1950-е гг. появляются научно-популярные работы М.Р. Полесских и В.И. Лебедева, в которых также рассматривалась материальная культура города Мохши.

М.Р. Полесских, пензенский археолог и краевед, уделял большое внимание материалам Наровчатского городища. В своих работах он нередко упоминал о таких находках, которые свидетельствуют о развитии кузнечного ремесла в поселении (Полесских, 1970а, с. 95), а также о керамических материалах (в том числе о водопроводных трубах и кирпичях) (Полесских, 1956, с. 95; 1970а, с. 95). М.Р. Полесских внес вклад и в изучение этнокультурного состава местного населе-

ния. Он отмечал многоэтничность населения края (Полесских, 1956, с. 79) и процесс культурного взаимодействия между различными народами в золотоордынское время. В частности, исследователь писал: «Не будучи одной культурой единого народа, культура Золотой Орды не могла оказать серьезного воздействия на культуру местных племен. Все же в материальной культуре мордвы имеются следы общения с золотоордынскими татарами; прослеживаются, например, татарские элементы в мордовских вещах того времени, предполагается, что часть мордвы приняла мусульманскую религию» (Полесских, 1956, с. 81). М.Р. Полесских предполагал, что городище появилось ещё в домонгольское время и было основано пришлым населением. М.Р. Полесских писал о нём: «Можно предположить, что насельники городищ были в какой-то мере родственны волжским болгарам, которые корнями своего происхождения уходили к сармато-аланским племенам» (Полесских, 1956, с. 96).

В.И. Лебедев также внес существенный вклад в изучение истории Наровчатского городища. Его научно-популярная брошюра «Загадочный город Мохши» (1958) стала первой обобщающей работой о памятнике. Ее автор считал Мохши крупным торговоремесленным центром. Местное население, по его мнению, владело деревообрабатывающим, кузнечным, кожевенным, ювелирным ремеслами, техникой обработки камня и т. д. (Лебедев, 1958, с. 43). В.И. Лебедев отмечал, что на Наровчатском городище нередко встречаются черепки глиняной посуды (Лебедев, 1958, с. 10, 24). Красноглиняную керамику В.И. Лебедев датировал золотоордынским временем (Лебедев, 1958, с. 31) и создал типологию орнамента посуды (Лебедев, 1958, с. 31–32). Исследователь уделил внимание архитектурным сооружениям города Мохши (Лебедев 1958, с. 22–23, 26–27), а также строительным материалам, которые использовались при возведении золотоордынских зданий (Лебедев, 1958, с. 21–22). В.И. Лебедев сделал также ряд замечаний по этнокультурной истории края. По его мнению, основную часть населения Мохши составляла мордва, но сказывалось и влияние Востока (Лебедев, 1958, с. 33, 42–43).

В 1976 г. вышла в свет статья Н.М. Булатова «Классификация красноглиняной поливной керамики золотоордынских городов», в которой анализировался химический состав поливы золотоордынской посуды. В том числе

были привлечены материалы с Наровчатского городища (Булатов, 1976, с. 99).

В конце 1980-х гг. на памятнике были продолжены раскопки. Экспедиция под руководством Ю.А. Зеленева в 1989–1990 гг. раскопала крупный участок в центральной части городища. Близко к предполагаемому месту расположения белокаменной мечети подходил раскоп 1990 г. При этом в раскопе не было обнаружено погребений. Так была приблизительно выявлена северная граница Наровчатского могильника. В 1993 г. также были проведены раскопочные работы в районе строительных работ у детского сада «Солнышко» (Зеленев, 1993, с. 2).

В ходе исследований были выявлены производственные и хозяйственные сооружения золотоордынского времени, в том числе ещё один гончарный горн с околотопочной ямой. Мощность культурного слоя здесь достигала 160 см и более (Зеленев, 1990, с. 3). Однако значительная часть культурного слоя в этом районе датируется позднейшим временем. Ю.А. Зеленев выделял в районе раскопок от трёх до четырёх строительных периодов, из которых только один-два датируются золотоордынским временем (Зеленев, 1989, 1990). Культурный слой золотоордынского времени преимущественно связан со слоем черного гумуса, который подстилался слоем жёлтой материковой глины.

Материалы, полученные в ходе раскопок, опубликованы только частично (Зеленев, Румянцев, 1994, с. 45).

Ю.А. Зеленев писал в своих отчётах о сильной засорённости и деформации культурного слоя позднейшими строительными работами. Состав культурного слоя был довольно сложным. Верхнюю часть почвы составлял дёрн. Его толщина колеблется от 2 до 12 см. Преимущественно мощность слоя составляет 3–5 см. Ниже дёрна нередко залегает слой балласта из песка или глины толщиной от 4 до 28 см. Однако ещё чаще сразу под слоем дёрна начинается слой серой супеси, часто смешанный с обломками кирпичей, извести и другим современным строительным мусором. Как правило, толщина этого слоя колеблется от 6 до 20 см, но местами доходит до 48 см. Ниже залегает слой серого гумуса. В основном этот слой достаточно мощен и доходит до 60–66 см, хотя иногда понижается до 6–20 см. Как правило, этот слой составляет 30–40 см. Слой супеси и слой серого гумуса нередко прорезаются линзами песка, глины и строительного мусора, в обоих слоях очень

часто встречаются осколки кирпичей и штукатурки, а также другого строительного мусора. В гумусированном слое нередко встречаются фрагменты сероглиняной русской керамики.

Ниже слоя серого гумуса, как правило, идёт прослойка чёрного гумуса, также нередко насыщенная строительным мусором. В этом слое встречается красноглиняная золотоордынская керамика. Мощность слоя колеблется от 2 до 96 см. Несмотря на то, что именно этот слой преимущественно связан с золотоордынским временем, он также был сильно потревожен во время позднейших строительных работ, так что и сюда могли попадать позднейшие материалы. Чёрный гумус внизу подстилается коричневой материковой глиной.

В целом культурный слой центральной части городища был весьма мощным. Иногда он достигает 222–223 см, преимущественно составляя от 100 до 200 см (Зеленев, 1989, с. 3–5; 1990, с. 2–5). При этом золотоордынский культурный слой составляет довольно незначительную часть. Ю.А. Зеленев разделил обнаруженные в ходе раскопочных работ 1989–1990 гг. сооружения на 3–4 строительных периода, из которых к золотоордынскому времени относятся только 1–2 (Зеленев, 1989, с. 5–8; 1990, с. 5–7).

В 1997 г. экспедиция Марийского государственного университета совместно с Пензенским государственным педагогическим университетом начала раскопки фундамента кирпичной бани. Раскопки этого объекта продолжались до 2000–2001 гг. и были завершены экспедицией ПГПУ под руководством Г.Н. Белорыбкина. В ходе работ был исследован фундамент бани с подпольным отоплением и печью снаружи, сложенным как из сырцового, так и из обожженного кирпича. При обследовании водопроводных траншей, проложенных по улицам Наровчата, удалось установить, что культурный слой распределен по территории городища неравномерно. Структура застройки городища выглядит в виде хуторов или усадеб, между которыми были пустые территории, и только центральная часть имела сплошную застройку жилыми и производственными сооружениями.

В 1990–2000 гг. вышли также несколько статей разных исследователей, освещавших различные аспекты истории Наровчатского городища. В 1995 г. увидела свет статья С.В. Белоусова «Монетный двор города Мохши», где автор предполагает, что начало чеканки медной монеты на Наровчатском городище относится к 1290 гг., на что, предположительно

но, указывают находки медных монет с чеканом Нуридждана или Бузинкара (Белоусов, 1995, с. 118). В 1998 г. вышла статья С.В. Белоусова и О.В. Голубева «Типы мохшинских монет», в которой авторы создают наиболее полную типологию нумизматических материалов с чеканом Мохши.

Типология монет с чеканом Мохши, обнаруженных в Булгаре, была подготовлена в статье Д.Г. Мухамедшина «Монеты Мохши из фондов Болгарского государственного историко-архитектурного заповедника» (2000). Автор предполагает, что после прекращения чеканки монеты на Болгарском монетном дворе в 734 г. по х. жители Болгара стремились погасить дефицит монет за счет поступлений из Мохши (Мухамедшин, 2000, с. 53–54).

Данные, полученные при раскопках А.Е. Алиховой, были использованы Э.Д. Зиливинской при исследовании архитектуры Золотой Орды (2001, 2011, 2014). Э.Д. Зиливинская создала типологию мавзолеев и бань Золотой Орды, рассматривая в частности и наровчатские сооружения. В этих трудах наровчатская архитектура исследуется как составная часть культуры Золотой Орды.

В 2010 г. в Наровчате состоялась Всероссийская научная конференция, по результатам которой был издан сборник «Средневековый город Мохши и Наручатская земля». В материалах сборника были отражены такие темы, как топография Наровчатского городища, керамика и монеты как самого городища, так и его окрестностей. Особое внимание было уделено вопросам ремесла и антропологии местного населения. Наибольшую дискуссию вызвал вопрос о том, к чему относится название Мохши – к городу или улусу.

В настоящее время материалы раскопок Наровчатского городища выставлены в Наровчатском краеведческом музее, на базе которого создан музей-заповедник. В 2021 г. вышла коллективная монография «Средневековый город Мохши» (Белорыбкин, Иконников и др., 2021), где подведены итоги исследований за 100 лет и определены проблемы, над которыми необходимо продолжать работать.

Одним из основных и наиболее перспективных направлений обозначено создание и развитие заповедника, в рамках которого намечена музеефикация архитектурных сооружений города Мохши и организация планомерных археологических исследований.

ЛИТЕРАТУРА

- Алихова А.Е.* Отчет об археологических работах Мордовской археологической экспедиции в Наровчате. М., 1959 / Архив ИА РАН. Р-1. № 1910.
- Алихова А.Е.* Отчет о раскопках Наровчатской археологической экспедиции в с. Наровчат Пензенской области. М., 1960 / Архив ИА РАН. Р-1. № 2102.
- Алихова А.Е.* Отчет о раскопках Наровчатской археологической экспедиции. М., 1961 / Архив ИА РАН. Р-1. № 2318.
- Алихова А.Е.* Отчет о раскопках в с. Наровчат Пензенской области. М., 1962 / Архив ИА РАН. Р-1. № 2570.
- Алихова А.Е.* Отчет о раскопках Наровчатской археологической экспедиции в с. Наровчат Пензенской области. М., 1963 // Архив ИА РАН. Р-1. № 2770.
- Алихова А.Е.* Мавзолей города Мохши-Наровчата // СА. 1973. № 2. С. 226–237.
- Алихова А.Е.* Постройки древнего города Мохши // СА. 1976. № 4. С. 166–179.
- Белоусов С.В.* Монетный двор города Мохши // Страницы истории Волго-Донья / Отв. ред. А.С. Касимов. Пенза: Изд-во ПГПУ, 1995. С. 114–119.
- Белорыбкин Г.Н., Иконников Д.С., Мельниченко О.В., Винничек В.А., Лебедев В.П., Гумаюнов С.В., Голубев О.В.* Средневековый город Мохши. Пенза, 2021. 250 с.
- Булатов Н.М.* Классификация красноглиняной поливной керамики золотоордынских городов // Средневековые памятники Поволжья / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Наука, 1976. С. 73–107.
- Голубев О.В.* Чекан монет Мохши (каталог). Пенза, 2021. 48 с.
- Зеленев Ю.А.* Отчет об археологических исследованиях в Наровчатском районе Пензенской области. М., 1989 / Архив ИА РАН. Р-1. № 13631.
- Зеленев Ю.А.* Отчет о раскопках на Наровчатском водохранилище (г. Мохши) в 1990 г. М., 1990 / Архив ИА РАН. Р-1. № 16508.
- Зеленев Ю.А.* Отчет об археологических исследованиях в Наровчатском районе в 1993 г. М., 1993 / Архив ИА РАН. Р-1. № 18384.

Зеленева Ю.А., Румянцев Г.Г. Исследования Наровчатского городища // Археологические открытия Урала и Поволжья / Отв. ред. В.В. Никитин. Йошкар-Ола: МарГУ, 1994. С. 45–46.

Зиливинская Э.Д. Бани Золотой Орды // Практика и теория археологических исследований / Отв. ред. А.С. Смирнов. М.: ИА РАН, 2001. С. 174–226.

Зиливинская Э.Д. Очерки культового и гражданского зодчества Золотой Орды. Астрахань: Изд. дом «Астраханский ун-т», 2011. 252 с.

Зиливинская Э.Д. Архитектура Золотой Орды. Ч. I. Культовое зодчество. Казань, 2014. М.; Казань: Отечество, 2014. 448 с.

Кротков А.А. К вопросу о северных улусах золотоордынского ханства (Посвящается Наровчатскому кружку краеведения) // Известия Общества обследования и изучения Азербайджана. 1928. № 5. С. 71–79.

Кротков А.А. Наровчат и его окрестности в историко-археологическом отношении. Наровчат, 1939 // Архив Наровчатского краеведческого музея-заповедника. папка № 74.

Лебедев В.И. Загадочный город Мохши. Пенза: Пензен. книжн. изд-во, 1958. 48 с.

Мухаметшин Д.Г. Монеты Мохши из фондов БГИАМЗ // Древности Поволжья и других регионов. Вып. III / Нумизматический сборник. Т. 2 / Гл. ред. П.Н. Петров. М.: ИПР «Информэлектрон», 2000, С. 50–55.

Полесских М.Р. В недрах времен. Пенза: Кн. изд-во, 1956. 103 с.

Полесских М.Р. Археологические памятники Пензенской области. Путеводитель. Пенза: Приволж. кн. изд-во, 1970. 55 с.

Сохряков А.Г. Улицы Наровчата. Наровчат: Наровчатское землячество. Музей-заповедник Наровчатского р-на Пензенской обл., 2007. 28 с.

Терехин В.М. Археологические раскопки и розыскания в уездах Краснослободском и Наровчатском // Пензенские Губернские ведомости. 1893. № 4. С. 2–3

Терехин В.М. Город Наровчат в археологическом отношении // Пензенские губернские ведомости. 1901. № 142. С. 2

Френ Х.М. Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды с монетами разных иных мухаммеданских династий в прибавлении. Из прежнего собрания г-на профессора, статского советника и кавалера К. Фукса в Казани, принадлежащего ныне тамошнему Императорскому Университету, с краткими объяснениями и указаниями Х.М. Френа. СПб., 1832. 80 с.

Информация об авторах:

Белорыбкин Геннадий Николаевич, доктор исторических наук, профессор, ректор, Институт регионального развития Пензенской области (г. Пенза, Россия); belorybkingn@gmail.com

Зеленева Юрий Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола, Россия); y_zeleneev@mail.ru

Ситдиков Айрат Габитович, доктор исторических наук, декан, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); директор, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

REFERENCES

Alikhova, A. E. 1959. *Otchet ob arkheologicheskikh rabotakh Mordovskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v Narovchate (Report on the archaeological work of the Mordovia archaeological expedition at Narovchat)*. Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, no. 1910 (in Russian).

Alikhova, A. E. 1960. *Otchet o raskopkakh Narovchatskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v s. Narovchat Penzenskoi oblasti (Report on the excavations of the Narovchat archaeological expedition in the Narovchat village of the Penza Region)*. Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, no. 2102 (in Russian).

Alikhova, A. E. 1961. *Otchet o raskopkakh Narovchatskoy arkheologicheskoy ekspeditsii (Report on the excavations of the Narovchat archaeological expedition)*. Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, no. 2318 (in Russian).

Alikhova, A. E. 1962. *Otchet o raskopkakh v s. Narovchat Penzenskoi oblasti (Report on the excavations in the Narovchat village of the Penza Region)*. Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, no. 2570 (in Russian).

Alikhova, A. E. 1963. *Otchet o raskopkakh Narovchatskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v s. Narovchat Penzenskoi oblasti (Report on the excavations of the Narovchat archaeological expedition in the Narovchat village of the Penza Region)*. Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, no. 2770 (in Russian).

Alikhova, A. E. 1973. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 226–237 (in Russian).

Alikhova, A. E. 1976. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 166–179 (in Russian).

Belousov, S. V. 1995. In Kasimov, A. S. (ed.). *Stranitsy istorii Volgo-Don'ya (Pages of the History of the Volga-Don Region)*. Penza: Penza State Pedagogical University Publ., 114–119 (in Russian).

Belorybkin, G. A., Ikonnikov, D. S., Melnichenko, O. V., Vinnichuk, V. A., Lebedev, V. P., Gumayunov, S. V., Golubev, O. V. 2021. *Srednevekovyi gorod Mokhshi (The Medieval City of Mokhshi)*. Penza (in Russian).

Bulatov, M. N. 1976. In Smirnov, A. P. (ed.). *Srednevekovye pamiatniki Povolzh'ia (Medieval Sites in the Volga Region)*. Moscow: "Nauka" Publ., 73–107 (in Russian).

Golubev, O. V. 2021. *Chekan monet Mokhshi (Mintage of Mukhshi)*. Penza: (in Russian).

Zeleneev, Yu. A. 1989. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v Narovchatskom rayone Penzenskoy oblasti (Report on archaeological investigation in the Narovchatsky District of the Penza Region)*. Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R. 1, no. 13631 (in Russian).

Zeleneev, Yu. A. 1990. *Otchet o raskopkakh na Narovchatskom vodokhranilishche (g. Mokhshi) v 1990 g. (Report on excavations at the Narovchat reservoir (city of Mukhshi) in 1990)*. Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R. 1, no. 16508 (in Russian).

Zeleneev, Yu. A. 1993. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v Narovchatskom rayone Penzenskoy oblasti (Report on archaeological investigation in the Narovchatsky District of the Penza Region)*. Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R. 1, no. 18384 (in Russian).

Zeleneev, Yu. A., Rumyantseva, G. G. 1994. In Nikitin, V. V. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia Urala i Povolzh'ia (Archaeological Discoveries in the Urals and Volga Region)*. Yoshkar-Ola: Mari State University, 45–46 (in Russian).

Zilivinskaya, E. D. 2001. In Smirnov, A. S. (ed.). *Praktika i teoriya arkheologicheskikh issledovaniy (Practice and Theory of Archaeological Studies)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 174–226 (in Russian).

Zilivinskaia, E. D. 2011. *Ocherki kul'tovogo i grazhdanskogo zodchestva Zolotoi Ordy (Sketches on the Golden Horde Ritual and Civil Architecture)*. Astrakhan: Astrakhan University Publishing House (in Russian).

Zilivinskaya, E. D. 2014. *Arkhitektura Zolotoi Ordy (Architecture of the Golden Horde) 1. Kul'tovoe zodchestvo (Ritual Architecture)*. Moscow; Kazan: "Otechestvo" Publ. (in Russian).

Krotkov, A. A. 1928. In *Izvestiya Obshchestva obsledovaniya i izucheniya Azerbaydzhana (Communications of the Society for Survey and Study of Azerbaijan)* (5), 71–79 (in Russian).

Krotkov, A. A. 1939. *Narovchat i ego okrestnosti v istoriko-arkheologicheskoy otnoshenii (Narovchat and its environs in historical and archaeological respect.)*. Narovchat. (Archive of the Narovchat local history museum-reserve. Dossier No 74) (in Russian).

Lebedev, V. I. 1958. *Zagadochniy gorod Mokhshi (Mysterious city of Mokhshi)*. Penza: "Penza book publishing house" Publ. (in Russian).

Mukhametshin, D. G. 2000. In Petrov, P. N. (ed.-in-chief). *Drevnosti Povolzh'ia i drugikh regionov (Antiquities of the Volga River Region and Other Areas) III = Numizmaticheskii sbornik (Numismatic Proceedings) 2*. Moscow: "Informelektro" Publ., 50–55 (in Russian).

Polesskikh, M. R. 1956. *V nedrakh vremen (In the Depths of Time)*. Penza: "Penzenskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Polesskikh, M. R. 1970. *Arkheologicheskie pamiatniki Penzenskoi oblasti (Archaeological Sites of Penza Oblast)*. Penza: "Privolzhskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Sokhryakov, A. G. 2007. *Ulitsy Narovchata (Narovchat streets)*. Narovchat: "Narovchatovskoe zemlyachestvo" Publ. (in Russian).

Terekhin, V. M. 1893. In *Penzenskie gubernskie vedomosti (Penza provincial news)* (4), 2–3 (in Russian).

Terekhin, V. M. 1901. In *Penzenskie gubernskie vedomosti (Penza provincial news)* (142), 2 (in Russian).

Fraehn, Ch. M. J. 1832. *Monety khanov Ulusa Dzhuchieva ili Zolotoi Ordy, s monetami inykh mukhammedanskikh dinastii (The Coins of the Khans of Ulus Jochi or Golden Horde, and the Coins of other Muslim Dynasties)*. Saint Petersburg (in Russian).

About the Authors:

Belorybkin Gennady N. Doctor of Historical Sciences, Professor, Rector. Institute for Regional Development of the Penza Region. Popova St., 40, Penza, 440049, Russian Federation; belorybkingn@gmail.com

Zeleneev Yuri A. Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of General History. Mari State University. Lenin Square, 1, Yoshkar-Ola, 424000, Republic of Mari El, Russian Federation; y_zeleneev@mail.ru

Sitdikov Airat G. TAS Corresponding Member. Doctor of Historical Sciences. Head of department, Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2022 г.
Статья принята к публикации 01.12.2022 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

НАХОДКИ МОНЕТ ЧЕКАНА ГОРОДА МОХШИ НА МАДЖАРСКОМ ГОРОДИЩЕ И ПАМЯТНИКАХ ЕГО БЛИЖАЙШЕЙ ОКРУГИ¹

© 2022 г. С.Г. Бочаров, Ю.Д. Обухов

В статье рассмотрены археологические свидетельства находок монет, чеканенных в самом дальнем северо-западном городе Золотой Орды Мохши в культурных напластованиях главного золотоордынского центра на Северном Кавказе города Маджар и одном из памятников его ближайшей округи. В 2016 году раскопом XII исследовалась центральная часть Маджарского городища. В культурных напластованиях этого раскопа зафиксированы две серебряные монеты выпущенных в городе Мохши. Третья монета найдена при археологических исследованиях кургана 8 могильника Покойное 2, расположенного в ближайшей округе города. Все найденные монеты относятся ко времени правления хана Узбека.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, золотоордынский город Маджар, Маджарское городище, золотоордынский город Мохши, Наровчатское городище, нумизматика, монеты чекана города Мохши, торговые связи.

FINDS OF COINS, MINTED IN MEDIEVAL MUKHSHI CITY ON THE MAJAR SETTLEMENT AND SITES OF ITS NEAREST DISTRICT²

S.G. Bocharov, Yu.D. Obukhov

The authors consider the archaeological evidence of the finds of coins minted in the farthest northwestern city of the Golden Horde – Mukhshi, in the cultural layers of the main Golden Horde center in the North Caucasus – the Majar settlement and one of the sites of its nearest district. In 2016 the excavation XII was made for the studying of the central part of the Majar settlement. Two silver coins minted in the city of Mukhshi were found in the cultural layer of this excavation. The third coin was revealed during the archaeological research of the barrow 8 of the Pokoynoye 2 burial ground, located in the nearest district of the city. All the found coins belong to the time of the reign of Khan Uzbek.

Keywords: archaeology, Golden Horde, Golden Horde city of Majar, Majar settlement, Golden Horde city of Mukhshi, Narovchat settlement, numismatics, coins of Mukhshi mintage, trade relations.

В сентябре 2021 г. в селе Наровчат Пензенской области прошла Всероссийская научная конференция «История и археология Золотой Орды Примокшанья: актуальные вопросы изучения и сохранения городища Наровчат-Мокша». К конференции было приурочено издание коллективной монографии «Средневековый город Мохши», в которой были собраны основные категории массовых археологических находок, происходящих с Наровчатского городища, и которая сделала этот пласт материальных источников доступным для широкого круга исследователей (Белорыбкин и др., 2021).

Серебряные монеты чеканки Мохши известны по публикациям с XIX в., но являются довольно редкими находками. Авторами вышеупомянутой коллективной монографии приводятся сведения о единичном характере и редкой встречаемости серебряных монет этого центра. Сообщается об изученных ими 43 921 экземпляре джучидских монет в 33 кладах и наличии среди них всего 150 экземпляров монет Мохши, что составило 0,34% от общего числа (Белорыбкин и др., 2021, с. 18).

Одним из авторов этой статьи на конференции было сделано сообщение об обнаружении монет, чеканенных в самом дальнем северо-

1 Статья составлена при поддержке программы Приоритет-2030 Севастопольского государственного университета (стратегический проект № 5) (С.Г. Бочаров) и в рамках проекта РФФИ № 20-39-90023 «Золотоордынский город Маджар и его возможная округа – Верхний Маджар и Нижний Маджар, входившие в систему Маджарской агломерации» (Ю.Д. Обухов).

2 S.G. Bocharov worked on the article with the support of the Priority-2030 program of the Sevastopol State University (strategic project No. 5). Yu.D. Obukhov worked on the article within the framework of the RFBR project No. 20-39-90023 "The Golden Horde city of Majar and its possible district - Upper Majar and Lower Majar, which were part of the Majar agglomeration system".

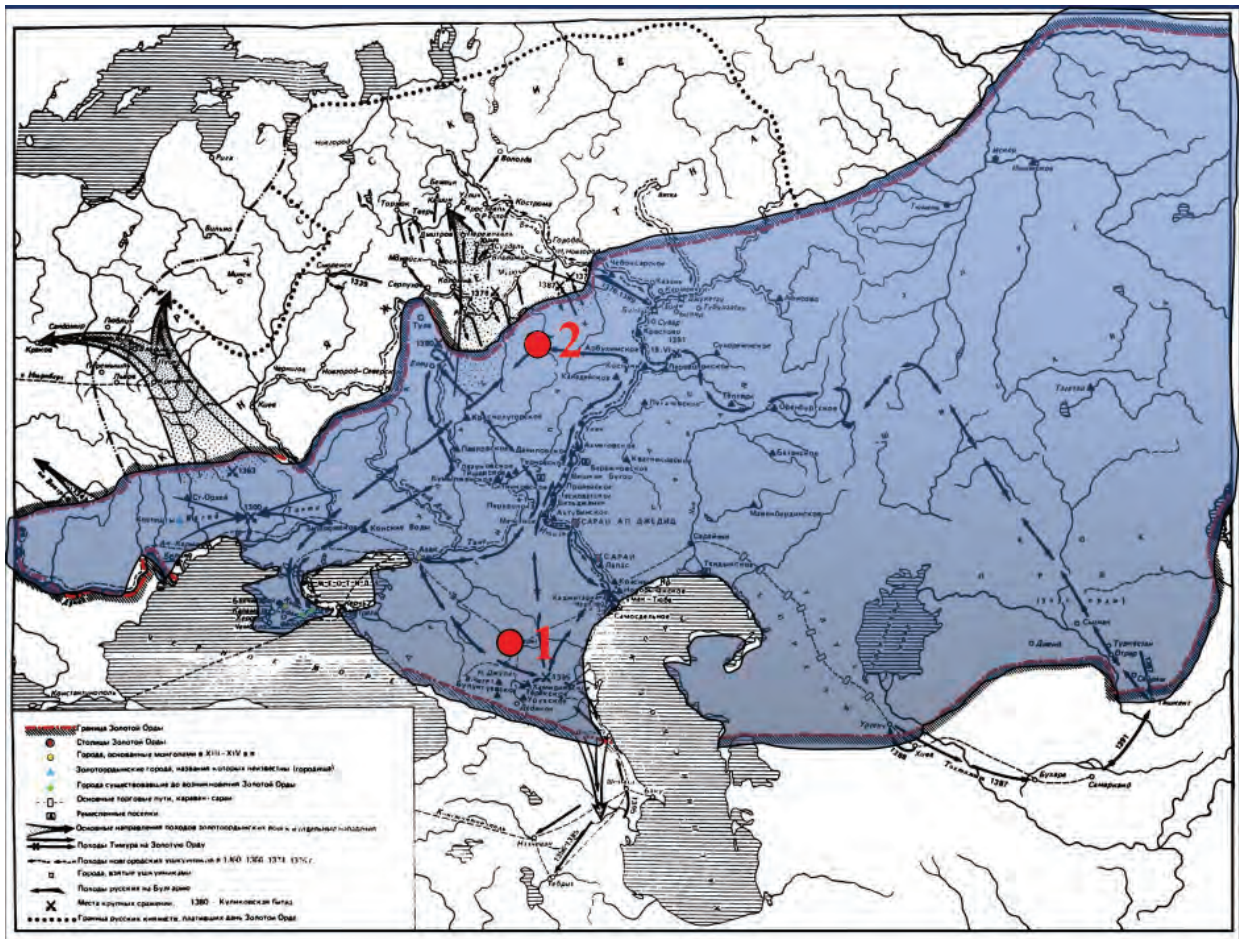

Рис. 1. Карта Золотой Орды (по: Егоров, 1985, карта 2). 1 – Маджарское городище, 2 – Наровчатское городище

Fig. 1. Map of the Golden Horde (according to Egorov, 1985, map 2). 1 – Medieval city of Majar; 2 – Narovchat settlement.

западном региональном центре золотоордынского государства – городе Мохши (рис. 1), среди археологических находок в южном региональном центре Золотой Орды – городе Маджар.

Маджарское городище является остатком золотоордынского города Маджар и расположено у современного города Будённовск Ставропольского края (рис. 1). Русло реки Кумы делит его на две неравные части. Меньшая левобережная часть находится под застройкой юго-восточной окраины современного города. Большая правобережная часть занимает земли сельскохозяйственного назначения муниципальных образований сёл Покойное и Прасковья (Обухов, 2014, с. 416). Ориентировочная площадь городища около 1100 га (рис. 2).

Золотая Орда являлась одним из крупнейших средневековых государств с развитым монетным обращением. Город Маджар был главным административным и торговым центром этого государства на северном Кавказе и входил в число джучидских городов, имевших право чеканить свою монету. Помимо

собственных монетных эмиссий в денежном обращении Маджара участвовали монеты как других региональных центров Золотой Орды (Обухов, 2019, с. 180), так и стран-соседей этой державы (Бочаров, Обухов, 2021, с. 217).

В общем массиве нумизматического комплекса, полученного в процессе археологических разведок и раскопок на территории собственно городской территории Маджара и памятниках его ближайшей периферии, были выделены монеты, чеканенные в городе Мохши. Их оказалось три¹: две монеты, происходящие с Маджарского городища, и одна монета – с памятника его окружи. В статье не рассматриваются появившиеся в последние годы упоминания о происхождении монетных номиналов с Маджарского городища, которые незаконно собраны с использованием металлодетекторов и не имеют верифицированного паспорта археологической находки.

Находки монет Мохши на Маджарском городище исследователями XIX–XX вв. не зафиксированы, и данные об их наличии не нашли отражения в публикациях.

Рис. 2. План Маджарского городища с нанесением раскопов и шурфов, исследованных археологической экспедицией «Каффа».

Fig. 2. Map of medieval city of Majar with marking of excavations and prospect holes areas, studied by the “Caffa” archaeological team.

В 2016 г. археологическая экспедиция «Каффа» Института археологии им. Халикова Академии наук Республики Татарстан при содействии МУК «Краеведческий музей с. Прасковья» раскопом XII (по общей нумерации раскопов на памятнике) провела археологические исследования в центральной части Маджарского городища. Работы велись в рамках выполнения государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2014–2019 годы)». Раскоп был заложен с целью выяснения стратиграфической ситуации в центральной части средневекового городища и выявления следов монументальных кирпичных объектов в местах, предварительно выявленных в ходе комплексного геомагнитного исследования как наиболее вероятные аномалии от древних строений или зданий (Бочаров, 2017, л. 9).

Раскоп XII был заложен на обрабатываемом поле в 700 м восточнее поймы реки Кумы, в северо-западной части большого поля, реестровый номер 27, с западной и северной стороны это поле ограничивает искусствен-

ный оросительный канал глубиной до 4,5 м (Бочаров, 2017, л. 7). Раскоп был ориентирован по оси север – юг. В плане раскоп имел квадратную форму, его размеры составляли 6,00×6,00 м. Площадь исследуемого участка 36 кв. м (рис. 3). Суммарная мощность культурного слоя составляет 1,19–1,40 м. В ходе исследований на раскопе XII была зафиксирована стратиграфическая ситуация, соотносимая с тремя хронологическими периодами. I слой – хронологический период (2-я пол. XX – нач. XXI в.) связан с сельскохозяйственным освоением и механической распашкой этого участка. II слой – период (40–90-е гг. XIV в.) начинается с правления хана Джанибека и заканчивается временем правления хана Тохтамыша и исчезновением оседлой жизни на Маджарском городище. Этот слой разделен на 2 субгоризонта: II поздний слой – период (80–90-е гг. XIV в.) относится ко времени правления хана Тохтамыша, и II ранний слой – период (40–70-е гг. XIV в.) начинается с правления хана Джанибека и заканчивается временем Великой замятни. III слой – период (10–30-е гг. XIV в.) приходится на время прав-

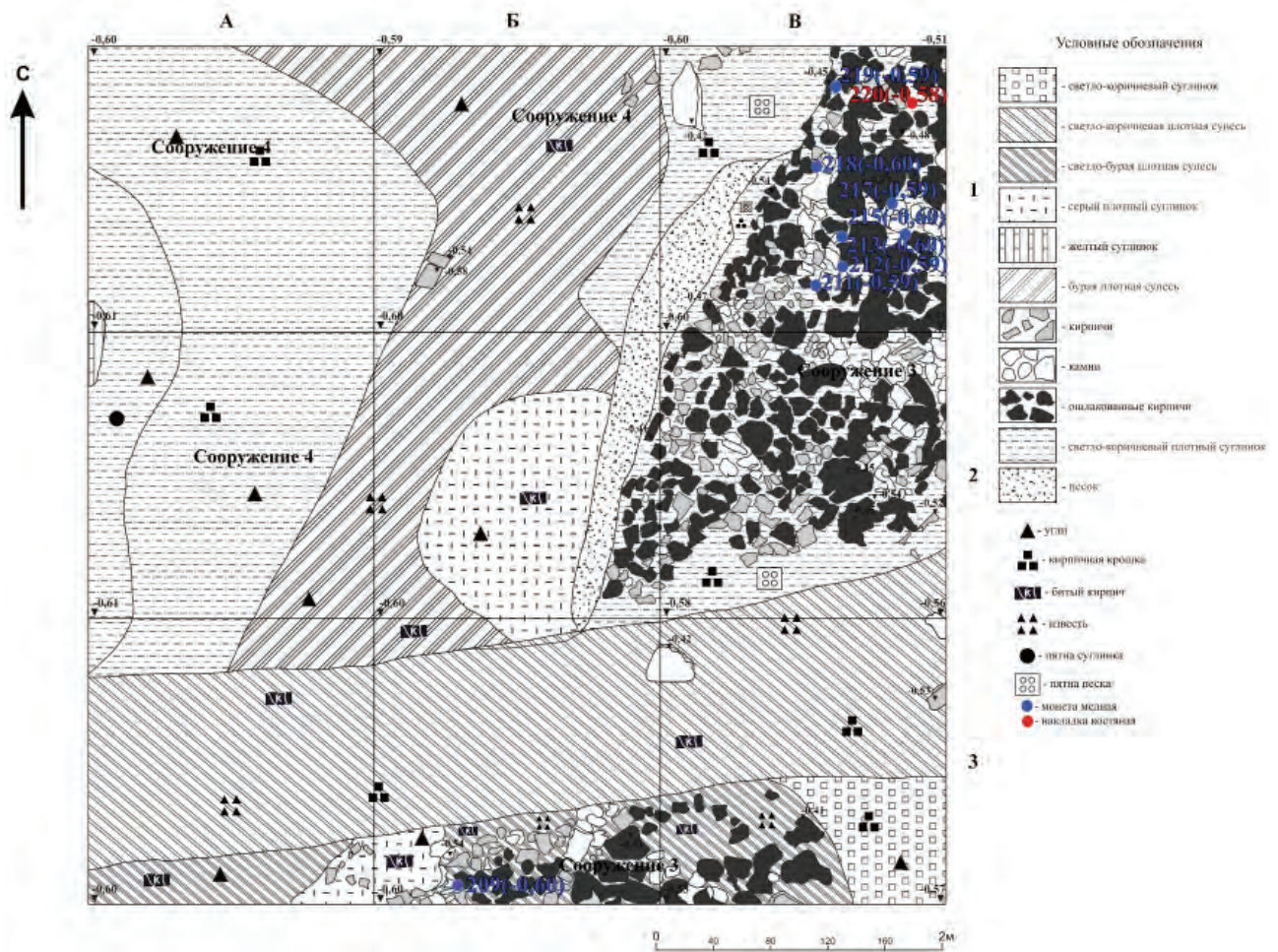

Рис. 3. Маджарское городище. Маджарское городище. Раскоп XII. Планиграфии объектов и культурные напластования на уровне пласта 5.

Fig. 3. Medieval city of Májár. Excavation XII. Planigraphy of objects and cultural layers at the level of stratum 5.

ления хана Узбека и связан с появлением археологических культурных напластований на изучаемом участке города Маджары (Бочаров, 2017, л. 37–39). Изучены пять объектов золотоордынского периода разного назначения. Сооружение 1 представлено выборкой кладки стены и внутренним пространством помещения размером 1,2×6 м, датируемого 80–90-гг. XIV в. Сооружение 2 – развал от хлебной печи тандыра. Сооружение 3 – участок городской улицы, вымощенной битым и бракованным кирпичом (размер участка 2,3×4,3 м); верхний горизонт городской улицы датируется 50-ми гг. XIV в. Сооружение 4 представляло собой остатки внутреннего помещения (размер 1,4×6,6 м) городской усадьбы, ограниченного двумя кирпичными стенами; дата существования сооружения 10–60-е гг. XIV в. (рис. 3). Сооружение 5 – глиняная печь тандыр, которая была пристроена с внутренней стороны к восточной стене сооружения 4; печь овальной в плане формы размером 0,8×0,96 м (Боча-

ров, Обухов, Ситдииков, 2018а, с. 405; Бочаров, Обухов, Ситдииков, 2018б, с. 32).

В результате археологических исследований на раскопе XII были обнаружены 65 монет (63 медных и 2 серебряных). Две серебряные монеты, зафиксированные в разных стратиграфических контекстах, принадлежали выпускам золотоордынского города Мохши.

Первая монета найдена на глубине 0,38 м от современной дневной поверхности в I слое, связанном с механической распашкой 2-й пол. XX – нач. XXI в. на исследованном участке Маджарского городища. 133 номер по описи индивидуальных находок (Бочаров, 2017, л. 25). Монета серебряная. Лицевая сторона: Султан Мухаммед Узбек хан. Тамга в центре. Обратная сторона: в квадратной линейной рамке Чекан Мокши 726 г. по х. (цифра десятых на монете не сохранилась). По сторонам рамки по три точки (рис. 4: 1). Вес до реставрационной обработки 1,66 г, после обработки – 0,98 г.

Рис. 4. Маджарское городище. Монеты города Мохши из археологических исследований на раскопе XII
 Fig. 4. Medieval city of Majar. Coins, minted in Mukhshi – the city of the Golden Horde, from excavation XII.

Рис. 5. Карта территории, примыкающей к Маджарскому городищу. 1 –Курганный могильник Покойное 2, Курган 8; 2 – Маджарское городище, раскоп XII.

Fig. 5. Map of area, adjacent to the medieval city of Majar. 1 – Barrow cemetery Pokoynoye 2. Barrow 8; 2 – Medieval city of Majar, excavation XII.

Вторая монета найдена на глубине 0,91 м от современной дневной поверхности при исследовании седьмого пласта в раннем субгоризонте II слоя, датируемого периодом 40–70-гг. XIV в. (Бочаров, 2017, л. 32). Монета серебряная. Лицевая сторона: Султан справедливый Узбек хан. Тамга в центре. Обратная сторона: штемпель смещён влево. В квадратной линейной рамке – чекан Мокши 718 г. по х. (?). По сторонам рамки виньетки (рис. 4: 2). Вес до реставрационной обработки 1,66 г, после обработки – 0,95 г.

Третья находка монеты чекана Мохши относится к исследованиям, проведенным в 2008 г. на курганном могильнике Покойное 2. Археологической экспедицией ГУП «Наследие» под руководством В.А. Бабенко был исследован курганный могильник (рис. 5), располагавшийся в Кумо-Манычском междуречье, на водоразделе реки Кумы и балки Егоров Лог, к северу от села Покойное Буденновского района Ставропольского края (Бабенко, 2010, л. 17–25). В кургане 8 этой группы были изучены 6 погребений, датирующихся эпохой Золотой Орды, и зафиксированы 14 отдельных находок, относящихся к этому же периоду. Размеры кургана: высота 0,3 м, диаметр 35 м. В насыпи кургана в пахотном слое (глубина 5–7 см от уровня современной дневной поверхности) на участке центральной бровки были собраны 11 целых серебряных монет и 3 фрагментированных. В заполнении погребения 5 были обнаружены на разных уровнях еще две монеты. Возможно, все выявленные монеты являются частью распаханного или разрушенного при строительных работах на кургане монетногоклада. Общее количество найденных монет составило с учётом фрагментов 15 экземпляров, среди них была одна монета хана Узбека, чекана Мохши. Монета серебряная. Лицевая сторона: Султан Гийас ад-Дин Узбек хан Справедливый. Тамга в центре. Обратная сторона: в квадратной линейной рамке – чекан Мокши 717 г. по х. По сторонам рамки виньетки (рис. 6). Вес до реставрационной обработки 1,42 г, после обработки – 1,4 г. Диаметр монеты 1,6 см (Бабенко, Обухов, 2010, с. 228; 2013, с. 298).

В заключение отметим, что монета, происходящая из кургана 8 могильника Покойное

Рис. 6. Курган 8 могильника Покойное 2.
Монета города Мохши.

Fig. 6. Barrow 8 of the barrow cemetery Pokoynoye 2.
Coins of the Golden Horde city of Mukhshi.

2, является вариантом штемпеля типа IX-1, а монеты из раскопа XII соответствуют типам XIII и XXII по классификации монетных выпусков золотоордынского города Мохши (Белорыбкин и др., 2021, с. 23–24). Чеканены в первую половину правления хана Узбека и представляют самые массовые выпуски, что может указывать на интенсивное проникновение данных эмиссий на рынок Маджара именно в этот определённый период.

Нумизматические материалы, полученные в результате археологических исследований памятника, дают нам представление о внутривнутригосударственном обмене и городских центрах Золотой Орды, эмиссии которых участвовали в повседневной торговой жизни Маджара. Дальнейшее изучение памятника федерального значения «Городище Маджары» способно предоставить дополнительный материал для реконструкции денежного оборота в контексте розничной торговли, проходившей на рынках этого южного золотоордынского города и объектах его окружи.

Примечание:

¹ Определение нумизматического материала выполнено Ю.Д. Обуховым

ЛИТЕРАТУРА

Бабенко В.А. Отчет об охранных раскопках курганного могильника "Степной-1" на территории Левокумского района и курганного могильника "Покойное-2" на территории Буденновского района Ставропольского края в 2008 году. Ставрополь, 2010 / НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 38356-38357. С. 17–25.

Бабенко В.А., Обухов Ю.Д. Монеты в погребениях Маджара и его округа // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия: материалы III Международной Нижневолжской археологической конференции / сост. и отв. ред. Д.В. Васильев. Астрахань: АГУ, 2010, С. 225–228.

Бабенко В.А., Обухов Ю.Д. Монеты в погребениях Золотой Орды на территории Центрального Предкавказья // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. XI: Археология, краеведение, музееведение / Гл. ред. А.Б. Белинский. М.: Памятники исторической мысли, 2013. С. 291–308.

Белорыбкин Г.Н., Иконников Д.С., Мельниченко О.В., Винничек В.А., Лебедев В.П., Гумаюнов С.В., Голубев О.В. Средневековый город Мохши. Пенза: Издательство Института регионального развития Пензенской области, 2021. 252 с.

Бочаров С.Г. Отчет об археологических раскопках в Буденновском районе, г. Буденновск на памятнике федерального значения «Городище Маджары» (раскоп XII, шурф 2) в 2016 г. В 2-х томах. Том I. Казань, 2017 / НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф.4. Оп.1. 202 л.

Бочаров С.Г., Обухов Ю.Д., Ситдииков А.Г. Золотоордынский город Маджар в системе культурных связей Евразии. По материалам новых археологических исследований (2015-2017 гг.) // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа. Материалы международной научной конференции. (Карачаевск, 22–29 апреля 2018 г.) / Отв. ред. У.Ю. Кочкаров. Карачаевск: КЧГУ им. У.Д. Алиева, 2018а. С. 404–406.

Бочаров С.Г., Обухов Ю.Д., Ситдииков А.Г. Три года археологических исследований золотоордынского города Маджар (2015-2017). Итоги и перспективы // Археология Евразийских степей. 2018б. № 5. С. 31–38.

Бочаров С.Г., Обухов Ю.Д. Город Маджар в контексте связей Византии и Золотой Орды. Археологические свидетельства // Археология Евразийских степей. 2021. № 4. С. 112–121.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 245 с.

Обухов Ю.Д. Город Золотой Орды Маджар – история изучения и сохранения // Тр. IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. III / Ред. А.Г. Ситдииков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 416–417.

Обухов Ю.Д. Монеты Азака с городища Маджары по материалам археологических работ и сборов // Азак и мир вокруг него. Материалы Международной научной конференции. Азов, 14–18 октября 2019 г. / Донские древности. Вып. 12 / Отв. ред. Е.Е. Мамичев. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2019. С. 180–183.

Информация об авторах:

Бочаров Сергей Геннадиевич, кандидат исторических наук, заведующий Научно-исследовательской лабораторией «Цифровые технологии в историко-археологических исследованиях», доцент кафедры История, Севастопольский государственный университет (г. Севастополь, Россия); sgbotcharov@mail.ru

Обухов Юрий Дмитриевич, младший научный сотрудник Научного отдела, аспирант кафедры Всеобщей истории, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова (г. Элиста, Россия); obuxova_t@inbox.ru

REFERENCES

Babenco, V. A. 2010. *Otchet ob okhrannykh raskopkakh kurgannogo mogil'nika "Stepnoy-1" na territorii Levokumskogo rayona i kurgannogo mogil'nika "Pokoynoe-2" na territorii Budennovskogo rayona Stavropol'skogo kraya v 2008 godu (Report on the security excavations of the barrow cemetery "Stepnoy-1" on the territory of the Levokumskoye district and the barrow cemetery "Pokoynoye-2" on the territory of the Budyonnovsk district of the Stavropol Krai in 2008.)* Stavropol. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Fund 1, inv. R-1, dossier 38356-38357 (in Russian).

Babenco, V. A., Obukhov, Yu. D. 2010. In Vasil'ev, D. V. (ed.). *Arkheologiya Nizhnego Povolzh'ia: problemy, poiski, otkrytiia (Archaeology of Lower Volga Region: Issues, Research, Discoveries)*. Astrakhan: "Astrakhanskii universitet" Publishing House, 225–228 (in Russian).

Babenko, V. A., Obukhov, Yu. D. 2013. In Belinskii, A. B. (ed.-in-chief). *Materialy po izucheniiu istoriko-kul'turnogo nasledii Severnogo Kavkaza (Materials for the Study of the Historical and Cultural Heritage of the North Caucasus)* 11. Stavropol: "Pamyatniki istoricheskoy mysli" Publ., 291–308 (in Russian).

Belorybkin, G. A., Ikonnikov, D. S., Melnichenko, O. V., Vinnichuk, V. A., Lebedev, V. P., Gumayunov, S. V., Golubev, O. V. 2021. *Srednevekovyi gorod Mokhshi (The Medieval City of Mokhshi)*. Penza (in Russian).

Bocharov, S. G. 2017. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh v Budennovskom rayone, g. Budennovsk na pamyatnike federal'nogo znacheniya «Gorodishche Madzhary» (raskop XII, shurf 2) v 2016 g. V 2-kh tomakh. (Report on archaeological excavations in Budyonnovsk district, town of Budyonnovsk on the site of federal significance "The Majar settlement" (excavation XII, prospect hole 2) in 2016. In 2 volumes.)* Vol. I. Kazan. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Fund 4. Inv. 1 (in Russian).

Bocharov, S. G., Obukhov, Yu. D., Sitdikov, A. G. 2018. In Kochkarov, U. Yu. (ed.). *Kavkaz v sisteme kul'turnykh svyazey Evrazii v drevnosti i srednevekov'e. XXX «Krupnovskie chteniya» po arkheologii Severnogo Kavkaza» (The Caucasus in the System of Cultural Relations of Eurasia in the ancient time and the Middle Ages. XXX Krupnov Readings on the Archaeology of the North Caucasus)*. Karachaevsck: Karachay-Cherkess State University Publ., 404–406 (in Russian).

Bocharov, S. G., Obukhov, Yu. D., Sitdikov, A. G. 2018. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5, 31–38 (in Russian).

Bocharov, S. G., Obukhov, Yu. D. 2021. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 112–121 (in Russian).

Egorov, V. L. 1985. *Istoricheskaya geografiya Zolotoi Ordy v XIII—XIV vv. (Historical Geography of the Golden Horde in the 13th—14th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Obukhov, Yu. D. 2014. In Sitdikov A. G., Makarov N. A., Derevianko A. P. (eds.). *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russia Archaeological Congress in Kazan)* III. Kazan: "Otechestvo" Publ., 416–417 (in Russian).

Obukhov, Yu. D. 2019. In Mamichev, E. E. (ed.). *Azak i mir vokrug nego (Azak and the World Around It)*. Series: Donskie drevnosti (Antiquities of the Don) 12. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve Publ., 180–183 (in Russian).

About the Authors:

Bocharov Sergei G. Candidate of Historical Sciences. Head of the Laboratory "Digital Technologies on History and Archaeology"; Associated professor, Department of History, Sevastopol State University. Universitetskaya St., 33, Sevastopol, 299053, Russian Federation; sgbotcharov@mail.ru

Obukhov Yuri D. Junior researcher of the Scientific Department, Post-graduate student of the Department of World History, Kalmyk State University. Pushkin Str., 11, Elista, 358000, Republic of Kalmykia, Russian Federation; obuxova_t@inbox.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2022 г.
Статья принята к публикации 01.10.2022 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.6.105.109>

О ДВУХ КОМПЛЕКСАХ КРЫМСКИХ МОНЕТ С УРОЧИЩА СЫРТЫ ВАДИНСКОГО РАЙОНА ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2022 г. В.А. Винничек, А.А. Архипенко

В данной статье представлены два комплекса монет Крымского ханства, обнаруженные на территории урочища Сырты Вадинского района Пензенской области. Определены хронологические и весовые характеристики каждой находки, установлены места их чеканки, а также принадлежность тому или иному правителю. Как удалось выяснить, более ранний комплекс датируется серединой-второй половиной XVI века и включает в себя монеты, чеканенные в период с 1550 по 1584 годы. Более поздний комплекс датируется серединой-второй половиной XVIII века и состоит из монет, изготовленных в 1743–1775 годах. Т.е. временной отрезок между ними составляет около двух сотен лет. Кроме того, в зависимости от исторических событий, происходивших в регионе, рассмотрены возможные причины и пути проникновения крымских монет на Пензенскую землю. В этом отношении в статье кратко приведены данные о взаимоотношениях Русского государства с Крымским ханством, а также представлены сведения о времени возведения оборонительных укреплений на территории Пензенского края.

Ключевые слова: археология, Крымское ханство, династия Гиреев, Пензенская область, Вадинский район, акче, XVI в., бешлык, XVIII в.

ABOUT TWO SETS OF CRIMEAN COINS FROM THE SYRTY LOCALITY IN THE VADINSKY DISTRIKT OF THE PENZA OBLAST

V.A. Vinnichек, A.A. Arkhipenko

This article presents two sets of coins of the Crimean Khanate, revealed on the territory of the Syrty locality in the Vadinsky district of the Penza Region. The chronological and weight characteristics of each finding are determined, the location of their coinage are identified as well as the belonging to one or another ruler. As it was found out, the earlier set is dated to the middle to the second half of the XVI century and includes coins minted in the period from 1550 to 1584. The later set dates from the middle-second half of the XVIII century and consists of coins minted in 1743–1775, i.e. the time interval between them is about two hundred years. Besides that, depending on the historical events that took place in the region, the possible causes and ways of penetration of Crimean coins into the Penza region are considered. In this respect, the article briefly describes the relationship between the Russian state and the Crimean Khanate, and also provides information about the time of the construction of defensive fortifications on the territory of the Penza Region.

Keywords: archaeology, Crimean Khanate, Girey dynasty, Penza Oblast, Vadinsk district, akche, XVI century, beshlyk, XVIII century.

Весной 2021 г. в историко-краеведческий музей Вадинска (бывший Керенск) поступили монеты, обнаруженные на распаханном поле в урочище Сырты (слово «сырт» с татарского языка переводится как «спина, хребет»), которое находится в 2,5 км к западу от северной окраины деревни Ольгино Вадинского района.

Как оказалось, все обнаруженные нумизматические находки следует относить к чекану крымских правителей – Гиреев, однако среди них, с точки зрения хронологии, выделяются два комплекса. Первый из них – 11 акче середины – конца XVI в., а второй – 14 бешлыков (бешлык = 5 акче) середины – конца XVIII в.

Необходимо отметить, что все монеты обоих комплексов изготовлены из низкопроб-

ного серебра (биллон), являются случайными находками, обнаружены россыпями довольно близко друг от друга, без следов каких-либо оболочек.

Как отмечено в «Пензенской энциклопедии», «в 1571 г. Иван Грозный учредил дозорную сторожевую службу. Пять мещерских сторож, проходивших по территории края, брали под свой контроль Крымскую, Астраханскую, Ногайские, Вадовскую и Идовскую дороги. С 30-х гг. 17 в. в связи с участвовавшими набегами крымских татар и ногайцев происходит коренное переустройство системы обороны южных и юго-восточных границ Русского государства. Возводятся новые засечные черты и укрепленные пункты, появляются Верхний и Нижний Ломовы (1636),

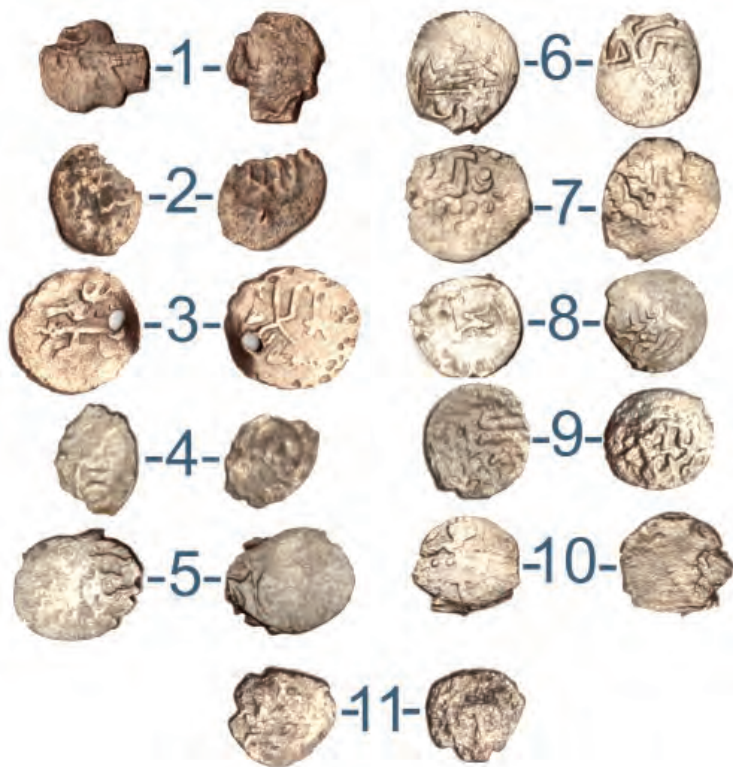

Рис. 1. Монеты Крымских ханов XVI века с урочища Сырты.
Fig. 1. Coins of the Crimean khans of the XVI century from the Syrty locality.

Таблица 1. Вес монет Крымского ханства XVI века с урочища Сырты
Table 1. Weight of the Crimean Khanate coins of the XVI century from the Syrty locality

№ по илл.1	вес (г)	номинал, правитель, дата, место чекана
1	0,43	акче, Ислам 2, 992 г.х. (1584 г.), Крым.
2	0,30	акче, Девлет 1, 957 г.х. (1550 г.), Крым
3	0,44	акче, Девлет 1, 957 г.х. (1550 г.), Крым ¹
4	0,23	акче, Девлет 1, 957 г.х. (1550 г.), Крым
5	0,38	акче, Девлет 1, 957 г.х. (1550 г.), Крым
6	0,45	акче, Девлет 1, 957 г.х. (1550 г.), Крым
7	0,52	акче, Девлет 1, 957 г.х. (1550 г.), Крым
8	0,53	акче, Мехмед 2, 985 г.х. (1577 г.), Крым
9	0,29	акче, Девлет 1, 957 г.х. (1550 г.), Крым
10	0,43	акче, Девлет 1, 957 г.х. (1550 г.), Крым
11	0,36	акче, Девлет 1, 957 г.х. (1550 г.), Крым

* В таблице указаны даты чекана монет по исламскому календарю (г.х. – год Хиджры) и григорианскому (г.)

¹ В монете имеется пробитое отверстие

Керенск (1636) ...» (Белоусов, 2001, с. 164). Таким образом, Керенск (ныне Вадинск), возникший на Вадовской дороге, связал Верхний и Нижний Ломовы с Шацком.

Кроме этого, в районе современного села Коповка, которое находится в 16 км к югу от урочища Сырты, находились т. н. «Вадовские ворота» (Лебедев, 1986, с. 54). Здесь имелся некий «коридор» между лесными массивами и засечными фортификационными сооружениями и, по-видимому, размещался пост российской сторожевой службы, который, по сути, представлял из себя таможню, на кото-

рой производился осмотр товаров, следующих в ту или иную сторону от границы.

Итак, перед нами два комплекса монет Крымского ханства, обнаруженные в непосредственной близости один от другого. Их разделяет в хронологическом плане отрезок в две сотни лет. Не исключено, что в урочище из-за удобного природного ландшафта располагался в старину довольно длительное время постоянный двор. Наиболее ранняя группа крымских монет датируется серединой – концом XVI в. (табл. 1). Вероятно, первоначально комплекс представлял из себя коше-

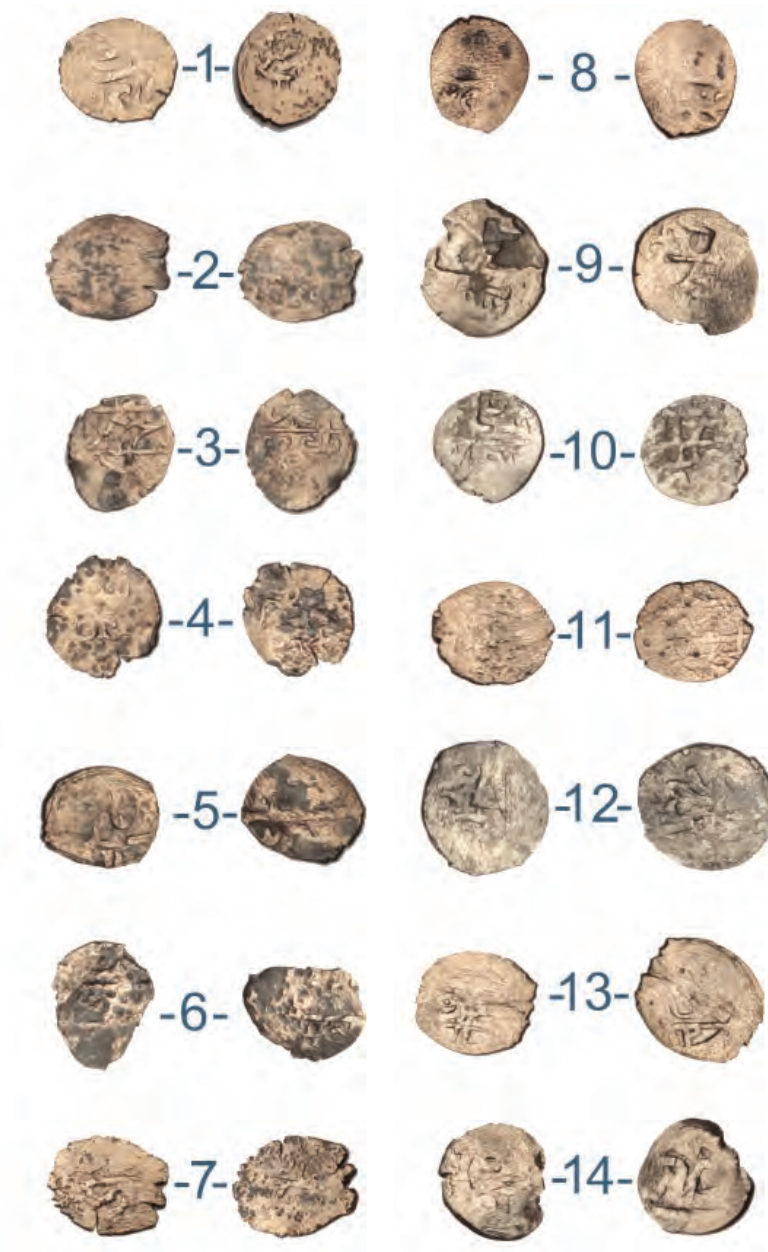

Рис. 2. Монеты Крымских ханов XVIII века с урочища Сырты.
Fig. 2. Coins of the Crimean khans of the XVIII century from the Syrty locality.

лѣк с небольшой суммой денежных средств. Утерян он был, судя по самой поздней монете, не ранее 1584 г. Проникновение этого монетного комплекса на территорию Пензенского края следует связывать, по-видимому, с использованием уже в то время, существовавшего торгового пути, по которому с южного направления (включая пределы Крымского ханства) товары перевозились в сторону российских городов. По Вадовской дороге и таким же трактам совершались и набеги степняков на Русское государство, которые зафиксированы в сохранившихся документах. В частности, это касается и второй половины – конца XVI в. (Карамзин, 2003, с. 634,

657, 716–717, 769, 796). Последним из таких опустошительных набегов для Пензенской земли отмечен т. н. «кубанский погром» 1717 г. под предводительством самозванца – «салтана» Бахты-Гирея. Основной целью походов войск Крымского ханства на Русское государство было овладение военной добычей, особенно «полоняников», торговля которыми приносила очень большую прибыль. Только во время «кубанского погрома» было уведено из пределов Пензенского края до 18 тысяч пленных (Полубояров, 2001, с. 272).

Комплекс крымских монет середины – второй половины XVIII в., который также из-за малочисленности, по-видимому, следу-

Таблица 2. Вес монет Крымского ханства XVIII века с урочища Сырты *
 Table 2. Weight of the Crimean Khanate coins of the XVIII century from the Syrty locality

№ по илл. 2	вес (г)	номинал, правитель, дата, место чекана
1	0,57	бешлык, Сахиб 2, 1185 г.х. (1771 г.), Бахчисарай
2	0,40	бешлык, Девлет 3, 2-ое правление 1189 г.х. (1775 г.), Бахчисарай
3	0,47	бешлык, Селим 3, 1-ое правление, 1178 г.х. (1764 г.), Бахчисарай
4	0,41	бешлык, Селим 3, 2-ое правление, 1184 г.х. (1770 г.), Бахчисарай
5	0,49	бешлык, Халим, 1169 г.х. (1756 г.), Бахчисарай
6	0,26	бешлык, Девлет 3, 2-ое правление 1189 г.х. (1775 г.), Бахчисарай
7	0,45	бешлык, Девлет 3, 2-ое правление 1189 г.х. (1775 г.), Бахчисарай
8	0,55	бешлык, Сахиб 2, 1185 г.х. (1771 г.), Бахчисарай
9	0,34	бешлык, Халим, 1169 г.х. (1756 г.), Бахчисарай
10	0,36	бешлык, Селим 2, 1156 г.х. (1743 г.), Бахчисарай
11	0,55	бешлык, Селим 3, 1-ое правление, 1178 г.х. (1764 г.), Бахчисарай
12	0,59	бешлык, Селим 2, 1156 г.х. (1743 г.), Бахчисарай
13	0,57	бешлык, Девлет 3, 1-ое правление 1182 г.х. (1768 г.), Бахчисарай
14	0,49	бешлык, Халим, 1169 г.х. (1756 г.), Бахчисарай

* В таблице указаны даты чекана монет по исламскому календарю (г.х. – год Хиджры) и григорианскому (г.)

ет называть кошельком, утерян не ранее 1775 г. (табл. 2). Его появление на территории Пензенского края, вероятно, связано с торгово-экономическими отношениями южного соседа с Россией.

Что касается торговли и монетной системы конца XVIII в. Крымского ханства, сохранились сведения, оставленные немецким путешественником Тунманном в 1777 г.: «Доходы хана оценивались в 1769 г., вместе с тем, что он получал от турецкого двора, в три миллиона пиастров или гульденов. Источниками их являются несколько дворцовых вотчин (Domänen), десятина с хлеба и скота подданных и с захватываемой на войне добычи, дань ногайцев, доходы с колодцев, поборы с иноверцев, соляные озера, монета, пошлины и т. д. Прежде эти доходы были гораздо значительнее, так как татары могли больше грабить, и соседние христианские государства должны были покупать себе мир значительными ежегодными подарками.

Наиболее значительная торговля производится в Каффе и Гезлеве. Торговля невольниками особенно значительна в Каффе, за нею по значению следует торговля соленой рыбой, икрой, солью, пшеницей, ячменем,

просом, маслом и вином. Вывозится также много шерсти, тонких шкур ягнят, черного и особенно серого цвета, обработанных белых бесшерстных бараньих кож, говяжьего мяса, сала, нефти, меда, воска и т. д. Торгуют большей частью товаром за товар.

Турецкая монета обращается везде в Крыму. Настоящие татарские монеты имеются только двух родов: 1) беас-бешлик, белый пятак, сделан из серебра и содержит пять кара-бешликов или двадцать ахче (Achtze); 2) кара-бешлик, черный пятак, сделан из меди с малым количеством серебра и содержит пять ахче. Воображаемые монеты следующие: 1) ахче, 2) татарский пиастр, называемый груш или чюриг и имеющий всегда 20 кара-бешликов или 100 ахче. Таких татарских пиастров или грушей содержится $7\frac{1}{2}$ в одном турецком пиастре и $22\frac{1}{2}$ в одном турецком дукате или алтуне. Так во всяком случае было в 1769 г. Но курс очень переменчив и поднимается или падает, как это хан находит лучшим для своих доходов» (Тунманн, 1936, с. 31–32).

Находка рассмотренных в данной статье монетных комплексов является для Пензенской области уникальной.

Благодарность:

Авторы статьи выражают благодарность директору историко-краеведческого музея села Вадинск Н.Г. Прокофьеву за предоставленные материалы и специалисту по работе с фондами Пензенского государственного краеведческого музея В.В. Янькову за помощь в очистке монет.

ЛИТЕРАТУРА

Белуосов С.В. Дороги 16–17 вв. на территории Пензенского края // Пензенская энциклопедия / Гл. ред. К.Д. Вишневецкий. М.: Большая Российская энциклопедия, 2001. С. 416–417.

Карамзин Н.М. История государства Российского / обраб. и ред. Ю. Медведев. М.: ЭКСМО, 2003. 1024 с., илл.

Лебедев В.И. Загадочный город Мохши. Пенза: Пензен. книжн. изд-во, 1958. 48 с.

Лебедев В.И. Легенда или быль. По следам засечных сторожей. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1986. 136 с.

Полубояров М.С. Мокша, Сура и другие...Материалы к историко-топонимическому словарю Пензенской области. М., 1992. 199 с.

Полубояров М.С. «Кубанский погром» // Пензенская энциклопедия / Гл. ред. К.Д. Вишневецкий. М.: Большая Российская энциклопедия, 2001. С. 272

Тунманн И.Э. Крымское ханство / Под общей редакцией Б.С. Ольховского. Перевод с немецкого издания 1784 г. Н.Л. Эрнста и С.Л. Белявской). Симферополь: Государственное издательство Крымской АССР, 1936. 111 с.

Информация об авторах:

Винничек Владимир Альбертович, кандидат исторических наук, директор, Центр историко-культурного наследия ГАОУ ДПО Института регионального развития Пензенской области, (г. Пенза, Россия), vladimirvinnichек@mail.ru

Архипенко Александр Александрович, нумизмат-ориенталист (г. Симферополь, Россия); alexcom777@rambler.ru

REFERENCES

Belousov, S. V. 2001. In Vishnevskii, K. D. (ed.-in-chief). *Penzenskaya entsiklopediya (Penza encyclopedia)*. Moscow: Great Russian Encyclopedia Publ., 416–417 (in Russian).

Karamzin, N. M. 2003. *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo (History of the Russian state)*. Moscow: “EKSMO” Publ. (in Russian).

Lebedev, V. I. 1958. *Zagadochniy gorod Mokhshi (Mysterious town of Mokhshi)*. Penza: “Penza book publishing house” Publ. (in Russian).

Lebedev, V. I. 1986. *Legenda ili byl'. Po sledam zasechnykh storozhey (Legend or true story. In the tracks of the defensive line guards)*. Saratov: “Privolzhskoe khizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).

Poluboiarov, M. S. 1999. *Moksha, Sura i drugie...Materialy k istoriko-toponimicheskomu slovaryu Penzenskoy oblasti (Moksha, Sura and others...Materials for the historical and toponymic dictionary of the Penza Oblast)*. Moscow (in Russian).

Poluboiarov, M. S. 2001. In Vishnevskii, K. D. (ed.-in-chief). *Penzenskaya entsiklopediya (Penza encyclopedia)*. Moscow: Great Russian Encyclopedia Publ., 272 (in Russian).

Tunmann, I. E. 1936. *Krymskoe khanstvo (Crimean Khanate)*. Simferopol: State Publishing House of the Crimean ASSR (in Russian).

About the Authors:

Vinnichек Vladimir Al. Candidate of Historical Sciences. Director of the Center of Historical and Cultural Heritage of the State Educational Institution of the Penza Region Institute of Regional Development. Popov Str., 40, Penza, 440049, Russian Federation; vladimirvinnichек@mail.ru

Arkhipenko Aleksander A. numismatist-orientalist (Simferopol, Russian Federation); alexcom777@rambler.ru

Статья поступила в журнал 01.06.2022 г.
Статья принята к публикации 26.07.2022 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

БРОНЗОВЫЕ МАТРИЦЫ С НИКОЛЬСКОГО СЕЛИЩА: К ВОПРОСУ ОБ ИХ ПРИМЕНЕНИИ В КАЧЕСТВЕ РАЗНОВЕСОК В СРЕДНИЕ ВЕКА¹

© 2022 г. В.А. Винничек, К.М. Винничек

В данной статье рассматривается очередная находка бронзовой ювелирной матрицы с Никольского селища, которая применялась в золотоордынское время для изготовления из листового металла полых украшений – нашивных элементов одежды. Авторы рассматривают данный предмет в составе комплекса подобных матриц, обнаруженных ранее на площадке поселения и относящихся к ювелирной ремесленной мастерской XIV в. Было проведено взвешивание всех известных ювелирных матриц, обнаруженных на территории Никольского селища. Результаты показали, что их масса, возможно, ориентирована на весовые стандарты, принятые для чеканки монет в Золотой Орде в XIV веке. Это позволяет предполагать, что они могли использоваться не только в качестве ювелирного инструмента, но и как гирьки для определения веса металла и полученных из него изделий. Для подтверждения или опровержения авторской гипотезы необходимы статистические данные весовых параметров ювелирных матриц с других золотоордынских памятников.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, Никольское селище, ювелирные матрицы, весовые гирьки.

BRONZE MATRICES FROM THE NIKOLSKOYE SETTLEMENT: TO THE QUESTION OF THEIR USE AS WEIGHTS IN THE MIDDLE AGES²

V.A. Vinnichек, K.M. Vinnichек

This article presents another find of a bronze jewelry matrix from the Nikolskoye settlement, which was used in the Golden Horde time for the manufacture of cored jewelry from sheet metal – garment sewn details. The authors consider this item as part of a set of similar matrices found earlier on the site of the settlement and related to the jewelry workshop of the XIV century. All known jewelry matrices found on the territory of the Nikolskoye settlement were weighed. The results showed that their weight is probably oriented to the weight standards adopted for coinage in the Golden Horde in the XIV century. This suggests that they could have been used not just as a jewelry tool, but also as weights for determining the weight of metal and items made of it. To confirm or disprove the author's hypothesis statistical data on the weight parameters of jewelry matrices from other Golden Horde sites are needed.

Keywords: archaeology, Golden Horde, Nikolskoye settlement, jewelry matrices, weights.

Осенью 2022 года поле, на котором находится Никольское селище в Кузнецком районе, было в очередной раз перепахано. Именно благодаря этому житель с. Никольское Вениамин Иванов на площадке поселения визуально обнаружил бронзовую ювелирную матрицу (рис. 1), которая в Средневековье использовалась для изготовления полых украшений – нашивных накладок.

Как известно, Никольское селище является трехслойным археологическим памятником. Самый ранний горизонт относится к срубной культуре эпохи бронзы (II тыс. до н.

э.), затем – домонгольский (X в. – 1237 г.), а самый поздний – золотоордынский (2-я пол. XIII в. – 1365 г.) (Винничек, Лебедев, 2021, с. 3). Найденную матрицу, судя по форме и изображению, следует относить к ордынскому времени функционирования поселения. Подобные изделия уже известны с Никольского селища (рис. 2).

Несмотря на различия в оформлении, их объединяет наличие абсолютно ровной (зачастую шлифованной или даже полированной) плоскости в нижней части, все они изготов-

1 Работа выполнена при поддержке гранта РНФ, соглашение №22-28-20314 «Этногенез народов Западного Поволжья в эпоху средневековья».

2 The work was supported by a grant from the Russian Science Foundation, agreement No. 22-28-20314 "Ethnogenesis of the peoples of the Western Volga region in the Middle Ages."

Рис. 1. Фото. Бронзовая ювелирная матрица с Никольского селища.
Fig. 1. Photo. Bronze jewelry matrix from the Nikolskoye settlement.

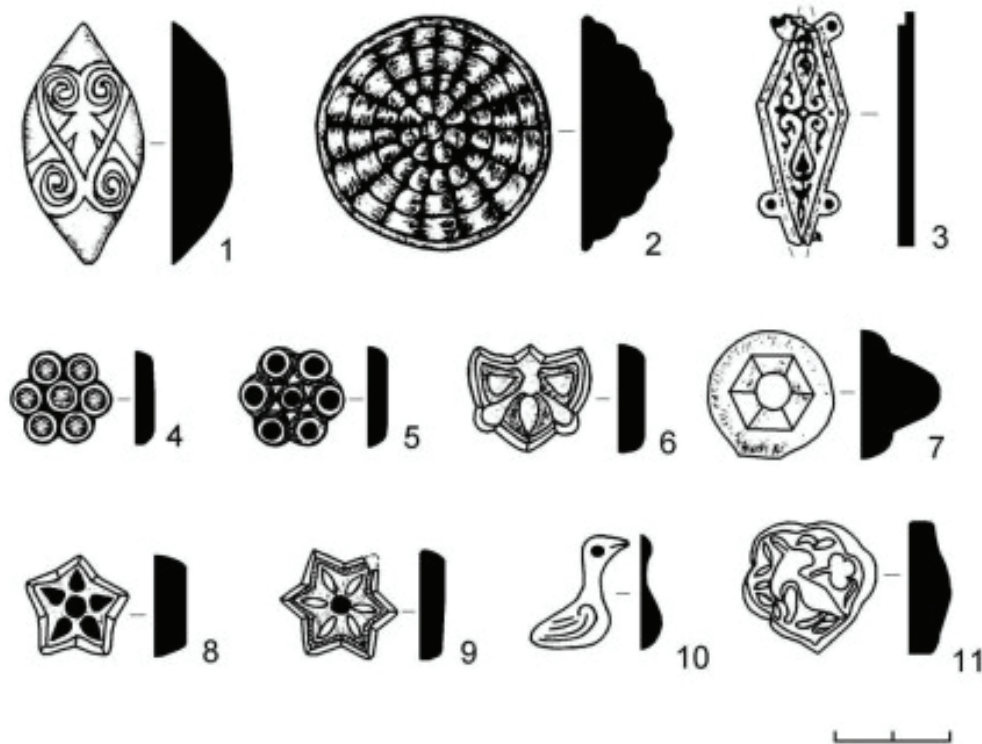

Рис. 2. Бронзовые ювелирные матрицы с Никольского селища.
Fig. 2. Bronze jewelry matrices from the Nikolskoye settlement.

лены из бронзы и датируются 2-й пол. XIII – XIV в.

Благодаря фиксации на карте каждой находки можно отметить, что ювелирные матрицы обнаружены на весьма ограниченной площади (около 5–6 м²), т. е. практически рядом друг с другом. В этом же месте найдено большое скопление застывших капель, оплавленных кусочков и обрезков листовой меди, шлаков, а также рычаг от складных бронзовых ювелирных весов. Очевидно, здесь когда-то находилась мастерская, в которой производились литые и тиснёные украшения и элементы одежды.

Несомненный интерес представляет то, что вес никольских матриц ориентирован на весовые стандарты, принятые для чеканки монет в XIV в. (табл. 1).

Вновь найденная матрица имеет массу, равную 3,75 г. Одна из золотоордынских весовых единиц – даник – равнялась 0,78 г. Два даника составляли вес одной серебряной монеты (данга) в 1,56 г. Такая весовая норма для чеканки данги была введена в Золотой Орде ханом Джанибеком (Мухамадиев, 1983, с. 83). Если учесть несовершенство средневековых весов и естественные потери медного сплава от окисления, то можно предположить, что рассматриваемая матрица была изготовлена с массой, приближенной к 5 даникам. Подобный вес имеют две ранее обнаруженные на Никольском селище матрицы в виде шестилепестковых розеток (рис. 1: 4, 5; табл. 1: 4, 5).

На сегодняшний день известны только три находки весовых гирек с Никольского поселе-

Таблица 1. Весовые параметры ювелирных матриц с Никольского селища
 Table 1. Weight parameters of jewelry matrices from the Nikolskoye settlement

№ по рис. 1	вес (г)	золотоордынские весовые единицы
1	31,79	≈ 7 мискалей по 4,56 г
2	77,48	≈ 17 мискалей по 4,56 г
3	9,16	≈ 1/50 ратля в 468 г либо 6 дирхемов по 1,56 г
4	3,65	≈ 5 даников по 0,78 г
5	3,76	≈ 5 даников по 0,78 г
6	7,23	≈ 5 дирхемов по 1,52-1,56 г
7	20,34	≈ 1/20 иракского ратля в 409,512 г или 5 мискалей по 4,095 г
8	8,29	≈ 11 даников по 0,76 г
9	8,01	≈ 1/50 иракского ратля в 409,512 г либо 2 мискаля по 4,095 г
10	2,34	3 даника по 0,78 г
11	17,04	4 мискаля по 4,26 г

ния (Винничек, Киреева, 2012, с. 33–36, рис. 9, 11–13, 15).

На основании вышеизложенного можно сделать предположение, что местный ювелир использовал матрицы не только как инструмент для изготовления украшений и элементов одежды, но и как разновески для определения массы сырья и уже готовых своих изделий. А это было обусловлено тем, что любые цветные металлы были привозными и очень ценились из-за отсутствия в регионе своих месторождений.

Остаётся непонятным, как мог ювелир визуально определить, каким весом обладает та или иная матрица. Если на гирьках имеют-

ся точки, кружочки, чёрточки, указывающие на количество весовых единиц, то на матрицах ничего этого нет. По-видимому, такие инструменты бережно хранились в каких-то ящичках или коробочках, чтобы избежать соударения, на которых, в свою очередь, были нанесены либо цифры, либо какие-то иные обозначения.

Думается, дальнейшие исследования весовых параметров ювелирных матриц с памятников Верхнего Посурья и других регионов Золотой Орды будут способствовать созданию статистической базы, которая позволит либо подтвердить, либо опровергнуть вопрос об их применении в качестве разновесок.

ЛИТЕРАТУРА

Винничек В.А., Киреева К.М. Торговля в Верхнем Посурье и Примокшанье в XI–XIV вв. Пенза: Изд-во ПИРО, 2012. 149 с.

Винничек В.А., Лебедев В.П. Монеты Никольского селища. Пенза: АО «Областной издательский центр», 2021. 25 с.

Мухамадиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М.: Наука, 1983. 168 с.

Информация об авторах:

Винничек Владимир Альбертович, кандидат исторических наук, директор, Центр историко-культурного наследия ГАОУ ДПО Института регионального развития Пензенской области, (г. Пенза, Россия); vladimirvinnichек@mail.ru

Винничек Карина Михайловна, кандидат исторических наук, главный хранитель музейных предметов МУК «Музейно-выставочный центр» г. Заречного Пензенской области (г. Пенза, Россия); kirekarina@yandex.ru

REFERENCES

Vinnichек, V. A., Kireeva, K. M. 2012. *Torgovlya v Verkhnem Posur'e i Primokshan'e v XI–XIV vv. (Trade on the Upper Sura and Moksha Rivers in the XI–XIV centuries)*. Penza: "PIRO" Publ. (in Russian).

Vinnichек, V. A., Lebedev, V. P. 2021. *Monety Nikol'skogo selishcha (Coins from the Nikolskoye settlement)*. Penza: "Oblastnoy izdatel'skiy tsentr" Publ. (in Russian).

Mukhamadiev, A. G. 1983. *Bulgaro-tatarskaya monetnaya sistema XII-XV vv. (The Bulgaro-Tatar monetary system of the XII-XV cc.)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

About the Authors:

Vinnichek Vladimir Al. Candidate of Historical Sciences. Director of the Center of Historical and Cultural Heritage of the State Educational Institution of the Penza Region Institute of Regional Development. Popov Str., 40, Penza, 440049, Russian Federation; vladimirvinnichek@mail.ru

Vinnichek Karina M. Candidate of Historical Sciences. Museum and Exhibition Center of the city of Zarechny. Sportivnaya, Str., 4, Penza, 442960, Russian Federation; kire-karina@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.06.2022 г.
Статья принята к публикации 26.07.2022 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УНИКАЛЬНЫЙ ПЕРСТЕНЬ-ПЕЧАТКА С ВЕРХЕСУРСКОГО СРЕДНЕВЕКОВОГО ПОСЕЛЕНИЯ¹

© 2022 г. В.А. Винничек, К.М. Винничек, С.В. Кезина, А.В. Дидюлин

В статье представлено исследование оформления и текста на бронзовом древнерусском перстне-печатке, обнаруженном на окраине Никольского селища, которое датируется периодом с рубежа X–XI в. по 1365 г. Авторами проведен графический анализ надписи, выгравированной на поверхности овального щитка и предложены варианты ее трактовки на основании правил древнерусской грамматики. Материалы средневекового поселения свидетельствуют о широких торгово-экономических связях жителей Верхнего Посурья в XIII – XIV вв. с другими регионами Золотой Орды, а также с зарубежьем, включая древнюю Русь. Предполагается, что рассматриваемый перстень следует относить к золотоордынскому времени функционирования селища. Принадлежал он, очевидно, выходцу из древней Руси и использовался, по мнению авторов, согласно надписи, для опечатывания товаров во время их транспортировки по средневековым торговым путям.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, Верхнее Посурье, древняя Русь, Никольское селище, перстень-печатка, эпиграфика.

A UNIQUE SIGNET RING FROM VERKHNESURSKY MEDIEVAL SETTLEMENT²

V.A. Vinnichek, K.M. Vinnichek, S.V. Kezina, A.V. Didyulin

The article presents a study of the design and text on a bronze Old Rus signet ring found on the outskirts of the Nikolskoye settlement, it dates back to the period since border of the X–XI centuries to 1365. The authors carried out a graphical analysis of the inscription engraved on the surface of the oval shield and proposed variants of its interpretation based on the rules of Old Russian grammar. The materials of the medieval settlement are indicative of the extensive trade and economic ties of the inhabitants of the Upper Amur river region in the XIII – XIV centuries with other regions of the Golden Horde, as well as with foreign countries, including Old Rus. It apparently belonged to a native of Old Rus and was used, according to the authors, to seal goods during their transportation along the medieval trade routes.

Keywords: archaeology, the Golden Horde, Upper Sura river region, Old Rus, Nikolskoye settlement, signet ring, epigraphy.

Западная периферия села Никольское Кузнецкого района Пензенской области вплотную граничит с восточной частью средневекового археологического памятника – Никольского селища, которое, согласно обнаруженным на нем материалам, необходимо относить к XI–XIV вв. Судя по датировке самых поздних золотоордынских монет, жизнь на поселении внезапно прекратилась в 1365 г., что, видимо, связано с эпидемией чумы, которая уничтожила значительную часть населения Золотой Орды, включая верхнесурское (Винничек, Лебедев, 2021, с. 3).

В сентябре 2021 г. во время сбора урожая картофеля на огороде, расположенном на западной окраине села, местным жителем

В.Е. Ивановым был найден и передан в Центр историко-культурного наследия Института регионального развития Пензенской области уникальный бронзовый литой перстень. Оформление боковых сторон его дужки, примыкающих снизу непосредственно к щитку изделия, в виде выпуклых утолщений имеет сходство с подобными украшениями древней Руси и Золотой Орды XIII–XIV вв. (Седова, 1997, рис. 65, 5,6). На такие элементы перстней XIV в. зачастую наносился гравированный орнамент (Винничек, Сафронов, 2007, с. 302, рис. 2, 15,17). На рассматриваемом изделии боковые стороны украшены рельефными стилизованными лицами старцев в анфас. Выделены глаза, нос, усы и боро-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, соглашение №22-28-20314 «Этногенез народов Западного Поволжья в эпоху средневековья».

² The work was carried out with the support of the grant of the Russian Science Foundation, agreement No. 22-28-20314 "Ethnogenesis of the peoples of the Western Volga region in the Middle Ages".

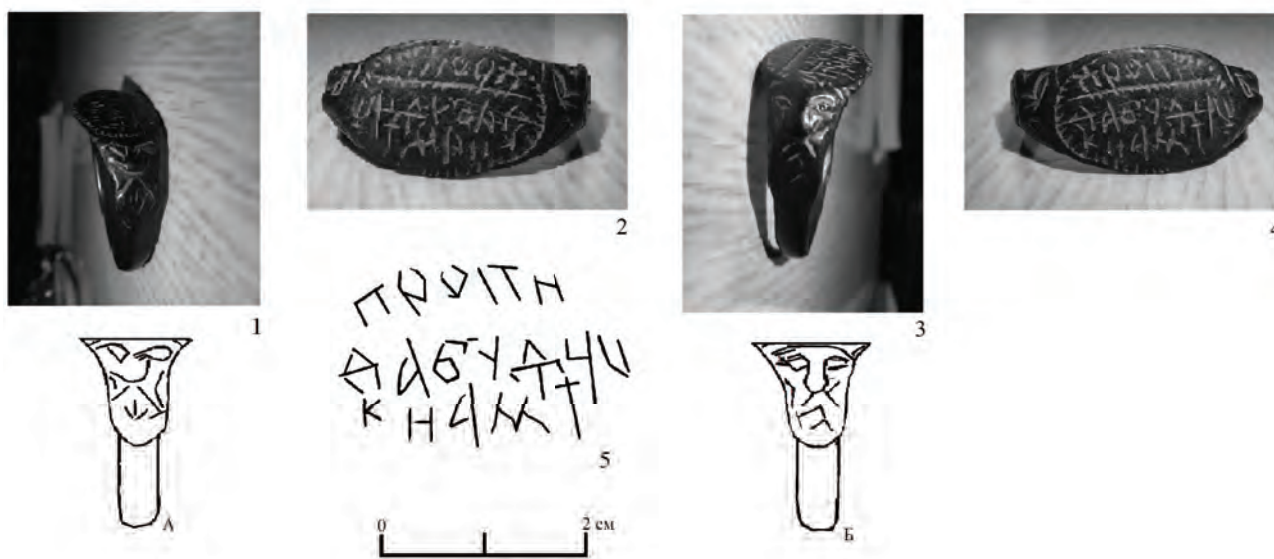

Рис. 1. 1, 3 – боковые стороны перстня-печатки; 2, 4 – щиток перстня;
А, Б, 5 – Прорисовка боковых сторон и текста на перстне-печатке.

Fig. 1. 1, 3 – sides of the signet ring; 2, 4 – shield of the ring;
А, Б, 5. – Drawing of the sides and text on the signet ring.

да (рис. 1: 1, 3, А, Б). Однако обращает на себя внимание грубое (искаженное) изображение на одной из сторон (рис. 1: А).

Большой интерес представляет надпись, которая сохранилась на поверхности овального щитка, орнаментированного по контуру насечками. Буквы вырезаны остро заточенным инструментом, возможно, штихелем. Надпись читается в зеркальном виде, т. е. перстень, вероятно, использовали для опечатывания на воске каких-то документов (фото 1: 4).

Верхняя строка отделена от двух нижних горизонтальной линией с мелкими вертикальными насечками (рис. 1: 2, 4). Над линией – слово:

проіти

под линией в две строки:

да буд[т]ц[и]

к нам

и изображение креста с оттянутой вниз вертикальной стойкой (рис. 2)¹.

Книжно-письменная культура Древней Руси и России XV–XVII вв. представлена двумя письменными языками: книжно-славянским, т. е. церковнославянским языком древнерусской редакции, ориентированным на церковнославянскую традицию, и деловым языком, ориентированным на нормы живой восточнославянской речи. Письменные языки взаимодействовали и потому влияли друг на друга. Объем текста недостаточен для точного определения, на каком из двух письмен-

ных языков Средневековья он написан. Тем не менее он отражает взаимодействие этих языков.

Текст представляет собой бинарное объединение двух предикативных единиц (они разделены горизонтальной линией), каждая из которых передает значение приказа, распоряжения, пожелания и т. п. В первой части императивное значение передается инфинитивом, во второй – конструкцией «да + императив». В памятниках деловой письменности XI–XIV вв. значение необходимости совершения действия передается инфинитивной формой, если распоряжение носит характер закона, общеобязательного правила, или же презентной формой, если документ допускал учёт желаний субъекта (Ремнёва, 2003, с. 94). Из сказанного следует, что инфинитив, используемый в императивном значении в первой части текста, был признаком делового языка. В книжно-славянских памятниках XII–XIV вв. императивное значение в формах 2 лица (в нашем тексте форма 2 лица) передавалось императивом или конструкциями «да + императив» и «да + презентная форма» (Ремнёва, 2003, с. 149). В надписи используется конструкция «да + императив» (да буд[т]ц[и]), которая является церковнославянской по происхождению. Во флексии ожидается **Е**, реконструируется лучше **И**, что объясняется влиянием живой разговорной речи или же недостатками реконструкции. Из сказанного следует, что конструкция «да + импера-

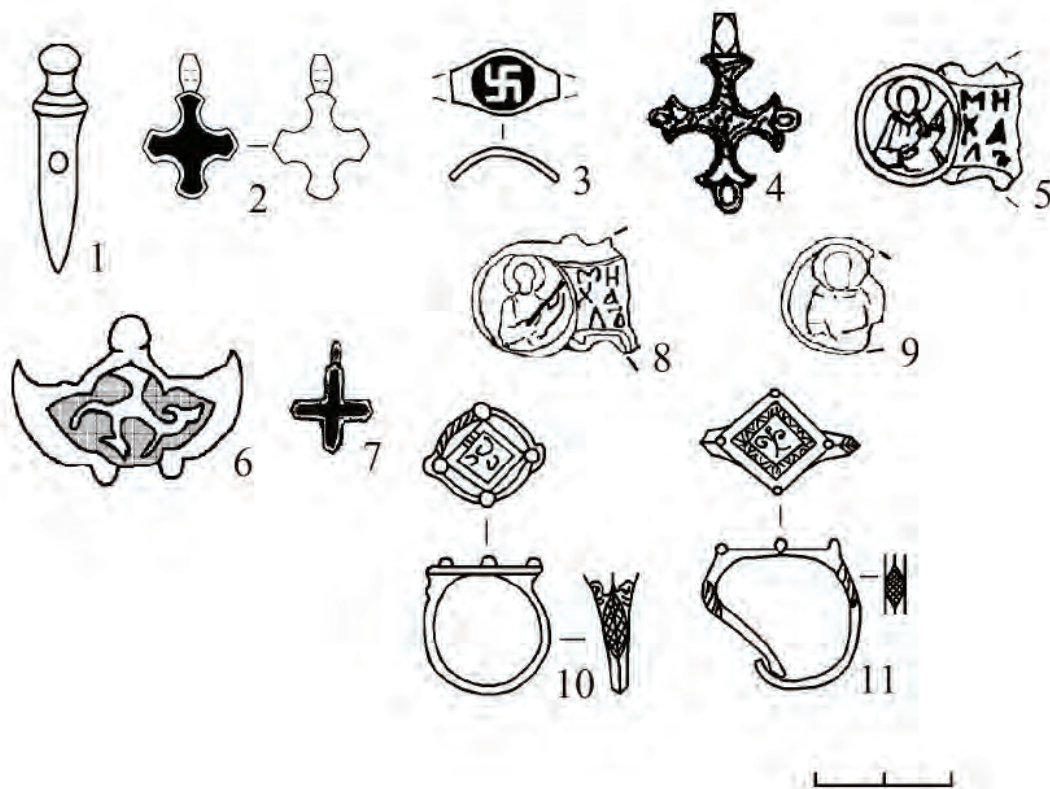

Рис. 2. Древнерусские изделия с Никольского селища.
Fig. 2. Old Rus items from Nikolskoye settlement.

тив», используемая во второй части надписи на древнерусском перстне, была особенно-стью книжно-славянского языка. Кроме того, в книжно-славянских памятниках при повелительном наклонении часто использовалась целевая конструкция (Ремнёва, 2003, с. 60), напротив, в памятниках деловой письменности такие целевые конструкции редки, зато употребляются бессоюзные предложения, в которых вторая часть указывает на цель действия, названного в первой части (Ремнёва, 2003, с. 93).

Из сказанного можно сделать два вывода: 1) надпись на древнерусском репрезентирует взаимодействие двух письменных языков Средневековья: книжно-славянского и делового; 2) возможны два варианта перевода текста, приближенных либо к деловому языку (бессоюзное предложение), либо к книжно-славянскому (сложное предложение с целевой конструкцией):

а) *Пройти/Да будьте к нам*

б) *Пройти, чтобы прибыть к нам*

Глагол *пройти* в исторических словарях зафиксирован в следующих значениях, подходящих к исследуемому тексту: пройти/пересечь/преодолеть, переправиться, перейти/обойти/проникнуть, испытать; глагол

быти зафиксирован в значениях: посетить/навестить/расположиться (Словарь русского языка XI–XVII вв., 1995, с. 143–145; Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков), 1994, с. 520–521).

Крест в конце надписи мог означать добрые намерения её автора как таковые или как благословение в каком-то деле.

Следует отметить, что материалы Никольского селища XIII–XIV вв. ярко свидетельствуют о широких торгово-экономических контактах жителей Верхнего Посурья с другими регионами Золотой Орды, а также с зарубежьем. Благодаря комплексу находок прослеживается проходящий через поселение торговый путь из Укека в Мохши и далее на северо-запад в древнерусские земли (Винничек, Киреева, 2012, с. 50, карта 1). Кроме этого, на площадке селища были обнаружены артефакты, позволяющие определить этнический состав местного населения, среди которого выделяются болгары, мордва и славяне. При этом древнерусские изделия представлены не только украшениями (рис. 2: 1, 3, 6, 10, 11), но и предметами христианского культа (рис. 2: 2, 4, 5, 7–9).

Рассмотренная в данной работе печатка, очевидно, принадлежала выходцу из

древней Руси. Не исключено, что перстень использовался его владельцем (путешественником, дипломатом или торговцем) для каких-то официальных документов, необходимых для его передвижения по территории золотоордынских улусов. Хотя нельзя исключать, что опечатывался и товар, который им перевозился. Аналоги николюскому перстню авторам не известны. Он является первой находкой древнерусского средневекового эпиграфического памятника в Пензенской области.

Благодарности:

Авторы выражают глубокую благодарность Перфиловой Марии Николаевне – соискателю кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» историко-филологического факультета ПГУ за помощь при переводе надписи на древнерусском перстне.

Примечание:

¹ В квадратных скобках даны реконструированные буквы.

ЛИТЕРАТУРА

Винничек В.А., Киреева К.М. Торговля в Верхнем Посурье и Примокшанье в XI–XIV вв. Пенза: Изд-во ПИРО, 2012. 149 с.

Винничек В.А., Лебедев В.П. Монеты Никольского селища. Пенза: АО «Областной издательский центр», 2021. 25 с.

Винничек В.А., Сафронов П.И. Предметы из цветных металлов с золотоордынских поселений Верхнего Посурья // Материалы международной научно-практической конференции «Моя Малая Родина». Вып. 4 / Отв. Ред. В.Е. Малазёв. Степановка-Пенза: МБОУ СОШ с.Степановки, 2007. С. 288–305.

Ремнёва М.Л. Пути развития русского литературного языка XI – XVII вв. (по рукописям X – XI веков). М.: Изд-во Моск.ун-та, 2003. 336 с.

Седова М.В. Суздаль в X – XV веках. М.: Информационно-издательское агентство «Русский мир», 1997. 320 с.

Словарь русского языка XI – XVII вв. Вып. 20 / Ред. Л. Ю. Астахина и др. М.: Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова, Нестор-История, 1995. 288 с.

Старославянский словарь (по рукописям X – XI веков) / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М.: Русский язык, 1994. 842 с.

Информация об авторах:

Винничек Владимир Альбертович, кандидат исторических наук, директор, Центр историко-культурного наследия ГАОУ ДПО Института регионального развития Пензенской области, (г. Пенза, Россия); vladimirvinnichек@mail.ru

Винничек Карина Михайловна, кандидат исторических наук, главный хранитель музейных предметов МУК «Музейно-выставочный центр» г. Заречного Пензенской области (г. Пенза, Россия); kirekarina@yandex.ru

Кезина Светлана Владимировна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» историко-филологического факультета, Пензенский государственный университет (г. Пенза, Россия); svkezina@gmail.com

Дидюлин Андрей Владимирович, специалист Центра историко-культурного наследия ГАОУ ДПО Института регионального развития Пензенской области (г. Пенза, Россия); студент 2 курса магистратуры Самарского Государственного социально-педагогического университета (г. Самара, Россия); adadad-98@list.ru

REFERENCES

Vinnichек, V. A., Kireeva, K. M. 2012. *Torgovlya v Verkhnem Posur'e i Primokshan'e v XI–XIV vv. (Trade on the Upper Sura and Moksha Rivers in the XI–XIV centuries)*. Penza: "PIRO" Publ. (in Russian).

Vinnichек, V. A., Lebedev, V. P. 2021. *Monety Nikol'skogo selishcha (Coins from the Nikolskoye settlement)*. Penza: "Oblastnoy izdatel'skiy tsentr" Publ. (in Russian).

Vinnichек, V. A., Safronov, P. I. 2007. In Malyazev, V. E. (ed.). *Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Moya Malaya Rodina» (Proceedings of the International scientific and practical conference "My Small Motherland")*4. Stepanovka, Penza, 288–305 (in Russian).

Remneva, M. L. 2003. *Puti razvitiya russkogo literaturnogo yazyka XI – XVII vv. (po rukopisyam X – XI vekov)* (*The ways of development of the Russian standard language of the XI – XVII centuries (according to manuscripts of the X – XI centuries)*). Moscow: Lomonosov Moscow State University (in Russian).

Sedova, M. V. 1997. *Suzdal' v X – XV vekakh (Suzdal in the X – XV centuries)*. Moscow: “Russkii mir” Publ. (in Russian).

Astakhina, L. Yu. etl. (eds.). 1995. *Slovar' russkogo yazyka XI – XVII vv. (Dictionary of the Russian language of the 11th–17th centuries)*. 20. Moscow: V. V. Vinogradov Institute of the Russian Language; “Nestor–Istoriia” Publ. (in Russian).

Tseitlin, R. M., Vecherki, R., Blagovaya, E. (eds.). 1994. *Staroslavjanskiy slovar' (po rukopisyam X – XI vekov)* (*Dictionary of Old Slavonic (based on manuscripts of the X – XI centuries)*). Moscow: “Russkii iazyk” Publ. (in Russian).

About the Author:

Vinnichek Vladimir A. Candidate of Historical Sciences. Director of the Center of Historical and Cultural Heritage of the State Educational Institution of the Penza Region Institute of Regional Development. Popov Str., 40, Penza, 440049, Russian Federation; vladimirvinnichek@mail.ru

Vinnichek Karina M. Candidate of Historical Sciences. Museum and Exhibition Center of the city of Zarechny. Sportivnaya, Str., 4, Penza, 442960, Russian Federation; kire-karina@yandex.ru

Kezina Svetlana V. Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department "Russian language and methodology of teaching Russian language" of the History and Philology Department of Penza State University. Krasnaya St. 40, Penza, 440026, Russian Federation; (Penza, Russian Federation), svkezi-na@gmail.com

Didyulin Andrei V. Center of Historical and Cultural Heritage of the State Educational Institution of the Penza Region Institute of Regional Development. Popov Str., 40, Penza, 440049, Russian Federation; Samara State Socio-Pedagogical University. M. Gor'ky, str., 65/67, Samara, 443099, Russian Federation); adadad-98@list.ru

Статья поступила в журнал 01.06.2022 г.
Статья принята к публикации 26.07.2022 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.6.119.121>**ТЕРРИТОРИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ МОНЕТ ЧЕКАНА МОХШИ**

© 2022 г. О.В. Голубев

Статья посвящена обобщению материалов, связанных с изучением территории распространения монет чекана улуса Мохши Золотой Орды. Местом чекана являлся город Мохши (ныне село Наровчат – районный центр в Пензенской области). Монеты Мохши полностью распространялись на территории современной Пензенской области, частично охватывали Республику Мордовия и Рязанскую область, а также почти полностью Саратовскую область. Монеты по торговым путям попадали в столицу Золотой Орды – Сарай-Бату (Селитренное городище). В других регионах Поволжья и Предкавказья эти монеты встречались редко. Чекан монет Мохши начался в XIV в. (первая датированная монета относится к 709 г. по х.) и продолжался, вероятно, до конца 60-х гг. XIV в.

Ключевые слова: археология, Пензенская область, Золотая Орда, находки монет, территория распространения, Мохши, Укек.

CIRCULATION AREA OF MUKHSHI COINAGE**O.V. Golubev**

The article deals with the summary of studies related to the research of the territory of the circulation of coins minted in the Mukhshi Ulus of the Golden Horde. Mukhshi city (now Narovchat - district center in the Penza Oblast) was a place of coinage. Mukhshi coins circulated all over the territory of the modern Penza Oblast, partially covered the Republic of Mordovia and Ryazan region, and almost completely the Saratov Oblast. Coins went on trade routes to the capital of the Golden Horde – Sarai-Batu (Selitrennoye settlement). In the other regions of the Volga river area and Ciscaucasia they were met rarely. Mukhshi coinage began in the XIV century (the first dated coin refers to the year 709 of the Hijrah) and lasted, probably, till the end of the 60s of the XIV century.

Keywords: archaeology, Penza Oblast, Golden Horde, coin findings, circulation area, Mukhshi, Ukek.

Город Мохши как довольно крупный торговый центр (Кротков, 2013, с. 136–140) чеканил свою монету. Чеканка в него была перенесена из Укека, вероятно, из-за более выгодных экономических и политических условий. Монеты находились в обращении в основном на территории так называемого «Улуса Мохши». Открытие монетного (Лебедев, 1958, с. 7–17) двора пришлось на начало XIV в. Или, если быть точным, на 709 г. по х. (1309/10 г.) Этим годом датируется самая ранняя из известных серебряных монет с чеканом Мохши.

В городе Мохши чеканились серебряные и медные монеты: из серебра – двойные дирхемы, данги и его фракции в $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$ (Голубев, 2021, с.4-5); из меди – пулы. На протяжении всего времени чекана был большой разброс в весе монет.

Область распространения монет Мохши охватывает полностью территорию современной Пензенской, почти полностью Саратовской областей, часть Рязанской области и часть Республики Мордовия. Хотя отдельные находки обнаружены и на территории Нижегородской области, Волгоградской области (Клоков, Лебедев, 2000, с. 303–218), Респу-

блики Татарстан, в Предкавказье и ряде других регионов. На данный момент можно уже довольно чётко определить основную территорию распространения монет Мохши и по ним рассчитать и торговые пути.

Наибольшая концентрация находок приходится на Улус Мохши и Среднее Поволжье.

Точкой отсчёта является город Мохши-Наровчат (Кротков, 1930; Лебедев, 1958, с. 7–17; Белоусов, 1995, с. 114–118.) Территория распространения монет отчётливо видна на карте-схеме. Это ряд мест под Шацком Рязанской области, приграничные с Пензенской областью районы Республики Мордовия (Голубев, 2021, с. 6, 21, 25–27), особенно Ковылкинский район (между сёлами Базарная Дубровка и Шеструёв) и Торбеевский район (можно назвать местность под селом Семивражки).

В Пензенской области также много мест находок. Торговые пути были довольно развиты. Особенно много находок происходит из Наровчатского района: селище Суркино I, селище по р. Каурец, напротив нежилого села Малиновка, в пойме за Сканоным монастырем, село Покровское, село Михайлово-Тезиково и т. д. (Голубев, 2021, с. 17, 20–22, 25).

Рис.1. Карта распространения монет Мохши

Условные обозначения:

● – место находки;

- ① – место находки, крупный торговый центр (1 – Наручат (Мохши), 2 – селище Никольское, Кузнецкий район Пензенской области; 3 – Укек; 4 – Булгар (Болгар)).

Fig.1. Map of the main distribution points of the coins minted in Mukhshi

Symbols:

● – finding location;

- ① – finding location, a large trading center (1 – Naruchat (Mukhshi), 2 – Nikolskoye settlement, Kuznetsk district of the Penza Oblast; 3 – Ukek; 4 – Bulgar (Bolgar)).

В Вадинском районе много монет выявлено у сёл Коповка (Голубев, Лебедев, 2016), Кармалейка, (Голубев, 2021, с. 7, 15–17, 19–20), Ольгино. В Пачелмском районе (Голубев, 2011, с. 24) – у сёл Кашаевка, Татаро-Никольское; по р. Ноксе – Русское Никольское; на р. Буртас – в районе деревни Малый Буртас. В Каменском районе – у села Низовка (Голубев, 2021, с. 14, 16, 20).

Не менее богата находками территория Башмаковского района. В Пензенском районе можно для примера привести Саловское селище, окрестности села Кучки. В Лунинском районе – село Старая Кутля и село Напольный Вьяс.

На востоке области, в Кузнецком районе, находится знаменитое селище Никольское, на котором так же, как и в Наровчате, проводил раскопки Александр Августиневич Кротков.

Немного меньше известно мест находок в Саратовской области, и в этом нет ничего удивительного. Торговые пути вели в столицу Золотой Орды – город Сарай-Бату (Селитренное городище). Территории вокруг города Укека в значительной мере богаты находками монет Мохши. Чаще встречаются ранние типы монет, особенно Узбек-хана, датированные (Голубев, 2021, с. 6–8) пулы и фракции дангов. Аналогичные типы Мохшинских монет были обнаружены также на селищах Петровского р – на (между селами Гудошниково и Сосновоборское), Советского р-на (зимник около села Степное) и Балтайского района (между селами Балтаем и Царевщиной). По этим же торговым (Фёдоров-Давыдов, с. 9–32, 94–107) путям монеты из других городов Золотой Орды попадали в город Мохши.

ЛИТЕРАТУРА

Белоусов С.В. Монетный двор Мохши // Страницы истории Волго-Донья / Отв. ред. А.С. Касимов. Пенза: ПГПУ, 1995. С. 114–119.

Голубев О.В. Чекан монет Мохши (каталог). Пенза, 2021. 48 с.

Голубев О.В., Лебедев В.П. Монетный комплекс XIV века из села Коповка Пензенской области // Культурное наследие Евразии (с древности до наших дней) / Отв. ред. Б.А. Байтанаев. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2016. С. 497–508.

Винничек В.А., Лебедев В.П. Дирхемы рубежа XIII–XIV вв. с Никольского городища // Средневековый город Мохши и Наручатская земля: итоги 95-летнего изучения. 23–24 сентября 2010 года / Под ред. Г.Н. Белорыбкина. Пенза, 2010. С. 56–65.

Клоков В.Б., Лебедев В.П. Джучидские монеты с Водянского городища // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 1 / Под ред. А.В. Евглевского. Донецк: ДонНУ, 2000. С. 303–342

Клоков В.Б., Лебедев В.П. Монетный комплекс с Селитренного городища (Золотая Орда, город Сарай) // Древности Поволжья и других регионов. Вып. IV. Нумизматический сборник. Т. 3 / Гл. ред. П.Н. Петров. М.: Информэлектро, 2002. С. 73–165.

Кротков А.А. Два собрания джучидских монет / Труды Нижне-Волжского общества краеведения. Вып. 37. Саратов: Издание Нижне-Волжского общества краеведения, 1930. 42 с.

Кротков А.А. Александр Августинович Кротков (1866 – 1945?) и его Нумизматический архив // Нумизматика Золотой Орды. № 3 / Гл. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2013. С. 136–146.

Лебедев В.И. Загадочный город Мохши. Пенза: Пензен. книжн. изд-во, 1958. 44 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М.: Палеограф, 2003. 352 с.

Информация об авторе:

Голубев Олег Васильевич, нумизмат-исследователь (г. Пенза, Россия); ov.golubev@mail.ru

REFERENCES

Belousov, S. V. 1995. In Kasimov, A. S. (ed.). *Stranitsy istorii Volgo-Don'ya (Pages of the History of the Volga-Don Region)*. Penza: Penza State Pedagogical University Publ., 114–119 (in Russian).

Golubev, O. V. 2021. *Chekan monet Mokhshi (Mohsha Coinage)*. Penza (in Russian).

Golubev, O. V., Lebedev, V. P. 2016. In Baitanayev, B. A. (ed.). *Kul'turnoe nasledie Evrazii (s drevnosti do nashikh dney) (Cultural Heritage of Eurasia (from Antiquity to Present Day))*. Almaty: A. Kh. Margulan Institute of Archaeology, 497–508 (in Russian).

Vinnichuk, V. A., Lebedev, V. P. 2010. In Belorybkin, G. N. (ed.). *Srednevekovyi gorod Mokhshi i Naruchatskaia zemlia: itogi 95-letnego izucheniia (The Medieval Town Mokhshi and the Naruchat Land: Results of 95 Years of Studies)*. Penza, 56–65. (in Russian).

Klovov, V. B., Lebedev, V. P. 2000. In Evglevskii, A. V. (ed.). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages) 1*. Donetsk: Donetsk National University, 303–342 (in Russian).

Klovov, V. B., Lebedev, V. P. 2002. In Petrov, P. N. (ed.-in-chief). *Drevnosti Povolzh'ia i drugikh regionov (Antiquities of the Volga River Region and Other Areas) IV = Numizmaticheskii sbornik (Numismatic Proceedings) 3*. Moscow: "Informelektro" Publ., 73–165 (in Russian).

Krotkov, A. A. 1930. In *Trudy Nizhne-Volzhskogo obshchestva krayevedeniya (Proceedings of the Lower Volga Local History Society) 37*. Saratov: "Nizhne-Volzhskoe obshchestvo krayevedeniya" Publ. (in Russian).

Krotkov, A.A. 2013. In Mirgaleev, I. M. (ed.-in-chief). *Numizmatika Zolotoi Ordy (Golden Horde Numismatics) 3*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 136–146 (in Russian).

Lebedev, V. I. 1958. *Zagadochniy gorod Mokhshi (Mysterious town of Mokhshi)*. Penza: "Penza book publishing house" Publ. (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 2003. *Denezhnoe delo Zolotoi Ordy (Coinage of the Golden Horde)*. Moscow: "Paleograf" Publ. (in Russian).

About the Author:

Golubev Oleg V. numismatist –researcher. Penza, Russian Federation; ov.golubev@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2022 г.
Статья принята к публикации 01.12.2022 г.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.6.122.132>

СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В МЕМОРИАЛЬНОМ ЗОДЧЕСТВЕ МОХШИ

© 2022 г. Э.Д. Зиливинская

Статья посвящена анализу планировки мавзолеев города Мохши, исследованных в конце 50-х – начале 60-х гг. XX века. Пять мавзолеев относятся к четырем различным типам планировки. Самую простую форму имел мавзолей № 3, который был однокамерным, квадратным в плане с узким выступающим порталом. Эта постройка имеет широкий круг аналогий как в Золотой Орде, так и в Средней Азии. Остальные мавзолеи относятся к группе многокамерных зданий. Мавзолей № 2 состоял из двух помещений, он был поперечно-осевым и также имел портал. В Золотой Орде здания такого типа не известны, но в Средней Азии они достаточно распространены. Мавзолеи №№ 4 и 5 вытянуты вдоль продольной оси и состоят из прямоугольного тамбура и квадратной в плане усыпальницы. Такая планировка возникла в Золотой Орде. Самым интересным и сложным по плану был мавзолей № 1. Он состоял из четырех помещений и имел Т-образную планировку. Здание имело выступающий портал и подземный склеп, в котором совершались погребения. Это здание по плану идентично мавзолею Наджмеддина Кубра в Куня-Ургенче. Состав и форма помещений в этих мавзолеях позволяет предположить, что они использовались не только как мемориальные постройки, но могли выполнять функции ханака.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, Мохши, мавзолеи, планировка, однокамерные, многокамерные, портал, Средняя Азия, ханака.

CENTRAL ASIAN PARALLELS IN THE MEMORIAL ARCHITECTURE OF MUKHSHI

E. D. Zilivinskaya

The paper deals with the results of analysis of the layout of the Mokhshi city mausoleums, studied in the late 50s – early 60s of XX century. Five mausoleums have four different layouts. Mausoleum No. 3, which was single-chamber, square in plan with a narrow protruding portal, had the simplest form. This construction has a wide range of analogies both in the Golden Horde and in Central Asia. The rest of the mausoleums belong to the group of multi-chamber buildings. Mausoleum No. 2 consisted of two rooms, it was transverse-axial and also had a portal. In the Golden Horde, buildings of this type are not known, but in Central Asia they are quite common. Mausoleums No. 4 and 5 are elongated along the longitudinal axis and consist of a rectangular lobby and a square in the plan of the sepulcher. This type of layout originated in the Golden Horde. According to the plan, mausoleum No. 1 was the most interesting and complex. It consisted of four rooms and had a T-shaped layout. The construction had a protruding portal and an underground crypt, where burials were made. This building is identical in plan to the mausoleum of Najm al-Din Kubra in Konye-Urgench. The composition and shape of the rooms in these mausoleums make it possible to suppose that they were used not only as memorial buildings, but could serve as a khanqah.

Keywords: archaeology, Golden Horde, Mukhshi, mausoleums, layout, single-chamber, multi-chamber, portal, Central Asia, khanqah.

В кон. 50-х – нач. 60-х гг. XX в. на Наровчатском городище, которое является остатками Мохши, самого крупного города в мордовских землях, работала экспедиция под руководством А.Е. Алиховой. Во время раскопок были исследованы различные здания, часть из которых являлась мавзолеями. На так называемом Мизгитном поле было обнаружено пять погребальных построек различного плана (Алихова, 1973, с. 226–237).

Самую простую планировку имел мавзолей № 3 (рис. 1: 1). Стены его были сложены

из квадратного кирпича на глиняном растворе и имели толщину 1,6–1,8 м. Здание квадратное в плане размером 7,4×7,4 м. С южной стороны находился портал, пилоны которого выступали за пределы стены на 2,6 м. Ширина портала была уже основного объема и составляла 6,3 м. Внутри мавзолея находились два погребения.

Мавзолей № 2 (рис. 1: 2) также был сложен из обожженного кирпича на глиняном растворе и имел стены толщиной 1,3–1,5 м. Прямоугольное в плане здание размерами 12,2×7,1 м

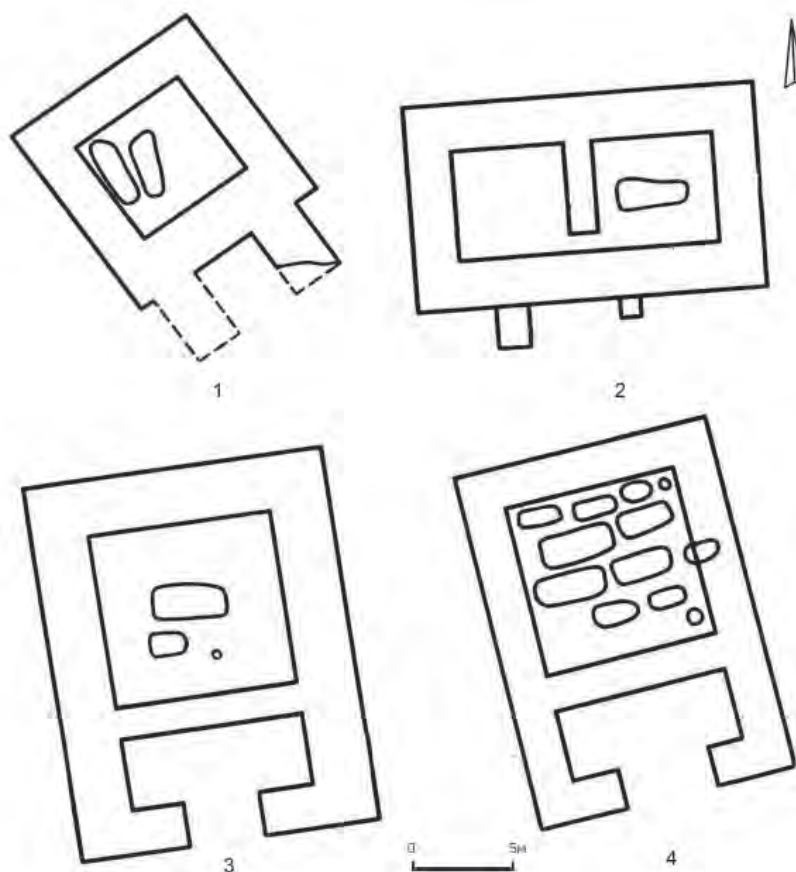

Рис. 1. Мавзолеи Мохши: 1 – № 3; 2 – № 2; 3 – № 4; 4 – № 5 (по А.Е. Алихова, 1973).

Fig. 1. Mausoleums of Mukhshi: 1 – No. 3; 2 – No. 2; 3 – No. 4; 4 – No. 5 (according to A.Ye. Alikhova, 1973).

было ориентировано длинной осью по линии запад – восток. Внутреннее пространство мавзолея разделено поперечной стеной на два квадратных помещения размерами $4,0 \times 4,0$ м. Помещения соединялись скользящим проходом шириной 60 см, который находился в южной части разделительной стены. С южной стороны был сделан портал, от которого сохранились фундаменты пилонов длиной 1,5 и толщиной 1,1 м. Портал располагался не по центру фасада, а был смещен к западу, следовательно, вход с улицы вел в западное помещение. Единственное погребение находилось в восточном помещении. При раскопках были найдены фрагменты мозаики и множество синих и голубых изразцов.

Мавзолей № 4 (рис. 1: 3) был сложен из камня или имел каменный цоколь. Стены его были почти полностью выбраны, на материке прослеживался лишь нижний слой щебня с отдельными камнями кладки. Толщина стен 2,0 м, а у входа – 1,4 м. Прямоугольное в плане здание было вытянуто по оси ССЗ–ЮЮВ. Внутренне пространство его разделено на два помещения. Вход шириной 2,7 м находился с

южной стороны и вел в прямоугольную комнату размерами $6,0 \times 2,3$ м. Квадратное в плане северное помещение имело размеры $6,0 \times 6,0$ м. В нем были обнаружены два погребения.

Точно такую же планировку имел мавзолей № 5 (рис. 1: 4), но стены его были сложены из обожженного кирпича на глиняном растворе. Размеры здания составляли $12,4 \times 9,0$ м, внутреннее пространство было разделено на два помещения. Прямоугольное южное помещение ($6,0 \times 2,4$ м) открывалось на улицу широким проходом в южной стене. Помещение усыпальницы в северной части имело форму квадрата со стороной 6,0 м. В нем было найдено двенадцать погребений. Мавзолей был декорирован мозаиками, сложенными из изразцов синего и голубого цветов.

Самой крупной постройкой из исследованных являлся мавзолей № 1. Он имел сложную планировку и состоял из четырех помещений (рис. 2: 1). Стены его сохранились на уровне фундамента, который был сложен из бутового камня. Верхняя часть стен была полностью или частично сложена из обожженного кирпича. Длина здания по оси север – юг

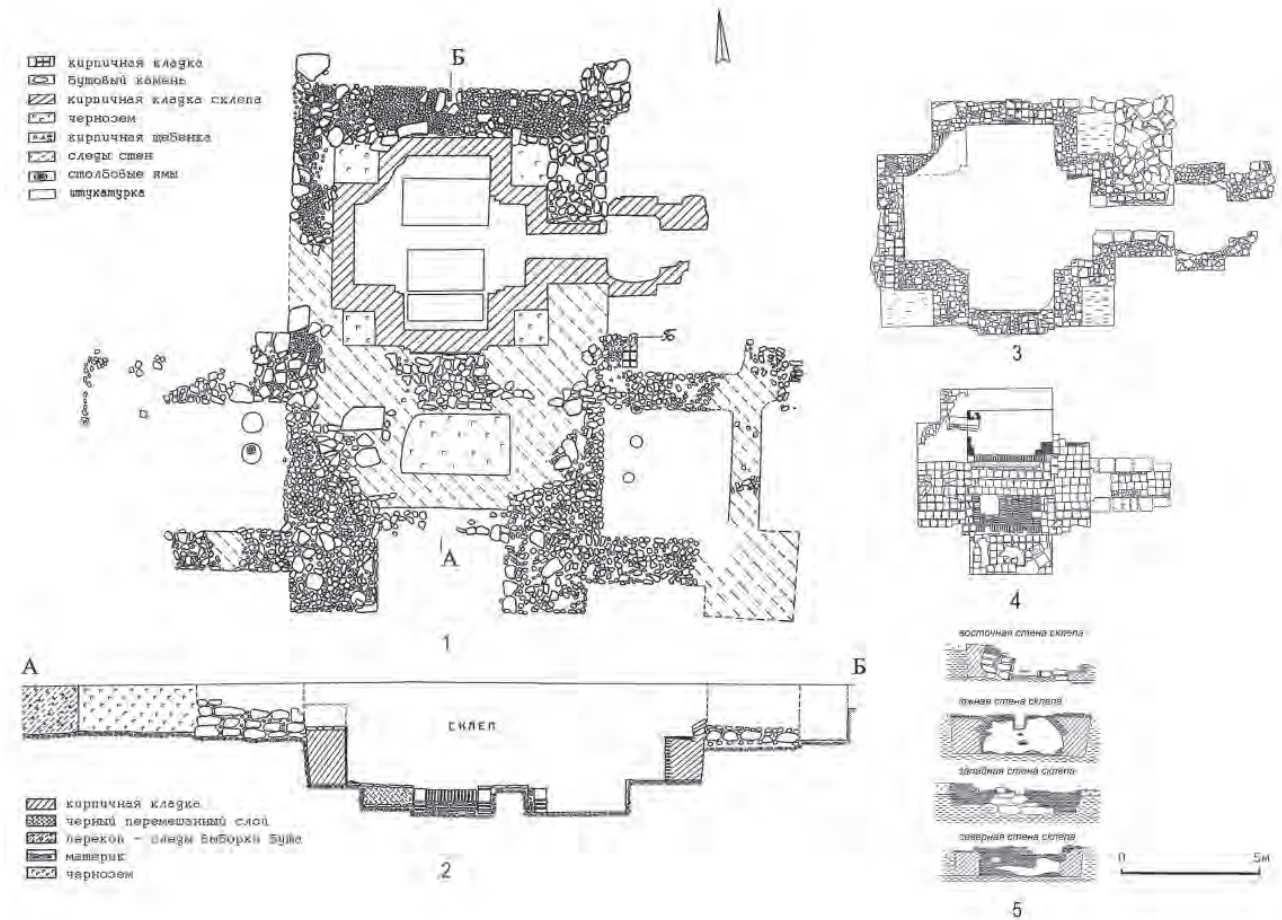

Рис. 2. Мавзолей № 1 в Мохши: 1 – план мавзолея; 2 – разрез мавзолея; 3 – план склепа; 4 – кирпичный пол склепа; 5 – разрезы склепа (по А.Е. Алихова, 1973).

Fig. 2. Mausoleum No. 1 in Mukhshi: 1 – plan of the mausoleum; 2 – section of the mausoleum; 3 – plan of the crypt; 4 – brick floor of the crypt; 5 – sections of the crypt (according to A.Ye. Alikhova, 1973).

составляла 18,5 м, ширина точно не прослеживалась, но была близкой длине. С южной стороны находился вход, оформленный выступающим порталом. Массивные пилоны портала имели толщину 3 м и длину 1,15–1,4 м. Входной айван был утоплен в объем здания и имел ширину 4,5 м и глубину 3,5 м. К северу от портала находилось небольшое тамбурное помещение размером 4,0×2,0 м. Его меридиональные стены являлись продолжением пилонов портала и имели такую же толщину, северная и южная стены были более узкими. С восточной и западной сторон от тамбура находились две квадратные (4,35×4,45 м) комнаты. Стены их имели толщину 1,3–1,5 м. Внешние южные углы этих комнат оформлены квадратными в плане (2,9×3,0 м) пилонами, которые, вероятно, являлись основаниями угловых башен. К внешним северным углам были пристроены трехчетвертные круглые башенки диаметром 2 м. В углах, образованных северными стенами боковых комнат и меридиональными стенами основ-

ного помещения мавзолея, прослеживались прямоугольные в плане (1,5×1,2 м) основания пилястр.

В северной части здания находилось обширное почти квадратное в плане помещение с толстыми (2,0 м) стенами. Размеры его составляли 7×6,8 м. Северные внешние углы помещения также были оформлены прямоугольными (2,5×2,7 м) пилонами. Внутри него найдены тщательно обработанные камни от облицовки стен и фрагменты желобчатого карниза.

Под этим помещением находился склеп глубиной около 2 м (рис. 2: 3–5). С восточной стороны его был сделан вход, который закрывался дверью, о чем свидетельствуют вырубленные в углах прохода пазы и остатки деревянного порога. Снаружи к двери вел коридор длиной 6,1 м и шириной 80 см. Входной проем коридора был оформлен двумя небольшими полуколоннами. Две высокие ступеньки вели в небольшое помещение тамбура размером 2,1×1,8 м, который соединялся с коридором.

Стены склепа были сложены из целого и битого квадратного кирпича и оштукатурены. В стенах сделаны ниши шириной по 2,86 м и глубиной 1,4 м, из-за чего помещение имело крестовидную планировку. Общие размеры его 5,4×5,8 м. Ниши имели сводчатые перекрытия, на высоте 80 см от пола в них сделаны маленькие наклонные окошки. Пол был вымощен кирпичом. В полу склепа найдены интересные сооружения для погребения трех человек, из которых лучше всего сохранилось центральное. А.Е. Алихова назвала их погребальными местами (Алихова, 1973, с. 230). Для их сооружения в земле были выкопаны прямоугольные в плане ямы размерами 2,6×1,5 м и глубиной 47 см. По периметру края ямы выкладывались рядом обожженных кирпичей, положенных плашмя в три слоя. Сверху ряд кирпичей поставлен на ребро перпендикулярно краю ямы. В углах кладки кирпичи установлены горизонтально. Внутри этих стенок находилась вымостка из четырех слоев горизонтально лежащих кирпичей. Поверх этой кладки вся площадь внутри обрамления была заложена кирпичами, поставленными на ребро и ориентированными вдоль длинной оси могилы, то есть по линии запад – восток. Предположительно на эти площадки устанавливались гробы с телами умерших. А.Е. Алихова отмечала необычность погребальных конструкций, служащих для изоляции умершего от земли. По мнению исследовательницы, их наличие может свидетельствовать о том, что погребенные могли исповедовать зороастризм (Алихова, 1973, с. 232).

Мавзолей № 1 в Мохши представлял собой крупную многокомнатную постройку. За высоким порталом с обширным айваном следовал небольшой распределительный тамбур, из которого можно было попасть в боковые комнаты и северное помещение, под которым находился склеп крестообразного плана, перекрытый куполом. По предположению А.Е. Алиховой, основное северное помещение было перекрыто куполом на барабане (Алихова, 1973, с. 230–233). Квадратные в плане боковые комнаты, скорее всего, также перекрывались куполами, но несколько меньших размеров и высоты. Все внешние углы здания были оформлены колоннами различного диаметра, причем самые крупные фланкировали фасад. При раскопках найдена медная монета сарайского чекана времени Тохтамыша, что позволяет датировать постройку или одно из захоронений в ней концом XIV в.

Проанализировав планировку здания, учитывая его размеры и наличие декоративных элементов, А.Е. Алихова высказала предположение, что одновременно с мавзолеем здесь могла находиться мечеть (Алихова, 1973, с. 233). Однако эта гипотеза кажется сомнительной. Постройка ориентирована по сторонам света, а не на киблу, как все мечети. Кроме того, здесь нет места для михраба, так как в южной стене находится вход в здание. Как отмечал С.Г. Хмельницкий, мавзолей в мусульманских странах никогда не мог использоваться как мечеть, напротив, заброшенная мечеть могла быть использована как место погребения (Хмельницкий, 1992, с. 120; 1996, с. 152). Скорее всего, этот явно нерядовой мавзолей служил фамильной усыпальницей местного знатного рода.

По планировке А.Е. Алихова разделила мохшинские мавзолеи на три типа: «крестообразный» мавзолей № 1; мавзолеи № 2 и 3 – постройки с порталами; и мавзолеи № 4 и 5 – прямоугольные двухкамерные здания (Алихова, 1973, с. 228). Данная первичная классификация является не совсем корректной, так как выделяет типы по разным критериям. В настоящее время разработана новая классификация золотоордынских мавзолеев, которая объединяет все известные на сегодняшний день мемориальные постройки Золотой Орды (Зиливинская, 2014, с. 146–169). В предложенной классификации используются следующие признаки: количество помещений (группы), форма здания (отделы и подотделы), отсутствие или наличие порталов (типы), форма портала (подтипы), форма покрытия (виды). Отдельно отмечается наличие или отсутствие подземного или полуподземного склепа-крипты.

Можно рассмотреть мавзолеи Мохши согласно этой типологии.

Мавзолей № 2 относится к группе однокамерных мавзолеев, отделу зданий с кубическим помещением усыпальницы, типу порталных построек с узким выступающим порталом. Подобных мавзолеев в Золотой Орде довольно много. К ним относятся Восточный и Северный мавзолеи, а также мавзолеи № 1–3 в Болгаре, мавзолей в Бахтияровке, мавзолей № 3 Селитренного городища в Нижнем Поволжье, мавзолеи в Маджарах, известные по рисункам, мавзолей № 2, 5 возле Эссентуков, мавзолей № 2 в Солхате, дюрбе Мухаммед-Шах-бея в Азизе, мавзолей на урочище Мечеть в Поднепровье, мавзолей в Новосельском в Одесской области, мавзолей

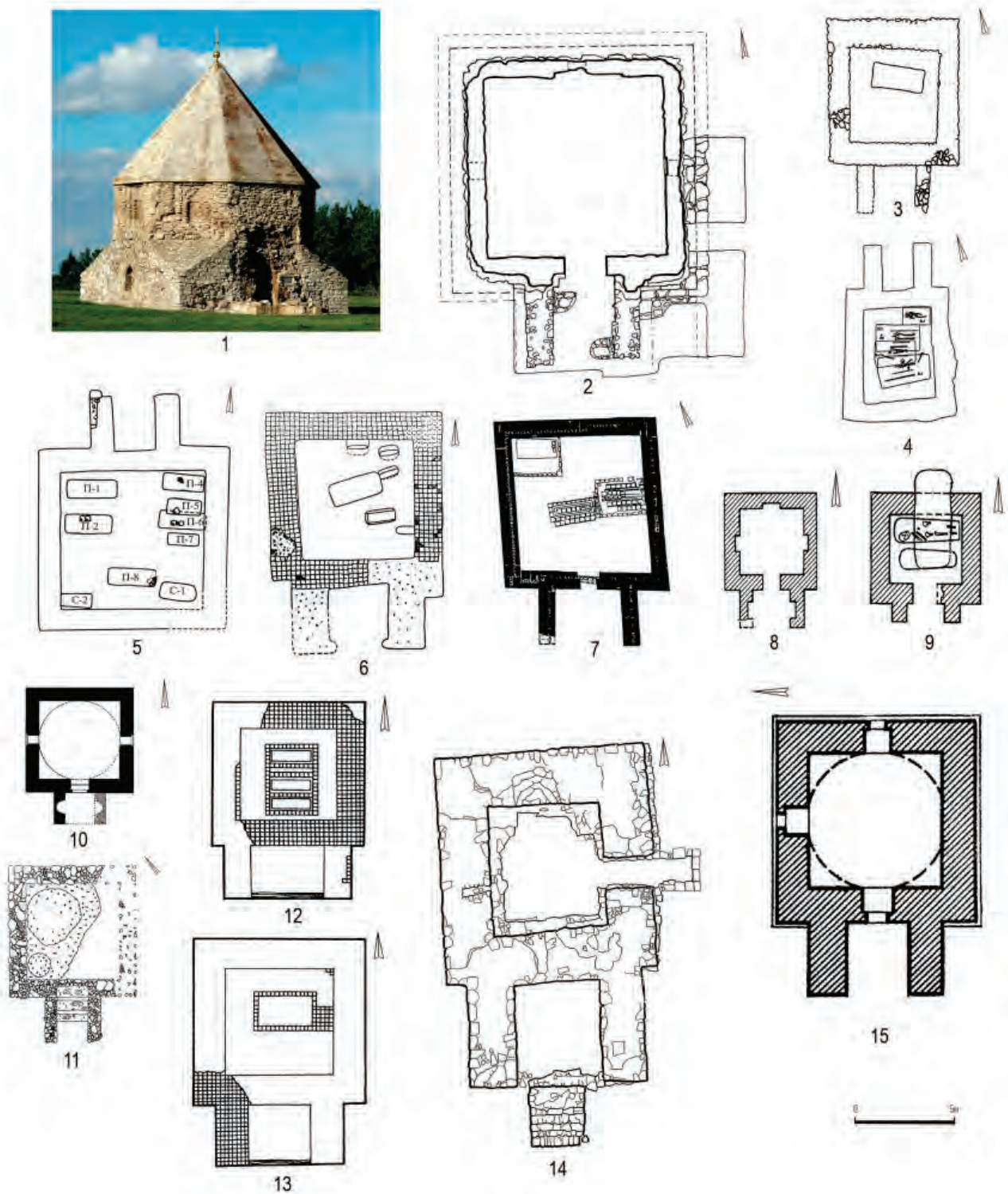

Рис. 3. Однокамерные мавзолеи с кубическим помещением усыпальницы и узким выступающим порталом в Золотой Орде: 1 – Восточный мавзолей в Болгаре; 2 – Северный мавзолей в Болгаре; 3-5 – №№ 1-3 в Болгаре; 6 – мавзолей в Бахтияровке; 7 – мавзолей № 3 на Селитренном городище; 8-9 – мавзолеи №№ 2,5 возле Ессентуков; 10 – мавзолей Мухамед-Шах-бея в Азизе; 11 – мавзолей в Новосельском в Одесской области; 12-13 – №№ 1-2 на урочище Мечеть; 14 – № 2 в Солкхате; 15 – мавзолей Турахана (по Э.Д. Зиливинская, 2014).

Fig. 3. Single-chamber mausoleums with a cubic room of sepulcher and a narrow protruding portal in the Golden Horde: 1 – Eastern Chamber in Bolgar; 2 – Northern Mausoleum in Bolgar; 3-5 – No. 1-3 in Bolgar; 6 – mausoleum in Bakhtiyarovka; 7 – mausoleum No. 3 in Selitrennoye settlement; 8-9 – mausoleums No. 2, 5 near Yessentuki; 10 – Mo-hamed Shah Bey' mausoleum in Aziz; 11 – mausoleum in Novoselsky in the Odessa Oblast; 12-13 – No. 1-2 in the stow Mechet; 14 – No. 2 in Solkhat; 15 – Turakhan's mausoleum (according to E.D. Zilivinskaya, 2014).

Турахана в Башкирии (рис. 3). Большая часть зданий этого типа имела шатровое покрытие. Это все полностью сохранившиеся мавзолеи Болгара, Южного Урала, мавзолеи в Маджаре. Можно предположить, что и все остальные мемориальные постройки этого типа перекрывались шатрами.

Мемориальные постройки с выступающим порталом также характерны для зодчества Средней Азии. Такую планировку имеют мавзолеи Исхак-Ата в Фудине (X в.) (Маньковская, 1971, с. 41), Астана-баба, Серахс-баба, Абу-Саида, Парау-ата, Чугундор-баба (все XI–XII вв.), мавзолеем № 3 на урочище Гек-Гумбез (XIV в.) (Пугаченкова, 1958, с. 275–276, 278–286, 299–303, 375), мавзолеем Рухабат в Самарканде (XIV в.). Среднеазиатские мавзолеи этого типа имеют ряд отличий от золотоордынских. Чаще всего у них портал лишь слегка выступает за пределы фасадной стены. Сильно выступающий портал имеют среднеазиатские мавзолеи Парау-ата, Чугундор-баба и мавзолеем № 3 на урочище Гек-Гумбез. Кроме того, в Средней Азии купола в основном полусферические. Шатровое покрытие есть только у мавзолея Чугундор-баба. В Закавказье мавзолеи этого типа в домонгольское и монгольское время неизвестны. Они появляются в Азербайджане только в XV в.

Остальные мавзолеи Мохши относятся к группе многокамерных. Мавзолеи № 4 и 5 входят в отдел призматических продольно-осевых. Многокамерные продольно-осевые мавзолеи обычно состоят из двух помещений. Это основное помещение, где совершаются захоронения, и комната для оплакивания. По-персидски они называются «гур-хана» и «зиорат-хана». В этом отделе выделяется два типа мавзолеев – фасадные и порталные. Мавзолеи Мохши не имеют выступающего портала, следовательно, относятся к типу фасадных. В Золотой Орде такую же планировку имеют мавзолеи у с. Царевщина, № 2 у пос. Комсомольский, могильника «301 км» в Астраханской области, мавзолеем № 3 у Ессентуков, мавзолеи у поселка Тептяри в Оренбургской области, мавзолеем № 1 в Жайыке и Абат Байтак в Западном Казахстане (рис. 4). Продольно-осевые мавзолеи Золотой Орды состоят из двух помещений – прямоугольного в плане тамбурного, следующего за входом, и квадратной в плане усыпальницы. Вероятно, прямоугольное помещение возникает в результате возведения сплошной стены между пилонами портала и «закрывания» входно-

го айвана. Стены этого помещения обычно не отличаются большой толщиной, поэтому такие здания, скорее всего, не имеют высокого портала и являются фасадными. Стремление сделать акцент на фасадную часть привело к возникновению построек такого же плана, но с входом, оформленным порталом-пештаком. Традиционно считается, что меньшие помещения в двухкамерных мавзолеех служили для проведения поминальных обрядов (зиорат), то есть являлись зиорат-ханой. Мавзолеи, состоящие из гур-ханы и зиорат-ханы, довольно часто встречаются в Средней Азии. К ним относятся, например, мавзолеи Сеида Алауддина и Юнус-хане в Хиве, Джан-Хорас-ших-бобо в Ургенчском районе (Маньковская, Булатова, 1978, с. 75). Тем не менее между среднеазиатскими и золотоордынскими мавзолееями есть существенное различие. В Средней Азии зиорат-хана больше гур-ханы или равна ей по площади. В Золотой Орде это помещение представляет собой что-то вроде небольшого тамбура, в котором часто вдоль стен делаются суфы. Это сближает зиорат-хану с тамбурными помещениями жилых домов. В.Л. Егоров, отмечал, что такой тип планировки неизвестен в Средней Азии и Иране (Егоров, 1980, с. 88). Скорее всего, он является золотоордынской модификацией двухкамерных мавзолеев.

Двухкамерный мавзолеем № 2 относится к отделу призматических поперечно-осевых и типу порталных. Больше в Золотой Орде мавзолеи этого типа не встречены. Анфиладные мавзолеи, состоящие из одинаковых отсеков, перекрытых куполами, в пределах единого вытянутого призматического объема с одним входом либо с торца, либо через одно из помещений по длинной стороне, хорошо известны в Средней Азии. Там они называются «таш-куча» («каменная улица»). Примерами таких построек домонгольского периода являются мавзолеи XI–XII вв. близ Шаартуза, в Гузаре, мавзолеем-мечеть Ходжа Иса (рис. 5) (Маньковская, 1979, с. 97, рис. 49; 1983, с. 41–42).

Самый крупный и имеющий развитую планировку мавзолеем № 1 относится к отделу многокамерных мавзолеев сложного строения, подотделу зданий Т-образного плана, типу порталных с выступающим порталом. Помещения в таких постройках располагаются по двум взаимно перпендикулярным осям.

К мавзолеем № 1 очень близок по плану мавзолеем Наджмеддина Кубра в Куна-Ургенче. Мавзолеем Наджмеддина Кубра возведен

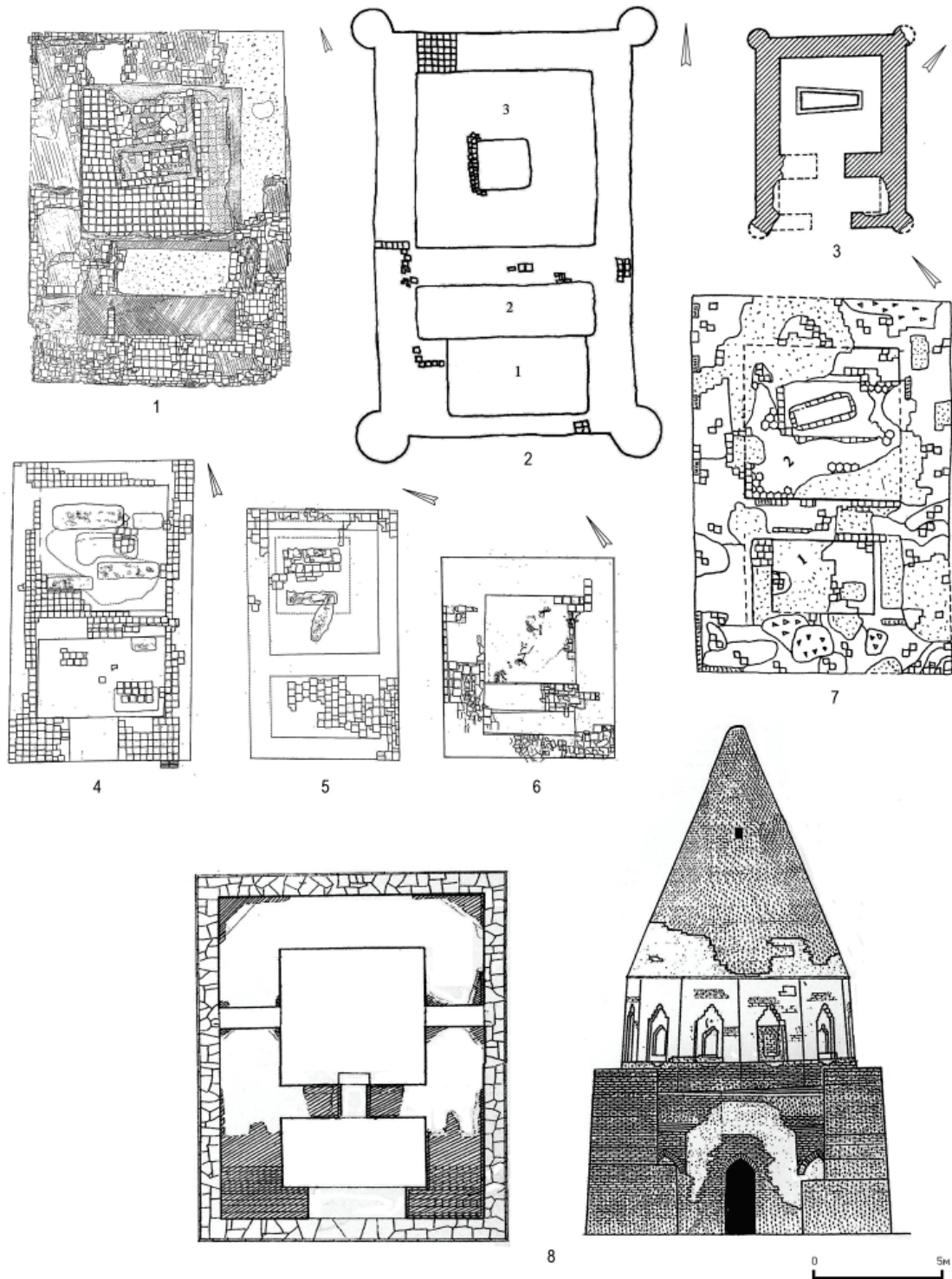

Рис. 4. Многокамерные призматические продольно-осевые фасадные мавзолеи в Золотой Орде: 1 – № 2 у пос. Комсомольский; 2 – могильник 301 км; 3 – мавзолей № 3 у Ессентуков; 4-6 – мавзолеи у поселка Тептяри в Оренбургской области; 7 – мавзолей № 1 в Жайыке; 8 – Абат Байтак (по Э.Д. Зиливинская, 2014).

Fig. 4. Multi-chamber prismatic longitudinal-axial façade mausoleums in the Golden Horde: 1 – No. 2 near settlement of Komsomolskiy; 2 – burial ground 301 km; 3 – mausoleum No. 3 near Yessentuki; 4-6 – mausoleums near the settlement of Teptyari in the Orenburg Oblast; 7 – mausoleum No. 1 in Zhayik; 8 – Abat Baytak (according to E.D. Zilivinskaya, 2014).

над могилой известного шейха, главы и основателя дервишского ордена Кубави между 1321–1333 гг. Здание состоит из четырех объемов, перекрытых куполами и расположенных на взаимно перпендикулярных осях

(рис. 6: 1–2). Размеры его примерно 21×19,5 м. С южной стороны расположен высокий, богато украшенный пештак со стрельчатым сводом. Плоскость его разделена несколькими П-образными рамами, а все поверхности

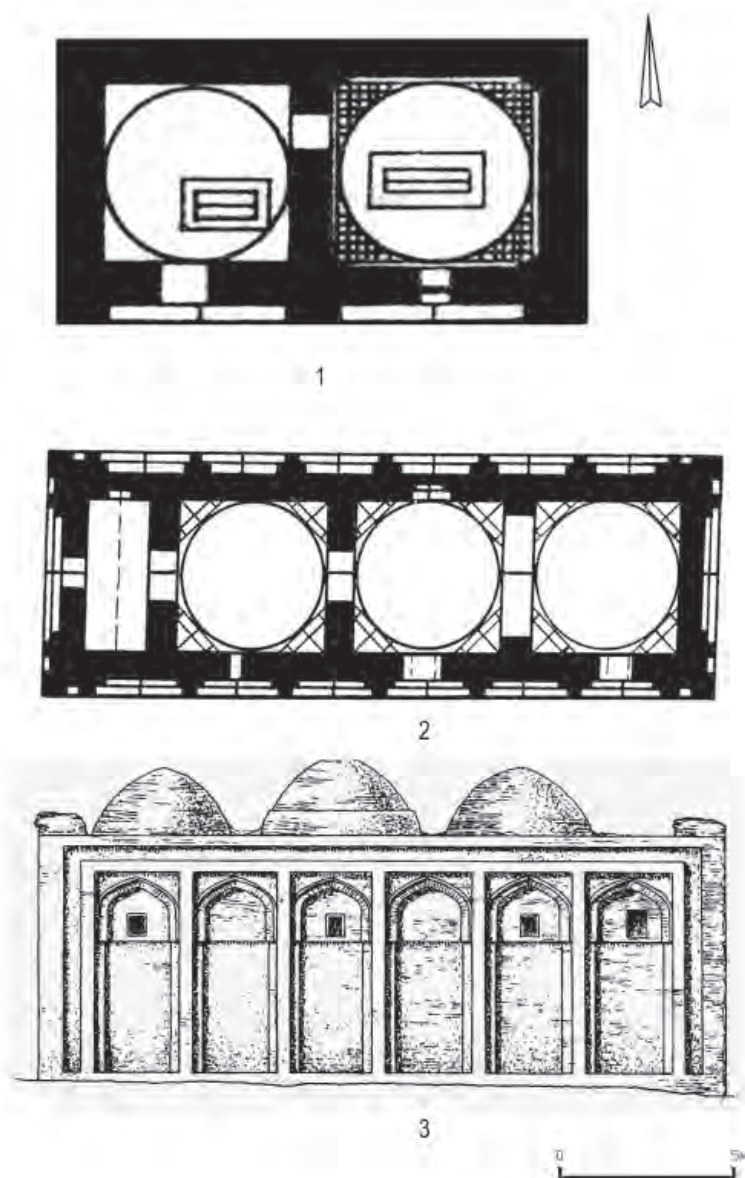

Рис. 5. Многокамерные призматические поперечноосевые мавзолеи Средней Азии:
1 – в комплексе Ходжа Карлык (XI в.); 2-3 – Ходжа Иса (XI-XII вв.), план и западный фасад
(по Л.Ю.Маньковская, 1979 и С.Г.Хмельницкий, 1996).

Fig. 5. Multi-chamber prismatic transverse-axial mausoleums in Central Asia:
1 – in the Khoja Karlyk complex (XI century); 2-3 – Khoja Isa (XI-XII centuries), plan and western façade
(according to L.Yu. Mankovskaya, 1979 and S.G. Khmel'nitsky, 1996).

в прошлом были облицованы майоликовыми плитками ультрамаринового, бирюзового и белого цветов, которые сейчас большей частью утрачены. Орнаментация их состоит из цветочно-растительных орнаментов и арабской вязи. За входом находится небольшой, квадратный в плане вестибюль, перекрытый сферическим куполом. С восточной и западной сторон от него расположены два равно-великих купольных помещения больших размеров. По мнению Г.А. Пугаченковой, они были предназначены для дервишеских собраний (Пугаченкова, 1967, с. 154), по другим сведениям, в западной комнате была устроена

тахорат-хана, а в восточной – малая усыпальница. В северной части, за тамбуром, находится самое большое в комплексе помещение усыпальницы (гур-ханы) с майоликовым надгробием. Снаружи оно квадратное в плане, а внутри неглубокие ниши в стенах придают ему крестообразную форму. Усыпальница также перекрыта высоким куполом, который завершает композицию.

Таким образом, мавзолеем № 1 в Мохши по своей структуре почти идентичен мавзолею Наджмеддина Кубра. Оба здания имеют близкие размеры и Т-образную планировку. По центральной оси находится массив-

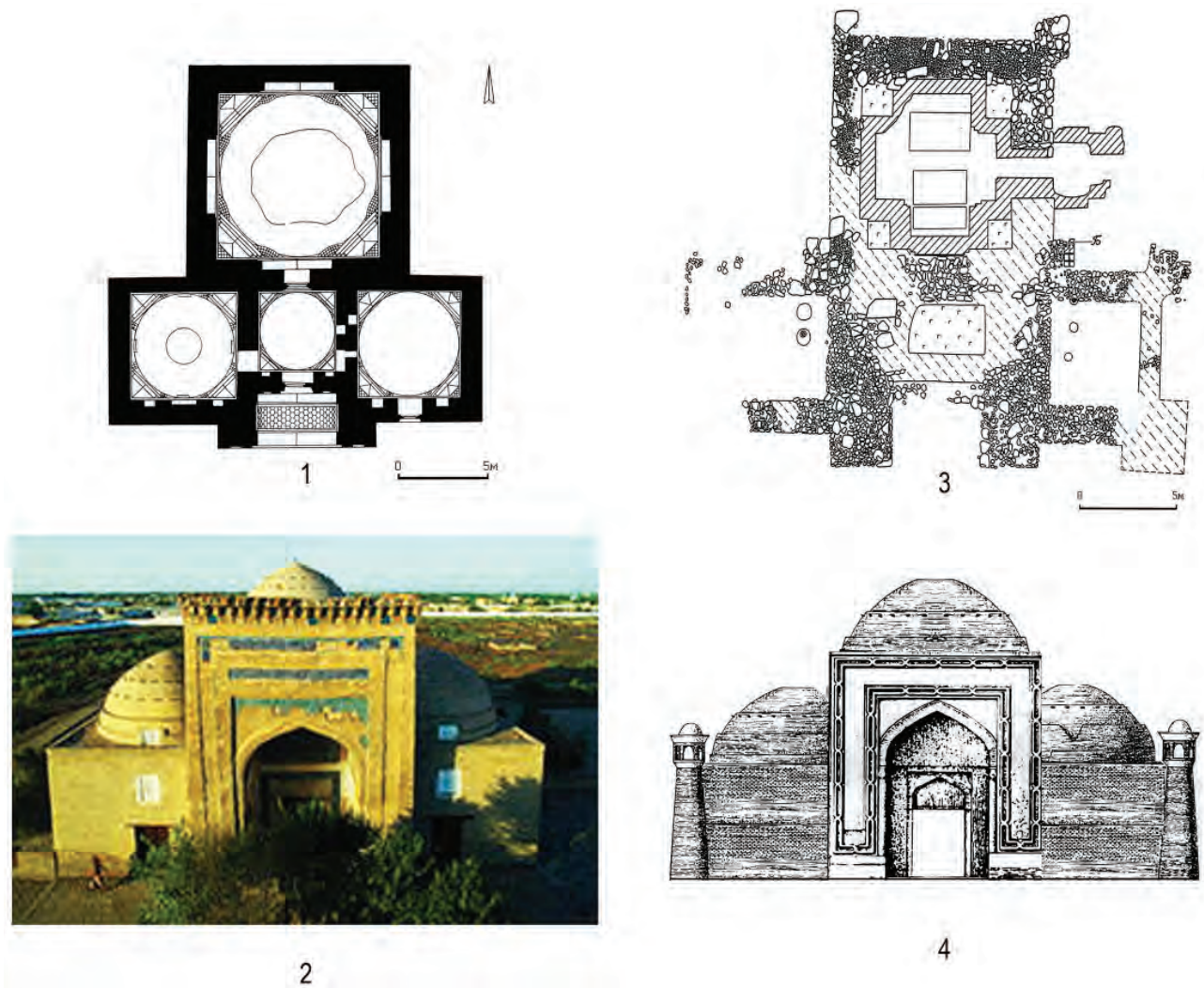

Рис. 6. Многокамерные мавзолеи сложного строения Т-образного плана порталные:
1-2 – мавзолей Наджмеддина Кубра в Кунья-Ургенче (план по Г.А. Пугаченкова, 1967 и внешний облик);
4-5 – мавзолей № 1 в Мохше (план по А.Е. Алимхова, 1973 и реконструкция автора).

Fig. 6. Multi-chamber mausoleums of composite structure, T-shaped in the plan, portal:
1-2 – mausoleum of Najm al-Din Kubra in Kunye-Urgench (plan according to G.A. Pugachenkova, 1967 and outward appearance); 4-5 – mausoleum No 1 in Mukhshi (plan by A.Ye. Alikhova, 1973 and reconstruction by the author).

ный портал с айваном, тамбур и большое купольное помещение. По бокам к тамбур примыкают квадратные помещения, которые также перекрыты куполами. В плане зданий существуют небольшие отличия. В мавзолее Наджмеддина Кубра тамбурное помещение квадратное в плане и перекрыто небольшим куполом. В мавзолее Мохши тамбур прямоугольный и, скорее всего, здесь было сводчатое перекрытие. Постройки несколько отличаются и по строительной технике. Хорезмийский мавзолей построен из обожженного кирпича и портал его богато декорирован поливными изразцами. Фундамент мохшинского мавзолея был возведен из бутового камня, а стены полностью и частично – из обожженного кирпича. Внутри стены были отделаны обработанными облицовочными камнями и резны-

ми каменными деталями. То есть совершенно очевидно, что архитектором, возводившим мавзолей, скорее всего, был именно хорезмиец, а непосредственно в строительстве принимали участие местные мастера.

Внешняя отделка мавзолея в Мохши была даже более интересной: все внешние углы были украшены колоннообразными выступами различного диаметра. Самые крупные декоративные башенки (диаметром около 3 м) примыкали к углам фасадной стены, остальные внешние углы были оформлены трехчетвертными колонками диаметром около 2 м. Данный мавзолей также отличает наличие обширного подземного склепа, а в мавзолее Наджмеддина Кубра усыпальница была устроена в большом купольном помещении. Исходя из всех этих данных, можно сделать

реконструкцию внешнего облика мохшинского мавзолея (рис. 6: 4).

Следует также отметить, что мавзолей № 1 в Мохши – единственная известная на данный момент мемориальная постройка в Золотой Орде, которая имеет столь сложную планировку. Г.А. Пугаченкова высказала, на мой взгляд, достаточно обоснованную гипотезу о том, что купольные помещения мавзо-

лея Наджмеддина Кубра использовались для собраний дервишей, то есть он являлся также ханаккой. Мавзолей в Мохши приспособлен для этих целей даже в большей степени. Так как его погребальная камера находится в подземном склепе, купольное помещение над ним могло использоваться как зиорат-хана и зал для радений дервишей. Боковые комнаты могли служить для других целей.

ЛИТЕРАТУРА

- Алихова А.Е. Мавзолей города Мохши-Наровчата // СА. 1973. № 2. С. 226–237.
- Егоров В.Л. Мавзолей Водянского городища // СА. 1980. № 1. С. 74–89.
- Зиливинская Э.Д. Архитектура Золотой Орды. Ч. I. Культовое зодчество. М.; Казань: Отечество, 2014. 448 с.
- Маньковская Л.Ю. Архитектурные памятники Кашкадарьи. Ташкент: Узбекистан, 1971. 56 с.
- Маньковская Л.Ю. О типологии мемориального зодчества Средней Азии. Мавзолей Фудины и Касби. // Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье / Ред. Б.Г. Гафуров и Б.А. Литвинский. М.: Наука, 1979. С. 96–104.
- Маньковская Л.Ю. Мемориальное зодчество Средней Азии // Художественная культура Средней Азии IX–XIII вв. / Ред. Л.И. Ремпель. Ташкент: Изд-во лит. и искусства, 1983. С. 30–49
- Маньковская Л., Булатова Л. Памятники зодчества Хорезма. Ташкент: Изд-во лит. и искусства, 1978. 190 с.
- Пугаченкова Г.А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 493 с.
- Пугаченкова Г.А. Искусство Туркменистана. Очерк с древнейших времен до 1917 г. М.: Искусство, 1967. 327 с.
- Хмельницкий С. Между арабами и тюрками. Архитектура Средней Азии IX–X вв. Берлин; Рига: «Continent», 1992. 344 с.
- Хмельницкий С. Между Саманидами и монголами. Архитектура Средней Азии XI – начала XIII вв. Ч. I. Берлин; Рига: «Gamajun», 1996. 336 с.

Информация об авторе:

Зиливинская Эмма Давидовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (г. Москва, Россия); eziliv@mail.ru

REFERENCES

- Alikhova, A. E. 1973. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 226–237 (in Russian).
- Egorov, V. L. 1980. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 74–89 (in Russian).
- Zilivinskaya, E. D. 2014. *Arkhitektura Zolotoi Ordya (Architecture of the Golden Horde)* 1. *Kul'tovoe zodchestvo (Ritual Architecture)*. Moscow; Kazan: "Otechestvo" Publ. (in Russian).
- Man'kovskaya, L. Yu. 1971. *Arkhitekturnye pamyatniki Kashkadar'i (Architectural monuments of Qashqadaryo region)*. Tashkent: "Uzbekistan" Publ. (in Russian).
- Man'kovskaya, L. Yu. 1979. In Gafurov, B. G., Litvinsky, B. A. (eds.). *Kul'tura i iskusstvo narodov Sredney Azii v drevnosti i srednevekov'e (Culture and art of the peoples of Central Asia in the antiquity and the Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ., 96–104 (in Russian).
- Man'kovskaya, L. Yu. 1983. In Rempel, L. I. (ed.). *Khudozhestvennaia kul'tura Sredney Azii IX-XIII vv. (Artistic culture of Central Asia in IX–XIII centuries)*. Tashkent, 30–49 (in Russian).
- Man'kovskaya, L. Yu., Bulatova, L. 1978. *Pamiatniki zodchestva Khorezma (Architectural monuments of Khwarazm)*. Tashkent (in Russian).
- Pugachenkova, G. A. 1958. *Puti razvitiia arkhitektury Iuzhnogo Turkmenistana pory rabovladieniia i feodalizma (Ways of Development of South Turkmenistan Architecture during Slavery and Feudalism)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Pugachenkova, G. A. 1967. *Iskusstvo Turkmenistana. Ocherk s drevneyshikh vremen do 1917 g. (Art of Turkmenistan. Essay from ancient times till 1917)*. Moscow: "Iskusstvo" Publ. (in Russian).

Khmel'nitskii, S. 1992. *Mezhdu arabami i tiurkami. Arkhitektura Srednei Azii IX–X vv. (Between the Arabs and Turks: Architecture of Central Asia in 9th–10th Centuries)*. Berlin; Riga: "Continent" Publ. (in Russian).

Khmel'nitskii, S. 1996. *Mezhdu Samanidami i mongolami. Arkhitektura Srednei Azii XI – nachala XIII vv. (Between the Samanids and Mongols: Architecture of Central Asia in 11th – Early 13th Centuries)*. Part I. Berlin; Riga: "Gamajun" Publ. (in Russian).

About the Author:

Zilivinskaya Emma D. Doctor of Historical Sciences. Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklouho-Maklay (IEA), Russian Academy of Sciences. Leninsky Ave., 32a, Moscow, 119334, Russian Federation; eziliv@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2022 г.
Статья принята к публикации 01.12.2022 г.

КОЧЕВОЕ НАСЕЛЕНИЕ САМАРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ В ЭПОХУ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

© 2022 г. Д.А. Сташенков, А.Ф. Кочкина

Среди памятников золотоордынского периода Самарского Поволжья отдельную категорию составляют погребения, оставленные кочевым населением региона. В настоящее время имеются сведения о 36 погребальных памятниках золотоордынского времени, на которых исследовано 64 захоронения, связываемых с кочевым населением. Большая часть выявленных захоронений расположена на левом берегу реки Волги в бассейнах рек Самара, Большой Кинель, Сок. Особую группу составляют захоронения с конем, выявленные на мордовских некрополях. В статье дается характеристика этих погребений, проводится сопоставление их с кочевническими комплексами Самарского региона. На основе анализа закономерностей размещения погребальных комплексов в Самарском Поволжье выделяется несколько групп памятников, связанных с различным характером использования территории кочевниками. Выявленные комплексы датируются второй пол. XIII – серединой XIV в. После событий 1360-х гг. территория Самарского Поволжья приходит в запустение. По письменным источникам известно, что в XV–XVI вв. земли к востоку от реки Волги использовались кочевниками в качестве летних пастбищ, однако археологические комплексы этого времени не зафиксированы.

Ключевые слова: археология, Самарское Поволжье, Золотая Орда, картографирование, курганы, грунтовые захоронения, кочевое население, мордва, погребальный обряд, погребения с конем.

NOMADIC POPULATION OF THE SAMARA VOLGA REGION IN THE GOLDEN HORDE EPOCH

D.A. Stashenkov, A.F. Kochkina

Among the sites of the Golden Horde period in the Samara Volga region, a separate category consists of the burials left by the nomadic population of the region. At present, there is information about 36 burial sites of the Golden Horde period, where 64 burials associated with the nomadic population have been studied. Most of the identified burials are located on the left bank of the Volga River in the basins of the Samara, Bolshoy Kinel, and Sok rivers. A special group consists of burials with a horse, identified in the Mordovian necropolises. The authors describe these burials, compare them with the nomadic assemblages of the Samara region. Based on the analysis of the regularities of the buried deposits location in the Samara Volga region, several groups of sites associated with the different nature of the use of the area by nomads are distinguished. The revealed complexes are dated from the 2nd half of the XIII century to the middle of the XIV century. After the events of the 1360s, the Samara Volga area fell into desolation. According to written sources, it is known that in the XV–XVI centuries the lands to the east of the Volga were used by nomads as summer pastures, however, archaeological complexes of this period are not recorded.

Keywords: archaeology, Samara Volga region, Golden Horde, mapping, burial mounds, barrows, nomadic population, the mordvins, burial rite, burials with a horse.

На примере Самарского Поволжья, расположенного на границе степной и лесостепной зон, Среднего и Нижнего Поволжья можно рассматривать особенности взаимодействия кочевого и оседлого населения в различные исторические эпохи. Характер контактов представителей разных культур, во многом обусловленный природно-географическим фактором, приобретал специфические черты в условиях вхождения региона в состав крупного государства. В частности, в золотоордынскую эпоху, когда через территорию Самарского Поволжья проходили водные и сухопутные пути, соединяющие метрополию

и завоеванные земли Улуса Джучи, в регионе появляются многочисленные поселения, связанные с обслуживанием этих путей. Необходимость организации управления крупными территориями, поддержания на них порядка, а также задача сохранения элитных летних пастбищ для ханских стад привели к появлению в лесостепной зоне к северу от основного ареала кочевнических захоронений. Задача настоящей работы – не только дать общее представление о погребениях кочевого населения золотоордынской эпохи в Самарском Поволжье, но и выявить некоторые закономерности в их расположении.

Памятники эпохи Золотой Орды в регионе представлены неукрепленными поселениями, курганными и грунтовыми могильниками, связанными с разными этнокультурными группами (Кочкина, Сташенков, 2021). Наиболее крупные поселения располагались на волжских берегах и были связаны в первую очередь с обслуживанием Волжского пути, переправой судов и караванов.

В то же время на данной территории выявлены и многочисленные кочевнические погребения – как под курганными насыпями, так и грунтовые. В представленной работе учтены сведения о 36 погребальных памятниках золотоордынского времени, на 29 из которых исследовано 64 захоронения, связываемых с кочевым населением (рис. 1; табл. 1).

История изучения погребений кочевого населения Самарского Поволжья золотоордынского времени в XX в. и их краткая характеристика были приведены И.Н. Васильевой в обобщающих работах (Васильева, 1979; 2000, с. 293–346, 390–401). За прошедшие с момента последней публикации два десятилетия количество источников выросло, появились новые данные, которые позволяют уточнить характер использования данной территории кочевниками в эпоху Золотой Орды.

Картографирование памятников четко показывает, что основные погребальные памятники кочевого населения расположены в степной части волжского левобережья. Выделяются два района максимальной концентрации памятников: нижнее течение р. Самары и р. Большой Кинель и среднее течение р. Самары.

В районе нижнего течения Самары и Большого Кинеля выявлены погребения, происходящие предположительно из разрушенных курганов у ст. Зубчаниновка и ст. Кинель (рис. 2), а также грунтовые (?) захоронения на селищах Белозерки и Белозерки IV.

В среднем течении р. Самары обнаружены преимущественно грунтовые захоронения (на дюнах у сел Максимовка, Виловатое, на дюне «Большой Шихан») и подкурганные захоронения в Гвардейском и Покровском курганных могильниках. Необходимо отметить, что количество выявленных в этом районе погребений (26) свидетельствует об особой значимости этого микрорегиона для кочевого населения. С погребениями могут быть связаны выявленные в непосредственной близости от них поселения с тонким культурным слоем, например, Максимовское селище. Несмотря на то, что в основном в этом районе нахо-

дились владения кочевых групп, мы можем предполагать наличие здесь и постоянных поселений. В частности, обнаружение гончарного двухкамерного горна на дюне «Большой Шихан» (Васильева, 1977) и Максимовского клада сельскохозяйственных орудий (Юнусова-Ключникова, 1977) могут свидетельствовать о появлении в этом районе немногочисленного оседлого населения, занимавшегося ремеслом и сельским хозяйством.

Теоретически с кочевым населением могут быть связаны и погребения с конем на территории мордовских могильников XIV в. (Муранский, Барбашинский и Усинский II). Однако погребения с конем в мордовских могильниках специфичны и «кочевническими» их можно называть с некоторым допущением.

Остановимся на этих комплексах подробнее.

Три из них происходят с территории Барбашинского могильника, расположенного на берегу р. Волги в черте г. Самары.

Первый комплекс был обнаружен случайно. По описанию В.Н. Глазова, проводившего в августе 1907 г. разведки в окрестностях Самары, в мае 1907 г. «при устройстве парника у конюшни... был снят небольшой холм, или даже вернее бугор, при чем было найдено много костей и разные медные и серебряные вещи: кольца, пряжки, перстни, бусы и браслеты. Кроме сего, тут же в бугре были найдены кости коня с остатками седла, с железными стременами и удилами в зубах конского черепа, кажется, было найдено еще железное копье и кинжал или большой нож...» (Археологические..., 2011, с. 19). Судя по описанию, на этом участке было разрушено несколько характерных для Барбашинского могильника погребений, в том числе женских. С каким именно погребением было связано захоронение коня, установить невозможно. Невозможно установить также, что представлял собой «бугор» – природное возвышение или курганную насыпь.

Второе захоронение с конем было обнаружено в 1908 г. при раскопках В.А. Миллера (погр. 1 по нумерации В.А. Миллера). По описанию из отчета В.А. Миллера, «костяк длиною в 169 сант. лежал на спине головою на север и лицом, повернутым налево. Под человеческим костяком лежал скелет лошади на правом боку с подогнутыми передними и задними ногами. Череп человека покоился непосредственно на лошадином черепе...» (Археологические..., 2011, с. 46). Слева от

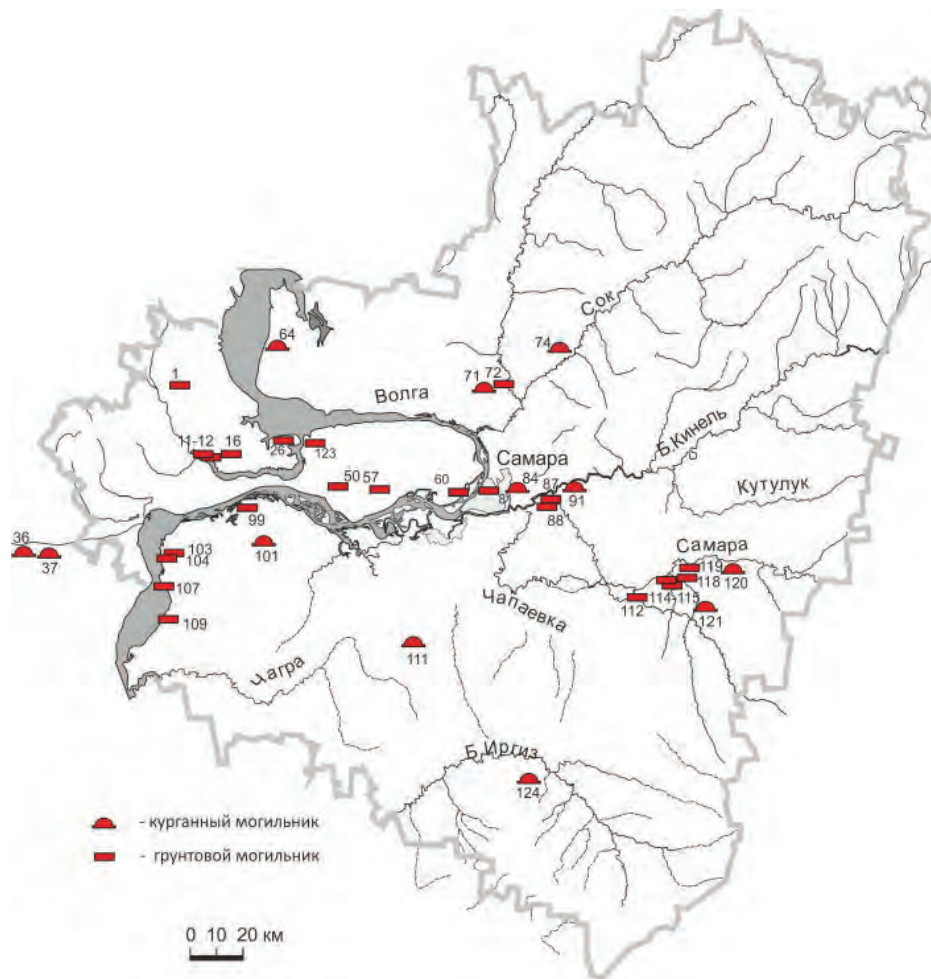

Рис. 1. Карта погребений эпохи Золотой Орды в Самарском Поволжье.

1 – Кузькинский грунтовой могильник; 11 – Муранский (мордовский) грунтовой могильник; 12 – Муранский (мусульманский) грунтовой могильник; 16 – Печерский грунтовой могильник; 28 – Березовский могильник грунтовой; 36 – курганный могильник Канадей I; 37 – курган Клин I; 50 – грунтовой могильник Малая Рязань; 57 – могильник грунтовой Лбище (Ман-Тепе); 60 – могильник грунтовой Усинский II; 64 – погребение в саду с-за им. Луначарского; 71 – одиночный курган Светлое Поле III; 72 – погребение Городцовка; 74 – Гундоровский одиночный курган; 81 – Барбашинский могильник; 84 – Зубчаниновка, разрушенное погребение; 87 – погребение на селище Белозерки; 88 – грунтовой могильник на селище Белозерки IV; 91 – могильник у ст. Кинель; 99 – Кануевское погребение; 101 – Александровский курганный могильник; 103 – грунтовой могильник Заволжье III; 104 – грунтовой могильник Заволжье II; 107 – грунтовой могильник Приволжье I; 109 – Екатеринбургский IV грунтовой могильник; 111 – Новопавловский курганный могильник (курган 7); 112 – могильник на дуне «Человечья голова»; 114 – Максимовский могильник на дуне; 115 – Максимовский грунтовой могильник; 118 – могильник на дуне «Большой Шихан»; 119 – Виловатовский могильник на дуне; 120 – Гвардейский курганный могильник; 121 – Покровский курганный могильник (курганы 14, 15); 123 – Жигули I грунтовой могильник; 124 – Фокин курган.

Fig. 1. Map of burials of the Golden Horde epoch in the Samara Volga region.

1 – Kuzkino cemetery without mounds; 11 – Muranka (Mordovian) cemetery without mounds; 12 – Muranka (Muslim) cemetery without mounds; 16 – Pecherskoye cemetery without mounds; 28 – Beryozovka cemetery without mounds; 36 – cemetery without mounds Kanadei I; 37 – barrow Klin I; 50 – cemetery without mounds Malaya Ryazan; 57 – cemetery without mounds Lbishche (Man-Tepe); 60 – cemetery without mounds Usinsky II; 64 – burial in the garden of the state farm named after Lunacharsky; 71 – single barrow Svetloye Pole III; 72 – burial Gorodtsovka; 74 – single barrow Gundorovka; 81 – Barbashinsky burial ground; 84 – Zubchaninovka, destroyed burial; 87 – burial on the settlement of Belozerki; 88 – ground burial on the settlement of Belozerki IV; 91 – burial ground near st. Kinel; 99 – Kanuyevka burial; 101 – Alexandrovka barrow cemetery; 103 – cemetery without mounds Zavolzhye III; 104 – cemetery without mounds Zavolzhye II; 107 – cemetery without mounds Privolzhye I; 109 – cemetery without mounds Yekaterinovka IV; 111 – barrow cemetery Novopavlovka (barrow 7); 112 – burial ground on the dune "Chelovechya Golova"; 114 – burial ground Maksimovka on a dune; 115 – cemetery without mounds Maksimovka; 118 – burial ground on the dune "Bolshoy Shikhan"; 119 – ground Vilovatoye on a dune; 120 – barrow cemetery Gvardeyskiy; 121 – barrow cemetery Pokrovka (barrows 14, 15); 123 – cemetery without mounds Zhiguli I; 124 – Fokin barrow.

Таблица 1. Памятники в Самарском Поволжье, на которых встречены кочевнические погребения эпохи Золотой Орды.
 Table 1. Sites in the Samara Volga region, where nomadic burials of the Golden Horde epoch were found

№ п/п	№ на карте	Памятник	Кол-во погребений	Кости коня	Удила, стремена	Шелк	Изделия из драг. мет.	Након. стрел	Резная кость	зеркало
1	11	Муранский (мордовский) грунтовый могильник	1 (всего более 700)	+						
2	36	курганый могильник Канадей I	6 5 курганов		+	+	+	+		
3	37	Курганый могильник Клин I, курган I	2		+	+	+	+		
4	60	Усинский II могильник грунтовый	2 (всего 20)	+						+
5	64	погребение в саду с-за им. Луначарского	1	+						
6	71	одиночный курган Светлое Поле III	1	+		+	+	+		
7	72	погребение Городцовка	1							
8	74	Гундоровский одиночный курган	1							
9	81	Барбашинский могильник	Не менее 3	+	+			+		
10	84	Зубаниновка, разрушенное погребение	1 (всего более 200)	+						+
11	87	погребение на селище Белозерки	1	+	+			+		
12	88	грунтовый могильник на селище Белозерки IV	4							+
13	91	могильник у ст. Кинель	Не менее 2		+	+		+		+
14	99	Кануевское погребение	1							
15	101	Александровский курганый могильник	3		+			+		+
16	103	грунтовый могильник Заволжье III	1		+					
17	104	грунтовый могильник Заволжье II	1							
18	107	грунтовый могильник Приволжье I	1							
19	109	Екатериновский IV грунтовый могильник	1		+					
20	111	Новопавловский курганый могильник (курган 7)	1	+	+			+		
21	112	погребение на дюне «Человечья голова»	1							+
22	114	Максимовский могильник на дюне	7					+		
23	115	Максимовский грунтовый могильник	3							+
24	118	могильник на дюне «Большой Шихан»	1							
25	119	Виловатовский могильник на дюне	8							+
26	120	Гвардейский курганый могильник	2							
27	121	Покровский курганый могильник (курганы 14, 15)	4	+	+					
28	123	Жигули I Грунтовой могильник	2							
29	124	Фокин курган	1 (всего 108)							+

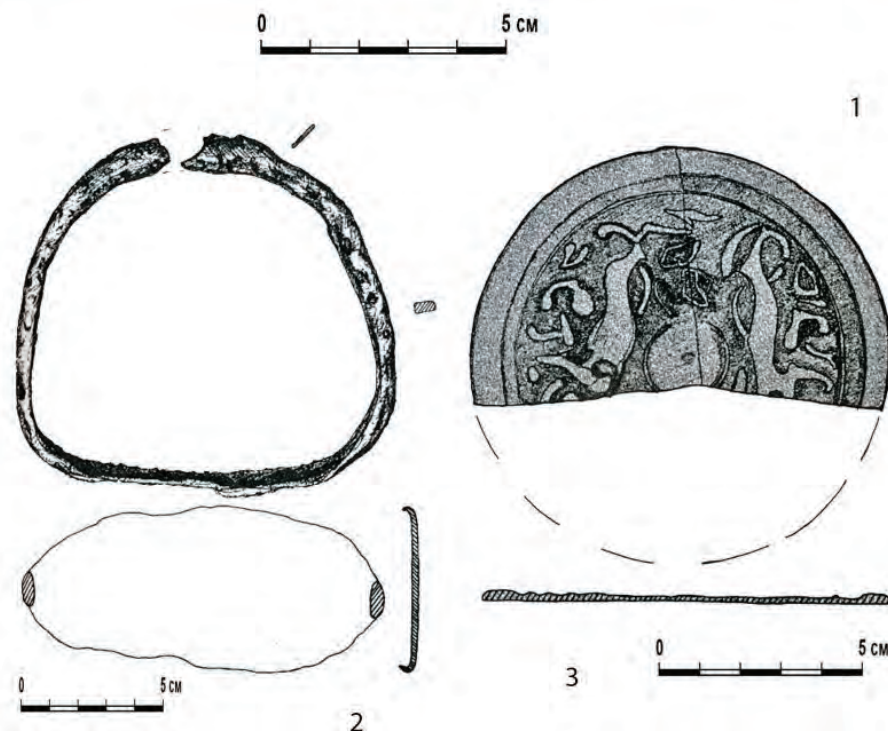

Рис. 2. Предметы из погребения, разрушенного у ж/д станции Кинель.

1 –фрагмент шелковой ткани; 2 - фрагмент железного стремена; 3 – фрагмент бронзового зеркала.

Fig. 2. Items from the burial destroyed near Kinel railway station. 1 – fragment of a silk fabric; 2 – fragment of an iron stirrup; 3 – fragment of a bronze mirror.

человеческого костяка располагались фрагменты сабли, набор ножей, кистень, наконечник копья, наконечники стрел, медный котелок, остатки ремня с железными накладками. Около костяка лошади обнаружены железные удила, стремяна, подпружная пряжка, костяные ременные накладки (Археологические..., 2011, с. 49).

Третье погребение с конем было исследовано Б.А. Латыниным при раскопках Барбашинского могильника в 1935 г. (раскоп А, погр. 27; рис. 3). Грунтовое захоронение было совершено в яме трапециевидной в плане формы, ориентированной по линии С–Ю. Погребение человека в возрасте около 40 лет ориентировано головой на север. Инвентарь погребения

Рис. 3. Барбашинский могильник. Раскопки Б.А. Латынина, 1935 г. Раскоп А погребение 27. 1 – план погребения; 2-3 – фотографии деталей погребения; 4- топор; 5 – ложкорез (?); 6 – нож; 7 – кресало; 8 – пряжка; 9 – ременные накладки; 10 – сьюлгамы; 11 – навершие плетки. 4-9 – железо; 10-11 – бронза.

Fig.3. Burial ground Barbashinsky. Excavations by B.A. Latynina, 1935. Excavation A, burial 27. 1 – burial plan; 2-3 – photos of the burial details; 4 – axe; 5 – spoon cutter (?); 6 – knife; 7 – fire lighter; 8 – buckle; 9 – belt mount; 10 – syulgams; 11 – the finial of the whip. 4-9 – iron; 10-11 – bronze.

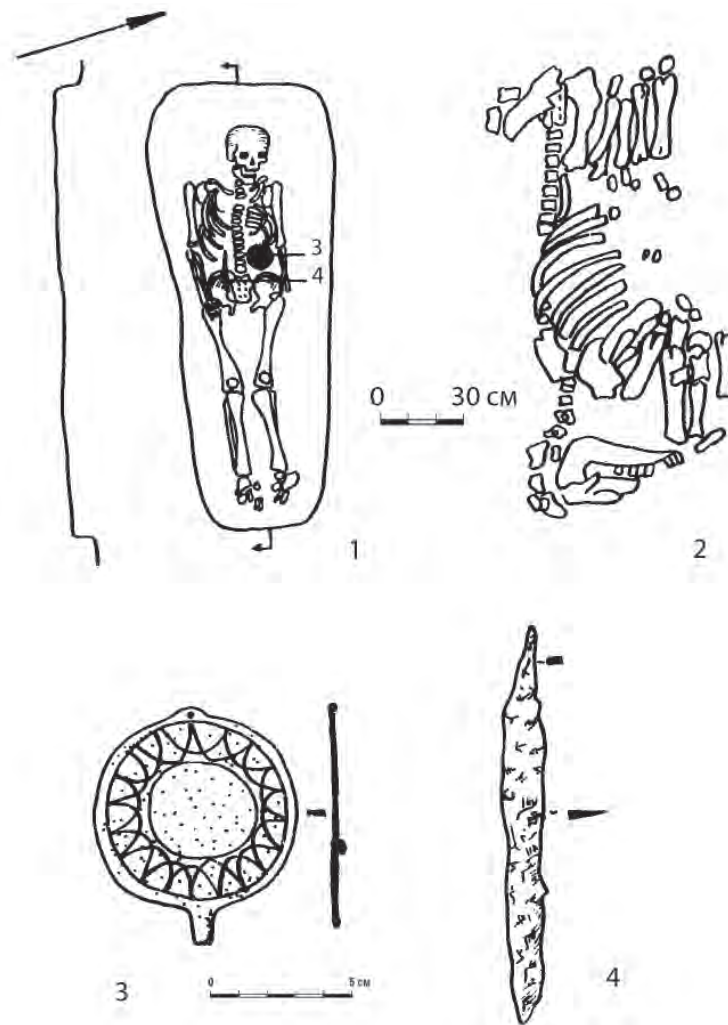

Рис. 4. Усинский могильник. Погребение 15.

1-2 – план; 3 – бронзовое зеркало; 4 – железный нож (по: Васильева, 1993).

Fig.4. Burial ground Usinskiy. Burial 15.

1-2 – plan; 3 – bronze mirror; 4 – iron knife (according to Vasilyeva, 1993).

– бронзовые браслет, рамчатые сьюлгамы, навершие плетки, пряжка, железные кресало, нож, топор, пряжка, ременной набор с железными накладками, ложкорез (?). «Под костяком человека лежит скелет лошади, так, что череп ее лежит на правом боку... за черепом человека. Передние ноги, согнутые в коленях, лежат вдоль правой плечевой [кости человека], а согнутые задние ее ноги лежат вдоль правой берцовой [кости]... Лошадь небольших размеров, видимо, молодой экземпляр...» (Сташенков, Кочкина, 2008, с. 64).

Таким образом, погребения с конем Барбашинского могильника обладают общими чертами:

– погребения совершены в простой яме без дополнительных конструкций;

– полная туша лошади помещалась на правом боку с подогнутыми ногами непосредственно на дно ямы. Сверху на нее в вытяну-

том на спине положении укладывался погребенный человек, ориентированный головой на север;

– погребения сопровождалось предметами, типичными для мужских захоронений Барбашинского могильника.

Отметим, что среди кочевнических захоронений Самарского региона подобное расположение коня в погребениях и идентичный набор погребального инвентаря не зафиксированы. Наиболее близкие аналогии встречаются в мордовском Аткарском могильнике в Саратовском Поволжье, на котором изучено два мужских захоронения, располагавшихся поверх туши коня (Кубанкин, 2013, с. 376).

Погребение с конем из Усинского II грунтового могильника, расположенного на правом берегу Волги, отличается от вышеописанных как способом расположения туши коня, так и погребальным инвентарем. Скелет коня

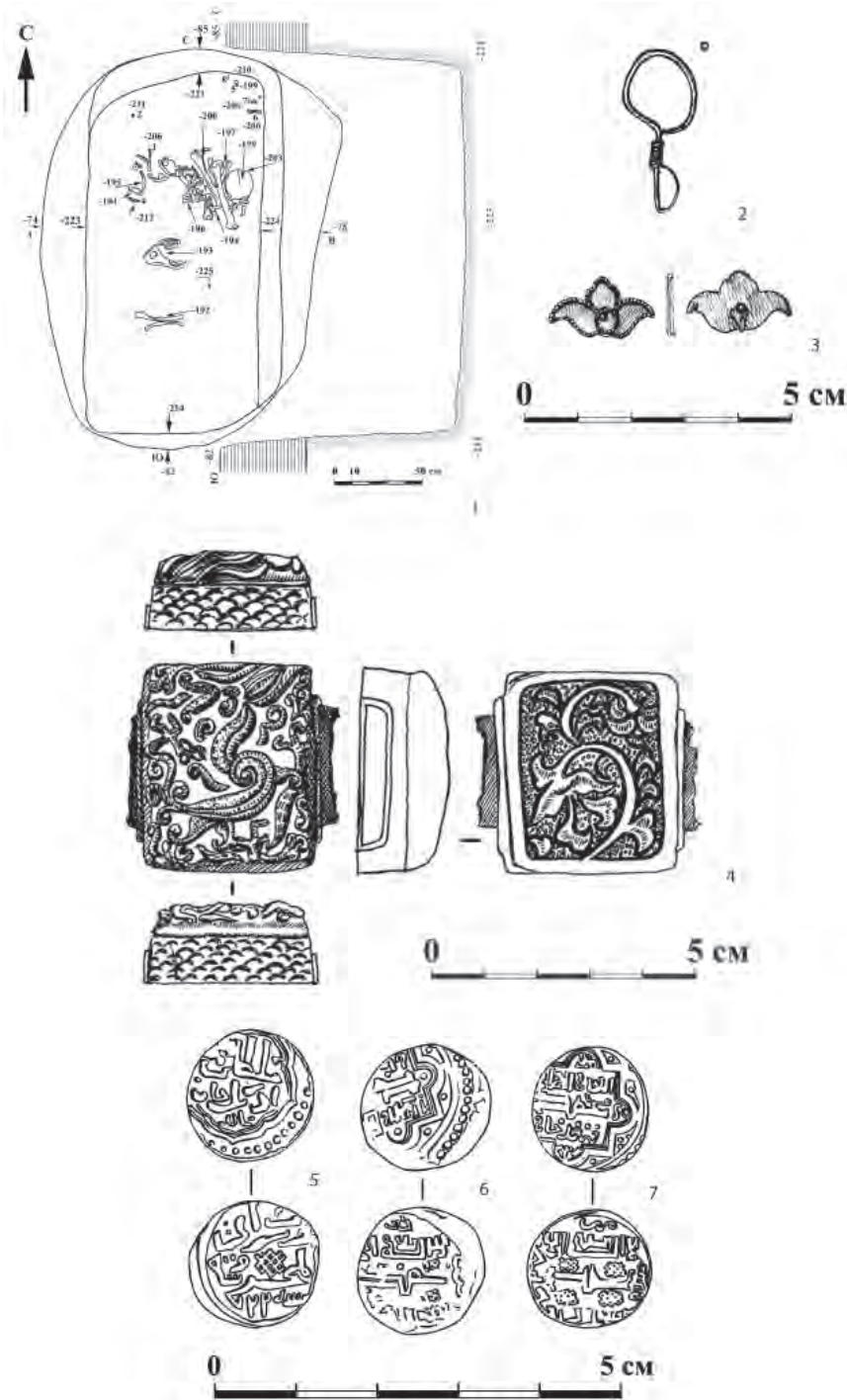

Рис. 5. Одиночный курган Светлое Поле III. 1 – план погребения; 2 – серьга; 3 – накладка; 4 – ременная обойма с изображением дракона; 5-7 – монеты. 2-3 – золото; 4 – бронза, позолота; 5-7 – серебро.

Fig. 5. Single barrow Svetloye Pole III. 1 – burial plan; 2 – earring; 3 – overlay; 4 – belt clip with the image of a dragon; 5-7 – coins. 2-3 – gold; 4 – bronze, gilding; 5-7 – silver.

лежал в отдельной яме на правом боку с подогнутыми конечностями, головой на ВЮВ, располагаясь к северу от погребения 15. Само погребение 15, предположительно женское, было ориентировано головой на ЗСЗ и сопровождалось ножом и бронзовым зеркалом (Васильева, 1993, с. 62; рис. 4). Необходимо отметить, что погребение 15 выделяется из прочих захоронений могильника не только

сопутствующим помещением коня. Подавляющее большинство погребений Усинского II грунтового могильника совершенно по обряду, характерному для мордовского населения. Для женских захоронений типично скорченное положение на левом или правом боку, в них обязательно присутствуют лопастные застежки-сьюльгамы. Зеркало не встречено ни в одном из мордовских захоронений не толь-

ко Усинского II грунтового могильника, но и других мордовских могильников Самарского Поволжья – Барбашинского (Сташенков, Кочкина, 2008), Муранского (Алихова, 1954), Кузькинского (Сташенков, 2019). В связи с этим логичным выглядит предположение И.Н. Васильевой о кочевнической принадлежности погребения 15 (Васильева, 1993, с. 63).

Отметим, что все известные в Самарском Поволжье погребения с конем, за исключением комплексов из Муранского и Усинского II грунтового могильников, расположены в левобережье.

Небольшую группу составляют погребения кочевников, обнаруженные в бассейне р. Сок. Здесь исследовано три захоронения – единственные погребения в одиночных курганах Гундоровский (Васильева, 2000, с. 315), Светлое Поле III (Сташенков и др., 2021) и, вероятно, грунтовое захоронение у с. Городцовка (информация А.А. Ластовского). Разрушенное погребение в одиночном кургане Светлое Поле III, принадлежавшее представителю кочевой аристократии золотоордынского государства, является наиболее ярким из всех изученных в левобережье комплексов (рис. 5).

Своеобразная ситуация складывается с территорией южной степной части Самарского Поволжья, которая использовалась кочевниками для ведения скотоводческого хозяйства вплоть до XIX в. В долинах р. Чапаевки, Чагры и Большой Иргиз до настоящего времени поселений золотоордынской эпохи не выявлено, а погребальные комплексы кочевого населения единичны. К настоящему времени здесь известно всего два подкурганых захоронения – единственное погребение в кургане 7 Новопавловского курганного могильника, сооруженного в золотоордынскую эпоху на территории курганного могильника бронзового века, и единственное погребение в Фокином одиночном кургане. Объяснение такой особенности может быть найдено в характере использования этой территории золотоордынскими кочевниками. Возможно, основные

летние пастбища рядового кочевого населения располагались в Самаро-Сокском междуречье, а земли у Большого Иргиза использовались сравнительно недолгое время во время весенних и осенних перекочевок (или же они находились в распоряжении представителей ближайшего окружения золотоордынских ханов).

Среди исследованных на правом берегу Волги золотоордынских памятников особняком стоят два элитных курганных комплекса, раскопанных в Николаевском районе Ульяновской области – курган 1 курганного могильника Канадей I (Скарбовенко, Ломейко, 2017) и курган 1 курганного могильника Клин I (Тихонов и др., 2019). Обратим внимание на тот факт, что полностью исследованный курганный могильник Канадей I, состоящий из пяти курганов, – единственный в регионе курганный могильник, специально возведенный в эпоху Золотой Орды. Можно предположить, что в этом районе находились кочевья представителей ордынской администрации, контролировавших правобережную территорию.

Представленные материалы наглядно демонстрируют, что в Самарском Поволжье выделяется несколько групп памятников, свидетельствующих о разном характере использовании степных и лесостепных участков. Очевидно также, что естественным рубежом, разграничивающим владения различных групп внутри общегосударственной территории, выступала река Волга.

Выявленные в регионе кочевнические комплексы датируются 2-й пол. XIII – сер. XIV в. Археологические материалы свидетельствуют о том, что после событий 1360-х гг. территория Самарского Поволжья приходит в запустение. По письменным источникам известно, что в XV–XVI вв. земли к востоку от Волги использовались кочевниками в качестве летних пастбищ, однако археологические комплексы этого времени при раскопках не зафиксированы.

ЛИТЕРАТУРА

- Алихова А.Е. Муранский могильник и селище // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. I / МИА. № 42 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 259–301.
- Археологические исследования на территории города Самары. Раскопки В.Н. Глазова и В.А. Миллера на Барбашинском могильнике / Сост. Д.А. Сташенков, А.Ф. Кочкина. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 2011. 96 с.
- Васильева И.Н. Погребения средневековых кочевников на территории Куйбышевского Поволжья // Древняя история Поволжья / Отв. ред. С.Г. Басин. Куйбышев: КГПИ, 1979. С. 202–240.
- Васильева И.Н. II Усинский грунтовый могильник XIII–XIV вв. на Самарской Луке // Новое в средневековой археологии Евразии / Отв. ред. В.Б. Ковалевская. Самара: Артефакт, 1993. С. 58–76.

Васильева И.Н. Золотоордынский период истории Самарского Поволжья // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье / Ред. И.Н. Васильева, Г.И. Матвеева. М.: Наука, 2000. С. 293–346.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 245 с.

Кочкина А.Ф. К характеристике пространственной организации системы расселения в правобережье Самарского Поволжья в золотоордынский период // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы Седьмой Международной конференции посвящённой памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова (Ялта, 8–12 ноября 2016 г.). / Ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Казань, Ялта, Кишинёв: Stratum plus, 2016. С. 166–169.

Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А. Материалы к характеристике системы расселения в Самарском Поволжье в золотоордынский период // Поволжская археология. 2021. № 2 (36). С. 178–192.

Кубанкин Д.А. Мордовское население на золотоордынских памятниках правобережья Саратовской области // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 10 Материалы IV Нижневолжской международной археологической конференции / Отв. ред. В.А. Лопатин. Саратов: Типография И.П. Беглакова Е.С., 2013. С. 369–381.

Скарбовенко В.А., Ломейко П.В. Курганный могильник золотоордынской эпохи Канадей I в Ульяновском Поволжье // Самарский край в истории России. Материалы Межрегиональной научной конференции, посвященной 165-летию со дня основания Самарской губернии и 130-летию со дня основания СОИКМ им. П.В. Алабина. Вып. 6. / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара, СОИКМ им. П.В. Алабина, 2017. С. 211–230.

Сташенков Д.А. Кузькинский мордовский могильник конца XIII — XIV в.: к истории населения правобережья Самарского Поволжья в эпоху Золотой Орды // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2 / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Казань, Кишинев: Stratum plus, 2019. С. 413–432.

Сташенков Д.А., Кочкина А.Ф. Муранское селище – памятник золотоордынского времени на реке Усе (к истории изучения и новые материалы) // Средневековье. Великое переселение народов (по материалам археологических памятников Самарской области) / Отв. ред. А.В. Богачев. Самара: Самарское археологическое общество, 2013. С. 248–276.

Тихонов В.В., Волков В.В., Глазков А.Н., Павленко Ю.А. Исследование кургана Клин 1 в Ульяновской области // Археологические открытия 2017 года / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2019. С. 327–329.

Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань: Татар. кн. изд-во, 1975. 220 с.

Юнусова-Ключникова Р.М. Максимовский клад // Средневолжская археологическая экспедиция. Межвузовский сборник / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев, Куйбышевский государственный университет, 1977. С. 93–97.

Информация об авторах:

Сташенков Дмитрий Алексеевич, кандидат исторических наук, ученый секретарь Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина (СОИКМ им. П.В.Алабина) (г. Самара, Россия); archo@list.ru

Кочкина Анна Федоровна, зав. отделом археологии Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина (СОИКМ им. П.В.Алабина) (г. Самара, Россия); annkochkina@list.ru

REFERENCES

Alikhova, A. E. 1954. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition)* I. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology) 42. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 259–301 (in Russian).

In Stashenkov, D. A., Kochkina, A. F., (comp.). 2011. *Arkheologicheskie issledovaniya na territorii goroda Samary. Raskopki V.N. Glazova i V.A. Millera na Barbashinskom mogil'nike (New Archaeological Studies in Samara. Excavations by V.N. Glazov and V.A. Miller at Barbashinsky Burial Ground)*. Samara: Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin (in Russian).

Vasilyeva, I. N. 1979. In Basin, S. G. (ed.). *Drevniaia istoriia Povolzh'ia (Ancient History of the Volga Region)*. Kuibyshev: Kuibyshev State Pedagogical Institute, 202–240 (in Russian).

Vasilyeva, I. N. 1993. In Kovalevskaia, V. B. (ed.). *Novoe v srednevekovoi arkheologii Evrazii (New Research in the Medieval Archaeology of Eurasia)*. Samara: “Artefakt” Publ., 58–76 (in Russian).

Vasilyeva, I. N. 2000. In Vasilyeva, I. N., Matveeva, G. I. (eds.). *Istoriya Samarskogo Povolzh'ya s drevney-shikh vremen do nashikh dney. Ranniy zheleznyy vek i srednevekov'e (History of the Samara Volga Region from Antiquity to the Present Day. Early Iron Age and Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ., 293–346 (in Russian).

Egorov, V. L. 1985. *Istoricheskaya geografiya Zolotoi Ordy v XIII–XIV vv. (Historical Geography of the Golden Horde in the 13th–14th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kochkina, A. F. 2016. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na Evraziiskom prostranstve. Istoricheskaya geografiya Zolotoi Ordy (Dialogue of the Urban and Steppe Cultures in the Eurasian Space. Historical Geography of the Golden Horde)*. Kazan; Yalta; Kishinev: "Stratum plus" Publ., 166–169 (in Russian).

Kochkina A.F., Stashenkov D.A. 2021. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 36 (2), 178–192.

Kubankin, D. A. 2013. In Lopatin, V. A. (ed.). *Arkheologiya vostochno-evropeiskoi stepi (Archaeology of East-European Steppe)* 10. Saratov: "Tipografiya I.P. Beglakova E.S." Publ. 369–381 (in Russian).

Skarbovenko, V. A., Lomeiko, P. V. 2017. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Samarskii kraj v istorii Rossii: Materialy Mezhhregional'noy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 165-letiyu so dnya osnovaniya Samarskoy gubernii i 130-letiyu so dnia osnovaniia Samarskogo oblastnogo istoriko-kraevedcheskogo muzeia im. P. V. Alabina (Samara region in the history of Russia: proceedings of the Interregional research conference dedicated to the 165th anniversary of the Samara Governorate and to the 130th anniversary of the Samara Regional Museum of Local Lore named after P.V. Alabin)* 3. Samara: Regional Museum of Local Lore named after P.V. Alabin, 211–230 (in Russian).

Stashenkov, D. A. 2019. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Genuezskaya Gazariya i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)* 2. Kazan, Kishinev: "Stratum Plus" Publ., 413–432 (in Russian).

Stashenkov, D. A., Kochkina, A. F. 2013. In Bogachev, A. V. (ed.). *Srednevekov'e. Velikoe pereselenie narodov (po materialam arkheologicheskikh pamyatnikov Samarskoi oblasti) (The Middle Ages. The Great Migration of Peoples (according to the archaeological sites of Samara region))*. Samara: "Samara Archaeological Society", 248–276 (in Russian).

Tikhonov, V. V., Volkov, V. V., Glazkov A. N., Pavlenko Yu. A. 2019. In Lopatin, N. V. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 2017 g. (Archaeological Discoveries of 2017)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 327–329 (in Russian).

Fakhrutdinov, R. G. 1975. *Arkheologicheskie pamyatniki Volzhsko-Kamskoi Bulgarii i ee territorii (Archaeological Sites of Volga-Kama Bulgaria and its Territory)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Yunusova-Klyuchnikova, R. M. 1977. In Matveeva, G. I. (ed.). *Srednevolzhskaya arkheologicheskaya ekspeditsiya. Mezhhuzovskiy sbornik (Middle Volga Archaeological Expedition. Interuniversity Collected Works)*. Kuybyshev: Kuybyshev State University, 93–97 (in Russian).

About the Authors:

Stashenkov Dmitry A., Candidate of Historical Sciences, Scientific Secretary of the Samara Museum for History and Regional Studies named after P.V. Alabin. Leninskaya, st. 142, Samara, 443041, Russian Federation; archeo@list.ru

Kochkina Anna F. Head of the Department of Archaeology of Samara Museum for History and Regional Studies named after P.V. Alabin. Leninskaya, st. 142, Samara, 443041, Russian Federation; annkochkina@list.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2022 г.
Статья принята к публикации 01.12.2022 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 902.2: 550.8

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.6.144.154>

МАГНИТОМЕТРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

© 2022 г. В.Г. Бездудный, Е.М. Пигарёв, А.Г. Ситдигов

Статья посвящена использованию неконтактных методов изучения археологических памятников большой площади. В работе приводятся результаты магнитометрических исследований на Селитренном городище (город Сарай ал-Джедид – столица Золотой Орды) и на Лапасском комплексе, представляющем собой некрополь золотоордынской аристократии. В сравнительном анализе показаны результаты аэрофотографирования и топографической съемки археологических объектов. Предложены варианты дешифровки данных магнитометрии и результаты проверки этих данных археологическими методами. Авторами рекомендуется использование магнитометрических исследований при реализации проектов по музеефикации археологических памятников.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, Селитренное городище, Лапасский комплекс, горн, мавзоль, магнитометрия.

MAGNETOMETRICAL STUDIES OF THE GOLDEN HORDE SITES IN THE LOWER VOLGA REGION

V.G. Bezdudny, E.M. Pigarev, A.G. Sitdikov

The use of non-contact methods of studying archaeological monuments of a large area is considered in the paper. It presents the results of magnetometrical studies on the Selitrennoye settlement (Sarai al-Jedid city is the capital of the Golden Horde) and on the Lapas complex, that is a necropolis of the Golden Horde aristocracy. The comparative analysis shows the results of aerial photography and topographical survey of archaeological sites. Variants of decryption of magnetometry data and the results of verification of these data by archaeological methods are proposed. The authors recommend the use of magnetometrical studies in the implementation of projects for the museumification of archaeological sites.

Keywords: archaeology, Golden Horde, Selitrennoye settlement, Lapas complex, furnace, mausoleum, magnetometry.

На территории Астраханской области находятся два огромных по площади археологических памятника эпохи Золотой Орды – Селитренное городище (остатки столицы Улуса Джучи города Сарай ал-Джедид) и Лапасский комплекс (поселок строителей и ханский некрополь). Масштабность этих археологических объектов (площадь Селитренного городища свыше 2061 га, площадь Лапасского комплекса более 170 га) сильно затрудняет их изучение и понимание расположения и взаимосвязи погребенных объектов. За десятилетия исследований Селитренного городища археологическими методами изучено немногим более 3 га его площади (0,14%). Лапасский комплекс изучен археологическими методами еще в меньшей степени, суммарная площадь раскопов на нём составляет менее 0,1 га.

Как уже сказано выше, медленный процесс археологического исследования на объектах такой величины не даёт возможности для полного понимания их внутренней планировочной структуры, наличия и взаиморасположения архитектурных объектов, местона-

хождения жилых и производственных зон, системы оформления некрополей.

Ещё в 1979 г. Г.А. Фёдоровым-Давыдовым был впервые применен неконтактный метод исследования Селитренного городища – аэрофотосъемка. После дешифрования аэроснимков археологи получили план центральной и северо-западной частей золотоордынской столицы (рис. 1). На этом плане вполне отчетливо показаны кварталы с мелкой жилой застройкой и очень крупные архитектурные сооружения. Существовавшие на тот период технологии не могли дать более тонкой детализации конструкций. В настоящее время появились новые дистанционные методы исследования археологических памятников.

С 2009 г. специалистами Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ на Селитренном городище и Лапасском комплексе проводятся плановые магнитометрические исследования, результаты которых будут представлены ниже.

Селитренное городище

Район «Черепяное поле». Впервые этот участок города, находящийся к востоку от

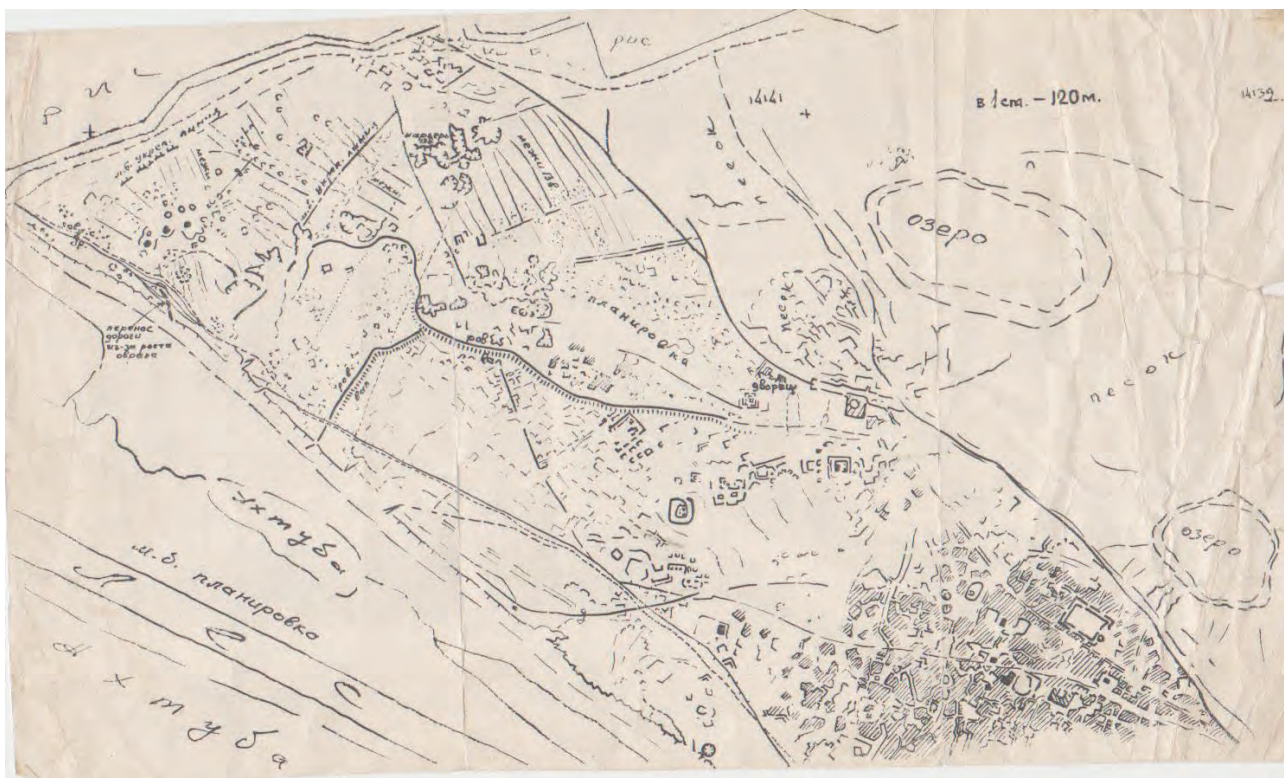

Рис. 1. Селитренное городище: результаты аэрофотосъемки 1979 г.

Fig. 1. Selitrennoye settlement: results of aerial photography in 1979

села за Маячным бугром, был осмотрен и описан в 1922 г. Ф.В. Баллодом. Район занимает площадь 3,18 км². На этой территории им было зафиксировано 90 насыпей, содержащих в себе остатки сооружений (Баллод, 1923, с. 48). Этот городской участок охарактеризован Ф.В. Баллодом как производственная зона, на территории которой находилось крупное производство по изготовлению керамической посуды и кирпича.

В 2009 г. на «Черепяном поле» проводились первые геомагнитометрические исследования. Магнитометрией исследовался участок площадью 195 м², георадаром – площадь в 104 м². В результате геомагнитометрических исследований были обнаружены остатки конструкции, представляющие собой частично разрушенную топочную камеру горна для обжига кирпича и глиняной посуды размером 4×8 м. После археологического вскрытия было установлено, что стены горна были сложены из сырцового и обожженного кирпича, кладка производилась на глиняном растворе (Бездудный, Пигарев, 2010, с. 100–105). Данные магнитометрии полностью подтвердились археологическими методами (рис. 2).

В 2021 г. магнитометрией на «Черепяном поле» исследовалось еще 5000 м². В результате этих работ было зафиксировано не менее шести крупных горнов для обжига кирпича и

свыше десяти объектов либо вспомогательного характера, либо также относящихся к горнам малых размеров (рис. 3).

Данные, полученные в результате магнитометрических и археологических исследований, проведенных на «Черепяном поле» за последние годы, сведены на топоплане, созданном специалистами Института археологии АН РТ (рис. 4). Благодаря проведенным работам этот участок золотоордынской столицы теперь можно считать понимаемым и предсказуемым. В перспективе эти результаты можно использовать как опорные для проведения научно-исследовательских раскопок и для выбора и подготовки погребенных объектов для музеефикации.

Бугор «Песчаный». В 1979 г. в процессе аэрофотофиксации Селитренного городища бугор «Песчаный» попал в поле зрения исследователей, но каких-либо четких следов погребенных конструкций зафиксировано не было. Впервые исследования на этом бугре проводились Н.М. Булатовым в 1994 г. В разведочном шурфе им была обнаружена вымостка из обожженного кирпича. Работы на бугре были продолжены в 1998 г. А.А. Голодом, в раскопе которого были также вскрыты кирпичные вымостки (Голод, 2001, с. 154–159; Бездудный, Пигарев, 2010, с. 100–105).

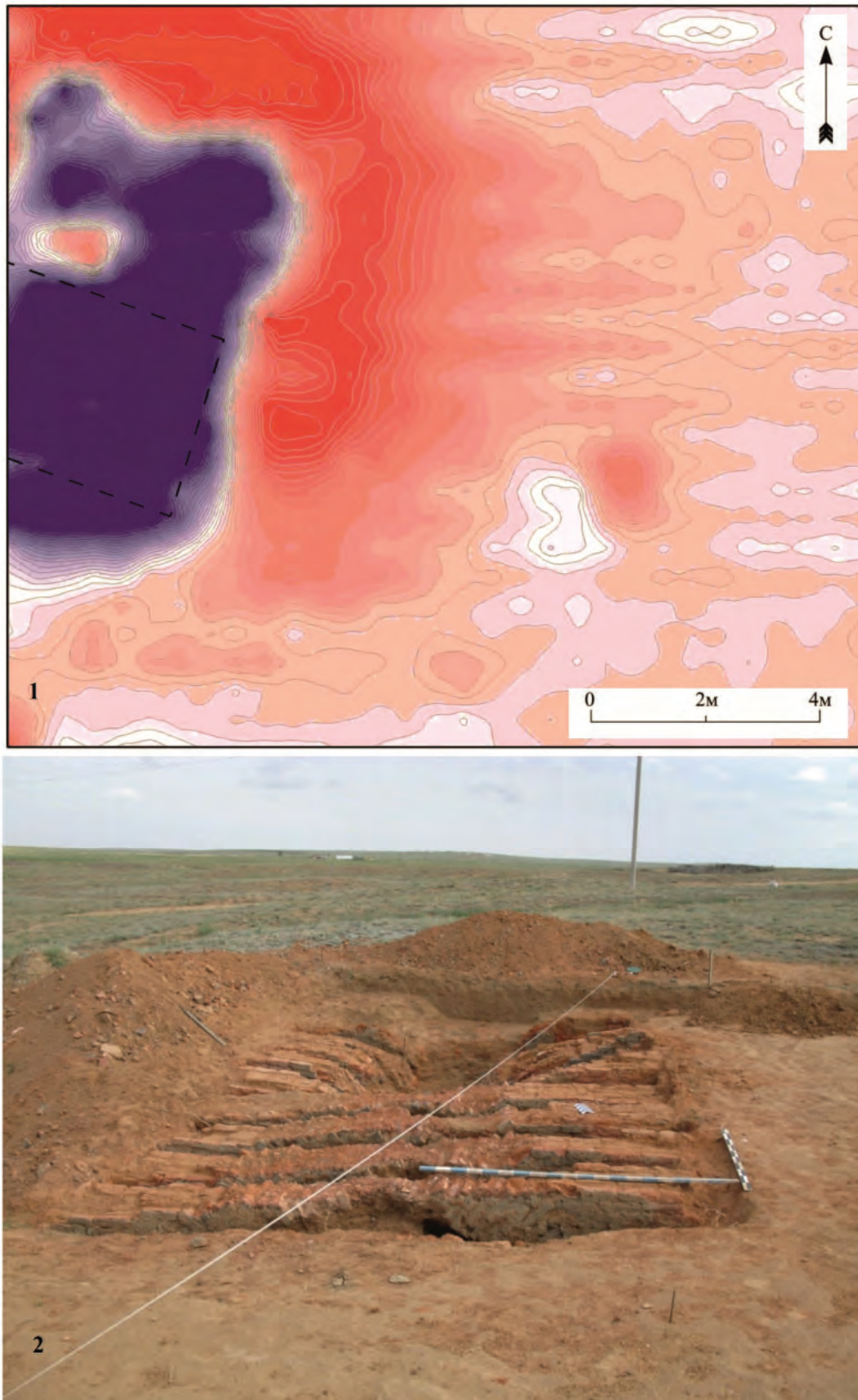

Рис. 2. Селитренное городище: 1 – данные магнитометрии; 2 – вскрытый горн для обжига керамики.
Fig. 2. Selitrennoye settlement: 1 – magnetometry data; 2 – an opened furnace for firing ceramics.

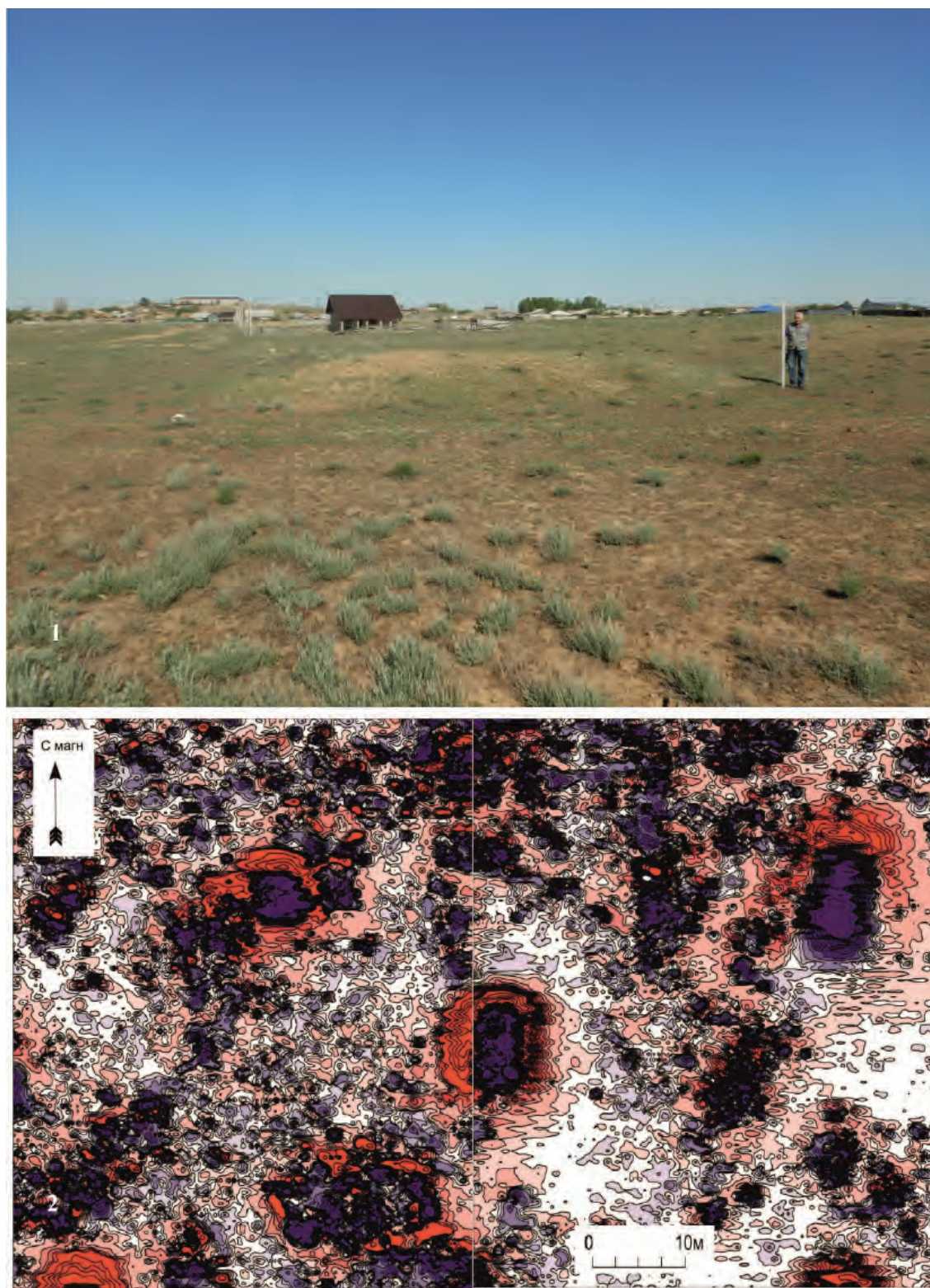

Рис. 3. Селитренное городище: 1 – визуальное обследование погребенной конструкции; 2 – результаты магнитометрии.

Fig. 3. Selitrennoye settlement: 1 – visual inspection of the buried structure; 2 – results of magnetometry.

Геомагнитометрические исследования на этом участке проводились в 2009 г. на площади 5000 м². В результате этих работ был выявлен контур погребённого архитектурного сооружения, ориентированного по линии СВ–ЮЗ, с приблизительными разме-

рами 35×45 м (рис. 5). Внутренняя структура предполагаемого сооружения прослеживается слабо. Одним из объяснений этому являются разбор конструкции и вывоз кирпича стен, происходившие на протяжении XVIII–XIX вв., что привело к отсутствию круп-

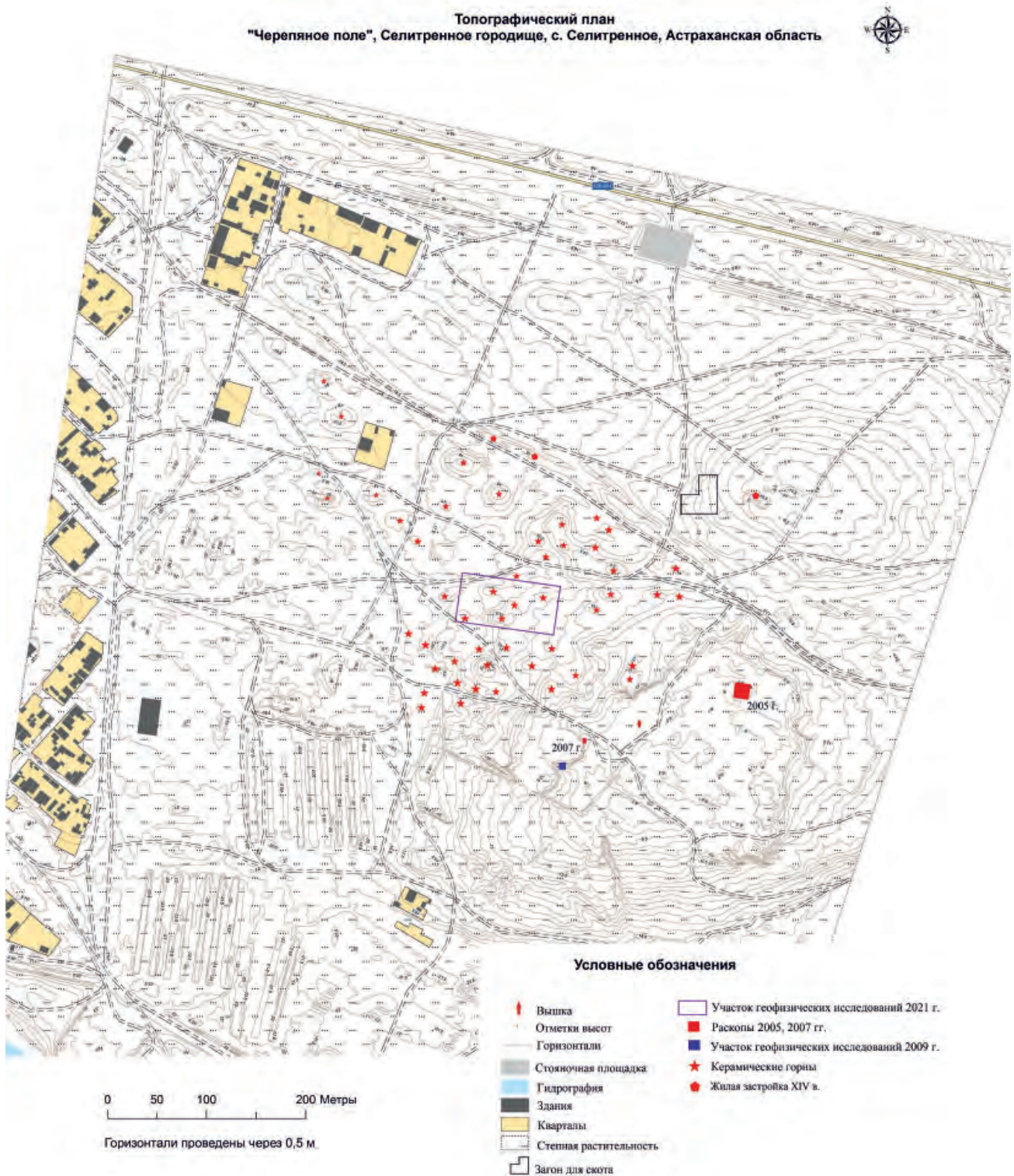

Рис. 4. Селитренное городище: топографический план городского промышленного участка с результатами археологических и магнитометрических исследований.

Fig. 4. Selitrennoye settlement: topographical plan of the urban industrial area with the results of archaeological and magnetometrical studies.

ных фрагментов стен в подповерхностном слое.

Бугор «Змеиный». Геомагнитометрические исследования в этой части золотоордынской столицы были проведены в 2014 г. (Пигарёв, 2019, с. 170–208). Для магнитометрических

исследований был отведён участок площадью 13 750 м². Георадарные исследования проводились на двух участках общей площадью 1 га. При объединении результатов георадарной и магнитометрической съемок в единый план видна корреляция полученных разными

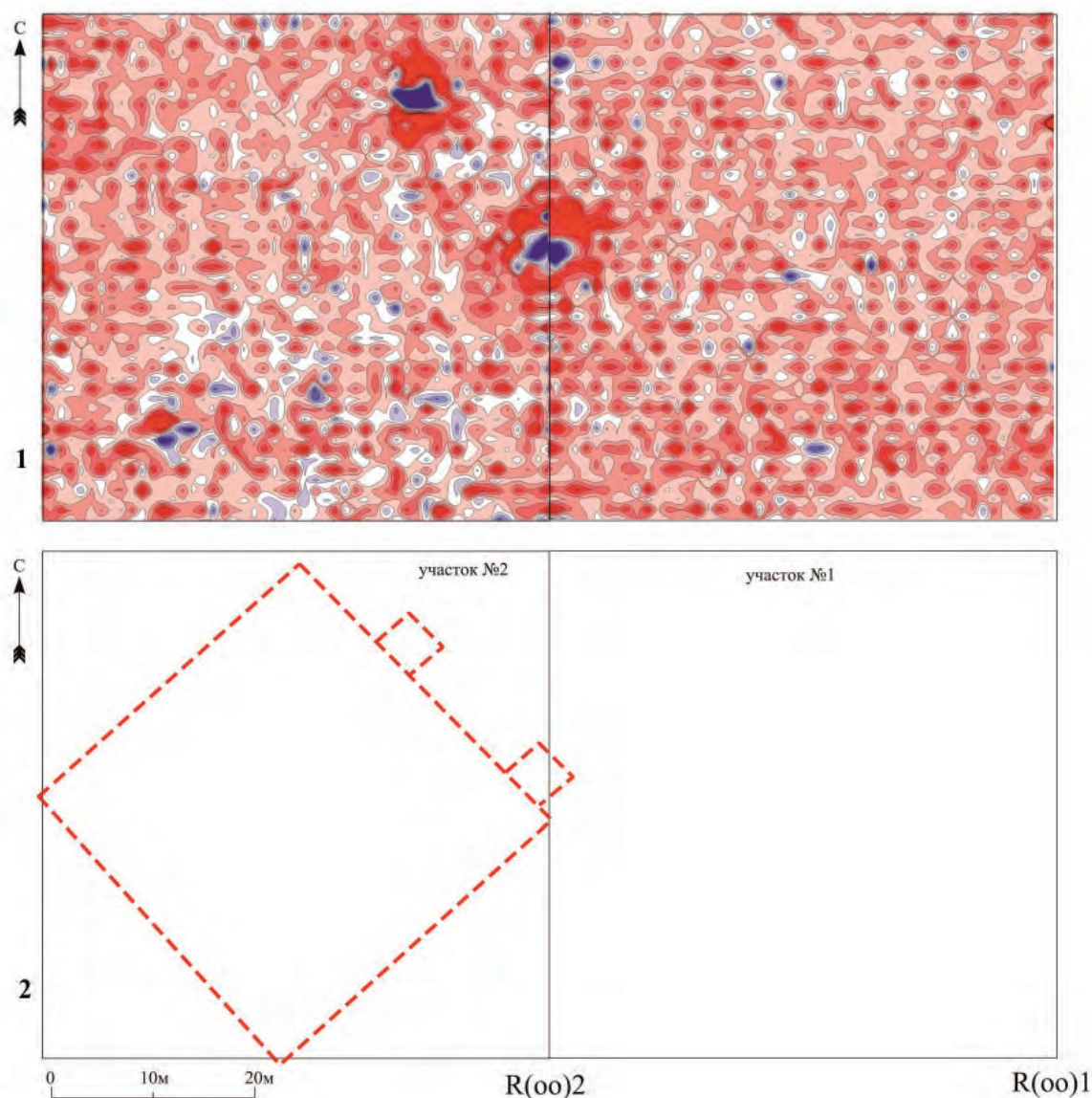

Рис. 5. Селитренное городище: 1 – данные магнитометрии; 2 – прорисовка погребенного архитектурного объекта.

Fig. 5. Selitrennoye settlement: 1 – magnetometry data; 2 – drawing of the buried architectural site.

геофизическими методами результатов: на площади 2 га выявлен комплекс погребённых объектов (рис. 6). Объекты имеют одинаковое плановое расположение. Часть объектов в восточной части участков геофизических исследований относятся к производственной зоне городища с чётко очерченными зонами производства, с остатками строений, относящимися к гончарному производству и печам для обжига керамики. Отсутствие производственных объектов в западной части участков исследования позволяет предположить наличие усадьбы, границы между производственной и жилой зонами и, вероятно, улицы.

Лапасский комплекс

К северу от села Лапас Харабалинского района Астраханской области находит-

ся поселение золотоордынского времени, известное по официальным документам как городище «Ак-Сарай». К востоку от поселения расположены развалины мавзолеев различных размеров. Руины мавзолеев находятся на возвышенностях и представляют собой груды обломков обожженного кирпича, мелких фрагментов глазурованных изразцов и известкового раствора. Территория, занимаемая памятником, в природном отношении представляет собой всхолмленную слабо задернованную песчаную полупустыню.

Разрушение этих монументальных сооружений происходило в течение XVII–XVIII вв. в ходе строительства Астраханского Кремля и Белого города. В XIX–XX вв. масштабных разрушительных мероприятий не происходи-

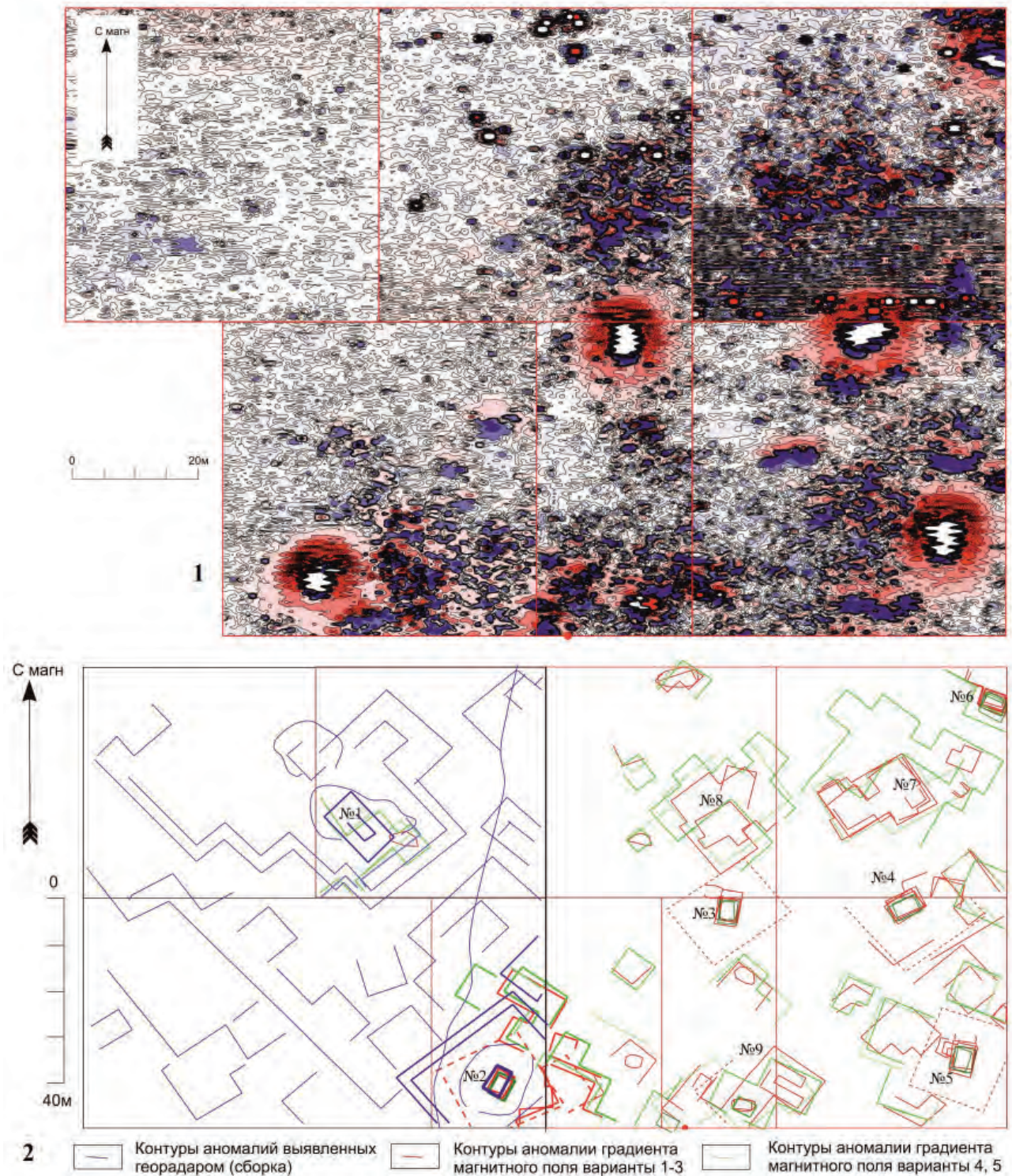

Рис. 6. Селитренное городище: 1 – магнитометрические исследования на городском участке большой площади; 2 – результаты дешифровки данных магнитометрии.

Fig. 6. Selitrennoye settlement: 1 – magnetometrical studies in the urban zone of a large area; 2 – results of the decryption of magnetometry data.

ло. В настоящее время развалины золотоордынских сооружений «укрыты» достаточно мощным слоем песка, что вкупе с отсутствием активной хозяйственной деятельности в этом регионе остановило процесс их дальнейшего разрушения.

Местоположение некрополя отмечено на итальянской карте 1367 г. братьев Пицигани с латинской надписью: «Гробницы императоров, умерших в районе Сарайской реки» (Чекалин, 1889, рис. 17). Сведения об этом некрополе имеются также в «Книге путеше-

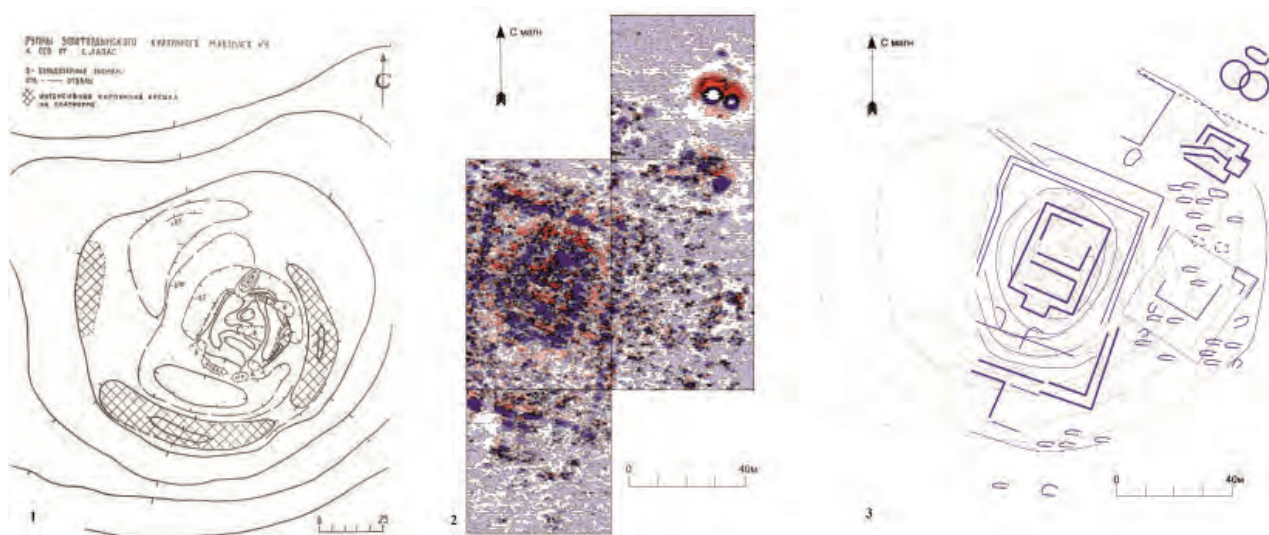

Рис. 7. Лапасский комплекс: 1 – топографический план мавзолея №4; 2 – данные магнитометрии на мавзолею №4; 3 – результаты дешифровки данных магнитометрии.

Fig. 7. Lapas complex: 1 – topographical plan of the mausoleum No. 4; 2 – magnetometry data on the mausoleum No. 4; 3 – results of decryption of magnetometry data.

ствия» турецкого дипломата Эвлии Челеби, посетившего Нижнее Поволжье в 1665–1666 гг. (Челеби, 1979, с. 134–135).

В научной литературе впервые описание памятника было сделано В.Л. Егоровым, предположившим, что в четырех крупнейших мавзолеях Лапаса погребены четыре хан-мусульманина: Берке (1257–1267 гг.), Узбек (1312–1341 гг.), Джанибек (1341–1357 гг.), Бердибек (1357–1359 гг.) (Егоров, 1985, с. 117–118).

Археологическое изучение территории у села началось в 1995 г. Поволжской археологической экспедицией ИА РАН под руководством В.В. Дворниченко (Пигарёв, 1997, с. 21–22). В ходе этих работ было выявлено небольшое золотоордынское поселение, в котором, по нашему мнению, проживали строители и обслуживающий персонал ханских мавзолеев, и развалины четырнадцати погребальных объектов, пять из которых являются остатками крупных архитектурных сооружений. Крупные мавзолеи образуют как бы две «аллеи», вытянутые перпендикулярно к левому берегу реки Большой Ашулук. В.В. Дворниченко был составлен топографический план всего погребального комплекса и инструментальные планы всех отдельных его объектов. До настоящего времени этот материал являлся и является основой для изучения памятника.

В 2018 г. специалистами Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ были проведены первые магнитометрические исследова-

ния, для которых был выбран мавзолей № 4 (рис. 7). В ходе этих исследований были получены следующие результаты:

- результаты магнитометрии позволяют предположить, что зафиксированы остатки сохранившихся элементов конструкции мавзолейного комплекса № 4. В оставшихся элементах конструкций применялся обожженный кирпич;

- все конструкции мавзолея развернуты на 20 градусов к северо-востоку от магнитного севера;

- несмотря на разбор и вывоз конструкций самого мавзолея, зафиксированы сохранившиеся остатки фундамента здания прямоугольной формы с четко выраженной входной конструкцией с южной стороны. Предположительные размеры фундамента 25×35 м. Оформленный с южной стороны вход имеет приблизительные размеры 10×5 м;

- предположительно конструкция мавзолея состояла из двух помещений. На уровне фундамента фиксируется стена, ориентированная по линии СЗ–ЮВ, которая делит здание мавзолея на две части. Размеры южного (со стороны входа) помещения меньше основного (северного);

- вокруг здания мавзолея зафиксирована ограда с фундаментом из обожженного кирпича. Предполагаемые размеры ограды 80×55 м. С южной стороны ограды, на современном склоне искусственной насыпи, фиксируется конструкция входного портала размером 15×15 м;

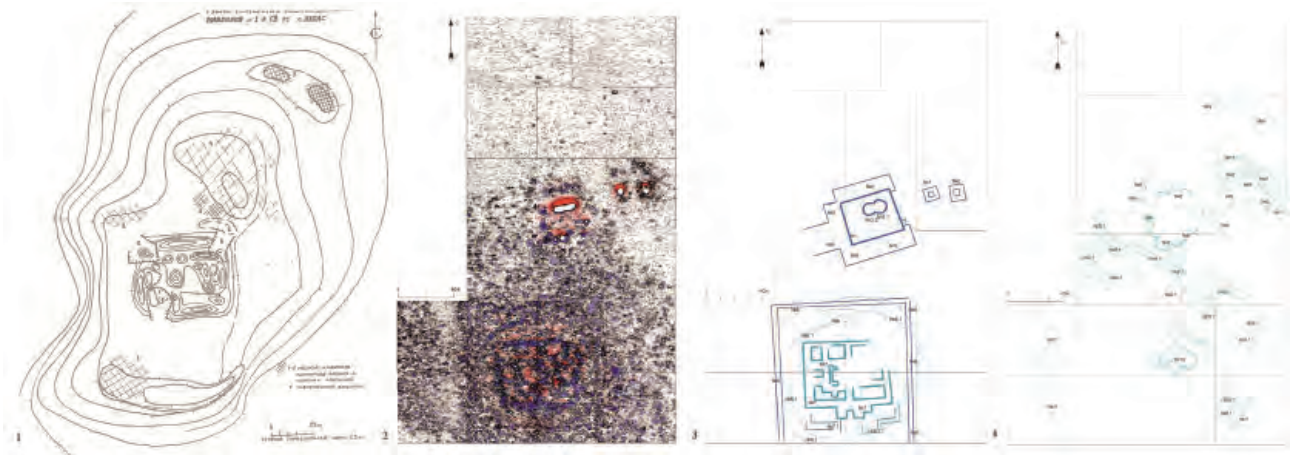

Рис. 8. Лапасский комплекс: 1 – топографический план мавзолея №1; 2 – данные магнитометрии на мавзолее №1; 3 – результаты дешифровки данных магнитометрии: погребенные объекты первого строительного периода; 4 – результаты дешифровки данных магнитометрии: погребенные объекты второго строительного периода.

Fig. 8. Lapas complex: 1 – topographical plan of the mausoleum No. 1; 2 – magnetometry data on the mausoleum No. 1; 3 – results of decryption of the magnetometry data: buried objects of the first construction period; 4 – results of decryption of the magnetometry data: buried objects of the second construction period.

– к юго-востоку и северо-востоку от ограды мавзолея зафиксировано большое количество всплесков магнитного поля вытянутой формы общей ориентировкой на ЗЮЗ–ВСВ. Видимо, здесь зафиксированы остатки отдельных погребений;

– в границах насыпи к востоку от мавзолея слабо прослеживается еще одно сооружение квадратной формы размером 20×20 м. Возможно, это сооружение окружено оградой;

– к северо-востоку от ограды мавзолея зафиксировано сооружение непонятного назначения. Предполагаемые его размеры 18×18 м;

– к северу от ограды мавзолея зафиксирован угол сооружения; т. к. основная его часть уходит за площадь магнитометрического исследования, его характеристика в настоящий момент затруднительна;

– к северо-востоку от насыпи, на которой находится мавзолейный комплекс, зафиксированы два сильных всплеска магнитного поля. Эти объекты требуют дополнительной проверки, но, сравнивая результаты исследований на «Черепяном поле» Селитренного городища, можно предположить, что здесь находились горны для обжига кирпича для строительства мавзолея № 4.

В 2020–2021 гг. магнитометрические исследования Лапасского комплекса были продолжены на самом крупном объекте некрополя – мавзолее № 1 (рис. 8). В ходе этих исследований на площади 50 000 м² были получены следующие результаты:

– результаты магнитометрии позволяют предположить, что зафиксированы остатки сохранившихся элементов строений и конструкций мавзолейного комплекса № 1. В оставшихся элементах конструкций применялась хорошо обожженная плинфа;

– несмотря на разбор и вывоз конструкций самого мавзолея, зафиксированы сохранившиеся остатки фундаментов нескольких крупных сооружений прямоугольной формы;

– все выявленные изменения магнитного поля условно разделены на две группы: А и В. Деление произведено по общности ориентировки. Группа А – с отклонением основной своей ориентировки – 2 градуса к западу от магнитного севера (сам мавзолей), 16 градусов к западу от магнитного севера (производственный центр к северу от мавзолея). Группа В – с отклонением основной своей ориентировки – от 35 до 45 градусов к востоку от магнитного севера. Группа В (объекты № 9, 10) перекрывает группу А (объекты № 1, 2, 7). Возможно, это более поздние по времени возникновения сооружения;

– группа А характерна сильными всплесками и изменениями магнитного поля. Предполагаемые объекты достаточно четко выражены и резко очерчены. Объекты № 1 и № 2 (размером 10×10 м), вероятно, горны для обжига кирпича для строительства мавзолея;

– объекты № 3–5 *возможно* составляют единый комплекс. Один овальный или два сильно выраженных круглых объекта (размером 20×10 м либо 10×10 м). Находятся на

площадках с предположительными размерами 30×30 м и 50×50 м. Предположительно являются горнами для обжига извести;

– объекты № 6, 7 образуют единый комплекс самого мавзолея. Выделены два варианта дешифровки данных магнитометрии. Отличие вариантов состоит в конфигурации внешней ограды конструкции мавзолейного комплекса;

– центральная часть мавзолея с предположительным размером 60×60 м имеет сложную, многокамерную структуру. На текущий момент отдельные помещения прорисованы достаточно условно. Фиксируются входные конструкции с юга шириной около 15 м;

– внешний контур мавзолейного комплекса (варианты № 1, 2) размером 100×100 м прямоугольной либо более сложной формы. Предполагаемое место входа во внешний комплекс выходит за рамки исследованной территории к югу. Размеры внешнего входного комплекса, его форма пока не ясны;

– объект № 8 размером 30×40 м, вытянутый по линии ЮЗ–СВ находится на производственной площадке группы объектов А (№ 3, 4, 5). Является ли объект № 8 отдельным сооружением либо отражением остатков производственной зоны без дополнительных исследований, сказать затруднительно;

– объект № 9: возможно, отражение небольших погребальных сооружений либо их комплекса;

– интересен предполагаемый объект № 10 размером 20×20 м, расположенный на северо-восточном углу мавзолея (объект № 7). Он соосен с объектами группы В. Возможно, он является более поздним, перекрывающим конструкцию мавзолея № 1, самостоятельным объектом.

Таким образом, применение неконтактных методов исследования при изучении археологических памятников эпохи Золотой Орды в низовьях Волги дало возможность получить в короткие сроки и на большой площади полноценную информацию о состоянии погребенных объектов без археологического вмешательства. На Селитренном городище общая площадь, подвергнутая магнитометрическим исследованиям, составила 3 га, на Лапасском комплексе – 6,3 га.

Проведенные магнитометрические исследования на золотоордынских памятниках показали высокую степень информативности и возможности определения конструктивных особенностей и функционального назначения погребенных объектов. Полученный нами опыт позволяет рекомендовать более широкое применение магнитометрических исследований не только в ходе подготовки археологических памятников к археологическим раскопкам, но и при выборе погребенных объектов для дальнейшей их музеефикации.

ЛИТЕРАТУРА

Баллод Ф.В. Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды (Результаты археологических работ летом 1922 года). Казань, 1923б. 62 с.

Бездудный В.Г., Пигарев Е.М. Геофизические исследования на Селитренном городище // Астраханские краеведческие чтения. Вып. II / Ред. А.А. Курапов. Астрахань: Издатель Сорокин Роман Васильевич. 2010. С. 100–105.

Голод А.А. Раскопки «большого дома» на Малом Песчаном бугре Селитренного городища (Сарай) // Диалог культур Евразии: Вопросы средневековой истории и археологии. Изучение и сохранение историко-культурного наследия. Вып. 2 / Отв. ред. А.А. Бурханов. Казань: Изд-во ТГГИ, 2001.. С. 154–159.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 245 с.

Пигарёв Е.М. Исследования золотоордынского городища у с. Лапас // Тезисы докладов первого международного симпозиума «Особо охраняемые территории и формирование здорового образа жизни» (Волгоград, 8–14 сентября 1997 г.). Волгоград: Комитет по печати и информации, 1997. С. 21–22.

Пигарев Е.М. Селитренное городище: история исследований / Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 11. Йошкар-Ола: МарГУ, 2019. 244 с.

Чекалин Ф.Ф. Саратовское Поволжье в XIV веке по картам того времени и археологическим данным. // Труды СУАК. Т. II. Вып. 1. Саратов, 1889. 2, 81 с.

Эвлия Челеби. Книга Путешествия. Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века. Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М.: Наука, 1979. 290 с.

Информация об авторах:

Бездудный Владимир Григорьевич, младший научный сотрудник отдела охранных исследований, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); lekt88@mail.ru

Пигарёв Евгений Михайлович, кандидат исторических наук, начальник, Учебно-научный археолого-этнологический центр Марийского государственного университета (г. Йошкар-Ола, Россия); pigarev1967@mail.ru

Ситдиков Айрат Габитович, доктор исторических наук, декан, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); директор, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

REFERENCES

Ballod, F. V. 1923. *Stariy i Noviy Saray, stolitsy Zolotoy Ordy (Old and New Sarai, Capitals of the Golden Horde)*. Kazan: "Kombinat Izdatel'stva i Pechati v Kazani" Publ. (in Russian).

Bezududny V.G., Pigarev E.M. 2010. In Kurapov, A. A. (ed.). *Astrakhanskije kraevedcheskie chteniya (Astrakhan Local History Readings)* II. Astrakhan: "Sorokin Roman Vasil'evich" Publ., 100–105 (in Russian).

Golod, A. A. 2001. In Burkhanov, A. A. (ed.). *Dialog kul'tur Evrazii: Voprosy srednevekovoi istorii i arkhologii. Izuchenie i sokhranenie istoriko-kul'turnogo nasledija (Dialogue of Eurasian Cultures. Issues of Medieval History and Archaeology. Study and Conservation of the Historical and Cultural Heritage)* 2. Kazan: Tatar State Institute for Humanities, 154–159 (in Russian).

Egorov, V. L. 1985. *Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy v XIII–XIV vv. (Historical Geography of the Golden Horde in the 13th–14th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Pigarev, E. P. 1997. In *Tezisy dokladov pervogo mezhdunarodnogo simpoziuma «Osobo okhranyaemye territorii i formirovanie zdorovogo obraza zhizni» (Volgograd, 8–14 sentyabrya 1997 g.) (Abstracts of the papers at the first international symposium "Specially protected areas and the formation of the health promotion" (Volgograd, September 8-14, 1997))*. Volgograd: Press and Information Committee, 21–22 (in Russian).

Pigarev, E. M. 2019. *Selitrennoe gorodishche: istoriya issledovaniy (Selitrennoe settlement: the history of research)*. Series: Materialy i issledovaniya po arkhologii Povolzh'ya (*Materials and Research on the Archaeology of the Volga Region*) 11. Yoshkar-Ola: Mari State University (in Russian).

Chekalin F.F. 1889. In *Trudy Saratovskoy uchenoy arkhivnoy komissii (Proceedings of the Saratov Scientific Archival Commission)* 2 (1). Saratov, 2, 81 (in Russian).

Chelebi, E. 1979. *Kniga puteshestviya. Izvlecheniya iz sochineniya turetskogo puteshestvennika XVII veka. Vyp. 2. Zemli Severnogo Kavkaza, Povolzh'ya i Podon'ya (Book of Travel. Extracts from a Work by a 17th Century Turkish Traveler. Lands of Northern Caucasus, the Volga and Don Areas. Vol. 2)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

About the Authors:

Bezududny Vladimir G. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; lekt88@mail.ru

Pigarev Evgeniy M. Candidate of Historical Sciences. Mari State University. Ryabinin St., 8, Yoshkar-Ola, 424000, Mari El Republic, Russian Federation; pigarev1967@mail.ru

Sitdikov Airat G. TAS Corresponding Member. Doctor of Historical Sciences. Head of department, Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2022 г.
Статья принята к публикации 01.12.2022 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРИМОКШАНСКОЙ ГРУППЫ МОРДОВСКИХ МОГИЛЬНИКОВ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ВРЕМЕНИ¹

© 2022 г. В.В. Ставицкий

Территория Примокшанья относится к ареалу формирования мордвы-мокши. Первые исследования мордовских могильников золотоордынского времени были проведены А.А. Спицыным в 1892 г. у сел Ефаево, Пичпанда, в имении «Казбек». В советское время наиболее активное участие в исследованиях могильников Примокшанья принимала А.Е. Алихова. Она разработала периодизацию и хронологию мордовских памятников золотоордынского времени. Проанализировав изменения в развитии наконечников-пулокерей, скульгам, браслетов и перстней, она выделила два этапа: 1) вторая половина XIII в., 2) XIV в. В послевоенные годы исследования проводились А.В. Циркиным, М.Р. Полесских, П.Д. Степановым, Р.Д. Ворониной. Ими был выявлен и изучен ряд новых памятников, уточнены границы расселения мордвы-мокши, определены этнокультурные особенности, культурные и торговые связи. В 1970-е гг. полевые изыскания практически не велись. В конце 1980-х и в 1990-е гг. И.М. Петербургским и В.И. Вихляевым были проведены масштабные раскопки Стародевиченского, Кельгининского и Мордовско-Паркинского могильников, но погребений золотоордынского времени на них было выявлено немного. Среди последних исследований следует отметить раскопки С.А. Андреева на Бокинском могильнике, которые расширили юго-западную территорию расселения мордвы. К сожалению, большая часть материалов исследований первой половины XX в. не была опубликована, и значительная часть информация оказалась утрачена.

Ключевые слова: археология, могильники, Золотая Орда, Примокшанье, мордва-мокша, вторая половина XIII – XIV вв.

HISTORY OF THE STUDY OF THE MOKSHA RIVER REGION GROUP OF THE GOLDEN HORDE TIME MORDOVIAN BURIAL GROUNDS²

V.V. Stavitsky

The Moksha River region belongs to the area of the Mordovian-Moksha formation. The first studies of the Mordovian burial grounds of the Golden Horde period were carried out by A.A. Spitsyn in 1892 near the villages Yefayevo, Pichpanda, in the estate "Kazbek". During the Soviet time, A.Ye. Alikhova took the most active part in studies of the burial grounds of Moksha River region. She developed the periodization and chronology of the Mordovian sites of the Golden Horde time. Having analyzed the changes in the development of braids decorations (nakosnik-pulokerey), syulgams, bracelets and rings, she singled out two stages: 1) the second half of the 13th century; 2) the 14th century. In the post-war years, studies were carried out by A.V. Tsirkin, M.R. Poleskikh, P.D. Stepanov and R.D. Voronina. They identified and studied a number of new sites, revealed the borderlines of the Mordva-Moksha settling area, determined ethnic and cultural features and defined cultural and trade relations. In the 1970s the field research practically was not conducted. At the end of the 1980s and in the 1990s I.M. Peterburgsky and V.I. Vikhlyayev carried out large-scale excavations on the Starodevichye, Kelginino and Mordovskiye Parki burial grounds, but not many burials of the Golden Horde period were revealed there. Among the recent studies we should mention excavations by S.A. Andreyev on the Bokino burial ground, which expanded the south-western settling area of the Mordva. Unfortunately, most of the research materials of the first half of the 20th century were not published, and a significant part of the information was lost.

Keywords: archaeology, burial grounds, The Golden Horde, Moksha river region, the Mordva-Moksha, the second half of 13th – 14th centuries.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФ, соглашение №22-28-20314 «Этногенез народов Западного Поволжья в эпоху средневековья»

² The work was carried out with the support of the grant of the Russian Science Foundation, agreement No. 22-28-20314 "Ethnogenesis of the peoples of the Western Volga region in the Middle Ages"

Территория Примокшанья относится к ареалу формирования мордвы-мокши. Причем ранние мордовские памятники занимали только район верхнего течения р. Мокши, который был оставлен мордвой вначале IV века и снова заселен только в конце VII в., когда наблюдается массовое переселение мордовских племен на левые притоки Мокши: Цну и Вад (Ставицкий, 2015; 2016). К началу монгольского нашествия наиболее плотное размещение мордовских памятников наблюдается на территории Вадско-Мокшанского междуречья (рис.1). В начале XIV в. территория Примокшанья входит в северо-восточный улус Золотой Орды, центром которого становится г. Мохши, локализованный по находкам монет на территории современного с. Наровчат.

Первые исследования мордовских могильников золотоордынского времени на территории Примокшанья относятся к концу XIX в. В 1892 г. сюда была направлена экспедиция А.А. Спицына, основной целью которой было установить преемственность между мордовскими памятниками лядинского типа, относящихся к IX – XI вв. и мордовскими могильниками XVII – XVIII вв., материалы которых были уже достаточно хорошо известны (Спицын, 1894). Задачи, поставленные перед экспедицией, были выполнены. Первоначально А.А. Спицыным планировалось проведение исследований на могильнике у с. Ефаево Краснослободского уезда Пензенской губернии, который в 1886 г. был выявлен краеведом В.М. Терехиным. Однако после проведения пробных раскопок оказалось, что памятник сильно нарушен длительной распашкой земли, после чего исследования были перенесены на могильник у села Пичпанда (Спасский уезд, Тамбовской губернии), где было вскрыто 39 захоронений. В ходе раскопок было установлено, что умерших хоронили головой на юг: женщин – в скорченном положении, на правом боку; мужчин – в вытянутом, на спине. В погребениях были выявлены серебряные и золотые серьги в виде колечек с завитком на одном конце; серебряные сьюльгамы с лопастями, украшенными чернью; плетенные провололочные браслеты с каменными и стеклянными вставками на концах; серебряные перстни, украшенные зернью; каменные и стеклянные бусы; глиняная посуда. В мужских могилах обнаружены: ножи, кресала, топоры, редко – наконечники копий. Датировка могильника золотоордынским временем была подтверждена находками джучидских монет. Еще 15

захоронений было исследовано экспедицией А.А. Спицына в окрестностях Наровчата в имении генерала Унковского «Казбек», где были получены сходные материалы (Спицын, 1892).

В начале 1920-х гг. саратовский археолог А.А. Кротков приступил к исследованию Наровчатского городища (г. Мохши). В 1925 г. на ул. Старосотенская им был выявлен ряд мордовских погребений, что привлекло интерес руководителя экспедиции Антропологического научно-исследовательского института Б.С. Жукова. В 1927 г. сотрудниками этого института совместно с экспедицией Пензенского краеведческого музея были организованы раскопки данного памятника, в ходе которых было исследовано 41 погребение. В женских захоронениях было выявлено два типа наконечников-пулокерий, один из которых оказался аналогичен наконечникам из погребений Ефаевского могильника, датирующихся XIII в., а погребения в которых коса вместо бронзовой спирали была обернута кожаным ремешком и тонкой проволокой были отнесены к XIV в. Для погребений поздней группы также были характерны сьюльгамы с треугольными и трехгранными лопастями, железные пластинчатые браслеты. Материалы раскопок были опубликованы А.Е. Алиховой (Алихова, 1948, с.223 – 225).

В 1928 г. экспедицией Пензенского музея под руководством Н.И. Спрыгиной был открыт и частично исследован могильник у с. Чернозерье Мокшанского уезда Пензенской губернии. На некрополе было вскрыто 14 погребений, ориентированных головой на юг или юго-восток. Погребальный инвентарь состоял из сьюльгам с широкими треугольными лопастями, наконечников-пулокерий, бронзовых пластинчатых браслетов, железных топоров и пешней. Памятник был датирован XIV–XV вв. (Ставицкий, 2020).

После открытия в 1932 г. в Саранске Научно-исследовательского института мордовской культуры исследованием погребальных памятников Примокшанья занялись его сотрудники, активную помощь которым оказывали археологи из Москвы: Е.Н. Горюнова и А.Е. Алихова. В 1936 г. Е. И. Горюновой были продолжены раскопки на Ефаевском могильнике (вскрыто 36 погребений), а А.Е. Алиховой в 1937–1938 гг. были проведены исследования Старосотенского могильника (вскрыто 46 погребений). Е.И. Горюновой были получены достаточно представительные материалы, которые позволили более точно

Рис. 1. Мордовские могильники золотоордынского времени: 1 – Бокинский; 2 – «Заря» 2; 3 – Старобадиковский 1; 4 – Сядемский; 5 – Пичпандинский; 6 – Кельгининский; 8 – Абашевский (Беднодемьяновский); 9 – Нароватовский; 10 – Стародевиченский; 11 – Мордовско-Паркинский; 12 – Вертилимский; 13 – Ефаевский; 14 – Черемисский, 15 – Волгапинский; 16 – Панжинский; 17 – Старосотенский, 18 – «Казбек»; 19 – Татарско-Лакский; 20 – Долгоруковский; 21 – Чернозерский.

Fig. 1. Mordovian burial grounds of the Golden Horde period: 1 – Bokino; 2 – "Zarya" 2; 3 – Staroye Badikovo 1; 4 – Syademka; 5 – Pichpanda; 6 – Kelginino; 8 – Abashevo (Bednodemyanovsk district); 9 – Narovatovo; 10 – Starodevichye; 11 – Mordovskiye Parki; 12 – Vertilim; 13 – Efaevo; 14 – Cheremis; 15 – Volgapino; 16 – Panja; 17 – Staraya Sotnya; 18 – "Kazbek"; 19 – Tatarskaya Laka; 20 – Dolgorukovsky; 21 – Chernozerye.

определить хронологию Ефаевского могильника XII – XIII вв., не исключая начала XIV в. (Горюнова, 1948, с. 125). В одном из вновь исследованных погребений Старосотенского могильника А.Е. Алиховой были обнаружены монеты с чеканом г. Мохши хана Узбека одна из которых датирована 713 г. х., вторая – 720 г. х. Их находки подтвердили справедливость локализации данного города и хронологию некрополя (Алихова, 1948, с.225).

В 1939 г. Е.И. Горюновой были проведены исследования могильника у с. Наровато-

во Теньгушевского р-на Мордовии, где было вскрыто 29 погребений, но только два из них были датированы золотордынским временем (Беговаткин, 2017, с.405).

В 1940 г. П.Д. Степановым были начаты раскопки могильника у с. Паньжа Ковылкинского р-на Республики Мордовии. Было вскрыто 36 погребений большинство которых ориентировано головой на юг, а 2 захоронения – на север. Мужские погребения содержали широколезвийные топоры, ножи, кресала, наконечники стрел. В женских – зафиксиро-

ваны пулокери, сьюльгамы как с узкими, так и с широкими лопастями, керамика, стеклянные бусы, глиняные пряслица. Относительная бедность погребального инвентаря была интерпретирована П.Д. Степановым как результат зависимого положения местного населения от администрации золотоордынского г. Мохши. Материалы раскопок были опубликованы (Степанов, 1959). В этом же году С.П. Вернером было исследовано три погребения на могильнике, который был открыт им у с. Старое Бадиково в Zubovo-Полянском р-не Мордовии (Археология Мордовского края, 2008, с.17).

Общие итоги довоенных исследований были подведены А.Е. Алиховой только в 1949 г., когда ею была защищена диссертация по мордовским памятникам XIII–XIV вв. (Алихова, 1949). Основные результаты диссертационной работы через 10 лет были опубликованы в двух статьях, практически идентичного содержания (Алихова, 1958; 1959). В них она пришла к выводу, что к XIII в. в жизни мордвы происходит ряд существенных изменений. В женских погребениях практически перестает встречаться производственный инвентарь, за исключением пряслиц. В мужских могилах также становится меньше орудий, изменяется их ассортимент, полностью исчезают украшения. В погребальном обряде женщин появляется новая черта – положение умерших скорченно на боку, с руками, расположенными у лица. В наборе украшений прослеживается влияние Волжской Болгарии, которое усиливается к XIV в. Также ею была разработана хронология мордовских древностей рассматриваемого периода, в бытовании которых было выделено два этапа. К первому этапу были отнесены погребения XII – XIII вв., ко второму – захоронения XIV в. (Алихова, 1959, табл.1). Характерными предметами первого этапа были признаны трубчатые наконечники-пулокери, обмотанные бронзовой полоской, «усатые» широкосрединные перстни, маленькие кольцевые сьюльгамы с закрученными концами и с узкими раскованными лопастями, витые браслеты из сложенной вчетверо проволоки. В XIV в. по наблюдениям А.Е. Алиховой, происходит увеличение диаметра кольцевых сьюльгам, у части которых на завернутых концах появляются парные бороздки. Входят в употребление браслеты из толстой круглой проволоки с расплюснутыми концами, тройные тонкопроволочные витые браслеты с уплощенными концами прямоугольной формы, появляются

сьюльгамы с узкими трехгранными и плосковыпуклыми лопастями, а также сьюльгамы с широкими треугольными лопастями, которые иногда украшались нарезками, реже чернью и зернью. Пулокери теперь обвиты кожаным ремешком и тонкой проволокой, на смену витым браслетам приходят железные пластинчатые. Получают распространение щитковые перстни, черные мозаичные бусы с линейным или зигзаговым орнаментом, белого, голубого и желтого цветов. Проявляются различия в наборе вещей из могильников мордвы мокши и эрзи (Алихова, 1959, с.39-42).

В 1951 г. А.Г. Захаркиной были проведены раскопки могильника у с. Черемис (Ковылкинский р-он, Республика Мордовия), в ходе которых было вскрыто 36 погребений XI–XIII, XIV–XVII вв. Захоронения золотоордынского времени были ориентированы головой на восток-юго-восток. В ряде мужских погребений были зафиксированы находки сабель и наконечников стрел, рабочие и боевые топоры (Беговаткин, 2017, с. 310–311).

В начале 1950-х к исследованию примокшанских памятников, расположенных на территории Пензенской области, приступает сотрудник Пензенского краеведческого музея М.Р. Полесских. При разведочных раскопках могильника у с. Кармалейка (Вадинский р-н) им в 1953, 1955 гг. было вскрыто 5 погребений. Полученный при исследованиях инвентарь оказался весьма своеобразен. М.Р. Полесских не смог найти ему полных аналогий ни в захоронениях мордовского Старосотенского могильника XIV века, ни среди типично татарских (*по его терминологии – прим. автора*) захоронений Наровчатского могильника XIV века, отметив при этом сочетание в материалах Кармалейского могильника явных черт обеих этих культур, что могло стать результатом смешения их носителей (Ставицкий, 2008, с.80).

В 1954 году при производстве хозяйственных работ в центре Наровчата были вскрыты пять погребений с костяками и вещами при них, которые были изучены М.Р. Полесских. Среди находок были поделки из кости, в том числе кубики с выгравированными на гранях кружочками, представляющие собой игральные кости, подвески — круглая с головкой и плоская с отверстием, оригинальный предмет из рога лося. Многочисленны железные вещи: крючья и звенья цепи для подвешивания котла над очагом, наконечники стрел ромбической и четырёхгранной формы, ножи, подкова, части удила, а также красная круговая керамика

Таблица 1. Мордовские могильники Примокшанья золотоордынского времени.
Table 1. Mordovian burial grounds on the Moksha River of the Golden Horde time.

Название памятника	Датировка	Автор раскопок	годы раскопок	число погребений
Абашевский (Беднодемьяновский)	XIII–XIV вв.	М.Р. Полесских	1958	20
Бокинский	XIII–XIV вв.	С.А. Андреев	2016	42
Вертилимский	XIV в., XVI–XVII в	А.В. Циркин	1965	41
Волгапинский	XIV в.	А.В. Циркин	1969	3
Долгоруковский «Заря» II	XIV в.	В.Н. Шитов	1981	1
Ефаевский	XIII–XIV вв.	М.Ф. Жиганов	1957	2
		В. М. Терехин	1886, 1900	сборы
		А. А. Спицын	1892	15
		Г. И. Гейкель	1899	9
		Е. И. Горюнова	1936	29
«Казбек»	XIII–XIV вв.	Ю.А. Зеленеев	1982	17
		А.А. Спицын	1892	15
		А.Е. Алихова	1938	6
		М. Р. Полесских	11964	1
Кармалейский	VIII–X, XIII–XIV вв.	А.В. Расторопов	1988	4
		М.Р. Полесских	1953, 1955	5
		Г. Н. Белорыбкин	1988	19
Кельгининский	рубеж X–XI – нач. XV, XVII–нач. XVIII вв.	А. В. Расторопов	1988	1
		А.С. Воскресенский	1963	9
		Р.Ф. Воронина	1963	39
		А.Е. Алихова	1964	29
		А.В. Циркин	1966	43
Мордовско– Паркинский	XI–XIV, XVII вв.	В.И. Вихляев	1994–96, 1998–99	307
		И. М. Корсаков	1950	5
		А.В. Циркин	1967	3
		Н. А. Акимов	1990–91	139
		А.А. Беговаткин	1997	23
Нароватовский	XIII–XIV, XVI–XVII вв.	В.И. Вихляев	2012	71
		Е.И. Горюнова	1939	29 (2)
Паньжинский	XIII–XIV вв.	В.Н. Шитов	1995	1
		Е.И. Горюнова	1940	36
Пичпандинский	XIII–XIV вв.	А. А. Спицын	1892	39
Старобадиковский I	XI – XIV вв.	С.П. Вернер	1940	3
		В.Н. Шитов	1974	1
		И. М. Петербургский	1975	3
		Я.В. Беляев	1981–82	28
Стародевиченский	XII–XIV вв.	И.М. Петербургский	1987–1993	230
Старосотенский	XIII–XIV вв.	Б.С. Жуков	1927	41
		А.Е. Алихова	1937–38	46
Сядемский	XII – XIII, XIV? вв.	М.Р. Полесских	1967	6
		А.В. Расторопов	1991–92	?
Татарская Лака	XI–XIII вв.	А.В. Расторопов	1993	2
		Г. Н. Белорыбкин	2002	32
Черемисский	XI–XIII, XIV–XVII вв.	А.Г. Захаркина	1951	36
Чернозерский	XIV–XV вв.	Н. И. Спрыгина	1928	14

ка, покрытая полосами лощения и резными узорами. По найденным в погребениях двум джучидским монетам они были датированы XIV веком. По мнению М.Р. Полесских,

данные погребения были оставлены не мордвой, а строителями Наровчатского городища, этническая принадлежность которых не была им конкретизирована (Полесских, 1956).

В 1958 г. М.Р. Полесских были проведены исследования могильника у с. Абашево (Беднодемьяновский р-н), в ходе которых было вскрыто 20 погребений. Вещевой инвентарь представлен бронзовыми кольцевыми и лопастными скульгами, пулокерями, витыми браслетами, перстнями, железными проушными топорами, наконечниками стрел и копий, глиняной лепной и гончарной посудой. Одно из мужских погребений было обложено досками. По составу вещей и погребальному ритуалу могильник был отнесен к мордве-мокше и датирован автором раскопок XIV в. (Ставицкий, 2008, с.92).

В 1967 г. небольшие работы были проведены М.Р. Полесских на могильнике у с. Сядемка (Земетчинский р-н), в результате которых было выявлено 6 захоронений. Впоследствии исследования могильника были продолжены в 1991–1992 гг. А.В. Растороповым. В их результате были подтверждены хронология и этническая принадлежность некрополя, получен разнообразный материал (орудия труда, вооружения, украшения и т. д.), отражающий уровень социально-экономического развития местного населения. Из-за того, что погребения залегали в слое чернозема, в большинстве случаев не удавалось выявить контуров могильных ям и находки фиксировались суммарно, а не по погребениям.

Весной 1963 г. А.С. Воскресенским при разведочных раскопках на могильнике у с. Кельгиново Зубово-Полянского р-на Мордовии было вскрыто 7 погребений. В том же году исследования памятника были продолжены Р.Ф. Ворониной и А.Е. Алиховой. За два года ими было вскрыто 68 погребений, большая часть которых относилась к домонгольскому времени или датировалась XVI – XVII вв. Итоги исследований были опубликованы (Алихова и др., 1964).

В 1966 г. раскопки могильника были продолжены археологом Мордовского университета А.В. Циркиным, который вскрыл на памятнике еще 43 погребения. Материалы раскопок были частично опубликованы (Циркин, 1968а). Следует отметить, что в 1960-х годах им были проведены исследования еще на ряде памятников Мордовского Примокшанья. В 1965 г. было раскопано 41 погребение на могильнике у с. Вертилим в Старошайговском р-не Мордовии, относящихся к XIV–XVII вв. Ранние погребения были ориентированы головой на юг и юго-восток, а поздние – на запад. Ряд захоронений датирован русскими серебряными монетами 1389–1425 гг. Поми-

мо стандартного набора погребального инвентаря в захоронениях XIV–XV вв. были обнаружены ювелирные бронзовые и серебряные украшения, выполненные в высокой технике зерни, скани и чернения, среди которых выделялись серебряные перстни с чернью на щитках округлой и квадратной формы. В том же году А.В. Циркин исследовал 3 погребения на Мордовско-Паркинском могильнике (Краснослободский р-он), а в 1969 г. еще три – на могильнике у с. Волгапино (Ковылкинский р-он). Материалы, полученные при исследовании, были использованы им при написании учебного пособия «Русско-мордовские отношения в X–XIV вв.», где было отмечено, что после монгольского нашествия происходит существенное обеднение погребального инвентаря мордовских могильников, заметно сокращается импорт русских ремесленных изделий (Циркин, 1968б, с.67).

В 1970-х гг. полевые изыскания по изучению примокшанских могильников золотоордынского времени были ограничены работами разведочного характера. В 1976 г. вышла монография М.Ф. Жиганова «Память веков», посвященная истории изучения мордовских археологических памятников за годы советской власти. В ней были обобщены и некоторые данные по примокшанским могильникам. Анализируя их материалы М.Ф. Жиганов приходит к выводу, что к XIII–XIV вв. у мордвы повсеместное распространение получают широколезвийные лесорубные топоры, которые по своим рабочим качествам были близки современным стандартам. Находки в погребениях серпов и кос-горбуш, подтверждают тезис о дальнейшем развитии пашенного земледелия. Широкий набор предметов ювелирного мастерства, наряду с находками украшений, выполненных в технике зерни, скани и чернения, свидетельствуют о высоком уровне развития данной отрасли ремесленного производства (Жиганов, 1976, с.78 – 86).

В 1981 г. Я.В. Беляевым и В.Н. Шитовым был открыт могильник у с. Долгоруково Мокшанского р-на Пензенской области, на котором было исследовано 1 женское погребение. По особенностям погребального обряда и набору украшений захоронение было датировано XIV в. Материалы исследований были опубликованы (Беляев, Шитов, 1990, с.92 – 95).

В 1981–1982 гг. Я.В. Беляевым были проведены раскопки на могильнике у села Старое Бадиково Зубово-Полянского р-на Мордовии. Было вскрыто 33 захоронения, большин-

ство который ориентировано головой на юг и юго-восток. Особенностью погребального обряда является наличие в заполнении и на дне могил большого количества углей, золы, сажистых прослоек, следов кострищ. В одном из погребений найдены золотоордынские дирхемы хана Узбека, чеканенные в 1317 – 1318 гг. (Мохши) и в 1329 – 1330 гг. (Болгар ал-Махруса). Материалы раскопок были опубликованы их автором (Беляев, 1988).

В 1982 г. Ю.А. Зеленевым были возобновлены раскопки Ефаевского могильника, в ходе которых на небольшой площади в 36 кв. м было вскрыто 17 погребений, часть которых перекрывала друг друга. Подобная стратифицированность захоронений позволила сделать ряд хронологических наблюдений. В целом была подтверждена датировка могильника XII – началом XIV вв., но кроме того Ю.А. Зеленева пришел к выводу, что для данного временного отрезка характерна слабая изменчивость типов вещей, что затрудняет разработку их абсолютной хронологии. Материалы раскопок были опубликованы (Зеленева, 1987, с.148-153).

В 1987 г. вышла статья Я.В. Беляева, в которой были обобщены данные по погребальному обряду мордвы-мокши и отмечен ряд особенностей, характерных для могильников золотоордынского времени. В частности, было прослежено разделение кладбища на мужскую и женскую половину на Пичпандинском и Первом Старобадиковском могильниках, использование лубяной, а в ряде случаев и войлочной подстилки на дне могильных ям. Новым элементом обряда стали захоронения в колодах. Повсеместное распространение в примокшанских могильниках женских погребений в скорченном положении на боку было интерпретировано в качестве символа их подневольного положения в патриархальной семье (Беляев, 1987, с.79 – 83).

В 1987–1993 гг. И.М. Петербургским были проведены исследования могильника у с. Стародевичье Ельниковского р-на Мордовии, в ходе которых было вскрыто 230 захоронений. Памятник был датирован концом IX–XIV вв., погребения золотоордынского времени располагались западной части некрополя. В них обнаружены характерные для данного периода скульгамы с лопастями подтреугольного или выпуклого с наружной стороны сечения, витые и плетеные браслеты, поздние варианты наконечников-пулокерей, наконечники-срезни, типичные для монгольского вооружения. В погребении 205 были обнару-

жены две серебряные монеты хана Кульны, г. Гюлистан 760 г. х. и хана Узбека. Материалы раскопок были полностью опубликованы их автором в монографии (Петербургский, 2009, с.102–111).

В 1988 г. А.В. Растороповым были проведены небольшие рекогносцировочные работы на Кармалейском и «Казбекском» могильниках, а Г.Н. Белорыбкиным было вскрыто 19 погребений XII–XIV вв. на Кармалейском могильнике (Археология Мордовского края, 2008, с.45).

В 1990–1991 гг. Н.А. Акимовым были возобновлены раскопки Мордовско-Паркинско-го могильника XI–XIV, XVII вв., которые впоследствии были продолжены А.А. Беговаткиным (1997 г.) и В.И. Вихляевым (2012 г.). В общей сложности на могильнике было исследовано 233 погребения. В большинстве ранних могил умершие ориентированы головой на юг с отклонением к востоку. Женщин хоронили в скорченном положении на правом боку, реже – на левом, мужчин – в вытянутом положении, на спине. Обнаружены орудия труда (коса-горбуша, топоры, пешни), оружие (сабли, наконечники стрел и копий), украшения (наконечники-пулокеры, височные подвески, скульгамы, браслеты), предметы быта (кресала, глиняные сосуды). В двух погребениях были найдены серебряные монеты. В 143 погребении – монета хана Тохтамыша (1380–1385 гг.), в 159 – монета хана Пулада, чеканки Крыма или Азака (1390 – 1396 гг.). Из материалов золотоордынского времени были опубликованы только два погребения с монетами (Беговаткин, 2000, с.105–110; 2017, с.336 – 340).

В 1993 г. А.В. Растороповым был открыт мордовский могильник у с. Татарская Лака в Вадинском р-не Пензенской области, на котором им было вскрыто 2 погребения. Его исследования были продолжены Г.Н. Белорыбкиным в 2002 г., когда было изучено еще 32 погребения, датированные XI–XIII вв. Большая часть захоронений относится к домонгольскому времени, Второй половиной XIII в. датированы погребения, содержащие наконечник стрел типа срезней, характерные для монгольского вооружения. Материалы раскопок были опубликованы в двух статьях (Винничек, Губанов, 2003; Белорыбкин, 2007).

В 1994 г. В.И. Вихляевым были возобновлены исследования на Кельгининском могильнике, которые продолжались до 1999 г. За это время на памятнике было вскрыто 307 погреб-

бений, которые были отнесены к двум периодам бытования некрополя. Ранним периодом X – начало XV вв. было датировано 157 погребений, поздним XVII – середина XVIII вв. – 150. К золотоордынскому времени были отнесены захоронения, содержащие сьюльгамы с широкими треугольными лопастями, часть которых была орнаментирована гравировкой и чернью. В погребении 177 найдена серебряная монета хана Узбека, чеканеная в Сарае, в погребении 420 найдены: дирхем хана Узбека, чеканенный в г. Мухши (?) в 722/724 г. х. и полудирхем хана Тимура, чеканенный в 1270-е гг. Материалы раскопок полностью были опубликованы в двух монографиях (Беляев и др., 1998; Вихляев, Пронин, 2016).

В 2001 г. С.В. Святкиным была опубликована монография, посвященная изучению вооружения мордовских племен. На основе анализа материалов могильников XIII–XIV вв. её автор пришел к выводу, что с включением Примокшанья в состав Золотой Орды наблюдается резкое сокращение находок предметов вооружения в мордовских захоронениях, что, видимо, было обусловлено требованием ордынской администрации ограничить степень милитаризации подчиненного населения (Святкин, 2001, с.117).

В 2008 г. была издана коллективная монография В.И. Вихляева, О.В. Зеленцовой, А.А. Беговаткина, В.Н. Шитова, в которой на основе анализа взаимовстречаемости типов вещей в погребениях была разработана хронология мордовских могильников Западного Поволжья. Раздел по памятникам XIII – XIV вв. был подготовлен А.А. Беговаткиным (Вихляев и др., 2008, с.9). Использование более точного метода должно было привести к уточнению хронологии памятников данной эпохи, однако полученные результаты оказались достаточно скромными. Автором уже указывались минусы данного метода, главным из которых является малое число погребений, используемых для статистического анализа (Ставицкий В.В., Ставицкий А.В., 2015). В монографии были рассмотрены всего пять категорий украшений: височные подвески, бляхи, гривны, браслеты и сьюльгамы, из которых в это время бляхи и гривны практически вышли из обращения, височные подвески и браслеты стали использоваться значительно реже и только сьюльгамы получили широкое распространение. Таким образом, значительная часть хронологических маркеров не была учтена. В итоге все мордовские могильники золотоордынского времени были отнесены к одной

стадии – второй половиной XIII – XIV вв. (Вихляев и др., 2008, с.149 – 150).

В 2013 г. была опубликована монография Ю.А. Зеленева «Очерки этнокультурной истории Поволжья XIII – XV вв.», при написании одной из глав которой были использованы материалы мордовских могильников. По мнению Ю.А. Зеленева, монгольское завоевание не вызвало длительного и катастрофического перерыва в этнокультурном развитии мордвы. Он отмечает, что даже там, где могильники прекращают функционировать в середине XIII в., в XIV в. на них возобновляются захоронения или рядом возникают новые некрополи. Мордва даже переживает в это время определенный демографический подъем, о чем свидетельствует появление новых мордовских памятников за пределами традиционной территории их распространения. Неизменность большинства предшествующих признаков погребального обряда свидетельствует о сохранении этнокультурных особенностей мордовского населения в золотоордынскую эпоху (Зеленев, 2013, с.243 – 246).

В 2016 г. С.И. Андреевым были проведены исследования могильника у с. Бокино (Тамбовский р-он, Тамбовская обл.), в ходе которых было выявлено 42 захоронения: 21 женское, 21 мужское. Преобладали захоронения с юго-восточной ориентировкой. Мужчин хоронили вытянуто на спине, женщин – на правом боку, с поджатыми ногами, ладони руки помещались перед лицом. Выявлены и отдельные черепа. Погребения были датированы автором раскопок второй половине XIII – третьей четвертью XIV в. Появление данного памятника в верховьях р. Цны, видимо, было связано с повторным заселением мордвой ранее оставленной территории, имевшим место после монгольского нашествия. Материалы раскопок были полностью опубликованы (Андреев, 2020).

Таким образом, на 21 могильнике Примокшанья, функционировавших во второй половине XIII – начале XV вв. исследовано около 1450 погребений, однако их большая часть совершена либо раньше, либо позже данного периода. Из памятников, на которых вскрыто не менее десяти погребений, только в золотоордынское время существовали могильники: Абашевский (20 погр.), «Казбек» (31 погр.), Пичпандинский (39 погр.), Старосотенский (87 погр.), Чернозерский (14 погр.), Бокинский (42 погр.). Кроме Абашевского и Бокинского могильников, все они исследовались

в довоенное время, и их материалы либо не изданы совсем, либо опубликованы фрагментарно, большинство материалов утеряно или депаспартизировано. Не сохранилось полноценной информации об их раскопках и в научных отчетах. Весьма фрагментарно изданы и материалы раскопок других могильников, исследованных ранее 1980-х годов. Подобное состояние источниковой базы во многом

определяет современный уровень осмысления данных материалов. Не случайно до сих пор сохраняет свою актуальность хронология и периодизация А.Е. Алиховой, разработанная в конце 1950-х гг. Поэтому насущной задачей является введение в научный оборот неопубликованных материалов могильников и проведение новых исследований на современном научно-методическом уровне.

ЛИТЕРАТУРА

- Алихова А.Е.* Старосотенский могильник // Археологический сборник. Т. 1 / Ред. Ю.В. Готье, Н.Ф. Цыганов, Ю.А. Котков. Саранск: Мордовское Гос. изд-во, 1948. С. 212–258.
- Алихова А.Е.* МордоТаблвские могильники X–XIV веков // КСИИМК. Вып. XXV. М.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 14–20.
- Алихова А.Е.* Некоторые хронологические и племенные отличия в культуре мордвы конца I и начала II тысячелетия н. э // СА. 1958. № 2. С. 66–77.
- Алихова А.Е.* Новые археологические памятники в долинах рек Вад и Теша // Из древней и средневековой истории мордовского народа / Отв. ред. А.П. Смирнов. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1959. С. 98–116.
- Алихова А.Е., Воронина Р.Ф., Циркин А.В.* Кельгининский могильник // Тр. МордНИИЯЛИЭ, вып. XXVII. Серия историческая. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1964. С. 185–205.
- Андреев С.И.* Бокинский могильник средневековой мордвы // РА. 2020. № 2. С. 151–166.
- Археология Мордовского края: Каменный век, эпоха бронзы. / Отв. ред. В.В. Ставицкий, В.Н. Шитов. Саранск: НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия, 2008. 552 с.
- Беговаткин А.А.* Погребения с монетами из Мордовско-Паркинского могильника // Древности Окско-Сурского междуречья. Вып. 2 / Отв. ред. В.В. Гришаков. Саранск: МГПИ, 2000. С. 105–110.
- Беговаткин А.А.* Археологическая карта России. Республика Мордовия. М.: ИА РАН, 2017. 489 с.
- Белорыбкин Г.Н.* Средневековый могильник у с. Татарская Лака II // Пензенский археологический сборник. Вып. 1 / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин. Пенза: Изд-во Ин-та истории и права Пензенского государственного педагогического университета, 2007. С. 211–258.
- Беляев Я.В.* Погребальный обряд мордвы мокши в XII–XIV вв. // Вопросы древней истории мордовского народа / Труды МордНИИЯЛИЭ. Вып. 80 / Отв. ред. М.Ф. Жиганов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1987. С. 79–84 (104–117).
- Беляев Я.В.* Погребальный памятник 11–14 вв. у с. Старое Бадиково (раскопки 1981 —1982 гг.) // Материалы по археологии Мордовии / Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 85 / Отв. ред. М.Ф. Жиганов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1988. С. 104–117.
- Беляев Я.В., Вихляев В.И., Зеленцова О.В., Шитов В.Н.* Кельгининский могильник. Раскопки 1990-х гг. Саранск: Красный Октябрь, 1998. 168 с.
- Беляев Я.В., Шитов В.Н.* Мордовский могильник XIV в. у с. Долгоруково // Из истории области. Очерки краеведов. Вып. 2 / Отв. ред. Н.И. Мошнин. Пенза: ПГОКМ, 1990. С. 92–95.
- Винничек В.А., Губанов А.А.* Могильник «Татарская Лака II» в системе средневековых памятников мордвы // Археология восточноевропейской лесостепи: сб. материалов Всерос. науч. конф., посвящ. 100-летию А.Е. Алиховой / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин, В.В. Ставицкий. Пенза: ПГПИ, 2003. С. 339–352.
- Вихляев В.И., Беговаткин А.А., Зеленцова О.В., Шитов В.И.* Хронология могильников населения I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья. Саранск: Республиканская типография «Красный октябрь», 2008. 352 с.
- Вихляев В.И., Пронин А.С.* Средневековая мокша. Первые века вместе с Древней Русью. Материалы раскопок Кельгининского могильника в 1999–2001 гг. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2016. 356 с.
- Горюнова Е.И.* Ефаевский могильник // Археологический сборник. Т. 1 / Ред. Ю.В. Готье, Н.Ф. Цыганов, Ю.А. Котков. Саранск: Мордовское Гос. изд-во, 1948. С. 112–137.
- Жиганов М.Ф.* Память веков. Изучение археологических памятников мордовского народа за годы советской власти. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1976. 136 с.
- Зеленев Ю.А.* Новые исследования Ефаевского могильника XII–XIV вв. // Древности Среднего Поволжья / АЭМК. Вып. 13 / Отв. ред. Б. С. Соловьев. Йошкар-Ола: Мар НИИ, 1987. С.148–153.

Зеленева Ю.А. Очерки этнокультурной истории Поволжья, XIII–XV вв. Йошкар-Ола: Изд-во МарГУ. 2013. 328 с.

Петербургский И.М. Мордва среднего Примокшанья в XI–XIV вв. Саранск: Красный Октябрь, 2009. 240 с.

Полесских М.Р. В недрах времен. Пенза: Пензен. кн. изд-во, 1956. 103 с.

Святкин С.В. Вооружение и военное дело мордовских племен в первой половине II тыс. н. э. Саранск, 2001. 147 с.

Спицын А.А. Производство археологических раскопок в Пензенской и Тамбовской губерниях // Отчет ИАК за 1892 год. Спб.: Тип. Главного управления уделов 1984. С.45–51.

Ставицкий В.В. Археологические изыскания М.Р. Полесских. Пенза, 2008. 175 с.

Ставицкий В.В. Происхождение древнемордовской культуры // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2015. № 1 (33). С. 42–57.

Ставицкий В.В. Эрзя и мокша по данным археологии // Центр и периферия. 2016. № 1. С. 4–11.

Ставицкий В.В. Исследования Н.И. Спрыгиной по археологии и этнографии мордвы // Центр и периферия. 2020. № 4. С. 40–44.

Ставицкий В.В., Ставицкий А.В. Дискуссионные вопросы изучения погребальной обрядности древней мордвы: обзор исследований последних лет // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2015. № 2(34). С. 7–15.

Степанов П.Д. Паньжинский могильник // Из древней и средневековой истории мордовского народа / Отв. ред. А.П. Смирнов. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1959. С. 195–206.

Циркин А.В. Кельгинский могильник (раскопки 1966) // Тр. МордНИИЯЛИЭ. Вып. XXXIV. Серия историческая / Ред. И. К. Инжеватов, В. С. Ивашкин, К. А. Котков, А. Б. Кузнецов, П. Д. Степанов. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1968а. С. 247–262.

Циркин А.В. Русско-мордовские отношения в X–XIV вв. Саранск: Морд.гос. унт-т, 1968б. 112 с.

Информация об авторе:

Ставицкий Владимир Вячеславович, доктор исторических наук, доцент, Пензенский государственный университет (г. Пенза, Россия); stawiczky.v@yandex.ru

REFERENVES

Alikhova, A. E. 1948. In Got'e, Yu. V., Tsyganov, N. F., et al. (eds.). *Arkheologicheskii sbornik (Archaeological Collection)* 1. Saransk: "Mordovskoe Gosudarstvennoe izdatel'stvo" Publ., 212–258 (in Russian).

Alikhova, A. E. 1949. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* XXV. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 14–20 (in Russian).

Alikhova, A. E. 1958. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 66–77 (in Russian).

Alikhova, A. E. 1959. In Smirnov, A. P. (ed.). *Iz drevnei i srednevekovoi istorii mordovskogo naroda (Essays on Ancient and Medieval History of the Mordva People)*. Saransk: Mordovian Book Publ., 98–116 (in Russian).

Alikhova, A. E., Voronina, R. F., Tsirkin, A. V. 1964. In *Trudy Mordovskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta iazyka, literatury, istorii i ekonomiki (Proceedings of the Mordovia Language, Literature, History, and Economy Institute)* XXVII. Seriya istoricheskaya (History Series). Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 185–205 (in Russian).

Andreev, S. I. 2020. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (2), 151–166 (in Russian).

Stavitskii, V. V., Shitov, V. N. (eds.). 2008. *Arkheologiya Mordovskogo kraia: Kamennyi vek, epokha bronzy (Archaeology of the Mordva Land: Stone Age and Bronze Period)*. Saransk: Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (in Russian).

Begovatkin, A. A. 2000. In Grishakov, V. V. (ed.). *Drevnosti Oksko-Surskogo mezhdurech'ia (Antiquities of the Oka – Sura Interfluves Area)* 2. Saransk: Mordovian State Pedagogical Institute, 105–110 (in Russian).

Begovatkin, A.A. 2017. *Arkheologicheskaya karta Rossii. Respublika Mordoviya (Archaeological map of Russia. The Republic of Mordovia)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian)

Belorybkin, G. N. 2007. In *Penzenskii arkheologicheskii sbornik (Penza Archaeological Collected Papers)* 1. Penza: "PIRO" Publ., 211–258 (in Russian).

Belyaev, Ya. V. 1987. In Zhiganov, M. F. (ed.). *Voprosy drevnei istorii mordovskogo naroda (Issues of the ancient history of the Mordovian people)*. Series: Trudy Mordovskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta iazyka, literatury, istorii i ekonomiki (Proceedings of the Mordovia Language, Literature, History, and Economy Institute) (80). Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 79–84 (in Russian).

Belyaev, Ya. V. 1988. In Zhiganov, M. F. (ed.). *Materialy po arkhologii Mordovii (Materials for the Archaeology of Mordovia)*. Series: Proceedings of the Mordovian Research Institute of Language, Literature, History and Ethnography 85. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 104–117 (in Russian).

Belyaev, Ya. V., Vikhlyaev, V. I., Zelentsova, O. V., Shitov, V. N. 1998. *Kel'gininskiy mogil'nik. Raskopki 1990-kh gg (Kel'ginino burial ground. Excavations of the 1990s)*. Saransk: "Krasniy oktyabr" Publ. (in Russian).

Belyaev, Ya. V., Shitov, V. N. 1990. In Moshnin, N. I. (ed.). *Iz istorii oblasti. Ocherki kraevedov (From the history of the region. Essays by local historians)*. Penza: Penza State Museum of Local Lore, 92–95 (in Russian).

Vinnichek, V. A., Gubanov, A. A. 2003. In Belorybkin, G. N., Stavitskii, V. V. (eds.). *Arkheologiya vostochnoevropeiskoi lesostepi (Archaeology of the East-European Forest-Steppe Zone)*. Penza: Penza State Pedagogical University, 339–352 (in Russian).

Vikhliaev, V. I., Begovatkin, A. A., Zelentsova, O. V., Shitov, V. I. 2008. *Khronologiya mogil'nikov naseleniia I–XIV vv. zapadnoi chasti Srednego Povolzh'ia (Chronology of the Burial Grounds of 1st – 14th Centuries in the Western Part of the Middle Volga Region)*. Saransk: "Krasnyi Oktiabr" Typography (in Russian).

Vikhlyaev, V. I., Pronin, A. S. 2016. *Srednevekovaya moksha. Pervye veka vmeste s Drevney Rus'yu. Materialy raskopok Kel'gininskogo mogil'nika v 1999–2001 gg. (The Medieval Moksha people. First centuries with the Ancient Rus'. Materials of excavations of the Kel'ginino burial ground in 1999–2001)*. Saransk: Mordovia State University (in Russian).

Goryunova, E. I. 1948. In Got'e, Yu. V., Tsyganov, N. F., et al. (eds.). *Arkheologicheskii sbornik (Archaeological Collection) 1*. Saransk: "Mordovskoe Gosudarstvennoe izdatel'stvo" Publ., 112–137 (in Russian).

Zhiganov, M. F. 1976. *Pamiat' vekov. Izuchenie arkheologicheskikh pamyatnikov mordovskogo naroda za gody sovetskoy vlasti (Memory of Ages. Study of archaeological sites of the Mordovian people during the years of Soviet power)*. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Zeleneev, Yu. A. 1987. In Soloviev, B. S. (ed.). *Drevnosti Srednego Povolzh'ia (Antiquities of the Middle Volga Region)*. Series: Arkheologiya i etnografiya Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of the Mari Land) 13. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History, 148–153 (in Russian).

Zeleneev Yu.A. 2013. *Ocherki etnokul'turnoy istorii Povolzh'ya, XIII–XV vv. (Essays on the Ethnic-Cultural History of the Volga Region, 13th – 15th cc.)* Yoshkar-Ola: Mari State University (in Russian).

Peterburgskii, I. M. 2009. *Mordva srednego Primokshan'ia v XI–XIV vv. (The Mordva People in the Middle Moksha River Area in 11th–14th Centuries)*. Saransk: "Krasnyi Oktiabr" Publ. (in Russian).

Polesskikh, M. R. 1956. *V nedrakh vremen (In the Depths of Time)*. Penza: "Penzenskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Svyatkin, S. V. 2001. *Vooruzhenie i voennoe delo mordovskikh plemen v pervoi polovine II tys. n.e. (Armament and Military Art of the Mordovian Tribes in the First Half of the 2nd Millennium AD)*. Saransk: Mordovian State Pedagogical Institute (in Russian).

Spitsyn, A. A. 1984. In *Otchet Arkheologicheskoi komissii za 1892 g. (Report of the Imperial Archaeological Commission from 1892)*. Saint Petersburg 45–54 (in Russian).

Stavitsky, V. V. 2008. *Arkheologicheskie izyskaniya M.R. Polesskikh (Archaeological studies by M.R. Polesskikh)*. Penza (in Russian)

Stavitsky, V. V. 2015. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviia. (Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia) 33 (1), 42–57 (in Russian).*

Stavitsky, V. V. 2016. In *Tsentr i periferiia (Center and Periphery) (4), 40–44 (in Russian).*

Stavitsky, V. V. 2020. In *Tsentr i periferiia (Center and Periphery) (4), 40–44 (in Russian).*

Stavitsky, V. V., Stavitsky A. V. 2015. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviia. (Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia) 34 (2), 7–15 (in Russian).*

Stepanov, P. D. 1959. In Smirnov, A. P. (ed.). *Iz drevnei i srednevekovoi istorii mordovskogo naroda (Essays on Ancient and Medieval History of the Mordva People)*. Saransk: Mordovian Book Publ., 195–206 (in Russian).

Tsirkin, A. V. 1968. In Inzhevatov, I. K., Ivashkin, V. S., Kotkov, K. A., Kuznetsov, A. B., Stepanov, P. D. (eds.). *Trudy Mordovskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta iazyka, literatury, istorii i ekonomiki (Proceedings of the Mordovia Language, Literature, History, and Economy Institute) XXXIV. Serii istoricheskaya (History Series)*. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 247–262 (in Russian).

Tsirkin, A. V. 1968. *Russko-mordovskie otnosheniya v X–XIV vv. (Russian–Mordovian relations in the X–XIV centuries)*. Saransk: Mordovia State University (in Russian)

About the Author:

Stavitsky Vladimir V. Doctor of Historical Sciences. Penza State University. Lermontov St., 37, Penza, 440026, Russian Federation; stawiczky.v@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2022 г.
Статья принята к публикации 01.12.2022 г.

Исследования по археологии евразийских степей

УДК 902/903

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.6.167.174>**КРЕМНЕВЫЙ ИНВЕНТАРЬ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ АЙНИКАБ 5
НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ**

©2022 г. А.И. Таймазов

Статья посвящена характеристике кремневого инвентаря из местонахождения раннего палеолита Айникаб 5. Находки были сделаны на поверхности 100-метровой террасы р. Усиша. Согласно палеогеографическим реконструкциям, формирование данной террасы относится ко времени миндель-рисского межледникового, что соответствует раннехазарскому отрезку каспийской стратиграфической схемы. Коллекция кремневых изделий включает единичные одноплощадочные нуклеусы, орудия на отщепах и обломках кремневого сырья, дебитаж. Изделия со вторичной обработкой включают обломок рубила, различные типы скребел, орудия с ретушированной выемкой, унифас, двусторонний мелкий чоппер, отщеп с ретушью. В культурно-хронологическом отношении археологические материалы из местонахождения Айникаб 5 соответствуют позднему ашелю.

Ключевые слова: археология, ранний палеолит, ашель, средний плейстоцен, Айникаб 5, рубило, унифас, скребло, орудие с выемкой, Северо-Восточный Кавказ.

FLINT INVENTORY FROM THE AINIKAB 5 SITE IN THE NORTH-EASTERN CAUCASUS

A. I. Taymazov

The paper considers the characteristics of the stone inventory from the site of Ainikab 5 of the Early Paleolithic. The finds were made on the surface of a 100-meter terrace of the Usisha River. According to paleogeographic reconstructions the formation of this terrace dates back to the time of the Mindel-Ris interglacial which corresponds to the Early Khazar horizon of the Caspian stratigraphic scheme. The collection of flint artifacts includes single-platform cores, tools on flakes and fragments of flint raw materials, debitage. The tools with secondary treatment consist of the fragment of handaxe, various types of scrapers, notched tools, uniface, a small bifacial chopper and retouched flake. In cultural and chronological terms, archaeological materials from the Ainikab 5 site correspond to the Late Acheulean.

Keywords: archaeology, Early Paleolithic, Acheulean, Middle Pleistocene, Ainikab 5, handaxe, uniface, scraper, notched tool, North-East Caucasus.

В начале XXI в. в Центральном Дагестане в Акушинской котловине было открыто более 10 пунктов раннего палеолита, в том числе памятники самой начальной эпохи истории человечества – олдована (Амирханов, 2006; 2007а). Археологические объекты были связаны с рыхлыми отложениями, слагающими кровлю водораздела рек Акуша и Усиша, и галечниками 145 и 100-метровой террасы реки Усиша. Местонахождение Айникаб 5 расположено в центральной части Акушинской котловины (рис. 1), в 400-500 метрах к востоку от с. Айникабмахи. Пункт находок связан с поверхностью 100-метровой террасы реки Усиша (рис. 2). В створе с. Айникабмахи у основания этой террасы на берегу реки расположено село Чинимахи. Бровка террасы, о которой идет речь, изрезана оврагами. На одном из мысов, образованных этими оврагами, в 2006 г. Северокавказской палеолитиче-

ской экспедицией ИА РАН под руководством Х.А. Амирханова были обнаружены кремневые артефакты (Амирханов, 2006). Мыс, на котором были сделаны сборы каменных изделий, протягивается в длину на 68 м, ширина его в тыльной части – 48 м. Место сбора археологического материала представляет собой распахиваемую выровненную поверхность (рис. 3). В концевой и средней части мыса пахота обнажает сверху отложения галечника. Именно на участках этих горизонтальных обнажений и выявляются археологические находки. В тыльной части мыса артефактов не было найдено.

В 2006 году в результате кратковременных сборов с поверхности указанных выше участков была получена небольшая коллекция, состоящая из 12 предметов. В 2007 г. местонахождение вновь было обследовано Х.А. Амирхановым. В ходе осмотра на распахиваемой

поверхности террасы было собрано 5 предметов. Целенаправленные поиски артефактов на этом пункте проводились мною в 2009 году. В результате разведок с поверхности террасы было получено еще 26 находок. Таким образом, общая коллекция каменных изделий из местонахождения Айникаб 5 составляет 43 предмета. Все находки из местного мелового кремня различных оттенков серого цвета. Сохранность артефактов хорошая, грани изделий неокатанные. На некоторых предметах отмечается белая молочная патина и пятна ржаво-бурового цвета. Последние, вероятно, представляют собой следы воздействия металлических пахотных орудий.

Коллекция находок в типологическом и технологическом смыслах, а также по внешним характеристикам (слабая патинизация, отсутствие явных признаков окатанности) выглядит однородной. Она структурирована и включает изделия, связанные с первичным расщеплением, законченные орудия и отходы расщепления (табл. 1).

площадки покрыта желвачной коркой. Желвачная корка покрывает также тыльную часть нуклеуса и правую боковую сторону. Расщепление производилось от одной площадки и в одной плоскости. Ударная площадка образует острый угол с рабочей плоскостью. Судя по негативам, основным продуктом расщепления являются пластинчатые сколы. Негативы снятий достигают основания нуклеуса. По всем признакам описанное изделие относится к плоским одноплощадочным нуклеусам с параллельным скалыванием.

В качестве заготовки для второго нуклеуса использован обломок кремня. Он также относится к типу одноплощадочных односторонних плоских нуклеусов. Ударная площадка нуклеуса получена многочисленными снятиями, произведенными со стороны рабочей плоскости. Она расположена под наклоном к тыльной стороне. Правый боковой край нуклеуса получен с использованием приема, называемого "обрубом", левый – покрыт коркой. Расщепление производилось

Таблица 1. Типологический состав изделий местонахождения Айникаб 5
Table 1. Typological composition of the items of from the Ainikab 5 site

№ n/n	Наименование изделия	Кол-во
1	Нуклеусы одноплощадочные плоские параллельного скалывания	2
2	Ручное рубило (обломок)	1
3	Унифас укороченный	1
4	Чоппер двусторонний, мелкий	1
5	Орудия с ретушированными выемками	3
6	Двувыемчатое орудие	1
7	Скребло поперечное с двумя симметричными краевыми выемками	1
8	Скребло поперечное с краевой выемкой	1
9	Скребла простые	3
10	Отщеп с краевой ретушью	1
11	Пластинчатые отщепы	4
12	Отщепы	21
13	Обломки отщепов	2
14	Чешуйка	1
Итого:		43

Группа первичного расщепления представлена выразительными нуклеусами, отщепами и пластинчатыми сколами.

Нуклеусов в рассматриваемой коллекции насчитывается 2 экземпляра. Оба они находятся на стадии сильной сработанности. Один из нуклеусов (рис. 4) относительно крупный по размерам. Сохранившиеся размеры: высота – 9,5 см, ширина – 7,7 см, толщина – 6,5 см. Он находится на стадии сильной сработанности и в силу этого становится затруднительным определить характер его первоначальной ударной площадки. Остаточная часть ударной

по короткой оси заготовки. Основной целью расщепления было получение мелких отщепов. Высота нуклеуса равна 3,7 см, ширина – 7,5 см, толщина – 3,3 см.

Продукты расщепления представлены пластинчатыми отщепами и отщепами. Отщепы представляют самую многочисленную группу сколов. Почти все они мелкие по размерам (менее 5 см в поперечнике). В единственном экземпляре представлен отщеп средних размеров – 6,4×4,4×2 см.

По характеру ударной площадки отщепы распределяются следующим образом. Боль-

Рис. 1. Расположение местонахождения Айникаб 5 на карте Дагестана и в Акушинской котловине (показано стрелкой), вид с ССВ.

Fig. 1. Location of the Ainikab 5 site on the map of Dagestan and in the Akusha Basin (indicated by the arrow), view from north-north-east.

Рис. 2. Местонахождение Айникаб 5 (показано красной стрелкой). Вид с ЮЗ.

Fig. 2. Ainikab 5 site (indicated by the red arrow), view from south-west.

Рис. 3. Местонахождение Айникаб 5. Вид с ЮЗ.

Пунктирной линией обозначено место концентрации археологических находок.

Fig. 3. Ainikab 6 site, view from south-west.

The dotted line indicates the concentration of archeological finds.

Большинство отщепов имеют гладкую ударную площадку. Таковых насчитывается 14 экземпляров. При этом большинство из них подготовленные. Три отщепов имеют площадку в виде сохранившейся точки удара. Площадка одного скола двугранная. Естественные площадки с коркой имеют два отщепов. Ударная площадка одного скола не сохранилась.

В количественном отношении преобладают вторичные сколы (17 экз.) над первичными (4 экз.). По характеру огранки спинки 14 отщепов являются продольными, 2 – продольно-краевыми, 1 – с негативом поперечного снятия.

Пластинчатые отщепы представлены 4 экземплярами. Размеры их: 7,7×3,2×1,7 см; 5,3×3×1,5 см; 5×2,7×0,8 см; 3,8×1,7×0,6 см.

Группа орудий представлена различными изделиями.

Чоппер двусторонний изготовлен на мелком обломке желвака. Имеет ромбовидные очертания в плане. Одна из сторон орудия была уплощена плоскими снятиями,

выполненными от левого края. Лезвие слабокошенное, получено двусторонней краевой продольной оббивкой. Оббивка чередующая. Благодаря такому способу обработки, лезвие в профиле слабоизвилистое. Пятка расположена параллельно рабочему краю, представляет собой плоскость естественного разлома заготовки. Боковые стороны орудия усечены сколами. Размеры орудия: высота – 7 см, ширина – 7 см, толщина – 4 см.

Рубило (обломок) (рис. 5) изготовлено на желваке. Орудие обломано примерно по середине продольной оси. Первоначально орудие, вероятно, имело удлиненно-овальную форму. Судя по сохранившемуся лезвию, обработка рабочего края выполнена в технике мелкой краевой чередующей бифасиальной оббивки. Вторичная обработка выполнена тщательно и формирует прямое (слабоизвилистое в профиле) лезвие. Сечение орудия двояковыпуклое. Основание орудия имеет подтреугольную форму в плане. На лицевой стороне изделия имеется негатив длинного продольного скола,

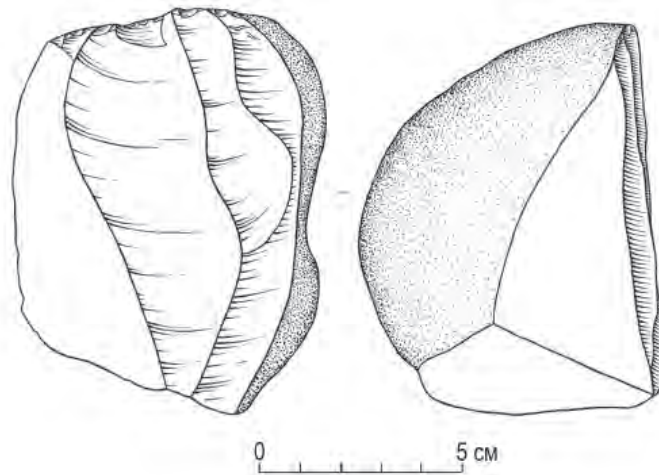

Рис. 4. Местонахождение Айникаб 5. Кремневый нуклеус.
Fig. 4. Ainikab 5 site. Flint core.

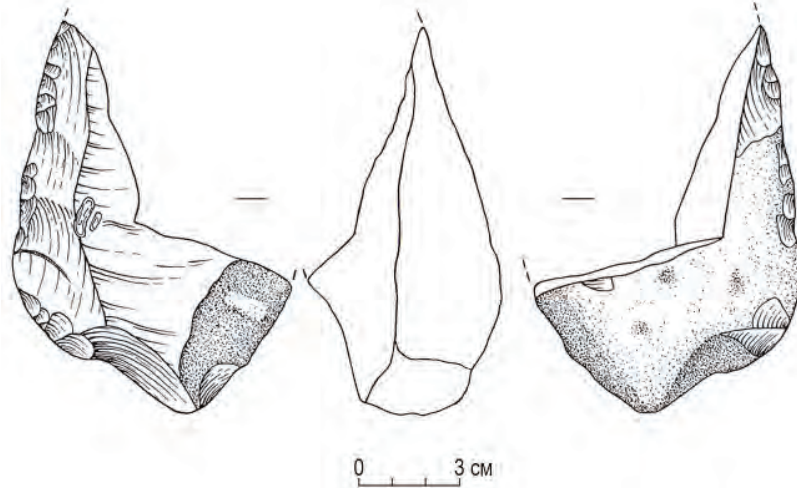

Рис. 5. Местонахождение Айникаб 5. Кремневый бифас.
Fig. 5. Ainikab 5 site. Flint biface.

произведенного, вероятно, для снятия массивности заготовки. Сохранившиеся размеры орудия: высота – 11,5 см, ширина – 7,8 см, толщина – 5,3 см.

Унифас укороченный (рис. 6, 6). Орудие имеет подтреугольную форму в плане с закругленным рабочим концом. Основание утолщенное, представляет собой плоскость естественного разлома. Оббивка велась от краев к центру. Обработка, в основном, односторонняя. На одном из краев обработка частично переходит и на вторую сторону изделия. Ряд сколов были нанесены со стороны плоскости основания (пятки). Сколы оббивки покрывают всю поверхность изделия. Нижняя плоскость орудия покрыта желвачной коркой. Сечение орудия линзовидное. Размеры: высота – 5,5 см, ширина – 8 см, толщина – 3,5 см.

Орудия с ретушированными выемками представлены тремя экземплярами. Один из них имеет вытянуто-овальную форму (рис. 6, 2). Заготовкой для него послужил массивный отщеп средних размеров. Длина заготовки – 7,7 см, ширина – 5,2 см, толщина – 2,5 см. Отщеп имеет гладкую ударную площадку. Ударный бугорок нерельефный. Продольные края заготовки имеют правильные очертания, субпараллельные, ретушированные. В дистальной части отщепа имеется корка. Сечение заготовки треугольное. На дистальном конце отщепа с помощью ретуши получена узкая выемка шириной 2 см. Ретушь краевая полукрутая.

Второе орудие изготовлено на обломке отщепа. Заготовка имеет подпрямоугольные очертания в плане (рис. 6, 1). Выемка шири-

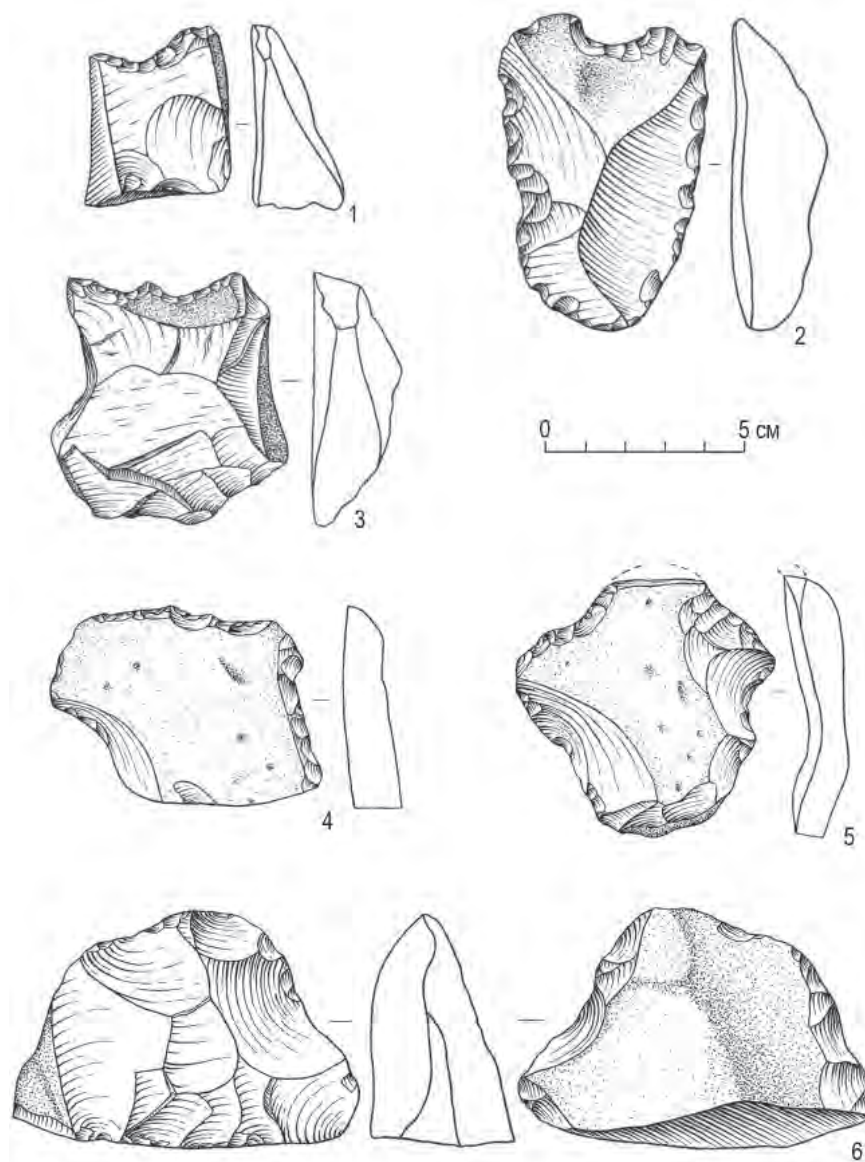

Рис. 6. Местонахождение Айникаб 5. Кремневые орудия: 1-3 – орудия с выемкой.

Fig. 6. Ainikab 5 site. Flint tools: 1-3 – notched tools.

ной 2,2 см была получена на узком и относительно тонком краю заготовки с помощью крутой мелкой ретуши. Размеры орудия: высота – 4,3 см, ширина – 3,4 см, толщина – 2,2 см. Поверхность орудия имеет легкую молочную патину в виде изолированных точек. Сечение изделия трапециевидное.

Третий предмет изготовлен на пластине. Поверхности заготовки покрыты плотной молочной патиной. Один из продольных краев пластины относительно тонкий, противоположный – более массивный. На тонком продольном краю заготовки имеется вторичная обработка в виде мелкой крутой краевой ретуши. Ретушированный край имеет вогнутую форму в нижней части. Обработанный участок края имеет ширину 3,7 см. На осталь-

ных краях заготовки вторичная обработка отсутствует. Длина орудия – 7 см, ширина – 3,3 см, толщина – 2 см.

Двувыемчатое орудие (рис. 6, 3) изготовлено на отщепе, который был получен в результате расщепления плитчатого или уплощенного желвака на всю его толщину. На это указывает наличие желвачной корки на ударной площадке и на дистальном конце. Отщеп имеет широкую ударную площадку и плоский бугорок. На спинке заготовки прослеживаются негативы бессистемных снятий. На левом продольном крае отщепа с помощью ретуши получены две смежные и равные по ширине выемки. Ретушь мелкая, частично ступенчатая. Размеры орудия: высота – 6,1 см, ширина – 6 см, толщина – 2,2 см.

Скребло поперечное с краевой выемкой изготовлено на первичном отщепе, имеющем гладкую протяженную ударную площадку (рис. 6, 4). На одном из краев отщепа, на участке непосредственно примыкающем к ударной площадке получена выемка, которая, по-видимому, служила в качестве аккомодационной части. Прямое широкое (5 см) лезвие оформлено на поперечном крае отщепа мелкой и средней частично двурядной полукрутой ретушью. Первоначально наносилась средняя ретушь, с последующим наложением на него мелкой ретуши. Размеры орудия: высота – 5 см, ширина – 6,5 см, толщина – 1,3 см.

Скребло поперечное с двумя симметричными краевыми выемками (рис. 6, 5). Заготовкой для этого орудия послужил полупервичный отщеп средних размеров. Ударная площадка отщепа широкая, покрыта желвачной коркой. Бугорок рельефный, распространяется на всю ширину отщепа. Большая часть лицевой стороны отщепа покрыта желвачной коркой. На продольных краях этого отщепа имеются две симметричные выемки, полученные сколами. Выемки затем были подправлены ретушью. Вероятно, они выполняли аккомодационную функцию. Рабочий элемент изделия получен на дистальном конце заготовки мелкой крутой и полукрутой ретушью. Он имеет дуговидную форму. Ширина рабочего края равна 6,3 см. Средняя часть лезвия обломана. Размеры орудия: высота – 6,3 см, ширина – 6,3 см, толщина – 1,5 см.

Скребла простые образуют самую представительную группу скребел – 3 экз. Все они получены на отщепах: один – на первичном сколе, остальные – на вторичных. Рабочие элементы орудий оформлены на продольных краях заготовок и имеют выпуклую форму.

Размеры орудий: 7,5×6×2 см; 8,4×3,7×1,9 см; 6,2×3,7×1,3 см.

Отщеп с ретушью имеет мелкие размеры. Длина отщепа – 4,6 см, ширина – 3,5 см, толщина – 1,3 см. Ударная площадка отщепа гладкая, получена сколами. На дорсальной поверхности имеет негативы многочисленных продольных снятий. Левый продольный край отщепа обработан мелкой и средней крутой ретушью. Обработанный край крутой

слабовогнутый. Описываемое изделие типологически близко к скребкам.

Важнейший вопрос изучения каменного инвентаря любого памятника – определение его культурно-хронологический принадлежности. Проблема датировки археологических находок, происходящих из аллювия 145 и 100-метровой террас реки Усиша, подробно рассматривалась Х.А. Амирхановым в своих монографических работах (Амирханов, 2007б; 2016). Поэтому, нет необходимости здесь еще раз останавливаться на этом вопросе. Отметим только, что датировка террас реки Усиша основывается исключительно на обобщениях и интерпретациях палеогеографических данных. Целенаправленные раскопки на местонахождениях, приуроченных к галечникам указанных террас, не проводились. Согласно палеогеографическим реконструкциям, формирование 100-метровой террасы реки Усиша Х.А. Амирханов относит ко времени миндель-рисского межледникового (Амирханов, 2016, с. 20-21), что соответствует раннехазарскому отрезку каспийской геоморфологической схемы. В технико-типологическом отношении каменный инвентарь местонахождения Айникаб 5 выглядит более развитым в сравнении с материалами местонахождений Айникаб 3, Айникаб 4 и Айникаб 6, происходящих из галечно-гравийных отложений 145-метровой террасы, и относящихся к началу ашельской эпохи на Северо-Восточном Кавказе (Амирханов, 2007в; Таймазов, 2012; 2022). Для индустрии Айникаб 5 характерно наличие сложившегося типа нуклеуса параллельного способа скалывания, направленного на получение пластинчатых заготовок. Важным технологическим моментом является присутствие развитой бифасиальной техники. Орудийный набор включает различные типы изделий на естественных обломках сырья, пластинчатых отщепах и отщепах. В их составе – обломок рубила, унифас, чоппер двусторонний, орудия с одним и двумя ретушированными выемками, различные типы скребел. Технико-типологический облик кремневого инвентаря из местонахождения Айникаб 5 указывает на принадлежность индустрии памятника к ашелю, причем к более поздней его стадии.

ЛИТЕРАТУРА

Амирханов Х.А. Работы Северокавказской палеолитической экспедиции Института археологии РАН в Центральном Дагестане в 2006 г. // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2006. № 3. С. 121–124.

Амирханов Х.А. В Центральном Дагестане открыты памятники раннего плейстоцена // Природа. 2007а. № 4. С. 62–67.

Амирханов Х.А. Исследование памятников олдована на Северо-Восточном Кавказе (предварительные результаты). М.: ТАУС, 2007б. 52 с.

Амирханов Х.А. Ранний ашель Кавказа в свете новых исследований в Дагестане: проблема истоков и основные типологические характеристики // Кавказ и первоначальное заселение человеком Старого Света / Под ред. Х.А. Амирханова, С.А. Васильева, Е.В. Беляевой. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007в. С. 21–34.

Амирханов Х.А. Северный Кавказ: начало преистории. Махачкала: МавраевЪ, 2016. 344 с.: ил.

Таймазов А.И. Культурно-типологическая характеристика индустрии памятников 145-метровой террасы р. Усиша (Центральный Дагестан) // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Материалы международной научной конференции (Махачкала, 23–28 апр. 2012 г.). Махачкала: Мавраевъ, 2012. С. 135–137.

Таймазов А.И. Местонахождение раннего палеолита Айникаб 6 в Центральном Дагестане // История, археология и этнография Кавказа. 2022. Т. 18. № 3. С. 751–772. DOI: <https://doi.org/10.32653/CH183751-772>

Информация об авторе:

Таймазов Артур Исрапилович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук (г. Махачкала, Россия); taymazov_artur@mail.ru

REFERENCES

Amirkhanov Kh. A. 2006. In *Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii (Bulletin of the Institute of history, achaeology and ethnography)* 3, 121–124 (in Russian).

Amirkhanov Kh. A. 2007a. In *Priroda (Nature)* (4), 62–67 (in Russian).

Amirkhanov Kh. A. 2007b. *Issledovanie pamyatnikov oldovana na Severo-Vostochnom Kavkaze (predvaritel'nye rezul'taty) (Studies of Oldowan sites in North-East Caucasus (preliminary results))*. Moscow: "TAUS" Publ. (in Russian).

Amirkhanov Kh. A. 2007c. In Amirkhanov Kh. A., Vasil'ev S. A., Belyaeva E. V. (eds.). *Kavkaz i pervonachal'noe zaselenie chelovekom Starogo Sveta (Caucasus and the initial human colonization of the Old World)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg Centre for Oriental Studies Publ., 21–34 (in Russian).

Amirkhanov Kh. A. 2016. *Severnnyy Kavkaz: nachalo preistorii (North Caucasus: the beginning of prehistory)*. Makhachkala: "Mavraev" Publ. (in Russian).

Taymazov A. I. 2012. In Gadzhiev, M. S. (ed.). *Noveishie otkrytiia v arkheologii Severnogo Kavkaza: issledovaniia i interpretatsii. XXVII Krupnovskie chteniia. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Newest Discoveries in the Archaeology of North Caucasus: Investigations and Interpretations. Materials of the International Conference)*. Makhachkala: "Mavraev" Publ., 135–137 (in Russian).

Taymazov A. I. 2022. In *Istoriya, arkheologiya, i etnografiya Kavkaza (History, Archaeology, and Ethnography of the Caucasus)* 18 (3), 751–772. DOI: <https://doi.org/10.32653/CH183751-772> (in Russian).

About the Author:

Taymazov Artur I. Candidate of Historical Sciences, Institute of History, Archaeology and Ethnography, Daghestan Federal Research Centre of Russian Academy of Sciences. M. Yaragского St., 75, Makhachkala, 367030, Republic of Daghestan, Russian Federation; taymazov_artur@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2022 г.
Статья принята к публикации 01.12.2022 г.

ОБУСТРОЙСТВО ЖИЛОГО ПРОСТРАНСТВА В НЕО-ЭНЕОЛИТЕ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ

©2022 г. Е.С. Яковлева

Статья ставит своей задачей возвращение к данным хорошо известных опубликованных памятников Южного Зауралья и сопоставление их с материалами недавних раскопок с целью осмысления проблемы обустройства жилого пространства в нео-энеолитическое время. Отмечаются характерные черты стоянок региона – наличие жилищных объектов типа очагов, каменных выкладок, отдельных столбовых ям, - без явных следов собственно жилищ, а также активное использование для обустройства скальных выходов и каменного сырья. Предлагается интерпретация фиксируемых остатков как «площадок» и «жилых комплексов», приводятся сходные пути решения аналогичных проблем применительно к стоянкам каменного века иных территорий. Предполагается, что это поможет решить отдельные методические вопросы полевого и камерального этапов работ и повысить источниковый потенциал памятников Южного Зауралья.

Ключевые слова: археология, неолит, энеолит, Южное Зауралье, планиграфия, жилая площадка, жилищный комплекс, стоянка.

ARRANGEMENT OF LIVING SPACE IN THE NEOLITHIC AND ENEOLITHIC OF THE SOUTHERN TRANS-URALS

E. S. Yakovleva

The paper aims to return to the data of well-known published sites of the Southern Trans-Urals and compare them with the materials of recent excavations in order to comprehend the issue of arranging living space in the Neolithic and Eneolithic period. The characteristic features of the sites in the region are noted – the presence of housing objects such as hearths, stone laying out, separate post-holes – without obvious traces of the dwellings themselves, as well as the active use of rocky outcrops and stone raw materials. An interpretation of the recorded remains as "sites" and "residential complexes" is proposed, ways of solving similar issues concerning to the Stone Age sites of other areas are given. It is assumed that it will help to solve certain methodological issues of the field and cameral stages of work and increase the source potential of the sites of the Southern Trans-Urals.

Keywords: archaeology, Neolithic, Eneolithic, South Trans-Urals, spatial structure, dwelling zone, dwelling complex, site.

Введение. Полевые исследования памятников позднего каменного века в Южном Зауралье имеют не самую долгую историю, порядка 70 лет, но довольно большую накопленную источниковую базу и историографию. Для территории, ограниченной в основном зоной восточных предгорий и пенеплена, известны сотни стоянок и местонахождений этого времени. Тем не менее, одна из базовых категорий источника чаще всего «выпадает» из исследовательского дискурса: характеристика жилищ и жилого пространства с хозяйственными объектами чаще остаётся без комментариев, чем включается в работу. Это связано с объективным, хорошо известным обстоятельством – маломощностью культурных слоёв при многослойности памятников ввиду очень медленных процессов почвообразования, и, соответственно, довольно сложными проце-

дурами понимания стратиграфии и планиграфии материала.

Южноуральские восточные предгорья отличаются специфическим ландшафтом: многочисленные озёра здесь имеют тектоническое происхождение с сильно изрезанной береговой линией, профиль горного рельефа довольно резкий. Расположение стоянок приурочено к компактным седловинам между возвышенностями, на мысовых участках, часто у проток при впадении в водоём. Малая площадь ровных участков, зажатых между скалами и береговой линией, а также близость скального материка, покрытого тонким почвенным чехлом, определяют характер бытообустройства древнего населения региона.

Источники. Первым памятником нео-энеолита, исследованным в регионе, была ст.

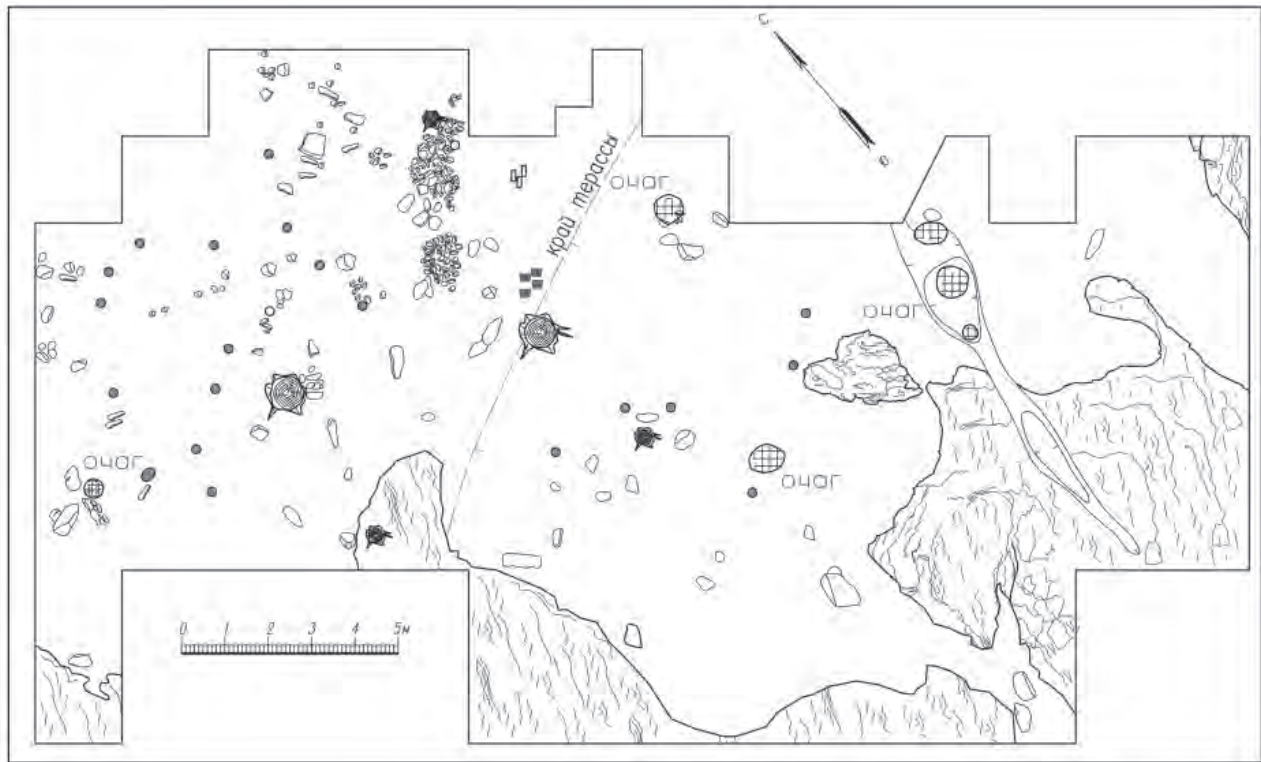

Рис. 1. Ст. Чебаркуль I, план раскопа.
Fig. 1. Chebarkul I site, excavation plan.

Чебаркуль I (рис. 1), исследованная под руководством Н.П. Кипарисовой разведками и раскопками в 1951–1952 и в 1953 г. Большая часть культурного слоя была разрушена ещё до начала работ, мощность слоя на неповреждённых участках составила 0,35–0,7 м (Кипарисова, 1954, с. 6). После снятия культурного слоя на дне раскопа были обнаружены многочисленные камни по отдельности и группами, четыре из которых образовывали выкладки диаметром 10–15 см, со следами копоти на поверхности, по мнению автора раскопок, предназначенные для установки сосудов (Кипарисова, 1954, с. 6). Расположение жилища автор привязала к северной части раскопа, выделив его предположительные границы по столбовым ямкам. Характерно, что, несмотря на многочисленные элементы обустройства жилой площадки – ямки и каменные выкладки под установку горшков (?), столбовые ямки и более крупные ямы (Кипарисова, 1954, с. 9), вероятно, имеют иное хозяйственное назначение, так как очертаний собственно жилища обнаружено не было. В то же время любопытно, что реконструируемые Н.П. Кипарисовой очертания постройки опираются не только на столбовые ямки, но и на естественный рельеф, а именно – глинистый выступ высотой 0,25 м, прилегающий к скальнику.

Памятник Чебаркуль 2 (рис. 2), расположенный на противоположном от ст. Чебаркуль I берегу, исследовался Л.Я. Крижевской в 1960–1962 гг. (Крижевская, 1968, с. 17). В описании памятника автор уделила большое внимание вмещающему ландшафту, и это понятно: расположенное между высоким береговым валом и гребнями скальных выходов поселение имеет вид почти архитектурной красоты. Скалистый рельеф, кроме топографической приуроченности, сказался и на бытовых практиках древнего населения, связанных с обустройством жилых площадок. Постройка, судя по распространению находок, была ограничена с южной стороны скальным выходом, ориентированным широтно, хотя непосредственных контуров жилища и столбовых ям зафиксировано не было. Собственно, скальник к моменту раскопок оказался разрушенным. К нему с северной стороны прилегали четыре хозяйственные ямы, две из которых имели незначительные размеры – диаметр около 35 см, глубина до 16 см, с развалами керамики на дне, а яма № 1 ещё и с двумя камнями (Крижевская, 1968, с. 20). Две другие ямы отличались значительно более крупными размерами – 3–3,5х0,7–1,5 м, глубиной до 0,25 м, с пологими с северной стороны краями и сосудами на дне. «Таким

Рис. 2. Ст. Чебаркуль II, план раскопа.

Fig. 2. Chebarkul II site, excavation plan.

образом, скала являлась своеобразным укрытием и использовалась человеком как часть жилого хозяйственного сооружения. К нему, очевидно, пристраивались перекрытие и другие участки стен, следов от которых не сохранилось» (Крижевская, 1968, с. 21). Кроме того, автор отмечает неоднократно зафиксированные при раскопках каменные кладки и, по-видимому, просто крупные камни, которым «сопутствовали» развалы сосудов и скопления керамики. Также в центральной части раскопа, к северу от скалы, располагалось очажное пятно вытянутой подовальной формы довольно крупных размеров – порядка 2×1 м, но, судя по всему, без выраженных конструктивных элементов.

В относительной территориальной близости с чебаркульскими стоянками расположен ряд других памятников, исследованных Л.Я. Крижевской на берегу оз. Большое Миассово, из которых наиболее примечателен Кораблик (рис. 3, 4). В 1967–1968 гг. был исследован участок данной стоянки площадью более 100 м² (Крижевская, 1977, с. 19). В пределы раскопа попали три очага (рис. 3), вытянувшиеся в линию, ориентированные по мысу в направлении север-юг (Крижевская, 1977, с. 23–25). Первый очаг был устроен у скальных выходов, имел неправильные очертания в виде подпрямоугольной впадины с углистым песком в заполнении, с обкладкой из камней и вытянутой канавкой с нечёткими контурами

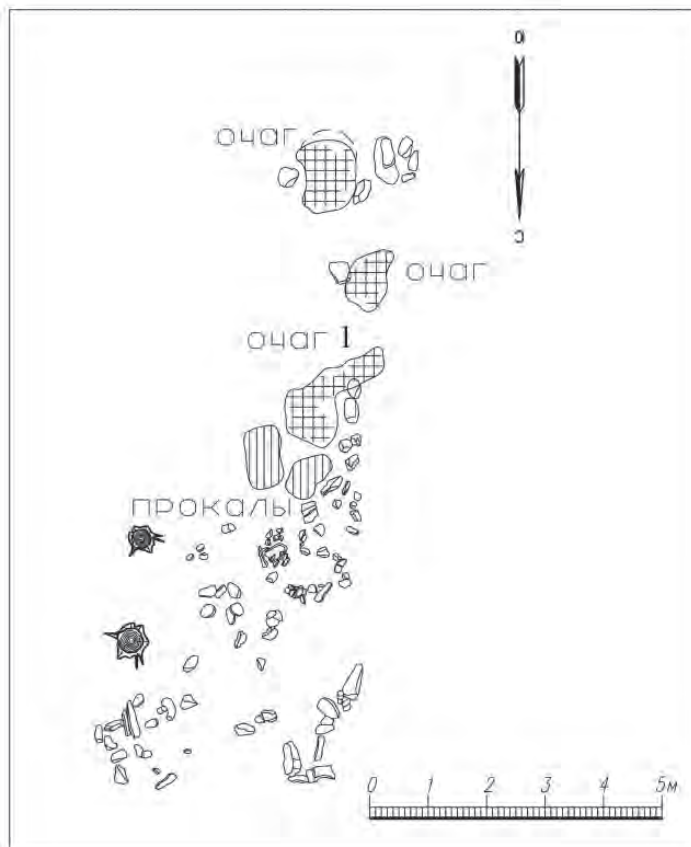

Рис. 3. Ст. Кораблик, план раскопа.
Fig. 3. Korablic site, excavation plan.

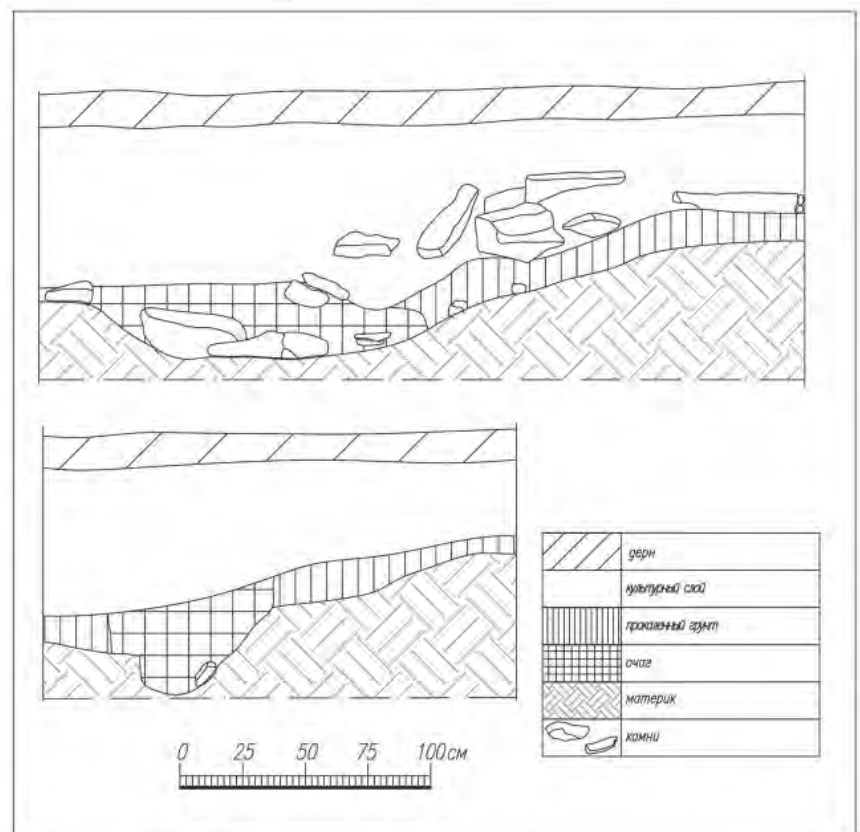

Рис. 4. Ст. Кораблик, продольный и поперечный разрез очага 1.
Fig. 4. Korablic site, longitudinal and cross-section of the fireplace 1.

углистою грунта (рис. 4). Второй очаг представлял собой линзу прокала мощностью до 20 см и был счищен прежде, чем оконтурились два других. Наконец, третий очаг имел подквадратные очертания и ямку глубиной 25 см в юго-восточном углу; она была интер-

претирована автором как ветровой заслон. Остатки жилищ не фиксировались, однако Л.Я. Крижевская объединила данные объекты в «жилой комплекс» с последовательным использованием очагов (Крижевская, 1977, с. 25). Данный термин представляет для нас

значительный интерес в качестве адекватной альтернативы «жилищам», которые на горно-лесных стоянках Южного Зауралья, по сути, не встречаются.

Исследовательские работы на берегах оз. Чебаркуль были продолжены Е.М. Беспрозванным и В.С. Мосиным в 1979–1981 гг. Среди изученных ими стоянок нужно отметить Чебаркуль Ха, XV, XVI (Мосин, 2011, с. 16–19). На стоянке Чебаркуль Ха в пределах площади 328 м² были зафиксированы 7 очагов, 13 ямок различного диаметра и глубины, а также кольцевые каменные выкладки и клад галек; скопления каменных изделий в плане тяготели к крупным камням и скальным выходам (Мосин, 2011, с. 16). В то же время, несмотря на столь очевидные следы длительного пребывания и хозяйственной деятельности, непосредственных следов построек и подобных сооружений зафиксировать не удалось. Аналогичная ситуация зафиксирована для стоянок Чебаркуль XV и XVI: в раскопах, исследованных площадью 184 и 226 м² соответственно, остатки жилищ и иных конструкций отсутствовали, однако были получены следы хозяйственных объектов – очагов (на Чебаркуль XV – 3, на Чебаркуль XVI – 2), каменных кольцевых выкладок и отдельных столбовых ямок, со скоплениями каменных изделий у скальника (Мосин, 2011, с. 17–18). В.С. Мосин, анализируя проблему выделения остатков жилищ и прочих построек стоянок Южноуральского Приозерья, предположил, что это связано с проведением раскопок малыми площадями, в связи с чем очертания данных объектов не фиксируются.

Современные раскопки южноуральских памятников дополнили картину предшествующих наблюдений. Стоянка Шатанов 3 (рис. 5) раскапывалась в 2006 г. под руководством В.С. Мосина (Мосин, 2011; Куприянов, 2006). Площадью 160 м² была исследована основная часть памятника, его наиболее ровная часть. В пределах раскопа было зафиксировано жилище с двумя очагами и тремя хозяйственными ямами. В контексте обсуждения важно отметить, что собственно контуры жилища очерчивались нечётко – по незначительной углублённости пола постройки в материк, в естественных границах скальника, а также по столбовым ямкам (Мосин, 2008, с. 9). Из хозяйственных ям интересна наиболее крупная, расположенная в центре постройки, – с камнями подпрямоугольной формы в своей конструкции, двумя каменными выкладками на дне. Примечателен и участок разбор-

ной скалы в непосредственной близости от ямы с выровненной площадкой и повышенной концентрацией каменных артефактов вокруг неё – вероятно, «рабочий столик». Ещё один объект – крупный очаг в северной части постройки – нуждается в комментарии: он имел подовальную форму, нестандартно крупные размеры (2,5×2 м), глубину 0,4–0,45 м. Кроме того, в его заполнении были обнаружены фрагменты иткульского сосуда. По-видимому, данный объект всё же не может быть надёжно связан с остальным контекстом эпохи камня – временем финального неолита-энеолита.

Стоянка Кедровый мыс-1 (рис. 6) исследовалась десять лет спустя раскопом площадью 294 м², охватив фактически всю зону памятника. Несмотря на малую мощность пачки напластований – 0,3–0,5 м, материалы коллекции включили в себя разновременные комплексы раннего и позднего неолита, энеолита, раннего железного века, а также единичные фрагменты эпох поздней бронзы и средневековья. Прочтение стратиграфии традиционно осложнено не только маломощностью и пониженной цветностью слоёв, но и плотной корневой системой лесной зоны. В связи с этим существенную помощь в понимании хроностратиграфии объектов оказали планиграфические наблюдения за распространением артефактов. На основании корреляции этих данных в пределах раскопа можно выделить четыре площадки, видимо, связанные с наземными постройками, чёткие следы которых не сохранились. Остатки предполагаемых сооружений фиксируются как незначительные – до 0,15–0,2 м, углубления в материк неправильной подовальной формы, вписанной в естественный рельеф между скальными выходами. Хотя фрагменты неолитической керамики залегают в пределах тех же площадок, что и энеолитические, большая часть ранних материалов была зафиксирована в смежном с этими площадками пространстве в переотложенном состоянии (тёмные значки на плане), очевидно, представляя собой выкиды, образовавшиеся при подчистке места. По этой причине предпочтительно относить данные постройки к энеолитическому времени, тем более что в одной из них (площадка 1) развал липчинского сосуда был зафиксирован *insitu* у очага. Все четыре объекта имеют остатки очагов; у площадки 1 очаг прижат к крупным валунам у южного края, у площадки 3 очаг расположен в её западной части, ближе к краю; ещё в двух случаях они находятся в

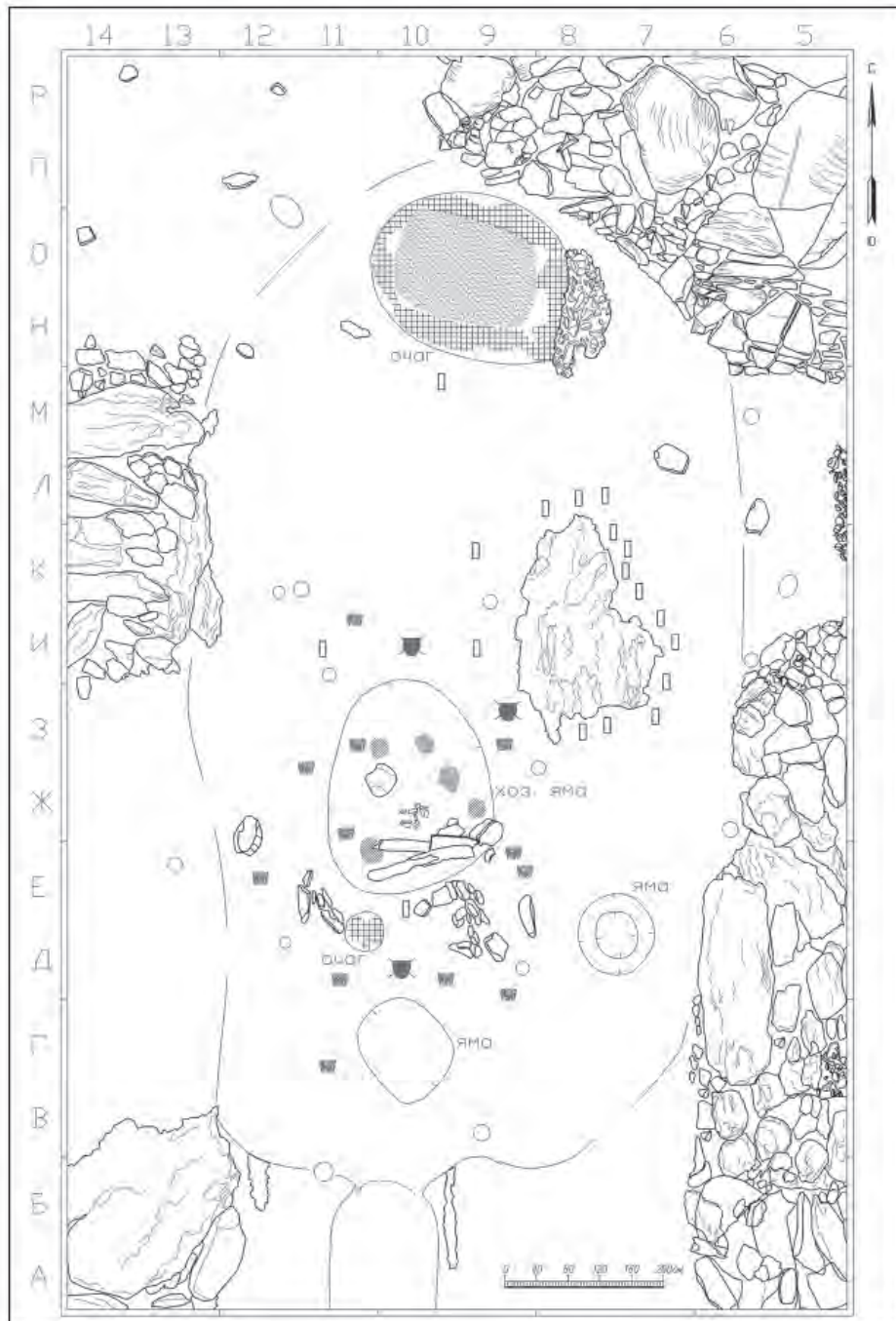

Рис. 5. Ст. Шатанов 3, план раскопа.
Fig. 5. Shatanov 3 site, excavation plan.

центральной части. Очаги имеют подовальные и округлые очертания, частичную или частично сохранившуюся каменную обкладку либо «привязку» к естественной скале, как в случае с постройкой 1; некоторым исключением среди них является очаг площадки 3, не имеющий явных следов конструктивных элементов из камня.

Также при планиграфировании фрагментов керамики с учётом их глубинного расположения и степени перемещённости можно отметить, как меняется площадь вовлечённого в активную жизнедеятельность пространства:

на первом этапе, в раннем неолите, преимущественно использовалась площадка 2; далее, в позднем неолите, площадь расширилась к востоку, включив площадку 1; некоторое скопление фрагментов в южной части раскопа, возможно, связано с перемещением слоев в последующее время, во всяком случае, не подлежит сколь-нибудь уверенной интерпретации. В энеолите уже всё пространство между скальными выходами было включено в зону активной жизнедеятельности, при этом материалы распадаются на две группы: северную и южную. Предположительно, площадки 1 и 2

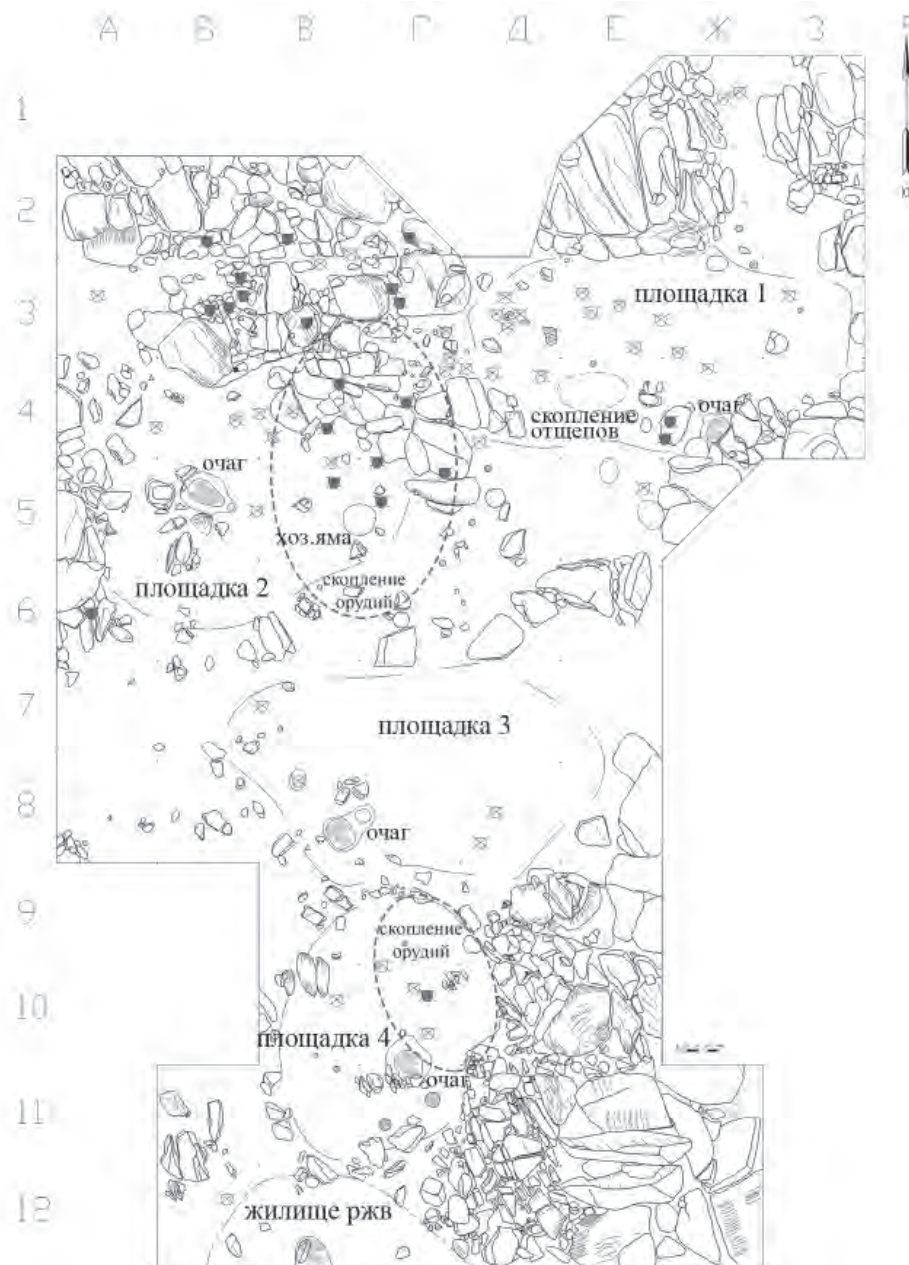

Рис. 6. Ст. Кедровый мыс-1, план раскопа.
Fig. 6. Kedrovyy Mys-1 site, excavation plan.

составляли один жилой комплекс, а площадки 3 и 4 – второй. Кроме того, почти полное отсутствие находок в пределах площадки 3, тяготение малочисленной керамики только к её западной окраине – у очага, позволяет допустить интерпретацию постройки на этом участке как подсобного помещения. Также представляется любопытным и разрастание площади стоянки в энеолитическое время к югу. Так, южная часть памятника имеет существенное понижение к береговой линии, в настоящий момент заболочена, в то время как северный край представляет собой высокий скалистый берег, довольно резко обрывающийся к воде. Опираясь на известный для

смежных пространств климатологический факт о наибольшей увлажнённости в раннем неолите и начале аридизации в конце каменного века (Бикмулина и др., 2017), можно объяснить характер распространения артефактов на территории стоянки с постепенным общим понижением уровня воды в озере и осушением части береговой линии.

Стоянка Инышко 5 (рис. 7) находится в непосредственной близости от ст. Кедровый мыс-1; исследовалась в 2020–2021 гг. автором, двумя малыми участками общей площадью 72 м² (публикационные материалы раскопок приняты в печать в «Уфимский археологический вестник»). Стоянка имела

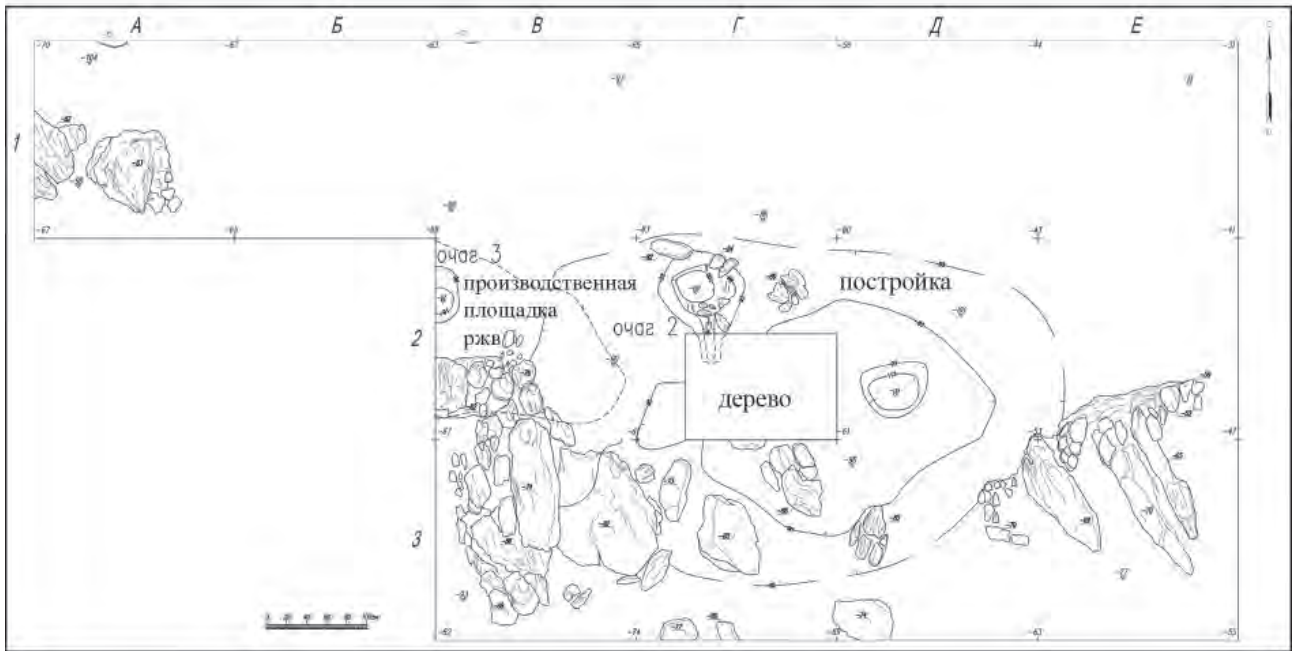

Рис. 7. Ст. Инышко 5, план раскопа.

Fig. 7. Inyshko 5 site, excavation plan.

ступенчатый рельеф разной высоты с примечательной хронопланиграфией материала: неолитические материалы зафиксированы только в восточной её части, в то время как энеолитические – по всей площади. В пределы исследованной площади попали два очага каменного века. Первый, неолитический, представлял собой простое кострище, и что важно, прижатое к скальнику у северного края площадки. Второй, энеолитический, зафиксирован в западной части стоянки, имел сложную конструкцию с поддувалом и глиняным куполом, в основании свода которого были уложены камни. Кроме того, здесь же удалось очертить приблизительные контуры предполагаемой наземной постройки, для оформления которой был частично подработан скальник. Котлован не выражен, столбовые ямки не зафиксированы; таким образом, речь идёт скорее о площадке, возможно, с производственной функцией, нежели о привычном жилище.

Результаты и обсуждение. Таким образом, характеризуя источниковый потенциал озёрных стоянок горно-лесной зоны в контексте изучения древнего домостроительства и планировки жилого пространства, стоит сместить акцент с их объективных недостатков в виде маломощных и смешанных культурных слоёв на твёрдо зафиксированные факты. Так, на наиболее хорошо изученных стоянках чётко фиксируются объекты, тради-

ционно сопровождающие жилища: очаги, хозяйственные ямы и отдельные столбовые ямки, а также кольцевые каменные выкладки и скопления орудий и отходов производства, маркирующие рабочее место мастера. В некотором роде, благодаря своей малой площади, планиграфически стоянки дают более насыщенную картину хозяйственной деятельности и функционального использования жилого пространства в сравнении с результатами раскопок поселений, где работы чаще проводятся путем исследования жилищных впадин без межжилищного пространства. В этой связи представляется, что фактическое отсутствие на горно-лесных стоянках «жилищ» с чётким котлованом, ясной системой каркаса постройки, выраженным заполнением объекта, требует осмысления как некий самостоятельный факт. По-видимому, поиск решения проблемы лежит не через смену методики раскопок – большими ли площадями, тонкостью зачисток слоёв (Мосин, 2011, с. 30), а путём введения другого интерпретационного поля.

Так, выше было обращено внимание на понятие «жилой комплекс», использованное Л.Я. Крижевской при описании ст. Кораблик (Крижевская, 1977, с. 25), а в настоящем тексте – при анализе материалов ст. Кедровый мыс-1 и ст. Инышко 5, кроме того, традиционное понятие «жилище» было заменено на операциональный термин «площадка» по

причине большего соответствия наблюдаемой по результатам раскопок картине. Предполагается, что осмысление «площадок» и связанных с ними объектов, и распределённого в пространстве массового материала как «комплексов» – жилых, а, возможно, и обособленных производственных, – позволит более полно раскрыть источник. В числе важных характеристик нео-энеолитических горно-лесных стоянок нужно перечислить: следы сооружения лёгких наземных конструкций предположительной площадью около 25–35 м², вписанных в естественный рельеф; незначительную подработку скальных пород в случае их достаточной рыхлой структуры; активное использование необработанного камня при организации жилого пространства в качестве обкладки очагов и кольцевых выкладок (подставок под сосуды?). Также скальный рельеф – обнажение пород или отдельные крупные валуны – имел явно большое значение для бытового обустройства – выбора рабочего места, очажной площадки. Таким образом, на первый план выходят не столько формальные характеристики объектов, а традиция адаптивного, максимально вписанного в рельеф и ландшафт обустройства пространства с использованием готовых «подручных материалов» и элементов внутреннего интерьера.

Несмотря на специфику ландшафта и природно-географических условий, отмеченная стратегия обустройства жизненного пространства стоянок Южного Зауралья имеет ряд общих черт со смежной территорией лесостепного Притоболья. Так, сходная картина переиспользования одних и тех же жилищных участков в нео-энеолите с тенденцией к разрастанию площади памятника в сторону воды ранее была прослежена на материалах лесостепного Притоболья (Мосин, Яковлева, 2018; Яковлева, 2020). Второй момент, который обращает на себя внимание, – это вписывание построек в естественный рельеф. Так, несмотря на различный характер фиксируемых очертаний объектов и степень их «читаемости», для памятников обеих ландшафтных зон фиксируется идентичная стратегия домостроительства. В лесостепной зоне для жилищных котлованов активно использовались естественные суффозионные впадины (Мосин, Яковлева, 2018, с. 101), в горно-лесной – ровные площадки в «седловине» между скальными выходами. В большинстве случаев столбовые ямы не фиксируются либо не составляют ясной картины взаимос-

вязи. Объекты характеризуются небольшими размерами – площадью 20–45 м², и небольшой глубиной 10–30 см, реже до 60 см.

Характерно, что на пос. Кочегарово 1, изученном практически полной площадью порядка 2 тыс. м², при корреляции сооружений и распространения материала также прослеживается логика функционального деления пространства. Так, в пределах раскопа изучены два объекта, которые по скоплению каменных артефактов – от пробных сколов до готовых изделий – могут быть интерпретированы как производственные площадки; в то же время керамика, несмотря на дисперсию материала в культурных слоях памятника, на протяжении всех периодов тяготеет к сооружениям скорее жилого назначения – с очагами нео-энеолитического времени, малочисленным или отсутствующим каменным инвентарём, а также к крупной хозяйственной яме.

К числу явных различий относится, как самое очевидное, использование камня в домостроительстве и ином обустройстве пространства. Для горно-лесной зоны нередко встречаются следы частичного обрушения скальника, а также сооружение из камня конструкций в виде стен очага и/или подставок под сосуды. Отсутствие подобных практик бытообустройства в лесостепи Притоболья не требует специальных комментариев.

Аналогии проблемы и пути решения. Обращаясь к описанным методическим сложностям и опыту коллег, можно проследить некоторые параллели этой стратегии в археолого-этнографических материалах Чукотки (Данилов, 2021), где высокая мобильность населения с древнейших времен сформировала традицию сооружения лёгких каркасных построек. Разумеется, подобные конструкции не оставляют после себя существенных следов на поверхности и в материке, однако, в условиях проживания в Арктике с глубокой древности и до настоящего момента широко распространены каменные обкладки по периметру чума, и именно по ним фиксируются контуры археологических объектов, «которые можно охарактеризовать как места установки легко разборных мобильных жилищ со следами проживания» (Данилов, 2021, с. 134). При описании своеобразного материала, представленного выкладками, интерпретируемыми как периметры жилищ и контуры очагов, автор пользуется термином «структуры» (Данилов, 2021, с. 134, 137), что выглядит как корректное обозначение археологических фактов,

предваряющих этап реконструкции и интерпретации.

Н.А. Хайкунова, анализируя материалы верхнепалеолитической стоянки Третий мыс (Ростовская область), подчёркивает отсутствие «явных следов конструкций, которые можно ассоциировать с жилыми постройками» (Хайкунова, 2011, с. 383), а на основании отдельно зафиксированных столбовых ямок предполагает ветровые заслоны. Тем не менее, пользуясь методами планиграфического анализа – функционального распределения и ремонта каменного инвентаря, автор убедительно выделяет не только комплексы связанных объектов и скоплений артефактов, но и основную композицию жилого пространства стоянки (Хайкунова, 2011 с. 385–390). Не менее интересные наблюдения для двух каменнобалковских памятников сделаны группой исследователей о взаимосвязи палеорельефстоянок и хозяйственно-бытовой

планировки: на дне древних ложбин располагались комплексы различной производственной специализации (Леонова и др., 2014, с.86, 87).

Заключение. Для работ по каменному веку Зауралья, выполненных с помощью метода «связей», подобная детализация анализа и глубина реконструкции пока остаётся горизонтом стремлений, и не в последнюю очередь из-за вышеперечисленных характеристик культурных слоёв (маломощность, многослойность, перемешанность) стоянок и поселений каменного века Зауралья и Западной Сибири, что заставляет с большой осторожностью относиться к контексту обнаружения артефактов. Тем не менее, успешный опыт коллег в работе с памятниками без очевидных следов жилищ и полноценных поселенческих структур позволяет наметить пути решения подобных проблем и для стоянок Южного Зауралья.

ЛИТЕРАТУРА

- Бикмулина Л.Р., Якимов А.С., Мосин В.С., Баженов А.И. Геохимические особенности почв и культурных слоев поселения неолита-энеолита Кочегарово-1 в лесостепной зоне Западной Сибири и их палеоэкологическая интерпретация // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. Т. 45. № 2. С. 31–40.
- Данилов Г.К. Морфология наземных жилищ Западной Чукотки: от мезолита к современности // Известия СНЦ РАН. 2021. Т. 3. № 4. С. 132–141.
- Кипарисова Н.П. Отчет о раскопках Чебаркульской неолитической стоянки в 1953 г. 1954 г. // Архив ГИМ Южного Урала.
- Крижевская Л.Я. Раннебронзовое время в Южном Зауралье. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. 129 с.
- Куприянов В.А. Неолитические жилища Южного Урала // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2006. № 17 (72). С. 66–71.
- Леонова Н.Б., Несмеянов С.А., Виноградова Е.А., Воейкова О.А., Хайкунова Н.А. Проблема использования локальных элементов рельефа на стоянках открытого типа (микрофациальный уровень исследования) // Вісник Одеського національного університету. Серія: «Географічні та геологічні науки» (Вестник ОНУ имени И.И. Мечникова). 2014. Т.19, вип. 1. С. 79–91.
- Мосин В.С. Отчет. Раскопки стоянки Шатанов 3 в 2007 г. Челябинск, 2008 // Архив Музея народов Южного Урала ЮУрГУ.
- Мосин В.С. Стоянка Шатанов 3 (классификационный и археолого-исторический подходы). Челябинск: Рифей, 2011. 108 с.
- Мосин В.С., Страхов А.Н., Яковлева Е.С., Никитин А.Ю. Неолитический и энеолитический комплексы стоянки Кедровый мыс-1 в Южном Зауралье // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2017. Т. 17. № 4. С. 46–56.
- Мосин В.С., Яковлева Е.С. Динамика развития поселений неолита-энеолита в лесостепном Зауралье // Стратегии жизнеобеспечения в каменном веке, прямые и косвенные свидетельства рыболовства и собирательства. Материалы международной конференции, посвященной 50-летию В.М. Лозовского / Под ред. О.В. Лозовской, А.А. Выборнова и Е.В. Долбуновой. СПб.: ИИМК РАН, 2018. 266 с.
- Хайкунова Н.А. Комплексы стоянки Третий мыс: проблема объединения // Палеолит и мезолит Восточной Европы. Сборник статей в честь 60-летия Хизри Амирхановича Амирханова / Отв. ред. К.Н. Гаврилов. М.: ИА РАН, 2011. С. 383–396.
- Яковлева Е.С. Планиграфия и стратиграфия неолитических поселений лесостепного Притоболья: возможности метода «связей» // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2020. № 2. С. 53–68.

Информация об авторе:

Яковлева Екатерина Сергеевна, научный сотрудник ООО «ЦИКИ «Астра» (г. Челябинск, Россия); младший научный сотрудник, Курганский государственный университет (г. Курган, Россия); lugsamildanah@yandex.ru

REFERENCES

- Bikmulina, L. R., Yakimov, A. S., Mosin, V. S., Bazhenov, A. I. 2017. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 45 (2), 31–40 (in Russian).
- Danilov, G. K. 2021. In *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)*. Vol. 3, no. 4, 132–141 (in Russian).
- Kiparisova, N. P. 1954. *Otchet o raskopkakh Chebarkul'skoy neoliticheskoy stoyanki v 1953 g. (Report on the excavations of the Chebarkul Neolithic site in 1953)*. Archive of the State Historical Museum of the Southern Urals (in Russian).
- Krizhevskaya, L. Ya. 1977. *Rannebronzovoe vremya v Yuzhnom Zaural'e (Early Bronze Age in the Southern Trans-Urals)*. Leningrad: Leningrad State University (in Russian).
- Kupriyanov, V. A. 2006. In *Vestnik IuUrGU. Seriya «Sotsial'no-gumanitarnye nauki» (Bulletin of South Ural State University. Series: Social and Humanitarian Sciences)* 72 (17), 66–71 (in Russian).
- Leonova, N. B., Nesmeyanov, S. A., Vinogradova, E. A., Voejekova, O. A., Khaikunova, N. A. 2014. In *Visnik Odes'kogo natsional'nogo universitetu. Seriya: «Geografichni ta geologichni nauki» (Vestnik ONU imeni I.I. Mechnikova) (Bulletin of the Odessa National University. Series: "geographical and geological sciences" (Bulletin of OTT named after I. I. Mechnikov))* 19 (1), 79–91 (in Russian).
- Mosin, V. S. 2008. *Otchet. Raskopki stoyanki Shatanov 3 v 2007g. (Report. Excavations on the Shatanov 3 site in 2007)*. Chelyabinsk. Archive of the of the Museum of the Peoples of the Southern Urals State University (in Russian).
- Mosin, V. S. 2011. *Stoyanka Shatanov 3 (klassifikatsionnyy i arkhologo-istoricheskiy podkhody). (Shatanov 3 site (classification and archaeological-historical approaches)*. Chelyabinsk: “Rifey” Publ. (in Russian).
- Mosin, V. S., Strakhov, A. N., Yakovleva, E. S., Nikitin, A. Yu. 2017. In *Vestnik IuUrGU. Seriya «Sotsial'no-gumanitarnye nauki» (Bulletin of South Ural State University. Series: Social and Humanitarian Sciences)*. 17 (4), 46–56 (in Russian).
- Mosin, V. S., Yakovleva, E. S. 2018. 2018. In Lozovsky, O. V., Vybornov, A. A., Dolbunova, E. V. (eds.). *Strategii zhizneobespecheniya v kamennom veke, prjamyje i kosvennyje svidetel'stva rybolovstva i sobiratel'stva. (Subsistence Strategies In The Stone Age, Direct And Indirect Evidence Of Fishing And Gathering)*. Saint Petersburg: Institute of History of Material Culture, 101–103 (in Russian).
- Khaikunova, N. A. 2011. In Gavrilov, K. N. (ed.). *Paleolit i mezolit Vostochnoy Evropy. Sbornik statey v chest' 60-letiya Khizri Amirkhanovicha Amirkhanova (Palaeolithic and Mesolithic of Eastern Europe. Collection of Articles Dedicated to the 60th Anniversary of Khizri Amirkhanovich Amirkhanov)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 383–396 (in Russian).
- Yakovleva, E. S. 2020. In *Magistra Vitae*. (2), 53–68 (in Russian).

About the Author:

Yakovleva Ekaterina S. “ЦИКИ “Астра” LLC. Krasnoarmeiskaia, Str. 106, Chelyabinsk, 454090, Russian Federation; Kurgan State University. Sovetskaya, str., 63, build. 4, Kurgan, 640020, Russian Federation; lugsamildanah@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2022 г.
Статья принята к публикации 01.12.2022 г.

УДК 902.6

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.6.186.200>

ХРОНОЛОГИЯ СЕЙМИНСКО-ТУРБИНСКИХ БРОНЗ НА ОСНОВАНИИ БЛИЖНЕВОСТОЧНЫХ И КИТАЙСКИХ ИСТОЧНИКОВ И ДАТИРОВКИ ИЗВЕРЖЕНИЯ САНТОРИНА

© 2022 г. С.А. Григорьев

Сейминско-турбинские бронзы распространяются в Евразии при переходе от среднего к позднему бронзовому веку, но абсолютная хронология этого горизонта не ясна. Это связано с проблемами радиоуглеродной хронологии, ее широкими доверительными интервалами и тенденцией к удревнению дат. Широкое распространение этой традиции и ее дериватов от Европы до Китая позволяет связать их с исторической хронологией. Опорой для этого являются хронология династии Шан в Китае, дендрохронология Центральной Европы и хронология шахтных гробниц Греции, связанная с египетской хронологией. Возможность для их сопоставления дает извержение вулкана Санторин. Анализ материалов показывает большую адекватность исторических дат и возможность датирования сейминско-турбинских бронз XVIII – второй четвертью XVI в. до н. э. Однако, если верхняя граница интервала датируется достаточно надежно, то нижняя остается не ясной.

Ключевые слова: археология, хронология, радиоуглеродное датирование, Сейма-Турбино, династия Шан, шахтные гробницы, XVIII династия, Санторин.

CHRONOLOGY OF THE SEIMA-TURBINO BRONZES BASED ON NEAR EASTERN AND CHINESE SOURCES AND THE DATING OF THE SANTORINI ERUPTION

S.A. Grigoriev

Seima-Turbino bronzes spread in Eurasia during the transition from the Middle to the Late Bronze Age, but the absolute chronology of this horizon is not clear. This is caused by the problems of radiocarbon dating, its wide confidence intervals, and the tendency towards the aging of the dates. The wide spread of this tradition and its derivatives from Europe to China allows the author to connect them with historical chronology. The Shang dynasty chronology in China is considered as support for this, as well as the dendrochronology of Central Europe and the chronology of the shaft tombs in Greece, linked to the Egyptian chronology. The Santorini eruption provides an opportunity for their comparison. Analysis of the materials shows a great adequacy of historical dates and the possibility of dating of the Seima–Turbino bronzes by the first half of the 17th century BC – second quarter of the 16th century BC.

Keywords: archaeology, chronology, radiocarbon dating, Seima-Turbino, Shang dynasty, shaft tombs, XVIII Dynasty, Santorini

Введение

Археологическая хронология строится на радиоуглеродных датах и исторической хронологии, первые на 100–200 лет старше исторических. С внедрением AMS метода даты стали моложе, и наметился дрейф в сторону исторических дат. Однако часто старые и новые даты используются вместе. Я разбирал эти проблемы при попытке связать евразийскую и европейскую хронологию с хронологией Китая и Средиземноморья (Grigoriev, 2020). В обоих регионах появляются бронзы сейминско-турбинского (СТ) типа, которые можно использовать в качестве моста (рис. 1; 2). Вместе с тем, той статьёй лишь намечена возможность синхронизации европейской и китайской хронологии, и проблема требует дальнейших исследований.

Сейминско-турбинские бронзы и их хронология

Бронзы СТ типа распространены шире любого иного культурного феномена и обеспечивают синхронизацию материалов огромных территорий (Черных, Кузьминых, 1989). Их появление маркирует начало ПБВ¹ Евразии, но использование этого инструмента затруднено сложностями с датированием. Они являются поздним явлением относительно ранних абашевских комплексов Поволжья, но синхронны в Зауралье синташтинским и петровским, а в Восточной Европе – доноволжским абашевским (ранним покровским) и покровским комплексам, в которых встречены СТ изделия (Черных, 1970, с. 95; Бочкарев, 2017). О.В. Кузьмина (1992) и В.В. Ткачев (2007, с. 281, 282) так же оценива-

Рис. 1. Карта распространения сейминско-турбинских бронз и их дериватов в Европе и Китае.

Fig. 1. Map of spreading of the Seima-Turbino bronzes and their derivatives in Europe and China.

ют это хронологическое соотношение, но считают, что синташтинская металлообработка есть симбиоз абашевской и сейминско-турбинской. Это позволяет рассматривать СТ бронзы как формирующиеся до Синташты, что не исключает их синхронности. Но конструирование генетического ряда копий от балановских к абашевским, верхнекизильским и синташтинским сомнительно. Единственным объединяющим признаком является разомкнутая втулка, что является отражением общего уровня технологии на огромной территории. В остальном сопоставлять балановские копья с верхнекизильскими и последние с синташтинскими невозможно. Понимая это, В.В. Ткачев и вводит в действие «сейминский» фактор, повлиявший на оформление пера синташтинских наконечников. Однако специфических СТ черт в синташтинской металлообработке нет, как нет данных об их более ранней дате. СТ изделия присутствуют в ряде синташтинских, петровских и алакульских комплексов (Степное VII,

Халвай, Бектениз, Близнецы), а синташтинские нож и копье – в СТ комплексах (Ростовка). В святилище Шайтанское озеро СТ бронзы сопровождаются коптяковской керамикой, которая формируется на алакульской основе, причём хронология могильника определяется синташтинским временем (Корочкова и др., 2020). Алакульская керамическая традиция формируется в синташтинское время, и, уже сформировавшись, она влияет на появление коптяковской традиции (Григорьев, 2018; Епимахов и др., 2021). Поэтому СТ бронзы святилища Шайтанское озеро занимают позднюю хронологическую позицию относительно значительной части Синташты. Но из этого не следует, что последняя формируется раньше. Можно надёжно говорить, что СТ бронзы существуют дольше, так как Синташта не переходит в покровское время.

Нет оснований считать, что средневожское Абашево заканчивается в начале Синташты (Григорьев, 2018). Его начало находится в интервале 2128–1959 гг. до н. э., а конец

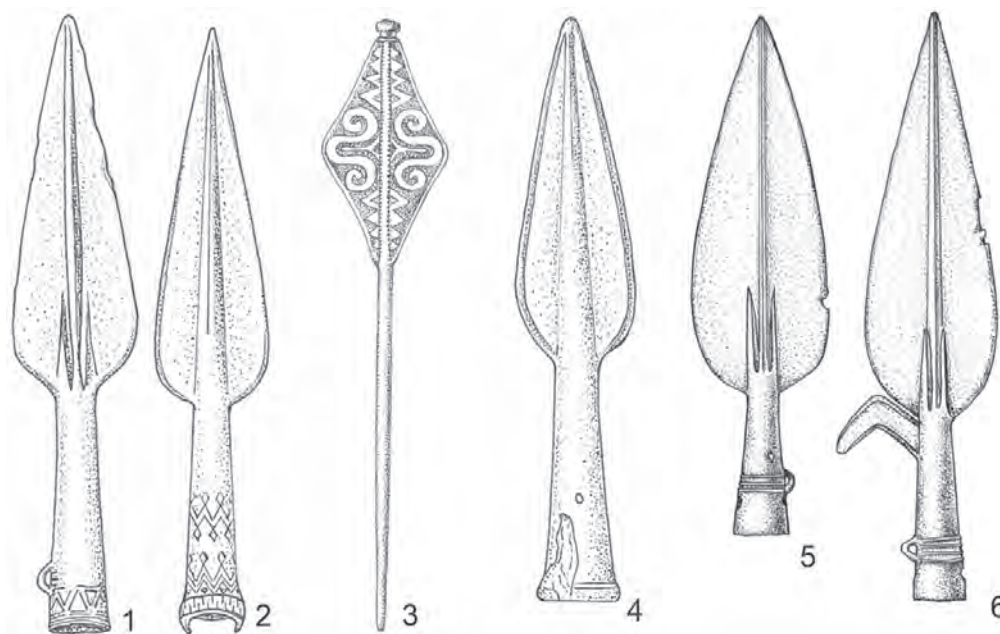

Рис. 2. Сейминско-турбинские копья и микенская булавка: 1–3 – Бородино (Молдова); 4 – Джангельды (Казахстан); 5 – Омь; 6 – Ростовка (по: Черных, Кузьминых, 1989).

Fig. 2. The Seima-Turbino spears and Mycenaean pin: 1–3 – Borodino (Moldova); 4 – Dzhangeldy (Kazakhstan); 5 – Om, 6 – Rostovka (according to Chernykh, Kuzminykh, 1989).

приходится приблизительно на 1944–1823 гг. до н. э., в то время как синташтинский интервал определен 1960–1770 гг. до н. э., но он базируется на значительном числе AMS дат, в отличие от абашевского интервала (Епимахов, 2020). Тем самым, в течение какого-то времени они синхронны. Абашевская и синташтинская керамические традиции оказывают друг на друга взаимное влияние (Мочалов, 2014, с. 195, 199). Суммарно всё это указывает на то, что Абашево частично предшествует, а Синташта синхронна СТ бронзам.

Внутренняя хронология СТ бронз проблематична, хотя для Сибири сделана попытка разделить их на три стадии: елунинскую, ростовкинскую и самусьско-кижировскую (Грушин, 2008), но это не основано на стратиграфии или строгой хронологии комплексов. Любое разделение СТ бронз на стадии имеет спекулятивный характер. Единственную возможность для этого предоставляют бронзы самусьско-кижировского типа, но этот вывод сделан не на основе хронологии или стратиграфии, а потому, что у них петли-ушки заменены ложными ушками, появляются псевдо-вилчатые копья, в которых от вилки остаётся центральный зубец (Черных, Кузьминых, 1989, с. 262, 263). Но эти трансформации могли начаться при копировании СТ форм в самом начале их появления в Западной Сибири, и они могли сосуществовать с классическими СТ типами. Это проявляется

в святилище Шайтанское озеро, где классические СТ типы сочетаются с самусьско-кижировскими (Корочкова и др., 2020, с. 117). В.С. Бочкарёв (2010, с. 70, 80) после работы с типами и орнаментацией СТ бронз европейской зоны сделал вывод, что какие-то тенденции намечать можно, но они не дают оснований для синхронизации или хронологии. Как мы увидим ниже, европейские и китайские материалы также указывают на это.

Радиоуглеродные даты СТ комплексов укладываются в диапазон XXII–XX в. до н. э. (Marchenko et al., 2017, p. 10–12), но он вызывает сомнения при сопоставлении с синташтинским и абашевским интервалами (см. выше). В рамках исторической хронологии Синташта датируется XVIII–XVII в. до н. э. (Grigoriev, 2020). Поэтому мы должны ожидать для СТ памятников сходные интервалы, но учитывать, что они заканчиваются позже Синташты. Широкое распространение СТ бронз предоставляет возможность датирования их на основе дендрохронологии Европы, исторической хронологии Средиземноморья и Китая.

СТ бронзы в Европе и Китае

На западе СТ копья типов КД-20 и КД-34 известны в Бородинском кладе и сопровождаются микенскими изделиями (рис. 2: 1–3), что позволяло сопоставлять их с ПЭ I, горизонтом Хайдушамшон-Апа и фазой A2c Райнеке. Вместе с тем, копья, восходящие к СТ типу

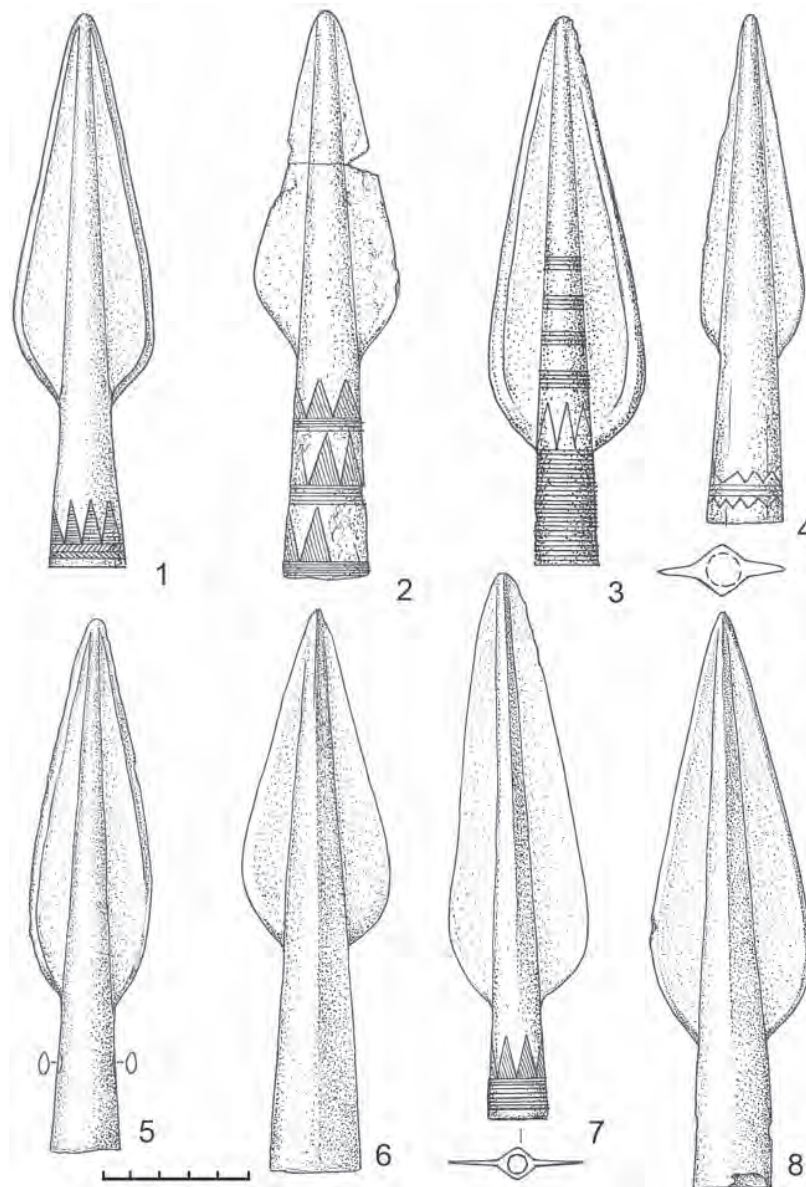

Рис. 3. Копья горизонтов A2b (1–4) и A2c (5–8): 1 – Флонхайм; 2 – Нитрянски Храдок; 3 – Редерцхаузен; 4 – Лангквайд; 5 – Лужице; 6 – Смедеров (без масштаба); 7 – Вирринг; 8 – Бонин (по: Grigoriev, 2018).
Fig. 3. Spears of horizons A2b (1–4) and A2c (5–8): 1 – Flonheim; 2 – Nitryanski Hradok; 3 – Rederzhausen; 4 – Langquaid; 5 – Lužice; 6 – Smederov (no scale); 7 – Virring; 8 – Bonin (according to Grigoriev, 2018).

КД-40 и обнаруженные в синташтинских, абашевских, алакульских и раннесрубных памятниках, появляются в Европе раньше, к началу фазы A2b (рис. 3: 1–4) (Grigoriev, 2018), что не удивительно на фоне их синхронизации, о которой говорилось выше. Дальнейшим их развитием являются копья горизонта Бюль, т. е. фазы A2c (рис. 3: 5–8). Наконечник из Венгрии в музее Майнца оформлен в карпато-микенском стиле, относится к одному из ранних кладов горизонта Хайдушамшон-Апа и синхронен началу ПЭ I Греции. Этот наконечник, как и наконечник из Бовин (рис. 3: 8) в Польше, имеет ромбический стержень, и они близки СТ типу КД-36, который рассматривается как результат взаимодействия СТ

и «евразийских» типов (Черных, Кузьминых, 1989, с. 70, 80, 88, 184). Это означает, что до начала фазы A2c СТ традиция сохранялась в классическом виде, хотя после её появления на Урале почти сразу происходило формирование так называемых «евразийских» типов. Это делает проблематичным хронологическое разделение СТ бронз на типологических основаниях. Особенностью является и то, что в Европе появляются только копья. Проникновение кельтов и однолезвийных ножей, восходящих к СТ традиции, происходит позже.

Принято считать, что в Китай СТ традиция проникает с запада, но большинство изделий, которыми это доказывается, являются карасукскими. К реальным изделиям этой тради-

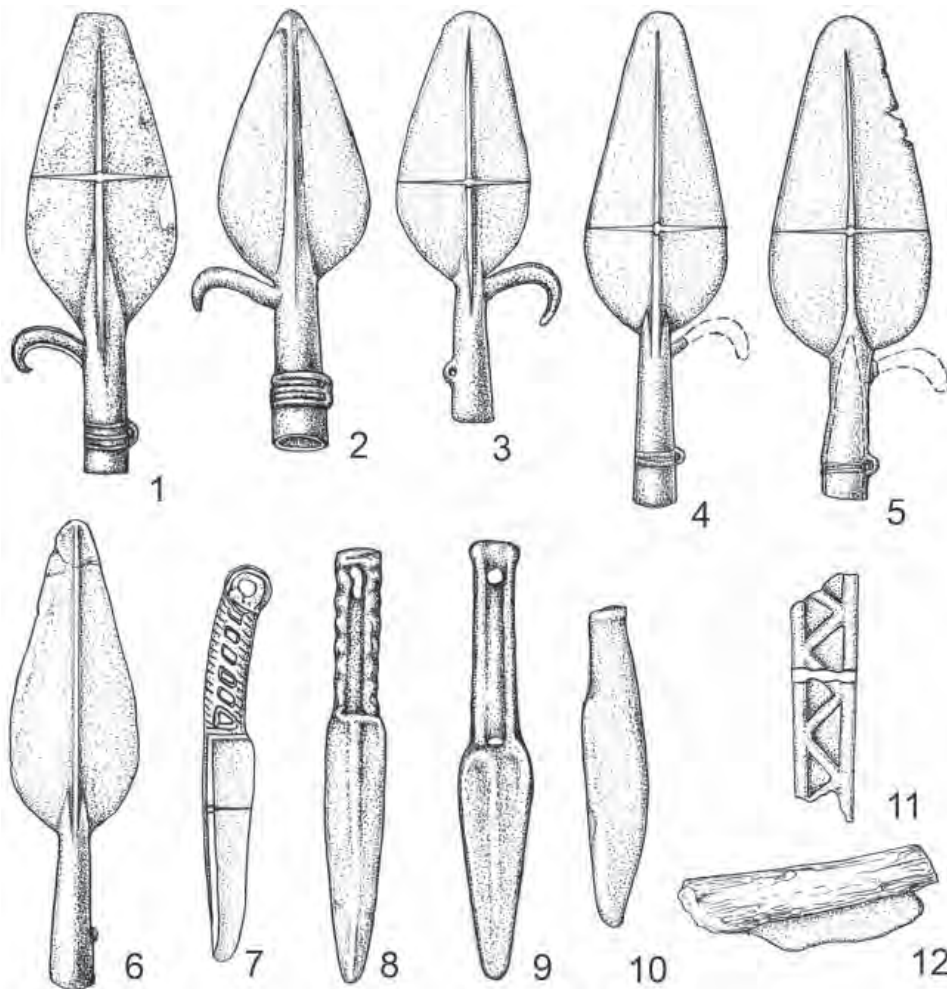

Рис. 4. Металлические изделия сейминско-турбинской традиции на территории КНР: 1 – Шеньна, Цинхай; 2 – Шэнси; 3 – Сяванган, Хэнань; 4, 5 – Шаньси; 6 – Чаоян, Ляонин; 7 – Эрлитоу, Хэнань; 8, 9 – Тяньшуй; 10 – Линьцзя; 11 – Хуанньянньянтай; 12 – Вэйцятайдзы (Ганьсу) (по: Григорьев, 2021).

Fig. 4. Metal objects of the Seima-Turbino tradition in the territory of the PRC: 1 – Shenna, Qinghai; 2 – Shenxi; 3 – Xiawanggang, Henan; 4, 5 – Shanxi; 6 – Chaoyang, Liaoning; 7 – Erlitou, Henan; 8, 9 – Tianshui; 10 – Linjia; 11 – Huangniangniangtai; 12 – Weijiaataizi (Gansu) (according to Grigoriev, 2021).

ции относятся копьё из Шеньна (Цинхай), нож с металлической рукоятью из Эрлитоу (Хэнань), обломок рукояти из Хуанньянньянтай, два кинжала каракольского типа из Тяньшуй, нож-скребло из Вэйцятайдзы (Ганьсу), нож из Линьцзя (Донсян) (рис. 4; 5) и, возможно, пара других. Но наиболее показательны 15 копий (плюс крюк от копья), распространённых от Цинхая и Ганьсу до Северо-восточного Китая. В целом они формируют типологически единую серию с широким пером и крюком, восходящую к СТ копьям КД-10, но на ряде копий (рис. 4; 1, 3, 4, 6) присутствуют дериваты вилки в виде центрального зубца (ребра жёсткости пера, заходящего на втулку), что характерно для самусьско-кижировских копий КД-46. Копья из Шаньси, в отличие от остальных, имеют крюк на той же стороне, что и ушко, что характерно для СТ типов. Копьё

из Ляонина с пламевидным пером (рис. 4: 6) восходит к СТ типам КД-18 и КД-24, хотя у него нет валиковой орнаментации втулки. Тем самым, изделия, типологически близкие СТ, обнаружены на северо-востоке. Кроме того, именно там, в Шаньси, Ляонине и Хэнане, эти копьё изготовлены из оловянных бронз; далее вглубь Китая идёт их замещение чистой медью и мышьяковыми бронзами (рис. 5). Это указывает на распространение традиции с северо-востока. Хронологически это соответствует началу фазы Эрлитоу III (Григорьев, 2021). И это означает, что до этого времени существовали как самусьско-кижировские, так и классические СТ типы, что вновь подчёркивает трудности в их хронологическом членении.

Абсолютные даты

Привязка к европейской и китайской периодизации позволяет связать СТ бронзы с

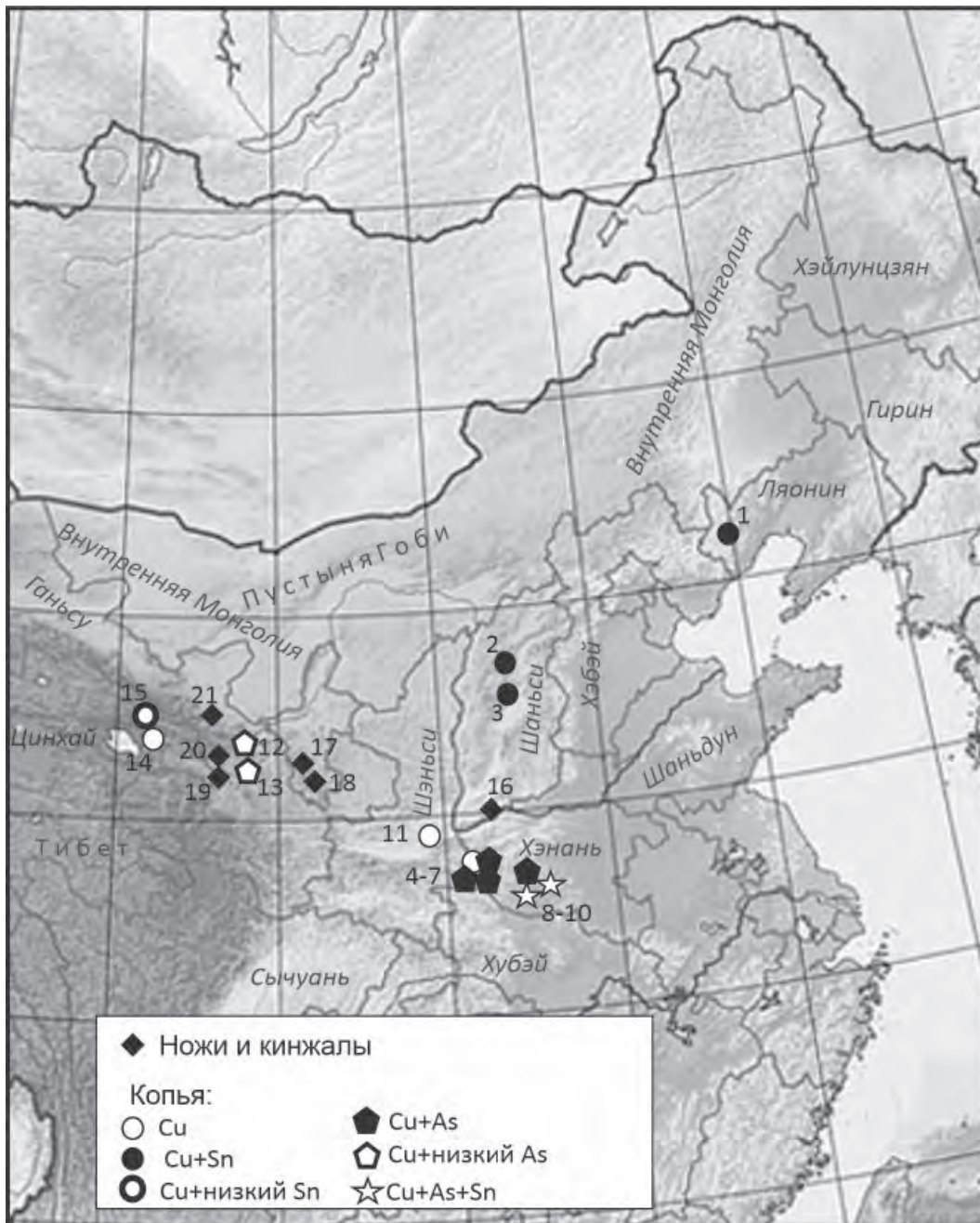

Рис. 5. Карта сейминско-турбинских изделий на территории КНР: *Наконечники копий*: 1 – Музей Чаоян, Ляонин; 2 – Музей Шаньси; 3 – Тайюань (Провинциальный музей Шаньси); 4–7 – Сяванган; 8–10 – Наньян; 11 – Исторический музей Шэньси; 12, 13 – Музей Ганьсу; 14 – Шеньна; 15 – район Датон; *Ножи и кинжалы*: 16 – Эрлитоу; 17, 18 – Тяньшуй; 19 – Линьцзя; 20 – Вэйцятайдзы; 21 – Хуанньянньянтай.

Fig. 5. Map of the Seima-Turbino objects in the PRC: *Spearheads*: 1 – Chaoyang Museum, Liaoning; 2 – Shanxi Museum; 3 – Taiyuan (Shanxi Provincial Museum); 4–7 – Xiawanggang; 8–10 – Nanyang; 11 – Shaanxi Historical Museum; 12, 13 – Gansu Museum; 14 – Shenna; 15 – Datong District; *Knives and daggers*: 16 – Erlitou; 17, 18 – Tianshui; 19 – Linjia; 20 – Weijiataizi; 21 – Huangniangniangtai.

исторической хронологией. Для начала ПЭ I принята дата ок. 1630/1610 г. до н. э. (Wiener, 2020, p. 279). Это соответствует концу фазы A2b – началу A2c. На основании дендрохронологии появление СТ бронз в Европе датируется ок. 1650 г. до н. э., а последующее в Бородинском кладе на основе синхронизации с ПЭ I – с кон. XVII в. до н. э. (Grigoriev, 2018).

В бассейне Хуанхэ изделия СТ традиции появляются к началу фазы Эрлитоу III (Григорьев, 2021), что в радиоуглеродной хронологии датируется ок. 1610 г. до н. э. (Zhang et al., 2008, p. 197–210). Их распространение идёт с севера и северо-востока, что по времени и ареалу формирования совпадает со сменой династии Ся династией Шан

(Григорьев, 2021). Это позволило думать, что формирование Шан хронологически близко Шахтным Гробницам. Предполагалось, что уточнить их соотношение можно на основе астрономии (Grigoriev, 2020), но ситуация не столь прямолинейна. В шанское время исторические хроники отсутствовали, огромный корпус источников представлен гадательными табличкам, и там нет информации о смене династий и прошлых событиях. Интерес к истории появляется в эпоху Чжоу, что обусловлено стремлением легитимизировать власть (Li, 2018, p. 363, 364). Эти сведения дошли в переложении Сыма Цяня эпохи Хань в его труде «Ши цзи», где описывается последовательность династий и правителей с продолжительностью правления, но он сомневался в возможности построения хронологии на этой основе вплоть до Чжоу (Nienhauser, 1994, p. xxvii). Вторым источником являются «Бамбуковые Анналы», которые представляют собой тексты, написанные в IV в. до н. э. на связанных дощечках, которые переписывались и перевязывались (Nivison, 1999, p. iv, 2, 4–6), но относительная их корректность подтверждается тем, что установленная по гадательным табличкам последовательность правителей совпадает с их последовательностью в «Бамбуковых Анналах» и «Ши цзи». Однако гарантировать точную хронологию раннего Шан на их основе невозможно, так как нельзя проверить параллельными источниками. Даже для периода Западного Чжоу, где такие имеются, сделать это трудно (Shaughnessy, 2011, p. 289). Ситуация осложняется тем, что существовала практика трёхлетнего траура после смерти правителя, и после этого создавался новый календарь, но есть факты смены календаря в ходе царствования (Nivison, 1999, p. 12, 14; Shaughnessy, 2011, p. 271, 272), и мы не знаем как далеко вглубь веков уходит эта практика. На основании «Анналов» первый год Шан можно отнести к 1558/1554 г. до н. э. Существует также хронология Инь Ли (IV в. до н. э.), который датировал первый год Шан 1579 г. до н. э. (Keightley, 1999, p. 232, 248; Nivison, 1999, p. 10, 12, 15).

Уточнение дат произведено на основе астрономических событий. В частности, показано, что «парад планет» позволяет датировать начало династий Ся (1953 г. до н. э.), Шан (1576 г. до н. э.) и Чжоу (1059 г. до н. э.) (Pankenier, 1981/1982, p. 24). Хронология начала Чжоу оказалась близка исторической, но по Шан есть вопросы. Смущает совпадение небесных явлений с новыми династиями. Не

исключено, что с формированием исторической традиции в Чжоу и возникновением идеи «Мандата Неба», направленной на обоснование легитимности чжоусских владык, эта идея была распространена на предшествующие династии. Мы можем допускать, что «парад планет» наблюдался в правление Чэн Тана, первого правителя Шан, или в близкое время, но точность этого под вопросом. Существуют иные причины для сомнений в точности астрономической хронологии. Китайские исследователи строили её на основе фиксации затмений, а в западной литературе преимущество отдано «параду планет». Но характер этих источников субъективен и неточен (Keenan, 2002). Нет ясности и в отсутствии корректировок при переписывании. Это было рутинной процедурой (Shaughnessy, 2011, p. 283), но иногда документы редактировались исходя из конъюнктуры (Nivison, 1999, p. iv, 11; Keenan, 2002, p. 65). Поэтому реалистичной датой начала Шан и появления СТ традиции в Китае является интервал 1579/1576 – 1558/1554 гг. до н. э.

В Месопотамии главным астрономическим инструментом для хронологии являются «Таблички Венеры», на основании которых обоснована правота «длинной хронологии» (Huber, 1999/2000). Но они переписывались в течение 1000 лет, содержат лакуны и ошибки, и выводы основаны на статистической вероятности. Кроме того, наблюдения за Венерой не позволяют делать выводов, необходимо привлечение иных событий, в частности затмений, и в конечном счёте эти таблички указывают на правоту «средней хронологии», хотя точное определение дат проблематично (De Jong, 2013, p. 149, 152, 153, 155). В Египте основное внимание уделялось наблюдению за Сириусом и последним серпом луны над восточным горизонтом. Эти данные допускают неточности, так как отсутствуют сведения о месте наблюдения (Fantuzzi, 2009, p. 477; Ritner, Moeller, 2014, p. 15). Не менее важно то, что древние наблюдатели уделяли внимание разным событиям. Поэтому сопоставить таким путём китайскую и ближневосточную хронологию сложно, но одна возможность для этого есть: извержение вулкана Санторин на острове Фера.

Санторин как хронологический маркер

Хронологическое значение этого события обусловлено тем, что оно было самым крупным извержением за 10 тыс. лет, и пульверизированная магма поднималась вверх несколько месяцев или даже до двух лет.

Вулканические аэрозоли образовали стратосферный экран, отражавший несколько лет солнечную радиацию, что привело к понижению температуры. Извержение сопровождалось сильным шумом, землетрясениями и цунами (Foster et al., 1996; Bruins et al., 2009, p. 399–403; Athanassas et al., 2017, p. 10). Описание этого присутствует на стеле освобожденного Нижний Египет от гиксосов Яхмоса I, первого фараона XVIII династии, с которой началось Новое Царство. Катастрофа охватила весь Египет, и текст описывает шторма, страшный ветер и длительные ливни с паводками, сильный шум, разрушение гробниц и святилищ, возможно, землетрясения (Foster et al., 1996, p. 5–7; Ritner, Moeller, 2014, p. 5–9). Атмосферные аномалии и летние заморозки в Китае отмечены при смене династии Ся династией Шан, но поскольку предполагалось, что это произошло ок. 1620 г. до н. э., это отнесено к каким-то более ранним извержениям (Foster et al., 1996, p. 9). Однако династическая смена произошла в 1-й пол. XVI в. до н. э., и это могло быть связано с Санторином, что намечает путь к синхронизации ближневосточной и китайской хронологии.

Извержение Санторина является одной из основ хронологических систем Средиземноморья, но его дата остается предметом дебатов. Первая позиция предполагает дату ок. сер. или 2-й пол. XVI в. до н. э., что соответствует «короткой» хронологии Египта. Вторая основана на радиоуглеродных датах и относит извержение ко 2-й пол. XVII в. до н. э. Судя по стеле Яхмоса I, извержение произошло во время его правления; в какой именно год определить трудно, но не в первый; при этом гиксосы в надписях на стеле не упомянуты (Ritner, Moeller, 2014, p. 4, 12). Возможно, он освободил Нижний Египет от гиксосов и захватил их столицу Аварис (Телль эль-Дабья) между 11 и 15 годами своего правления, а стела поставлена ранее 22 года правления (Foster et al., 1996, p. 9), но не исключено, что основной для первого вывода нет, а захват Авариса произошёл между 18 и 22 годами (Foster et al., 2009, p. 174, 176, 177). При этом текст стелы говорит, что катастрофа охватила Верхний и Нижний Египет. Поэтому возможно она произошла после объединения Египта. Многочисленные находки пемзы появляются на памятниках Нижнего Египта и Южного Леванта не ранее начала Нового Царства. Редкие находки пемзы из слоев кон. XVII в. до н. э. связаны с извержениями других вулканов. Эта пемза обнаружена в мастерских, где она использова-

лась, но необходимо время, чтобы она попала туда (Foster et al., 1996, p. 9; Foster et al., 2009, p. 175, 179; Wiener, 2010, p. 374; Fantuzzi, 2009, p. 489). Набор косвенных фактов указывает на то, что извержение произошло ближе к концу правления этого фараона, но это ненадёжно. В результате, в рамках исторической хронологии извержение датируется ок. 1530 г. до н. э. (Foster et al., 1996, p. 10) или 1524–1500 гг. до н. э. (Ritner, Moeller, 2014, p. 14).

Египетская хронология переплетена с эгейской и ближневосточной и подкреплена астрономией, хотя сдвиги на 1–2 поколения возможны (Wiener, 2009, p. 197, 198). Под слоем отложений цунами в Палеокастро на Крите самой «молодой» была посуда периода ПМ IA (Bruins et al., 2009, p. 397). Извержение Санторина произошло в последней части этого периода. Средняя его часть синхронна началу Нового Царства, а ранняя часть XVIII династии синхронна ПЭ I в Греции (Fantuzzi, 2009, p. 489, 494). К этому периоду относятся Шахтные Гробницы круга А, из которых происходят орнаменты Карпато-Микенского стиля, псалии степного типа и алебастровые сосуды XVIII династии (Wiener, 2010, p. 378–381). На поселении Акротири на Фере под слоем извержения найдена импортная керамика ПЭ I, имитирующая местную керамику ПМ IA (Marthari, 1993). Как и при любых типологических сопоставлениях, мы имеем дело с диапазоном возможностей, поэтому данные параллели не означают, что XVIII династия и ПЭ I начались одновременно.

Начало правления Яхмоса I датируется 1550–1540 гг. до н. э., а объединение Египта 1539–1525 гг. до н. э. в случае, если это случилось на 11 году правления, или 1523–1519 гг. до н. э. при принятии интервала 18–22 годы (Wiener, 2009, p. 197, 198; Fantuzzi, 2009, p. 480). Это согласуется с датами начала ПЭ I и фазы A2c Германии 1600–1550 гг. до н. э., что является и датой начала ПМ IA, и смещает дату Минойского извержения к сер. XVI в. до н. э., соответствуя интервалу 1579/1576–1558/1554 гг. до н. э. для начала Шан. Но возникают проблемы с хронологией Нового Царства. «Короткая» хронология Египта подтверждается анализом слоёв Телль эль-Дабья, но это требует принятия «короткой» хронологии Месопотамии (Bietak, 2012, p. 77, 84; Kutschera et al., 2012), в то время как дендрохронология, AMS даты и эпонимные списки Кюль-Тепе в Анатолии говорят о правомерности одного из вариантов «средней» хронологии, что согласуется с астрономической хроноло-

гией Месопотамии (Barjamovic et al., 2012, p. 29, 34, fig. 11; De Jong, 2013, p. 152; Manning et al., 2016, p. 6, 7, 16, 17, 20, 21). Дендрохронология сосны в Калифорнии выявляет угнетённые от похолодания годовые кольца в 1560, 1546 и 1544 г. до н. э. Наиболее значительным является первое, и оно считается перспективным для идентификации с извержением Феры (Pearson et al., 2018, p. 4, 5; Pearson et al., 2020, p. 1).

На основании дендрохронологии и радиоуглеродного анализа ветви оливкового дерева из-под слоя пепла на Фере извержение было отнесено к 1627–1600 г. до н. э. (Friedrich et al., 2006). Дополнительными аргументами были отложения пепла во льдах Гренландии с датой 1641 и 1627 г. до н. э., наличие угнетённого кольца в стволе дерева в Порсуке в Анатолии с датой ок. 1650 г. до н. э., химическим составом, указывающим на вулканическую природу этого отклонения (Pearson et al., 2009), и изменение химического состава сталагмитов в пещере Софулар в Турции, датированное ураноториевым методом между 1650 и 1600 г. до н. э. (Badertscher et al., 2014).

Эта аргументация содержит противоречия (археологическую аргументацию сторонников ранней и поздней даты извержения, см. Manning et al., 2014 и Wiener, 2010, p. 375–378 соответственно). На основании химических анализов было показано, что гренландские льды маркируют извержения других вулканов, произошедшие в XVII в. до н. э. (McAneney, Baillie, 2019, p. 100, 109), соответственно, годовые кольца в Порсуке могут тоже отражать вулканическую активность в эту эпоху (Wiener, 2009, p. 198; 2010, p. 368). Не исключено, что это применимо и к сталагмитам в Софулар, но ураноториевый метод не точен (Pearson et al., 2018, p. 5). Лакуны в «Табличках Венеры» в 12 и 13 годы правления Амми-Цадуки (1628/1627 г. до н. э.) объясняют атмосферными явлениями, спровоцированными Санторином (De Jong, Foertmeyer, 2010). Но один из авторов этой гипотезы, критикуя попытку обосновать с помощью этих табличек «длинную» хронологию, указывал, что они ненадёжны (De Jong, 2013, p. 149, 153, 155). Кроме того, отсутствие какого-то факта является, в первую очередь, его отсутствием, а не фактом.

Аргумент оливковой ветви критиковался в деталях. Главными являются нерегулярность формирования колец в оливковых деревьях, удревнение дат в вулканических районах и

плато калибровочной кривой с сильными колебаниями (см. подробнее Wiener, 2009, p. 199–205; 2010, p. 369–373; McAneney, Baillie, 2019, p. 106; Fantuzzi, 2009, p. 486–488; Cherubini et al., 2014, p. 269, 270; Pearson et al., 2020, p. 1, 2; Manning et al., 2020, p. 9, 10). Новые AMS анализы короткоживущих растений показали для начала правления Яхмоса I интервал 1570–1544 г. до н. э. (Bronk Ramsey et al., 2010, p. 1554–1556). Очередная калибровочная шкала позволила допускать диапазон дат оливковой ветви в пределах 1614–1538 г. до н. э., и в случае обсуждаемого иногда смещения начала Нового Царства к 1570 г. до н. э. это может быть решением проблемы (Pearson et al., 2018, p. 1, 4). Но разработка последней калибровочной кривой позволила отнести извержение Санторина к ранней части сер. XVIII в. до н. э. (Manning et al., 2020, p. 8), что соответствует как китайской хронологии (1558 г. до н. э.), так и калифорнийской дендрохронологии (1560 г. до н. э.).

Вообще, с внедрением AMS датирования, байесовской статистики, комбинированием AMS датирования с дендрохронологией и совершенствованием калибровочных шкал мы видим движение радиоуглеродных дат в сторону исторических, но существует много факторов, влияющих на даты, и мы не всегда сможем их учесть.

Заключение

Таким образом, исторические даты в Китае и Средиземноморье пока не дают возможности надёжно датировать СТ бронзы в силу неопределённости с датой Санторина и проблемами исторической хронологии, хотя некоторые возможности для датировки извержения наметились. Возможным интервалом этого события по китайским источникам является 1580–1550 г. до н. э. По радиоуглеродной хронологии дата попадает в интервал 1614–1538 до н. э. Выявленное анализом годовых колец вулканическое событие 1560 г. до н. э. этому тоже соответствует. И оно могло быть триггером культурных трансформаций во многих регионах (рис. 6). Оно соответствует дате начала Шан в 1558 г. до н. э., но не соответствует датам, реконструированным по астрономическим данным и хронологии Инь Ли (1579–1576 г. до н. э.). Это позволяет наметить хронологию СТ бронз с привязкой к исторической хронологии и дендрохронологии. Самое раннее их появление в Европе в начале фазы A2b датируется ок. 1650 г. до н. э. В Евразии они формируются до сер. XVII в. до н. э., но нижнюю границу определить пока

г. до н. э.	Египет	Греция	Центральная Европа	Евразия	Китай
1500	Новое Царство	ПЭ I	B1	Андроново Сибири	Шан
1550					
1560 Санторин	-----				
1600	Второй Переход. Период	СЭ III	A2c	Сейма-Турбино	Ся
1650			A2b		
1700			A2a		

Рис. 6. Сейминско-турбинские бронзы в системе исторической хронологии.

Fig. 6. The Seima-Turbino bronzes in the system of historical chronology.

невозможно. Комплекс Бородинского клада маркирует взаимодействие носителей этой традиции с Грецией после 1630–1610 гг. до н. э. Проникновение её в Китай относится ко времени ок. 1558 г. до н. э. В любом случае, существование СТ традиции можно отнести к XVIII – 2-й четв. XVI в. до н. э. Выше мы обсуждали, что синташтинская культура заканчивается раньше, и её исторические даты охватывают XVIII–XVII в. до н. э., что соответствует предложенному СТ интервалу.

На мой взгляд, главным выводом, который можно сделать из этой статьи, является то, что историческая хронология является более адекватной, чем радиоуглеродная. Из этого не

следует, что любая историческая хронология безупречна и не требует совершенствования. Радиоуглеродные даты повсеместно дают более широкий и старый интервал. По мере совершенствования метода интервал сокращается и становится моложе, но мы всегда будем иметь неучтённые факторы, которые не позволят доверять этим датам, особенно единичным. Недопустимой является распространённая практика сопоставления исторических и радиоуглеродных дат, а также старых радиоуглеродных дат с датами, полученными на ускорительной технике. Мы должны стремиться привязать евразийскую хронологию к исторической. Это непростой путь, но реальный.

Примечание:

¹ В работе использованы аббревиатуры: ПБВ – поздний бронзовый век, ПЭ – позднееэлладский, СЭ – среднеэлладский, ПМ – позднеминийский, ПК – позднекикладский, СТ – сейминско-турбинские.

ЛИТЕРАТУРА

Бочкарёв В.С. Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. Санкт-Петербург: Инфо Ол, 2010. 231 с.

Бочкарёв В.С. Этапы развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы // *Stratum plus*. 2017. № 2. С. 159–204.

Григорьев С.А. Проблема хронологии синташтинской культуры // *Степная Евразия в эпоху бронзы: культуры, идеи, технологии: сборник научных трудов к 80-летию Геннадия Борисовича Здановича / Отв. ред. Д.Г. Зданович. Челябинск: ЧГУ, 2018. С. 37–61.*

Григорьев С.А. Проникновение сейминско-турбинской традиции в Китай и развитие технологии оловянного легирования // *Мультидисциплинарные исследования в археологии*. 2021. № 1. С. 3–21.

Грушин С.П. Бронзовый век Алтая: генезис сейминско-турбинского комплекса // *Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. I / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2008. С. 392–395.*

Епимахов А.В. Радиоуглеродные аргументы абашевского происхождения синташтинских традиций бронзового века // Уральский исторический вестник. 2020. № 4 (69). С. 51–60.

Епимахов А.В., Куприянова Е.В., Хоммель П., Хэнкс Б.К. Археология и комплексные методы исследования. От представлений о линейной эволюции к мозаике культурных традиций (бронзовый век Урала в свете больших серий радиоуглеродных дат) // Древние и традиционные культуры во взаимодействии со средой обитания: проблемы исторической реконструкции: материалы I Междунар. междисциплинар. конф. / Отв. ред. Е. В. Куприянова. Челябинск: Челябинский госуниверситет, 2021. С. 7–29.

Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Спиридонов И.А. Святилище первых металлургов Среднего Урала. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2020. 214 с.

Кузьмина О.В. Абашевская культура в лесостепном Волго-Уралье. Самара: Самарский педагогический институт, 1992. 128 с.

Мочалов О.Д. Происхождение керамики синташтинских памятников: история изучения и состояние проблемы // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях: сб. памяти Е.Е. Кузьминой / Отв. ред. В.И. Молодин, А.В. Епимахов. Барнаул АлтГУ, 2014. С. 193–204.

Ткачев В.В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы: монография. Актобе: Актюбинский областной центр истории, этнографии и археологии, 2007. 384 с.

Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья / МИА. № 172. М.: Наука, 1970. 185 с.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с.

Athanassas C.D., Modis K., Alçiçek M.C., Theodorakopoulou K. Contouring the Cataclysm: A Geographical Analysis of the Effects of the Minoan Eruption of the Santorini Volcano // Environmental Archaeology. 2017. DOI: 10.1080/14614103.2017.1288885

Badertscher S., Borsato A., Frisia S., Cheng H., Edwards R.L., Tüysüz O., Fleitmann D. Speleothems as sensitive recorders of volcanic eruptions – the Bronze Age Minoan eruption recorded in a stalagmite from Turkey // Earth and Planetary Science Letters. 2014. Vol. 392. P. 58–66.

Barjamovic G., Hertel Th., Larsen M.T. Ups and Downs at Kanesh. Chronology, History and Society in the Old Assyrian Period. *Chronology, History and Society in the Old Assyrian Period*. Old Assyrian Archives Studies 5. Leiden: PIHANS, 2012. 161 p.

Bietak M. Antagonisms in Historical and Radiocarbon Chronology // Radiocarbon and the Chronologies of Ancient Egypt / Eds. A.J. Shortland, C. Bronk Ramsey. Oxford: Oxbow, 2012. P. 76–109.

Bronk Ramsey C., Dee M.W., Rowland J.M., Higham T.F.G., Harris S.A., Brock F., Quiles A., Wild E.M., Marcus E.S., Shortland A.J. Radiocarbon-based chronology for dynastic Egypt // Science. 2010. No 328 (5985). P. 1554–1557.

Bruins H.J., van der Plicht J., MacGillivray J.A. The Minoan Santorini eruption and tsunami deposits in Palaikastro (Crete): dating by geology, archaeology, ^{14}C , and Egyptian chronology // Radiocarbon. 2009. Vol. 51. Nr. 2. P. 397–411.

Cherubini P., Humbel T., Beeckman H., Gärtner H., Mannes D., Pearson Ch., Schoch W., Tognetti R., Lev-Yadun S. The olive-branch dating of the Santorini eruption // Antiquity. 2014. No 88. P. 267–291.

De Jong T. Astronomical fine-tuning of the chronology of the Hammurabi age // Jaarbericht van het Vooraziatisch-Egyptisch Genootschap "Ex Oriente Lux". 2013. No 44. P. 147–167.

De Jong T., Foertmeyer V. A new look at the Venus observations of Ammisaduqa: traces of the Santorini eruption in the atmosphere of Babylon? // Ex Oriente Lux. 2010. No 42. P. 141–157.

Fantuzzi T. The absolute chronology of the Egyptian S.I.P. New Kingdom transition and its implications for late Minoan Crete // Creta Antica. 2009. № 10/II. P. 477–500.

Foster K.P., Ritner R.K., Foster B.R. Texts, Storms, and the Thera Eruption // Journal of Near Eastern Studies. 1996. No 55 (1). P. 1–14.

Foster K.P., Sterba J.H., Steinhauser G., Bichler M. "The Thera eruption and Egypt: pumice, texts and chronology" // Time's Up! Dating the Minoan eruption of Santorini / Ed. D.A. Warburton. Aarhus: University, 2009. P. 171–180.

Friedrich W.L., Kromer B., Friedrich M., Heinemeier J., Pfeiffer T., Talamo S. Santorini Eruption Radiocarbon Dated to 1627–1600 BC // Science. 2006. Vol. 312. No 548. DOI:10.1126.

Grigoriev S. Eastern influences and the transition to new types of metalworking at the end of the Early Bronze Age in Central Europe // *Musaica Archaeologica*. 2018. No 2. P. 33–49.

Grigoriev S. Radiocarbon revolution and historical “counterrevolution”. Chronology of Europe, Eurasia and China in the first half of the 2nd millennium BC // *Slovenská archeológia*. 2020. Vol. 68. Supplementum 1. P. 171–178.

Huber P.J. Astronomical Dating of Ur III and Akkad // *Archiv für Orientforschung*. 1999/2000. Bd. 46/47. P. 50–79.

Keenan D.J. Astro-historiographic chronologies of early China are unfounded // *East Asian History*. 2002. No 23. P. 61–68.

Keightley D.N. The Shang: China’s first historical dynasty // *The Cambridge History of ancient China. From the origins of civilization to 221 B.C.* / Eds. M. Loewe, E.D. Shaughnessy. Cambridge: University press. 1999. P. 232–291.

Kutschera W., Bietak M., Wild E.M., Bronk Ramsey Ch., Dee M., Golser R., Kopetzky K., Stadler P., Steier P., Thanheiser U., Weninger F. The Chronology of Tell El-Daba: A Crucial Meeting Point of 14C Dating, Archaeology, and Egyptology in the 2nd Millennium BC // *Radiocarbon*. 2012. Vol 54. Nr 3–4. P. 407–422.

Li Min. Social memory and state formation in Early China. Cambridge: University press, 2018. 570 p.

Manning S.W., Höflmayer F., Moeller N., Dee M.W., Bronk Ramsey Ch., Fleitmann D., Higham Th., Kutschera W., Wild E.M. Dating the Thera (Santorini) eruption: archaeological and scientific evidence supporting a high chronology // *Antiquity*. 2014. No 88. P. 1164–1179.

Manning S.W., Griggs C.B., Lorentzen B., Barjamovic G., Ramsey C.B., Kromer B., et al. Integrated Tree-Ring-Radiocarbon High-Resolution Timeframe to Resolve Earlier Second Millennium BCE Mesopotamian Chronology // *PLoS ONE*. 2016. № 11(7): e0157144. DOI:10.1371/journal.pone.0157144.

Manning S.W., Wacker L., Büntgen U., Bronk Ramsey Ch., Dee M.W., Kromer B., Lorentzen B., Tegel W. Radiocarbon offsets and old world chronology as relevant to Mesopotamia, Egypt, Anatolia and Thera (Santorini) // *Scientific Reports*. 2020. 10:13785: doi.org:10.1038/s41598-020-69287-2.

Marchenko Z.V., Svyatko S.V., Molodin V.I., Grishin A.E., Rykun M.P. Radiocarbon chronology of complexes with Seima-Turbino type objects (Bronze Age) in Southwestern Siberia // *Radiocarbon*. 2017. Vol. 59. Special Issue 5. P. 1381–1397. DOI:10.1017/RDC.2017.24.

Marthari M. The ceramic evidence for contacts between Thera and the Greek Mainland // *Wace and Blegen: Pottery as Evidence for Trade in the Aegean Bronze Age* / Eds. C. Zerner et al. Amsterdam: Gieben, 1993. P. 249–256.

McAneney J., Baillie M. Absolute tree-ring dates for the Late Bronze Age eruptions of Aniakchak and Thera in light of a proposed revision of ice-core chronologies // *Antiquity*. 2019. No 93 (367). P. 99–112.

Nienhauser W.H. (ed.). *The Grand Scribe's Records. Vol. I. The Basic Annals of Pre-Han China*. Bloomington: Indiana University Press, 1994. 416 p.

Nivison D.S. The Key to the Chronology of the Three Dynasties: The “Modern Text” Bamboo Annals // *Sino-Platonic Papers*. 1999. No 93. P. 1–68.

Pankenier D.W. Astronomical dates in Shang and Western Zhou // *Early China*. 1981-82. Vol. 7. P. 2–37.

Pearson C.L., Dale D.S., Brewer P.W., Kuniholm P.I., Lipton J., Manning S.W. Dendrochemical analysis of a tree-ring growth anomaly associated with the Late Bronze Age eruption of Thera. *Journal of Archaeological Science*. 2009. No 36. P. 1206–14.

Pearson Ch.L., Brewer P.W., Brown D., Heaton T.J., Hodgins G.W.L., Jull A.J.T., Lange T., Salzer M.W. Annual radiocarbon record indicates 16th century BCE date for the Thera eruption // *Science Advances*. 2018. No 4: eaar8241.

Pearson Ch., Salzer M., Wacker L., Brewer P., Sookdeo A., Kuniholm P. Securing timelines in the ancient Mediterranean using multiproxy annual tree-ring data // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2020. No 117 (15). P. 8410–8415.

Ritner R.K., Moeller N. The Ahmose ‘Tempest Stela’, Thera and Comparative Chronology // *Journal of Near Eastern Studies*. 2014. Vol. 73, No. 1. P. 1–19.

Shaughnessy E.L. Of Riddles and Recoveries: The *Bamboo Annals*, Ancient Chronology, and the Work of David Nivison // *Journal of Chinese Studies*. 2011. No. 52. P. 269–290.

Wiener M.H. The state of the debate about the date of the Thera eruption // *Time’s Up! Dating the Minoan eruption of Santorini* / Ed. D.A. Warburton. Aarhus: University, 2009. P. 197–206.

Wiener M.H. A point in time // *Cretan offerings: studies in honour of Peter Warren* / Ed. O. Krzyszkowska. London: British School at Athens. 2010. P. 367–394.

Wiener M.H. *Helladic Greece from the Middle Bronze Age to c. 1350 BCE // From Past to Present. Studies in Memory of Manfred O. Korfmann / Eds. S.W.E. Blum, T. Efe, T.L. Kienlin, E. Pernicka. Bonn: Habelt. 2020. P. 279–332.*

Zhang X., Qiu Sh., Cai L., Bo G., Wang J., Zhong J. *Establishing and Refining the Archaeological Chronologies of Xinzhai, Erlitou and Erligang Cultures // Chinese Archaeology. 2008. Vol. 8. P. 197–210.*

Информация об авторе:

Григорьев Станислав Аркадиевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия); stgrig@mail.ru

REFERENCES

Bochkaryov, V. S. 2010. *Kul'turogenез i drevnee metalloproizvodstvo Vostochnoy Evropy (Cultural genesis and ancient metallurgy in Eastern Europe)*. Saint Petersburg: "Info OI" Publ. (in Russian).

Bochkaryov, V. S. 2017. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (2), 159–204 (in Russian).

Grigoriev, S. A. 2018. In Zdanovich, D.G. (ed.). *Stepnaia Evraziia v epokhu bronzy: kul'tury, idei, tekhnologii (Steppe Eurasia in the Bronze Age: Cultures, Ideas, Technologies)*. Chelyadinsk: Chelyadinsk State University, 37–61 (in Russian).

Grigoriev, S. A. 2021. In *Mul'tidistsiplinarnye issledovaniia v arkheologii (Multidisciplinary Studies in Archaeology)* (1), 3–21 (in Russian).

Grushin, S. P. 2008. In Derevianko, A. P., Makarov, N. A. (eds.). *Trudy II (XVIII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Suzdale (Proceedings of the 2nd (18th) All-Russia Archaeological Congress in Suzdal)* I. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 392–395 (in Russian).

Epimakhov, A. V. 2020. In *Ural'skiy istoricheskii vestnik (Ural Historical Journal)* 4 (69), 51–60. (in Russian).

Epimakhov, A. V., Kupriyanova, E. V., Hommel, P., Hanks, B. K. 2021. In Kupriyanova, E. V. (ed.) *Drevnie i traditsionnye kul'tury vo vzaimodeystvii so sredoy obitaniya: problemy istoricheskoy rekonstruktsii (Ancient and traditional cultures in interaction with the environment: problems of historical reconstruction)*. Chelyabinsk: Chelyabinsk University, 7–29 (in Russian).

Korochkova, O. N., Stefanov, V. I., Spiridonov, I. A. 2020. *Svyatilishche pervykh metallurogov Srednego Urala (Sanctuary of the first metallurgists of the Middle Urals)*. Ekaterinburg: Ural University Publ. (in Russian).

Kuzmina, O. V. 1992. *Abashevskaya kul'tura v lesostepnom Volgo-Ural'e (The Abashevo culture in the forest-steppe Volga-Urals)*. Samara: Samara Pedagogical Institute (in Russian).

Mochalov, O. D. 2014. In Molodin V. I., Epimakhov, A. V. (eds.) *Arii stepy Evrazii: epokha bronzy i rannego zheleza v stepyakh Evrazii i na sopredel'nykh territoriyakh (The Aryans of the Eurasian steppes: the Bronze and Early Iron Ages in the steppes of Eurasia and adjacent areas)*. Barnaul: Altai University, 193–204. (in Russian).

Tkachev, V. V. 2007. *Stepi Iuzhnogo Priural'ia i Zapadnogo Kazakhstana na rubezhe epokh srednei i pozdnei bronzy: monografiia (Steppes of the Southern Urals and Western Kazakhstan at the Boundary of the Middle and Late Bronze Ages: Monograph)*. Aktobe: Aktobe Regional Center of History, Ethnography and Archaeology.

Chernykh, E. N. 1970. *Drevneishaia metallurgii Urala i Povolzh'ia (Ancient Metallurgy of the Ural and Volga Region)*. Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 172. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Chernykh, E. N., Kuzminykh, S. V. 1989. *Drevniaia metallurgii Severnoi Evrazii (seiminsko-turbinskii fenomen) (Ancient Metallurgy of Northern Eurasia (The Seyma-Turbino Phenomenon))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Athanassas, C. D., Modis, K., Alçiçek, M. C., Theodorakopoulou, K. 2017. In *Environmental Archaeology*. DOI: 10.1080/14614103.2017.1288885 (in English).

Badertscher, S., Borsato, A., Frisia, S., Cheng, H., Edwards, R. L., Tüysüz, O., Fleitmann, D. 2014. In *Earth and Planetary Science Letters* (392), 58–66 (in English).

Barjamovic, G., Hertel, Th., Larsen, M. T. 2012. *Ups and Downs at Kanesh. Chronology, History and Society in the Old Assyrian Period. Chronology, History and Society in the Old Assyrian Period*. Old Assyrian Archives Studies 5. Leiden: PIHANS.

- Bietak, M. 2012. In Shortland, A.J., Bronk Ramsey, C. (eds.). *Radiocarbon and the Chronologies of Ancient Egypt*. Oxford: Oxbow, 76–109.
- Bronk Ramsey, C., Dee, M. W., Rowland, J. M., Higham, T. F. G., Harris, S. A., Brock, F., Quiles, A., Wild, E. M., Marcus, E. S., Shortland, A. J. 2010. In *Science*. 328 (5985), 1554–1557 (in English).
- Bruins, H. J., van der Plicht, J., MacGillivray, J. A. 2009. In *Radiocarbon* 51 (2), 397–411 (in English).
- Cherubini, P., Humbel, T., Beeckman, H., Gärtner, H., Mannes, D., Pearson, Ch., Schoch, W., Tognetti, R., Lev-Yadun, S. 2014. In *Antiquity*. (88), 267–291 (in English).
- De Jong, T. 2013. In *Ex Oriente Lux*. (44), 147–167 (in English).
- De Jong, T., Foertmeyer, V. 2010. In *Ex Oriente Lux* 42, 141–157 (in English).
- Fantuzzi, T. 2009. In *Creta Antica*. 10/II, 477–500 (in English).
- Foster, K. P., Ritner, R. K., Foster, B. R. 1996. In *Journal of Near Eastern Studies*. 55(1), 1–14 (in English).
- Foster, K. P., Sterba, J. H., Steinhäuser, G., Bichler, M. 2009. In Warburton, D.A. (ed.). *Time's Up! Dating the Minoan eruption of Santorini*. Aarhus: University, 171–180.
- Friedrich, W. L., Kromer, B., Friedrich, M., Heinemeier, J., Pfeiffer, T., Talamo, S. 2006. In *Science*. 312 (548). Doi:10.1126.
- Grigoriev, S. 2018. In *Musaica Archaeologica*. (2), 33–49 (in English).
- Grigoriev, S. 2020. In *Slovenská archeológia*. Vol. 68. Supplementum 1, 171–178 (in English).
- Huber, P.J. 1999/2000. In *Archiv für Orientforschung* 46/47, 50–79 (in English).
- Keenan, D.J. 2002. In *East Asian History* 23, 61–68 (in English).
- Keightley, D. N. 1999. In Loewe, M., Shaughnessy, E. D. (eds.). *The Cambridge History of ancient China. From the origins of civilization to 221 B.C.* Cambridge: University press, 232–291.
- Kutschera, W., Bietak, M., Wild, E.M., Bronk Ramsey, Ch., Dee, M., Golser, R., Kopetzky, K., Stadler, P., Steier, P., Thanheiser, U., Weninger, F. 2012. In *Radiocarbon* 54(3-4), 407–422 (in English).
- Li Min. 2018. *Social memory and state formation in Early China*. Cambridge: University press.
- Manning, S.W., Höflmayer, F., Moeller, N., Dee, M.W., Bronk Ramsey, Ch., Fleitmann, D., Higham, Th., Kutschera, W., Wild, E.M. 2014. In *Antiquity* 88, 1164–1179 (in English).
- Manning, S. W., Griggs, C. B., Lorentzen, B., Barjamovic, G., Ramsey, C. B., Kromer, B., et al. 2016. In *PLoS ONE* 11(7): e0157144. doi:10.1371/journal.pone.0157144 (in English).
- Manning, S. W., Wacker, L., Büntgen, U., Bronk Ramsey, Ch., Dee, M. W., Kromer, B., Lorentzen, B., Tegel, W. 2020. In *Scientific Reports*. 10:13785: doi.org/10.1038/s41598-020-69287-2.
- Marchenko, Z.V., Svyatko, S.V., Molodin, V.I., Grishin, A.E., Rykun, M.P. 2017. In *Radiocarbon*, 59 (5), 1381–1397. Doi:10.1017/RDC.2017.24 (in English).
- Marthari, M. 1993. In Zerner C. et al. (eds.). *Wace and Blegen: Pottery as Evidence for Trade in the Aegean Bronze Age*. Amsterdam: Gieben, 249–256 (in English).
- McAneney, J., Baillie, M. 2019. In *Antiquity*. 93 (367), 99–112 (in English).
- Nienhauser, W. H. (ed.). 1994. *The Grand Scribe's Records. Vol. I. The Basic Annals of Pre-Han China*. Bloomington: Indiana University Press.
- Nivison, D.S. 1999. In *Sino-Platonic Papers*. (93), 1–68 (in English).
- Pankenier, D. W. 1981-82. In *Early China*. (7), 2–37 (in English).
- Pearson, C. L., Dale, D. S., Brewer, P. W., Kuniholm, P. I., Lipton, J., Manning, S. W. 2009. In *Journal of Archaeological Science*. (36), 1206–14 (in English).
- Pearson, Ch. L., Brewer, P.W., Brown, D., Heaton, T.J., Hodgins, G.W.L., Jull, A.J.T., Lange, T., Salzer, M.W. 2018. In *Science Advances*. 4: eaar8241 (in English).
- Pearson, Ch., Salzer, M., Wacker, L., Brewer, P., Sookdeo, A., Kuniholm, P. 2020. In *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 117 (15), 8410–8415 (in English).
- Ritner, R. K., Moeller, N. 2014. In *Journal of Near Eastern Studies*. 73 (1), 1–19 (in English).
- Shaughnessy, E. L. 2011. In *Journal of Chinese Studies*. 52, 269–290 (in English).
- Wiener, M. H. 2009. In Warburton, D. A. (ed.). *Time's Up! Dating the Minoan eruption of Santorini*. Aarhus: University, 197–206 (in English).
- Wiener, M. H. 2010. In Krzyszkowska, O. (ed.). *Cretan offerings: studies in honour of Peter Warren*. London: British School at Athens, 367–394 (in English).
- Wiener, M. H. 2020. In Blum, S. W. E., Efe, T., Kienlin, T.L., Pernicka, E. *From Past to Present. Studies in Memory of Manfred O. Korfmann*. Bonn: Habelt, 279–332 (in English).

Zhang, X., Qiu, Sh., Cai, L., Bo, G., Wang, J., Zhong, J. 2008. In *Chinese Archaeology* 8, 197–210 (in English).

About the Author:

Grigoriev Stanislav A., Candidate of Historical Sciences. Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. S. Kovaleskaya, str. 16, Ekaterinburg, 620108, Russian Federation; stgrig@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2022 г.
Статья принята к публикации 01.12.2022 г.

УДК 902(4/9):737

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.6.201.205>

АНТИЧНЫЕ МОНЕТЫ ИЗ СОБРАНИЯ МУЗЕЯ В ТАРТУСЕ (СИРИЯ)¹

©2022 г. Е.Ю. Гончаров, В.В. Лебединский

В 2022 году были продолжены исследования международной сирийско-русской археологической экспедиции, которые проходят в акватории провинции Тартус Сирийской Арабской Республики. Исследования проводятся специалистами Севастопольского государственного университета и Института востоковедения Российской академии наук и сирийскими учеными из Департамента древностей и музеев провинции Тартус. Исследования проводятся на основании договора об учреждении совместной сирийско-русской миссии для проведения исследовательских подводных работ в акватории г. Тартус от 08.10.2019 №13/2019. Нумизматическая коллекция Национального музея в Тартусе в настоящее время насчитывает всего 34 медные монеты. Большая часть собрания была перевезена в другое хранилище с началом войны на территории САР. Авторам удалось определить 20 экземпляров. Самые ранние монеты относятся к IV в. до н.э., отчеканены при Александре III Македонском (336–323 до н.э.), поздние – к началу VII в., Византийской империи. Из монетных дворов наиболее представлены эмиссии г. Арад (совр. Арвад), также есть Карне и монеты селевкидских правителей Сирии. Для большинства римских монет установить места их выпуска оказалось невозможно из-за состояния монет.

Ключевые слова: археология, монеты, Мараф, Амрит, Арад, Тихе, Александр Македонский, галера.

ANTIQUE COINS FROM THE COLLECTION OF TARTUS MUSEUM (SYRIA)²

E.Yu. Goncharov V.V. Lebedinsky

In 2022 the research of the Joint Syrian-Russian Archaeological Mission was continued in the water area of the Tartous province in the Syrian Arab Republic. These studies are carried out by the specialists of the Sevastopol State University, the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences and by the Syrian scientists from the Department of Antiquities and Museums of Tartous Province. The research is carried out on the basis of the agreement on the establishment of the Joint Syrian-Russian Archaeological Mission to conduct research underwater works in the water area of the city of Tartous dated 08.10.2019 No. 13/2019. The numismatic collection of the National Museum in Tartus currently has only 34 copper coins. Most of the collection was moved to another repository with the outbreak of war in the territory of the SAR. The authors managed to identify 20 copies. The earliest coins date back to the 4th century BC, minted in Alexander III the Great time (336–323 BC), the later ones to the beginning of the VII century AD, to the Byzantine Empire. Of the mints, the issues of the city of Aradus (modern Arwad) are mostly represented; there are also Karne and coins of the Seleucid rulers of Syria. It was impossible to establish for the most Roman coins the places of their issue because of condition of the coins.

Keywords: archaeology, coins, Marathos, Amrit, Aradus, Tyche, Alexander the Great, galley.

В 2022 г. были продолжены исследования международной сирийско-русской археологической экспедиции, которые проходят в акватории провинции Тартус Сирийской Арабской Республики. Исследования проводятся специалистами Севастопольского государственного университета и Института востоковедения РАН и сирийскими учеными из Департамента древностей и музеев провинции Тартус при поддержке Русского географического общества и Экспедиционного центра

МО РФ. Исследования проводятся на основании договора об учреждении совместной сирийско-русской миссии для проведения исследовательских подводных работ в акватории г. Тартус от 08.10.2019 № 13/2019. Руководители работ: с российской стороны – доцент кафедры «Востоковедение» Севастопольского государственного университета, заведующий Центром историко-археологических исследований Крыма и Средиземноморья Института востоковедения РАН, к.и.н. В.В. Лебедин-

1 Исследования проводятся и финансируются в рамках подпрограммы «Археонет» программы «Приоритет-2030».

2 The studies are conducted and funded under the “Archeonet” subprogram of the program “Priority-2030”.

ский, с сирийской стороны – директор Службы древностей и музеев провинции Тартус доктор Марван Хассан.

Исследования проводятся в регионе, который на протяжении тысячелетий был ключевым местом в морских торговых путях Восточного Средиземноморья – в районе города Тартус, древнего города Амрит и острова Арвад, которые были крупными торговыми центрами на протяжении древности и средневековья.

Комплексная международная сирийско-российская археологическая экспедиция проводит четвёртый сезон исследований в провинции Тартус. Целью исследовательских работ является поиск, фиксация и обследование подводно-археологических объектов в акватории провинции Тартус и острова Арвад. Кроме того, участники экспедиции проводят исследования морских культурных ландшафтов, геофизические исследования побережья, а также изучают коллекции местных музеев.

Активные археологические исследования проводятся в провинции Тартус со 2-й пол. XX в. Национальный музей Тартуса находится в здании быв. Собора Богородицы, возведённом в 1123 г. Музей был основан в 1956 г. С началом войны САР против ИГИЛ¹ значительная часть коллекции музея была перевезена в более надёжное хранилище, работа его возобновилась в 2021 г., но значительное количество артефактов, включая нумизматические находки, по-прежнему в музей не возвращено. К началу работы экспедиции в 2022 г. в музее находились 34 медные монеты.

Все доступные для изучения нумизматические памятники были найдены в разные годы во время археологических раскопок на городище Амрит (Мараф тож.), находящемся в южном пригороде Тартуса. На конвертах, в которых хранятся монеты, имеется информация о месте и времени находки, полевые шифры, а также разного рода дополнительные сведения. Так как ознакомиться с научными отчётами об археологических исследованиях на Амрите не представлялось возможным, поскольку они также были вывезены, то археологический контекст найденных монет был не доступен. По имеющимся на конвертах отметкам понятно, что монеты найдены на разных участках и объектах городища. Среди последних особо важным является храмовый комплекс, известный под современным названием *Ма'абед*. Сохранность и современное состояние монет различное:

2/3 из них можно характеризовать как сохранившиеся хорошо или удовлетворительно, что позволило определить их с той или иной степенью точности, треть же не определяется, многие монеты не были очищены от земли и патины. Изучение монет проводилось путём осмотра их под лупой, фотографирования и взвешивания.

Из 34 бывших в наличии в музее монет удалось более или менее определить 20. Из них 13 экз. представляют эмиссии периода эллинизма (государственные выпуски Александра III Македонского и Селевкидов, а также городскую чеканку), 5 экз. – эпохи Римской империи (провинциальные и общегосударственные типы), 2 экз. относятся к Византийской империи. Хронологический период идентифицированных монет — с IV в. до н. э. по VII в. Все определённые монеты представлены на рисунках 1 и 2, номера на них соответствуют номерам в определениях ниже.

Монеты периода эллинизма (рис. 1)

1. Александр III Македонский (336–323 до н. э.). Чекан Арада, 333–323 гг. до н. э. Вес 1,96 г. Найдена в 1965 г.

2. То же. Вес 0,96 г. Найдена в 1960 г., Ма'абед.

3. То же. Место чеканки не установлено. Вес 5,80 г. Найдена в 1965 г. около Ма'абед.

4. Селевкиды. Чеканка 306–261 гг. до н. э. Вес 2,64 г. Найдена в 1965 г. около Ма'абед (Duyrat, 2005, p. 36–37, № 1095–1111).

5. Городская эмиссия Арада. II в. до н. э. Вес 3,43 г. Найдена: Ма'абед (Duyrat, 2005, série 5).

6. То же, 130–129 гг. до н. э. Вес 6,12 г. Найдена в 1960 г., Ма'абед (Duyrat, 2005, série 7).

7. То же, 130–120-е гг. до н. э. Вес 3,14 г. Найдена в 1960 г., Ма'абед (Duyrat, 2005, série 9).

8. То же. Вес 2,42 г. Найдена в 1965 г. около Ма'абед (Duyrat, 2005, série 9).

9. Городская эмиссия Арада (?). Вес 3,28 г. Найдена в 1965 г. около Ма'абед.

10. Городская эмиссия Карне. 76 г. финикийской эры (187/6 г. до н. э.) Вес 3,01 г. Найдена в 1960 г., Ма'абед (Les monnaies Syriens..., 2022, p. 39, № 61).

11. Городская эмиссия Карне (?). Вес 1,05 г. Найдена в 1960 г., Ма'абед.

12. Селевк III Кервн (225–223 до н. э.). Вес 3,04 г. Найдена в 1965 г.

13. Селевкиды. Вес 3,01 г. Найдена в 1957 г., Ма'абед.

Рис. 1. Монеты из раскопок в Амрите, период эллинизма.
Fig. 1. Coins from the excavations in Amrit, Hellenistic period.

Ещё несколько мелких монет эллинистической эпохи находятся в неопределимом состоянии.

Монеты Римской империи (рис. 2)

1. Траян (?) (98–117). Провинциальный чекан. Вес 6,30 г. Найдена в 1998 г.

2. Элагабал (218–222). Чекан Арада. Вес 6,07 г. Найдена: Ма'абед (Roman Imperial Coinage..., 2017, № 8209).

3. Констанций II (337–361) Тип «в венке VOT. MVLT.». Вес 1,6 г. Найдена в 1998 г.

4. Валентиниан I (364–375). Вес 2,45 г. Найдена в 1965 г. около Ма'абед.

5. Аркадий (395–408). Вес 1,71. Найдена в 1960 г.

Кроме определённых выше римских монет, есть ещё несколько совершенно стёртых или разрушенных окислами нумизматических находок данного периода: две, по-видимому, провинциального чекана; одна – посмертный выпуск АЕ4 Константина I, то есть после 337 г.

Монеты Византийской империи (рис. 2)

6. Маврикий Тиберий (582–602) Теополис (Антиохия), 7 год (589). Вес 11,50 г. Найдена в 1998 г. (Sear David, 2003, № 532).

Рис. 2. Монеты из раскопок в Амрите, римские (1–5) и византийские (6 и 7).
Fig. 2. Coins from the excavations in Amrit, Roman (1–5) and Byzantine (6 and 7) periods.

7. Фока (602–610). Место и дата чеканки не устанавливаются. Полуфоллис. Вес 5,48 г. Найдена в 1965 г. около Ма'абед.

Таким образом, даже такая небольшая нумизматическая коллекция с городища Амрит (Мараф), собранная на разных его участках и объектах, наравне с другими археологическими находками показывает, что, несмотря на существенный ущерб, нанесённый городу соседним Арадом при селевкидском царе Александре Баласе (150–145 до н. э.), Мараф продолжал существовать в виде

отдельных городских кварталов, наиболее значимым из которых был комплекс храма Ма'абед. Судя по найденным там римским монетам, в IV в. храм ещё действовал. Один из прилегающих к морю районов города дожил до нач. VII в., то есть до арабского завоевания Сирии, об этом свидетельствуют находки византийских монет. Среди монетных дворов наиболее представленным по количеству и типам монет является Арад, монет же, отчеканенных в самом Марафе, среди 34 изученных экземпляров выявлено не было.

Благодарность:

Авторы благодарны директору музея г-же Себе Умран и н.с. Мудару Ибрагиму за доброе содействие в работе с монетами Национального музея в Тартусе.

Примечание:

¹ Террористическая организация, запрещённая в России.

ЛИТЕРАТУРА

Les monnayages Syriens. Quel apport pour l'histoire du Proches-Orient hellénistique et romain? Édités par Augé Christian, Duyrat Frédérique. Bibliothèque archéologique et historique. T. 162. Beyrouth: Institut Français d'archéologie du Proche-Orient, 2002.

Duyrat, F. 2005. *Arados hellénistique étude historique et monétaire. Bibliothèque archéologique et historique. T. 173. Beirut: Institut Français du Proche-Orient.*

Price M. 1991. *The coinage in the name of Alexander the Great and Philipe Arrhidaeus. The Swiss Numismatic Society in association with British Museum Press. Zurich-London.*

Roman Imperial Coinage. 2017. Vol. 6. From Elagabalus to Maximinus Thrax (AD 218–238): Asia Minor and Egypt. Dario Calomino, Andrew M. Burnett. Ashmolean Museum, University of Oxford, United Kingdom.

Sear David R. 2003. *Byzantine coins and their values. Seaby an imprint of Spink & Son Ltd. London.*

Информация об авторах:

Гончаров Евгений Юрьевич, научный сотрудник, Институт востоковедения РАН (г. Москва, Россия.); lowvolga@gmail.com

Лебединский Виктор Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Востоковедение», Севастопольский государственный университет (г. Севастополь, Россия); заведующий Центром историко-археологических исследований Крыма и Средиземноморья, Институт востоковедения РАН (г. Москва, Россия); v_lebednski@mail.ru

About the Authors:

Goncharov Evguenyi Yu. Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences, Rozhdestvenka Str., 12, Moscow, 107031, Russian Federation; lowvolga@gmail.com

Lebedinski Victor V. Candidate of Historical Sciences, Sevastopol State University, Universitetskaya Str., 33, Sevastopol, 299053, Russian Federation; Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences, Rozhdestvenka Str., 12, Moscow, 107031, Russian Federation v_lebednski@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2022 г.
Статья принята к публикации 01.12.2022 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

ТУРБАСЛИНСКО-ИМЕНЬКОВСКАЯ ОБЩНОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

©2022 г. Е.П. Казаков

В средневековой истории Евразии до сего времени слабо освещенными остаются древности такой обширной языковой общности как сарматская. Ранее занимавшие широкую территорию, в результате глобальных военно-политических действий кочевников степей, прежде всего тюркоязычных, сарматы были оттеснены к границам своего обитания. Так в середине VI в. большие массы сармат отошли к Урало-Поволжью, местам их летних кочеваний, где и осели. Здесь они оставили многочисленные комплексы разных культур, которые получали разную этнокультурную интерпретацию. Ситуация в изучении сармат в регионе изменилась, когда в 80-е гг. XX в. были изучены памятники Коминтерновского комплекса (городище, 3 селища, 2 могильника) в Спасском районе Татарстана, в которых сочетались основные элементы турбаслинской и именьковской общностей. Явно имеющее сарматское происхождение, население Коминтерновского комплекса активно занималось торговлей. В статье освещается лишь верхневолжский торговый путь, активно используемый торговцами неволинской культуры, которые дошли до Скандинавии. Вполне вероятно, что известная по скандинавским сагам легендарная страна Биармия и их жители – «биармы» – связаны с дальними походами средневековых сармат рассматриваемого региона.

Ключевые слова: археология, культуры: именьковская, турбаслинская, бахмутинская, неволинская; народы: сарматы, скандинавы, биармы.

THE TURBASLY–IMENKOVO COMMUNITY: ISSUES OF STUDYING

E.P. Kazakov

In the medieval history of Eurasia, the antiquities of such a vast linguistic community as Sarmatian are still poorly illuminated. The Sarmatians, who previously occupied a wide territory, were pushed back to the borders of their settling as a result of the global military and political actions of the nomads of the steppes, primarily Turkic-speaking. So in the middle of the 6th century the large Sarmatian masses moved to the Ural-Volga region, to the places of their summer camps, where they settled down. Here they left numerous complexes of different cultures, that received different ethnic and cultural interpretations. The situation in study of the Sarmatians in the region changed when in the 80s of the XX century the sites of the Komintern complex (the hillfort, 3 unfortified settlements, 2 burial grounds) in the Spassky district of Tatarstan, that combine the main elements of the Turbasly and Imenkovo communities, were studied. Their population, clearly of the Sarmatian origin, was actively engaged in trade. The paper highlights only the Upper Volga river trade route, actively used by the traders of the Nevolino culture, who reached Scandinavia. It is likely that the legendary country of Bjarmaland, known from the Scandinavian sagas, and their inhabitants – "bjarmians" – are associated with the long-distance campaigns of the medieval Sarmatians of the studied region.

Keywords: archaeology, the cultures: Imenkovo, Turbasly, Bakhmutino, Nevolino; the peoples: Sarmatians, Scandinavians, Bjarmians.

В исторических исследованиях слабо освещенными остаются проблемы взаимоотношения и взаимодействия таких крупных языковых общностей Евразии, как угорская и сарматская в эпоху средневековья. Явный прорыв в этом направлении произошёл во 2-й пол. XX в. Благодаря активной деятельности археологов исследовательских центров Поволжья и Урала были выявлены и распаны, иногда очень широко, сотни селищ и могильников, иногда с совершенно новым

материалом, интерпретация которого вызвала бурные дискуссии

Так многолетние споры велись по материалу памятников, отнесённых позднее к именьковской культуре. Их сопоставляли с городецкой культурой, относили к волжским булгарам, славянам, даже к балтам и мадьярам

Такая ситуация объяснялась тем, что первоначально были известны только могильники с трупосожжением, в погребениях которых в основном встречались только лепные

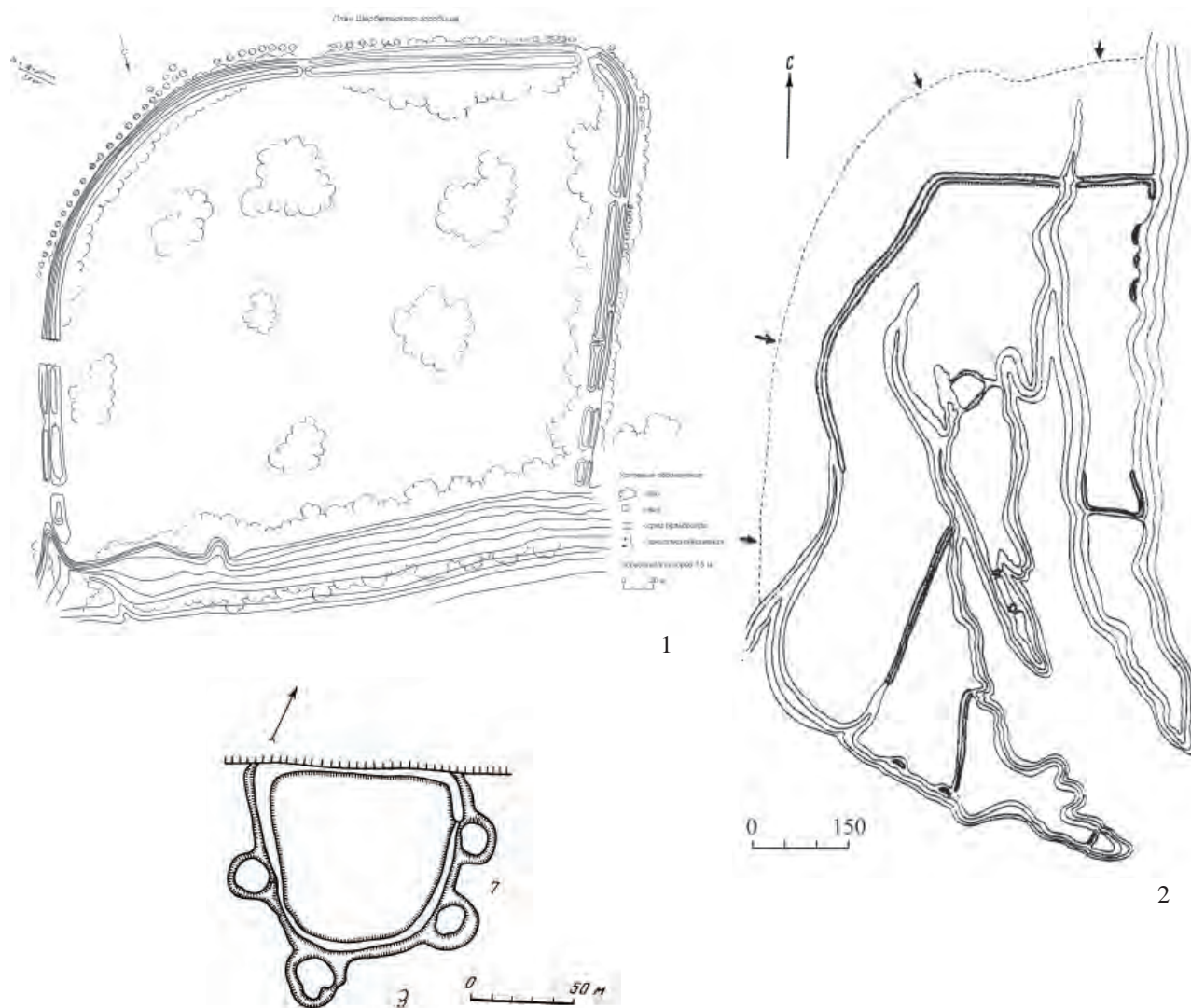

Рис. 1. План городищ именьковской культуры: 1 – Щербетьское, 2 – Большетарханское, 3 – Девичий городок
Fig. 1. The plan of the Imenkovo culture hillforts: 1 – Shcherbet, 2 – Bolshiy Tarhany, 3 – Devichy Gorodok

плоскодонные горшки. В публикации 1959 г. В.Ф. Генинг предложил назвать эти памятники именьковскими (Генинг, 1959, с. 208–210). Позднее такими памятниками специально занимались П.Н. Старостин (Старостин, 1967) и Г.И. Матвеева (Матвеева, 2003).

Благодаря их активной работе памятники именьковской культуры уже на этом этапе были неплохо изучены, и появилась возможность их хронологического и этнокультурного выделения (Казаков, Лыганов, 2014; Лыганов и др. 2021).

Так, оказалось, что оставившее их общество состояло хотя и из родственных, но чётко отделяющихся друг от друга родовых коллективов. Каждое из них имело свою территорию, поселения, городище и могильник. Все они располагались «гнездами», рядом друг с другом, обычно в пределах видимости. В

то же время локализация комплексов жилых и производственных сооружений напоминала «хуторскую» систему. При исследовании именьковских локальных находок выявлено, что они располагались довольно далеко от основных селищ. Так, на памятниках у бывшей дер. Соколовка при впадении р. Камы в р. Волгу, на террасах со смытым чернозёмным слоем в слое суглинка выявлены изолированные комплексы из фундамента подпрямоугольного жилого дома и расположенных вокруг круглых в плане хозяйственных ям, свидетельствующих о занятии земледелием.

Основная масса городищ располагалась на мысах между оврагами, и были размером до 5 тыс. м² (Старостин, 1967, с. 10–11; Асылгаева и др. 2022; Шаймуратова, 2016). Однако среди них выделяется ряд памятников, види-

мо, выполняющих роль племенных центров. Они имели большие размеры и располагались в стратегически важных точках, контролируя большую территорию.

Одним из них является Щербетьское городище в 129,2 тыс. м² в Спасском районе Татарстана. Оно занимает ровную подпрямоугольную площадку у узкого природного подъёма и спуска в уступе от коренной террасы к пойме р. Камы. Высота крутого уступа 35 м (рис. 1: 1). Местами площадь памятника заросла кустарниками.

Оборонительная система городища состоит из рва и вала шириной от 12 до 120 м. Глубина рва 1–1,5 м, ширина 6–8 м. Высота вала 1,8–2,5 м, ширина 6–8 м.

Частично выявлена вытянутая вдоль рва стена из вертикально поставленных брёвен диаметром 8–10 см. Низ стены с внешней стороны был укреплен глиняной «подушкой». Возможно, подобная стена находилась и с внутренней стороны. Пространство между ними было засыпано грунтом. Ширина стены, видимо, составляла 3–4 м.

С напольной стороны городище было укреплено системой «волчьих» ям, которые располагались в 3–7 м от внешнего края рва. Ямы подпрямоугольные, овальные или круглые, размером 4–5 м и глубиной 1,5–2 м. Расстояние между ними составляло 3–6 м. На наиболее опасном направлении ямы уже располагались в два ряда. Всего четко выявлена 61 яма.

У узкого «пешеходного» спуска в долину р. Камы в северо-восточной части городища исследователи отмечают три округлые ямы диаметром 10–15 м, которые, возможно, являлись остатками деревянных башен (раскопки не производились). Ниже по склону на 1,5 м имелась площадка шириной в 2 м, предположительно, являлась палисадом (Калинин, Халиков, 1954, с. 91). Со стороны долины укреплений, кроме указанных, не было, так как крутизна и высота (35 м) спуска в долину были неприступны для неприятеля.

На обширную укрепленную площадь памятника вели 8 проходов. Из них лишь один, в восточной части, был предназначен для колёсного транспорта, остальные – более узкие.

Большая площадь этого памятника, мощная система укреплений, включающая башни и палисад у «пешеходного» спуска в юго-восточной части памятника, «волчьи ямы», предназначенные, в первую очередь, против конницы противника, позволяют полагать его важное значение. На надпойменной террасе

недалеко от памятника находилось несколько именьковских селищ, локализующихся у природных спусков в долину р. Камы.

У протока Старой Камы, на дюнных останцах в нескольких километрах к северо-западу от городища находились открытый П.Н. Старостиным важный торгово-ремесленный пункт (Щербетьско-Островное селище) именьковской культуры (Казakov, 2018, с. 200–210) и лишь недавно открытый уникальный могильник (Новосёловский II могильник) той же культуры (Валеев, 2018, с. 211–226).

Вышеотмеченные материалы позволяют предполагать, что Щербетьское городище было племенным центром всего населения именьковской культуры приустьевого Закамья во 2-й пол. VI в.

Другой такой памятник – Большетарханское городище – располагался на правом берегу р. Волги, в 4,5 км к юго-востоку от с. Большие Тарханы Тетюшского района Татарстана. Он занимает три сильно вытянутых в сторону реки, заросших лесом мыса коренной террасы с крутыми склонами (рис. 1: 2). По линии север-юг длина городища 1 200 м, по линии запад-восток около 600 м. С напольной стороны оно ограждено валом и рвом длиной 1,5 км. Высота вала 0,8–1,5 м, глубина рва 1 м, ширина его 3 м.

С напольной стороны отступая от вала и рва на 75–200 м проходит полоса «волчьих ям». Ширина ям 1–4 м, глубина 0,2–0,9 м. Со стороны реки сужающиеся части мысов укреплены дополнительно валами и рвами. Высота валов 0,9–2 м, ширина от 3 до 7 м. Глубина рвов 1–5 м, ширина 3–6 м. На среднем и восточном мысах имеются расположенные не в ряд овальные ямы диаметром от 3×5 до 10×10 м. На более или менее пологих мысах отмечены следы земляных бастионов. На памятнике выявлен достаточно мощный культурный слой (местами до 80 см) с находками именьковской культуры (АКТ, 1985, с. 93; СПАРТ, 2007, с. 355).

Описанные два памятника близки друг к другу не только по территории, размеру, мощному оборонительному комплексу, включающему валы, рвы, «волчьи ямы», башни (возможно, овальные ямы размером 10×10 м на Большетарханском городище также являются остатками башен). Специфика расположения на правом берегу р. Волги, а также особенности конструкции Большетарханского городища, возможно, свидетельствуют, что оно сооружалось в экстремальных условиях (см. ниже).

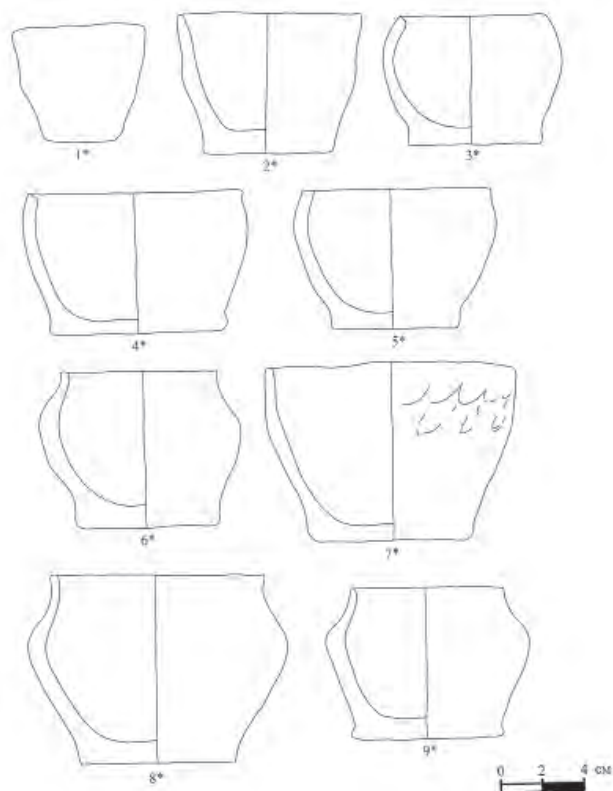

Рис. 2 Керамика именьковской культуры II Коминтерновского могильника.

Fig. 2. The Imenkovo culture ceramics of the II Komintern burial ground.

О том, что башни входили в систему укреплений именьковских городищ свидетельствует материал городища Девичий городок, расположенного на выступающей в долину между р. Камой и р. Волгой коренной террасе с крутыми склонами (высота более 10 м). Памятник возник около единственного в этом месте пешеходного спуска в долину реки. Площадка памятника подчетырёхугольной формы размером 80–90×100 м ограничена сильно оплывшим валом и рвом. Вал имел высоту 1,5 м и ширину 10–12 м. Глубина рва 1,5 м. При ежегодном многолетнем мониторинге этого района Раннеболгарской археологической экспедицией прослежено, что Куйбышевским водохранилищем шло разрушение памятника. В обрыве чётко зафиксировано, что под каждой из четырёх башен, которые находились по краям городища (рис. 1: 3), была положена «подушка» из большого количества песчаниковых камней.

На городище производились шурфы и раскопки, которые утвердили его именьков-

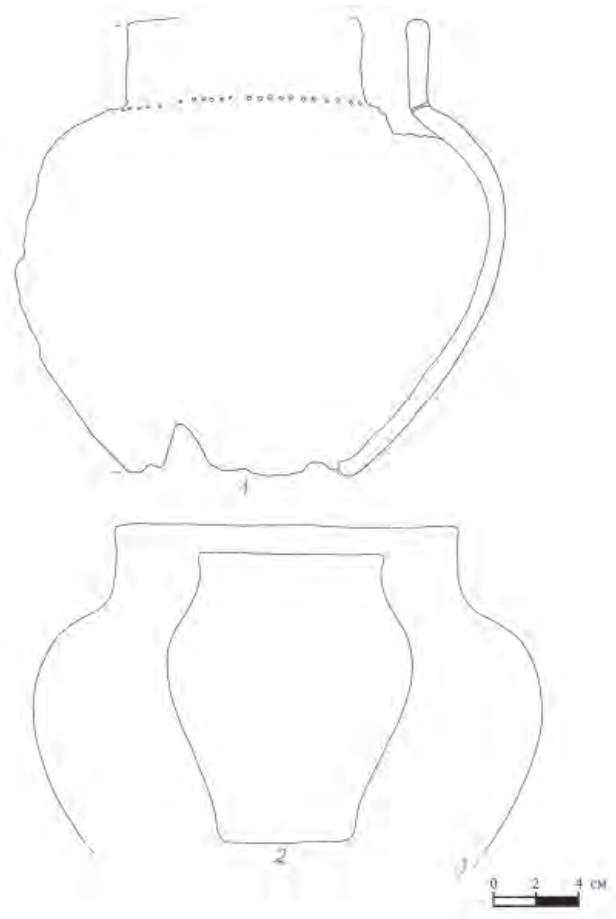

Рис. 3. Керамика турбаслинской культуры II Коминтерновского могильника.

Fig. 3. The Turbasly culture ceramics of the II Komintern burial ground.

скую принадлежность (АКТ, 1985, с. 65–66). Сам памятник в виде замка правителя возвышался над обширным (культурный слой мощностью до 1 м тянулся на 200 м) торгово-ремесленным поселением этой же культуры. В настоящее время городище и селище уничтожены водохранилищем. К юго-востоку от городища находится обширный именьковский могильник (IX Измерский), катастрофически разрушенный водой.

Как уже отмечалось в начале статьи, трудно было определить датировку и этнокультурную принадлежность именьковских памятников с трупосожжением, которые содержали мало датирующего материала. Поэтому новую страницу в этом направлении дало открытие и изучение II Коминтерновского могильника (Казаков, 2021). В нём в тесном единстве встретились захоронения с трупосожжением и трупоположением. Последние находили полные аналогии в древностях турбаслинской культуры Приуралья. Исключая отмеченные особенности погребального обряда остальной

материал достаточно единообразен. Однако сосуды именьковской культуры могильника были более мелкие, иногда без шеек, почти чашевидные (рис. 2), а турбаслинские – более крупные, с высокой шейкой и раздутым туловом (рис. 3).

Название турбаслинская культура получила по материалу на сравнительно небольшой территории уфимского течения р. Белой в Башкортостане. Однако в эпоху средневековья в Приуралье находилось множество разнообразных памятников археологии. Суммарное описание их представлено в работе К.В. Сальникова 1964 г. Он выделяет комплексы керамики бахмутинского (с ямочным орнаментом), турбаслинского (указано выше), кушнаренокского и романовского (близкого к именьковскому, указано выше) типов. В то же время многие памятники Башкирии автор считает сармато-аланскими (Сальников, 1964, с. 7–15).

В.Ф. Генинг в работе 1971 г. выделяет на территории Башкирии этого времени десять культурно-этнических групп, в том числе бахмутинской, турбаслинской, романовской, куштерьяковской (кушнаренокской) и др. Он подчёркивает их специфику как в керамике, так и в погребальном обряде (Генинг, 1971, с. 44–54).

Накоплению археологического средневекового богатства на территории Башкирии и соседних областей способствовала бурная полевая деятельность во 2-й пол. XX в. Наиболее объёмные материалы получены при раскопках языческих могильников Н.А. Мажитовым.

Полученные материалы позволили выделить ряд культур и опубликовать по ним монографии. Среди них «Бахмутинская культура» (Мажитов, 1968), «Турбаслинская культура» (Сунгатов, 1998), «Неволинская культура» (Голдина, Водолаго, 1990). В этих и других работах по-разному выделялась этнокультурная основа населения.

Положение изменилось с открытием и изучением комплексов II Коминтерновского некрополя и других памятников в Куйбышевском районе Татарстана в 1984 г. В могильнике вместе находились захоронения с трупосожжением (именьковские) и трупоположением (турбаслинские). Рядом в Коминтерновском II селище зафиксированы комплексы посуды бахмутинского типа с ямочным орнаментом на посуде (Казаков, 2021). Также в приустьевом Закамье, в 23 км от вышеописанного, но идентичного ему, выявлен Новославский II

могильник (Валеев, 2018, с. 211–226). Кроме того, памятники с близкими чертами культуры распространены до бассейна р. Оки (Казаков, 2016, с. 21–27). Таким образом, отмечалось сходство культур на широкой территории от Приуралья до бассейна р. Оки.

Коминтерновские материалы не только показали это, но и позволили поставить вопрос об их хронологии этнокультурной принадлежности. Предложено, что они оставлены средневековыми азиатскими сарматами, которые из-за событий времени Первого тюркского каганата были вынуждены в сер. VI в. переселиться в районы своих летних кочевий в Приуралье и Среднее Поволжье (Казаков, 1998, с. 97–150; Казаков, 2011, с. 8–39).

Несмотря на то, что сарматские родоплеменные коллективы чётко сохраняли специфику своей культуры, они имели и общие черты: искусственную деформацию черепов, положение черепа и костей ног коня в могилах, идентичные культовые вещи и др. (Казаков, 2021). В Приуралье среди отмеченных культурных групп заметно выделяются неволинские древности. Они расположены севернее других, отличаются большим разнообразием изделий из цветного металла и, самое главное, в них другая керамика. Вся она лепная, круглодонная, низких пропорций с орнаментом в виде резных или гребенчатых оттисков, расположенных в виде горизонтальной ёлочка (Голдина, Водолаго, 1990, с. 152–158; табл. LIII–LXI). Имея определённое сходство с посудой угорского мира, она в то же время, в отличие от рядом локализуемых комплексов уральских угров, очень редко имеет выделенную шейку и верёвочный орнамент.

Рассматриваемая группа средневековых сарматских культур, условно определяемая как турбаслинско-именьковская общность (ТИО), занимающая территорию от Приуралья до бассейна р. Оки, обладала достаточно прочной связью, хотя в этом регионе проживали и народы других языковых групп. Это население в течение ряда поколений с сер. VI в. до послед. четв. VII в. имело не только развитое земледелие и скотоводство, но также ремесло и торговлю. Товарообмен активно шёл по речным путям. Об этом свидетельствуют расположенные в приустьевой части р. Камы крупнейшие торгово-ремесленные поселения именьковской культуры: Щербетьско-Островное, Девичье-Городское, Коминтерновское II.

Можно полагать, что это обширное объединение, связанное территорией, хозяйством,

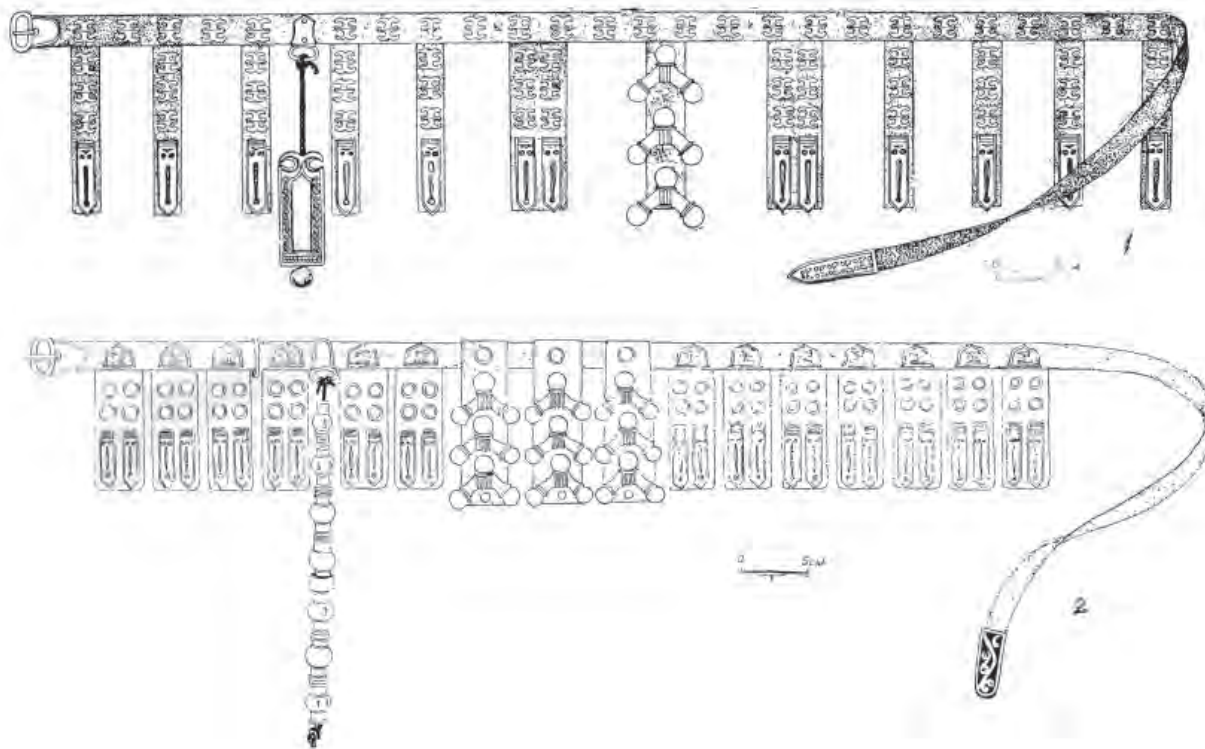

Рис.4. Поясные наборы неволинской культуры. Кожа, изделия из цветного металла.

По Р.Д. Голдиной, Н.В. Водолаго.

Fig.4. The Nevolino culture belt sets. Leather, items made of non-ferrous metal
(according to R.D. Goldina, N.V. Vodolago).

культурой и этносом, в определённое время обладало чертами государственности со своими политическими центрами. Главный из них мог находиться в петле рек Белой и Уфы, где выявлены на территории г. Уфы три городища (в том числе городище Уфа II) и склепы сарматских вождей с богатыми наборами золотых и серебряных изделий.

До настоящего времени уникальные комплексы ТИО слабо изучены. Это благодатная тема для будущих исследователей.

Рассмотрим только некоторые проблемы торговли её населения в Восточной Европе, опираясь на нахождение в том или ином отдалённом регионе изделий, характерных только для неволинской культуры, которые, несомненно, появились только в результате товарообмена.

Имеются материалы о торговле вверх по р. Волге, о чём свидетельствуют находки специфичных неволинских поясов. Они являются уникальными по богатству и композиции деталей (рис. 4). Как показывают бронзовые накладки на них, в данной культуре изделия появились в нач. VII в., когда под действием бурных событий в период формирования Второго тюркского каганата в Восточную Европу пришло время классической гераль-

дики, железных стремян, ранних сабель и т. д. Скорее всего, эти комплексы пришли с новыми мигрантами. А.Г. Иванов указывает концентрацию таких поясов в районах Томской лесостепи (Иванов, 2001, с. 100–101, рис. 3). Сюда могли отступить остатки азиатских сармат, где они контактировали с угорским и самодийским населением.

Классические неволинские пояса и их элементы выявлены в древностях по р. Оке. Они отмечены в погребениях 176, 330, 333 (рис. 5) Чулковского могильника муромы (Гришаков, Зеленева, 1990). Аналогичные предметы встречены в погребении 38 II Старобадиковского могильника (рис. 6: 8, 9) мордвы-мокши (Петербургский, 2011).

Представленные материалы свидетельствуют, что представители неволинской культуры активно использовали окско-донской торговый путь. В Подонье, где среди других народов проживали и средневековые сарматы, попадались и другие предметы с Верхней Камы, в том числе коньковые щитки нагрудных бронзовых подвесок, датирующихся VII в.

В целом указанный торговый путь был хорошо знаком урало-поволжским сарматам. Их памятники турбаслинского и имениковско-

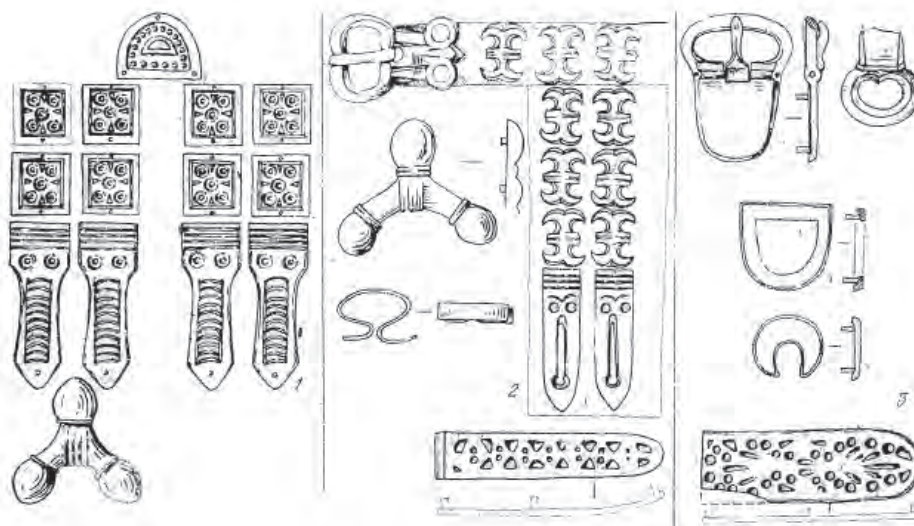

Рис. 5. Детали неволинских поясов из Чулковского могильника:
1 – погр. 330; 2 – погр. 333; 3 – погр. 176. Цветной металл (по В.В. Гришакову, Ю.А. Зеленеу).

Fig. 5. Pieces of the Nevolino belts from the Chulkovo burial ground:
1 – burial 330; 2 – burial 333; 3 – burial 176. Non-ferrous metal (according to V.V. Grishakov, Yu.A. Zeleneyev).

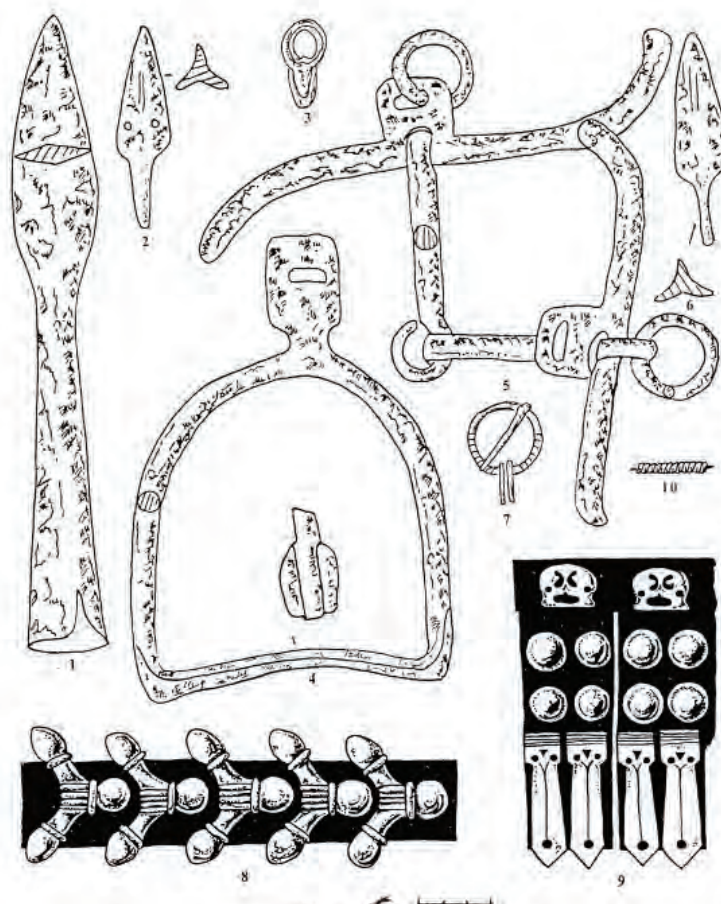

Рис. 6. Комплекс погр. 38 Второго Старобадиковского могильника:
1-5 – железо; 7, 10 – бронза; 8, 9 – кожа и бронза (по И.М. Петербургскому).

Fig. 6. Burial complex 38 of the II Staroye Badikovo burial ground:
1-5 – iron; 7, 10 – bronze; 8, 9 – leather and bronze (according to I.M. Peterburgsky).

Рис. 7. Локализация находок поясов неволинской культуры и их деталей (по Е. Goldina)
Fig. 7. Location of finds of the Nevolino culture belts and their pieces (according to E. Goldina)

го круга фиксируются в мордовских землях (Казаков, 2016, с. 21–27).

Сарматы активно использовали и более дальний путь на Верхнюю Волгу. Истоки этой реки начинаются с Валдайской возвышенности. На ней же начинают своё течение реки Северная Двина – Даугава, впадающая в Рижский залив Балтийского моря, и Днепр, впадающий в Чёрное море. Судя по археологическим находкам, неволинские торговцы активно использовали северный торговый путь, ведущий через реки и озёра к Финскому заливу Балтийского моря. Они неоднократно вступали в товарообмен с населением Скандинавии. Об этом свидетельствуют нередкие находки в захоронениях юго-западной Финляндии специфических неволинских поясов и их деталей (Майнандер, 1979, с. 35–40). Возможно, с их влиянием связано появление в этих районах щитков шумящих коньковых нагрудных подвесок и других изделий из бронзы (Майнандер, 1979, с. 39), массы стеклянных бус, имеющих полные аналогии в древностях неволинской культуры. А.Г. Иванов (Иванов, 2001, с. 101, рис. 3) и Е.В. Голдина (Goldina, 2003, с. 69, fig. 6) представили широкое распространение неволинских поясов и их деталей в археологических памятниках (рис. 7).

Представленные материалы позволяют полагать, что легендарные биармы, известные по исландским сагам более позднего времени, являлись средневековыми сарматами. Со 2-й

пол. VI в. они образовали своё объединение – ТИО, с определёнными элементами государственности. Имея достаточно высокую культуру на широкой территории в Приуралье и Поволжье, сарматы установили торговые связи по многим направлениям.

Нами рассмотрено только одно из них – верхневолжское. Перспективными для его продолжения для торговых нужд было движение по р. Западная Двина. По сообщению Саксона Грамматика (жил ок. 1140 – ок. 1216 г.) в книге «Деяния данов», впервые вышедшей в Праге в 1514 г., отряд датчан потерпел поражение от биармийцев и отступил, найдя приют у куретов (куршей) и сембов (прусов) в регионе Рижского залива. Именно сюда могли прибывать датские и норвежские викинги между торговыми городами европейского южного побережья Балтийского моря, поскольку в Финском заливе хозяевами были шведы.

В 1217 г., видимо, в рассматриваемом регионе местные жители уничтожили экипаж одного из двух кораблей, который через Русь пытался попасть на Святую землю, чтобы участвовать в крестовом походе. В ответ король Хакон IV в 1222 г. прислал целую эскадру с сильным войском, которое огнём и мечом прошло Биармию, после чего это название перестало упоминаться в сагах (по А. Стрингольму). Кроме вышеуказанного, у некоторых племён в Рижском регионе в погребальном обряде применялось положение в

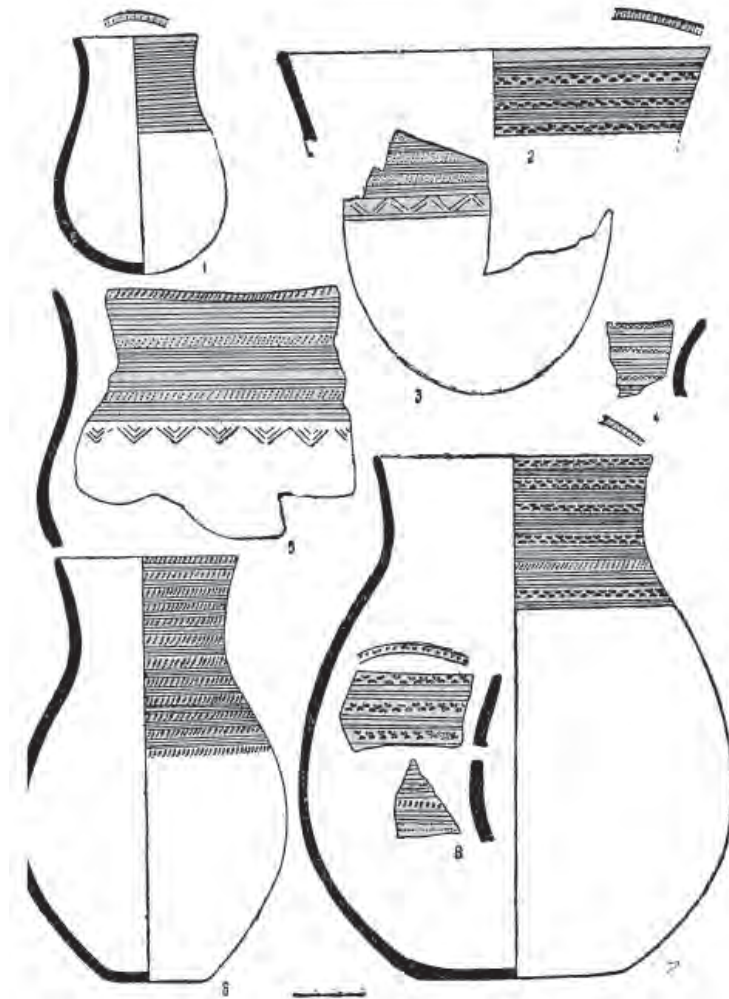

Рис. 8. Керамика кушнаренковской культуры Такталачукского могильника.
Fig. 8. Ceramics of the Kushnarenkovo culture of the Taktalachuk burial ground.

определённом порядке костей черепа и ног лошади, что характерно для сармат.

Последние не могли не использовать для торговли такой удобный путь, как р. Днепр. Таким образом, на Валдае существовал своеобразный крест из пересечения торговых путей с востока на запад: р. Верхняя Волга – р. Северная Двина, и в меридиональном направлении: Финский залив – побережье Чёрного моря. Последний путь позднее называли как «путь из варяг в греки».

В последней трети VII в. произошли события, которые нанесли сильный удар по сарматскому населению Урало-Волжского региона. В результате постоянно меняющейся в степях военно-политической обстановки в евразийских степях обострилась вражда между угорскими племенами и сарматами, которая, видимо, началась в 557 г., когда тюркюты вместе с уграми разгромили в Приаралье объединения племён хуни, огоров и авар.

По ТИО был нанесён быстрый и беспощадный удар уграми маняжского этапа кушнарен-

ковской культуры (близкие к мадьярам), представленными своеобразной по технологии, форме и орнаменту керамикой (рис. 8). Были уничтожены торгово-ремесленные поселения. В одних хозяйственных ямах селища Девичий городок сожжены большие запасы зерна, другие забиты костями человека.

На Щербетьском-Островном селище обнаружена целая поляна с костями человека. В то же время враги не сумели найти склады железных топоров (26 экз.), ремесленных стержней из цветного металла (67 экз.). Турбаслинско-именьковские памятники исчезли. Вместо них на территории Татарстана и Башкортостана появляются некрополи кочевых уюгов с кушнаренковской керамикой.

Пришельцы даже переправились через р. Волгу и захватили II Тетюшское городище на левом берегу реки. Здесь отмечены находки типично кушнаренковской посуды VII в. (Руденко, 2010, с. 94, илл. 122).

Для прекращения дальнейшего продвижения уюгов на запад сарматы приняли

чрезвычайные меры. За короткое время в овражистой, залесенной местности на левобережье р. Волги было сооружено вышеописанное огромное городище, фактически недоступное для конного войска кочевников (рис. 1: 2).

Видимо, это сооружение, а также р. Волга стали препятствием для дальнейшего продвижения пришельцев на запад. Однако, среди

предков волжских финнов и чуваш продолжали проживать группы средневековых сармат, которые в других районах были известны под именем асов (Афанасьев, 2009, с. 7–18). В Волго-Окском регионе они назывались буртасы, эрзясы (откуда название г. Арзамас) и др. Сам этноним «биармы» упоминается только при одном из киевских князей и при нашествии монголов.

ЛИТЕРАТУРА

Археологическая карта Татарской АССР. Предволжье / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. 116 с.

Археологическая карта Татарской АССР. Западное Закамье. Ч. I / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1986. 112 с.

Асылгараева Г.Ш., Оруджов Э.И., Старков А.С. Археозоологический комплекс Макарьевского городища // Поволжская археология. 2022. № 1 (39). С. 178–189.

Афанасьев Г.Е. К проблеме локализации «Хазарии» «Фурт-ассии» (о противоречиях данных археологии и письменных источников) // Форум «Идель-Алтай». Казань, 2009. С. 7–18.

Валиев Р.Р. Памятник «коминтерновского типа» имениковской культуры // Археология Евразийских степей. 2018. № 1. С. 211–226.

Генинг В.Ф. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа // Тр. КФАН СССР. Сер. гуманитарные науки. Вып. 2. Казань: Изд-во КФАН СССР, 1959. С. 157–219.

Генинг В.Ф. Этнический субстрат в составе башкир и его происхождение (по археологическим материалам I тыс. н.э.) // АЭБ. Т. IV. / Отв. ред. Ю.В. Бромлей, Р.Г. Кузеев. Уфа: БФ АН СССР, 1971. С. 44–54.

Гришаков В.В., Зеленева Ю.А. Муром VII–XI вв. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 1990. 77 с.

Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск: Издательство Иркутского университета, 1990. 176 с.

Иванов А.Г. Накладки-тройчатки: к вопросу о происхождении поясов неволинского типа // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (из истории костюма). Т. 2 / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский историко-краеведческий музей, 2001. С. 87–102.

Казаков Е.П. Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Материалы II Международной археологической конференции / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: б.и., 1998. С. 97–150.

Казаков Е.П. Кушнарниковские памятники Нижнего Прикамья // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой / Отв. ред. А. Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1981. С. 115–135.

Казаков Е.П. Этнокультурная ситуация IV – VII вв. н.э. в Среднем Поволжье // Finno-Ugrica. 2011. № 12–13. С. 8–39.

Казаков Е.П. Хронологические этапы взаимодействия сармат с поволжскими финнами в средние века // Средневековая археология Волго-Уралья. Сб. науч. трудов к 65-летию юбилею д.и.н., проф., член-корр. АН РТ Ф.Ш. Хузина Ф.Ш.Хузина / Отв. ред. А.Г. Ситдинов. Казань: ИА АН РТ, 2016. С. 21–27.

Казаков Е.П. Волго-Камье в эпоху тюркских каганатов. Книга первая. Коминтерновский II могильник / Археология евразийских степей. Вып. 26. Казань: Фэн, 2020. 144 с.

Казаков Е.П., Лыганов А.В. Итоги изучения Измерского XVII могильника // Поволжская археология. 2014. № 4 (10). С. 43–57

Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Итоги археологических работ за 1945–1952 гг. // Труды Казанского филиала Академии наук СССР. Серия исторических наук. Казань: Таткнигоиздат, 1954. 126 с.

Лыганов, А.В., Вязов Л.А., Пономаренко Е.В., Истомин К.Э., Халимуллина Л.Р. Бикляньское селище начала эпохи Великого переселения народов в Нижнем Прикамье // Поволжская археология. 2021. № 3 (37). С. 231–247. DOI 10.24852/ra2021.3.37.231.247.

Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. Этническая история населения Северной Башкирии середины I тысячелетия нашей эры. М.: Наука, 1968. 161 с.

Майнандер К.Ф. Биармы // Финно-угры и славяне / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. Л.: Наук, 1979. С. 35 – 40.

Матвеева Г.И. Среднее Поволжье в IV–VII вв.: именьковская культура. Самара: СГУ, 2003. 160 с.

Петербургский И.М. Материальная и духовная культура мордвы в VII–X вв. Саранск: Красный Октябрь, 2011. 420 с.

Руденко К.А. Тетюшское II городище в Татарстане. Казань: Заман, 2010. 152 с.

Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры / САИ. Вып. Д1-32. М.: Наука, 1967. 97 с.

Сальников К.В. Итоги и задачи изучения археологии Башкирии // АЭБ. Т. II / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: БФ АН СССР, 1964. С. 7 – 15.

Шаймуратова, Д.Н. Особенности изучения субфоссильных остатков рыб и птиц из археологических памятников среднего Поволжья и их экологическая интерпретация // Российский журнал прикладной экологии. 2016. № 1(5). С. 8–13.

Goldina E. Scandinavia and the Kama region: contacts in the second half of the I millennium A.D. // Art and archaeological investigation of the Woodland of East Europe / Proceedings and Research of the Kama-Yyatka Archaeological Expedition. Vol. 8 / text transl. Y. V. Romanova, V. V. Napolskikh Izhevsk: Udmurt State University, 2003. P. 61–70.

Информация об авторе:

Казakov Евгений Петрович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия)

REFERENCES

Khalikov, A. Kh (ed.). 1981. *Arkheologicheskaya karta Tatarskoi ASSR. Predvolzh'e (Archaeological Map of the Tatar ASSR. Cis-Volga River Area)*. Kazan: Institute of Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).

Starostin, P. N. (ed.). 1986. *Arkheologicheskaya karta Tatarskoi ASSR. Zapadnoe Zakam'e (Archaeological Map of the Tatar ASSR. Western Trans-Kama Region)* I. Kazan: Institute of Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).

Asylgaraeva, G. Sh., Orudzhov, E. I., Starkov, A. S. 2022. In *Povolzhskaya Arkheologia (Volga River Region Archaeology)* 39 (1), 178–189 (in Russian).

Afanas'ev, G. E. 2009. In *Forum «Idel'-Altai» ("Idel'-Altai" Forum)*. Kazan, 7–18 (in Russian).

Valiev, R. R. 2018. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 211–226 (in Russian).

Gening, V. F. 1959. In *Trudy KFAN SSSR. Ser. gumanitarnye nauki (Proceedings of the Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences. Humanities Series)* 2. Kazan: Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 157–219 (in Russian).

Gening, V. F. 1971. In Bromlei, Yu. V., Kuzeev, R. G. (eds.). *Arkheologiya i etnografiya Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* IV. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 44–54 (in Russian).

Grishakov, V. V., Zelenev, Yu. A. 1990. *Muroma VII–XI vv. (Muroma People in 7th – 11th Centuries)*. Yoshkar-Ola: Mari State University (in Russian).

Goldina R.D., Vodolago N.V. 1990. *Mogil'niki nevolinskoy kul'tury v Priural'e (Burial Grounds of the Nevolino Culture in the Cis-Urals)*. Irkutsk: Irkutsk University Publ. (in Russian)

Ivanov, A. G. 2001. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletia n.e. (iz istorii kostiama) (The Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I Millennium AD (from the History of Costume))* 2. Samara: Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin, 87–102 (in Russian).

Kazakov, E. P. 1981 In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Ob istoricheskikh pamiatnikakh po dolinam Kamy i Beloi (On the Historical Sites in Kama and Belaya River Valleys)*. Kazan: Language, Literature and History Institute named after G. Ibragimov, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 115–135 (in Russian).

Kazakov, E. P. 1998. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletia n.e. (voprosy khronologii) (Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I Millennium AD (Issues of Chronology))*. Samara: Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin, 97–150 (in Russian).

Kazakov, E. P. 2011. *Finno-Ugrica* (12–13), 8–39 (in Russian).

Kazakov, E. P. 2016. In Sitdikov, A. G. (ed.). *Srednevekovaia arkheologiiia Volgo-Ural'ya (Medieval Archaeology of the Volga-Urals)*. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 21–27 (in Russian).

Kazakov, E. P. 2020. *Volgo-Kam'e v epokhu tyurkskikh kaganatov. Kniga pervaya. Kominternovskiy II mogil'nik (Volga-Kama region during the First Turkic Khaganate period. Book one. Komintern burial ground)*. Kazan: "Fen" Publ. (n Russian).

Kazakov, E. P., Lyganov, A. V. 2014. In *Povolzhskaya Arkheologia (Volga River Region Archaeology)* 10 (4), 43–57 (in Russian).

Kalinin, N. F., Khalikov, A. Kh. 1954. *Trudy Kazanskogo filiala Akademii nauk SSSR. Seriya istoricheskikh nauk (Proceedings of the Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences. Historical Sciences Series)*. Kazan: "Tatknigoizdat" Publ. (in Russian).

Lyganov, A. V., Vyazov, L. A., Ponomarenko, E. V., Istomin, K. E., Khalimullina, L. R. 2021. In *Povolzhskaya Arkheologia (Volga River Region Archaeology)* 37 (3), 231–247. DOI 10.24852/pa2021.3.37.231.247 (in Russian).

Mazhitov, N. A. 1968. *Bakhmutinskaia kul'tura: Etnicheskaia istoriia naseleniia Severnoi Bashkirii serediny I tysiacheletii nashei ery (The Bakhmutino Culture: Ethnic History of the Northern Bashkiria Population in the Middle I Millennium AD)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Mainander, K. F. 1979. In Rybakov, B. A. (ed.). *Finno-ugry i slavyane (Finno-Ugric and Slavic peoples)*. Leningrad: "Nauka" Publ., 35–40 (I Russian).

Matveeva, G. I. 2003. *Srednee Povolzh'e v IV–VII vv.: imen'kovskaia kul'tura (Middle Volga Region in the 4th – 7th cc.: the Imenkovo Culture)*. Samara: Samara State University (in Russian)..

Peterburgskii, I. M. 2011. *Material'naia i dukhovnaia kul'tura mordvy v VII–X vv. (Material and Spiritual Culture of the Mordva People in 7th–10th Centuries)*. Saransk: "Krasnyi Oktiabr'" Publ. (in Russian).

Rudenko, K. A. 2010. *Tetiushskoe II gorodishche v Tatarstane (Tetyushi II hillfort in Tatarstan)*. Kazan: "Zaman" Publ. (in Russian).

Starostin, P. N. 1967. *Pamiatniki imen'kovskoi kul'tury (Sites of the Imenkovo Culture)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1-32. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Sal'nikov, K. V. 1964. In Kuzeev, R. G. (ed.). *Arkheologiiia i etnografiia Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* II. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 7–15 (in Russian).

Shaymuratova, D. N. 2016. In *Rossiyskiy zhurnal prikladnoy ekologii (Russian Journal of Applied Ecology)* 5 (1), 8–13 (in Russian).

Goldina, E. 2003 In Romanova, Y. V., Napolskikh, V. V. (transl.) *Art and archaeological investigation of the Woodland of East Europe*. Series: Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition. 8. Izhevsk: Udmurt State University, 61–70 (in Russian).

About the Authors:

Kazakov Evgeniy P. Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A.Kh.Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation)

Статья поступила в журнал 01.10.2022 г.
Статья принята к публикации 01.12.2022 г.

УДК 903.27

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.6.218.226>

НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ СЕТЕРЛЮ-1 (ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АЛТАЙ)¹

©2022 г. А.У. Урбушев

В работе представлены новые данные по наскальному искусству раннего Средневековья, зафиксированные на памятнике Сетерлю-1 в Горном Алтае. О расположении неизвестных ранее науке петроглифов сообщил местный житель Б.М. Киндигов. Обнаруженные гравировки представлены сценой охоты, изображениями всадников со знаменами. Последние, встречающиеся нечасто, дают возможность очертить ареалы использования определенных типов знамен на территории раннесредневековых тюркских государств и выявить локальные зоны их концентрации. На Сетерлю-1 также зафиксирована крайне редкая для изобразительной традиции древних тюрков обрядовая сцена. Привлекая данные различных письменных источников, предполагается, что в этой сцене показан обряд поклонения или прошения. На основе стилистического анализа определено, что отдельные группы изображений нанесены разными художниками, вероятно, даже, в различные хронологические периоды в рамках раннего Средневековья.

Ключевые слова: археология, раннее Средневековье, Алтай, Сетерлю-1, наскальное искусство, гравировки, знамена, ритуальный обряд.

ROCK PAINTINGS OF THE SETERLU-1 SITE (CENTRAL ALTAI)²

A.U. Urbushev

The article presents new materials of the Early Middle Ages parietal art from Seterlu-1 site in the Altai Mountains. The location of the petroglyphs previously unknown to science was reported by a local resident B.M. Kindikov. The revealed engravings are represented by a hunting scene, images of horsemen with banners. The latter, found infrequently, make it possible to outline the areas of use of certain types of banners on the territory of early medieval Turkic states and identify local areas of their concentration. A ritual scene, extremely rare for the iconographic tradition of the ancient Turks, is also seen on Seterlu-1. Using data from various written sources, it is assumed that this scene shows a rite of worship or begging. It is determined by stylistic analysis that particular groups of paintings were made by different artists, probably, even in different chronological periods within the Early Middle Ages.

Keywords: archaeology, Early Middle Ages, Altai, Seterlu-1, parietal art, engravings, banners, ritual ceremony.

Введение

Наскальные изображения раннего Средневековья на территории Горного Алтая в частности и Центральной Азии в целом в большинстве своём подавляющим образом представлены батальными, охотничьими сценами, а также сценами, в которых мирно обитают дикие животные в своей естественной среде. Такие сцены, кроме последних, отражают разнообразные тактики ведения боя, особенности родов войск, виды охоты и показывают мастерство древнетюркских воинов и охотников. Ввиду своей немногочисленности и,

как следствие, меньшей изученности особый интерес представляют изображения, связанные с мировоззренческой или бытовой сторонами жизнедеятельности раннесредневекового населения Горного Алтая.

К подобным наскальным изображениям относится одна из сцен в урочище Сетерлю (алт. Сетерлү) в Центральном Алтае, где также имеются гравировки сцены охоты и фигуры вооружённых копьями всадников. Памятник располагается в Каракольской долине Онгудайского района на правом берегу реки в 5 км к югу от с. Бичикту-Бом (рис. 1). В науч-

1 Исследование проведено в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2020-2024 годы)» (п. 1.17. Изучение формирования тюрко-татар Поволжья и Алтая в эпоху средневековья: истоки происхождения степной цивилизации Евразии).

2 The study was carried out within the framework of the State Program of the Republic of Tatarstan "Preservation of the national identity of the Tatar people (2020-2024)" (p. 1.17. The study of the formation of the Turkic-Tatars of the Volga and Altai in the Middle Ages: the origins of the steppe civilization of Eurasia).

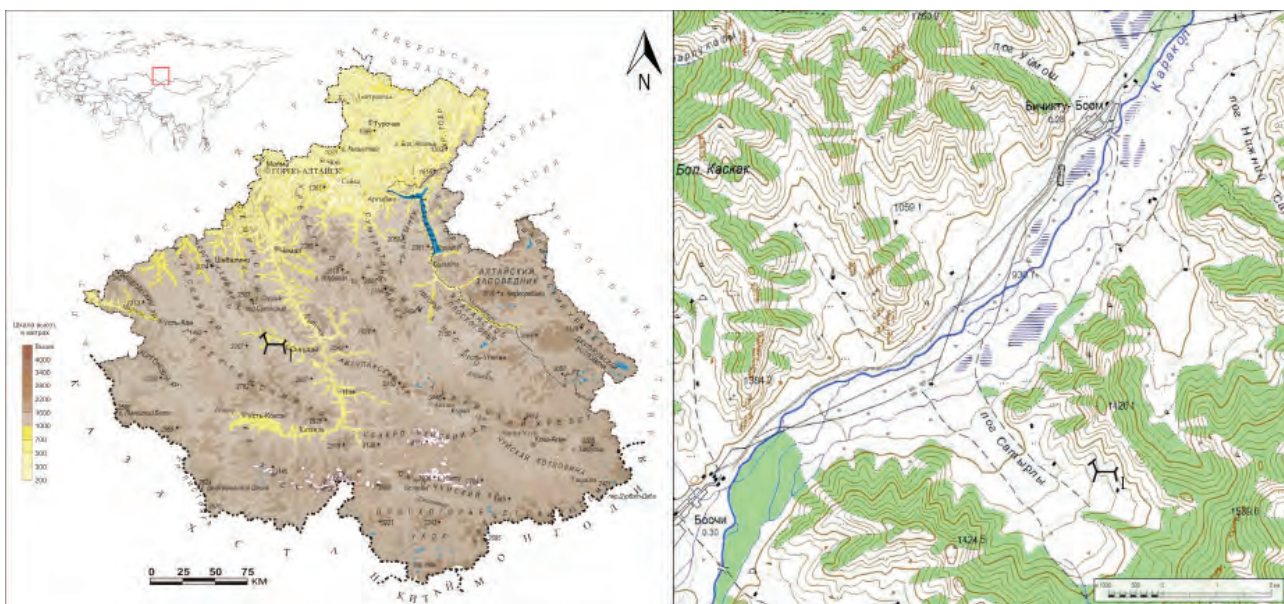

Рис. 1. Расположение петроглифов Сетерлю-1 на карте Республики Алтай.

Fig. 1. Location of the Seterlu-1 petroglyphs on the map of the Altai Republic.

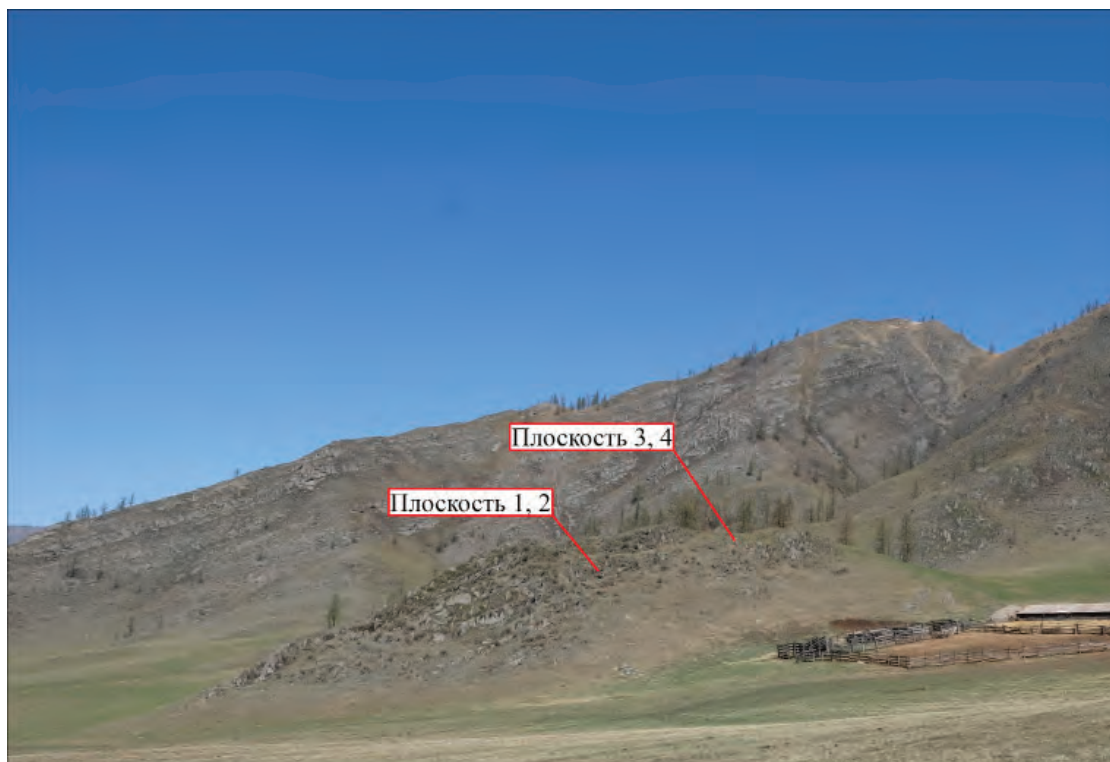

Рис. 2. Вид на отрог с петроглифами Сетерлю-1 с юга.

Fig. 2. View of the mountain spur with the Seterlu-1 petroglyphs from the south.

ной литературе уже существует памятник наскального искусства Сетерлю, находящийся на левом берегу реки, поэтому приведённый в настоящей работе памятник будет называться Сетерлю-1.

Упомянутая выше долина относится к одной из самых археологически богатых (в качественном и количественном отношении) долин на Алтае. Здесь располагается известный памятник наскального искусства

Бичикту-Бом, скальные выходы которого испещрены сотнями разновременных изображений. Впервые он был задокументирован в первой половине XX в. алтайским художником Г.И. Чорос-Гуркиным. Позже Бичикту-Бом и другие располагающиеся близ него петроглифические памятники неоднократно исследовались многими археологами: А.И. Минорским, А.П. Окладниковым, А.И. Мартыновым и др. (Еркинова, Кубарев, 2004,

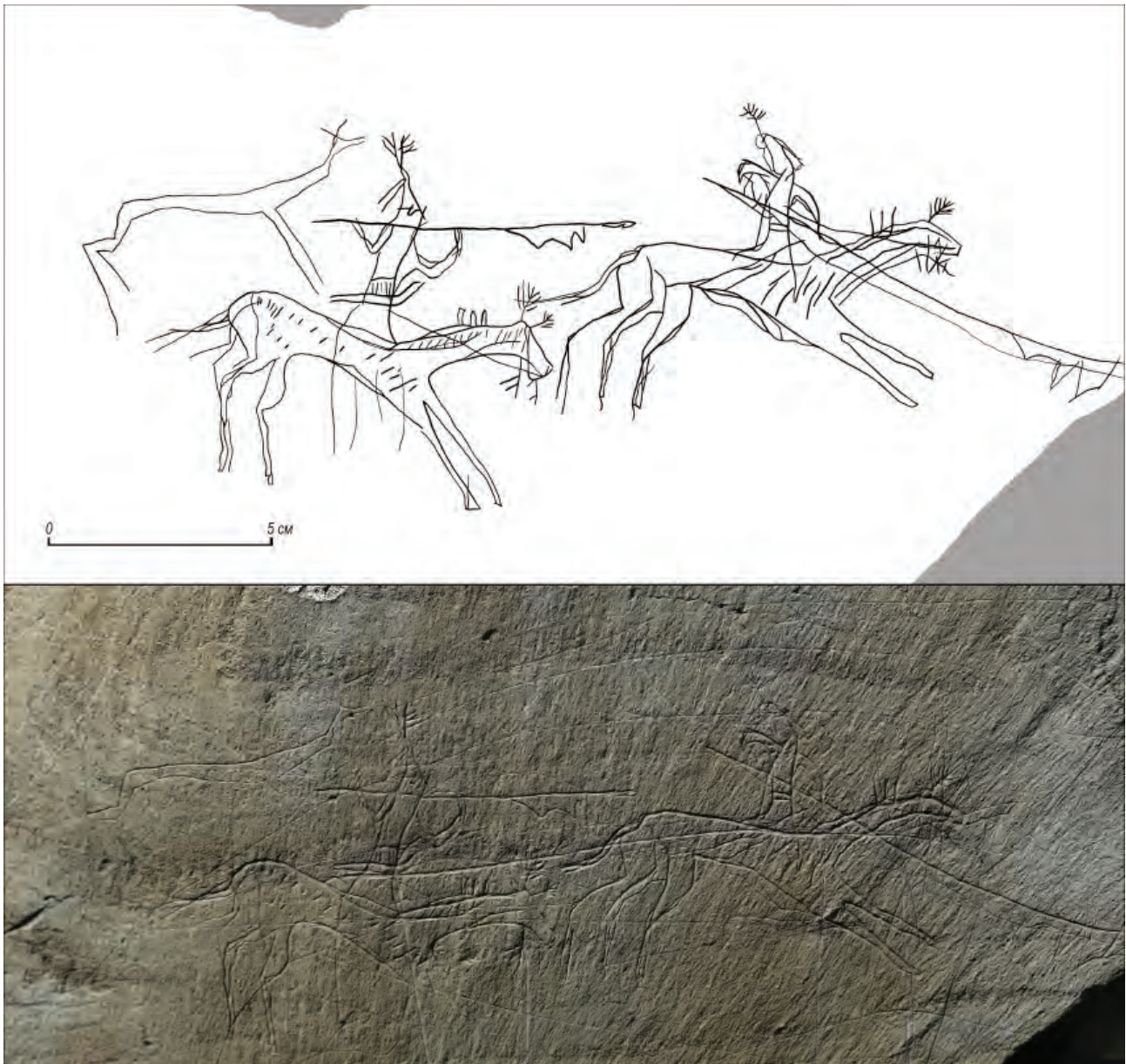

Рис. 3. Прорисовка и фото плоскости 1.
Fig. 3. Drawing and photo of the plane 1.

с. 88; Минорский, 1951; Кубарев, Маточкин, 1991, с. 4; Мартынов, 1995 и др.). Не меньшую известность долине принесли раскопки Башадарских курганов пазырыкской культуры в 1950 г. экспедицией Института истории материальной культуры АН СССР под руководством С.И. Руденко (Руденко, 1960, с. 22–41). Петроглифические памятники в этой долине продолжают фиксироваться и изучаться и в настоящее время (Ямаева, 2010, с. 12–14; Миклашевич, Бове, 2010, с. 229–233; Мартынов и др., 2013, с. 13–139 и др.). В 2022 г. местный краевед и художник Б.М. Киндигов сообщил автору настоящей работы о найденных им в Сетерлю гравированных изображениях, которые публикуются в данной работе. Зафиксированные гравировки расширяют

корпус изобразительных памятников эпохи раннего Средневековья Алтая и, безусловно, расширяют наши представления о различных аспектах жизнедеятельности древних тюрок.

Описание наскальных изображений

Гравированные наскальные изображения Сетерлю-1 располагаются на скальных выходах в нижней части южного склона одного из отрогов Теректинского хребта, вытянутого по линии ЮЮЗ-ССВ, рядом с животноводческой стоянкой (рис. 2). Изображения зафиксированы на четырёх плоскостях, обращённых на восток.

Плоскость 1. Находится в юго-восточной части склона (рис. 3). В технике гравирования нанесены два всадника с копьями, скачущие слева направо. Они показаны в шлемах

Рис. 4. Прорисовка плоскости 2.

Fig. 4. Drawing of the plane 2.

с плюмажами. У всадника спереди имеется бармица (?), на шлеме другого прослеживается наносник (?). На копьях имеются знамёна, представляющие из себя полотнища с тремя отходящими от них треугольными косицами. На лошади чётко просматриваются изображения трёх вертикальных зубцов на гриве, налобный султан, подвески под головой и детали узды. Фигура лошади с левой стороны частично заполнена вертикальными штрихами. В левой верхней части всей сцены выгравировано зооморфное изображение (олень?).

Плоскость 2. Многофигурная композиция располагается на соседней плоскости чуть выше по склону от плоскости 1 (рис. 4). В верхней части гравирован всадник с копьём. На конце копья прослеживаются знамёна (?). Правее всадника схематично изображена антропоморфная (?) фигура. В нижней и средней частях гравированы два всадника, один из которых также имеет копье со знаменем, второй – держит в руках М-образный лук с натянутой тетивой, за спиной показаны стрелы. На голове копейщика изображены шлем с плюмажем и бармицей или развевающимися волосами, как у второго всадника. Изображения лошадей частично заполнены штриховкой. Между всадниками показан пеший лучник с

С-образным луком и широко расставленными ногами. Он нацелен на крупную фигуру оленя с длинными рогами. За спиной пешего лучника прослеживается пара стрел. Помимо описанных фигур на плоскости гравирована пара зооморфных изображений.

Плоскость 3. Находится выше по склону в 40 м к северо-востоку от плоскости 2 (рис. 5). На плоскости гравированы две фигуры людей, стоящие боком, обращённые в правую сторону, облачены в кафтаны, имеют длинные волосы. Левая фигура человека держит двумя руками сосуд, правая – вытянутой рукой держит сосуд (?) поменьше. Чуть ниже и левее от людей изображены лошади. У одной прослеживаются детали сбруи, три зубца на гриве, вторая не завершена.

Плоскость 4. Располагается рядом с плоскостью 3, отделена от неё крупной и глубокой трещиной (рис. 6). Прослеживаются две фигуры. Одна – антропоморфная с подогнутыми ногами и вытянутой рукой перед собой с неопределимым предметом (сосуд?). Вторая незавершённая зооморфная фигура находится чуть ниже первой.

Семантика

Датировка наскальных изображений Сетерлю-1, выполненных в технике гравирования,

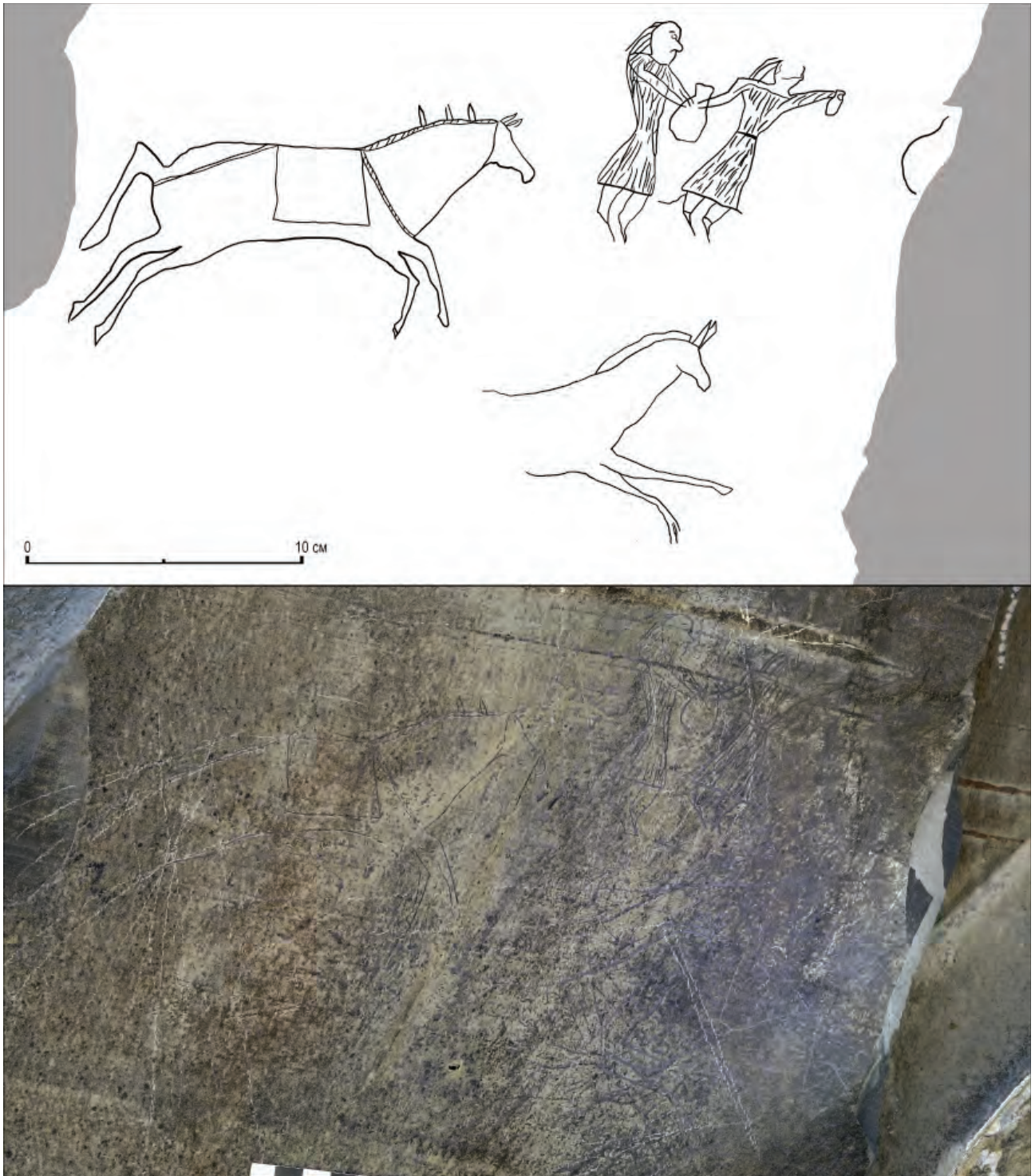

Рис. 5. Прорисовка и фото плоскости 3.

Fig. 5. Drawing and photo of the plane 3.

периодом раннего Средневековья не вызывает сомнения. Подтверждается это по аналогиям с изображениями на других памятниках Алтая и регионов Центральной и Средней Азии, при изучении которых исследователями отмечаются стилистические особенности, изображённые реалии и их содержание, характерные для тюркского времени (Черемисин, 2004, 39; Константинов и др., 2020; Рогожинский, 2019, с. 276 и др.). Кроме того, в подобной же

стилистике, технике исполнения и содержании выдерживаются изображения на костяных изделиях из погребальных памятников (Гаврилова, 1965, табл. XVI – 1; Худяков, Табалдиев, Солтобаев, 1997).

Среди приведённых изображений Сетерлю-1 в нижней части склона, где располагаются плоскости 1 и 2, очевидно, центральное место занимают фигуры вооружённых копьями всадников со знамёнами. Всадники со

Рис. 6. Прорисовка плоскости 4.

Fig. 6. Drawing of the plane 4.

знамёнами нечасто изображаются на скальных плоскостях Центральной и Средней Азии. Большинство подобных фигур зафиксировано в Семиречье (Рогожинский, 2019, с. 276–276, рис. 1). Локальные группы располагаются в Минусинской котловине и Прибайкалье. На территории Горного Алтая встречены лишь на четырёх памятниках: Чаган (2 знаменосца) (Черемисин, 2004, с. 46, рис. 13, 14), Елангаш (1 знаменосец) (Черемисин, 2016, с. 320, рис. 1: 4), Жалгыз-Тобе (1 знаменосец) (Кубарев, 1999, с. 200, рис. 8: 1) и Дялбак (2 знаменосца) (Константинов и др., 2020, с. 65, рис. 6: 1). Значимость изображения знамени сложно переоценить, ведь во времена активных военно-политических событий в раннем Средневековье его роль была существенной. Оно служило для идентификации определённого воинского формирования, отдельной родоплеменной группы и даже символом власти правителя, как изображение золотой волчьей головы рода Ашина (Бичурин, 1950, с. 229). По мнению А.П. Окладникова, знамёна также имели культовое значение (Окладников, 1951, с. 150–154). В некоторых случаях они могли использоваться для оказания психологического воздействия на врага, устрашая его и заставляя потерять боевой дух (Советова, Мухарева,

2005, с. 96–100). Комплексный аналитический обзор зафиксированных раннесредневековых изображений знамён на территории Центральной и Средней Азии был проведён А.Е. Рогожинским. По типологии исследователя знамени Сетерлю-1 можно отнести к III типу (Рогожинский, 2019, с. 275–288). В этих изображениях художник, вероятно, показывал высокий уровень ведения боевых действий определённой воинской или этнической группы, изображая победу отдельного его члена со знаменем, которое идентифицировало их. На плоскости 1 сложно определить, является ли сцена батальной. Оба всадника имеют схожие по форме знамёна, детали экипировки и украшения лошади. Маловероятно, что одноплеменники или члены одного военного отряда вступили в битву, в которой один всадник спасается бегством от другого. Вероятно, на плоскости изображены элитные воины, или это собирательный образ непобедимой армии, связанный с военно-дружинной идеологией. На плоскости 2 также представлены два конных копейщика со знамёнами. Определённые изображения как знамени на конце копья одного всадника под сомнением. В экипировке всадников и украшений лошадей отличий немного. К сожалению, в настоящее время

определить принадлежность рассматриваемых знамён к определённому этнополитическому объединению представляется сложным ввиду недостатка данных. На плоскости 2 помимо всадников показана сцена охоты пешего лучника на крупного оленя. Вероятно, как это обычно бывает, тут мы видим типичные сцены, восхваляющие опытных воинов и умелых охотников, показывающие величие всадников и мастерство лучников.

Интересной представляется сцена на плоскости 3, в которой, вероятнее всего, совершается некий обряд. Обрядовые сцены являются крайне редкими в художественной традиции наскального искусства древних тюрков. Нечто похожее было зафиксировано лишь на памятнике Когалы в Чу-Илийских горах Казахстана, где нанесённые на скальные плоскости техникой выбивки образы дароносцев были отнесены к руке мастера иноземного происхождения (Рогожинский, 2019, с. 277). Нахождение подобных сцен на территории Алтая на достаточно большом расстоянии от Когалы говорит либо о присутствии и тут иноземных представителей, носителей иной культурной традиции, либо о более широком художественном репертуаре тюрков, чем было принято считать ранее. Стоит отметить, что по стилистическим и иконографическим особенностям обрядовую сцену Сетерлю-1, без сомнения, можно отнести к тюркской, что делает вторую версию более вероятной.

В этой алтайской сцене человек спереди, обращённый с вытянутой рукой немного вверх, вероятно приносит в дар сосуд вместе с его содержимым. Вторая же фигура, возможно, помогает первой в этом, держа наготове следующий сосуд. К большому сожалению, часть плоскости с изображением возможного объекта поклонения утрачена. Поэтому неизвестно, могло ли быть там что-то, служившее символом мировоззренческой практики. Ведь обрядовые действия неразрывно связаны с мировоззрением. Позади фигур показаны лошади. По-видимому, пара приехала на них к некоему священному месту. Возможно, к месту, где и нанесены данные гравировки.

Ввиду непопулярности изображения подобных сцен в раннесредневековом наскальном искусстве нам крайне мало известно о системе мировоззренческих представлений населения этого времени. Из письменных китайских источников Таншу известно, что тюрки «поклоняются духам» и «веруют в волхвов», «приносят жертву в пещере предков» (на Алтае) (Бичурин, 1950, с. 230–231).

В текстах рунических памятников указывается, что «Небо» благословляет каганов, а его воинам дарует силу для введения успешных боёв (Малов, 1959, с. 20; Малов, 1951, с. 37). Исходя из имеющихся данных, возможно, на плоскости Сетерлю-1 мы видим часть мировоззренческого обряда поклонения и прошения у духов или Неба сил и удачи. Исходя из имеющихся данных, возможно, на плоскости Сетерлю-1 мы видим часть мировоззренческого обряда прошения у духов или Неба сил и удачи или поклонения правителю. Последнее может быть даже более вероятной интерпретацией представленной сцены. Так, на бляшке из культово-мемориального комплекса Елексазы в Восточно-Казахстанской области были обнаружены две золотые бляшки с изображениями сцены церемонии подношения кагану, восседающему на оформленной в виде лошади троне, с коленопреклоненными персонажами с блюдом в руках. Образ правителя на бляшке показан обожествлённым (Самашев и др., 2022, с. 28–29, рис. 6–7).

На соседней плоскости 4 нанесены две незавершённые фигуры. Одна представляет из себя схожую обрядовую сцену, где антропоморфная фигура человека на вытянутых руках держит неопределимый предмет (сосуд?). Другая является зооморфным изображением.

При сравнении изображений на плоскостях 1 и 2 с изображениями на плоскости 3 наблюдаются сильные стилистические отличия. Первая группа отличается относительной схематичностью и присутствием, в определённой степени, динамизма. Вторая изображается более статичной, будто автор хотел передать важность всего происходящего. Это ощущается и в мастерстве исполнения. Гравировки более глубокие и чёткие, без множества ошибочных линий, как в предыдущих рисунках. Очевидно, что тут работали разные художники. Возможно даже, в различные периоды эпохи раннего Средневековья.

Заключение

Обнаруженные наскальные изображения Сетерлю-1 представляют яркие образцы художественной традиции древнетюркского периода в разные этапы его развития, на что указывают стилистические особенности отдельных групп гравировок, выполненные разными художниками. На памятнике представлены не популярные, но значимые для населения того времени гравированные изображения знамён, деталей вооружения и конского снаряжения, которые указывают на принадлежность к определённой этнополити-

ческой группе или на их социальный статус. Не меньшую значимость уже для исследованных представляют сцены ритуальных обрядов. Привлекая данные письменных источников, удаётся реконструировать отдельные сцены мировоззренческой практики древних тюрок.

Таким образом, новые данные дополняют корпус изобразительных источников и в очередной раз расширяют наши познания о военно-политической и мировоззренческой сторонах жизнедеятельности населения раннего Средневековья Алтая в частности и Центральной Азии в целом.

ЛИТЕРАТУРА

Бичурин Н.Я. [Иакинф]. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.–Л.: АН СССР, 1950. 382 с.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1965. 144 с.

Еркинова Р.М., Кубарев Г.В. Граффити Бичикту-Бом (Из творческого наследия Г.И. Чорос-Гуркина) // Археология и этнография Алтая. Вып. 2 / Ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск: Институт алтаистики им. С.С. Суразакова, 2004. С. 88–97.

Константинов Н.А., Константинова Е.А., Урбушев А.У. Гравировки Дялбака (Восточный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. Том 48. №3. С. 59–69.

Кубарев В.Д., Маточкин Е.П. Петроглифы Алтая. Горно-Алтайск, 1992. 123 с.

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности: тексты и исследования. М.: Изд-во АН СССР. 1951. 452 с.

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.–Л.: АН СССР, 1959. 112 с.

Мартынов А.И. Средневековые сцены охоты на плитах Бичикту-Бом // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии / Отв. ред. А.И. Мартынов. Кемерово, 1995. С. 178–185.

Мартынов А.И., Базайченко А.В., Дворников Э.П., Мамыева Н.А., Штанов Е.С. Священные горы Каракольской долины. Кемерово, 2013. 239 с.

Миклашевич Е.А., Бове Л.Л. Исследование петроглифов горы Торгун в Онгудайском районе Республики Алтай // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XVI / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. С. 229–233.

Минорский А.И. Древние наскальные рисунки Горного Алтая // КСИИМК. Вып. XXXVI / Отв. ред. А.Д. Удадьцов. М.: АН СССР, 1951. С. 184–188.

Окладников А.П. Конь и знамя на Ленских писаницах // Тюркологический сборник. Вып. 1 / Отв. ред. А.Н. Кононов. М.; Л.: АН СССР, 1951. С. 143–154.

Рогожинский А.Е. Флаги на скалах (изображения знамен в ландшафтах с петроглифами тюркской эпохи Казахстана) // Изобразительные и технологические традиции ранних форм искусства (2). Памяти Е.Г. Дэвлет. / Труды САИПИ. Вып. XII / Отв. ред. М.А. Дэвлет. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2019. С. 275–290.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.–Л.: Наука, 1960. 360 с.

Самашев З.С., Айткали А.К., Толегонов Е. К вопросу о сакрализации образа кагана // Поволжская археология. 2022. № 2 (40). С. 21–34.

Советова О.С., Мухарева А.Н. Об использовании знамен в военном деле средневековых кочевников (по изобразительным источникам) // Археология Южной Сибири. Вып. 23 / Ред. Л.Ю. Китова. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. С. 92–105.

Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О. Новые находки предметов изобразительного искусства древних тюрок на Тянь-Шане // РА. 1997. №3. С. 142–148.

Черемисин Д.В. Результаты новейших исследований петроглифов древнетюркской эпохи на юго-востоке Российского Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. №1 (17). С. 40–51.

Ямаева Е.Е. Петроглифы долины Каракол. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2010. 75 с.

Информация об авторе:

Урбушев Айдын Урматович, младший научный сотрудник Музея археологии РТ, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); aidurbushev@yandex.ru

REFERENCES

Bichurin, N. Ya. 1950. *Sobranie svedenii o narodakh, obitavshikh v Srednei Azii v drevnie vremena* (Collection of Details of the Peoples Living in Central Asia in Ancient Times) 1. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Gavrilova, A. A. 1965. *Mogil'nik Kudyrgе kak istochnik po istorii altaiskikh plemen. (Kudyrgе Burial Mound as a Source on the History of the Altai Tribes)*. Moscow, Leningrad: the Academy of Sciences Publ. (in Russian).

Erkinova, R. M., Kubarev, G. V. 2004. In Soenov, V. I. (ed.). *Arkheologiya i etnografiya Altaya (Archaeology and ethnography of the Altai)* 2. Gorno-Altai: S.S. Surazakov Institute of Altaic Studies, 88–69 (in Russian).

Konstantinov, N. A., Konstantinova, E. A., Urbushev, A. U. 2020. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 48 (3), 59–69 (in Russian).

Kubarev, V. D., Matochkin, E. P. 2003. *Petroglify Altaia (Altai Petroglyphs)*. Gorno-Altai (in Russian).

Malov, S. E. 1951. *Pamiatniki drevnetiurkskoi pis'mennosti: teksty i issledovaniia (Monuments of Ancient Turkic Writing: Texts and Studies)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Malov, S. E. 1959. *Pamiatniki drevnetiurkskoi pis'mennosti Mongolii i Kirgizii (Monuments of Ancient Turkic Writing in Mongolia and Kyrgyzstan)*. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Martynov, A. I. 1995. In Martynov, A. I. (ed.). *Voennoe delo i srednevekovaia arkheologiya Tsentral'noi Azii (Warfare and Medieval Archaeology of Central Asia)*. Kemerovo, 178–185 (in Russian).

Martynov, A. I., Bazaichenko, A. V., Dvornikov, E. P., Mamyeva, N. A., Shtanov, E. S. 2013. *Svyashchennye gory Karakol'skoy doliny (Sacred Mountains of the Karakol Valley)*. Kemerovo (in Russian).

Miklashevich, E. A., Bove, L. L. 2010. In Derevianko, A. P., Molodin, V. I. (eds.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii (Issues of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and the Adjoining Territories)*. Vol. 16. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 229–233 (in Russian).

Minorskii, A. I. 1951. In Udaltsov, A. D. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 36. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 184–188 (in Russian).

Okladnikov, A. P. 1951. In Kononov, A. N. (ed.). *Tiurkologicheskii sbornik (Collected Papers on Turkic Studies)* 1. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 143–154 (in Russian).

Rogozhinskii, A. E. 2019. In Devlet, M. A. (ed.). *Izobrazitel'nye i tekhnologicheskie traditsii rannikh form iskusstva 2 Pamyati E.G. Devlet (Iconographic and technological traditions of early forms of art 2. In Memory of E.G. Devlet)*. Series: Trudy Sibirskoy Assotsiatsii issledovateley pervobytnogo iskusstva (Proceedings of the Siberian Association of Researchers of Prehistoric Art) XII. Kemerovo: "Kuzbassvuzizdat" Publ., 275–290 (in Russian).

Rudenko, S. I. 1960. *Kul'tura naseleniia Tsentral'nogo Altaia v skifskoe vremia (Culture of the Population of Gorny Altai in the Scythian Time)*. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Samashev, Z. S., Aitkali, A. K., Tolegenov, Ye. 2022. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 40 (2), 21–34 (in Russian).

Sovetova, O. S., Mukhareva, A. N. 2005. In Kitova, L. Yu. (ed.). *Arkheologiya Iuzhnoi Sibiri (Archaeology of South Siberia)* 23. Kemerovo: "Kuzbassvuzizdat" Publ., 92–105 (in Russian).

Khudyakov, Yu. S., Tabaldiev, K. Sh., Soltobaev, O. 1997. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (3), 142–148 (in Russian).

Cheremisin, D. V. 2004. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 17 (1), 40–51 (in Russian).

Yamaeva, E. E. 2010. *Petroglify doliny Karakol (Petroglyphs of the Karakol Valley)*. Gorno-Altai: Gorno-Altai State University (in Russian).

About the Author:

Urbushev Aidyn U. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; aidurbushev@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2022 г.
Статья принята к публикации 01.12.2022 г.

СЕЛИЩЕ БРУСЯНЫ III – СРЕДНЕВЕКОВОЕ ПОСЕЛЕНИЕ НА САМАРСКОЙ ЛУКЕ (РАСКОПКИ 2018 Г.)

© 2022 г. Н.А. Лифанов

В статье рассматриваются археологические материалы, полученные при проведении в 2018 г. раскопок селища Брусяны III, расположенного в юго-западной части Самарской Луки. Материалы относятся к различным эпохам от каменного века до развитого средневековья. Наиболее репрезентативными оказались находки двух периодов: хазарского и золотоордынского. Для первого из них характерны фрагменты посуды т.н. «севрюкаевского» типа, изготовлявшейся скотоводческим населением Самарской Луки конца VIII–IX вв. К периоду XIII–XIV вв. относится керамика групп I (гончарная посуда, изготовленная в традициях Волжской Болгарии), VII (лепная посуда приуральского происхождения) и XIV (лепная посуда с доводкой на круге, сходная с керамикой русских земель) по классификации Т.А. Хлебниковой, а также ряд предметов, характеризующих занятия обитателей посёлка ордынской эпохи. Предполагается, что основную массу его обитателей составляло древнерусское население, совместно с которым проживали и выходцы из Приуралья.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, Самарская Лука, поселение, керамика, хазарский период, VIII–IX вв., золотоордынский период, XIII–XIV вв., русские в Золотой Орде.

BRUSYANY III – A MEDIEVAL SETTLEMENT ON THE SAMARA BEND (EXCAVATION 2018)

N.A. Lifanov

The paper represents the archaeological materials found in 2018 during the excavations of the settlement of Brusyany III, located in the south-western part of the Samara Bend. The materials belong to various epochs: from the Stone Age to the Middle Ages. The finds of the Khazar and the Golden Horde periods were the most representative. The first of them is characterized by pottery fragments of the so-called "Sevryukaevo" – type made by the pastoral population of Samara Bend in the end of the VIII–IX centuries. The period of the XIII–XIV centuries includes ceramics of groups I (wheel-made pottery in the traditions of Volga Bulgaria), VII (hand-made pottery of Ural origin) and XIV (hand-made pottery with a finishing on a circle, similar to ceramics of Russian area) according to the classification of T.A. Khlebnikova, and a number of items characterizing the crafts of the Golden Horde period settlement population. It is assumed that the majority of its inhabitants were the ancient Russian population, together with whom people from the Urals lived.

Keywords: archaeology, Middle Volga region, Samara Bend, settlement, ceramics, Khazar period, VIII–IX centuries, Golden Horde period, XIII–XIV centuries, Russians in the Golden Horde.

Селище Брусяны III расположено в юго-западной части Самарской Луки (рис. 1) на восточном и южном склонах высокого мыса, образованного впадением в Волгу реч. Брусянки. Площадь памятника достоверно не определена и может составлять от 5 до 10 га, частично перекрываясь с площадью могильника «новинковского» типа раннехазарского времени Брусяны II.

Относящиеся к культурному слою Брусянского III селища фрагменты керамики не отмечались в 1980–1990-х гг. при раскопках курганов упомянутого могильника, однако, в качестве признаков особого памятника не фиксировались. Впервые как таковой селище было зафиксировано в 2008 г. разведкой Д.В. Серых. Автор отметил присутствие на нём предметов различных эпох: неолита,

бронзового и раннего железного веков, хазарского времени. Основной же массив материалов был отнесён им к домонгольскому и, предположительно, ордынскому периодам истории Волжской Болгарии (Серых, 2013, с. 21–37).

В июле 2018 г. исследования на памятнике проводились экспедицией Научно-исследовательской лаборатории археологии Самарского университета. Пункт, выбранный для проведения раскопок, был расположен на расстоянии около 20 м к югу, юго-востоку от приблизительно определённого места рекогносцировочного шурфа разведки 2008 г. Микрорельеф площадки раскопа весьма неровный, что объясняется наличием многочисленных известняковых камней на её поверхности и под слоем дёрна.

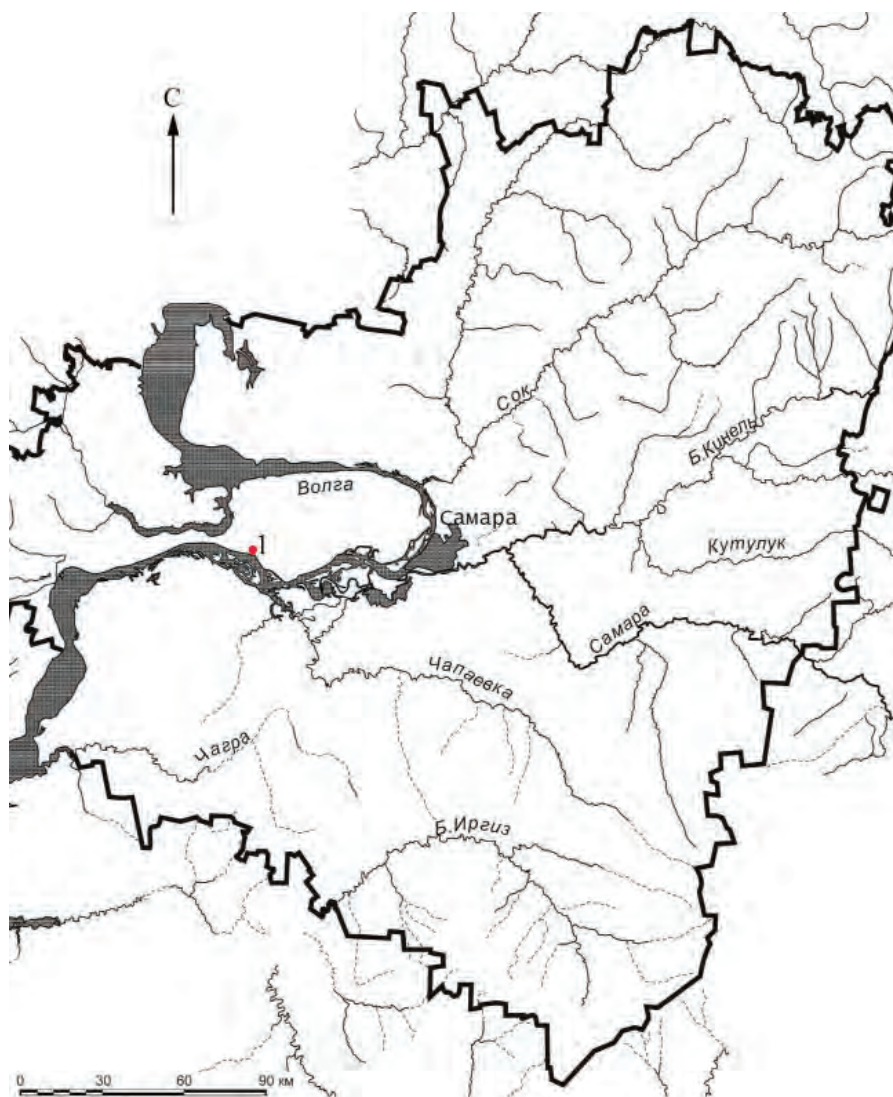

Рис. 1. Селище Брюсяны III. Местоположение на карте.

Fig. 1. Brusyany III settlement. Location on the map.

Раскопанная в 2018 г. площадь составила 192 м² (рис. 2). Культурный слой поселения представляет собой насыщенную археологическим материалом рыхлую гумусированную супесь тёмно-серого цвета зернистой структуры мощностью от 40 до 60 см. Материком является естественный выход Жигулевского плато – плотный панцирь из хаотично залегающих известняковых камней, пространство между которыми заполняла сыпучая пылевидной структуры супесь серо-коричневого цвета – погребённая почва (в верхнем уровне данного слоя встречались лишь отдельные находки) (рис. 2: 2). Всего на площади раскопа было вскрыто 3 условных стратиграфических горизонта толщиной по 15 см. Основное количество материала приходится на первый и второй из них, третий расчищался между материковыми камнями.

В силу специфики материка на памятнике не обнаружено никаких сооружений, кроме

своеобразной округлой «ямы» диаметром около 2 м – места, где материковые камни были частично разобраны древним населением. Заполнение «ямы» составлял культурный слой поселения (рис. 2: 2).

Содержащийся в культурном слое разновременный археологический и археозоологический материал в силу рыхлого характера грунта и деятельности грызунов-землероев был полностью дестратифицирован. Закономерностей в его распределении по площади раскопа не выявилось. Материал представлен различными категориями предметов, наиболее массовыми из которых являются кости животных и фрагменты керамических сосудов. Иные категории находок: предметы из чёрного металла, камня, кости и глины, представлены немногочисленными, подчас единичными экземплярами.

Массив фрагментов керамической посуды из раскопок селища Брюсяны III в 2018 г.

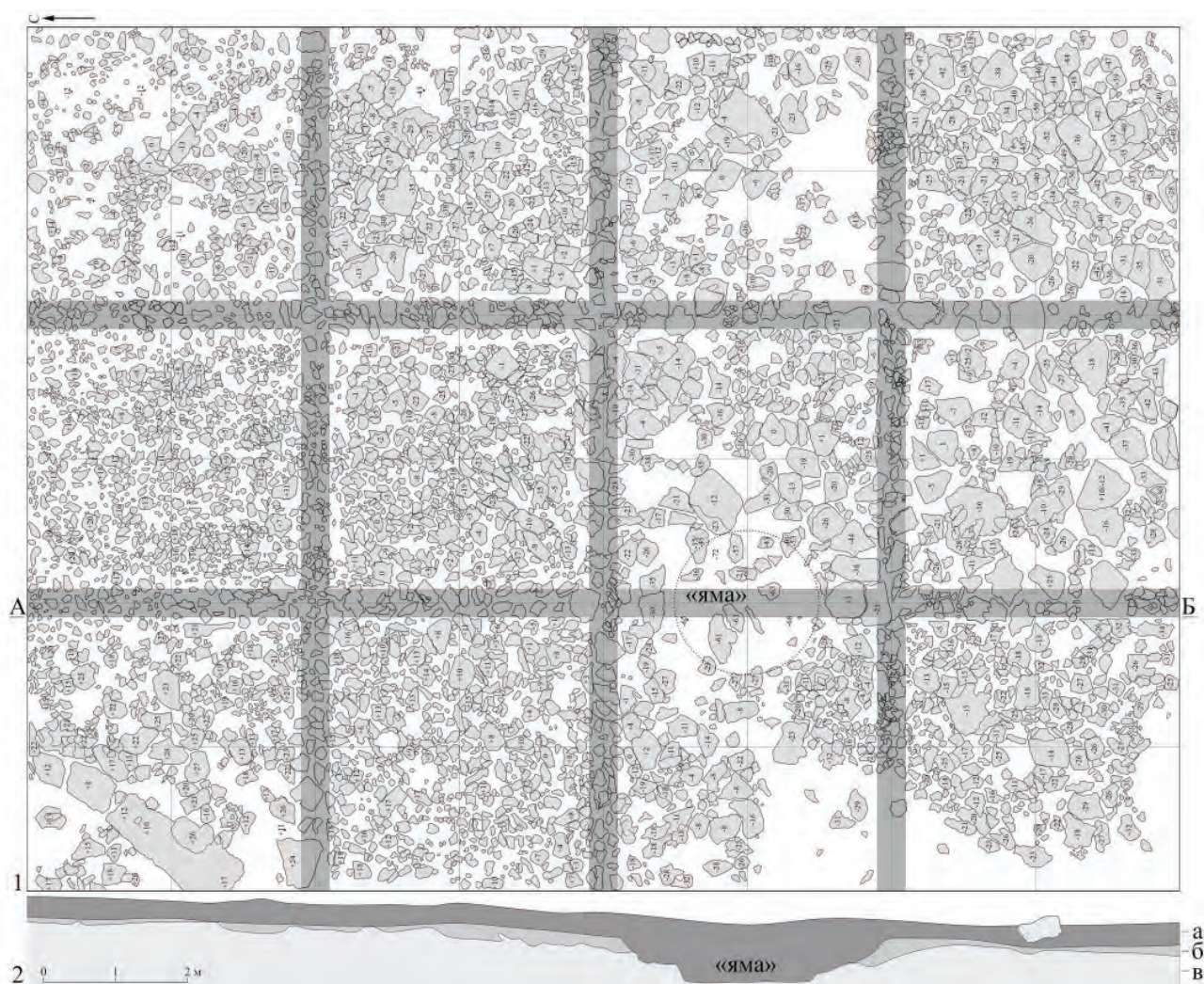

Рис. 2. Селище Брусяны III, раскоп 2018 г. 1 – план раскопа по матерiku; 2 – профиль раскопа по линии А-Б (западная сторона): а – культурный слой памятника, б – погребённая почва, в – материковые камни.

Fig. 2. Brusyany III settlement, excavation of 2018. 1 – plan of the excavation on the virgin soil; 2 – the profile of the excavation along the line A-B (the western side): а – the cultural layer of the site, б – buried soil, в – virgin soil stones.

включает 4956 фрагментов сосудов. Керамика сильно фрагментирована, размеры подавляющего большинства фрагментов не превышают 5–6 см в поперечнике. Классификация фрагментов посуды основывалась на морфологических и технологических признаках. К первым относятся особенности формы верхних частей сосудов, ко вторым – способ их изготовления (гончарные, лепные с доводкой на гончарном круге, лепные) и состав глиняного теста (примеси шамота, песка, известняковой крошки – дресвы, раковины).

В результате весь керамический материал был распределён по четырём основным группам.

Группа 1 (61,06% всего керамического материала). Гончарная керамика. Толщина фрагментов 3–14 мм, в основном – 5–7 мм. Поверхность сосудов гладкая, цвет – от оранжевого до кирпичного и серого. Обжиг одно-

родный. В составе глиняного теста отмечена примесь органического раствора, а в ряде случаев – мелкого шамота и песка. Насколько можно судить по фрагментированному материалу, первая группа керамики представлена преимущественно высокорлыми кувшиновидными формами сосудов с вертикальными или слегка отогнутыми венчиками. Им свойственны носики-сливы и ручки, крепившиеся к горлу или венчику. Горла кувшинов в ряде случаев покрывались рифлением (рис. 3: 7–39; рис. 4: 1–13, 28). Помимо кувшинов, в составе группы выделяется форма широкогорлых «крынок» с характерным отгибом венчика и валиком на горле (рис. 3: 1–6; рис. 4: 24–25). Немногочисленные фрагменты принадлежали горшкам с отогнутыми венчиками (рис. 4: 14–16, 18–22, 27), один – небольшой миске (рис. 4: 17). Основные способы орнаментации сосудов первой группы: лощение, прочерчи-

Рис. 3. Селище Брусяны III, раскоп 2018 г. Керамика группы 1.
Fig. 3. Brusyany III settlement, excavation of 2018. Ceramics of group 1.

вание и отпечатки штампа по сырой глине. Мотивы орнамента: волнистые, гирляндобразные, горизонтальные линии, косые отпечатки зубчатого штампа, горизонтальные ряды наколов, вертикальные и горизонтальные расчёсы, вертикальные полосы лощения.

Группа 2 (33,27% всего керамического материала). Керамика лепная с доводкой на круге. Толщина фрагментов от 4 до 8 мм. Цвет – от тёмно-песочного до бурого и тёмно-серого. Обжиг неоднородный. В глиняном тесте присутствуют органический раствор, песок,

дресва (известняковая крошка)¹. Судя по фрагментированному материалу, группа представлена исключительно горшками с отогнутыми венчиками (рис. 5). Ручки таких сосудов отмечены лишь дважды (рис. 5: 36). Орнамент также встречается значительно реже, чем в группе 1, выполнен прочерченными по сырой глине горизонтальными и волнистыми линиями.

Группа 3 (0,5% всего керамического материала). Керамика лепная. Толщина фрагментов от 5 до 8 мм. Цвет – от тёмно-песочного до серо-коричневого. Обжиг однородный. Поверхность в ряде случаев со следами заглаживания. Характерным признаком группы является присутствие в глиняном тесте примеси дроблёной раковины. Судя по полному отсутствию фрагментов плоских доньев, данная группа керамики представлена круглодонными сосудами. Горла сосудов прямые, венчики скошены вовнутрь. Орнамент выполнен насечками и зубчатым штампом на венчи-

ках и стенках, отпечатками шнура-«косички» на горлах (рис. 5: 1–16).

Группа 4 (5,15% всего керамического материала). Керамика лепная. Толщина фрагментов от 4 до 13 мм. Цвет – от тёмно-песочного до серо-коричневого. Обжиг неоднородный. В глиняном тесте присутствуют органический раствор и шамот. Поверхность сосудов грубая с включениями крупных фрагментов шамота. Формы сосудов – горшки с вертикальными или отогнутыми венчиками (рис. 6: 17–23, 27–37) и глиняные «сковородки» с высоким бортиком или без такового (рис. 6: 24–26). Орнаментация присутствует в качестве пальцевых защипов и насечек на венчиках и оформленных валиками стенках сосудов.

Распределение групп посудного керамического материала по стратиграфическим горизонтам в абсолютных и относительных (по отношению к общему количеству керамических фрагментов на горизонте) значениях выглядит следующим образом:

	Группа 1	Группа 2	Группа 3	Группа 4	Всего керамики
Горизонт 1	1065/ 63,17348%	552/ 32,56365%	11/ 0,651273%	61/ 3,611604%	1689/ 100%
Горизонт 2	1168/ 60,61235%	649/ 33,67929%	6/ 0,311365%	104/ 5,39699%	1927/ 100%
Горизонт 3	685/ 59,56522%	380/ 33,04348%	5/ 0,434783%	80/ 6,956522%	1150 100%

В абсолютных цифрах наблюдается вполне ожидаемая картина резкого снижения общего количества фрагментов всех групп на нижнем горизонте раскопа, где культурный слой заканчивается, сменяясь погребённой почвой. Однако, если процентная доля фрагментов керамических групп 1 и 2² на всех трёх горизонтах оказывается практически неизменной, то в отношении группы 4 наблюдается увеличение таковой по мере глубины залегания. Это может быть интерпретировано как свидетельство, с одной стороны, синхронного бытования двух

первых групп и, с другой, – большей по отношению к ним древности последней, что позволяет наметить два основных периода освоения людьми площадки Брусянского III селища.

Статистически значимыми среди другой категории массового материала из культурного слоя селища – определимых до вида костей животных – являются представляющие собой кухонные остатки костей крупного и мелкого рогатого скота, лошади и свиньи³. Их анализ по той же методике демонстрирует следующую картину:

	КРС	МРС	Лошадь	Свинья	Всего
Горизонт 1	43/ 70,4918%	11/ 18,03279%	3/ 4,918033%	4/ 6,557377%	61/ 100%
Горизонт 2	47/ 50,53763%	15/ 16,12903%	18/ 19,35484%	13/ 13,97849%	93/ 100%
Горизонт 3	40/ 52,63158%	13/ 17,10526%	12/ 15,78947%	11/ 14,47368%	76/ 100%

Если количество костей мелкого рогатого скота на различных горизонтах относительно стабильно, то в отношении костей коровы, с одной стороны, и лошади и свиньи, с другой, наблюдаются противоположные тенденции: с

увеличением глубины залегания доля первых снижается, а последних – в разы увеличивается. Можно полагать, что эти два кластера археозоологического спектра соответствуют намеченным археологически двум основным

Рис. 4. Селище Брусяны III, раскоп 2018 г. Керамика группы 1.
Fig. 4. Brusyany III settlement, excavation of 2018. Ceramics of group 1.

периодам существования Брусянского III селища.

Первый из этих периодов соотносится с раннесредневековой эпохой – фрагменты сосудов группы 4 из Брусян III обнаруживают соответствия в керамике так называемого «севрюкаевского» типа, оставленной населением Самарской Луки и Ульяновского Поволжья кон. VIII–IX в. (Вязов, Нерушин, 2010, рис. 5; Матвеева, 2003а, рис. 1; 2003б, рис. 1–3; 2005, рис. 1–2; Матвеева, Семькин, 2007, с.

131; Матвеева, Скарбовенко, 2005, рис. 10–12, 14; Сташенков, 2010, рис. 6–8; 2014, рис. 20, 26–27, 30–31; Хлебникова, 1962, рис. 14).

Напротив, фрагменты сосудов групп 1, 2⁴ и 3 относятся уже к эпохе развитого средневековья. По морфологическим и технологическим особенностям они находят аналогии в выделенных Т.А. Хлебниковой керамических группах, распространённых на территории Волжской Болгарии. Кувшиновидные сосуды группы 1 соответствуют I (общebol-

Рис. 5. Селище Брусяны III, раскоп 2018 г. Керамика группы 2.
 Fig. 5. Brusyany III settlement, excavation of 2018. Ceramics of group 2.

гарской) группе, группа 2 – группе XIV (посуда, выполненная в традициях средневековой Руси), группа 3 – группе VII (посуда приуральского или зауральского происхождения). Все они, формируясь ещё в домонгольский период, продолжают бытовать и в эпоху Золотой Орды (Хлебникова, 1984, с. 86, 106, 170).

В тех же хронологических рамках датируется и ряд обнаруженных в культурном слое

памятника металлических изделий. Например, это касается фрагментов двух навесных цилиндрических замков и ключа (рис. 7: 18–20), сохранность коих, к сожалению, не предоставляет возможности чёткой типологизации и датировки (Колчин, 1982, рис. 3; Хорошев, 1997, с. 14–16), а также фрагмента венчика сосуда, покрытого с обеих сторон зеленоватой поливой (рис. 3: 40). Железный

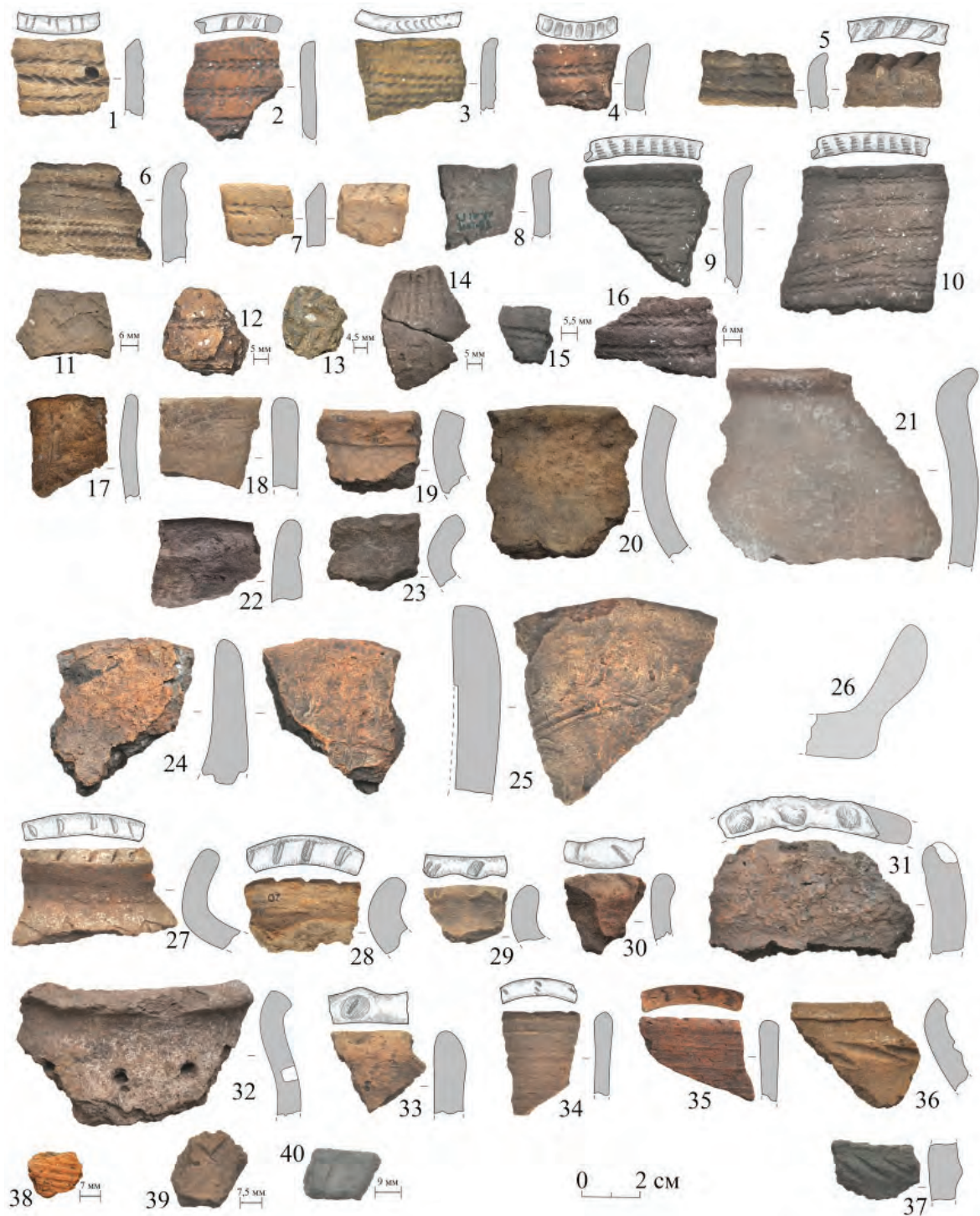

Рис. 6. Селище Брюсяны III, раскоп 2018 г. 1-16 – керамика группы 3; 17-37 – керамика группы 4; 38-40 – керамика неясной культурной принадлежности.

Fig. 6. Brusyany III settlement, excavation of 2018. 1-16 – ceramics of group 3; 17-37 – ceramics of group 4; 38-40 – ceramics of unclear cultural background.

наконечник ремня с фигурным «скобчатым» вырезом (рис. 7: 15) принадлежит к числу предметов аскизского облика, распространяющихся на территории Восточной Европы начиная со 2-й пол. XI в., но распространённых и в золотоордынский период (Руденко, 2000а, с. 74–75; 2001, с. 76–77).

Условно к эпохе развитого средневековья (поскольку аналогии им в более раннем

периоде отсутствуют) можно также отнести железный предмет (предположительно, шило), кольцо плоского сечения, откованное из железной пластины, строительную скобу с приострѣнными концами и звено удила, откованное из подквадратного в сечении дрота (рис. 7: 17, 21–23).

К предметам с более чёткой датой относятся массивный наконечник стрелы с плоским,

Рис. 7. Селище Брусяны III, раскоп 2018 г. Индивидуальные находки. 1-2 – сетевые грузила; 3 – каст перстня(?); 4 – скобель; 5-6 – астрагалы; 7-12 – напрасла; 13-14 – фрагменты стенок котлов; 15 – ременный наконечник; 16 – наконечник стрелы; 17 – шило(?); 18-19 – фрагменты замков; 20 – фрагмент ключа; 21 – кольцо; 22 – скоба; 23 – звено удила (1 – известняк; 2 – песчаник; 3 – стекло(?); 4 – кремль; 5-6 – кость; 7-12 – керамика; 13-14 – чугуны; 15-23 – железо).

Fig. 7. Brusyany III settlement, excavation of 2018. Individual finds. 1-2 – sinkers; 3 – ring mount(?), 4 – side-scraper; 5-6 – astragals; 7-12 – spindle whorls; 13-14 – fragments of cauldron walls; 15 – belt end-piece; 16 – arrowhead; 17 – awl(?); 18-19 – fragments of locks; 20 – key fragment; 21 – ring; 22 – bracket; 23 – link of bits (1 – limestone; 2 – sandstone; 3 – glass(?); 4 – flint; 5-6 – bone; 7-12 – ceramics; 13-14 – cast iron; 15-23 – iron).

широким пером подромбической формы (рис. 7: 16) – так называемый джучидский срезень XIII–XIV в. (тип 49 по А.Ф. Медведеву или тип Б45Г по К.А. Руденко) (Медведев, 1966а,

с. 58; 1966б, с. 69; Руденко, 2003. с. 111; 2010, с. 78), и фрагменты стенок литых чугунных котлов (рис. 7: 13–14), появляющихся на Средней Волге лишь в XIV в. (Руденко, 2000б,

с. 41). Присутствие в орнаментации русской керамики волнистых линий – также явление уже ордынской эпохи (Коваль, 2012, с. 136).

По всей видимости, поздний период существования Брусянского III селища следует датировать XIII–XIV в. К нему относится основная часть обнаруженных на площадке памятника материалов и единственное обнаруженное сооружение – «яма» в юго-западной части раскопа, в заполнении которой из 185 фрагментов керамики 60% относились к группе 1, 34,6% – к группе 2, 1,1% – к группе 3 и 4,3% – к группе 4.

В отношении ряда обнаруженных в раскопе предметов датировка затруднительна. К таковым относятся 13 фрагментов железного шлака – свидетельство некоего металлургического производства, упомянутые выше каменные рыболовные грузила, фрагмент ребра лошади со следами заглаженности на внутреннем крае (подобные предметы известны как «струги», орудия для обработки кожи), а также округлая сегментовидная в сечении вставка в перстень из прозрачного камня или стекла (рис. 7: 3) и четыре экземпляра принадлежностей для игры – астрагалов овцы. У одного из них в каждой из сторон просверлены соединяющиеся в центре отверстия (продольное не закончено), у другого на одной из сторон нанесена нарезка в виде косой сетки (рис. 7: 5, 6), на двух оставшихся экземплярах имеются следы лощения.

Выявленный на Брусянском III селище в 2018 г. материал позволяет высказать определённые выводы и предположения.

К наиболее ранней эпохе освоения людьми площадки данного памятника, вероятно, к эпохам мезолита-неолита, относится кремнёвое орудие, скобель на проксимальном сечении ножевидной пластины с неточечной площадкой. Один край пластины оформлен мелкой, скорее всего, нерегулярной, выламывающей край ретушью, другой край обломан (рис. 7: 4).

Благодарности:

Автор выражает глубокую признательность за технико-технологическое определение керамического материала и ценные консультации кандидату исторических наук Наталье Петровне Салугиной.

Автор выражает глубокую признательность за определение археозоологического материала кандидату исторических наук Наталье Валерьевне Росляковой.

Автор выражает глубокую признательность за ценную консультацию кандидату исторических наук Игорю Владиславовичу Горашуку.

Примечания:

¹ В составе группы 2 намечаются две подгруппы: 2а – из незапесоченного или слабозапесоченного теста с

Ранний железный век предположительно представлен единственным фрагментом сосуда, напоминающим керамику городецкой культуры (рис. 6: 38).

В хазарский период (кон. VIII – IX в.) площадку селища населяло, очевидно, салтово-маяцкое скотоводческое население, пользовавшееся, наряду с характерной для этой культурной общности гончарной посудой, также и лепной «севрюкаевской». Следует отметить стабильное расположение поселений Самарской Луки с «севрюкаевской» и салтово-маяцкой керамикой в непосредственной близости от могильников «новинковского» типа VIII в. В отношении «севрюкаевской» керамики исследователями отмечалась высокая степень близости «новинковской» (Матвеева, 2003а, с. 123; 2003б, с. 111–113; 2005, с. 297; Матвеева, Семькин, 2007, с. 128–129; Матвеева, Скарбовенко, 2005, с. 44–45, 47), хотя подчас и с определёнными оговорками (Шташеников, 2010, с. 119–120; 2011, с. 101). Заслуживают внимания и её аналогии посуде славянского населения Подонья хазарского времени (Вязов, Нерушин, 2010, с. 133–134).

Поздний период существования Брусянского III селища относится уже к золотоордынской эпохе (XIII–XIV в.). Присутствие в это время здесь керамики, относящейся к трём различным группам, наводит на мысль о полиэтничном характере его населения: сомнительно, чтобы грубоватая посуда 2 (XIV по Т.А. Хлебниковой) и 3 (VII) групп, составляющая более 1/3 от всего количества керамического материала, являлась бы предметом импорта. По всей вероятности, она изготовлялась жителями поселения на месте и использовалась наряду с качественной профессионально изготовленной посудой группы 1 (I по Т.А. Хлебниковой). Вероятно, значительную, если не основную, массу обитателей посёлка составляло древнерусское население, совместно с которым проживали и выходцы из Приуралья.

большим количеством дресвы (иногда крупной – до 1,5–2 мм) и грубой поверхностью; 2б – из запесоченного теста с заглаженной поверхностью и меньшим количеством дресвы.

² Незначительное количество керамических фрагментов группы 3 не является статистически представительным.

³ Помимо продуктов животноводства, пищевой рацион обитателей селища характеризуется единичными находками костей диких животных (лось, бобр), рыб и даже раковин моллюсков. Следы рыболовного промысла являются и два обнаруженных в раскопе фрагмента сетевых грузил – известнякового и песчаникового (рис. 7: 1–2).

⁴ С посудой групп 1 и 2 связаны и находки глиняных напярсел: три из них изготовлены из стенок сосудов группы 1 (рис. 7: 7–9), а одно усеченно-биконической формы идентично им по составу глиняного теста (рис. 7: 12); два напярсла вылеплены из глиняного теста с содержанием дресвы, как и посуда группы 2 (рис. 7: 10–11).

ЛИТЕРАТУРА

Вязов Л.А., Нерушин И.А. Исследования поселения хазарского времени у с.Малая Рязань на Самарской Луке в 2007–2009 гг. // *Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия)*. / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Офорт, 2010. С. 128–146.

Коваль В.Ю. Керамика Северо-Восточной Руси в эпоху господства Золотой Орды // *Среднее Поволжье в контексте средневековой российской истории: на перекрестке культур (конец XIII–XIV в.)* / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Офорт, 2012. С. 133–142.

Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей // *Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода* / Ред. Б.А. Колчин, В.Л. Янин. М.: Наука, 1982. С. 156–177.

Матвеева Г.И. Поселение ранних болгар в Среднем Поволжье // *Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее. Тезисы конференции. Ч. II*. / Отв. ред. Н.И. Шишлина. М.: ГИМ, 2003а. С. 122–124.

Матвеева Г.И. Поселения VIII–IX вв. в Среднем Поволжье // *Из археологии Поволжья и Приуралья* / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: Институт истории АН РТ, 2003б. С. 107–117.

Матвеева Г.И. К вопросу о седентаризации ранних болгар в Поволжье // *II Городцовские чтения. Материалы научной конференции, посвященной 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ. Апрель 2003 г.* / Тр. ГИМ. Вып. 145 / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 2005. С. 294–298.

Матвеева Г.И., Семькин Ю.А. Поселения VIII–IX вв. в Среднем Поволжье // *Средневековая археология Евразийских степей. Материалы Учредительного съезда Междунар. конгресса. Т. I* / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2007. С. 127–131.

Матвеева Г.И., Скарбовенко В.А. Новые исследования селища Севрюкаево II // *Краеведческие записки. Вып. XII* / Отв. ред. П.С. Кабытов. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2005. С. 35–58.

Медведев А.Ф. Татаро-монгольские наконечники стрел в Восточной Европе // *СА. 1966а. № 2*. С. 55–60.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы. Самострел / *САИ. Вып. Е1–36*. М.: Наука. 1966б. 154 с.

Руденко К.А. Датировка находок «аскизского круга» из Волжской Булгарии // *Аскизские древности в средневековой истории Евразии* / Отв. ред. К.А. Руденко. Казань: ГОМ РТ, 2000а. С. 47–127.

Руденко К.А. Металлическая посуда Поволжья и Прикамья в VIII–XIV вв. Казань: Репер, 2000б. 158 с.

Руденко К.А. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв.: Изделия аскизского круга в Среднем Поволжье. Казань: Заман, 2001. 256 с.

Руденко К.А. Железные наконечники стрел VIII–XV вв. из Волжской Булгарии. Казань: Заман, 2003. 512 с.

Руденко К.А. Средневековое оружие Волго-Камья: железные наконечники стрел VIII–XVII вв. н.э. Уфа: Академия ВЭГУ, 2010. 254 с.

Серых Д.В. Отчет о разведках в Ставропольском районе Самарской области в 2008 г. по Открытому листу № 894 (форма №2). Самара, 2013 // *Архив Кафедры Российской истории Самарского университета*.

Сташенков Д.А. О группах поселений хазарской эпохи в Самаро-Симбирском Поволжье // *Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия)* / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Офорт, 2010. С. 118–127.

Сташенков Д.А. Керамический комплекс поселений хазарской эпохи в Самаро-Симбирском Поволжье // *Международный научный семинар «Керамика Хазарского Каганата (VII–X вв.) и проблема идентификации болгарской керамики в странах Причерноморья и Поволжье» (г. Ялта, 16 октября – 20 октября 2011 г.)*. Ялта: НАН Украины, 2011. С. 99–104.

Хлебникова Т.А. Гончарное производство волжских болгар X – начала XIII вв. // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т.IV. / МИА. №111. / Отв. ред. А.П.Смирнов. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 93–152.

Хорошев А.С. Замки, ключи и замочные принадлежности // Древняя Русь. Быт и культура / Археология / Отв. ред.: Б.А. Колчин, Т.А. Макарова. М.: Наука, 1997. С. 14–17.

Информация об авторе:

Лифанов Николай Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им.А.Х.Халикова АН РТ (г.Казань, Россия); liphanov@gmail.com

REFERENCES

Vyazov L.A., Nerushin I.A., 2010. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletia n.e. (voprosy khronologii) (Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I Millennium AD (Issues of Chronology))*. Samara: "Ofort" Publ., 128–146 (in Russian).

Koval, V. Yu. 2012. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Srednee Povolzh'e v kontekste srednevekovoy rossiyskoy istorii: na perekrestke kul'tur (konets XIII–XIV v.) (The Middle Volga Region in the Context of Medieval Russian History: at the Crossroads of Cultures (Late 13th – 14th c.))*. Samara: "Ofort" Publ., 133–142 (in Russian).

Kolchin, B. A. 1982. In Kolchin, B. A., Yanin, V. L. (eds). *Novgorodskii sbornik (50 let raskopok Novgoroda) (Novgorod Collected Works (50 Years of Excavations in Novgorod))*. Moscow: "Nauka" Publ., 156–177 (in Russian).

Matveeva, G. I. 2003. In Shishlina, N. I. (ed.). *Chteniya, posvyashchennye 100-letiyu deyatelnosti Vasiliya Alekseevicha Gorodtsova v Gosudarstvennom Istoricheskom muzee. Tezisy konferentsii (Readings devoted to the 100th anniversary of Vasily Alekseyevich Gorodtsov's activity at the State Historical Museum. Abstracts of the conference)*. Part. II. Moscow: State Historical Museum, 122–124 (in Russian).

Matveeva, G. I. 2003. In Starostin, P. N. (ed.). *Iz arkheologii Povolzh'ia i Priural'ia (From Archaeology of the Volga and Cis-Urals Region)*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 107–117 (in Russian).

Matveeva, G. I. 2005. In Belotserkovskaia, I. V. (ed.). *II Gorodtsovskie chteniia. Materialy nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 100-letiyu deyatelnosti V.A. Gorodtsova v GIM. Aprel' 2003 g. (2nd Gorodtsov Readings. Proceedings of the Scientific Conference Dedicated to the 100th Anniversary of V.A. Gorodtsov in the National History Museum. April 2003)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum 145. Moscow: State Historical Museum, 294–298 (in Russian).

Matveeva, G. I., Semykin, Yu. A. 2007. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Srednevekovaia arkheologiya Evraziiskikh stepei (Medieval Archaeology of the Eurasian Steppes) I*. Kazan: History Institute, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 127–131 (in Russian).

Matveeva, G. I., Skarbovenko, V. A. 2005. In Kabytov, P. S. (ed.). *Kraevedcheskie zapiski (Notes on Local History) 12*. Samara: Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin Publ., 35–58 (in Russian).

Medvedev A.F., 1966a. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology) (2)*, 55–60 (in Russian).

Medvedev, A. F. 1966. *Ruchnoe metatel'noe oruzhie (luk i strely, samostrel) VIII–XIV vv. (Hand Missile Weapons (Bow and Arrows, Crossbow) of 8th–14th Centuries)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1-36. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Rudenko, K. A. 2000. In Rudenko, K. A. (ed.). *Askizskie drevnosti v srednevekovoi istorii Evrazii (Askiz Antiquities in the Medieval History of Eurasia)*. Kazan: State United Museum of the Republic of Tatarstan, 47–127 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2000. *Metallicheskaia posuda Povolzh'ia i Prikam'ia v VIII–XIV vv. (Metal Dishware of the Volga and Kama Regions in 8th – 14th Centuries)*. Kazan: "Reper" Publ. (in Russian).

Rudenko, K. A. 2001. *Tiurkskii mir i Volgo-Kam'e v XI–XIV vv.: Izdeliia askizskogo kruga v Srednem Povolzh'ye (Turkic World and the Volga-Kama Region in the 11th –14th cc.: Articles of the Askiz Range in the Middle Volga Region)*. Kazan: "Zaman" Publ. 141 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2003. *Zheleznye nakonechniki strel VIII–XV vv. iz Volzhskoi Bulgarii. Issledovanie i katalog (Iron Arrowheads of the 8th–15th Centuries from the Volga Bulgaria. Studies and Catalogue)*. Kazan: "Zaman" Publ. (in Russian).

Rudenko, K. A. 2010. *Srednevekovoe oruzhie Volgo-Kam'ia: zheleznye nakonechniki strel VIII–XVII vv. n.e. (Medieval Weapons of the Volga-Kama Region: Iron Arrowheads of the 8th – 17th cc. AD)*. Ufa: Eastern Economics and Law Academy of Humanities (in Russian).

Serykh, D. V. 2013. *Otchet o razvedkakh v Stavropol'skom rayone Samarskoy oblasti v 2008 g. po Otkrytomu listu № 894 (forma №2)*. (Report on reconnaissances in the Stavropol district of the Samara Oblast in 2008 according to excavation license No 894 (Form No.2). Samara. Archive of Russian History Department of Samara University (in Russian).

Stashenkov, D. A. 2010. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiachletiiia n.e. (voprosy khronologii)* (Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I Millennium AD (Issues of Chronology)). Samara: "Ofort" Publ., 118–127 (in Russian).

Stashenkov, D. A. 2011. In *Mezhdunarodnyy nauchnyy seminar «Keramika Khazarskogo Kaganata (VII–X vv.) i problema identifikatsii bolgarskoy keramiki v stranakh Prichernomor'ya i Povolzh'e» (g. Yalta, 16 oktyabrya – 20 oktyabrya 2011 g.)*. (International scientific seminar "Ceramics of the Khazar Khaganate (VII–X centuries) and the problem of identification of Bulgarian ceramics in the countries of the Black Sea and the Volga region". (Yalta, October 16 – 20, 2011). Yalta: National Academy of Sciences of Ukraine, 99–104 (in Russian).

Khlebnikova, T. A. 1962. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii* (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition) 4. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR* (Materials and Studies in the USSR Archaeology) 111. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 93–152 (in Russian).

Khoroshev, A.S. 1997. In Kolchin B. A., Makarova T. A. (eds.). *Drevniaia Rus'. Byt i kul'tura* (Ancient Russia. Everyday Life and Culture). Series: Archaeology of the USSR 16. Moscow: "Nauka" Publ., 14–17 (in Russian).

About the Author:

Lifanov Nikolay A. Candidate of Historical Sciences, senior researcher. Institute of Archaeology named after A.Kh.Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation); liphanov@gmail.com.

Статья поступила в журнал 01.10.2022 г.
Статья принята к публикации 01.12.2022 г.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.6.240.252>

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ БУСЫ КУРГАНА № 1 МОГИЛЬНИКА КУСИМОВО-3 В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ¹

© 2022 г. Р.Р. Русланова

В статье представлены каталог и морфо-технологический анализ бусинных украшений, полученных в ходе раскопок каменной насыпи одного из курганов могильника Кусимово-3, расположенного в Абзелиловском районе Республики Башкортостан. Авторы раскопок определяют исследованный курган как жертвенно-поминальный комплекс, последовательно функционировавший в V–IV вв. до н.э. и IX в. н.э. Комплекс находок эпохи средневековья представлен бронзовыми деталями поясной гарнитуры, железными изделиями, фрагментами керамики караякуповской археологической культуры и бусами. Украшения, о которых пойдет речь в публикации, обнаружены в насыпи и входят в состав датированных предметов. Анализ морфо-технологических характеристик украшений фиксирует преобладание округлых полихромных бус, изготовленных серийно-индивидуально: членение трубочки дополнено наложением металлической фольги с предохранительным слоем, второго слоя стекла, а прокол палочки дополнительно оформлен прессованием и декором. Комплекс аналогий позволил определить датировку, бытование большинства бус укладывается в диапазон VII–IX вв. н.э., а также наметить вероятные места производства (Ближний Восток: Сирия, Египет). Количественный и качественный состав бус подтверждает наблюдение, основанное на изучении репрезентативной массы украшений Уфимско-Бельского междуречья – бусы сокращаются в числе, монохромных становится значительно меньше. Аналогии украшениям демонстрируют функционирование в этот период Волго-Камского пути.

Ключевые слова: археология, бусы, средневековье, морфология, технология стекла, хронология, Южный Урал, караякуповская культура.

MEDIEVAL BEADS FROM BARROW № 1 OF THE KUSIMOVO-3 BURIAL GROUND IN THE SOUTHERN TRANS-URALS²

R.R. Ruslanova

The paper presents a catalogue and morphological and technological analysis of bead decorations obtained during the excavations of a barrow stone mound of the Kusimovo-3 burial ground located in the Abzelilovsky district of the Republic of Bashkortostan. The authors of the excavations define this barrow as a sacrificial and memorial complex, that consistently functioned in the IV – V centuries BC and IX centuries AD. The set of finds of the Middle Ages is represented by bronze pieces of the belt set, items made of iron, fragments of pottery of the Karayakupovo archaeological culture and beads. Medieval beads, discussed in the publication, were found in the mound and are part of the dating objects. The analysis of the morphological and technological characteristics of jewelry fixes the predominance of rounded polychrome beads made serially and individually: dividing of the tube supplemented with the putting of a metal foil with a protective layer, a second layer of glass; the puncture of the stick is supplementary made by pressing and decoration. A set of analogies allowed us to determine the dating (the using of most beads took place in the range of the VII–IX centuries) as well as the approximate location of their production (the Middle East: Syria, Egypt). The quantity and quality of beads confirms the observation based on the study of the representative mass of jewelry from the Ufa-Belaya interfluvium – beads are reduced in number, monochrome ones become much less. Analogies of jewelry demonstrate the functioning of the Volga-Kama route during this period.

Keywords: archaeology, beads; Middle Ages; morphology; glass technology; chronology; Southern Urals, Karayakupovo culture.

1 Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ No 22-28-00815 «Комплексная реконструкция освоения горных степей Южного Урала от эпохи камня до Нового времени (социокультурные и природные трансформации)»

2 The article was prepared with the support of the Russian Science Foundation grant No. 22-28-00815 «Comprehensive reconstruction of the development of the mountain steppes of the Southern Urals from the Stone Age to Modern era (social, cultural and natural transformations)».

Общепризнано, что бусы являются хронологическими маркерами и даже небольшое их количество в материалах археологического памятника может говорить о времени создания/посещения объекта носителями украшений. Являясь для Южного Урала продукцией дальнего импорта, бусы демонстрируют наличие инфильтрации (товаров, даров, миграционных групп населения), фиксируют связь (чаще всего опосредованную) с местами добычи поделочных камней и органического материала (янтаря, гагата) и с мастерскими по изготовлению украшений. Видовой состав ожерелья способен с различной долей вероятности очертить функциональную и эстетическую роль бус в костюме изучаемого населения.

Небольшое количество, а именно 7 экземпляров бус, обнаружено в насыпи объекта археологического наследия Кусимово-3, курганного могильника.

Курганный могильник Кусимово-3 находится у восточного подножья хребта Крыктытау, в небольшой долине между двумя хребтами, открытой на восток к оз. Сабакты, на восточной окраине д. Кусимово Абзелиловского района Республики Башкортостан, в 30 км к востоку от г. Магнитогорска. До берега оз. Сабакты около 1,8 км к востоку. Памятник приурочен к небольшому мысовидному возвышению размерами 60×160 м и высотой около 5 м.

Курганный могильник Кусимово-3 был зафиксирован в 2005 г. совместной экспедицией ИИЯЛ УНЦ РАН и Центра «Наследие» при обследовании территории курортного района «Якты-Куль» (Котов, Савельев, 2007). Исследования кургана тогда заключались в составлении топографического плана, описании и фотофиксации. В результате разведочных работ было установлено, что на этой территории присутствуют не только стоянки эпохи камня, но и многочисленные курганы скифо-сарматского времени. Они локализованы как на ровных площадках берегов озёр, так и на окружающих возвышенностях (вся территория относится к горно-степной зоне Южного Урала, более детально – к восточным предгорьям хребта Крыкты). Курган № 1 курганного могильника Кусимово-3 является одним из самых крупных (Котов, Савельев, 2007, с. 12–18; Котов, Савельев, Русланова, 2020, с. 1594–1612). В дальнейшем какие-либо работы на данном объекте не проводились.

Особенностью данных курганов является наличие каменной насыпи и визуальные

признаки того, что «насыпь» в значительной части случаев является руинированной надмогильной конструкцией. Данная группа курганов распространена исключительно в горно-степной зоне хребтов Ирендык и Крыкты. В основном эта группа датируется V–IV в. до н. э. В пределах озёрной системы Банное-Сабакты-Карабалыкты, являющейся выраженным археологическим микрорайоном озёрного типа, где памятники занимают береговую зону, располагаясь на удобных террасах и гривах (Русланов, 2019, с. 29, 42), данные курганы ранее не исследовались.

Территория, на которой расположен памятник, равнинная, сильно нивелированная вследствие длительной распашки. В 0,25 км к северу и в 0,3 км к югу от памятника протекают небольшие ручьи, впадающие в 0,5 км к востоку в полностью заросшую лесом и заболоченную котловину оз. Сабакты (современная береговая линия оз. Сабакты находится в 1,7 км к востоку). Высота мыса от подножья составляет 3–3,5 м, наиболее выражены его юго-восточный и восточный склоны. Ось мыса, идущая к востоку-юго-востоку, относительно пологая. С севера и юга от мыса расположены пологие, вытянутые ложбины древних водотоков. К югу от восточной оконечности мыса фиксируется наиболее пониженная площадка размерами 50×30 м, широтно вытянутая и имеющая овальную форму. Через эту площадку проходит лог от древнего водотока (следы русла примыкают к данной площадке с запада и выходят из неё с востока, сама площадка абсолютно ровная). Цвет растительности в пределах площадки более насыщенный, чем на окружающей территории. Учитывая эти данные, а также пологое понижение рельефа далее к востоку, данная «площадка» может быть интерпретирована в качестве древнего мелководного залива палеоозера Сабакты-Банное, существовавшего, предположительно, в плейстоцене (Котов, Савельев, 2007; Археологическая экспедиция Якты-Куль – Кусимово..., 2020) (рис. 1).

Исследование кургана Кусимово-3 было начато в связи с тем, что земельный участок к востоку от д. Кусимово в 2018 г. был отдан под строительство домов (рис. 2: А). Курган попал в границы застройки, и хозяева уже приступили к зачистке своего участка от груды камней. В 2019 г. под руководством автора статьи на кургане № 1 был заложен раскоп общей площадью 302 м². В ходе детального обследования окружающей территории было установлено, что курган входит в состав курганно-

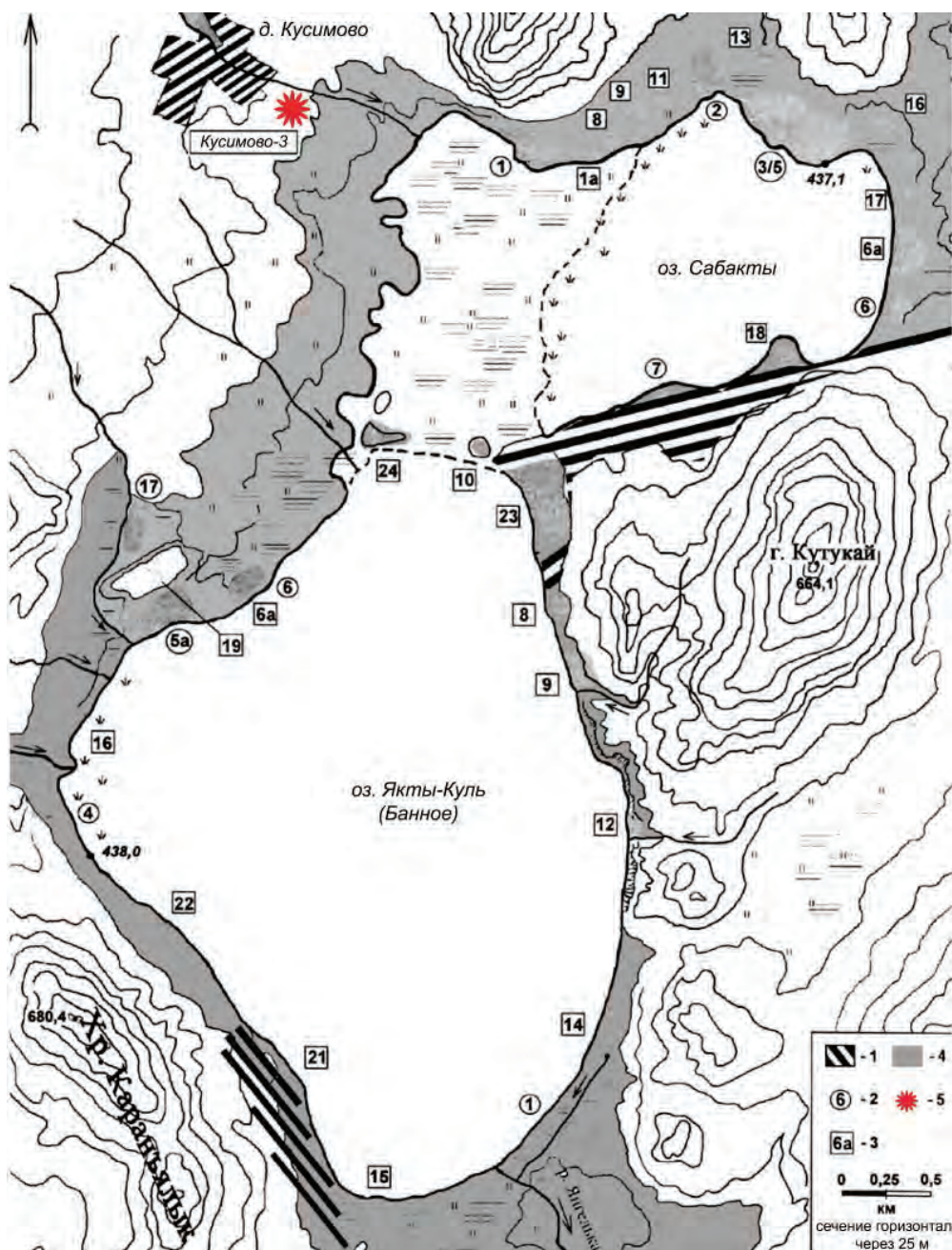

Рис. 1. Карта археологических памятников на береговой линии озер Банное и Сабакты. Условные обозначения: 1 – границы современных населенных пунктов, 2 – памятники, известные до 2005 г. (здесь и далее нумерация приурочена к топонимам Сабакты и Банное соответственно: Сабакты-1, Сабакты-2, Банное-1 и т.д.), 3 – памятники, открытые в 2006 году, 4 – реконструируемые границы трансгрессии палео-озера Банное-Сабакты в древности, 5 – курганный могильник Кусимово-3 (основа: карта 1:25000, издание 1985 г., переработана В.Г. Котовым и Н.С. Савельевым с корректировками 2020 г.).

Fig. 1. Map of archaeological sites on the shoreline of Bannoye and Sabakty lakes. Symbols: 1 – borders of modern settlements, 2 – sites known before 2005 (here and further numbering is connected with the toponyms Sabakty and Bannoye respectively: Sabakty-1, Sabakty-2, Bannoye-1, etc.), 3 – sites, discovered in 2006, 4 – reconstructed borderlines of the transgression of Bannoye-Sabakty paleo-lakes in antiquity, 5 – Kusimovo-3 barrow cemetery (basis: map 1:25000, edition 1985, corrected edition by V.G. Kotov and N.S. Savelyev 2020).

го могильника, состоящего из трёх насыпей. В ходе работ в пределах раскопа был выявлен ещё один важный объект – палеолитическая стоянка Кусимово-6, что не позволило завершить исследования в пределах одного полевого сезона (Котов, Савельев, Русланова, 2020, с. 1594–1612).

В 2020 г. В.Г. Котовым была вскрыта центральная часть раскопа размером 8×8 м (64 м²), каменная кладка была полностью расчищена от рыхлых отложений и детально зафиксирована. Затем каменная насыпь в секторах 2 и 3 была разобрана до «основания» в виде каменных стенок, состоящих из круп-

ных глыб и камней. В процессе разборки были выявлены материалы эпох средневековья и раннего железного века, связанные, очевидно, с культовым использованием каменной насыпи в эти периоды. В 2021 г. под руководством Е.В. Русланова работы на кургане и стоянке в пределах раскопа 2019 г. были завершены: полностью изучена каменная конструкция насыпи, выявлены находки эпохи камня, раннего железного века и раннего средневековья.

Курган, полностью исследованный в течение трёх полевых сезонов, представлял собой каменную насыпь, формирование которой относится к скифо-сарматскому времени (V–IV в. до н. э.). Каменная конструкция, состоящая из крупных и массивных диабазовых блоков, по всей видимости, в раннем железном веке была частично разобрана. К находкам этого времени относятся фрагменты глиняного сосуда, точильный камень, железный нож и бронзовые наконечники стрел.

К концу I тыс. н. э. носителями караякуповских культурных традиций на вершине насыпи была устроена ритуальная площадка – святилище. Поверх кургана обнаружены бронзовые элементы поясной гарнитуры, выполненной в т. н. «геральдическом» стиле, железные пряжки, колчаный крюк и т. д.; украшения: бронзовый браслет и стеклянные бусы, а также фрагменты сосуда с традиционным караякуповским орнаментом¹. Но самые многочисленные находки – это кости животных (крупный и мелкий рогатый скот, лошадь, птица). Большинство костей колотые, то есть являются кухонными остатками. Полученные результаты показывают, что традиция сооружения в степной зоне Южного Урала каменных насыпей с целью проведения поминальных ритуальных действий без совершения погребения практиковалась уже в эпоху раннего железа, продолжала существовать в раннем средневековье и дожила до наших дней (почитание мусульманским населением «захоронений святых – «аулия») (Археологическая экспедиция Якты-Куль – Кусимово..., 2020).

При раскопках кургана, наряду с остеологическими находками и предметами поясной гарнитуры, было обнаружено 7 бусин (в 2020 г. – 4, в 2021 г. – 3). Все они были зафиксированы в насыпи в разных секторах и на разной глубине (рис. 2: Б, В). Принципы описания бусинных украшений, построенные на работах ведущих специалистов по древнему стеклу, успешно использованы автором

для изучения массива бус Уфимско-Бельского междуречья эпохи раннего средневековья (Русланова, 2018). Универсальность системы описания бус Уфимско-Бельского междуречья III–VIII в. позволяет накладывать на неё характеристику находок бус различных территорий и эпох – положительный опыт экстраполирован и на исследуемую коллекцию. В данной статье мы не приводим все выделенные в монографии дефиниции и уделяем внимание тем параметрам и их результатам, применимым именно к бусинам с изученного кургана. Размещая каталог бус в приложении к статье, здесь мы укажем параметры учёта.

Морфология. Все обнаруженные изделия являются бусинами – у них канал проходит через центр тяжести тела и совпадает с осью фигуры. Исследованы такие характеристики, как материал, форма, цвет основы, при наличии и цвет декора/внешнего слоя, прозрачность. Определена форма канала, размеры его отверстий и размеры самой бусины. Показаны состояние поверхности и сохранность.

Материал. Все исследованные бусы изготовлены из стекла.

Форма. При описании учитывалась форма поперечного сечения, а также общие очертания предмета. Формы у пяти представленных украшений геометрические криволинейные: округлые шаровидные ($H/высота=D/диаметр$), зонные ($H>D$, шаровидная, усечённая двукратно поперечно относительно канала), эллипсоидная, усечённая поперечно дважды (усечённость указана относительно канала). Геометрические плоскогранные представлены одним полиэдрическим (т. н. 14-гранным) экземпляром. Одним экземпляром представлен вид сложных ребристых форм – ребристая округлая бочонковидная бусина с фольгой. По характеру выделения на поверхности изделия рёбер к ней применимы следующие термины: чёткие, мягко очерченные, параллельные каналу отверстия.

Канал. При характеристике формы канала использовались стереометрические термины – цилиндрический (4 экз.) и конический (3 экз.). Дело в том, что форма канала обусловлена технологией изготовления изделий. Так, у стеклянных бус, сделанных путём деления трубочки, навивкой и сгибом, канал цилиндрический, у бус из тянутой палочки – конический. Во всех бусах канал центрированный. Оформление краёв отверстия простое, без дополнительных деталей. Лишь бусина с фольгой имеет шейку от членения стекольными щипцами.

Размеры. Все измерения даны в сантиметрах. Измерение изделия производилось по следующим параметрам: максимальный показатель диаметра, высота бус с округлой формой поперечного сечения. Измерялся и диаметр канала с двух сторон (d ; d_1 , d_2). У полиэдрической бусины была учтена лишь высота изделия.

Цвет и прозрачность. При описании цвета изделий автор руководствовался собственными представлениями об этих параметрах. Выделены 7 цветов: синий кобальтовый, красно-розовый (практически малиновый), жёлтый, красный, белый, светло-зелёный, чёрный. Бусина с металлической фольгой по материалу, использованному в качестве прокладки, названа «серебряностеклянной».

При определении прозрачности стеклянных бус мы использовали следующие определения: непрозрачное (глухое), полупрозрачное и прозрачное стекло. Исследователями признается, что граница между прозрачным, непрозрачным и полупрозрачным стеклом достаточно нечёткая, так как зачастую данные параметры зависят от толщины стекла, сохранности, качества красителя, условий варки и густоты тона. Коррозия, проникая в мельчайшие трещинки, изменяет прозрачность, уменьшая её (Алексеева, 1970, с. 75). Однако остановимся на том, что в прозрачном материале чётко прослеживается направление канала отверстия без подсвечивания с другой стороны, а непрозрачный материал исключает видимость канала.

Декор. В рассматриваемой коллекции одна бусина, миллефиори, создана из отрезков, представляющих множественный гладкий глазчатый узор. Один экземпляр украшен единичным плоским накладным глазчато-ресничным декором. Цвет глазков описывается с внутреннего слоя. Характер декора по рельефу определяется такими терминами, как плоский и выпуклый.

Поверхность. При исследовании и последующем описании бус все виды повреждений были выделены лишь на основе визуального наблюдения. Все бусины гляцевые (что может предполагать дополнительную операцию обжига) либо чуть матовые. Пatina полностью проникала в структуру стекла внутреннего слоя лишь в 2 экз. (двухслойные бусы), цвет внутреннего слоя неопределим.

Сохранность изделий. Бусы имеют разную степень сохранности: 5 бусин обнаружены целыми (полными), 2 – во фрагментах,

по которым форму изделия возможно представить.

Технология. При исследовании технологических характеристик бусинных украшений коллекции Кусимово-3 использован комплекс принципов описания, разработанный З.А. Львовой для стеклянных бус (Львова, 1979, с. 90–103; 1980, с. 75–85).

Количество бус, изготовленных в технике прокола тянутой палочки, в коллекции 3 экземпляра (рис. 2: 1, 5, 7). Для получения тянутой палочки на конец металлической трубки набиралось из тигля нужное количество стекла. Получалась достаточно крупная монолитная наборка, которая в дальнейшем растягивалась и делилась на части с помощью ножа и прокалывалась. В последующем изделие могло окатываться либо прессоваться на плоскости. Прессование могло быть глубинным (изделие сплющивается) и поверхностным (Львова, 1979, с. 99; Довгалюк, 2007, с. 183). Последний метод применён для полиэдрической бусины из Кусимово – стекло на конце стержня многократно придавливалось прессом до получения граней (рис. 2: 1).

Синяя бусина кобальтового стекла также изготовлена в технике деления палочки (рис. 2: 5). На это указывает канал и оформление его края. Для бус, изготовленных путём прокола тянутой трубочки, характерно наличие конического канала, а место входа палочки в бусину имеет подовальную форму. После прокола бусину окатывали на плоскости, придавая нужную шарообразную форму.

Основа монохромной веретенообразной бусины бирюзового непрозрачного стекла с накладным узором также выполнена в технике деления тянутой палочки, прокола и окатывания. Сложно сказать, в какой момент произведена данная операция – до нанесения декора методом наложения или после. В любом случае дополнительное окатывание было и после того, как нанесли поперечный отрезок многослойной палочки, создав таким образом глазчато-ресничный рисунок на поверхности. Декор сформирован поперечным отрезком многослойной палочки – на основу красного непрозрачного стекла нанесён слой жёлтого непрозрачного стекла. И эта сердцевина обложена чередующимися лентами красного и чёрного цветов.

У трёх экземпляров основа изготовлена методом деления тянутой трубочки (рис. 2: 3, 4, 6). Изготовление бус из тянутой трубочки подразумевало следующие виды операций: вытягивание трубочки и разделение путём

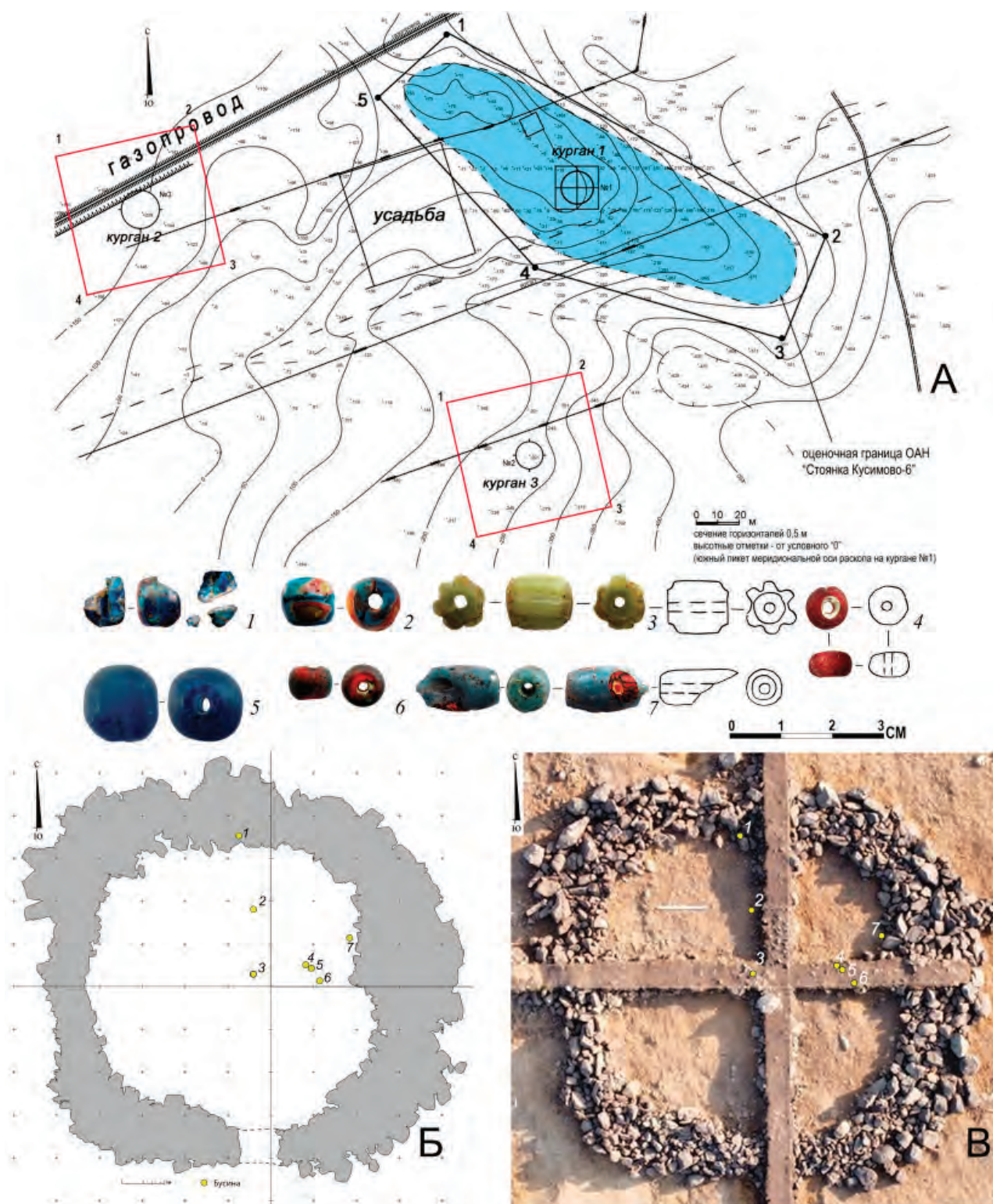

Рис. 2. Могильник Кусимово-3, курган №1. Условные обозначения: А – план памятника; 1–8 – бусы, найденные в 2020 и 2021 гг.; Б, В – расположение бус в насыпи кургана №1.

Fig. 2. Kusimovo-3 burial ground, barrow No.1. Symbols: А – the plan of the site; 1–8 – beads, found in 2020 and 2021; Б, В – the location of the beads in the mound of barrow No.1.

отшибания или разрезания ножом (одностороннее) либо стекловыми ножницами (двустороннее). Разрезание производилось, скорее всего, когда стекло ещё окончательно не остыло, и стеклянная заготовка в месте среза сразу же деформировалась – элементы структуры стягивались к линии среза, скругля-

лись и как бы оплавливались (Мастыкова, 2001, с. 64); при отшибании же элементы структуры не смещаются, а только прерываются (Львова, 1970, с. 100).

Путём вытягивания трубочки и деления щипцами изготавливались многочастные пронизи, а также бусины с золотой или сере-

бряной фольгой. Способы изготовления бус с металлической фольгой ёмко описаны Е.К. Столяровой (Столярова, 2010, с. 324). Украшению из Кусимова соответствует метод, когда на бусину-основу, изготовленную путём растягивания трубочки, наносили золотую или серебряную фольгу, которую прикрепляли к стеклянной основе, вероятно, при помощи какого-то растительного клея. Затем стекло и металл нагревали до температуры 600–800°C. Ссылаясь на мнение М.А. Безбородова, эксперта в области «мокрого» химического анализа изучения древнего и средневекового стекла, Екатерина Карленовна отмечает, что этот температурный режим был ограничен, с одной стороны, температурой размягчения стекла (500–560°C), а с другой – температурой плавления серебра (961°C) и золота (1063°C) (Безбородов, 1959, с. 229). После этого на размягчённое стекло, соединённое с металлом, наливали такое количество расплавленного стекла, которое было достаточно, чтобы покрыть изделие слоем в 0,5–1 мм. Часто стекло для внешнего слоя было не прозрачным, а имело зеленоватый оттенок или коричневый цвет. В последующем изделие членили стекольными щипцами, «припаивая» слои стекла и фольги у краёв канала. Бусину с фольгой из Кусимова изготовили вышеописанным способом, дополнив формированием прессом на поверхности шести округлых рёбер, продольных каналу (рис. 2: 3).

Две бусины, основа которых изготовлена методом членения тянутой трубочки, дополнительно были покрыты слоем прозрачного красного стекла (рис. 2: 4, 6). Для получения двухслойных бус инструмент с наборкой погружался в стекло разных цветов (Львова, 2000, с. 257). В случае с бусинами из Кусимова возможна операция оборачивания основы вторым слоем. В.А. Галибин предполагает, что изготовление подобных бус позволяло экономить красители (Галибин, 2001, с. 31).

Одно изделие произведено методом сгиба полосы, изготовленной сваркой отрезков палочки-миллефиори (рис. 2: 2). Для изготовления такой многоцветной палочки сердечник – стержень жёлтого непрозрачного стекла – последовательно покрывали слоями красного непрозрачного, белого непрозрачного и синего прозрачного стёкол. В дальнейшем полученная многоцветная палочка поперечно делилась на отрезки, которые спаивались в полосу, после чего отрезок этой ленты неоднократно оборачивали вокруг стержня.

Исследователи стекла выделяют 3 метода изготовления бус: серийный (бисер, изделия из трубочки), индивидуальный (навивка, сварка, сгиб), серийно-индивидуальный (вытягивание трубочки плюс нанесение фольги или декора, вытягивание и прокол палочки, нанесение на неё декора) (Школьникова, 1978, с. 100).

В коллекции бус из Кусимова все изделия относятся к бусам, изготовленным с применением серийно-индивидуальных и индивидуальных способов производства:

- вытягивание трубочки и нанесение верхнего слоя (рис. 2: 4, 6);
- вытягивание трубочки, наложение металлической фольги и предохранительного слоя, разрезание щипцами, формование рёбер (рис. 2: 3);
- вытягивание палочки, разрезание, прокол, обкатка на плоскости (рис. 2: 1, 5);
- вытягивание палочки, разрезание, прокол, наклад декора, обкатка на плоскости (рис. 2: 7);
- сварка полихромных отрезков многоцветной палочки, прокол, обкатка на плоскости (рис. 2: 2).

Как видим, дополнительно к основным схемам создания украшений был добавлен процесс декорирования, который включает такие операции, как проведение борозд остриём (поверхностное, продольное), нанесение декора путём наложения поперечного отрезка многоцветной палочки. Одно изделие изготовлено из отрезков палочек-миллефиори, в них цвет основы повторяет цвет декора. Дополнительно к основным схемам изготовления бус применялись техники окатывания (для получения шаровидных, эллипсоидных бус), прессования (получение гранёных бус), ко всем бусинам применён обжиг в целях придания изделиям глянцевой поверхности.

Отталкиваясь от утверждения Ю.Л. Щаповой о наличии в древности стеклодельных школ, отличающихся друг от друга сырьевыми материалами, применяемыми в стекловарении, технологическими принципами обработки стекла и морфологией изделий (Щапова, 1983, с. 105), была предпринята попытка соотнесения бус с некоторыми центрами по производству бус из стекла.

Исследователями определено, что бусы из трубочки, монохромных палочек (стержней) – массовая продукция мастерских, специализирующихся на изготовлении бус и некоторых полуфабрикатов. Такие мастерские располагались в областях традиционного стеклоделия

– в Сирии и Египте (Лихтер, Щапова, 1991, с. 247–248). К бусам, изготовленным в традиции египетской мастерской, можно отнести монокромные и полихромные бусы из тянутой палочки с однократным обёртыванием, навивкой. Бусы, выполненные путём прессования и сварки, вероятно, относятся к продукции египетских мастерских, работающих в новых производственных традициях. Установлено место производства бус с металлической прокладкой – золотно- и серебряностеклянных – это Ближний Восток (Сирия) (Валиулина, 1996, с. 136). Ю.Л. Щаповой было указано на отсутствие византийских бус до нач. XI в. (Щапова, 1998, с. 150).

Если предположить одномоментное попадание всех бусин в состав инвентаря описываемого кургана, то сформируется сборная комбинация бус по методике, предложенной Р. Андреа и впервые использованной в России Ю.Л. Щаповой (Щапова, 1991, с. 159–160). Эта идея помогает различать способы и место, где были составлены наборы бус, и косвенно изучить некоторые виды торговли. Исследователем выделено 3 вида комбинаций: образцовая, основная и сборная. Считается, что образцовая комбинация, которую составляет сам изготовитель или связанный с ним торговец, фиксирует разнообразие и набор синхронных бус, одинаковых по происхождению. Такие бусы появились на рынке одномоментно, а мастера, изготовившего эту комбинацию, и потребителя разделяет не более двух посредников, и такие наборы существуют не более 25–30 лет. Сборная комбинация создаётся из различных по материалу и/или технологии изготовления бус, которые оказались в распоряжении потребителя в данный момент. Такой вид набора формируется самим потребителем из бус, которые оказались в его распоряжении. Такие наборы могли складываться на протяжении длительного отрезка времени. Основная комбинация – изменённая образцовая, дополненная другими видами бус, занимает промежуточное положение между образцовой и сборной комбинациями, но более тяготеет к образцовой. Набор кусимовских бус тяготеет к основной комбинации.

Аналогии, датировка. Не касаясь рассмотрения материалов кургана № 1 могильника Кусимово-3, определим хронологические рамки появления и выпадения бус в насыпь кургана по аналогиям с бусами средневековых некрополей Волго-Уральского региона и Причерноморья.

Как отмечает А.В. Мастыкова, «полиэдрические бусы из синего и сине-фиолетового стекла, известные на памятниках эпохи Великого переселения народов и начала Средневековья на Северо-Западе России, бытуют в широкой географической зоне и существуют от римского времени до Средневековья включительно» (Мастыкова, 2011, с. 16). Комплексно-сравнительный анализ материалов Западной, Центральной и Восточной Европы показал синхронность бытования этого типа бус на разных территориях и позволил автору предположить, что эти изделия – продукция мастерских одного круга.

В Северном Причерноморье синие полиэдрические бусы характерны для II–IV в. (Алексеева 134) (Алексеева, 1978, с. 70). В древностях Прикамья эти бусы отнесены к комплексам кон. IV–IX в. (Голдина IV A49) (Голдина, 2010, рис. 34: 3). В Приуралье полиэдрические, 14-гранные, изделия из прозрачного синего стекла встречены в погребениях раннего железного века (Охлебининский могильник). Достигая массовости в период раннего средневековья (V – нач. VI в.), к VIII–IX в. их количество значительно сокращается (Русланова I.2A1261) (Русланова, 2018, табл. 34). На раннем этапе своего бытования они характеризуются чёткими гранями, которые в дальнейшем становятся слабо фиксируемыми. Цвет изделия из Кусимова аналогичен прежним – насыщенный синий, в то время как, по наблюдениям Н.В. Тереховой, уже в VIII – нач. IX в. полиэдрические бусы имеют скругленные углы и бледно-синий оттенок (Терехова, 2014, с. 118). Один экземпляр подобной бусины, но крайне ирризованный, зафиксирован в материалах Стерлитамакского могильника VIII–IX в. (фонды МАЭ ИЭИ им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН).

Бусины, подобные крупной круглой бусе из синего прозрачного стекла, в раннесредневековых погребениях Уфимско-Бельского междуречья не обнаружены. Однако, судя по публикациям, похожие имеются в памятниках неволинской культуры (Голдина IV A62), где датированы VI в. Обнаружены они в погребениях среднецнинской мордвы (Терехова MIIA126), где определены к категории хроноиндикаторов VIII – (возможно, начала) IX в. (Терехова, 2014, рис. 24: 1).

Аналогии шарообразной бусине-миллефиори обнаружены в погребении с материалами VI–VIII в. Неволинского могильника (однако в изделии отсутствует белая полоса (Голдина VIB2e)) (Голдина, 2010, рис. 35: 1).

Этот тип бус (*ТереховаПІVБІІ*) обнаружен в древностях Поценья – они встречены в погребениях Крюковско-Кужновского, Елизавет-Михайловского, Пановского могильников с инвентарём, позволяющим определить время бытования бус VIII–IX в. (Терехова, 2014, с. 95, рис. 24: 19).

Ближайшим территориально, но не по форме, является экземпляр из могильника Уелги IX–XI в. – в коллекции некрополя имеется цилиндрическая бусина (Боталов, 2018, с. 13–34). Такой же цилиндрический экземпляр встречен в погребении кон. VII–IX в. Неволинского могильника (*ГолдинаVIIБ6а*) (Голдина, 2010, рис. 37). Эллипсоидные бусины из аналогичных отрезков палочек, сформированных путём сварки, в неволинских древностях датируются более широким диапазоном – VI–IX в. (*ГолдинаVIIБ5в*) (Голдина, 2010, рис. 36: 1).

Техника использования металлической фольги при изготовлении бусинных украшений уходит своими корнями в античное время и сохраняется в период раннего средневековья (Столярова, 2010). Золотно-стеклянные и бусы с серебряной фольгой массово распространены в раннесредневековых памятниках Уфимско-Бельского междуречья (Русланова, 2018, с. 109). Изменяясь по времени количественно, они претерпевают и качественные изменения: бус с серебряной фольгой с V в. становится больше, внешний слой теперь практически коричневый. Бусины, аналогичной кусимовской, в приуральских древностях не обнаружено, но они есть в неволинских в виде двухчастных пронизей (*ГолдинаIВ25*), которые сопутствуют материалу кон. VI–VII в. (Голдина, 2010, рис. 31: 3). В нашем случае бусину, обнаруженную в насыпи кургана Кусимово-3, можно определить как часть данного типа бус.

Аналогии двухслойным красно-розовым бусинам пока не обнаружены (рис. 2: 4, 6).

Таким образом, хронологически типы бус из Кусимово не выходят за пределы VII–IX в., что говорит о возможной кратковременности периода их включения в состав инвентарного комплекса курганной насыпи. Мастерские по производству украшений расположены на территории Ближнего Востока (Сирия, Египет) и Причерноморья. Путь поступления и попадания бус требует отдельного рассмотрения. Однако уже первичный сопоставительный анализ с синхронными (в том числе с кушнареново-караякуповскими) могильниками Волго-Уральского региона

(Манякским, Бекешевским, Стерлитамакским, Старохалиловским, Лагереvским, Каранаевским, Мрясимовским и др.), в которых имеются бусы, являвшиеся, по всей видимости, продукцией иных мастерских и имеющие аналогии в материалах с территории Волжской Булгарии (Мажитов, 1981; Акбулатов, Гарустович, 2017, с. 51, 54; Валиулина, 1996), демонстрирует тяготение кусимовских бус к изделиям неволинских памятников, а также к некрополям, оставленным на территории Поценья (Тамбовская и Пензенская области).

Каталог бус кургана № 1 ОАН Кусимово-3, курганный могильник

Инв. № 401/2617 (рис. 2: 1)

Материал: стекло

Форма: полиэдрическая (14-гранная), но с очень скошенными округлыми гранями, переходящая в параллелепипед

Канал: цилиндрический

Цвет: синий

Прозрачность: прозрачная

Поверхность: глянцеvая

Сохранность: фрагмент

Размеры: 0,8x? см, Н=0,9 см, d=0,2 см

Техника изготовления: прокол палочки, прессование.

Инв. № 265/ (рис. 2: 2)

Материал: стекло

Форма: шаровидная

Канал: конический

Цвет основы: синий

Прозрачность: прозрачная

Поверхность: матовая

Сохранность: полная

Размеры: D=1,3 см, Н=1,3 см, d1=0,2 см, d2=0,3 см

Техника изготовления: прокол тянутой палочки, сложно определить из-за качественного окатывания. Стекло до конца не выварено – внутри просматриваются пузыри.

Инв. № 710/ (рис. 2: 3)

Материал: стекло

Форма: зонная

Канал: цилиндрический

Цвет основы: неопределим ввиду патенизированнойности

Цвет внешнего покрытия: красно-розовый, прозрачный

Прозрачность: непрозрачная

Поверхность: матовая, в щербинках

Сохранность: полная

Размеры: D=0,8 см, H=0,5 см, d=0,2 см

Техника изготовления: тянутая трубочка с наложением поверх второго слоя.

Инв. № 248/2464 (рис. 2: 4)

Материал: стекло

Форма: зонная

Канал: конический

Цвет основы: синий

Декор, цвет декора: глазчатый (жёлто-красно-белый, непрозрачный)

Прозрачность: непрозрачная

Поверхность: глянцевая

Сохранность: полная

Размеры: D=1 см, H=0,8 см, d1=0,2 см, d2=0,3 см

Техника изготовления: сгиб полосы, изготовленной путём спайки (сварки) отрезков многоцветной палочки.

Инв. № 65/2281 (рис. 2: 5)

Материал: стекло

Форма: зонная

Канал: цилиндрический

Цвет основы: неопределим ввиду патенизированнойности

Цвет внешнего покрытия: красно-розовый, прозрачный

Прозрачность: непрозрачная

Поверхность: матовая, в щербинках

Сохранность: полная

Размеры: D=0,8 см, H=0,6 см, d=0,2 см

Техника изготовления: тянутая трубочка с наложением поверх второго слоя.

Инв. № 709 (рис. 2: 6)

Материал: стекло, с металлической (серебряной) фольгой

Форма: бочонковидная, ребристая, рёбра мягкие

Канал: цилиндрический

Цвет основы: светло-зелёный

Цвет внешнего слоя: коричневый

Прозрачность: непрозрачная

Поверхность: глянцевая

Сохранность: фрагмент – сколот внешний слой

Размеры: D=1 см, H=1,2 см, d=0,2 см

Техника изготовления: вытягивание трубочки, нанесение металлической фольги, нанесение внешнего слоя, членение.

Инв. № 711/434 (рис. 2: 7)

Материал: стекло

Форма: эллипсоидная, усечённая дважды поперечно

Канал: конический

Цвет основы: синий, непрозрачный (глухой)

Декор: глазчато-ресничный, плоский

Цвет: красно-жёлтый глазок, красно-чёрные реснички

Поверхность: глянцевая

Сохранность: фрагмент – часть сколота

Размеры: D=0,8 см, H=1,6 см, d1=0,2 см, d2=0,3 см

Техника изготовления: прокол палочки, нанесение декора (2 отрезка мозаичной палочки), окатывание.

Благодарности:

Выражаю искреннюю благодарность Э.В. Камалееву за возможность изучить бусинные коллекции Музея археологии и этнографии Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН (Уфа, Россия). Выражаю благодарность коллегам И.В. Грудочко и С.Г. Боталову за предоставленную возможность познакомиться с бусинными украшениями некрополя/

Примечание:

¹ Полная характеристика вещевого комплекса, полученного в ходе исследования кургана №1 могильника Кусимово-3, будет дана в последующих публикациях..

ЛИТЕРАТУРА

Акбулатов И.М., Гарустович Г.Н. Новые захоронения кушнаренковско-караякуповского типа в Башкортостане // УАВ. 2017. Вып. 17. С. 50–56.

Алексеева Е.М. Классификация античных бус // Статистико-комбинаторные методы в археологии / Отв. ред. Б.А. Колчин, Я.А. Шер. М.: Наука, 1970. С. 59–82.

Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып. Г1-12/2. М.: Наука, 1978. 104 с., табл. 20–34.

Археологическая экспедиция Якты-Куль – Кусимово «Северные амурь»: научные исследования и Школьный лекторий / Отв. ред. и сост. А.В. Псянчин, Н.С. Савельев Уфа: Информреклама, 2020. 44 с.

Безбородов М.А. Технология производства стеклянных бус в древности // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / Труды ГИМ. Вып. 33 / Ред. Б.А. Рыбаков. М: Советская Россия. 1959. С. 225–233.

Боталов С.Г. Урало-алтайское единство в материалах погребального комплекса Уелги // Археология Евразийских степей. 2018. №6. С. 13–34.

Валиулина С.И. Химико-технологическая характеристика стеклянных бус Больше-Тарханского и Больше-Тиганского могильников // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 1996. С. 134–147.

Галибин В.А. Состав стекла как археологический источник. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. 216 с.

Голдина Е.В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV–IX вв.) / МИКВАЭ. Т. 6. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2010. 264 с.

Довгалюк Н.П. Бусы Раевского некрополя // Юго-Восточная периферия Боспора в эллинистическое время: по материалам Раевского некрополя / Некрополи Черноморья. Т. I / Отв. ред. А.А. Малышев. М.: Гриф и К, 2007. С. 177–226.

Котов В.Г., Савельев Н.С. Разведочные работы на озерах Якты-Куль (Банное) и Сабакты в Башкирском Зауралье // Археологические открытия 2005 г. / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: Наука, 2007. С. 377–380.

Котов В.Г., Савельев Н.С. Энеолитическая стоянка Сабакты-8 в Башкирском Зауралье // УАВ. Вып. 6–7. Уфа: Гилем, 2007. С. 12–18.

Котов В.Г., Савельев Н.С., Русланова Р.Р. Стоянка-мастерская Кусимово-6 – памятник эпохи среднего палеолита в Южном Зауралье // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 6. С. 1594–1612. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1594-1612.

Лихтер Ю.А., Щапова Ю.Л. Гнездовские бусы. По материалам раскопок курганов и поселения // Смоленск и Гнездово (к истории древнерусского города) / Под ред. Д.А. Авдусина. М.: МГУ, 1991. С. 244–260.

Львова З.А. Технологическая классификация изделий из стекла // АСГЭ. Вып. 20 / Ред. Б.Б. Пиотровский. Л.: ГЭ, 1979. С. 90–103.

Львова З.А. Признаки способа изготовления изделий из стекла (по материалам раннесредневековых стеклянных украшений) // АСГЭ. Вып. 21 / Ред. Б.Б. Пиотровский. Л.: Искусство, 1980. С. 75–85.

Львова З.А. Техника изготовления северокавказских бус второй половины I тыс. н.э. // Ковалевская В.Б. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. М.: Пушинский Научный центр РАН, 2000. С. 257–272.

Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала в VIII–XII вв. М.: Наука, 1981. 164 с.

Мастыкова А.В. Полиэдрические бусы из сине-фиолетового стекла раннесредневекового времени в Северо-Западной России: технологическая характеристика, происхождение, распространение, датировка // Стекло Восточной Европы в древности, Средневековье и Новое время: изучение и реставрация. Тезисы докладов научной конференции / Отв. ред. П.Г. Гайдуков. М.: ИА РАН, 2011. С. 16.

Русланов Е.В. Береговский археологический микрорайон в системе древностей Южного Урала. Дисс... канд. ист. наук. Уфа, 2019. Доступно по URL: <http://www.science.vsu.ru/dissertations/7848/> Диссертация_Русланов_Е.В..pdf (дата обращения: 13.10.2022).

Русланова Р.Р. Бусы Южного Урала по материалам некрополей III–VIII веков. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2018. 376 с.

Столярова Е.К. К вопросу о технологии изготовления стеклянных золоченых бус домонгольского периода // КСИА. 2010. Вып. 224. С. 323–333.

Терехова Н.В. Бусы среднецнинской мордвы как исторический источник. Дисс... канд. ист. наук. М., 2014. 327 с. Доступно по: URL: https://vk.com/doc251154640_437015831?hash=sCZ4hK2UdfHg9wUByVXIDbi7SQeU6o5ydZrXk7GdHP&dl=nSdYhn6FKs3OtzBNGoWo36wtqm3s4XG7nfDyPRzUyr0 (дата обращения: 13.10.2022).

Школьникова Н.А. Стеклянные украшения конца I тысячелетия н.э. на территории Поднепровья // СА. 1978. №1. С. 97–104.

Щапова Ю.Л. Очерки истории древнего стеклоделия (по материалам долины Нила, Ближнего Востока и Европы). М.: МГУ, 1983. 200 с.

Щапова Ю.Л. Византия и Восточная Европа. Направление и характер связей в IX–XII вв. (по находкам стекла) // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. К XVII международному конгрессу византистов / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М.: МГУ, 1991. С. 155–177.

Щапова Ю.Л. Византийское стекло. Очерки истории. М.: Эдиториал УРСС, 1998. 288 с.

Информация об авторе:

Русланова Рида Раисовна, кандидат исторических наук, заведующий отделом археологии, Национальный музей Республики Башкортостан (г. Уфа, Россия); ridushka@mail.ru

REFERENCES

Akbulatov, I. M., Garustovich, G. N. 2017. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 17, 50–56 (in Russian).

Alekseeva, E. M. 1970. In Kolchin, B. A., Sher, Ya. A. (eds.). *Statistiko- kombinatornye metodi v arkheologii (Statistical and Combinatorial Methods in Archaeology)*. Moscow: “Nauka” Publ., 59–82 (in Russian).

Alekseeva, E. M. 1978. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ia (Ancient Beads of Northern Pontic Region)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) GI-12/2. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Psyanchin, A. V., Savel'ev, N. S. (comp.). 2020. *Arkheologicheskaya ekspeditsiya Yakty-Kul' – Kusimovo «Severnye amury»: nauchnye issledovaniya i Shkol'nyy lektoriy (Archaeological expedition in Yakty-Kul' – Kusimovo "Northern Cupids": scientific research and school lecture-hall)*. Ufa: “Informreklama” Publ. (in Russian).

Bezborodov, M. A. 1959. In Rybakov, B. A. (ed.). *Ocherki po istorii russkoi derevni X–XIII vv. (Sketches on History of the Russian Village of 10th – 13th Centuries)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 33. Moscow: “Sovetskaia Rossiia” Publ., 225–233 (in Russian).

Botalov, S. G. 2018. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 13–34 (in Russian).

Valiulina, S. I. 1996. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletia n.e. (voprosy khronologii) (Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I Millennium AD (Issues of Chronology))*. Samara: Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin, 134–147 (in Russian).

Galibin, V. A. 2021. *Sostav stekla kak arkheologicheskii istochnik (Glass Composition as an Archaeological Source)*. Saint Petersburg: “Peterburgskoe Vostokovedenie” Publ. (in Russian).

Goldina, E. V. 2010. *Busy mogil'nikov nevolinsko kul'tury (konets IV–IX vv.) (Beads from the Nevolino Culture Burial Grounds (Late 4th – 9th Centuries))*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 6. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

Dovgalyuk, N. P. 2007. In Malyshev, A. A. (ed.). *Yugo-Vostochnaya periferiya Bospora v ellinisticheskoe vremya: po materialam Raevskogo nekropolya (The South-Eastern periphery of the Bosphorus in Hellenistic period: based on the materials of the Raevskaya necropolis)*. Series: Nekropoli Chernomor'ya (Necropolis of the Black Sea region). 1. Moscow: “Grif i K” Publ., 177–226 (in Russian).

Kotov, V. G., Savelev, N. S. 2007. In Lopatin, N. V. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 2005 g. (Archaeological Discoveries in 2005)*. Moscow: “Nauka” Publ., 377–380 (in Russian).

Kotov, V. G., Savelev, N. S. 2007. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 6–7. Ufa: “Gilem” Publ., 12–78 (in Russian).

Kotov, V. G., Savelev, N. S., Ruslanova, R. R. 2020. In *Oriental Studies*. 13 (6). 1594–1612. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1594-1612 (in Russian).

Likhter, Yu. A., Shchapova, Yu. L. 1991. In Avdusin, D. A. (ed.). *Smolensk i Gnezdovo (k istorii drevnerusskogo goroda) (Smolensk and Gnezdovo (the History of an Ancient Russian Town))*. Moscow: Moscow State University, 244–260 (in Russian).

L'vova, Z. A. 1979. In Piotrovsky, B. B. (ed.). *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 20. Leningrad: State Hermitage Museum, 90–103 (in Russian).

L'vova, Z. A. 1980. In Piotrovsky, B. B. (ed.). *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 21. Leningrad: “Iskusstvo” Publ., 90–103 (in Russian).

L'vova, Z. A. 2000. In Kovalevskaya, V. B. *Komp'yuternaya obrabotka massovogo arkheologicheskogo materiala iz rannesrednevekovykh pamyatnikov Evrazii (Computer processing of the mass archaeological material from early medieval sites of Eurasia)*. Moscow: Pushchinsky Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 257–272 (in Russian).

Mazhitov, N. A. 1981. *Kurgany Iuzhnogo Urala VIII–XII vv. (Barrows of Southern Ural, 8th – 12th Centuries)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Mastykova, A. V. 2011. In Gaydukov, P. G. (ed.). *Steklo Vostochnoy Evropy v drevnosti, Srednevekov'e i Novoe vremya: izuchenie i restavratsiya. (Glass of Eastern Europe in the antiquity, Middle Ages and Modern era: study and conservation)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 16 (in Russian).

Ruslanov, E. V. 2019. *Beregovskiy arkheologicheskiy mikrorayon v sisteme drevnostey Yuzhnogo Urala (Beregovskiy archaeological microdistrict in the system of the Southern Ural antiquities)*. Diss of Candidate of Historical Sciences. Available at: http://www.science.vsu.ru/dissertations/7848/Диссертация_Русланов_Е.В..pdf (accessed: 13.10.2022). (in Russian).

Ruslanova, R. R. 2018. *Busy Yuzhnogo Urala po materialam nekropoley III–VIII vekov (Beads from the Southern Urals Based on Materials of the 3rd – 8th Century Necropolises)*. Ufa: Bashkirskaya entsiklopediya (in Russian).

Stolyarova, E. K. 2010. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 224, 323–333 (in Russian).

Terekhova, N. V. 2014. *Busy Srednetsninskoi mordvy kak istoricheskii istochnik (Beads of Middle Tsna River Mordovians as a Historical Source)*. Diss of Candidate of Historical Sciences. Moscow. Available at: https://vk.com/doc251154640_437015831?hash=sCZ4hK2UdftHg9wUByVXlDbi7SQeU6o5ydZrXk7GdHP&dl=nSdYhn6FKs3OtzBNGoWo36wtqm3s4XG7nfDyPRzUyr0 (accessed 13.10.2022) (in Russian).

Shkolnikova, N. A. 1978. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 97–104 (in Russian).

Shchapova, Yu. L. 1983. *Ocherki istorii drevnego steklodeliia (po materialam doliny Nila, Blizhnego Vostoka i Evropy) (Essays on the History of Ancient Glassmaking (on the Materials from the Nile Valley, the Middle East and Europe))*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Shchapova, Y. L. 1991. In Litavrin, G. G. (ed.). *Vizantiya. Sredizemnomor'e. Slavyanskiy mir. K XVII mezhdunarodnomu kongressu vizantinistov (Byzantium. Mediterranean. The Slavic world. To the XVII International congress of byzantinists)*. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 155–177 (in Russian).

Shchapova, Y. L. 1998. *Vizantiyskoe steklo. Ocherki istorii (Byzantine glass. Outline of the History)*. Moscow: “Editorial URSS” Publ. (in Russian).

About the Author:

Ruslanova Rida R., Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Archaeology, National Museum of the Republic of Bashkortostan. Sovetskaya str., 14, Ufa, 450000, Russian Federation; ridushka@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2022 г.
Статья принята к публикации 01.12.2022 г.

ГОРНОВСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ВРЕМЕНИ В ПРЕДУРАЛЬЕ: К 60-ЛЕТИЮ НАУЧНОГО ИЗУЧЕНИЯ¹

© 2022 г. Е.В. Русланов

Горновский археологический комплекс, включающий в себя селище и грунтовый могильник золотоордынского времени расположен на левобережье реки Дема в 49 км к юго-западу от г. Уфа. В этом году исполняется 60 лет с момента первых научных исследований проведенных экспедицией Г.И. Матвеевой позволивших установить расположение грунтового могильника. В дальнейшем селище и могильник исследовался разными экспедициями под руководством Г.Н. Гарустовича, Г.Т. Обыденновой и Ю.А. Морозовым. Предлагаемая статья посвящена истории археологического изучения Горновского селища и могильника, публикации отдельных категорий находок характерных для материальной культуры чияликской культуры XIII – XIV вв., выделению Горновского археологического микрорайона, являющегося составной частью Демской группы памятников чияликской культуры, а также попытке локализовать территорию кочевания позднесредневековых номадов в долине Демы с которыми, по всей видимости, связано возведение каменных мавзолеев известных вблизи п. Чишмы.

Ключевые слова: археология Золотой Орды, мавзолеи, номады, чияликская культура, селища, археологический микрорайон.

GORNOVO ARCHAEOLOGICAL COMPLEX OF THE GOLDEN HORDE TIME IN THE CIS-URALS: TO THE 60TH ANNIVERSARY OF SCIENTIFIC STUDY²

E. V. Ruslanov

The Gornovo archaeological complex, that includes a settlement and an burial ground without mounds of the Golden Horde period, is located on the left bank of the Dyoma river, 49 km south-west of Ufa. This year marks the 60th anniversary of the first scientific studies conducted by the archaeological team of G.I. Matveyeva, that allowed her to identify the location of the burial ground without mounds. Later, the settlement and the burial ground were explored by various expeditions led by G.N. Garustovich, G.T. Obydennova and Yu.A. Morozov. The article deals with the history of the archaeological study of the Gornovo settlement and burial ground, the publication of certain categories of finds typical for the material culture of the Chiyalik culture of the XIII – XIV centuries, the allocation of the Gornovo archaeological micro-region, that is a part of the Dyoma group of the Chiyalik culture sites, as well as to an attempt to localize a territory of the Late Medieval nomads roaming for pasture in the Dyoma river valley. The construction of stone mausoleums near Chishma, apparently, are associated with these nomads.

Keywords: archaeology of the Golden Horde, mausoleums, nomads, Chiyalik culture, archaeological settlement, archaeological micro-region.

Предуралье представляет собой всхолмлённую равнину, нарушенную отдельными поднятиями и прорезанную долинами крупных рек – Белой и Уфы и их многочисленными притоками (Ик, Дёма, Урашак, Чермасан,

Кармасан и др.) (Турикешев, Данукалова, Кутушев, 2016, с. 13).

На данный момент на этой территории выявлено 166 памятников чияликской культуры, 6 кладов, 3 одиночных погребения, 1

1 Статья подготовлена по теме: «Социокультурные процессы на Евразийском пространстве с древнейших времен до современности» госзадания Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской Академии наук на 2022 год. Представлена в качестве доклада на Международной научно-практической конференции «Кочевые цивилизации средневековой Евразии» (II Мажитовские чтения), г. Уфа, 2-5 декабря 2022 г.

2 The article on the topic: "Social and cultural processes in the Eurasian space from ancient times to the present" was prepared according to the state task of the Order of the Badge of Honour Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center RAS for 2022. Presented at the International scientific and practical conference "Nomadic civilizations of Medieval Eurasia" (II Mazhitov's Readings), Ufa, December 2-5, 2022.

случайная находка, 36 грунтовых могильников, 20 городищ, 1 стоянка, 2 местонахождения и 97 селищ, датируемых пред- и золотоордынским временем (XII–XIV в.). Среди этого многообразия чияликских памятников выделяются 3 каменных мавзолея, 8 кочевнических погребений и курганных могильников, 9 кладбищ с каменными надгробиями и 24 памятника чёрной металлургии этого же времени (Гарустович, 2015, с. 181–198).

В этом году, ровно 60 лет назад археологическая экспедиция Башкирского государственного университета под руководством Г.И. Матвеевой провела первые научные исследования на ныне известных позднесредневековых чияликских памятниках у с. Горный Чишминского района Республики Башкортостан. Входящие в комплекс памятники (Горновское селище, могильник и стоянка) расположены в 0,5–1,1 км к северу–северо-западу от с. Горново (старое название Кумыспром), на задернованной и частично залесенной террасе левого берега р. Дёмы. Высота террасы от уровня воды в реке 4,2–4,5 м. Южная часть памятника разрушается разливами р. Дёмы (рис. 1).

Справедливости ради стоит отметить, что сведения об археологических памятниках вблизи с. Горный были известны ещё с 1930 г. Информация о могильнике, доступная заведующему отделом археологии Башкирского центрального краеведческого музея М.И. Касьянову (Воробьёва, 2021, с. 69–80), была использована Б.А. Койшевским при составлении картотеки памятников археологии Южного Урала и Прикамья (Койшевский, 1945; 1948; Лебедев, 2018, с. 119–124). В последующем сведения из картотеки Б.А. Койшевского опубликованы И.А. Талицкой в материалах к археологической карте бассейна р. Камы, причём дважды: как Кара-Якуновский (№ 410) и Чишминский (№ 412) могильники, с различными топографическими привязками.

Для сравнения приведём цитату из описания памятника под № 410: «*Кара-Якуновский могильник. Кара-Якунова, деревня Чишминского р-на Башкирской АССР (б. Уфимская губ.), р. Дема – левый приток р. Белой. Табл. II; X-16; 54°20'; 55°00'. Близ деревни, недалеко от совхоза Кумыспрома, по сообщению М.И. Касьянова, находится могильник*», и могильника под № 412: «*Чишминский могильник. VI–IX вв. (?). Чишмы, станция Чишминского р-на Башкирской АССР (б. Уфимская губ.), левый берег р. Демы – левого притока р. Белой. Табл. 6, II; X-16; 54°20'; 55°00'.*

Близ станции, в непосредственной близости от совхоза Кумыспрома, по сообщению М.И. Касьянова, находится могильник». Как видно, между описаниями памятников есть только одно тождество – оба они расположены в одной координатной сетке и точно привязаны к совхозу Кумыспром. В реальности же по этим описаниям памятник найти практически невозможно.

С этими трудностями, скорее всего, столкнулся и разведочный отряд Г.И. Матвеевой в составе С.М. Васюткина и М.Ш. Резяпова. 10 июня 1962 г. ими был целенаправленно осмотрен левый берег р. Дёмы, где, по сообщениям местных жителей, река ежегодно вымывала человеческие костяки. Предположительно в месте обнаружения костей был заложен разведочный шурф 2×2 м, в верхних слоях которого был выявлен скелет человека, лежавший на спине, головой на запад, со сложенными на груди руками, без вещей. Ниже костяка найдена керамика срубной культуры. Памятник получил название Горновское (Кумыспромовское) селище (Матвеева, 1962, с. 16–17, рис. 25). После работ Г.И. Матвеевой в районе с. Горный было отмечено два памятника: Чишминский могильник VI–IX в. н. э. и Горновская стоянка (первоначально селище) срубной культуры (Археологическая карта Башкирии, 1976, с. 100–101, № 731, 742).

Повторное возвращение к работам на левобережье Дёмы связано с именем известного уфимского археолога Г.Н. Гарустовича и возглавляемой им совместной экспедиции Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН и Стерлитамакского государственного педагогического института (рук. В.А. Иванов). Знакомство с отчётной документацией, полевыми записями и диссертационным исследованием Г.Н. Гарустовича приводит к мысли, что, прибыв на место, он до конца не понимал точного расположения Горновской стоянки. Тем более он не знал того места, где Г.И. Матвеевой в 1962 г. был заложен шурф, что собственно отразилось и в плане памятника 1993 г., на котором рядом с предполагаемым шурфом 1962 г. стоит знак вопроса. В отчёте это отдельно не обговаривалось, но, по всей видимости, работы начались с тщательного осмотра и зачисток осыпи берега от предполагаемого места расположения Горновской стоянки и далее в восточном направлении в сторону моста через р. Дёму. Наши предположения основываются на том, что в отчёте Г.И. Матвеевой нет сведений о находках средневековых материалов, но уже в

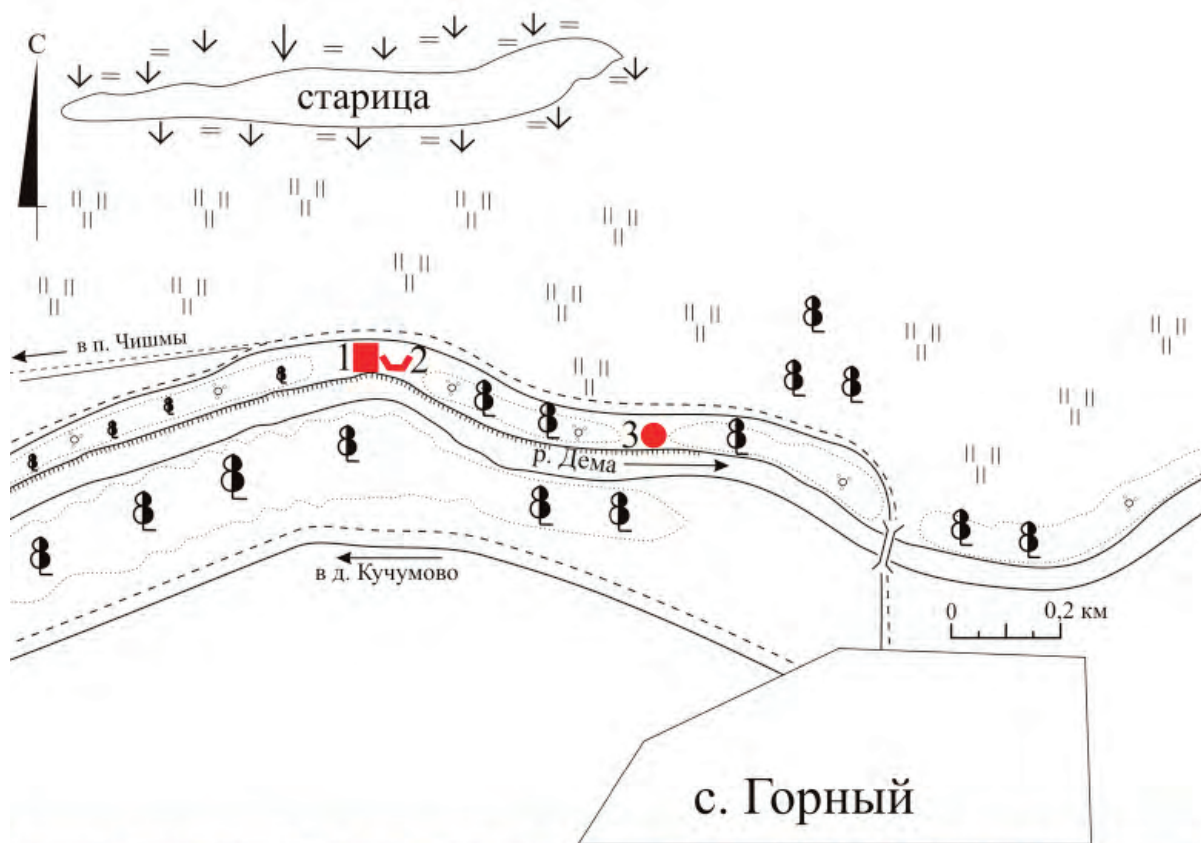

Рис. 1. Горновский комплекс памятников. 1 – Горновская стоянка (эпоха бронзы);
 2 – Горновский грунтовый могильник; 3 – Горновское селище. Фото – площадка Горновского селища.
Fig. 1. The Gornovo complex of archaeological sites. 1 – Gornovo site (Bronze Age);
 2 – Gornovo burial ground without mounds; 3 – Gornovo settlement. Photo – the Gornovo settlement area.

отчёте Г.Н. Гарустовича можно найти данные, что Горновскую стоянку (с материалами эпохи бронзы и перекрывшим их поздним могильником) и Горновское селище (однослойный позднесредневековый памятник) разделяет

расстояние в 0,4 км. Если наши предположения верны, то заслуга в открытии Горновского селища – реперного чиялыкского памятника для территории Предуралья – принадлежит Г.Н. Гарустовичу, этого факта также нет ни

в отчёте, ни в своде памятников археологии, изданном в 1996 г. (История культуры Башкортостана, 1996, с. 147).

Г.Н. Гарустовичем был заложен раскоп по краю обрыва берега р. Дёмы, общая исследованная площадь составила 369 кв. м. Находки представлены железным, чугунным, керамическим инвентарём, в том числе поливной керамикой (рис. 2: 5, 7, 15; 3: 15, 16, 17), остеологическим материалом. На Горновском селище был выявлен ряд объектов: 7 зольников, 24 хозяйственные ямы и очага, 47 столбовых ям и 14 различных сооружений (Гарустович, 1995). Большинство сооружений имеет в центре зольник или хозяйственную яму, некоторые из них окружены по периметру столбовыми ямками, составляя единые объекты. Очаги и хозяйственные ямы имели овальную или округлую форму, часто неправильную. Стенки ям, как правило, прямые и были скошены в сторону днища. Глубина ям различная, в пределах от 0,18 до 1,27 м. Заполнение состояло из смеси золы, угля, гумуса и гумусированной супеси. В ямах встречались кости животных, фрагменты керамики, индивидуальными находками, обломки песчаника.

В 2005 г. памятник исследовался экспедицией Башкирского государственного педагогического университета под руководством Г.Т. Обыденновой. В раскопе площадью 128 кв. м выявлено 4 хозяйственные ямы размером от 0,13×0,1 м до 1,05×2,64 м и глубиной от 0,09 до 0,71 м. В ходе раскопок получена представительная коллекция керамического материала, бронзовых, костяных изделий, фрагментов чугунных котлов и поливной керамики (рис. 2: 1–3, 6–14). Таким образом, общая вскрытая площадь Горновского селища за два полевых сезона (1994 и 2005 г.) составляет 497 кв. м (Обыденнова, 2006).

Данные, полученные с Горновского селища, позволяют судить о планировке и расположении жилищ и хозяйственных объектов на площадках синхронных чияликских поселений. В нашем распоряжении имеются сведения как с самого Горного, так и с Игимского, Подымаловского, Карповского, Тукмак-Карановского, Казакларовского, Меллятамакского VI, Ябалаклинского I селищ и Старо-Нагаевской II стоянки. Известные чияликские селища всегда размещались вблизи водных источников, крупных рек или озёр, у места впадения ручьёв, часто для организации поселения выбирались низменные, пойменные места. Это объясняется необходимостью в удобном подходе к воде, а также наличием

богатого травостоя, важного элемента в полукочевом, скотоводческом хозяйстве. Селища располагались на первых надпойменных террасах (*Горново, Чиялик, Новые Ябалаклы I и 2, Нижнехозятово 2 и 3, Ябалаклы I, Карпово, Тукмак-Каран, Подымало I, II Минниарово и др.*), на останцах коренных террас и дюнах в поймах рек (*Игимское, I Татарско-Азибейское, Белозерское, Меллятамакское VI селища, I Минниаровское поселение и др.*), на береговых линиях старичных озёр (*Старо-Нагаевская II стоянка, местонахождение на I Суюндуковской стоянке*), на высоких мысовидных выступах коренных террас (*Казакларово, Кармасан, Чиммы I и др.*).

В количественном отношении преобладают памятники, занимающие первые террасы крупных рек, непосредственно над урезом воды (Кзаков, 1978, с. 42–49; Кзаков, Чижевский, Лыганов, 2016, с. 219–243; Гарустович, 1998; 2015, с. 181–198; Русланов, 2019, с. 362–364; 2020, с. 393–395; 2021, с. 101–109; Вальков, Русланов, Семин и др., 2020, с. 120–133; Тузбеков, 2021, с. 157–165).

В общей сложности при раскопках чияликских селищ на территории Южного Предуралья выявлено 7 зольников (*Горново*) овальной и округлой формы, мощностью 5–15 см, размером от 0,32 до 1,64×0,2 до 1 м. Около 20 теплотехнических сооружений (очагов и кострищ) (*Горново, Казакларово, Карпово, Подымалово и Меллятамак IV*) овальной и округлой формы, размеры которых варьируют от 0,7 до 2,25×0,5–1,7 м, очаги углублены в материк на 0,2–1,05 м. С ведением хозяйственной деятельности в границах селищ связаны следы 35 крупных ям (*Горново, Игимское, Старо-Нагаево II, Карпово, Тукмак-Каран, Подымалово, Меллятамак VI*) овальной, округлой формы. Округлые хозяйственные ямы имели диаметр от 0,3 до 0,65 м и глубину от 0,27 до 0,4 м, овальные вытянуты в длину от 0,33 до 4,1×0,22–2 м углублены от 0,18 до 1,27 м. Ямы имели прямые, отвесные стенки, обшитые деревянными плахами, ровное дно, сверху над ямами в качестве навесов могли быть сооружены лёгкие наземные сооружения каркасно-столбового типа (*Старо-Нагаево II, Тукмак-Каран, Подымалово, Горново, Меллятамак VI*). На двух селищах (*Ябалаклы I, Горново*) раскопано 2 печи длиной 4,7–4,8 м и шириной от 1,5 до 2–2,5 м, обложенные крупными песчаниковыми плитами; эти теплотехнические сооружения, во избежание пожара, вынесены за пределы жилой части поселений. На чияликских селищах выявлено

Рис. 2. Горновский комплекс памятников. 1–3, 5–15 – вещевой комплекс с Горновского селища; 4 – дирхам хана Джанибека найденный вблизи мавзолея Тура-хана; 16 – тесло-мотыжка с могильника Кордон Миассово 1. 1–3, 6, 8–14 – раскопки Г.Т. Обыденновой; 5, 7, 15 – раскопки Г.Н. Гарустовича.

Fig. 2. The Gornovo complex of archaeological sites. 1–3, 5–15 – archaeological finds from the Gornovo settlement; 4 – dirhams of Khan Janibek found near the mausoleum of Tura Khan; 16 – chisel-hoe from the Kordon Miassovo 1 burial ground; 1–3, 6, 8–14 – excavation by G.T. Obydennova; 5, 7, 15 – excavation by G.N. Garustovich.

два типа жилых сооружений. К первому относятся 10 изученных круглоплановых юртообразных построек (*Горново*, *Тукмак-Каран*), диаметром от 1,5 до 5 м, в каждой юрте был обустроен очаг и иногда хозяйственная яма, основание жилища могло быть обложено по контуру камнем (*Тукмак-Каран*). Ко второму типу относятся 4 постройки подквадратной или подпрямоугольной формы (*Горново*, *Меллятамак VI*), иногда с тамбуром (*Горново*) размером не более 4,5×3,5 м, по контуру строений прослежены крупные столбовые ямы, песчаниковые или известняковые каменные плиты. В итоге можно сделать вывод о расположении чияликских селищ, как правило, в долинах рек и по берегам озёр, на них отмечаются единичные стационарные подквадратные и подпрямоугольные тамбурные постройки и переносные юрты, расположенные вытянуто группами вдоль края террасы реки (*Горново*, *Тукмак-Каран*), а также лёгкие каркасно-столбовые постройки-наве-

сы, хозяйственные ямы, крупные печи, очаги и зольники.

Кроме селища, как уже отмечалось, в Горновский комплекс памятников входит грунтовый могильник, погребения которого были исследованы Г.И. Матвеевой в 1962 г. (4 кв. м, 1 погребение), в 1994 г. – Г.Н. Гарустовичем (230 кв. м, 28 погребений), в 2003 г. – Ю.А. Морозовым (64 кв. м, 4 погребения) (Морозов, 2004). Всего за эти годы было исследовано 33 погребения, вскрыто 298 кв. м. Погребальный обряд унифицирован. Могильные ямы прямоугольные или овальные, простые. Ориентировка костяков – западная, череп слегка развёрнут на правый висок, лицом к югу (в сторону Мекки). Покойные лежали вытянуто на спине, иногда с мелким разворотом тела на правый бок. Руки согнуты в локтевых суставах и уложены на уровне пояса покойного. Ноги вытянуты и скрещены в районе ступней. Умершие лежали в гробовищах, изготовленных из плах в виде прямоугольных ящиков с

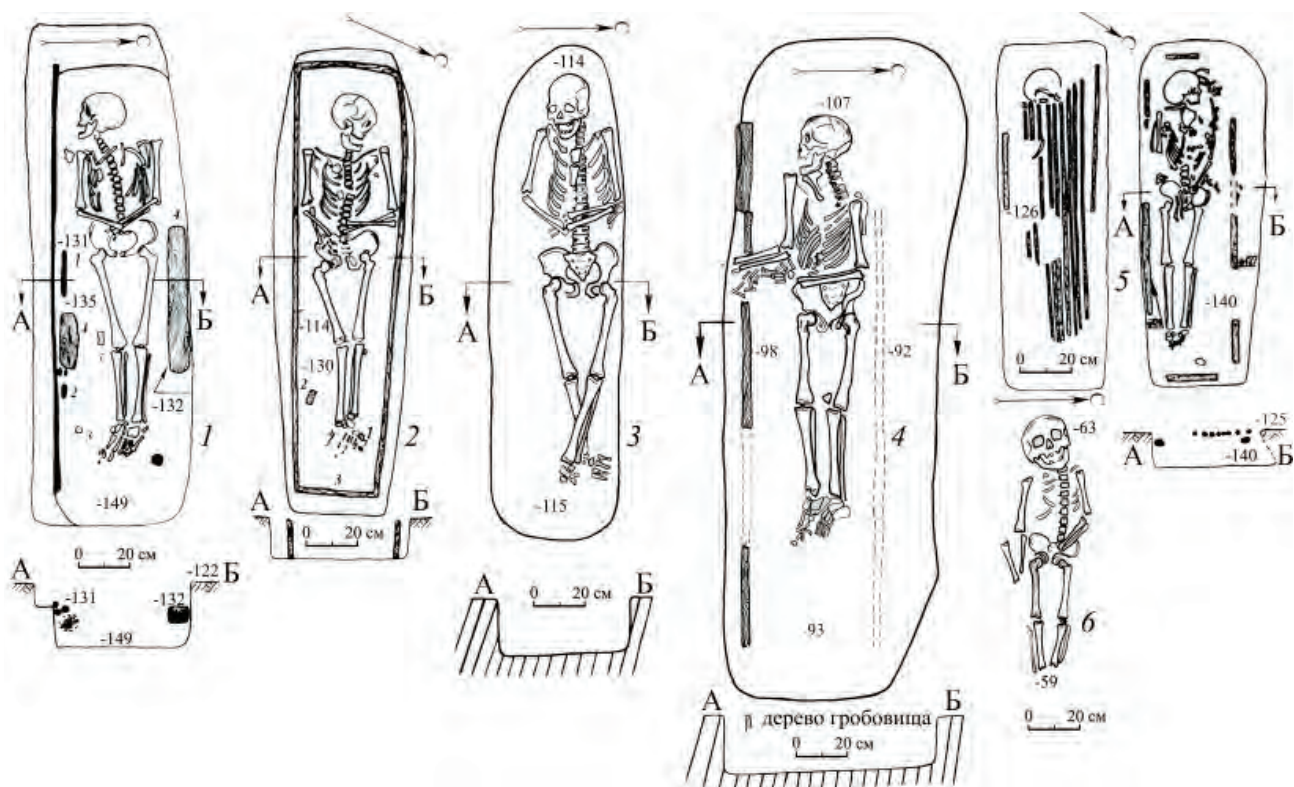

Рис. 3. Горновский грунтовый могильник. Некоторые погребения. 1 – погребение 23; 2 – погребение 12; 3 – погребение 30; 4 – погребение 31; 5 – погребение 18; 6 – погребение 32. 1, 2, 5 – раскопки Г.Н. Гарустовича (1994 г.); 3, 4, 6 – раскопки Ю.А. Морозова (2003 г.).

Fig. 3. The Gornovo burial ground without mounds. Some burials. 1 – burial №23; 2 – burial №12; 3 – burial №30; 4 – burial №31; 5 – burial №18; 6 – burial №32. 1, 2, 5 – excavation by G.N. Garustovich (1994); 3, 4, 6 – excavation by Yu.A. Morozov (2003).

крышкой, но без дна. Практически все захоронения не имели вещей. Погребальный обряд могильника типичен для раннемусульманских некрополей XIII–XIV в. (Такталачукский, Азметьевский I, Казакларовской и т. д.). Основной исследователь памятника Г.Н. Гарустович приходит к однозначному выводу, что могильник связан с Горновским селищем.

Таким образом, Горновский археологический комплекс золотоордынского времени представляет собой связанные между собой памятники: селище и могильник, датируемые по вещевому инвентарю, по всей видимости, второй половиной XIV в., оставленный полукочевым чиялыкским населением.

Все чиялыкские селища среднего течения р. Дёмы расположены по обоим берегам реки, чаще по левому, иногда занимают возвышенные участки останцев или дюн в пойме. На данный момент в результате практически ежегодных работ комплексной Золотоордынской экспедиции ИИЯЛ УФИЦ РАН их количество увеличилось до 9, кроме известных Горновского, Нижнехозятовского, Кучумовского-3 выявлены селища Чишмы-1, Ябалаклы-1, Новые Ябалаклы 1 и 2, Нижнехозятово

2 и 3, которые вместе с грунтовыми могильниками (Горновский, Караякуповский, Нижнехозятовский) можно объединить в Горновский археологический микрорайон речного долинного типа (рис. 5: 3). Памятники микрорайонов подобного типа расположены в удобных долинах рек, по берегу. Как правило, у таких микрорайонов не выделяется чётких территориальных границ (Русланов, 2019). Размеры микрорайона невелики 20×3 км, всего около 60 кв. км, он является составной частью Дёмской группы памятников чиялыкской культуры (рис. 5: 2) (Гарустович, 1998, с. 127).

Горновское селище, как наиболее изученный памятник микрорайона, в целом характеризует чиялыкские памятники поселенческого типа в Приуралье, этому не противоречат данные с изучаемых селищ Ябалаклы-1, Подымалово-1, Меллятамак VI, Игимское и др. В качестве надёжного источника для датирования селищ выступает вещевой комплекс с разработанной классификацией и типологией, к таким хронологическим маркерам относятся бусы, железные наконечники стрел, стремена, а также гончарная и поливная посуда, чугунные котлы, особняком стоят монеты,

Рис. 4. Некоторые датирующие находки с чияликских селищ Предуралья. 1, 4, 6 – Ябалаклы 1; 2, 7, 8 – Подымалово 1; 3, 15, 16 – Горново; 5 – Семюстровское I; 9, 10 – Меллятамак VI; 11, 12 – Ново-Какрыбашевская стоянка; 13, 17 – Тукмак-Каран; 14 – Баскуль VI; 18 – Юнусовское. 1, 4, 6 – раскопки автора; 2, 7, 8 – по: Тузбеков, 2021; 3, 15, 16 – по: Гарустович, 1995; 5, 11–14, 17, 18 – по: Гарустович, 1998; 9, 10 – по: Казаков, Чижевский, Лыганов, 2016.

Fig. 4. Some dating finds from the Chiyalik settlements of the Cis-Urals. 1, 4, 6 – Yabalakly 1 settlement; 2, 7, 8 – Podymalovo 1 settlement; 3, 15, 16 – Gornovo settlement; 5 – Semiostrovo I settlement; 9, 10 – Mellyatamak VI settlement; 11, 12 – Novo - Kakrybashevo site; 13, 17 – Tukmak-Karan settlement; 14 – Baskul VI settlement; 18 – Yunusovskoe settlement. 1, 4, 6 – excavation by the author; 2, 7, 8 – by: Tuzbekov, 2021; 3, 15, 16 – by: Garustovich, 1995; 5, 11–14, 17, 18 – by: Garustovich, 1998; 9, 10 – by: Kazakov, Chizhevsky, Lyganov, 2016.

сами по себе несущие важную датирующую информацию (рис. 4).

На селищах встречаются бусы округлые из полупрозрачного синего и голубого стекла (*селища Кармасан, Игимское III, Батраковское, Кумлекуль, Ново-Какрыбашевская стоянка*), полосчатые бусы с орнаментом в виде накладных линейно-волнистых пасто-

вых нитей (*Меллятамак VI*), датирующиеся в пределах XIII–XIV в. В слоях некоторых памятников найдены обломки чугунных котлов, наконечники стрел различных типов (срезни, плоские ромбические черешковые с упором и без), датируемые XIII–XIV в. (*Тукмак-Каран, Горново, Ябалаклы 1, Подымалово 1*). Датирующим выступает тесло-

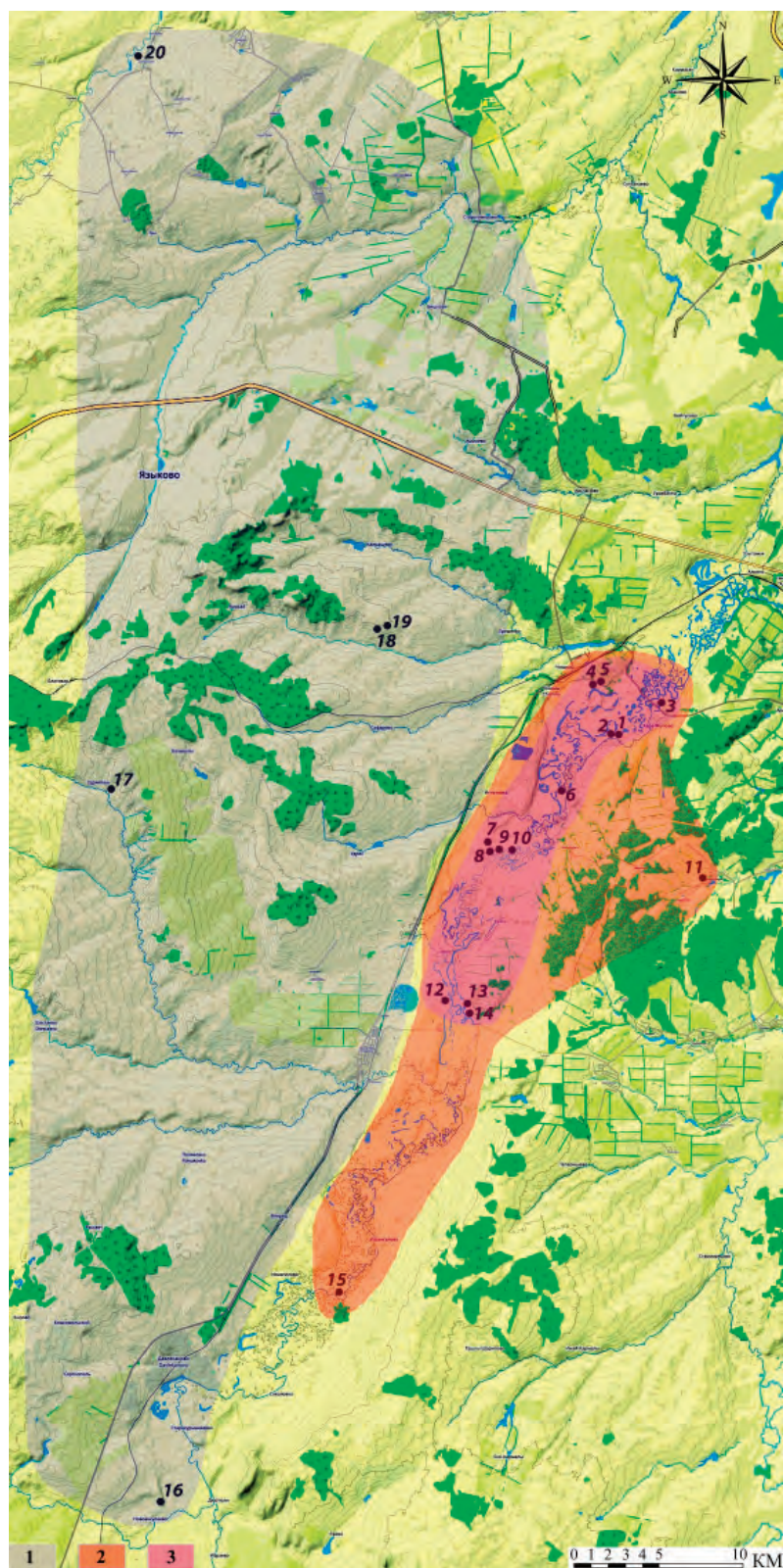

Рис. 5. Памятники золотоордынского времени в бассейне р. Дема. На карте цветом обозначены: 1 – территория кочевания позднесредневековых номадов в долине р. Демы; 2 – границы Демской группы памятников чияликской культуры по Г.Н. Гарустовичу; 3 – границы Горновского археологического микрорайона. Памятники, указанные на карте: 1 – Горновское селище; 2 – Горновский грунтовый могильник; 3 – Кара-Якуповский грунтовый могильник; 4 – Чишмы-1, селище; 5 – Мавзолей Хусейн-бека; 6 – Кучумово-3, селище; 7 – Нижнехозятовское селище; 8 – Нижнехозятовский грунтовый могильник; 9 – Нижнехозятово-2, селище; 10 – Нижнехозятово-3, селище; 11 – Новотроицкий грунтовый могильник; 12 – Ябалаклы-1, селище; 13 – Новые Ябалаклы-1, селище; 14 – Новые Ябалаклы-2, селище; 15 – Калиновка-4, стоянка и грунтовый могильник; 16 – Аккулаевский курган; 17 – Удрякбашевский курган; 18 – Мавзолей «Малый кешене»; 19 – Мавзолей Тура-хана; 20 – Сынтыштамакский могильник.

Fig. 5. Archaeological sites of the Golden Horde time in the Dyoma river basin. The color indicates on the map: 1 – the territory of the Late Medieval nomads roaming for pasture in the Dyoma river valley; 2 – the borderlines of the Dyoma group of the Chiyalik culture sites according to G.N. Garustovich; 3 – the borderlines of the Gornovo archaeological micro-region. Archaeological sites on the map: 1 – Gornovo settlement; 2 – Gornovo burial ground without mounds; 3 – Kara-Yakupovo burial ground without mounds; 4 – Chishmy-1 settlement; 5 – Mausoleum of Huseyn bek; 6 – Kuchumovo-3 settlement; 7 – Nizhnehozyatovo settlement; 8 – Nizhnehozyatovo burial ground without mounds; 9 – Nizhnehozyatovo-2 settlement; 10 – Nizhnehozyatovo-3 settlement; 11 – Novotroitsky burial ground without mounds; 12 – Yabalakly-1 settlement; 13 – Novye Yabalakly-1 settlement; 14 – Novye Yabalakly-2 settlement; 15 – Kalinovka-4 station and burial ground; 16 – Akkulaevo barrow; 17 – Udryakbashevo barrow; 18 – Mausoleum "Maly keshene"; 19 – Mausoleum of Tura Khan; 20 – Syntyshtamak burial ground.

мотыжка с Горновского селища (рис. 2: 15), близкое по форме изделие происходит из чияликского погребения 1 могильника Кордон Миассово 1, с которого по C^{14} : Le-10990: 660 ± 70 BP, 1σ : 1270–1330, 1340–1400 AD, 2σ : 1220–1420 AD ($\delta^{13}C - 18,6\%$, $\delta^{15}N - 13,1\%$) получена дата во временном интервале со второй четверти XIII по начало XV в. (Шорин, Шорина, Зыков, 2019, с. 63–70). Стоит отметить, что это пока первая радиоуглеродная дата для чияликской культуры. В целом она согласуется с данными синхронных памятников макушинского типа (могильники Кордон Миассово 1, Большеказакбаевский 2, городищ Папское и Прыговское), которые не выходят за пределы XIII–XIV в., вероятно с заходом в первые десятилетия XV в. (Корякова, Ражев, Ковригин и др., 1999, с. 73–89; Морозов, Ковригин, 1999, с. 65–71; Матвеева, Третьяков, Зеленков, 2020, с. 43–52; Матвеева, Зеленков, Третьяков и др., 2020, с. 31–48; Третьяков, 2022, с. 300–303).

По всей видимости, XIV в. датируются гончарные красноглиняные корчаги, серединой XIV в. – поливная кашинная посуда, произведённая в золотоордынских городах Нижнего Поволжья (*Тукмак-Каран, Горново, Ябалаклы 1, Подымалово 1 и др.*). Даты дирхамов и пулов, битых в Сарай ал-Махруса, Сарай ал-Джедиде, Хорезме, Гюлистане, Азаке, с памятников Башкирии, не выходят за пределы конца второй половины XIV в. Самый поздний из известных дирхамов отчеканен в Сарай ал-Джедиде в 1375–1376 гг. при хане Джанибеке III (*Брик-Алга*). В этот же отрезок укладывается дата с дирхама, битого в 746 г. х. при хане Джанибеке, найденного местным краеведом А. Хайбуллиным вблизи мавзолея Тура-хана (15 км к северо-западу от Горновского селища) (рис. 2: 4). Вероятно, этим временем можно датировать работы по сооружению мавзолея Тура-хана, что ещё раз подтверждает слова Г.Н. Гарустовича о его строительстве во второй половине XIV в. Таким образом, золотоордынский этап существования чияликских селищ на территории

Предуралья надёжно датируется началом – концом второй половины XIV в.

Выводы. Население, оставившее памятники с чияликской керамикой, не могло и не существовало в культурном вакууме, являясь своеобразной «варварской вуалью» на границах Булгарского улуса Золотой Орды; оно, вероятно, в определённой роли участвовало в меновых операциях, отсюда выпадение в культурных слоях бытовых и погребальных памятников привозных вещей. Но, кроме собственно носителей керамики чияликского типа, территорию Предуралья занимали кочевники, по мнению К.А. Руденко, составлявшие единый этнокультурный комплекс кипчакского населения в улусе (Руденко, 2013, с. 189–211). Видимо, именно с номадами связано появление каменных мавзолеев вблизи п. Чишмы (Хусейн бека, Тура-хана, Малый кешене); особенно это касается мавзолея Тура-хана, само расположение которого типично для организации курганных могильников. Симптоматично, что, по мнению ряда исследователей, все крупные мавзолеи Южного Урала сооружались для кочевой знати (Тептяри, Троицкий, Бэндэбикэ и др.) (Русланов, 2022, с. 106–113; Харламов, 2018, с. 193–196; Матюшко, 2011, с. 146–155). С той лишь разницей, что мавзолеи в улусе Шибана возведены из квадратных или прямоугольных обожжённых кирпичей, лесостепные же усыпальницы сооружались из природного камня, что отражает, как справедливо отмечал Г.Н. Гарустович, различие архитектурных школ (Гарустович, 2012, с. 126–136; Боталов и др., 2019), не отменяя первопричины их появления, а именно запрос со стороны кочевой элиты.

Возможно, фактором плотного заселения чияликскими группами среднего течения р. Дёмы, а также причиной возведения здесь трёх известных на данный момент мавзолеев, являлось существование на этой территории в XIV в. кочевой ставки, либо центра кочевья. Этому не противоречит и близкое расположение исследованных позднекочевнических

погребений из могильника Удрякбаш, находящегося на коренной террасе левого берега р. Большой Удряк в 19 км к югу–юго-западу от мавзолея Тура-хана (Овсянников, Юсупов, 2004, с. 283–285), Сынтыштамакских курганов, расположенных на правом берегу р. Чермасан в 36,5 км к северу–северо-западу от мавзолея (Васюткин, 1967, с. 121–123), к этой же группе относится Аккулаевский курган, находившийся на высоком левом берегу речки Тюлянь (левый приток Дёмы) в 54 км к югу от каменных усыпальниц (Мажитов, 1969; Агеев, Мажитов, 1970, с. 170–171). В целом расстояния от известных курганов до мавзолея Тура-хана не превышает 1–2 конных перехода. Таким образом, размер кочевья, опираясь на известные памятники, составляет 30×90 км, т. е. около 2 700 кв. км, мавзолеи находятся практически в его центре (рис. 5: 1). Кочевое население проникало сюда одним из «языков» «Дёмско-Бельского степного коридора» (Савельев, 2014, с. 191–206), р. Дёма в своём верхнем и среднем течении пересекает Бугульминско-Белебеевскую возвышенность, обходя её со стороны Стерлибашевско-Фёдоровской возвышенности Общего Сырта, создавая относительно широкую

долину с большим количеством водотоков, широких пойм и заливных лугов.

Отметим, что мавзолеи появились в момент перехода кочевников в новую веру, о чём ярко свидетельствуют безынвентарные погребения в курганах 17 и 18 могильника Сынтыштамак, совершённые по мусульманским канонам и датированные XIV в. (Гарустович, Иванов, 2014, с. 181–188). Тем не менее, прямых связей либо контактов между кочевниками и коллективами, оставившими памятники чияликской культуры, на материалах селищ Предуралья мы пока не видим. Возвращаясь к Горновскому селищу, стоит отметить, что имеющиеся на данный момент публикации (Рязанов, Гарустович, 2007, с. 185–190; Обыденнова, Иванов, Шутелева и др., 2007, с. 306–311; Обыденнова, Шутелева, Щербаков, 2008, с. 76–83) в полной мере не отражают всего научного потенциала памятника, являющегося по сути реперным для чияликской культуры Предуралья. Накопленный в ходе раскопок материал требует скорейшего его ввода в научный оборот в виде коллективной монографии, работа по её написанию уже ведётся.

Благодарности:

Выражаю искреннюю благодарность д.и.н. Г.Т. Обыденновой и к.и.н Ю.А. Морозову за возможность использовать неопубликованные материалы. Благодарю м.н.с. отдела археологических исследований ИИЯЛ УФИЦ РАН С.Ю. Николаева за помощь в работе с иллюстративным материалом.

Благодарю за консультации к.и.н. И.В. Волкова (г. Москва).

Благодарю за определение Н.И. Юдина (Азовский музей-заповедник, г. Азов).

ЛИТЕРАТУРА

- Агеев Б.Б., Мажитов Н.А. Раскопки в Южной Башкирии // АО 1969 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1970. С. 170–171.
- Археологическая карта Башкирии / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: Наука, 1976. 262 с.
- Боталов С.Г., Маслюженко Д.Н., Миргалеев И.М., Парунин А.В., Русланов Е.В., Сорогин Е.И. Истоки южноуральских народов. Южный Урал в эпоху Золотой Орды (IX – начало XV века) / История Южного Урала. Т. 5. Челябинск: ЮУрГУ, 2019. 424 с.
- Вальков Д.В., Русланов Е.В., Сёмин Д.В., Фахретдинов А.И. Стоянка и грунтовый могильник Калиновка-4 – многослойный памятник в лесостепном Приуралье // УАВ. 2020. № 20. С. 120–133.
- Васюткин С.М. Сынтыш-Тамакский курганный могильник // V Уральское археологическое совещание / Ред. Я.Н. Безносиков и др. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1967. С. 121–123.
- Воробьёва С.Л. М.И. Касьянов (1895-1944) – основатель археологического отдела Национального музея Республики Башкортостан // Археология Евразийских степей . 2021. № 6. С. 69–80. DOI: <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.6.69.80>
- Гарустович Г.Н. Научный отчет об археологических работах 1994 года на территории Чишминского района Республики Башкортостан. Уфа, 1995. 186 с. // Архив ИИЯЛ УФИЦ РАН.
- Гарустович Г.Н. Население Волго-Уральской лесостепи в первой половине II тысячелетия нашей эры. Дисс. ... канд. ист. наук. Уфа, 1998. 340 с.

Гарустович Г.Н. Еще раз о датировках мусульманских кирпичных мавзолеев степной полосы Волго-Уральского региона // *Золотоордынская цивилизация*. Вып. 5 / Отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Фолиант; Институт истории им.Ш.Марджани АН РТ, 2012. С. 126–136.

Гарустович Г.Н. Чияликская археологическая культура эпохи средневековья на Южном Урале // *УАВ*. 2015. Вып. 15. С. 181–198.

Гарустович Г.Н., Иванов В.А. Материалы по археологии средневековых кочевников Южного Урала (IX–XV вв.). Уфа: Изд-во БГПУ, 2014. 328 с.

Иванов В.А., Обыденнова Г.Т., Шутелева И.А., Щербаков Н.Б. Археологические исследования поселенческого памятника эпохи позднего средневековья // *Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография*. Чтения памяти К.В. Сальникова (1900–1966) / Отв. ред. В.С. Горбунов. Уфа: Китап, 2007. С. 427–431.

История культуры Башкортостана (Комплект научных и учебных материалов) / Археологические памятники Башкортостана. Вып 6 / Отв. ред. Ю.А. Морозов. Уфа: Гилем, 1996. 280 с.

Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М.: Наука, 1978. 131 с.

Казаков Е.П., Чижевский А.А., Лыганов А.В. Меллятамакское VI селище чияликской культуры // *Поволжская археология*. 2016. № 2 (16). С. 219–243.

Кошневский Б.А. Картотека сведений об археологических памятниках Башкирии. 1945 // *Архив ИА АН СССР*.

Кошневский Б.А. Итоги археологического изучения Башкирской АССР // *Историко-археологический сборник* / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: [б/и], 1948. С. 161–170.

Корякова Л.Н., Ражев Д.И., Ковригин А.А., Шаранова С.В., Берсенева Н.А. Средневековый комплекс Большеказакбаевского 2 курганного могильника // 120 лет археологии восточного склона Урала. Первые чтения памяти Владимира Федоровича Генинга: Материалы науч. конф. Ч. 2: Новейшие открытия уральских археологов / Отв. ред. В.Т. Ковалева. Екатеринбург: Урал. унт, 1999. С. 73–89.

Лебедев А.И. Жизненный путь Бориса Андреевича Койшевского (1902–1945) // *УАВ*. 2018. Вып. 18. С. 119–124. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav.2018.18.010>.

Мажитов Н.А. Научный отчет об археологических исследованиях на территории Башкирской АССР в 1969 г. // *Научный архив Института этнологических исследований УНЦ РАН*. Ф.1. Оп.6. Ед.хр.52. 25 с.

Матвеева Г.И. Отчет археологической экспедиции БашГУ за 1962 г. // *Архив Кабинета археологии БашГУ*. Ф. КАО-3.

Матвеева Н.П., Зеленков А.С., Третьяков Е.А., Овчинников И.Ю. Хронологические комплексы раннего железного века и Средневековья в Зауралье (по материалам Папского городища) // *Вестник НГУ*. Серия: История, филология. 2020. Т. 19. № 3. С. 31–48. DOI: [10.25205/1818-7919-2020-19-3-31-48](https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-3-31-48).

Матвеева Н.П., Третьяков Е.А., Зеленков А.С. Хронология средневекового вещевого комплекса Папского городища (лесостепь Западной Сибири) // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2020. № 1 (48). С. 43–52. DOI: <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2020-48-1-5>.

Матюшко И.В. Средневековые мавзолеи в Оренбургской области // *Археологические памятники Оренбуржья*. Вып. 9 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2011. С. 146–155.

Морозов В.М., Ковригин А.А. Средневековый комплекс Прыговского городища // *III Берсовские чтения*. К 95-летию А.А. Берса и 90-летию Е.М. Берс: Материалы науч.-практ. конф. (Екатеринбург, сентябрь 1997). Екатеринбург: БКИ, 1999. С. 65–71.

Морозов Ю.А. Научный отчет о результатах археологических исследований в Чишминском районе Башкортостана в 2003 году. Уфа, 2004 // *Научный архив УФИЦ РАН*.

Обыденнова Г.Т. Отчет об исследовании Горновского селища в 2005 году. Том 1. Уфа, 2006. 123 с. // *Архив археологической лаборатории БГПУ им. М. Акмуллы*.

Обыденнова Г.Т., Иванов В.А., Шутелева И.А., Щербаков Н.Б. Археологические исследования поселенческого памятника эпохи позднего средневековья в Чишминском районе Республики Башкортостан в рамках программы «Башкирский аул XVI–XIX веков: историко-археологическое исследование» // *Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография*. Чтения памяти К.В. Сальникова (1900–1966) / Отв. ред. В.С. Горбунов. Уфа: Китап, 2007. С. 306–311.

Обыденнова Г.Т., Шутелева И.А., Щербаков Н.Б. Итоги работы археологической экспедиции БГПУ им. М. Акмуллы за последние 10 лет (1998–2008) // *Труды Камской археолого-этнографической экспедиции*. Вып. 5 / Отв. ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГПУ, 2008. С. 76–83.

Овсянников В.В., Юсупов Р.М. Золотоордынское погребение у д. Удрякбаш Елаговарского района // *УАВ*. 2004. Вып. 5. С. 283–285.

Руденко К.А. Кочевники в Булгарском улусе Золотой Орды (по данным археологии) // Поволжская археология. 2013. №2 (4). С. 189–211.

Русланов Е.В. Береговой археологический микрорайон в системе древностей Южного Урала. Дисс. ... канд. истор. наук. Уфа, 2019. 463 с.

Русланов Е.В. Разведка в Чишминском районе Башкирии // Археологические открытия 2017 года / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2019. С. 362–364.

Русланов Е.В. Стратиграфия и культурная идентификация городища Чукраклы и селища Кармасан в лесостепном Предуралье // Вестник гуманитарного образования. 2021. №1 (21). С. 101–109. DOI: 10.25730/VSU.2070.21.012

Русланов Е.В. Мавзолей Бэндэбикэ – статусный погребальный памятник с территории Улуса Шибана: история изучения и окружающий контекст // Археология Евразийских степей. 2022. № 3. С. 106–113. DOI: <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.3.106.113>

Русланов Е.В., Русланова Р.Р., Лясович В.И. Исследования памятников эпохи бронзы и средневековья в центральной Башкирии // Археологические открытия. 2018 года / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2020. С. 393–395. DOI: 10.25681/IARAS.2020.978-5-94375-326-8.393-395

Рязанов С.В., Гарустович Г.Н. Кузнечные изделия Горновского селища // УАВ. Вып. 6–7. Уфа: Гилем, 2007. С. 185–190.

Савельев Н.С. Сарматизация лесостепи Южного Приуралья: предпосылки, основные этапы, характеристики, следствия // Сарматы и внешний мир. Материалы VIII Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» (Уфа, 12-15 мая 2014 г.) / УАВ. Вып. 14 / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, Н.С. Савельев. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, Центр «Наследие», 2014. С. 191–206.

Талицкая И.А. Материалы к археологической карте бассейна р. Кама (по данным, собранным М.В. Талицким // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. IV / МИА. № 27. М.: Изд-во АН СССР, 1941. 226 с.

Третьяков Е.А. Урало-Сибирский регион в развитом средневековье (к вопросу о памятниках макушинского типа) // XXII Уральское археологическое совещание: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 300-летию первых археологических раскопок в Сибири и 85-летию со дня рождения Тамилы Михайловны Потемкиной (Курган, 21–25 ноября 2022 г.) / Отв. ред. Д.Н. Маслюженко. Курган: Издательство Курганского государственного университета, 2022. С. 300–303.

Тузбеков А.И. Кашинная керамика с селища Подымалово-1 (по результатам раскопок 2019 года) // Теория и практика археологических исследований. 2021. Т. 33. №4. С. 157–165. DOI: 10.14258/traip(2021)33(4).-09.

Турикешев Г.Т.-Г., Данукалова Г.А., Кутушев Ш.-И.Б. Южное Предуралье: география, геология, тектоника и геоморфология. М.: ИНФРА-М, 2016. 260 с.

Харламов П.В. Золотоордынские кирпичные мавзолеи западного Оренбуржья // Археология Евразийских степей. 2018. №4. С. 193–196.

Шорин А.Ф., Шорина А.А., Зыков А.П. О датировке и культурной принадлежности средневекового могильника Кордон Миассово 1 в горно-лесном Зауралье // История и современное мировоззрение. 2019. № 2. С. 63–70.

Информация об авторе:

Русланов Евгений Владимирович, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела археологических исследований, Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (г. Уфа, Россия); butleger@mail.ru

REFERENCES

Ageev, B. V., Mazhitov, N. A. 1970. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1969 goda (Archaeological Discoveries of 1969)*. Moscow: "Nauka" Publ., 170–171 (in Russian).

Bader, O. N. (ed.). 1976. *Arheologicheskaya karta Bashkirii (Archaeological Map of Bashkortostan)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Botalov, S. G., Maslyuzhenko, D. N., Mirgaleev, I. V., Parunin, A. V., Ruslanov, E. V., Sorogin, E. I. 2019. *U istokov yuzhnoural'skikh narodov. Yuzhnyy Ural v epokhu Zolotoy Ordy (IX – nachalo XV veka) (At the origins of the South Urals ethnicities. The South Urals in the epoch of the Golden Horde (IX - the beginning of the XV century))*. Series: Istoriiia Iuzhnogo Urala (History of the Southern Urals). Chelyabinsk: South Ural State University (in Russian).

- Val'kov, D. V., Ruslanov, E. V., Semin, D. V., Fakhretdinmov, A. I. 2020. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Bulletin)* 20, 120–133 (in Russian).
- Vasyutin, S. M. 1967. In Beznosikov, Ya. N. et al. (eds.). *V Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (5th Urals Archaeological Congress)*. Syvtrvkar: “Komi knizhnoe izdatel'stvo” Publ., 121–123 (in Russian).
- Vorob'eva, S. L. 2021. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 69–80 DOI: <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.6.69.80> (in Russian).
- Garustovich, G. N. 1995. *Nauchnyy otchet ob arkheologicheskikh rabotakh 1994 goda na territorii Chishminskogo rayona Respubliki Bashkortostan (Scientific report on archaeological works in 1994 on the territory of the Chishmy district of the Republic of Bashkortostan)*. Ufa. Archive of the Institute of History, Language, and Literature, Urals Scientific Center, Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Garustovich, G. N. 1998. *Naselenie Volgo-Ural'skoy lesostepi v pervoy polovine II tysyacheletiya nashey ery (The population of the Volga-Urals forest-steppe in the first half of the II millennium AD)*. Diss. of Candidate of Historical Sciences. Ufa (in Russian).
- Garustovich, G. N. 2012. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia (The Golden Horde Civilization)* 5. Kazan: “Foliant” Publ.; Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 126–136 (in Russian).
- Garustovich, G. N., Ivanov, V. A. 2014. *Materialy po arkheologii srednevekovykh kochavnikov Yuzhnogo Urala (IX–XV vv. N.e.) (Materials on the Archaeology of the Medieval Nomads of the Southern Urals (9th-15th centuries AD))*. Ufa: Bashkir State Pedagogical University (in Russian).
- Garustovich, G. N. 2015. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Bulletin)* 15, 181–198 (in Russian).
- Ivanov, V. A., Obydenova, G. T., Shuteleva, I. A., Shcherbakov, N. B. 2007. In Gorbunov, V. S. (ed.). *Formirovaniye i vzaimodeystviye ural'skikh narodov v izmenyayushcheysya etnokul'turnoy srede Evrazii: problemy izucheniya i istoriografiya. Chteniya pamyati K.V. Sal'nikova (1900–1966) (Formation and interaction of the Ural ethnicities in the changing ethnic and cultural environment of Eurasia: issues of study and historiography. Readings in memory of K.V. Salnikov (1900-1966))*. Ufa: “Kitap” Publ., 427–431 (in Russian).
- Morozov, Yu. A. 1996. (ed.). *Istoriia kul'tury Bashkortostana (Komplekt nauchnykh i uchebnykh materialov) (History of Culture of Bashkortostan (Set of Scientific and Educational Materials))*. Series: Arkheologicheskie pamyatniki Bashkortostana (Archaeological sites of Bashkortostan) 6. Ufa: “Gilem” Publ. (in Russian).
- Kazakov, E. P. 1978. *Pamyatniki bolgarskogo vremeni v vostochnykh raionakh Tatarii (Sites of the Bolgar Time in the Eastern Parts of Tataria)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- Kazakov, E. P., Chizhevsky, A. A., Lyganov, A. V. 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 16 (2), 219–243 (in Russian).
- Koishevsky, B. A. 1945. *Kartoteka svedeniy ob arkheologicheskikh pamyatnikakh Bashkirii (Card index of data on archaeological sites of Bashkiria)*. Archive of the Institute of Archaeology, Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Koishevsky, B. A. 1948. In Smirnov, A. P. 1948. *Istoriko-arkheologicheskii sbornik (Historical and Archaeological Collected Works)* Moscow, 161–170 (in Russian).
- Koryakova, L. N., Razhev, D. I., Kovrigin, A. A., Sharapova, S. V., Berseneva, N. A. 1999. In Kovaleva, V. T. (ed.). *120 let arkheologii vostochnogo sklona Urala (120 years of archaeology of the eastern slope of the Urals)*. Ekaterinburg: Ural State University Publ., 73–89 (in Russian).
- Lebedev, A. I. 2018. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Bulletin)* 18, 119–124. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav.2018.18.010> (in Russian).
- Mazhitov, N. A. 1969. *Nauchnyy otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh na territorii Bashkirskoy ASSR v 1969 g. (Scientific report on archaeological studies on the territory of the Bashkir ASSR in 1969)*. Ufa. Scientific Archive of Ufa Research Centre of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. Inv. 6. Dossier 52 (in Russian).
- Matveeva, N. P. 1962. *Otchet arkheologicheskoy ekspeditsii BashGU za 1962 g. (Report of the archaeological expedition of BashSU for 1962)*. Archive of the Museum of archaeology BashSU. Fund. KAO-3 (in Russian).
- Matveeva, N. P., Zelenkov, A. S., Tret'yakov, E. A., Ovchinnikov, I. Yu. 2020. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 19 (3), 31–48. DOI: [10.25205/1818-7919-2020-19-3-31-48](https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-3-31-48) (in Russian).
- Matveeva, N. P., Tret'yakov, E. A., Zelenkov, A. S. 2020. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Vestnik Archeologii, Antropologii i Etnografii)* 48 (1), 43–52. DOI: <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2020-48-1-5> (in Russian).

Matyushko, I. V. 2011. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites of Orenburg Region)* 9. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 146–155 (in Russian).

Morozov, V. M., Kovrigin, A. A. 1999. In III Bersovskie chteniya (*3rd Bers Readings*). Yekaterinburg: “BKI” Publ., 65–71 (in Russian).

Morozov, Yu. A. 2004. *Nauchnyy otchet o rezul'tatakh arkheologicheskikh issledovaniy v Chishminskom rayone Bashkortostana v 2003 godu (Scientific report on the results of archaeological studies in the Chishmy district of Bashkortostan in 2003)* Ufa. Scientific archive of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Obydenova, G. T. 2006. *Otchet ob issledovanii Gornovskogo selishcha v 2005 godu (Report on the study of the Gornovo settlement in 2005)* 1. Ufa. Archive of the archaeological laboratory of the Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla (in Russian).

Obydenova, G. T., Ivanov, V. A., Shuteleva, I. A., Shcherbakov, N. B. 2007. In Gorbunov, V. S. (ed.). *Formirovaniye i vzaimodeystviye ural'skikh narodov v izmenyayushcheysya etnokul'turnoy srede Evrazii: problemy izucheniya i istoriografiya. Chteniya pamyati K.V. Sal'nikova (1900–1966) (Formation and interaction of the Ural ethnicities in the changing ethnic and cultural environment of Eurasia: issues of study and historiography. Readings in memory of K.V. Salnikov (1900-1966))*. Ufa: “Kitap” Publ., 306–311 (in Russian).

Obydenova, G. T., Shuteleva, I. A., Shcherbakov, N. B. 2008. In Belavin, A. M. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition of the Perm State Humanitarian Pedagogical University)* 5. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 76–83 (in Russian).

Ovsyannikov, V. V., Yusupov, R. M. 2004. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Bulletin)* 5, 283–285 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 4 (2), 189–211 (in Russian).

Ruslanov, E. V. 2019. *Beregovskiy arkheologicheskii mikrorayon v sisteme drevnostey Yuzhnogo Urala (Beregovka archaeological micro-region in the system of antiquities of the South Urals)*. Diss. of Candidate of Historical Sciences. Ufa (in Russian).

Ruslanov, E. V. 2019. In Lopatin, N. V. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 2017 g. (Archaeological Discoveries of 2017)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 362–364 (in Russian).

Ruslanov, E. V. 2021. In *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya (Herald of Humanitarian Education)* 21 (1), 101–109 DOI: 10.25730/VSU.2070.21.012 (in Russian).

Ruslanov, E. V. 2022. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3, 106–113. DOI: <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.3.106.113> (in Russian).

Ruslanov, E. V., Ruslanova, R. R., Lyasovich, V. I. 2020. In Lopatin, N. V. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 2018 g. (Archaeological Discoveries of 2018)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 393–395 (in Russian).

Ryazanov, S. V., Garustovich, G. N. 2007. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 6–7. Ufa: “Gilem” Publ., 185–190 (in Russian).

Savelyev, N. S. 2014. In Yablonsky, L. T., Savelyev, N. S. (eds.). *Sarmaty i vneshnii mir (The Sarmatians and the External World)*. Series: Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Bulletin) 14. Ufa: Russian Academy of Sciences, Urals Scientific Center, Institute for History, Language, and Literature; “Nasledie” Publ., 191–206 (in Russian).

Talitskaya, I. A. 1941. *Materialy k arkheologicheskoy karte basseyna r. Kama (po dannym, sobrannym M.V. Talitskim) (Materials for the archaeological map of the Kama River basin (according to the data collected by M. V. Talitsky))*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Urala i Priural'ia (*Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals Area*) IV. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (*Materials and Research in the USSR Archaeology*) 27. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ. (in Russian).

Tret'yakov, E. A. 2022. In Maslyuzhenko, D. N. (ed.). *XXII Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (22nd Urals Archaeological Congress)*. Kurgan: Kurgan State University, 300–303 (in Russian).

Tuzbekov, A. I. 2021. In *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy (Theory and Practice of Archaeological Research)* 4 (33), 157–165. DOI: 10.14258/tpai(2021)33(4).-09 (in Russian).

Turikeshev, G. T.-G., Danukalova, G. A., Kutushev, Sh.-I. B. 2016. *Yuzhnoe Predural'e: geografiya, geologiya, tektonika i geomorfologiya (Southern Cis-Urals: geography, geology, tectonics and geomorphology)*. Moscow: “Infra-M” Publ. (in Russian).

Kharlamov, P. V. 2018. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 193–196 (in Russian).

Shorin, A. F., Shorina, A. A., Zykov, A. P. 2019. In *Istoriia I sovremennoe mirovozrenie (History and Contemporary Worldview)* 2, 63–70 (in Russian).

About the Author:

Ruslanov Evgeny V. Candidate of Historical Sciences, Institute for History, Language and Literature, Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences. Oktyabrya Av., 71, Ufa, 450054, Republic of Bashkortostan, Russian Federation; butleger@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2022 г.
Статья принята к публикации 01.12.2022 г.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КРЕПОСТИ ЧОРГУНСКИЙ ИСАР (ЮГО-ЗАПАДНЫЙ КРЫМ) В 2019 ГОДУ

©2022 г. Е.В. Неделькин, Н.В. Гинькут

В статье представлены предварительные итоги археологических исследований средневековой крепости Чоргунский Исар в 2019 г. Основной задачей работ было получение стратиграфической колонки, и, как следствие, уточнение датировки памятника. В результате установлено, что время существования данной крепости укладывается в пределы XIII в. Она была возведена на месте поселения или укрепления «фемного» периода (середина IX–XI вв.). Однако, в ходе текущих разведочных работ следов более ранних фортификационных сооружений не отмечено. В слое, накопление которого связано с процессом ветшания и разрушения верхней части оборонительной стены и строений, содержится небольшое количество фрагментов керамических сосудов XIV–XV вв., которые, вероятно, были принесены более поздними визитёрами уже на руины укрепления. Возможно, развалины Чоргунского Исара использовались чабанами в качестве временного загона для скота.

Ключевые слова: археология, Юго-Западный Крым, Чоргунский Исар, поздневизантийская Таврика, XIII в., средневековая фортификация, крепость.

ARCHAEOLOGICAL STUDIES OF THE CHORGUNSKIY ISAR FORTRESS (SOUTH-WESTERN CRIMEA) IN 2019

E. V. Nedelkin, N. V. Ginkut

The paper contains the preliminary results of archaeological studies of the medieval fortress of Chorgunskiy Isar in 2019. The main task of the work was to obtain a stratigraphic column, and, as a result, to make more exactly the dating of the archaeological site. It was found that the period of existence of this fortress was within the 13th century. It was built on the site of a settlement or fortification of the Theme period (middle of the 9th–11th centuries). However, during this archaeological fieldwalking reconnaissance, no traces of earlier fortifications were found. The layer, deposit of what is associated with the process of dilapidation and destruction of the upper part of the defensive wall and constructions, contains a small number of fragments of ceramic vessels of the XIV–XV centuries, which were probably brought by later visitors to the ruins of the fortification. Perhaps the ruins of the Chorgunskiy Isar fortress were used by herders as a seasonal enclosure for cattle.

Keywords: archaeology, South-Western Crimea, Chorgunskiy Isar, Late Byzantine Taurica, 13th century, medieval fortification, fortress.

После завоевания Константинополя крестоносцами в 1204 г. и распада Византийской империи её бывшие владения в Таврике (Херсон и Климаты Готии, а также Боспор) перешли под протекторат Трапезундской империи (Карпов, 2007, с. 413–414). Обострение военно-политической обстановки в регионе стимулировало в 20–30-х гг. XIII в. крепостное строительство на территории бывшей фемы Херсона. В этот период в окрестностях Херсона и в Готии появляются 24–25 новых сторожевых укреплений, контролировавших перевалы и проходы в долины Горного Крыма (рис. 4) (Мыщ, 2020, с. 48–63). Среди них, вероятно, был и Чоргунский Исар.

Крепость расположена на вершине одной из гор Исар, на левом берегу р. Чёрной, в межгрядовом понижении между Внутренней и Главной грядами Крымских гор, в 1,3 км к юго-востоку от с. Черноречье и 1,3 км к северо-западу от с. Морозовка (рис. 1; 2).

Исар имеет продолговатую форму, вытянут по оси северо-восток – юго-запад. Его вершина, на которой расположена средневековая крепость, находится в южной части массива. С северо-запада гора пологая, с выходами материковой скалы. В юго-восточной части вершина представляет собой два небольших мыса с обрывистыми склонами.

Укрепление было открыто К.-Э. Кёлером еще в 1821 г. (Кёлер, 1872, с. 388; Тункина, 2013, с. 205). После этого оно долгое время не посещалось исследователями. Повторно памятник был открыт в 1936 г. С.Н. Бибиковым в ходе обследования данного района Крымской палеолитической экспедицией ИИМК АН СССР. Основные работы экспедиции 1936 и 1938 г. были сосредоточены на мезолитическом гроте Мурзак-Коба, расположенном ниже по склону г. Исар (Биби-ков, 1940, с. 159–178; Трусова, 1940, с. 301). Однако, несмотря на то что средневековая

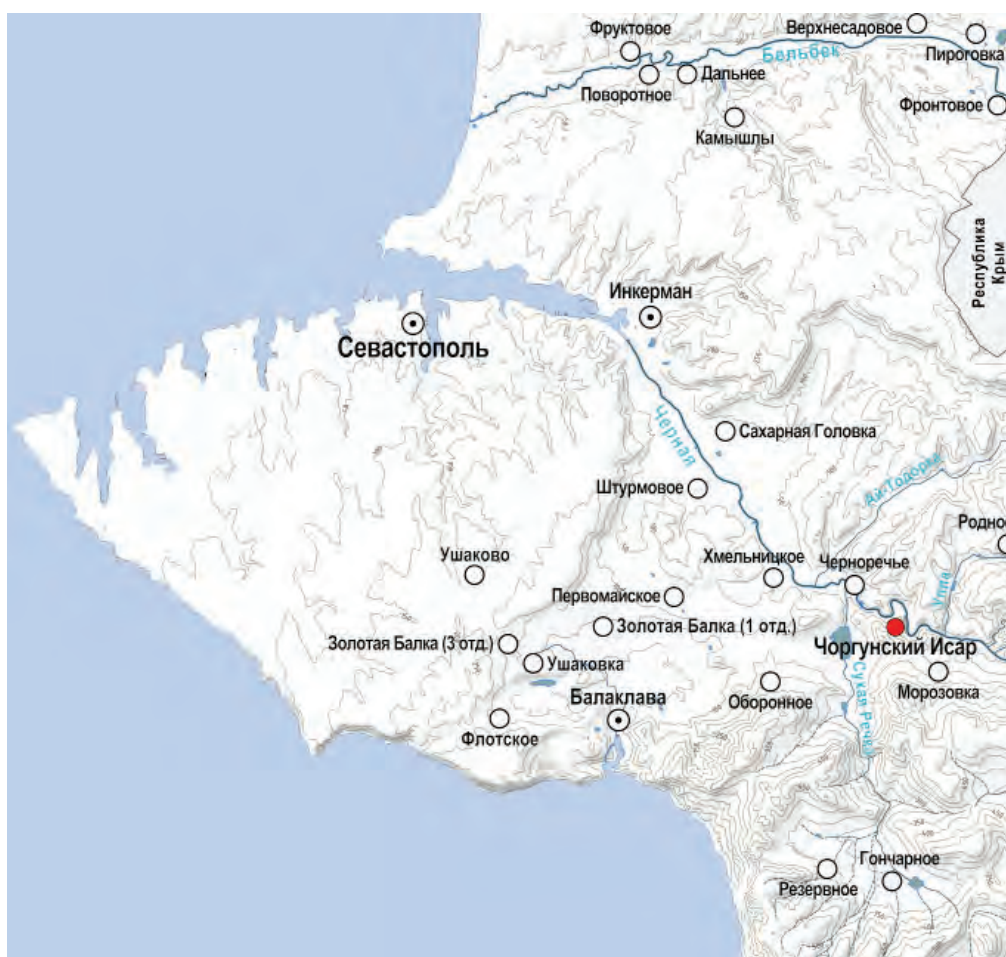

Рис. 1. Местоположение Чоргунского Исара (составитель карты А.А. Новиков).

Fig. 1. Location of the Chorgunskiy Isar (map made by A.A. Novikov).

крепость оказалась в тени уникального памятника эпохи мезолита, в 1938 г. С.Н. Бибилов предпринял археологическое обследование Чоргунского Исара (Бибилов, 1939, с. 30–32; Мыц, 2009, с. 12).

На территории укрепления был заложен небольшой шурф (1,0×0,2 м) и проведён сбор подъёмного материала. В этом же году, по предложению автора разведок, сотрудник Херсонесского музея А.К. Тахтай также обследовал крепость и составил глазомерный план строительных остатков (Тахтай, 1938). Исследователи датировали памятник XIV–XV в.

В дальнейшем Чоргунский Исар продолжительное время оставался вне поля зрения археологов, проводивших археологические исследования средневековых укреплений, как в Горном Крыму, так и на Южном берегу (О.И. Домбровский, А.Л. Якобсон, Л.В. Фирсов, Е.А. Паршина, Ю.С. Воронин, В.А. Сидоренко и др.). Только в 1980 г. были осуществлены небольшие раскопки на памятнике отрядом (руководитель И.Ю. Суханова) Севастопольской охранно-новостроечной археоло-

гической экспедиции Херсонесского историко-археологического заповедника (начальник О.Я. Савеля). В результате исследованы две одновременные постройки в юго-восточной части укрепления, повреждённые грабительским раскопом. Также проведён сбор подъёмного материала, составлен топографический план крепости в масштабе 1:200 (НАО ГМЗ ХТ, ф. Р-1, оп. 2, д. 118, инв. 3515) (рис. 3). Авторы приводят более широкую датировку существования Чоргунского укрепления – с VIII–IX в. по XIII–XIV в. (Отчёт, 1982, л. 30–36).

Достаточно подробное описание памятника приводит В.Л. Мыц. Первоначально исследователь датировал укрепление XIII–XV в. (Мыц, 1991, с. 138), однако в более поздних публикациях скорректировал датировку в пользу XIII в. При этом возведение Чоргунского Исара, как и ещё двух с половиной десятков сторожевых крепостей в окрестностях Херсона и в Готии, исследователь относит к 20–30-м гг. XIII в., связывая это с ответными мерами Трапезундской империи по защите своих владений в регионе в условиях

Рис. 2. Топографический план района проведения археологических исследований с местоположением Чоргунского Исара и обследованного участка древней дороги.

Fig. 2. Topographical plan of the area of archaeological fieldwalking reconnaissances with the location of the Chorgunskiy Isar and the studied part of the ancient road.

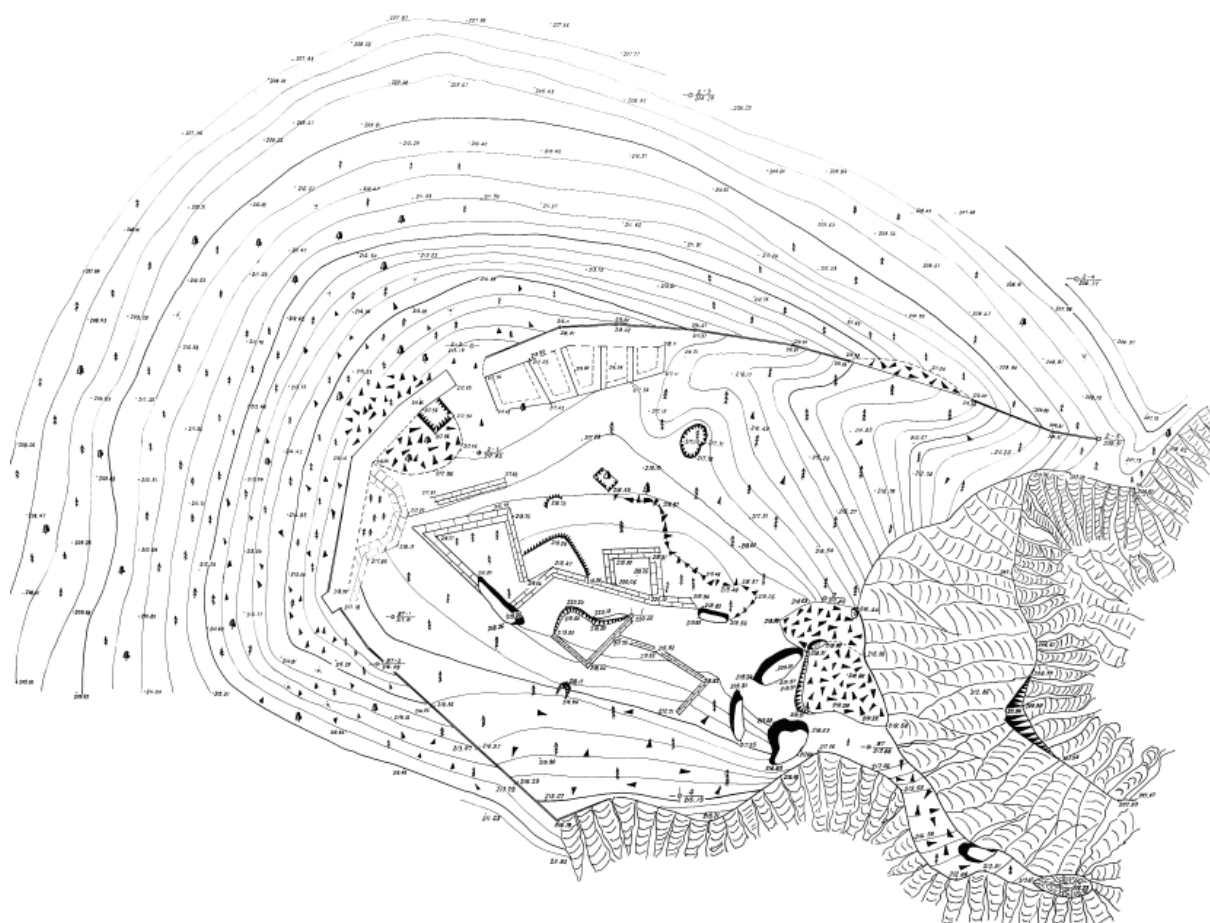

Рис. 3. Чоргунский Исар. План (инструментальная съемка В.М. Фомина 1980 г.)
(по: НАО ГМЗ ХТ. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 118. Инв. 3515).

Fig. 3. Chorgunskiy Isar. Plan (survey taken with the use of measuring devices by V.M. Fomin in 1980)
(according to Scientific and archives department of the State Museum-Preserve «Tauric Chersonese».
F. R-1. Op. 2. D. 118. Inv. 3515).

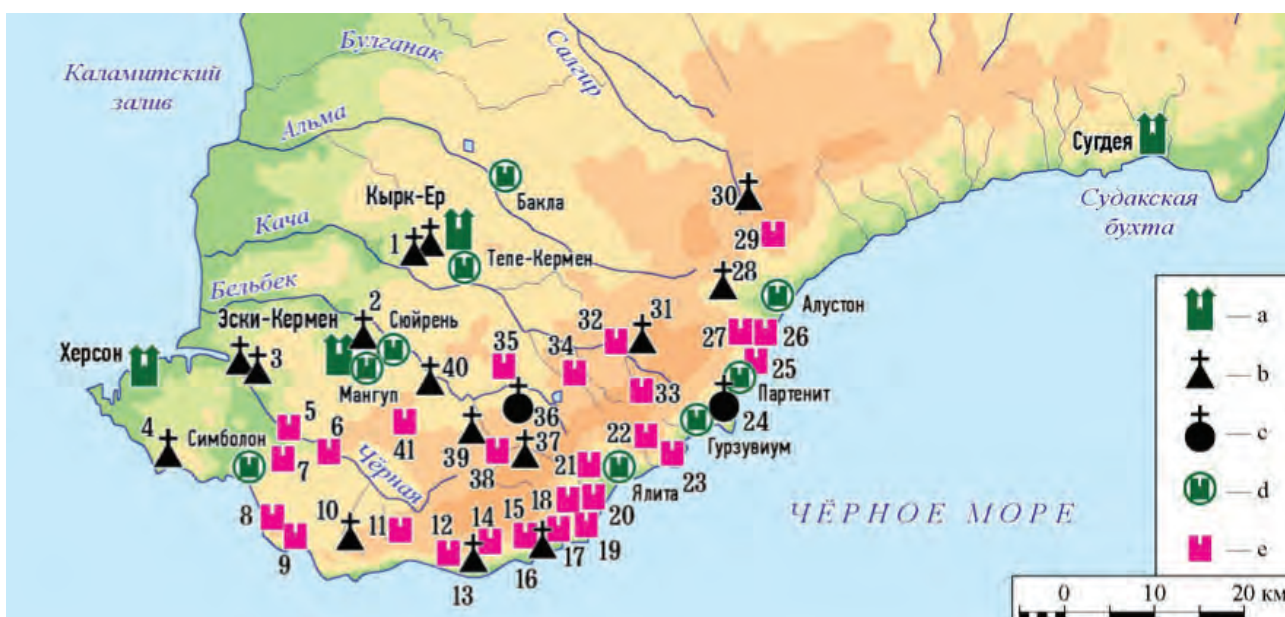

Рис. 4. Схема расположения памятников Таврики XIII в. (по: Мыц, 2016, рис. 1): а – города; b – монастыри; c – крупные церковные комплексы; d – малые городские центры; e – византийские крепости. 1 – Качи-Кальон; 2 – Ай-Тодор 1; 3 – монастыри в устье р. Черной; 4 – монастырский комплекс в Сарандинакиной балке; 5 – Чоргунский Исар; 6 – Сарджик; 7 – Камара (Аю-Кая Западная); 8 – Кала-Фатлар; 9 – Кокия-Исар; 10 – Ильяс-Кая; 11 – Исар-Кая; 12 – Кастропуло; 13 – Кучук-Исар; 14 – Биюк-Исар; 15 – Лимена-Кале; 16 – Панае; 17 – Гаспра-Исар; 18 – Алушка-Исар; 19 – Ай-Тодор 2; 20 – Хачла-Каясы; 21 – Учансу-Исар; 22 – Палеокастрон; 23 – Рускофиль-Кале; 24 – Аю-Даг; 25 – Плака; 26 – Кастель; 27 – Ай-Тодор 3; 28 – Сераус; 29 – Фуна; 30 – Пахкал-Кая; 31 – Басман; 32 – Кермен-Кая; 33 – Яманташ; 34 – Кипиа; 35 – Керменчик; 36 – Бойка; 37 – Панагия; 38 – Сююрю-Кая; 39 – Седам-Кая; 40 – Пампук-Кая; 41 – Сандык-Кая.

Fig. 4. Plan of location of the sites in Taurica in 13th century (according to Myts, 2016, fig. 1): a – towns; b – monasteries; c – big church complexes; d – small urban centers; e – Byzantine fortresses. 1 – Kachi-Kalyon; 2 – Ay-Todor 1; 3 – monasteries near the mouth of the Chyornaya River; 4 – monastic complex in Sarandinakina Balka; 5 – Chorgunskiy Isar; 6 – Sardzhik; 7 – Kamara (Ayu-Kaya Zapadnaya); 8 – Kala-Fatlar; 9 – Kokiya-Isar; 10 – Ilyas-Kaya; 11 – Isar-Kaya; 12 – Kastropulo; 13 – Kuchuk-Isar; 14 – Biyuk-Isar; 15 – Limena-Kale; 16 – Panea; 17 – Gaspra-Isar; 18 – Alupka-Isar; 19 – Ay-Todor 2; 20 – Khachla-Kayasy; 21 – Uchansu-Isar; 22 – Paleokastron; 23 – Ruskofil-Kale; 24 – Ayu-Dag; 25 – Plaka; 26 – Kastel; 27 – Ay-Todor 3; 28 – Seraus; 29 – Funa; 30 – Pakhkal-Kaya; 31 – Basman; 32 – Kermen-Kaya; 33 – Yamantash; 34 – Kipia; 35 – Kermenchik; 36 – Boyka; 37 – Panagiya; 38 – Syuyuryu-Kaya; 39 – Sedam-Kaya; 40 – Pampuk-Kaya; 41 – Sandyk-Kaya.

обострившейся военно-политической обстановки (сельджукская экспансия 1217–1225 гг., первое появление монголов в 1223 г.) (Мыц, 2020, с. 50). Прекращение же функционирования данного фортификационного объекта автор связывает с разрушительным походом монголов в Таврику во главе с Ногаем в 1278 г. (Мыц, 2016, с. 81).

Исследования показали, что крепость имела общую площадь около 0,2 га, её территория была ограничена оборонительной стеной и естественными обрывами (с южной и восточной стороны). Трасса крепостной ограды образует дугу протяжённостью около 130 м, отгораживая площадку размером 59×49 м. В средней части дуги стены находились ворота под защитой прямоугольной башни-донжона. На сегодняшний день её остатки возвышаются над уровнем современной дневной поверхности и каменным развалом на 2,28 м. О.Я.

Савеля и И.Ю. Суханова полагали, что укрепление имело не менее двух башен (Отчёт, 1982, л. 29).

В 2019 г. Инкерманская археологическая экспедиция Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» провела разведочные археологические исследования памятника. На внутрикрепостной территории были заложены четыре разведочных шурфа (рис. 5)¹. Основной задачей работ было получение стратиграфической колонки, и, как следствие, уточнение датировки крепости.

Шурф 1 (рис. 6: I–V; 7: VI–VII) заложен на внутрикрепостной территории Чоргунского Исара. Он примыкает к внутреннему фасу оборонительной стены. В пределах разбитого шурфа частично находится оплывший котлован землянки периода Великой Отечественной войны. Шурф размером 2,0×2,25

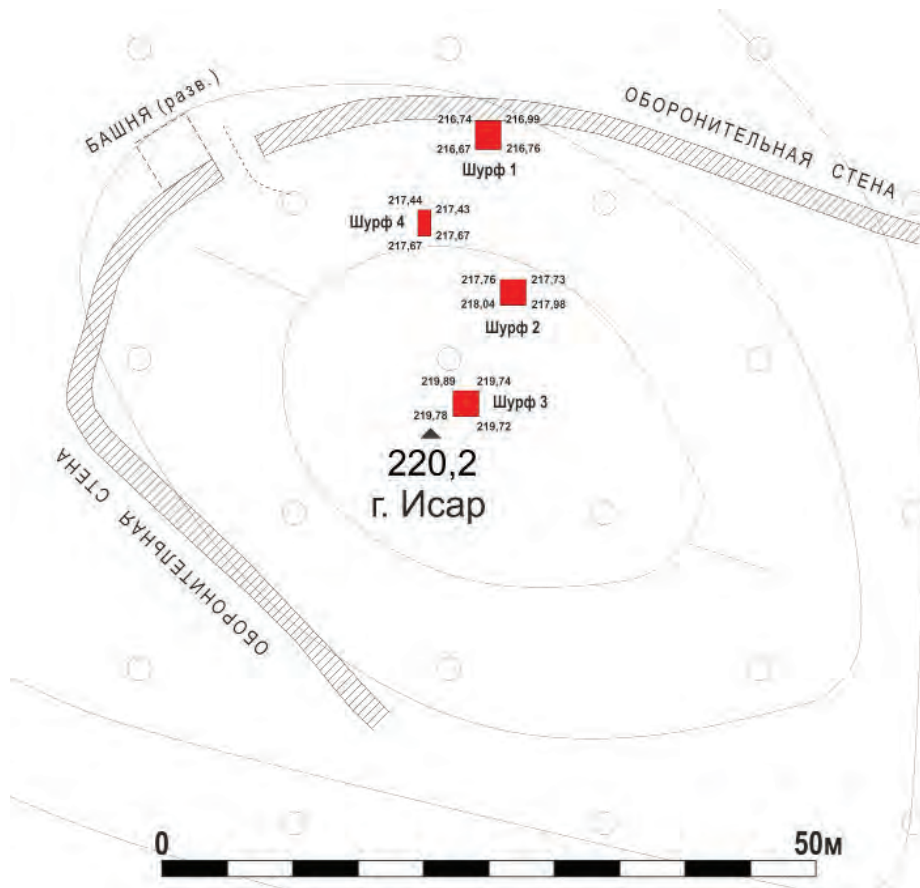

Рис. 5. Ситуационный план Чоргунского Исара с указанием местоположения шурфов 1–4.
Fig. 5. layout of Chorgunskiy Isar objects with the location of prospecting shafts 1–4.

м ориентирован бортами по сторонам света. Мощность исследованных культурных напластований составила до 2,41 м. Описание слоёв приводится в порядке от верхних к нижним.

Дерновый слой зафиксирован по всей площади шурфа отдельными участками. В основном он заполнял пространство между средними и крупными камнями. Его мощность от 0,04 до 0,09 м. Слой представлял собой рыхлый гумусированный чёрный грунт с включением корней, щебня и мелких камней. Археологические находки в слое не обнаружены.

Слой завала камней, насыщенный тёмно-серым грунтом исследован на большей части площади шурфа. Его мощность до 0,86 м. Слой представлял собой завал большого количества разнокалиберного бутового камня, насыщенный тёмно-серым золистым грунтом, щебнем, деструктурированным известковым раствором, корнями, угольками. Он накопился в процессе ветшания и разрушения верхней части крепостной стены.

Комплекс находок состоит практически полностью из строительной, тарной, кухонной и столовой керамики (рис. 9: 1–11). Его

структура приведена в сводной статистической таблице 1.

В слое также обнаружены заготовки под пряслица (2 экз.), выполненные из стенок неглазурованных сосудов, структура черепка одного из которых аналогична амфорам класса 52 по ХК-95 (рис. 9: 12–13), гвоздь железный кованный четырёхгранный, гвоздь-ухналь железный.

После удаления слоя каменного завала была произведена зачистка поверхности подстилающего его слоя серого рыхлого грунта, которая являлась на определённом этапе существования крепости дневной поверхностью на данном участке исследования. При её проведении выявлена **кладка 1**. В пределах шурфа она открыта на протяжении 2,25 м; представляет собой сложенную в один ряд линию из бутового камня среднего размера, вытянутую по линии север-юг; сохранилась на высоту одного ряда (0,12–0,22 м); ширина в пределах 0,28–0,35 м. С северной стороны кладка примыкает к оборонительной стене. Её камни уложены непосредственно на древнюю дневную поверхность, без заглабления в грунт. Данная кладка вряд ли носила

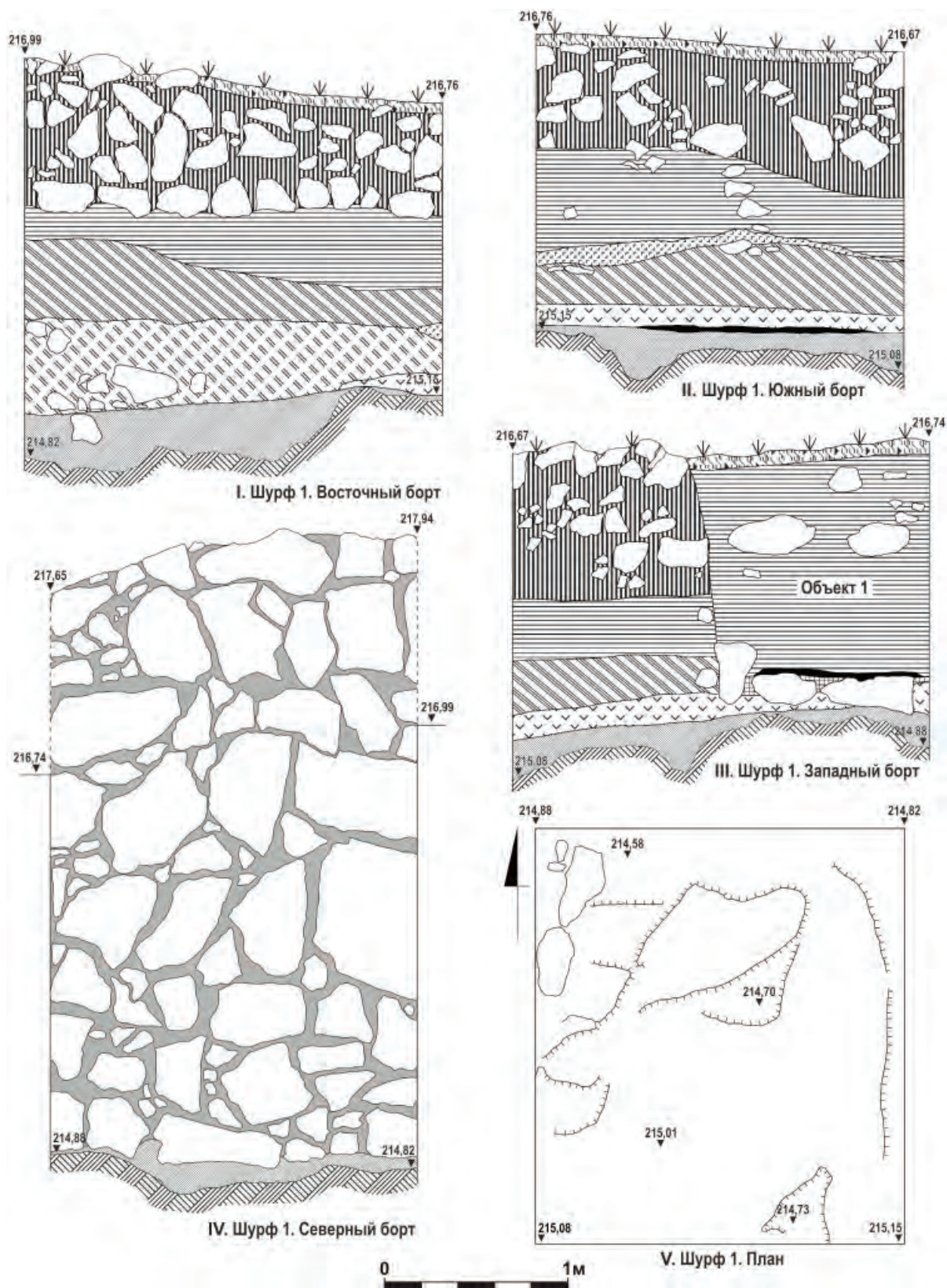

Рис. 6. Шурф 1. Стратиграфии бортов, фасировка крепостной стены (кладка 2), план.
 Fig. 6. Prospecting shaft 1. Stratigraphy of the walls, elevation of the defensive wall (masonry 2), plan.

Таблица 1. Шурф 1. Структура керамического комплекса из слоя каменного завала
Table 1. Prospecting shaft 1. The structure of a pottery assemblage from a layer of stone heap

№ п/п	Наименование группы керамики	Всего фр-тов	%
1	Черепица (керамиды) X–XIII вв. (Романчук, 2004, с. 42–44)	3	2,7%
2	Пифосы гладкостенные XIII в. (Тесленко, 2015, с. 135–136, 145–146)	22	19,5%
3	Пифосы с корпусом, украшенным наклепным валиком-обручем с пальцевыми вдавлениями поверх него XIII–XIV вв. (Тесленко, 2015, с. 135–136, 145–146)	2	1,8%
4	Пифосы без точной атрибуции	14	12,4%
5	Тарные сосуды группы ЮЗК (XIV–XV вв.) (Тесленко, 2021, с. 57–62)	4	3,5%
6	Тарные сосуды неопределенные	1	0,9%
7	Амфоры круглодонные желобчатые с дуговидными ручками типа IV по Н. Гюнсенин/класса 45 по ХК-95 (XIII–XIV вв.) (Романчук, Сазанов, Седикова, 1995, с. 73–77; Günsenin, 2018, p. 102–108)	4	3,5%
8	Амфоры плоскодонные с ангобированной поверхностью класса 52 по ХК-95 (XII–XIII вв.) (Завадская, Голофаст, 2018, с. 310–311; Романчук, Сазанов, Седикова, 1995, с. 83–88; Седикова, 2018, с. 404–405)	17	15%
9	Амфоровидные кувшины класса 53/54 по ХК-95 (XIII в.) (Романчук, Сазанов, Седикова, 1995, с. 88–89)	2	1,8%
10	Неглазурованная бытовая посуда (кувшины) X–XIII вв.	3	2,7%
11	Неглазурованная бытовая посуда (кувшины) со структурой черепка аналогичной амфорам класса 52 по ХК-95 (XII–XIII вв.) (Седикова, 2018, с. 425, рис. 22–23)	6	5,3%
12	Неглазурованная бытовая посуда (кувшины) XIV–XV вв.	1	0,9%
13	Неглазурованная бытовая посуда группы ЮЗК (XIV–XV вв.) (Тесленко, 2021, с. 63–70)	18	15,9%
14	Неглазурованные сосуды неопределенные	7	6,2%
15	Лепная кухонная посуда (горшки)	7	6,2%
16	Глазурованная посуда (кувшины) группы «Glazed White Ware II» (IX–XI вв.) или «Glazed White Ware IV» (вторая половина XII–XIII вв.) по Дж. Хейсу (Седикова, 2018, с. 420; Hayes, 1992, p. 18–29, 30–33)	2	1,8%
	Всего	113	100%

конструктивный характер. Возможно, она предназначалась для ограждения или визуального выделения какого-то объекта.

Слой серого рыхлого грунта, насыщенного большим количеством мелкого и среднего камня, щебня, корнями, исследован на большей части площади шурфа. Его мощность от 0,14 до 0,56 м. Археологический комплекс находок из слоя представлен в основном строительной, тарной, кухонной и столовой керамикой (рис. 9: 14–33; 10: 1–6). Его структура приведена в сводной статистической таблице 2.

Также в слое обнаружены единичные изделия из глины, камня и металла. К первой группе относятся фрагмент нижней части красноглиняного изделия, являвшегося, возможно, светильником (рис. 10: 9); крышки (2 экз.) для амфоры и тарного сосуда, изготовленные, соответственно, из стенки пифоса (рис. 10: 7); керамиды XIII в. (рис. 10: 8). К изделиям из камня принадлежит фрагмент зернотёрки прямоугольной формы, на лицевой стороне которой следы многократного использования. Группа предметов из металла включает

фрагмент пальца штыря-стопора бронзового (застёжки для переплета книги в виде миниатюрного кинжала) (рис. 10: 16), составную часть (нижнюю) полой шаровидной бронзовой пуговицы (рис. 10: 17), гвозди железные кованые четырёхгранные (6 экз.) (рис. 10: 10–15).

Археозоологический материал представлен 69 единицами, из которых идентифицирована 51. Видовой состав выборки: олень благородный (*Cervus elaphus*) (4 фрагмента костей, 18 фрагментов рога), домашний крупный рогатый скот (*Bos taurus*) (21 фрагмент), мелкий рогатый скот: коза (*Capra hircus*) и овца (*Ovis aries*) (5 фрагментов), домашняя свинья (*Sus scrofa*) (3 фрагмента), заяц-русак (*Lepus europaeus*) (1 фрагмент), а также неидентифицированная птица (1 фрагмент). Выборка представляет собой кухонные остатки, имеются многочисленные характерные следы разделки: порубы, разломы, порезы. На рогах оленя отмечены следы порубов и срезов.

Слой светло-серого грунта, насыщенного большим количеством щебня, мелкого и среднего камня, исследован на большей части

Таблица 2. Шурф 1. Структура керамического комплекса из слоя серого рыхлого грунта
 Table 2. Prospecting shaft 1. The structure of a pottery assemblage from a layer of grey friable soil

№ п/п	Наименование группы керамики	Всего фр-тов	%
1	Черепица (керамиды) XII–XIII вв.	5	2,8%
2	Черепица (керамиды) без точной атрибуции	1	0,6%
3	Пифосы гладкостенные IX–X в. (Тесленко, 2015, с. 132–135, 142–145)	1	0,6%
4	Пифосы гладкостенные XII–XIII вв. (Тесленко, 2015, с. 135–136, 145–146)	16	8,8%
5	Пифосы с корпусом, украшенным наклепным валиком-обручем с пальцевыми вдавлениями поверх него XIII–XIV вв.	3	1,7%
6	Пифосы желобчатые неопределенные	5	2,8%
7	Пифосы без точной атрибуции	4	2,2%
8	Тарные сосуды неопределенные XII–XIII вв.	1	0,6%
9	Тарные сосуды со структурой черепка аналогичной амфорам класса 52 по ХК-95 (XII–XIII вв.) (Седикова, 2018, с. 404–405)	14	7,7%
10	Тарные сосуды с лощеной поверхностью XIII в. Азак (?) (Масловский, 2009, с. 64, рис. 4.1–4)	1	0,6%
11	Тарные сосуды неопределенные	1	0,6%
12	Амфоры желобчатые класса 36 по ХК-95 (конец VIII/первая половина IX – конец XI вв.) (Баранов, 1990, с. 32; Паршина, Тесленко, Зеленко, 2001, с. 52–81; Романчук, Сазанов, Седикова, 1995, с. 60–61)	2	1,2%
13	Амфоры круглодонные желобчатые с дуговидными ручками типа IV по Н. Гюнзенин/класса 45 по ХК-95 (XIII–XIV вв.)	9	5%
14	Амфоры с удлиненным бороздчатым корпусом и высоко поднятыми над горлом ручками типа III по Н. Гюнзенин/класса 48 по ХК-95 (середина XII – начало XIII вв.) (Романчук, Сазанов, Седикова, 1995, с. 78–81; Günsenin, 2018, p. 100–102)	1	0,6%
15	Амфоры плоскодонные с ангобированной поверхностью класса 52 по ХК-95 (XII–XIII вв.)	58	32%
16	Неглазурованная бытовая посуда (кувшины) раннесредневековая	1	0,6%
17	Неглазурованная кухонная посуда (горшки) второй половины IX – первой половины X вв. (Майко, 2020, с. 44, 47–48, рис. 46, 61, 65)	1	0,6%
18	Неглазурованная бытовая посуда (кувшины) со структурой черепка аналогичной амфорам класса 52 по ХК-95 (XII–XIII вв.)	7	3,9%
19	Неглазурованные сосуды (кувшины, горшки) неопределенные	11	6,1%
20	Лепная кухонная посуда (горшки)	35	19,3%
21	Глазурованная посуда (кувшины, чаши, чаши-миски) группы «Glazed White Ware IV» до Дж. Хейсу (вторая половина XII–XIII вв.) (Седикова, 2018, с. 420; Hayes, 1992, p. 30–33)	3	1,7%
22	Глазурованная посуда (чаши) группы «Zeuxippos Ware». Класс I-II по А.-Х.-С. Мигоу (первая половина – 60-е гг. XIII в.) (Megaw, 1968, p. 71–72; Waksman, François, 2004–2005, p. 634–635, fig. 11–14)	1	0,6%
	Всего	181	100%

площади шурфа. Его мощность от 0,18 до 0,43 м. Археологический комплекс находок из слоя представлен в основном строительной, тарной, кухонной и столовой керамикой (рис. 11: 1–21). Его структура приведена в сводной статистической таблице 3.

Также в слое обнаружены немногочисленные изделия из глины, камня и металла. К первой группе относится крышка для амфоры, изготовленная из стенки красноглиняного ангобированного пифоса (рис. 11: 22), ко второй – фрагмент каменной плитки со следами термического воздействия, целый экземпляр зернотёрки подквадратной формы и фрагмент зернотёрки округлой формы, на

лицевых поверхностях которых отмечены следы многократного использования. Третья группа предметов включает пуговицу шаровидную полу из белого металла (рис. 11: 24), изделие из медной проволоки, возможно, являвшееся деталью крепления лампадки (рис. 11: 25), нож железный с трёхгранным в сечении лезвием (рис. 11: 26), гвоздь железный кованный четырёхгранный. Отдельно следует выделить обнаруженную в слое бронзовую накладку умбонного типа. Её внешняя поверхность разделена на восемь сегментов. В четырёх сегментах попарно расположены два вида трилистников: с округлыми листьями и с копьевидной полупальметтой. Сегмен-

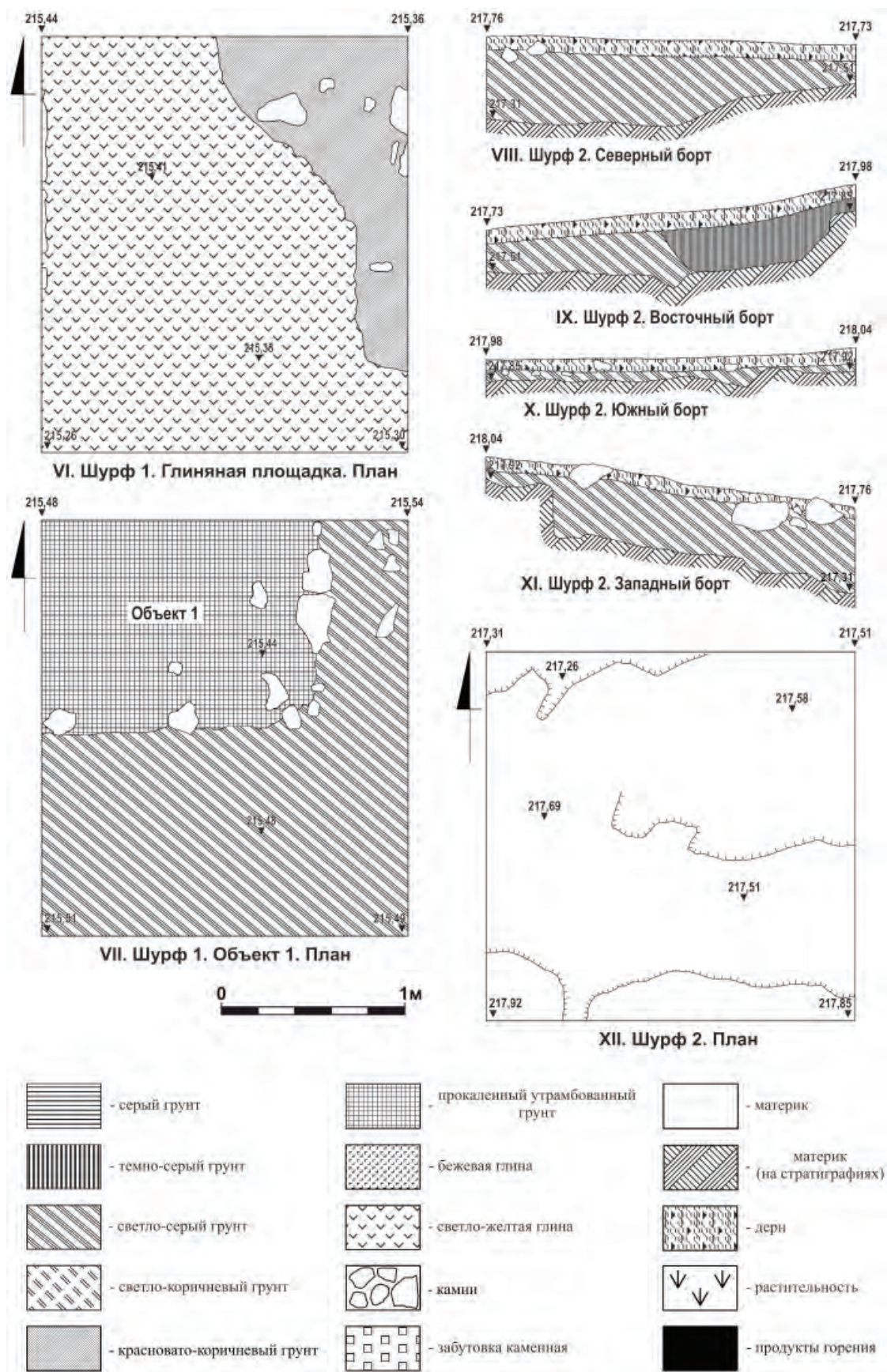

Рис. 7. Шурфы 1 (VI–VII), 2 (VIII–XII). Стратиграфии бортов, планы.
Fig. 7. Prospecting shafts 1 (VI–VII), 2 (VIII–XII). Stratigraphy of the walls, plans.

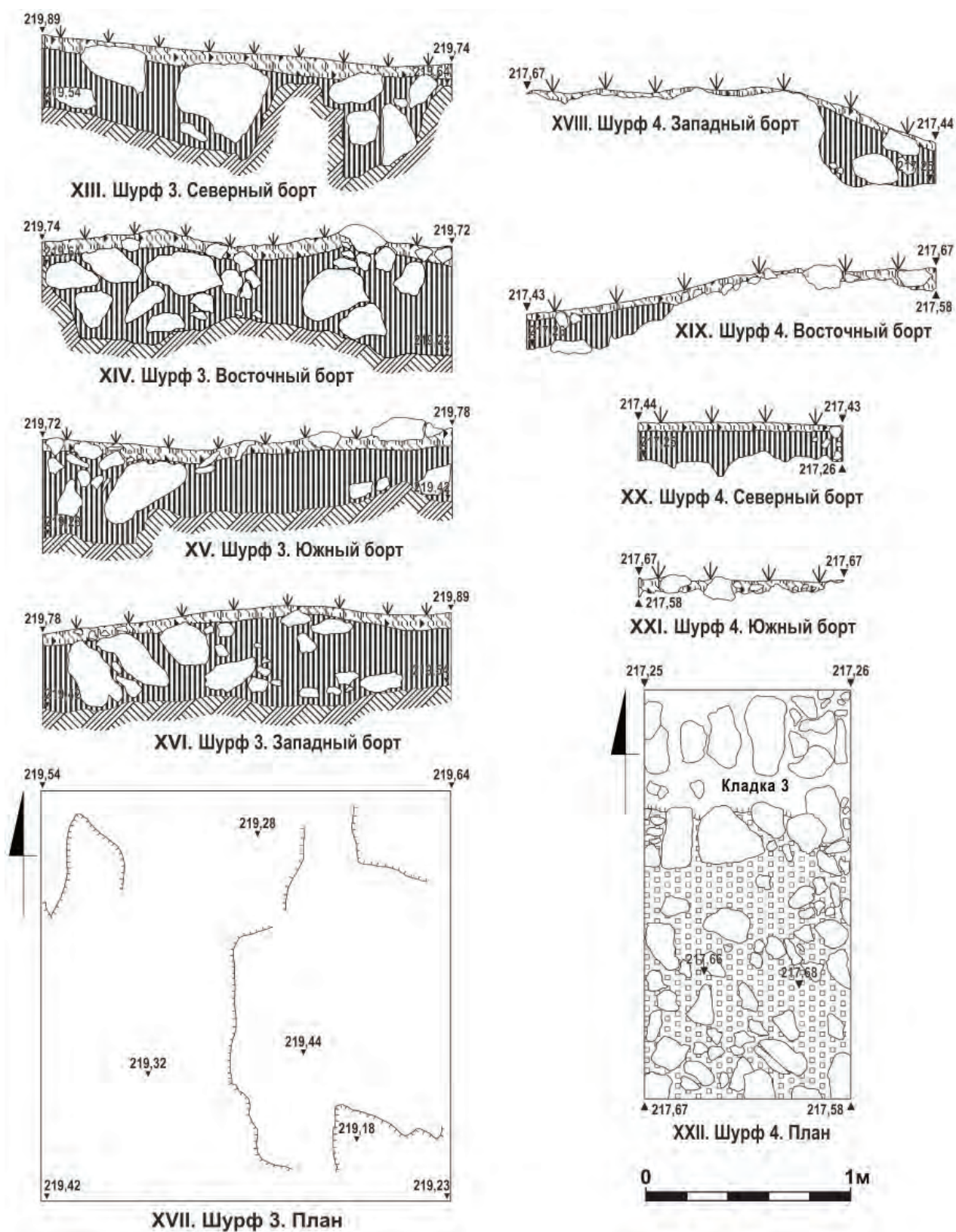

Рис. 8. Шурфы 3 (XIII–XVII), 4 (XVIII–XXII). Стратиграфии бортов, планы.
Fig. 8. Prospecting shafts 3 (XIII–XVII), 4 (XVIII–XXII). Stratigraphy of the walls, plans.

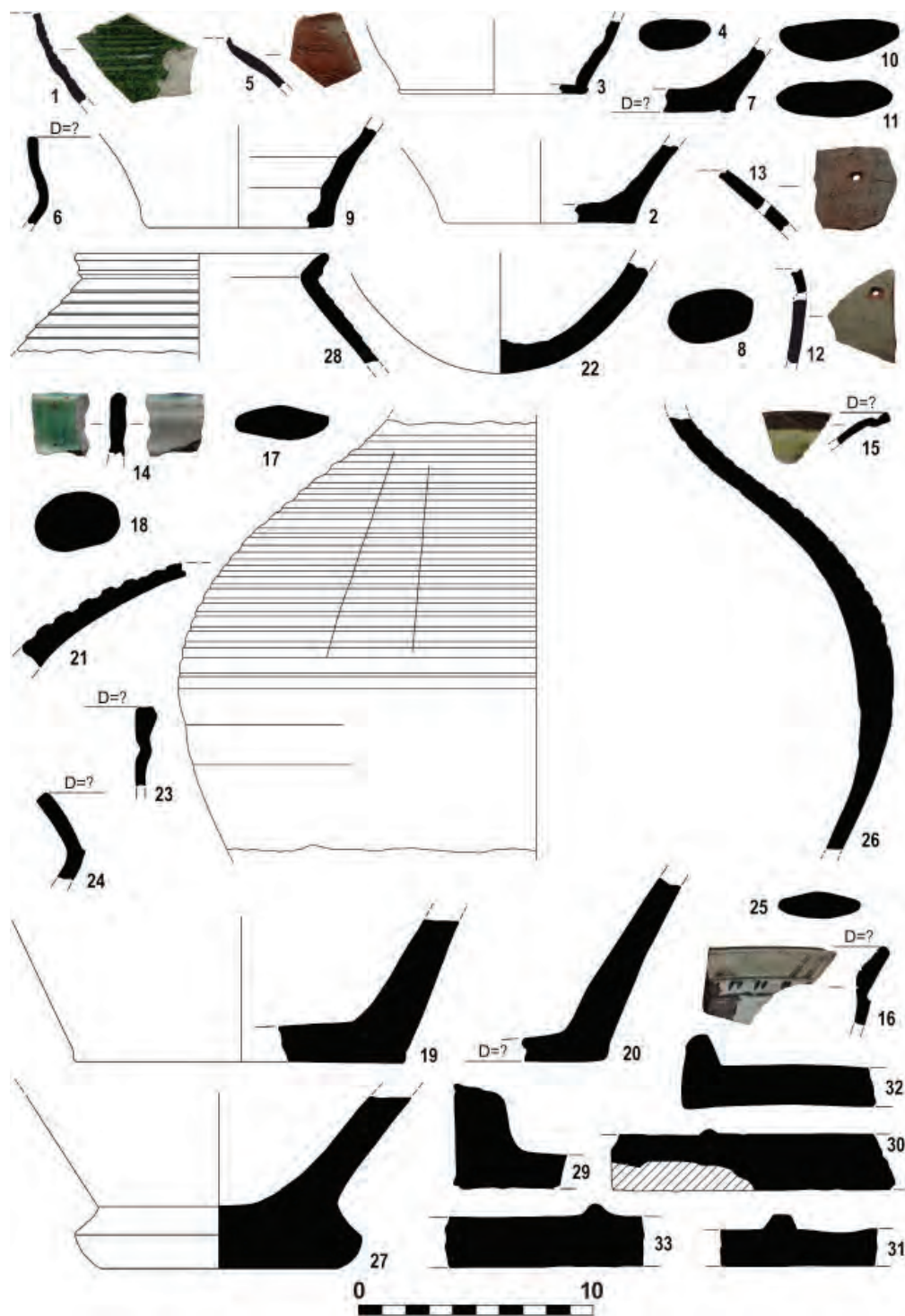

Рис. 9. Шурф 1. Комплекс находок из слоя каменного завала (1–13) и слоя серого рыхлого грунта (14–33).

Fig. 9. Prospecting shaft 1. A complex of finds from a layer of stone heap (1–13) and a layer of grey friable soil (14–33).

ты заполнены чередующейся белой и бурой пастой. С внутренней стороны припаян уплощённый штырь с двумя сквозными отверстиями (рис. 11: 23).

Археозоологический материал представлен 53 единицами, из которых идентифицированы 30. Видовой состав выборки: олень благородный (*Cervus elaphus*) (1 фрагмент рога), домашний крупный рогатый скот (*Bos*

taurus) (11 фрагментов), европейская косуля (*Capreolus capreolus*) (1 фрагмент рога), мелкий рогатый скот: коза (*Capra hircus*) и овца (*Ovis aries*) (10 фрагментов), домашняя свинья (*Sus scrofa*) (5 фрагментов), собака (*Canis familiaris*) (1 фрагмент), заяц-русак (*Lepus europaeus*) (1 фрагмент), а также неидентифицированная птица (1 фрагмент). Выборка представляет собой кухонные остат-

Таблица 3. Шурф 1. Структура керамического комплекса из слоя светло-серого грунта
Table 3. Prospecting shaft 1. The structure of a pottery assemblage from a layer of light grey soil

№ п/п	Наименование группы керамики	Всего фр-тов	%
1	Черепица (керамиды) IX–X вв. (Якобсон, 1979, с. 93–94)	2	1,2%
2	Черепица (керамиды) XIII в.	2	1,2%
3	Черепица (керамиды) раннесредневековая (?)	1	0,6%
4	Пифосы гладкостенные IX–X вв.	1	0,6%
5	Пифосы гладкостенные XIII в.	26	15,9%
6	Пифосы с корпусом, украшенным налепным валиком-обручем (Тесленко, 2015, с. 135–136, 145–146)	2	1,2%
7	Тарные сосуды с лощеной поверхностью XIII в. Азак (?)	5	3%
8	Тарные сосуды без точной атрибуции	4	2,4%
9	Амфоры желобчатые класса 36 по ХК-95 (конец VIII/первая половина IX – конец XI вв.)	1	0,6%
10	Амфоры плоскодонные с ангобированной поверхностью класса 52 по ХК-95 (XII–XIII вв.)	22	13,4%
11	Кувшины «скалистинского» типа (80-е гг. VI–XI вв.) (Науменко, 2009, с. 60–64; Седикова, 1995, с. 172–173)	1	0,6%
12	Неглазурованная столовая посуда (горшки с шаровидным туловом, декорированные врезным орнаментом) IX–X вв. (Майко, 2020, с. 44, 47, рис. 43.6, 61–62; Рыжов, Седикова, 1999, с. 321–322, рис. 8.1–4)	18	11%
13	Неглазурованная бытовая посуда (кувшины, ойнохойи) XII–XIII вв. (Якобсон, 1979, с. 117–118)	3	1,8%
14	Неглазурованная бытовая посуда со структурой черепка аналогичной амфорам класса 52 по ХК-95 (XII–XIII вв.)	17	10,4%
15	Неглазурованная бытовая посуда (кувшины) XIII в.	3	1,8%
16	Неглазурованная бытовая посуда (кувшины, горшки) без точной атрибуции	29	17,7%
17	Лепная кухонная посуда (горшки)	16	9,8%
18	Лепные сосуды неопределенные	6	3,7%
19	Глазурованная посуда (тарелки, блюда, чаши-миски) группы «Aegean Ware (Incised Sgraffito Ware)» (вторая половина XII–XIII вв.) (Megaw, 1975, p. 39; Papanikola-Bakirtzi, 1999, p. 21–22)	3	1,8%
20	Глазурованная посуда (кувшины) группы «Glazed White Ware II» (IX–XI вв.) или «Glazed White Ware IV» (вторая половина XII–XIII вв.) по Дж. Хейсу	2	1,2%
	Всего	164	100%

ки, имеются многочисленные характерные следы разделки: порубы, разломы, порезы. На рогах диких копытных (оленья, косули) отмечены следы порубов и срезов.

Прослойка бежевой глины зафиксирована в южной части шурфа. Её мощность до 0,12 м, состоит из плотной бежевой глины с включением незначительного количества щебня. Археологические находки в прослойке не обнаружены.

Слой светло-коричневого грунта, насыщенного большим количеством разнокалиберного камня и щебня, зафиксирован в восточной части шурфа. Его мощность от 0,18 до 0,53 м. Археологический комплекс находок из слоя представлен в основном немногочисленными фрагментами строительной, тарной, кухонной и столовой керамики (рис. 12: 1–10). Его структура приведена в сводной статистической таблице 4.

Комплекс индивидуальных находок из слоя небольшой. Изделия из глины представлены красноглиняным пряслицем IX–X в. (рис. 12: 12) (Ганцев, 2021, с. 88, рис. 1.1–7; Майко, 2004, с. 211–214, рис. 120–121; Майко, 2020, с. 123–124, рис. 141) и фрагментом красноглиняного пряслица без точной атрибуции (рис. 12: 11); крышками для амфор (2 экз.), изготовленными из стенок гладкостенных пифосов (рис. 12: 13–14); из камня – фрагментом зернотёрки округлой формы, лицевая поверхность которой содержит следы многократного использования, фрагментом точильного камня (рис. 12: 15); плиткой каменной. Также в слое обнаружены куски шлака (2 экз.).

Археозоологический материал представлен 47 единицами, из которых идентифицированы 28. Видовой состав выборки: олень благородный (*Cervus elaphus*) (5 фрагментов костей, 2 фрагмента рога), домашний крупный рогатый

Таблица 4. Шурф 1. Структура керамического комплекса из слоя светло-коричневого грунта
Table 4. Prospecting shaft 1. The structure of a pottery assemblage from a layer of light brown soil

№ п/п	Наименование группы керамики	Всего фр-тов	%
1	Черепица (керамиды) XIII в.	3	3,7%
2	Пифосы гладкостенные XIII в.	16	19,8%
3	Пифосы с корпусом, украшенным наклепным валиком-обручем с пальцевыми вдавлениями поверх него XIII–XIV вв.	2	2,5%
4	Пифосы без точной атрибуции	3	3,7%
5	Тарные сосуды неопределенные	2	2,5%
6	Амфоры с удлиненным бороздчатым корпусом и высоко поднятыми над горлом ручками типа III по Н. Гюнзенин/класса 48 по ХК-95 (середина XII – начало XIII вв.)	1	1,2%
7	Амфоры плоскодонные с ангобириванной поверхностью класса 52 по ХК-95 (XII–XIII вв.)	7	8,6%
8	Неглазурованная бытовая посуда (кувшины) XII–XIII вв.	1	1,2%
9	Неглазурованная бытовая посуда (кувшины) со структурой черепка аналогичной амфорам класса 52 по ХК-95 (XII–XIII вв.)	1	1,2%
10	Неглазурованные бытовые сосуды (горшки) неопределенные	2	2,5%
11	Лепная кухонная посуда (горшки)	43	53,1%
	Всего	81	100%

скот (*Bos taurus*) (14 фрагментов), домашняя свинья (*Sus scrofa*) (7 фрагментов). Выборка представляет собой кухонные остатки, имеются многочисленные характерные следы разделки: порубы, разломы, порезы. На рогах оленя отмечены следы порубов и срезов.

Глиняная площадка зафиксирована на большей части площади шурфа, за исключением полосы вдоль восточного борта и северо-восточного угла. Она примыкает непосредственно к оборонительной стене. В ходе исследования выявлены три уровня глиняной промазки. Все они выполнены из светло-жёлтой глины с примесью щебня. На поверхностях двух более ранних уровней промазки отмечены локальные следы горения: на отдельных участках поверхность приобрела оранжевый или оранжево-красный цвет, насыщена мелкими углями и линзами золы. Толщина глиняной площадки от 0,04 до 0,16 м.

Слой красновато-коричневого грунта, насыщенного большим количеством разнокалиберного камня и щебня, исследован по всей площади шурфа. Его мощность от 0,03 до 0,34 м. Структура слоя позволяет предположить, что он являлся нивелировочной подсыпкой. Она была устроена непосредственно в период сооружения или вскоре после возведения оборонительной стены крепости для нивелировки скальной поверхности на пристенной территории. Археологический комплекс находок из слоя состоит, за исключением обломка красноглиняной курильницы, из фрагментов строительной, тарной, кухонной и столовой керамики (рис. 13: 1–20; 14: 1–8). Его струк-

тура приведена в сводной статистической таблице 5.

Материк. Вышеназванный слой нивелировочной подсыпки подстилает материковая скала. Она сохранила естественный облик (неровная, сильно трещиноватая скальная поверхность). Естественный рельеф на данном участке имеет уклон к северу.

В северо-западной части шурфа частично открыт заплывший котлован землянки (**объект 1**), устроенной в период Великой Отечественной войны. С севера она примыкала к оборонительной стене крепости. Стенки землянки практически вертикальные, максимальные размеры исследованной части – 1,49×1,29 м, глубина котлована около 1,28 м. Заполнение – серый рыхлый грунт, насыщенный большим количеством разнокалиберного камня и щебня, а также продуктами горения (зола, угли).

Пол землянки представлял собой утоптаный серый грунт, толщиной до 0,10 м. Имеет следы горения – поверхность на большей части приобрела оранжевый или жёлтый цвет, зафиксирована зольно-угольная линза, толщиной до 0,04 м. На поверхности пола обнаружены патроны 7,92×57 мм от винтовки Маузер (2 экз.) 1937 и 1939 г. производства (рис. 14: 9–10); пуговицы алюминиевые для амуниции (2 экз.) производства Германии или Королевства Румыния (рис. 14: 11–12).

Кладка 2 (рис. 6: IV) представляет собой оборонительную стену крепости. Участок её внутреннего панциря был исследован на протяжении двух метров на всю глубину зале-

Рис. 10. Шурф 1. Комплекс находок из слоя серого рыхлого грунта.
Fig. 10. Prospecting shaft 1. A complex of finds from a layer of grey friable soil.

гания. Крепостная стена выполнена в технике трёхслойной двухпанцирной с забутовкой кладки. Сохранилась на высоту до 3,16 м. Внутренний панцирь стены сложен из разномерных камней с относительно грубо обработанной лицевой поверхностью на известковом растворе с примесью мелкого галечника. Камни внутреннего панциря были уложены не на материковую скалу, а на подготовленную подсыпку, представляющую собой красновато-коричневый грунт, насыщенный

большим количеством мелкого камня и отёса. Мощность данной подсыпки до 0,17 м. Внешний панцирь стены на данном участке сохранился частично. Сложен, как и внутренний, из разномерного камня на известковом растворе. Однако в отличие от внутреннего панциря, в кладке нижнего яруса присутствуют более крупные камни.

Шурф 2 (рис. 7: VIII–XII) разбит на искусственной террасе, идущей от входа в укрепление в восточном направлении. Шурф

Таблица 5. Шурф 1. Структура керамического комплекса из слоя красновато-коричневого грунта
Table 5. Prospecting shaft 1. The structure of a pottery assemblage from a layer of reddish brown soil

№ п/п	Наименование группы керамики	Всего фр-тов	%
1	Плинфа раннесредневековая	1	0,5%
2	Черепица (керамиды и калиптеры) IX–X вв.	18	8,7%
3	Черепица (керамиды и калиптеры) без точной атрибуции	5	2,4%
4	Пифосы X в.	1	0,5%
5	Пифосы с реберчато-желобчатой поверхностью IX–X вв.	19	9,2%
6	Пифосы без точной атрибуции*	44	21,3%
7	Тарные сосуды неопределенные	7	3,4%
8	Амфоры типа Делакеу/типа 100 по И.Б. Зеест/тип C Snr I по Д. Кассаб Тезгёр/типа Oraif E-Ia/типа 8 по Д. Параскиву (IV – начало VI вв.) (Яшная, 2015, с. 130–133; Kassab Tezgör, 2010, p. 128–129)	2	1%
9	Амфоры с сужением корпуса класса 1 по ХК-95/типа 103 по И.Б. Зеест/типа 7 по А.Л. Якобсону (вторая половина IV – конец VII вв.) (Зинько В.Н., Зинько А.В., 2019, с. 174; Романчук, Сазанов, Седикова, 1995, с. 16–19)	1	0,5%
10	Амфоры «глобулярные» с яйцевидным корпусом, украшенным в верхней части зонами концентрических окружностей варианта 1 по А.Л. Якобсону/класса 24 по ХК-95 (VIII – конец X вв.) (Майко, 2020, с. 77–78; Паршина, Тесленко, Зеленко, 2001, с. 53–81; Романчук, Сазанов, Седикова, 1995, с. 50–52)	44	21,3%
11	Амфоры желобчатые класса 36 по ХК-95 (конец VIII/первая половина IX – конец XI вв.)	9	4,3%
12	Амфоры неопределенные	1	0,5%
13	Неглазурованная кухонная посуда (горшки с шаровидным туловом, отогнутым венчиком и уплощенной ручкой) IX–XI вв. (Нессель, 2006, с. 101–102, рис. 21–22)	4	1,9%
14	Высокогорлые кувшины «таманского» типа с широкими плоскими ручками и плоским дном класса 41 по ХК-95 (третья четверть IX – конец XI вв.) (Науменко, 2009, с. 50–57; Романчук, Сазанов, Седикова, 1995, с. 63–66)	2	1%
15	Неглазурованная посуда (кувшины) IX–X вв. (Седикова, 1995, с. 172–173)	7	3,4%
16	Кувшины «скалистинского» типа (80-е гг. VI–XI вв.)	4	1,9%
17	Неглазурованная бытовая посуда (кувшины, горшки) неопределенная	4	1,9%
18	Лепная кухонная посуда (кувшины, горшки)	38	18,4%
	Всего	207	100%

* На поверхности одного фрагмента стенки тулова пифоса сохранился фрагмент граффити: «тѡ А...» («такому-то») (рис. 13: 17).

размером 2,0×2,0 м ориентирован бортами по сторонам света. Мощность исследованных культурных напластований составила до 0,45 м. Описание слоёв приводится в порядке от верхних к нижним.

Дерновый слой зафиксирован по всей площади шурфа. Его мощность от 0,06 до 0,10 м. Слой представлял собой рыхлый гумусированный чёрный грунт с включением щебня. Археологические находки в слое не обнаружены.

Слой светло-серого грунта, насыщенного большим количеством разнокалиберного камня и щебня, исследован на большей части площади шурфа. Его мощность от 0,01 до 0,40 м. Археологический комплекс находок из слоя состоит преимущественно из фрагмен-

тов тарных сосудов, а также из немногочисленных фрагментов строительной, кухонной и столовой керамики (рис. 15: 1–7). Его структура приведена в сводной статистической таблице 6.

Слой тёмно-серого грунта с включением мелких и средних камней исследован в юго-восточной части шурфа. Его мощность от 0,07 до 0,23 м. Археологический материал невыразительный, представлен единичными фрагментами керамики IX–X в. (рис. 15: 8), раннесредневековой амфоры, а также амфор класса 52 по ХК-95, неглазурованных кухонных сосудов без точной атрибуции.

Материк. Вышеназванные слои светло-серого и тёмно-серого грунта подстилает материковая скала. Она сохранила естественный

Рис. 11. Шурф 1. Комплекс находок из слоя светло-серого грунта.
 Fig. 11. Prospecting shaft 1. A complex of finds from a layer of light grey soil.

облик (неровная, сильно трещиноватая скальная поверхность). На отдельных участках поверхности скалы отмечены следы термического воздействия. Естественный рельеф на данном участке имеет уклон к северу.

Шурф 3 (рис. 8: XIII–XVII) разбит на вершине г. Исар. Шурф размером 2,0×2,0 м ориентирован бортами по сторонам света. Мощность исследованных культурных напластований составила до 0,56 м. Описание слоёв приводится в порядке от верхних к нижним.

Дерновый слой зафиксирован по всей площади шурфа. В основном он заполнял пространство между средними и крупными камнями. Его мощность от 0,04 до 0,09 м. Слой представлял собой рыхлый гумусированный чёрный грунт с включением щебня, мелких камней и корней. Археологические находки в слое не обнаружены.

Слой тёмно-серого грунта, насыщенного большим количеством разнокалиберного камня и щебня, зафиксирован по всей площа-

Таблица 6. Шурф 2. Структура керамического комплекса из слоя светло-серого грунта
 Table 6. Prospecting shaft 2. The structure of a pottery assemblage from a layer of light grey soil

№ п/п	Наименование группы керамики	Всего фр-тов	%
1	Черепица (керамиды) IX–X вв.	1	1,5%
2	Черепица (керамиды) XII–XIII вв.	1	1,5%
3	Черепица (керамиды) без точной атрибуции	1	1,5%
4	Пифосы гладкостенные IX–X вв.	4	5,9%
5	Пифосы гладкостенные XII–XIII вв.	11	16,2%
6	Амфоры желобчатые класса 36 по ХК-95 (конец VIII/первая половина IX – конец XI вв.)	3	4,4%
7	Амфоры плоскодонные с ангобированной поверхностью класса 52 по ХК-95 (XII–XIII вв.)	30	44,1%
8	Неглазурованная бытовая посуда (кувшины) со структурой черепка аналогичной амфорам класса 52 по ХК-95 (XII–XIII вв.)	2	2,9%
9	Неглазурованная посуда (горшки) неопределенная	3	4,4%
10	Лепная кухонная посуда (горшки)	12	17,6%
	Всего	68	100%

ди шурфа. Его мощность от 0,04 до 0,47 м. Археологический комплекс находок состоит, помимо бесформенного обломка чугунного изделия, из единичных фрагментов строительной, тарной, кухонной и столовой керамики (рис. 15: 9–12). Его структура приведена в сводной статистической таблице 7.

Материк. Вышеназванный слой подстилает материковая скала. Она сохранила естественный облик (неровная, сильно трещиноватая скальная поверхность).

Шурф 4 (рис. 8: XVII–XXII) разбит на краю искусственной террасы, идущей от входа в укрепление в восточном направлении. Терраса ограничена подпорной стеной-крепидой. Шурф размером 1,0×2,0 м ориентирован бортами по сторонам света, его максимальная глубина составила до 0,38 м. Описание слоёв приводится в порядке от верхних к нижним.

Дерновый слой зафиксирован по всей площади шурфа. Его мощность от 0,02 до 0,09 м. Слой представлял собой рыхлый гумусированный чёрный грунт с включением мелких камней и корней. Комплекс археологического материала представлен единичными фрагментами гладкостенных пифосов раннесредневековых и X–XIII в., красноглиняного кувшина IX–X в. (рис. 15: 14), лепного кухонного горшка, поливной красноглиняной монохромной миски группы «Aegean Ware (Incised Sgraffito Ware)» (2-я пол. XII–XIII в.) (рис. 15: 13).

После удаления дернового слоя открыт участок **забутовки** размером 1,0×1,1–1,2 м, выполненной из разнокалиберного камня и щебня. Его поверхность являлась уровнем древней дневной поверхности «улицы», проходившей по террасе. С северной сторо-

ны терраса ограничена крепидой (**кладка 3**), выложенной насухо из бута среднего размера, толщиной 0,70–0,75 м. Крепида была перекрыта **слоем тёмно-серого грунта** с включением мелких камней и щебня, мощностью до 0,32 м. В нём обнаружены единичные фрагменты керамики IX–X в. (рис. 15: 15), амфор класса 36, 48, 52 по ХК-95, обломок декоративной детали ручки бронзового кувшина, имитировавшей, возможно, крючок (рис. 15: 16). Каменная забутовка после зачистки её поверхности не подвергалась дальнейшей разборке.

Археологическое обследование памятника в 2019 г. позволило уточнить конструктивные особенности крепостной ограды Чоргунского Исара. Оборонительная стена выполнена в технике трёхслойной двухпанцирной с забутовкой кладки. Её толщина 1,5–2,2 м, сохранилась на высоту до 3,25 м. Кладка иррегулярная, велась поярусно сразу по всей длине крепостной ограды. Весь кладочный материал представлен мраморовидным известняком.

Внешний панцирь стены сложен из разнокалиберных камней с дополнительной, относительно грубой, околкой на известковом растворе с примесью мелкого галечника и мелкой каменной крошки (на отдельных участках). Обработанную поверхность выводили наружу как лицевую. Камни подгонялись не плотно. В кладке нижнего яруса присутствуют более крупные камни. Зазоры между бутами повсеместно забивались мелкими камнями и затирались кладочным раствором. Внутренний панцирь, как и внешний, сложен из разнокалиберного бута на известковом растворе. Однако, в отличие от внешне-

Рис. 12. Шурф 1. Комплекс находок из слоя светло-коричневого грунта.
 Fig. 12. Prospecting shaft 1. A complex of finds from a layer of light brown soil.

Таблица 7. Шурф 3. Структура керамического комплекса из слоя темно-серого грунта
 Table 7. Prospecting shaft 3. The structure of a pottery assemblage from a layer of dark grey soil

№ п/п	Наименование группы керамики	Всего фр-тов	%
1	Черепица (керамиды и калиптеры) XII–XIII вв.	2	5,7%
2	Черепица (керамиды) без точной атрибуции	2	5,7%
3	Пифосы гладкостенные X–XIII вв.	1	2,9%
4	Пифосы с корпусом, украшенным налепным валиком-обручем с пальцевыми вдавлениями поверх него XIII–XIV в.	4	11,4%
5	Пифосы без точной атрибуции	2	5,7%
6	Тарные сосуды неопределенные	1	2,9%
7	Амфоры плоскодонные с ангобированной поверхностью класса 52 по ХК-95 (XII–XIII вв.)	7	20%
8	Неглазурованная бытовая посуда XII–XIII вв.	3	8,6%
9	Неглазурованная бытовая посуда со структурой черепка аналогичной амфорам класса 52 по ХК-95 (XII–XIII вв.)	5	14,3%
10	Неглазурованная бытовая посуда (кувшины) группы ЮЗК (?) (XIV–XV вв.)	5	14,3%
11	Лепные сосуды закрытого типа	3	8,6%
	Всего	35	100%

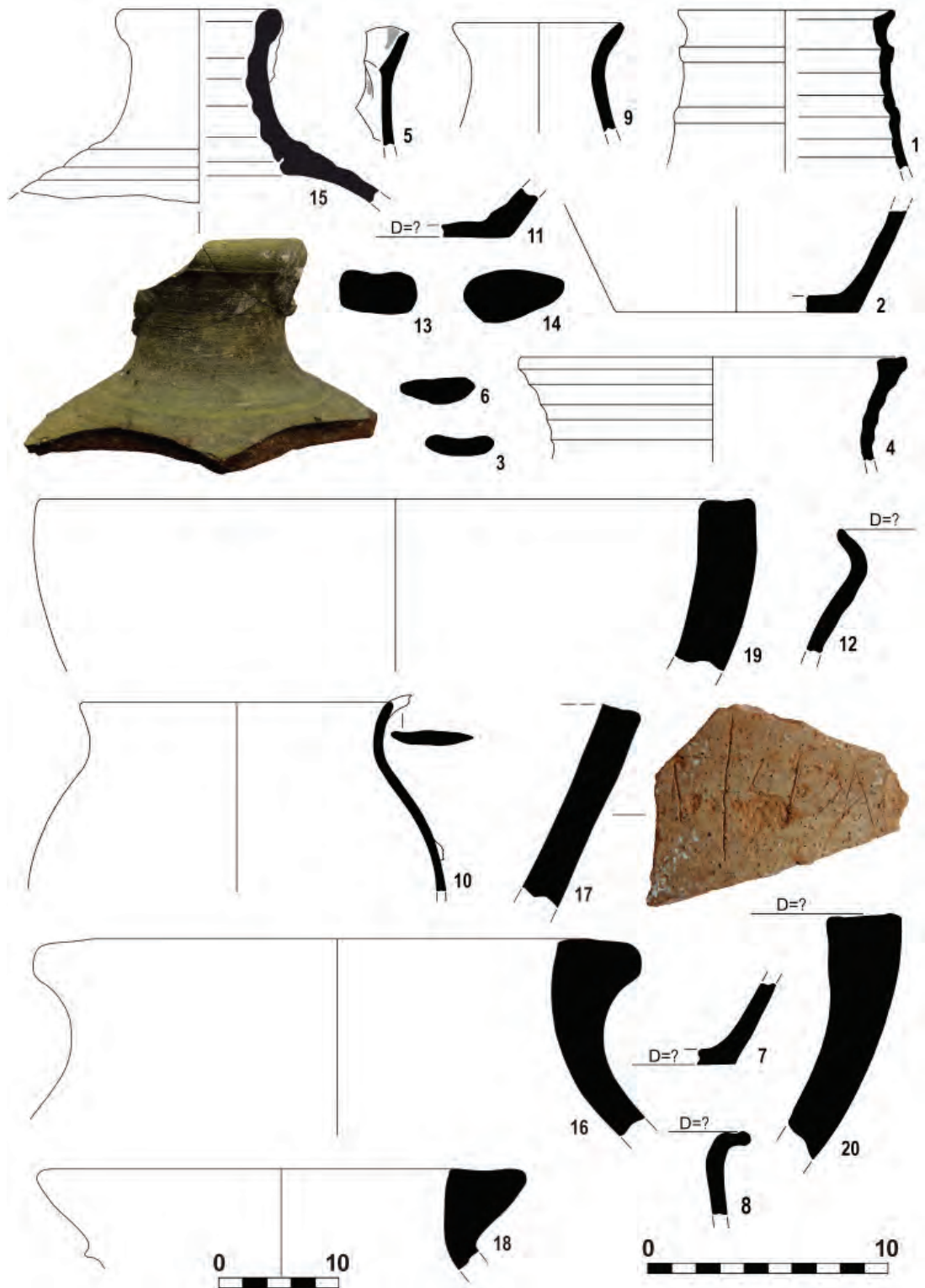

Рис. 13. Шурф 1. Комплекс находок из слоя красновато-коричневого грунта.
Fig. 13. Prospecting shaft 1. A complex of finds from a layer of reddish brown soil.

го панциря, швы между ним менее тщательно заполнялись мелкими камнями и затирались известковым раствором. Камни внутреннего панциря стены на исследованном участке были уложены не на материковую скалу, а на подготовленную подсыпку мощностью до 0,17 м.

Также в ходе исследования памятника удалось проследить ещё некоторые конструктивные и технологические особенности кладки крепостной стены. Первоначально на выровненном подсыпкой участке возводились нижние ряды двух панцирей. Затем между ними выполнена забутовка, состояв-

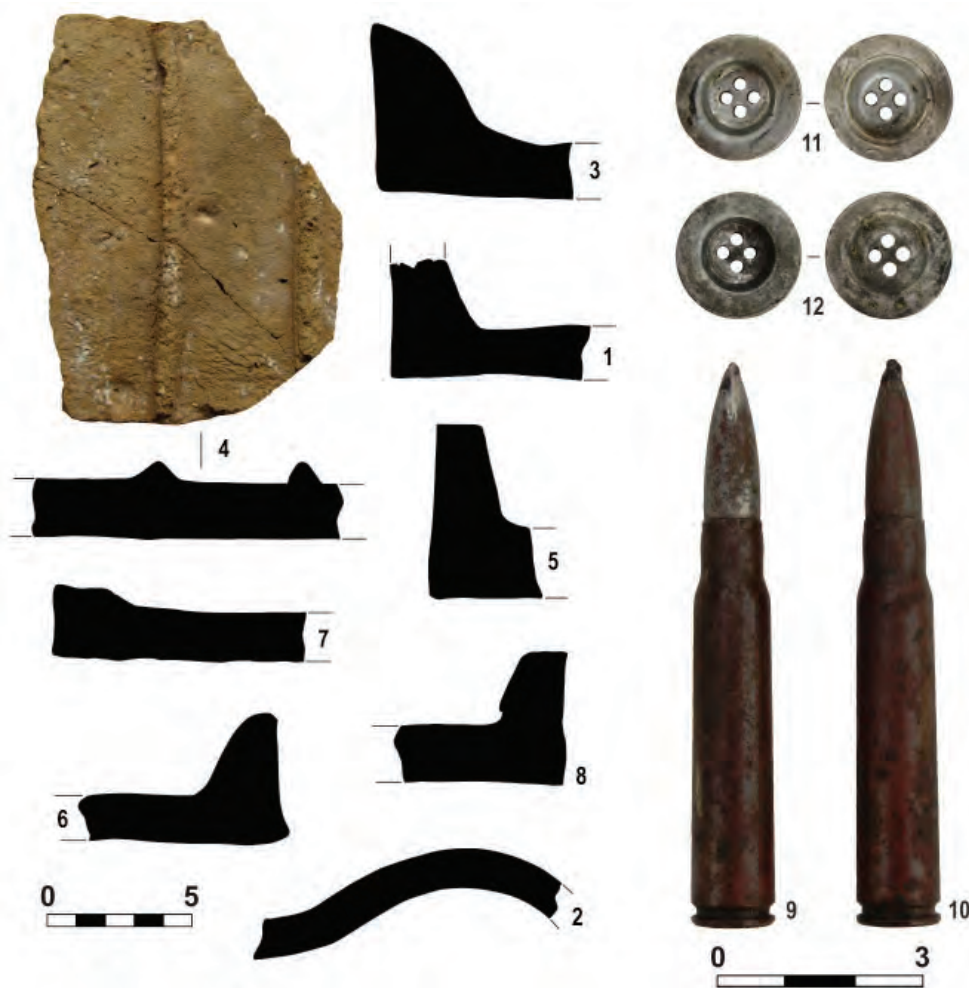

Рис. 14. Шурф 1. Комплекс находок из слоя красновато-коричневого грунта (1–8) и с поверхности пола землянки (прокаленный утрамбованный грунт) (9–12).
Fig. 14. Prospecting shaft 1. A complex of finds from a layer of reddish brown soil (1–8) and from the floor surface of a hut (burned tamped soil) (9–12).

шая из мелкого камня и отёса, насыщенного красновато-коричневым грунтом. После этого поверх забутовки между панцирями набрасывался густой известковый раствор, в который укладывались мелкие и средние камни. Сверху они опять набрасывались раствором с повторением операции. При этом использовался достаточно густой известковый раствор, масса которого из-за этого не растекалась и не заполняла всё пространство между камнями. Вследствие чего в стене образовалось множество пустот. Использование данного приема при возведении крепостной ограды зафиксировано на всём её протяжении. Также в стене отмечен канал. Его размеры: высота – 0,19 м, ширина – 0,17 м, в толще кладки посредством излома профиля образует колено.

Внутри укрепления фиксируются остатки прямоугольных и квадратных каменных строений, расположение которых зависело от микрорельефа. Также отмечены следы искус-

ственной террасы, ограниченной подпорной стеной-крепидой и ориентированной применительно к рельефу местности. Её поверхность была вымощена разнокалиберным камнем и щебнем.

Время существования данной крепости укладывается в пределы XIII в. Также следует отметить тот факт, что в слоях, накопление которых проходило уже в период функционирования укрепления, в качестве «примеси снизу» присутствуют артефакты средневизантийского периода. Комплекс археологического материала из нивелировочной подсыпки, устроенной непосредственно в период сооружения или вскоре после возведения крепостной ограды для выравнивания скальной поверхности на пристенной территории, за исключением единичных фрагментов керамических изделий ранневизантийского времени, имеет общую дату в пределах 2-й пол. IX–XI в. Красновато-коричневый суглинок,

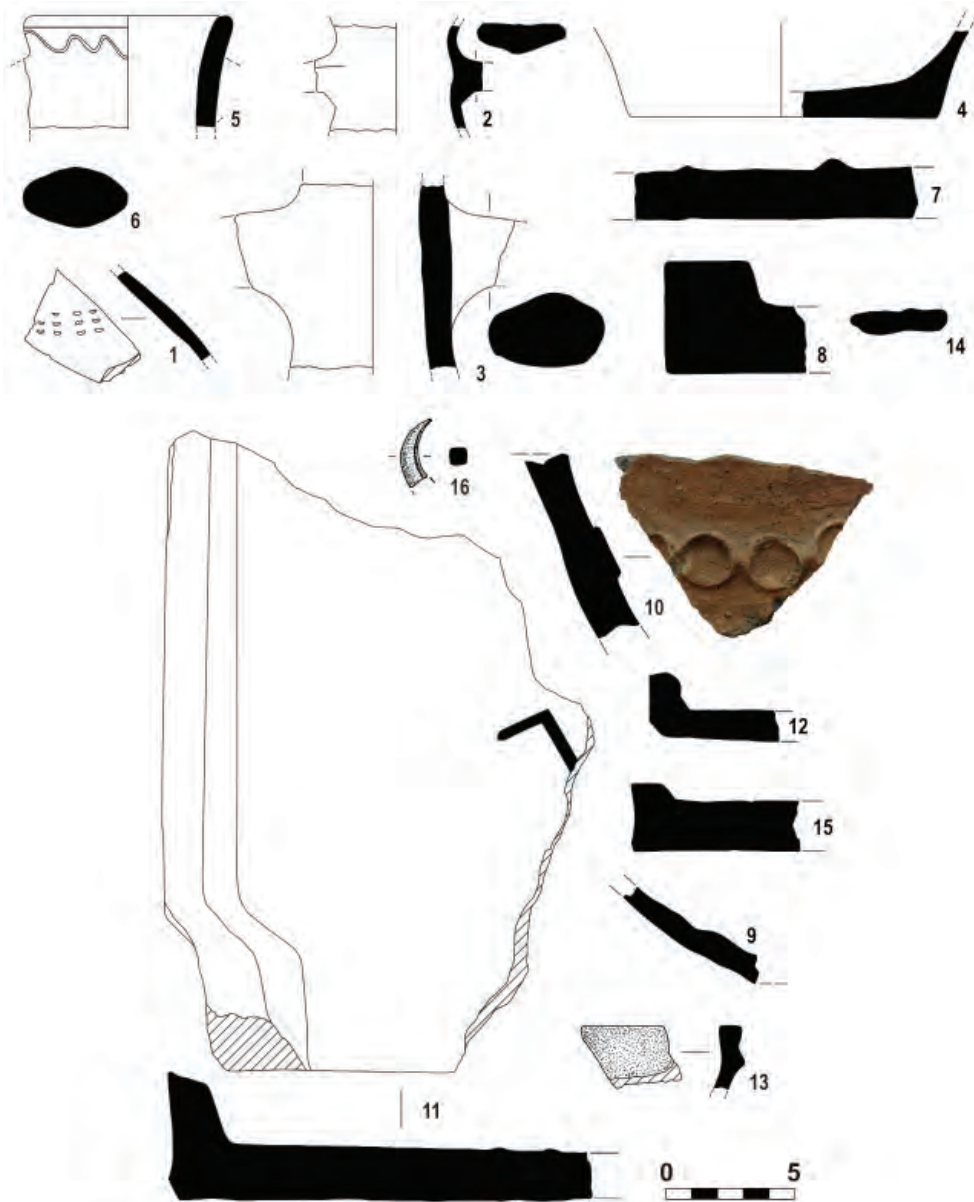

Рис. 15. Комплекс находок из шурфов 2 (1–8), 3 (9–12), 4 (13–16).
Fig. 15. The complex of finds from prospecting shafts 2 (1–8), 3 (9–12), 4 (13–16).

использовавшийся для отсыпки, представляет собой, по сути, переотложенный более ранний культурный слой, выборка которого осуществлялась, вероятнее всего, в непосредственной близости. Всё это позволяет высказать предположение о существовании в «фемный» период на данной территории поселения или укрепления. Однако следует отметить, что в ходе текущих разведочных работ следов более ранних фортификационных сооружений не отмечено.

В период Великой Отечественной войны в средневековом укреплении сначала располагался опорный пункт 2-го Черноморского полка морской пехоты, а затем румынский наблюдательный пункт. В это время часть

территории, непосредственно примыкавшей к внутренней стороне крепостной ограды, была повреждена устроенными здесь землянками.

На склоне г. Исар отмечены следы древней дороги, которая проходила от седловины между ней и г. Чирка-Каясы в северо-восточном направлении до Чоргунского Исара. Она плохо сохранилась, отдельные, сильно оплывшие участки лишь слабо выделяются в микро-рельефе. Всего удалось проследить дорогу на протяжении около 0,15 км. На седловине она соединяется с другой древней дорогой, участок которой проходил по северному и северо-восточному склонам г. Чирка-Каясы (рис. 2).

Благодарности:

Авторы выражают глубокую признательность кандидату биологических наук Е.В. Гладиліной за анализ археозоологического материала.

Примечания:

¹ В начале 2000-х гг. пространство внутри оборонительных стен, как и эспланада крепости, подверглись многочисленным грабительским раскопкам. Данное обстоятельство, одновременно с нахождением памятника в зоне строго ограниченного использования Государственного природного ландшафтного заказника регионального значения «Байдарский», произрастания на данной территории растений, занесенных в Красную книгу города Севастополя (можжевельник высокий, единичные экземпляры фисташки туполистной, асфоделина желтая), в значительной степени повлияли на определение места закладки шурфов и общий ход разведочных работ. В дальнейшем план исследований был скорректирован ограничением Главного управления природных ресурсов и экологии города Севастополя (Севприроднадзор) на проведение на данной территории земляных работ. В частности, не удалось провести археологическое обследование располагавшейся за пределами оборонительной стены, ниже по склону напротив башни-донжона и воротного проема, и вскрытой грабительскими шурфами, предположительно, свалки крепости.

ЛИТЕРАТУРА

Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). Киев: Наукова думка, 1990. 168 с.

Бибиков С.Н. Средневековое укрепление Исар близ сел. Чоргунь (Крым) // КСИИМК. Вып. II / Отв. ред. С.Н. Бибиков. М., Л.: АН СССР, 1939. С. 30–32.

Бибиков С.Н. Грот Мурзак-коба – новая позднелеолитическая стоянка в Крыму // СА. 1940. № 5. С. 159–178.

Ганцев В.К. Средневековые пряслица из раскопок Мангупского княжеского дворца (предварительное сообщение) // XXII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Новые открытия, новые проекты / Ред.-сост.: В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Симферополь; Керчь: ИП Кифниди Г.И., 2021. С. 86–95.

Завадская И.А., Голофаст Л.А. Керамические комплексы хозяйственных вырубков в квартале 1 на городище Эски-Кермен (раскопки 2006 и 2007 гг.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии (МАИЭТ). 2018. Вып. XXIII. С. 305–358.

Зинько В.Н., Зинько А.В. Амфорный склад из раскопок ранневизантийской Тиритаки // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии (МАИЭТ). 2019. Вып. XXIV. С. 173–185.

Карпов С.П. История Трапезундской империи. СПб.: Алетейя, 2007. 624 с.

О сохранении и возобновлении в Крыму памятников древности, и об издании описания и рисунков оных // ЗООИД. 1872. № 8. С. 363–403.

Майко В.В. Средневековое городище на плато Тепсень в юго-восточном Крыму. Киев: Академперіодика, 2004. 316 с.

Майко В.В. Сугдея в конце VII – первой половине X века. Симферополь: Колорит, 2020. 312 с.

Масловский А.Н. Керамический комплекс поселения Мартышкина балка (Койсугское) (вторая половина XIII в.) // Вестник Южного научного центра. 2009. Т. 5. № 3. С. 59–68.

Мыц В.Л. Укрепления Таврики X–XV вв. Киев: Наукова думка, 1991. 164 с.

Мыц В.Л. К 100-летию со дня рождения Сергея Николаевича Биби́кова. Штрихи к портрету: взгляд в прошлое // Актуальные проблемы первобытной археологии Восточной Европы / Археологический альманах. № 20 / Отв. ред. В.П. Чабай. Донецк: Донбасс, 2009. С. 9–16.

Мыц В.Л. Завоевание поздневизантийской Таврики монголами: историко-археологический контекст катастрофы последней четверти XIII века // Stratum Plus. 2016. № 6. С. 69–106.

Мыц В.Л. Сторожевые укрепления XIII века «Херсакеи» и Крымской Готии // Поволжская археология. 2020. № 2 (32). С. 48–63.

Науменко В.Е. Высокогорные кувшины с широкими плоскими ручками // Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Т. I. Археологические комплексы VIII–X вв. Симферополь; Керчь: АДЕФ-Украина, 2009. С. 50–57.

Науменко В.Е. Столовая посуда // Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Т. I. Археологические комплексы VIII–X вв. Симферополь; Керчь: АДЕФ-Украина, 2009. С. 60–64.

Нессель В.А. Керамический комплекс // Херсонесский сборник. Supplement I. Топография Херсонеса Таврического. Водосборная цистерна жилого дома в квартале VII (IX–XI вв.) / Ред. А.Б. Бернацки, Е.Ю. Кленина. Севастополь: Максим, 2006. С. 95–140.

Отчет о полевых исследованиях Севастопольской охранно-новостроечной археологической экспедиции в 1980 и 1981 гг. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 2252.

Паршина Е.А., Тесленко И.Б., Зеленко С.М. Гончарные центры Таврики VIII–X вв. // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї (Морская торговля в Северном Причерноморье) / Отв. ред. М.И. Гладких. Київ: Стилос, 2001. С. 52–81.

Романчук А.И. Строительные материалы византийского Херсона. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2004. 238 с.

Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов Византийского Херсона. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1995. 169 с.

Рыжов С.Г., Седикова Л.В. Комплексы X века из раскопок квартала X «Б» Северного района Херсонеса // Херсонесский сборник. Вып. X / Отв. ред. М.И. Золотарев. Севастополь, 1999. С. 312–329.

Седикова Л.В. Керамический комплекс первой половины IX века из раскопок водохранилища в Херсонесе // РА. 1995. № 2. С. 170–177.

Седикова Л.В. Керамический комплекс XIII в. из слоя разрушения усадеб 2 и 3 в квартале L Херсонесского городища // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии (МАИЭТ). 2018. Вып. XXIII. С. 402–458.

Тахтай А. Отчет о рекогносцировочном обследовании Чоргунского Исара в Крыму 1–2 октября 1938 г. // НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1938. Д. 66.

Тесленко И.Б. Пифосы из археологических комплексов Таврики XIV–XV вв. // Генуэзская Газария и Золотая Орда / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдигов. Казань, Симферополь, Кишинев: Stratum plus, 2015. С. 125–163.

Тесленко И.Б. Керамика Крыма XV века. Киев: ИА НАН Украины, 2021. 308 с.

Трусова С.А. Краткий обзор работ Крымской палеолитической экспедиции 1936 г. // СА. 1940. № 5. С. 298–301.

Тункина И.В. Академическая археологическая экспедиция в Новороссийский край 1821 г. под руководством академика Е.Е. Кёлера (Новые архивные материалы) // ВДИ. 2013. № 1. С. 197–214.

Чоргунский Исар. Топоъемка. 1980 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 118. Инв. 3515.

Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л. 1979. 164 с.

Яшина О.С. Амфоры типа Делакеу из раскопок Мангупа // Проблемы истории, филологии, культуры (ПИФК). 2015. № 3. С. 120–139.

Byzantine Glazed Ceramics: The Art of Sgraffito / ed. D. Papanikola-Bakirtzi. Athens: Archaeological Receipts Fund, 1999. 270 p.

Günsenin N. La typologie des amphores Günsenin. Une mise au point nouvelle // Anatolia Antiqua. 2018. XXVI. P. 89–124.

Hayes J.W. Excavations at Saraçhane in Istanbul. Vol. 2. The Pottery. Princeton, N.J.: Princeton University Press; Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1992. 445 p.

Kassab Tezgör D. Typologie des amphores sinopéennes entre les IIe – IIIe s. et le VIe s. ap. J.-C. // Les fouilles et le matériel de l'atelier amphorique de Demirci près de Sinope / édité par Dominique Kassab Tezgör. Paris: French Institute of Anatolian Studies – De Boccard, 2010. P. 121–140.

Megaw A.H.S. Zeuxippus Ware // The Annual of the British School of Archaeology at Athens. 1968. Vol. 63. P. 67–88.

Megaw A.H.S. An early Thirteenth-Century Aegean Glazed Ware // Studies in Memory of David Talbot Rice / eds. Robertson, Giles and Henderson, George. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1975, P. 34–45.

Waksman S.Y., François V. Vers une redéfinition typologique et analytique des céramiques du type Zeuxippus Ware // Bulletin de Correspondance Hellénique. 2004–2005. Vol. 128–129(2.1). P. 629–724.

Информация об авторах:

Неделькин Евгений Владимирович, научный сотрудник, Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический» (г. Севастополь, Россия): nedelkin-evgeniy2014@yandex.ru

Гинькут Наталия Виталиевна, ученый секретарь, Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический» (г. Севастополь, Россия): n-ginkut@yandex.ru

REFERENCES

- Baranov, I. A. 1990. *Tavrika v epokhu rannego srednevekov'ia (saltovo-maiatskaia kul'tura) (Tauris in the Early Middle Ages (Saltovo-Mayaki Culture))*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
- Bibikov, S.N. 1939. In Bibikov, S. N. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture) 2*. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 30–32 (in Russian).
- Bibikov, S. N. 1940. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology) (5)*, 159–178 (in Russian).
- Gantsev V.K., 2021. In Zin'ko, V. N., Zin'ko, E. A. (eds.). *XXII Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Novye otkrytiya, novye proekty (XXII Bosporan Readings. Cimmerian Bosphorus and the World of Barbarians in Antiquity and the Middle Ages. New discoveries, new projects)*. Simferopol; Kerch: "Kifnidi G. I." Publ., 86–95 (in Russian).
- Zavadskaya, I.A, Golofast, L.A. 2018. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria) (23)*, 305–358 (in Russian).
- Zin'ko, V.N., Zin'ko, A.V. 2019. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria) (24)*, 173–185 (in Russian).
- Karpov, S. P. 2007. *Istoriia Trapezundskoi imperii. Vtoroe izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe (History of the Empire of Trebizond. Second edition, revised and supplemented)*. Saint-Petersburg: "Aleteiia" Publ. (in Russian).
1872. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii drevnostei (Notes of the Odessa Society of History of Antiquities) 8*. Odessa, 363–403 (in Russian).
- Maiko, V. V. 2004. *Srednevekovoe gorodishche na plato Tepsen' v iugo-vostochnom Krymu (Medieval settlement on the Tepsen Plateau in the South-Eastern Crimea)*. Kiev: "Akademperiodika" Publ. (in Russian).
- Maiko, V. V. 2020. *Sugdeya v kontse VII – pervoy polovine X veka (Sougdaia at the end of the 7th – the first half of the 10th century)*. Simferopol: "Kolorit" Publ. (in Russian).
- Maslovsky, A. N. 2009. In *Vestnik Yuzhnogo nauchnogo tsentra (Bulletin of the Southern Scientific Center) 5 (3)*. 59–68 (in Russian).
- Myts, V. L. 1991. *Ukrepenniia Tavriki X–XV vv. (Fortifications of Taurica in the 10th–15th Centuries)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
- Myts, V. L. 2009. In Chabay, V. P. (eds.). *Aktual'nye problemy pervobytnoy arkheologii Vostochnoy Evropy (Актуальные проблемы первобытной археологии Восточной Европы)*. Series: *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological almanac) 20*. Donetsk: "Donbass" Publ., 9–16 (in Russian).
- Myts, V. L. 2016. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology (6)*, 69–106 (in Russian).
- Myts, V. L. 2020. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology) 32 (2)*, 48–63 (in Russian).
- Naumenko, V. E. 2009. In Zin'ko, V.N., Ponomarev, L.Yu. 2009. *Tiritaka. Raskop XXVI. T. I. Arkheologicheskie komplekсы VIII–X vv. (Tyritake. Excavation XXVI. Vol. I. Archaeological assemblages of the 8th–10th centuries)*. Simferopol; Kerch: "ADEF-Ukraine" Publ., 50–57 (in Russian).
- Naumenko, V.E. 2009. In Zin'ko, V.N., Ponomarev, L.Yu. 2009. *Tiritaka. Raskop XXVI. T. I. Arkheologicheskie komplekсы VIII–X vv. (Tyritake. Excavation XXVI. Vol. I. Archaeological assemblages of the 8th–10th centuries)*. Simferopol; Kerch: "ADEF-Ukraine" Publ., 60–64 (in Russian).
- Nessel, V. A. 2006. In Bernatsky, A. B., Klenina, E. Yu. (eds.). *Khersonesskii sbornik. Supplement I. Topografiia Khersonesa Tavricheskogo. Vodobornaia tsisterna zhilogo doma v kvartale VII (IX–XI vv.) (Chersonesus collection. Supplement I. Topography of Chersonesus. Water cistern of a residential building in quarter VII (IX–XI centuries))*. Sevastopol: "Maksim" Publ., 95–140 (in Russian).
- Otchet o polevykh issledovaniyakh Sevastopol'skoy okhranno-novostrochnoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 1980 i 1981 gg. (Report on field research of the Sevastopol security and new-construction archaeological team in 1980 and 1981.)*. Scientific and archives department of the State Museum-Preserve «Tauric Chersonese» Fund. 1, dossier 2252 (in Russian).
- Parshina, E. A., Teslenko, I. B., Zelenko, S. M. 2001. In Gladkikh, M. I. (ed.). *Morskaia trgovlia v Severnom Prichernomor'e (Sea Trade in the Northern Pontic)*. Kiev: "Stilos" Publ., 52–81 (in Russian).
- Romanchuk, A. I. 2004. *Stroitel'nye materialy vizantiiskogo Khersona (Building Materials of Byzantine Herson)*. Ekaterinburg: Ural University Publ. (in Russian).
- Romanchuk, A. I., Sazanov, A. V., Sedikova, L. V. 1995. *Amfory iz kompleksov Vizantiiskogo Khersona (Amphoras from Byzantine Kherson Complexes)*. Ekaterinburg: Ural State University (in Russian).

Ryzhov, S. G., Sedikova, L. V. 1999. In Zolotarev, M. I. (ed.). *Khersonesskii sbornik (Chersonesos Collection)* 10. Sevastopol, 312–329 (in Russian).

Sedikova, L. V. 1995. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (2), 170–177 (in Russian).

Sedikova, L.V. 2018. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* (23), 402–458 (in Russian).

Takhtay, A. 1938. *Otchet o rekognostsirovochnom obsledovanii Chorgunskogo Isara v Krymu 1–2 oktyabrya 1938 g. (Report on the reconnaissance survey of the Chorgunsky Isar in the Crimea on October 1-2, 1938)*. Archive of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences. Fund. 35, Inv. 1938, dossier 66 (in Russian).

Teslenko, I. B. 2015. In In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)*. Kazan, Simferopol, Kishinev: “Stratum plus” Publ., 125–163 (in Russian).

Teslenko, I. B. 2021. *Keramika Kryma XV veka (Ceramics of Crimea of the 15th century)*. Kiev: Institute of Archeology of the National Academy of Sciences of Ukraine (in Russian).

Trusova, S.A. 1940. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (5), 298–301 (in Russian).

Tunkina, I. V. 2013. In *Vestnik drevnei istorii (Journal of Ancient History)* (1), 197–214 (in Russian).

Chorgunskiy Isar. Topos'emka. 1980 g. Chorgunsky Isar. Topographical survey. 1980. Scientific and archives department of the State Museum-Preserve “Tauric Chersonese”. Fund. R-1. Inv. 2. dossier. 118. No. 3515 (in Russian).

Jakobson, A. L. 1979. *Keramika i keramicheskoe proizvodstvo srednevekovoi Tavriki (Ceramics and Ceramic Production of Medieval Taurica)*. Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).

Iashnaia, O. S. 2015. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Journal of Historical, Philological and Cultural Studies)* (3), 120–139 (in Russian).

Papanikola-Bakirtzi, D. (ed.). 1999. *Byzantine Glazed Ceramics: The Art of Sgraffito*. Athens: Archaeological Receipts Fund (in English).

Günsenin, N. 2018. In *Anatolia Antiqua*. XXVI, 89–124.

Hayes, J. W. 1992. In *Excavations at Saraçhane in Istanbul. Vol. 2. The Pottery*. Princeton, N.J.: Princeton University Press; Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection (in English)

Kassab Tezgör, D. 2010. In Kassab Tezgör, D. (édité par) *Les fouilles et le materiel de l'atelier amphorique de Demirci près de Sinope*. Paris: French Institute of Anatolian Studies – De Boccard, 121–140 (in French).

Megaw, A. H. S. 1968. In *The Annual of the British School of Archaeology at Athens*. (63), 67–88.

Megaw, A. H. S. 1975. In Robertson, Giles and Henderson, George (eds.). *Studies in Memory of David Talbot Rice*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 34–45 (in English).

Waksman, S. Y., François, V. 2004–2005. In *Bulletin de Correspondance Hellénique*. 128–129 (2.1), 629–724 (in French).

About the Authors:

Nedelkin Evgeniy V. The State Museum-Preserve «Tauric Chersonese». Drevnyaya St., 1, Sevastopol, 299045, Russian Federation; nedelkin-evgeniy2014@yandex.ru

Ginkut Natalia V. The State Museum-Preserve «Tauric Chersonese». Drevnyaya St., 1, Sevastopol, 299045, Russian Federation; n-ginkut@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2022 г.
Статья принята к публикации 01.12.2022 г.

УДК 94«13/14».903.2(477.75)

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.6.293.302>

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ СОЛХАТА (НА ПРИМЕРЕ ОХРАННЫХ РАСКОПОК 2011 Г.)

© 2022 г. В.В. Майко

В статье предпринят анализ предметов материальной культуры золотоордынского Солхата. В качестве источника использованы материалы охранных раскопок города 2011 г. Это находки из заполнения жилого комплекса третьей четверти XIV в., возникшего на месте бани первой половины XIV в. Богатство и разнообразие находок позволило рассмотреть практически все группы предметов, составлявших основу материальной культуры города рассматриваемого хронологического периода. Для атрибуции и сравнения использованы синхронные сходные предметы материальной культуры Волжской Булгарии, тщательно описанные и типологизированные. В рассмотренном комплексе не встречены предметы вооружения, ценная посуда и редкие типы украшений. В подавляющем большинстве это бытовые предметы и рядовые украшения, выполненные на высоком уровне. Такие характерные черты сближают рассмотренный комплекс с материальной культурой т.н. малых золотоордынских городов Поволжья.

Ключевые слова: археология, Солхат, третья четверть XIV в., предметы материальной культуры, Поволжье, сравнительный анализ, особенности культуры.

TOUCHES TO THE PORTRAIT OF SOLKHAT MATERIAL CULTURE (ON THE EXAMPLE OF SECURITY EXCAVATIONS IN 2011)

V.V. Maiko

The author analyzes the objects of material culture of the Golden Horde Solkhat. As a source, materials of security excavations of the city in 2011 were used. These are finds from the filling of a residential complex of the third quarter of the XIV century that was built on the site of the bathhouse of the first half of the XIV century. The wealth and variety of artifacts made it possible to examine almost all groups of objects that formed the basis of the material culture of the city of the chronological period under consideration. Synchronous similar objects of material culture of the Volga Bulgaria, carefully described and combined into types, were used for attribution and comparison. This considered complex did not meet weapons, valuable ware and rare types of jewelry. Overwhelmingly, these are household items and ordinary jewelry, made on a high level. Such characteristic features make the considered complex closer to the material culture of the so-called small Golden Horde cities of the Volga river region.

Keywords: archaeology, Solkhat, third quarter of the XIV century, objects of material culture, Volga river region, comparative analysis, cultural features.

Особенности материальной культуры золотоордынских городов всегда оставались в центре внимания отечественных медиевистов. Справедливо это и по отношению к крымскому полуострову. Отдельные аспекты материальной культуры Солхата неоднократно становились предметом пристального изучения (Крамаровский, 2016, с. 55–88). Д.Э. Сейдалиевой впервые начат анализ керамического комплекса города (Сейдалиева, 2021, с. 150–205). Отдельные категории украшений и особенно бытовых предметов вне археологических контекстов только публиковались в качестве иллюстрации богатства и разнообразия материальной культуры города (Гаврилов, Майко, 2014). Они до сих пор не типологизированы и нуждаются в обобщении.

Одним из шагов к подобной систематизации служит публикуемый материал, полученный в ходе охранных раскопок 2011 г. бани Солхата, когда в её заброшенных помещениях возникает и функционирует жилой и хозяйственный комплекс (Сейдалиев, Майко, 2020, с. 128–130). Последний, на основании многочисленного нумизматического материала, можно рассматривать в качестве закрытого и достаточно уверенно датировать третьей четвертью XIV в. Керамическая посуда из этого богатого комплекса уже становилась предметом изучения (Сейдалиева и др., 2022). Попробуем проанализировать остальные предметы материальной культуры. Оговоримся, что, к сожалению, сравнительный анализ в основном производился с поволжскими

материалами. В продолжение традиций Г.А. Фёдорова-Давыдова все категории материальной культуры этого региона Золотой Орды тщательно проанализированы и очень подробно типологизированы.

Предметы вооружения в нашей коллекции не представлены. Изделия, которые можно отнести к *конской упряжи*, единичны и не бесспорны. Они наверняка могли быть многофункциональными. Прежде всего, это простое железное кольцо (рис. 1: 1) и фрагмент железной пряжки в виде горизонтального овала подпрямоугольных очертаний (рис. 1: 3). Поскольку у большинства овальных железных пряжек язычок расположен вдоль длинных сторон (Фёдоров-Давыдов, 1966, с. 43, рис. 7), на наш взгляд, данное солхатское изделие правильнее относить к неучтённому, сильно «сплюснутому» варианту сегментовидных пряжек (Фёдоров-Давыдов, 1966, с. 43, рис. 7, АП), хорошо известных в золотоордынских древностях. Нет в коллекции и сельскохозяйственных орудий труда, что довольно показательно. Важно и то, что подавляющее большинство находок изготовлено из железа.

Начнем анализ *с железных ножей*. В коллекции их зафиксировано четыре. Нижняя часть одного из них с прямой спинкой довольно крупных размеров (рис. 1: 11) типична для этой категории золотоордынских находок. Отметим, что в разнообразных типологиях железных ножей золотоордынских памятников Поволжья в качестве главного типобразующего признака часто используется степень выпрямления спинки и смещение острия относительно оси его черешковой части (Культура Биляра, 1985, с. 58, табл. XXII). В наибольшей по численности Билярской коллекции максимальная длина экземпляров не превышает 26 см с черешком. По наблюдениям К.А. Руденко, для золотоордынских поселений конца XIII–XIV в. характерны ножи общей длиной 16–16,5 см при ширине лезвия 2–2,5 см (Руденко, 2001а, с. 49). Во всех типологиях выделены и ножи специального назначения, отличающиеся изогнутой спинкой. Подробно рассмотрены и все виды бытовых ножей, происходящих из раскопок Болгара (Савченкова, 1996, с. 28, рис. 9). В этой связи отметим не совсем обычный маленький нож из анализируемой коллекции со слегка прогнутой спинкой и коротким массивным черешком (рис. 1: 10). Прямых аналогий ему среди выделяемых исследователями бытовых ножей и предметов специального назначения обнаружить пока не удалось. Совершенно очевидно,

но, что подавляющее большинство золотоордынских ножей относится к черешковым. Тем более интересен крупный нож из нашей коллекции, выкованный вместе с металлической массивной ручкой, предполагающей две накладки, от крепления которых сохранились стержни трёх бронзовых заклёпок (рис. 1: 12). Типологически близкий крупный нож обнаружен в материалах золотоордынского поселения Старый Фонтан в Белогорском районе Республики Крым (Сейдалиев, 2019, с. 383, рис. 12: 1). Обратим внимание и на подобный нож с орнаментированной рукояткой, происходящий из раскопок Болгара (Савченкова, 1996, с. 28, рис. 9: 2).

Железные ключи, являющиеся одной из распространённых находок на золотоордынских памятниках, в нашей коллекции представлены тремя экземплярами. К сожалению, до настоящего времени изделий, найденных в Таврике, опубликовано совсем мало. Среди восточно-крымских аналогий следует вспомнить ключ из раскопок дома золотоордынского времени на плато Тепсень (Майко, Баранов, 2015, с. 762, рис. 5: 11). Для материалов Волжской Булгарии картина диаметрально противоположная. Существует не менее семи типологий, построенных на различных материалах, но сходных в выделенных типах и вариантах. Наиболее дробная типология железных ключей на материалах болгарских селищ низовий Камы была разработана, на наш взгляд, К.А. Руденко (2001а, с. 47–48). Автор сделал аргументированный вывод о том, что ассортимент и качество продукции сельских кузнецов-замочников не уступали городским. Согласно этой типологии верхняя плоская ручка ключа с обломанной петлёй из нашей коллекции (рис. 1: 4) характерна для коленчатых стержневых ключей типа 4 в основном вида «а» отдела II (Руденко, 2001а, с. 241, табл. 10). Подобные изделия с подквадратным стержнем и чаще всего н-образной рабочей частью хорошо представлены как на городских памятниках, например Болгар (Савченкова, 1996, с. 45, рис. 18: 10), так и на сельских, таких как Остолоповское селище (Руденко, 2001, с. 115, рис. 29: 24, 26, 27). Совершенно очевидно, что второй ключ (рис. 1: 7) из нашей коллекции относится к виду «б» того же отдела II (Руденко, 2001а, с. 241, табл. 10), вероятнее всего типа 1. Это коленчатые с круглой лопаткой и длинной вертикальной прорезью в нижней части стержня изделия. Третий ключ в виде заострённого стержня, у которого отсутствует как таковая

Рис. 1. Бытовые железные предметы из жилого комплекса на площади бани Солхата.
Fig. 1. Household iron items from a residential complex on the territory of Solkhat bathhouse.

лопасть (рис. 1: 5), по типу рабочей части относится к изделиям, где она отогнута в виде скобы¹. Таков же принцип ковки прямого, но подпрямоугольного в разрезе и с петелькой для подвешивания ключа из материалов Багаевского селища (Недашковский, Шигапов, 2020, с. 191, рис. 4: 11). Типологически близки и стержневые ключи из Болгара, особенно прогнутые по центру стержня и с н-образной рабочей частью (Савченкова, 1996, с. 46, рис. 19: 1). Однако у всех экземпляров, в отличие от нашего, край загнут. Аналогии ключам этого типа довольно редки. Не исключено, что наш экземпляр относится к отпирающим изделиям от деревянных нутряных замков, экземпляры которых даже в Болгаре единичны (Савченкова, 1996, с. 45, рис. 18: 8). Тако-

ва же ситуация и с сельскими памятниками. Упомянем экземпляр, близкий нашему, из I Измирского селища (Казаков, 1991, с. 72, рис. 29: 19).

Представляет интерес *железная фигурная пластина* с фестончатым краем (рис. 1: 2a), имеющая на обратной стороне припаянный прямоугольный заострённый клапан для крепления (рис. 1: 2б). Специалистами предложена их атрибуция в качестве украшений матерчатых клапанов четырёхугольных кожаных сумок. Наиболее близкие синхронные железные изделия известны в материалах кочевнических погребений Поволжья (Фёдоров-Давыдов, 1966, с. 66, рис. 12: 7), Нового Сарая на раскопе I (Фёдоров-Давыдов и др., 1970, с. 165, табл. IV: 6), Болгара и Ковровско-

го городища в бассейне Вятки (Недашковский, 2000, с. 94). Тем не менее, накладка из кочевнического погребения имеет принципиальные отличия, связанные с наличием отверстий для крепления. Устройство крепежа накладки из Нового Сарая, к сожалению, не указано, а из иллюстрации это определить практически невозможно. Мода на эти сумки получила наибольшее распространение как раз в середине – третьей четверти XIV в. Добавим, что по морфологии им близки бронзовые крупные фигурные накладки с декоративными скосами по краям, происходящие из подъёмного материала Укекского городища (Недашковский, 2000, с. 91, рис. 23: 9–11). Но и они крепятся при помощи отверстий. Принцип крепления нашей накладки до конца не ясен.

Так же не до конца ясно функциональное назначение небольшой железной рельсовидной накладки с высоким полусферическим бортиком, крепившейся при помощи массивной сохранившейся заклёпки (рис. 1: 6). Мы склоняемся в пользу многофункциональности изделия, найти прямые аналогии которому пока не удалось.

Наверняка многофункциональной была и небольшая железная скобка, суженная по центру, с двумя сохранившимися заклёпками (рис. 1: 9). Подобные изделия, правда с треугольным выступом, встречены, в том числе, позднее в половецких погребениях на территории Восточного Приазовья (Чхаидзе, Дружинина, 2009, с. 113, рис. 2: 12). Не исключено, что железный предмет в виде прямоугольной рамки со скругленными углами и двумя лапками для крепления (рис. 1: 8) является железной оковкой замочной скважины. Точной аналогии и ему пока найти не удалось, поскольку оковки замочных скважин, например из Укека, морфологически совершенно другие – в виде железной пластины трапециевидной формы с небольшим прямоугольным отверстием по центру.

Уникальную по количеству и разнообразию коллекцию составляют обнаруженные в заполнении рассматриваемого солхатского комплекса железные *кованые гвозди*. Их общее количество составляет 88 экземпляров. Наиболее подробную типологию на материалах сельских памятников низовий Камы предложил в своё время Е.П. Казаков (Казаков, 1991, с. 66). Учёным в зависимости от длины и конфигурации шляпки было выделено четыре типа изделий. Современными исследователями на примере Хмелевского I селища в Нижнем Поволжье была уточнена длина

зафиксированных гвоздей, составившая от 2,8 до 14 см (Недашковский, Шигапов, 2017, с. 275). Помимо этого, К.А. Руденко были выделены крупные строительно-крепёжные гвозди, длина которых составляла до 17 см (Руденко, 2001а, с. 51). Большая коллекция изделий с Богаевского селища недавно опубликована Л.Ф. Недашковским и М.Б. Шигаповым (Недашковский, Шигапов, 2022а, с. 289, рис. 1). К сожалению, для Таврики типологии гвоздей золотоордынского времени до сих пор не предложено, хотя в заполнении жилых и хозяйственных построек рассматриваемого периода они фиксируются постоянно (Майко, 2015, с. 762, рис. 5: 1, 2).

На наш взгляд, в основу типологии должен быть положен размер и функциональное назначение гвоздей. При таком подходе мы можем предварительно говорить о семи типах. Сразу отметим, что гвоздей с г-образной шляпкой не встречено вовсе.

Тип 1 представлен только одной кнопкой с полусферической крупной шляпкой (рис. 2: 1). Изделие не уникально. На территории полуострова типологически близкая железная кнопка была найдена на участке 3 золотоордынского поселения Старый Фонтан (Сейдалиев, 2019, с. 380, рис. 9: 7).

Тип 2 – обивочные мелкие гвозди со шляпкой в виде арки или массивного узкого прямоугольника (рис. 2: 2, 3).

Тип 3 – мелкие гвозди, размер которых составляет от 3,5 до 3,8 см. Среди них присутствуют экземпляры с тонким стержнем и массивной полусферической шляпкой (рис. 2: 4), массивным стержнем и небольшой полусферической более или менее «глубокой» шляпкой (рис. 2: 5). Основную массу составляют экземпляры с плоской круглой шляпкой различной величины (рис. 2: 6).

Тип 4 – более крупные гвозди длиной от 4,7 до 5,3 см с плоской круглой шляпкой разных размеров (рис. 2: 7).

Тип 5 – гвозди средних размеров от 7,0 до 7,5 см с плоской круглой шляпкой разных размеров (рис. 2: 8).

Тип 6 – гвозди крупных размеров от 9,5 до 10,0 см с плоской круглой шляпкой разных размеров (рис. 2: 9).

Тип 7 – наибольшие по размеру гвозди длиной до 12 см (рис. 2: 10). Можно ли их относить к строительно-крепёжным, сказать трудно.

Остальные бытовые предметы единичны. Легко атрибутируется крючковидный железный *резец* (рис. 3: 14). Традиционно считается

Рис. 2. Основные типы железных кованых гвоздей из жилого комплекса на площади бани Солхата.
Fig. 2. The main types of iron hammered nails from the residential complex on the territory of Solkhat bathhouse.

ся, что резцы использовались для обработки внешних и внутренних деревянных поверхностей. Основываясь на типологии этих изделий, разработанной на материалах городских (Савченкова, 1996, с. 25, рис. 8: 3, 4) и сельских (Казаков, 1991, с. 46, рис. 15: 7, 8) памятников, наш экземпляр относится к распространённому типу крючковидных изделий, как раз и характеризующихся прямоугольным или подквадратным в сечении стержнем, расплюснутым в плоскую с двусторонним лезвием круто загнутую пластинку.

Определённый интерес представляет и крупный фрагмент железной уплощённой п-образной ручки с подтреугольными концами с отверстиями для крепления (рис. 3: 15). Прямых аналогий ручке найти пока

не удалось. В Поволжье среди материалов Багаевского селища выделен тип п-образных железных уплощённых ручек, примерно одинаковых параметров (Недашковский, Шигапов, 2022, с. 204, рис. 1: 13), типологически близких нашей, но крепившихся при помощи специальных скоб. Данные предметы хорошо известны и в материалах Болгара XIV в., где, правда, преобладают экземпляры квадратные или круглые в сечении (Савченкова, 1996, с. 52, рис. 21: 1–5). Болгарские и билярские прямоугольные в сечении ручки, имеющие, как и наша, концы с отверстиями для крепления, морфологически другие (Савченкова, 1996, с. 52, рис. 21: 9–16).

Труден для точной атрибуции подквадратный в разрезе железный штырь (рис. 3: 16).

Категория подобных прямоугольных или подквадратных в сечении железных предметов, выделена на материалах уже упоминавшегося Багаевского селища (Недашковский, Шигапов, 2022, с. 204, рис. 1: 1–5). Традиционно считается, что они использовались, прежде всего, в качестве крепёжного инструмента.

Украшения и предметы туалета, зафиксированные в рассматриваемом комплексе, единичны. Тримя мелкими фрагментами представлены бронзовые зеркала (рис. 3: 3, 5, 6). Это типичная находка не только для городских, но и для сельских памятников золотоордынского Поволжья (Недашковский, Шигапов, 2020, с. 186, рис. 1: 2, 4–11, 13, 16). Отнесение наших экземпляров к конкретному типу из-за сильной фрагментированности изделий, затруднена. Отметим только, что у всех зеркал преобладает узкий высокий бортик. Труден для точной атрибуции мелкий фрагмент широкого стеклянного браслета, изготовленного из стеклянной пасты светлого цвета (рис. 3: 4). В наиболее полных типологиях стеклянных изделий Болгара (Полубояринова, 1988, с. 187, рис. 86), других золотоордынских городищ (Бусятская, 1976, с. 45–47, табл. III), из стеклоделательной печи Селитренного городища (Галкин, 1984, с. 218–219) подобные браслеты не представлены. Не исключено, что в данном случае это какой-то крымский вариант, где влияние византийского стеклоделательного производства ощущалось сильнее всего.

Упомянем бронзовое кольцо с плоским округлым щитком, треснувшее по его линии (рис. 3: 12). Среди крымских золотоордынских аналогий отметим типологически близкое кольцо с круглым плоским щитком в центре из материалов золотоордынского поселения Старый Фонтан в Белогорском районе Республики Крым (Сейдалиев, 2019, с. 383, рис. 12: 10). Исходя из стратиграфии памятника, не исключена их датировка как раз в рамках третьей четверти XIV в.

Представляет интерес и бронзовая серьга в виде знака вопроса с частично обмотанной тонкой проволокой дужкой. В верхней части у основания длинного гладкого стержня на него надеты маленькая цилиндрическая и круглая бусинки. Крупная каплевидная бусина делит стержень с крючком на конце пополам (рис. 3: 11). Точной аналогии такому варианту украшения серёг в одной из наиболее полных типологий Г.А. Фёдорова-Давыдова нет. Наиболее близок вариант (Фёдоров-Давыдов, 1966, с.

38, рис. 6: VIг) с однооставным стержнем, обмотанным тонкой проволокой, в средней части которого имеется напускная бусина.

Несомненный интерес представляет бронзовое украшение в виде горизонтального стержня с крупными петлями на концах. Поверхность стержня обмотана тонкой проволокой с оставленной гладкой центральной частью. К петлям крепились две проволоки разной длины. Вероятно, обе они заканчивались напускными бусинами (рис. 3: 13). Точной аналогии данному украшению найти пока не удалось.

К предметам ткачества относится два прясла разных размеров и степени обработки, изготовленных из стенок гончарной посуды (рис. 3: 9, 10), а также фрагмент бронзового напёрстка «золотоордынского» типа, но приземистых размеров с отверстием в верхней части изделия (рис. 3: 2).

Игровые изделия представлены двумя астрагалами (рис. 3: 7, 8) с отверстием или заглаженной поверхностью. Это типичная и довольно широко распространённая находка для золотоордынских памятников. В отличие от астрагалов предшествующего времени, в данный период они выполняли почти всегда только игровую функцию.

Торговые изделия представлены небольшой неорнаментированной свинцовой пломбой со втулкой в центре (рис. 3: 1). Эти находки в Поволжье неоднократно становились предметом специальных исследований. Существует не менее семи типологий, построенных на различных археологических материалах. Подробно проанализирована типология, история атрибуции и территория распространения бильярских пломб (Культура Биляра, 1995, с. 109–113), типология пломб с селищ низовий Камы (Руденко, 2001а, с. 104–106; с. 240, табл. 9) и типология изделий, происходящих с территории Укекского городища и его окружи (Недашковский, Шигапов, 2020, с. 188, рис. 2: 6). Подробная типология изделий, построенная и на системе орнаментации, и на морфологии, предложена для пломб Болгара (Полякова, 1996, с. 231, рис. 76: 4–14). При этом справедливо отмечен долговременный характер бытования наиболее распространённых изделий с вогнутым верхним основанием, в центре которого расположен полый вертикальный стержень. Важен вывод о преобладании крупных изделий в домонгольское время и более мелких в конце XIII–XIV в., поддержанный и другими специалистами (Руденко, 2001а, с. 106). Среди аналогий следует вспом-

Рис. 3. Бытовые предметы и украшения из жилого комплекса на площади бани Солхата.

1 – свинец; 2,3,5,6,12 – бронза; 4 – стекло; 7,8 – кость; 9,10 – глина; 11,13 – бронза и стекло; 14-16 – железо.

Fig. 3. Household items and jewelry from a residential complex on the territory of Solkhat bathhouse.

1 – lead; 2,3,5,6,12 – bronze; 4 – glass; 7,8 – bone; 9,10 – clay; 11,13 – bronze and glass; 14-16 – iron.

нить целый набор разнообразных, чаще всего орнаментированных, свинцовых пломб, полученный при раскопках *Хмелевского I селища в Нижнем Поволжье* (Недашковский, Шигапов, 2017, с. 285, рис. 3: 4–18). По мнению некоторых авторов, в Поволжье подобные изделия служили для пломбирования тюков с товарами или связок шкур, о чём свидетельствуют остатки проволоки или нитей внутри втулки рассматриваемых предметов. Типологически близкие нашему изделию экземпляры отнесены к усечённо-коническим пломбам с расположенной в центре втулкой. Исходя из отсутствия орнаментации, отнесение его к выделенным вариантам невозможно. Попутно следует отметить, что разделение предметов на типы, исходя только из орнаментации,

по крайней мере на сегодняшний день, вряд ли целесообразно. В материалах поселения золотоордынского времени Аджиэль Южное на территории Керченского полуострова подобная пломба имеет не учтённый орнамент (Майко и др., 2022, с. 102, рис. 7: 12).

Таким образом, мы коротко рассмотрели предметы материальной культуры золотоордынского Солхата, исключая керамику, происходящие всего из одного жилого комплекса третьей четверти XIV в. Максимально полное привлечение типологизированных аналогий с территории Волжской Булгарии позволило не только правильно атрибутировать предметы, но и выявить изделия, аналогии которым автору найти не удалось. Набор опубликованных предметов характерен, прежде всего,

для селищ или т. н. малых золотоордынских городов. Их отличия от материальной культуры крупных городов, по мнению специалистов, заключаются в отсутствии предметов вооружения, парадной посуды, минимальном количестве предметов торговли и ремеслен-

ной деятельности. Для рассмотренного городского комплекса Солхата характерно полное отсутствие и предметов сельскохозяйственного производства. Напротив, как и для малых городов Поволжья, преобладают бытовые предметы.

Примечания:

¹ Отнести изделие к гвоздям с г-образной шляпкой не позволяет его рабочая часть.

ЛИТЕРАТУРА

Бусятская Н.Н. Стекланные изделия городов Поволжья (XIII–XIV вв.) // Средневековые памятники Поволжья / Отв. ред. А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1976. С. 38–72.

Гаврилов А.В., Майко В.В. Средневековое городище Солхат-Крым (материалы к археологической карте города Старый Крым). Симферополь: Бизнес-информ, 2014. 212 с.

Галкин Р.А. Стеклоделательная мастерская на городище Селитренное // СА. 1984. № 2. С. 213–221.

Казаков Е.П. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань: Татарское книжное издательство, 1991. 176 с.

Крамаровский М.Г. Крым и Рум в XIII–XIV столетиях (анатолийская диаспора и городская культура Солхата) // Золотоордынское обозрение. 2016. № 1. С. 55–88.

Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. / Отв. ред. А.Х. Халиков. М.: Наука, 1985. 216 с.

Майко В.В., Баранов В.И. Средневековый комплекс поселения Посидима на плато Тепсень (по материалам раскопок 2011 г.) // 100 лет Карадагской научной станции им. Т.И. Вяземского / Отв. ред. А.В. Гаевская, А.Л. Морозова. Симферополь: Н. Орианда, 2015. С. 753–764.

Майко В.В., Кислый А.Е., Бейлин Д.В., Куликов А.В. Исследование поселения «Аджиэль Южное I» на Керченском полуострове // Таврические студии. 2022. № 26 (2021). С. 87–102.

Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М.: Восточная литература, 2000. 224 с.

Недашковский Л.Ф., Шигапов М.Б. Материальная культура малого золотоордынского города Нижнего Поволжья (на примере Хмелевского I селища) // XIII Фаизхановские чтения. Наследие Золотой Орды в государственности и культурных традициях народов Евразии / Отв. ред. В.В. Тишкин. М.: Медина, 2017. С. 264–285.

Недашковский Л.Ф., Шигапов М.Б. Металлические изделия с Багаевского селища // Поволжская археология. 2020. № 4 (34). С. 185–198.

Недашковский Л.Ф., Шигапов М.Б. Железные предметы с Багаевского селища // Археология Евразийских степей. 2022. №1. С. 202–212.

Недашковский Л.Ф., Шигапов М.Б. Железные предметы с Багаевского селища (часть 2) // Археология Евразийских степей. 2022а. №3. С. 288–294.

Полубояринова М.Д. Стекланные изделия Болгарского городища // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 149–217.

Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН Татарстана, 1996. С. 154–257.

Руденко К.А. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв.: Изделия аскизского круга в Среднем Поволжье. Казань: Заман, 2001. 256 с.

Руденко К.А. Материальная культура булгарских селищ низовий Камы XI–XIV вв. Казань: Школа, 2001а. 220 с.

Савченкова Л.Л. Черный металл Болгара. Типология // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН Татарстана, 1996. С. 5–88.

Сейдалиев Э.И. Золотоордынское поселение Старый Фонтан в Центральном Крыму (предварительные итоги археологического исследования) // МАИЭТ. 2019. Вып. XXIV. С. 363–386.

Сейдалиев Э.И., Майко В.В. Баня в Георгиевской балке // Свод памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар. Том IV. 2. Старый Крым. / сост. М.Г. Крамаровский, Э.И. Сейдалиев. Казань; Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2020. С. 128–130.

Сейдалиева Д.Э. Производство глазурованной посуды на городище Солхат и его округе в золотоордынский период (по материалам исследований Старокрымской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа) // Боспорские исследования. 2021. Вып. XLII. С. 150–205.

Сейдалиева Д.Э., Майко В.В., Сейдалиев Э.И. Керамический комплекс бани средневекового Солхата (по материалам раскопок 2011 г.) // Причерноморье в эпоху глобализации: Восток и Запад в культуре Крыма. I Солхатские чтения. Симферополь, 2022 (в печати).

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во МГУ, 1966. 276 с.

Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Мухамадиев А.Г. Археологические исследования Царевского городища (Новый Сарай) в 1959–1966 гг. // Поволжье в средние века / МИА. № 164 / Отв. ред. А.П. Смирнов. АН СССР, 1970. С. 68–171.

Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А. Тяжеловооруженные золотоордынские воины Восточного Приазовья // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. 2009. № 1. С. 110–125.

Информация об авторе:

Майко Вадим Владиславович, доктор исторических наук, директор, Институт археологии Крыма РАН (г. Симферополь, Россия); vadimmaiko1966@mail.ru

REFERENCES

Busyatskaya, N.N. 1976. In Smirnov, A. P. (ed.). *Srednevekovyie pamiatniki Povolzh'ia (Medieval Sites in the Volga Region)*. Moscow: "Nauka" Publ., 38–72 (in Russian).

Gavrilov, A. V., Maiko, V. V. 2014. *Srednevekovoe gorodishche Solkhat-Krym (Materialy karkheologicheskoi karte goroda Staryi Krym) (Medieval Fortified Site of Solkhat-Krym: Materials to the Archaeological Map of the Staryi Krym Town)*. Simferopol: "Business-Inform" Publ. (in Russian).

Galkin, R. A. 1984. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 213–221 (in Russian).

Kazakov, E. P. 1991. *Bulgarskoe selo X—XIII vekov nizovii Kamy (10th – 13th Century Bulgar Village in the Lower Kama Region)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Kramarovskiy M. G. 2016. In *Zolotoordynskoe obozrenie (Golden Horde Review)* 6 (1), 55–88 (in Russian).

Khalikov, A. Kh. (ed.). 1985. *Kul'tura Biliara. Bulgarskie orudiia truda i oruzhie X—XIII vv. (Bilyar Culture. Bulgar Tools and Weapons in 10th – 13th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Maiko, V. V., Baranov, V. I. 2015. In Gaevskaya A. V., Morozova A. L. (eds.) *100 let Karadagskoj nauchnoj stancii im. T.I. Vyazemskogo (100 years of the Karadag scientific station named after T.I. Vyazemsky)*. Simferopol: "N. Orianda" Publ., 753–764 (in Russian).

Maiko, V. V., Kislyi, A. E., Beylin, D. V., Kulikov, A. V. 2022. In *Tavrisheskie studii (Tauride Studios)* 2021 (26), 87–102 (in Russian).

Nedashkovskii, L. F. 2000. *Zolotoordynskiy gorod Ukek i ego okruga (The Golden Horde City Ukek and its Suburbs)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).

Nedashkovskii, L. F., Shigapov, M. B. 2017. In Tishkin, V. V. (ed.) *XIII Faizkhanovskie chteniya. Nasledie Zolotoy Ordy v gosudarstvennosti i kul'turnykh traditsiyakh narodov Evrazii (XIII Faizkhanov's Readings. Heritage of the Golden Horde in the statehood and cultural traditions of the peoples of Eurasia: proceedings of the international scientific and practical conference)*. Moscow: "Medina" Publ., 264–285 (in Russian).

Nedashkovskii, L. F., Shigapov, M. B. 2020. In *Povolzhskaia arkheologiia (Volga River Region Archaeology)* 34 (4), 185–198 (in Russian).

Nedashkovskii, L. F., Shigapov, M. B. 2022. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 202–212. (in Russian)

Nedashkovskii, L. F., Shigapov, M. B. 2022a. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3, 288–294 (in Russian).

Poluboiarinova, M. D. 1988. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (City of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: "Nauka" Publ., 149–217 (in Russian).

Polyakova, G. F. 1996. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (City of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History Institute named after G. Ibragimov, Academy of Sciences of Tatarstan, 154–257 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2001. *Tiurkskii mir i Volgo-Kam'ye v XI–XIV vv.: Izdeliia askizskogo kruga v Srednem Povolzh'ye (Turkic World and the Volga-Kama Region in the 11th–14th cc.: Articles of the Askiz Range in the Middle Volga Region)*. Kazan: “Zaman” Publ. 141 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2001. *Material'naia kul'tura bulgarskikh selishch nizovii Kamy XI–XIV vv. (Material culture of the Bulgars settlements in the Lower Kama during the 11th–14th cc.)* Kazan: “Shkola” Publ. (in Russian).

Savchenkova, L. L. 1996. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (City of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History Institute named after G. Ibragimov, Academy of Sciences of Tatarstan, 5–88 (in Russian).

Seydaliev, E. I. 2019. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* (24), 363–386 (in Russian).

Seydaliev, E. I., Maiko, V. V. 2020. In Kramarovskiy, M. G., Seydaliev, E. I. (eds.). *Svod pamyatnikov istorii, arkhitektury i kul'tury krymskikh tatar (Collection of Monuments of History, Architecture and Culture of the Crimean Tatars)* IV. Kazan; Simferopol': Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 128–130 (in Russian).

Seydaliyeva, D. E. 2021. In *Bosporskie issledovaniya (Bosporus Studies)* (42), 150–205 (in Russian).

Seydaliyeva, D. E., Maiko, V.V., Seydaliev, E. I. 2022. *Prichernomor'e v epohu globalizatsii: Vostok i Zapad v kul'ture Kryma. I Solkhatkie chteniya. (Black Sea region in the era of globalization: the East and the West in the culture of Crimea. I Solkhat Readings)*. Simferopol: “Arial” Publ. (in print) (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov: Arkheologicheskie pamiatniki (East-European Nomads under the Golden Horde's Khans: Archaeological Sites)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A., Vainer, I. S., Mukhamadiev, A. G. 1970. In *Povolzh'e v srednie veka (Volga Region in the Middle Ages)*. Series: Materialy I issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology) 164. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 68–171 (in Russian).

Chkhaidze, V. N., Druzhinina, I. A. 2009. In *Batyr. Traditsionnaya voennaya kul'tura narodov Evrazii (Batyr. Traditional Military Culture of the Peoples of Eurasia)*. (1), 110–125 (in Russian).

About the Author:

Maiko Vadim V. Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology of Crimea, Russian Academy of Sciences. Academician Vernadsky avenue, , Simferopol, 252007, Republic of Crimea, Russian Federation; vadimmaiko1966@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2022 г.
Статья принята к публикации 01.12.2022 г.

ПОГРЕБЕНИЯ КОЧЕВОЙ ЗНАТИ ИЗ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА «АЙГУРСКИЙ-1» НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ СТАВРОПОЛЬЯ

© 2022 г. В.А. Бабенко

В статье публикуются материалы раскопок курганного могильника «Айгурский-1» в Ставропольском крае в 2000 г. Памятник расположен на северо-восточных склонах Ставропольской возвышенности, на водоразделе реки Айгурка (правый приток р. Калаус) и б. Джухта (бассейн Восточного Маныча). В кургане 1 было доисследовано два ограбленных погребения эпохи Золотой Орды. В них обнаружены остатки богатого инвентаря, имеющего аналогии в памятниках Центрального Предкавказья, Нижнего Подонья, Нижнего Поволжья и Среднего Поволжья. Вызывают интерес стеклянные украшения и фрагменты филигранного украшения. Взаимное расположение погребений свидетельствует о вероятных родственных связях между погребенными. Судя по сохранившемуся инвентарю, в кургане были похоронены представители кочевой элиты. Это еще один элитный комплекс золотоордынской эпохи на северо-восточных склонах Ставропольской возвышенности.

Ключевые слова: археология, Центральное Предкавказье, Ставропольская возвышенность, курган, погребение, подвеска, украшение, монета.

BURIALS OF THE NOMADIC ELITE FROM THE BARROW FIELD "AIGURSKY-1" IN THE NORTH-EAST OF THE STAVROPOL REGION

V.A. Babenko

The paper presents the materials of the excavation of the barrow field "Aigursky-1" in the Stavropol region in 2000. The site is located on the north-eastern slopes of the Stavropol upland, on the watershed of the Aigurka river (the right tributary of the Kalaus river) and the Dzhukhta (the basin of the Eastern Manych). Two robbed burials of the Golden Horde time were studied in the barrow. The remains of rich burial set were found, which has analogies in the sites of the Central Ciscaucasia, the Lower Don, the Lower Volga and the Middle Volga regions. Glass jewelry and fragments of filigree jewelry are of interest. The nearby location of the burials indicates probable ties of relationship between the buried persons. Judging by the preserved burial set, members of the nomadic elite were buried in the barrow. It is another elite complex of the Golden Horde period on the northeastern slopes of the Stavropol upland.

Keywords: archaeology, Central Ciscaucasia, Stavropol upland, barrow, pendant, jewel, coin.

Территория северных и северо-восточных районов Ставрополья длительное время оставалась малоизученной в археологическом плане. Отсюда в основном происходили обнаруженные на рубеже XIX–XX вв. случайные находки, преимущественно позднекочевнические комплексы (Бабенко, 2019, с. 569–570). Археологическая экспедиция ГУП «Наследие» исследовала в 2000 г. в ходе охранных раскопок элитный курганный могильник эпохи Золотой Орды «Айгурский-1» (Бабенко В.А., 2001), располагавшийся в окрестностях пос. Советское Руно Ипатовского района Ставропольского края.

Курганный могильник «Айгурский-1» располагался на водоразделе р. Айгурки (правый приток р. Калаус) и б. Джухта (левый приток р. Рагули, относящейся к бассейну Восточного Маныча), на южном склоне небольшой гряды, вытянувшейся с востока на запад, на расстоянии около 930 м к северо-востоку от

края надпойменной террасы правого берега р. Айгурки. В геоморфологическом отношении этот район относится к северо-восточным склонам Ставропольской возвышенности, прорезанным долинами рек Калаус, Айгурки, Барханчак, Рагули и небольшими балками (рис. 1).

Курганный могильник состоял из одной сильно распаханной насыпи эллипсоидной формы, вытянутой по линии север-юг. Диаметр насыпи составляет 12–18 м, высота – 0,15 м. Курган 1 раскапывался с оставлением центральной бровки шириной 1 м, ориентированной по линии север-юг. В кургане было доисследовано 2 погребения эпохи Золотой Орды, подвергшихся ограблению во 2-й пол. XIX – нач. XX в. (рис. 2: 1).

Бровка зачищалась и фиксировалась со стороны обоих фасов от отметки 10 мЮ до отметки 10 мС. В обоих фасах была зафиксирована одинаковая стратиграфия. В восточном

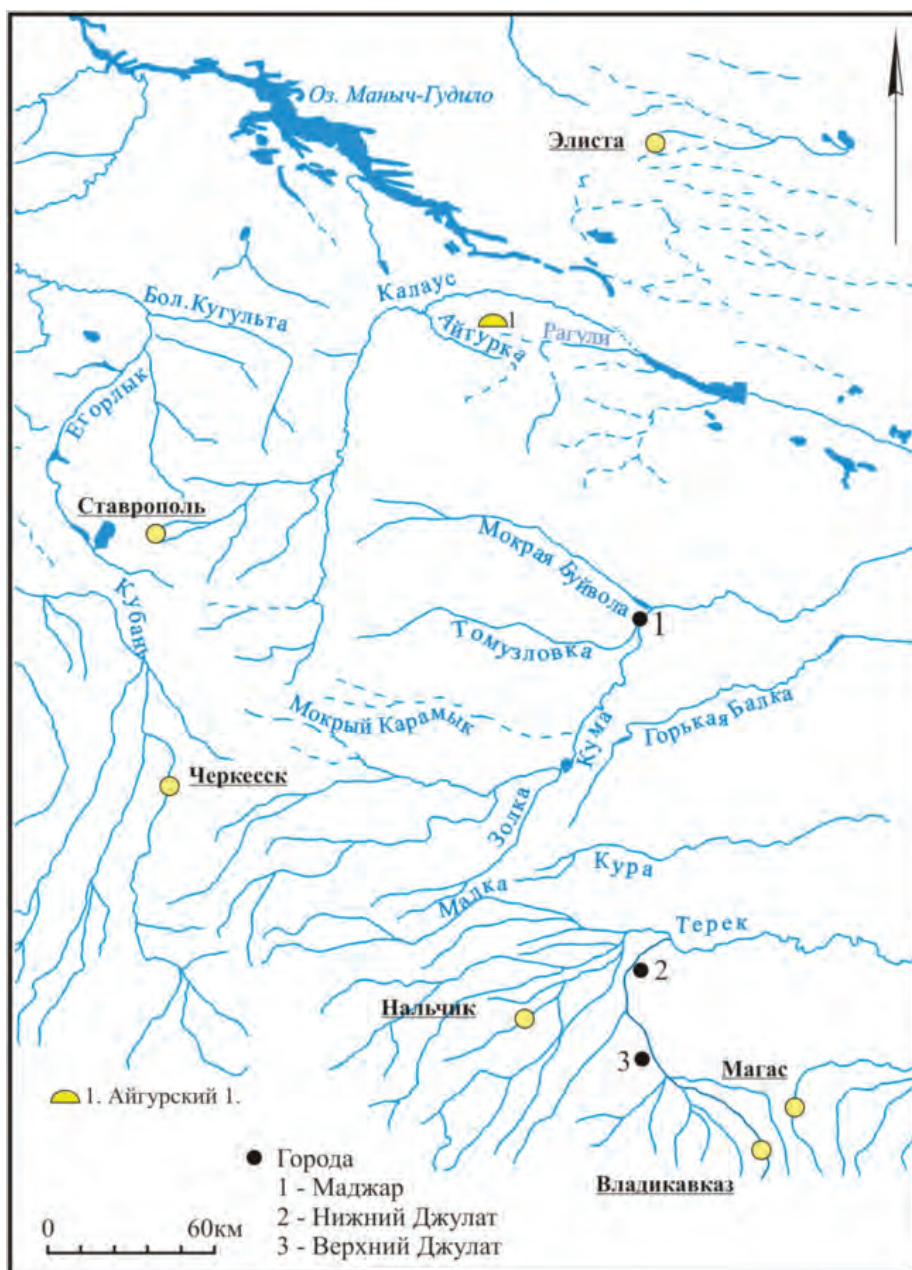

Рис. 1. Курганный могильник «Айгурский-1». Ситуационная схема.

Fig. 1. Barrow cemetery «Aigursky-1». Situation plan.

фасе бровки под пахотным слоем мощностью около 0,23 м на участке от отметки 9,2 мЮ до отметки 10 мС были зафиксированы остатки погребенной почвы, которая состояла из 2 прослоек: буро-лилового суглинка и залегающего над ним светло-серого суглинка. Ниже, на уровне $-0,44-0,5$ м от R залегает материковый комковатый серо-желтый суглинок. На участке от отметки 0,06 мЮ до отметки 3 мЮ в слоях погребенной почвы и материкового грунта было зафиксировано пятно перекопа, связанного с ограблением погребений 1 и 2. В южной части пятна прослеживался его впуск с уровня погребенной почвы, в северной части верхняя граница стенки нарушена перекопом.

В разрезе заполнения перекопа по восточному фасу бровки отчетливо прослеживалась линза затечного грунта (серо-коричневый суглинок) и несколько полос затекания со светло-серыми вкраплениями (рис. 2: 2).

В плане данное пятно имело неправильную форму и было ориентировано длинной осью по линии север-северо-запад – юг-юго-восток. При выборке его заполнения в центральной части был зафиксирован плотный затек, у северной стенки – фрагменты железных предметов и части человеческого скелета. После выборки 3 штыков грунта вдоль северной и южной стенок были выявлены очертания прямых углов двух ям, разделенных тонкой

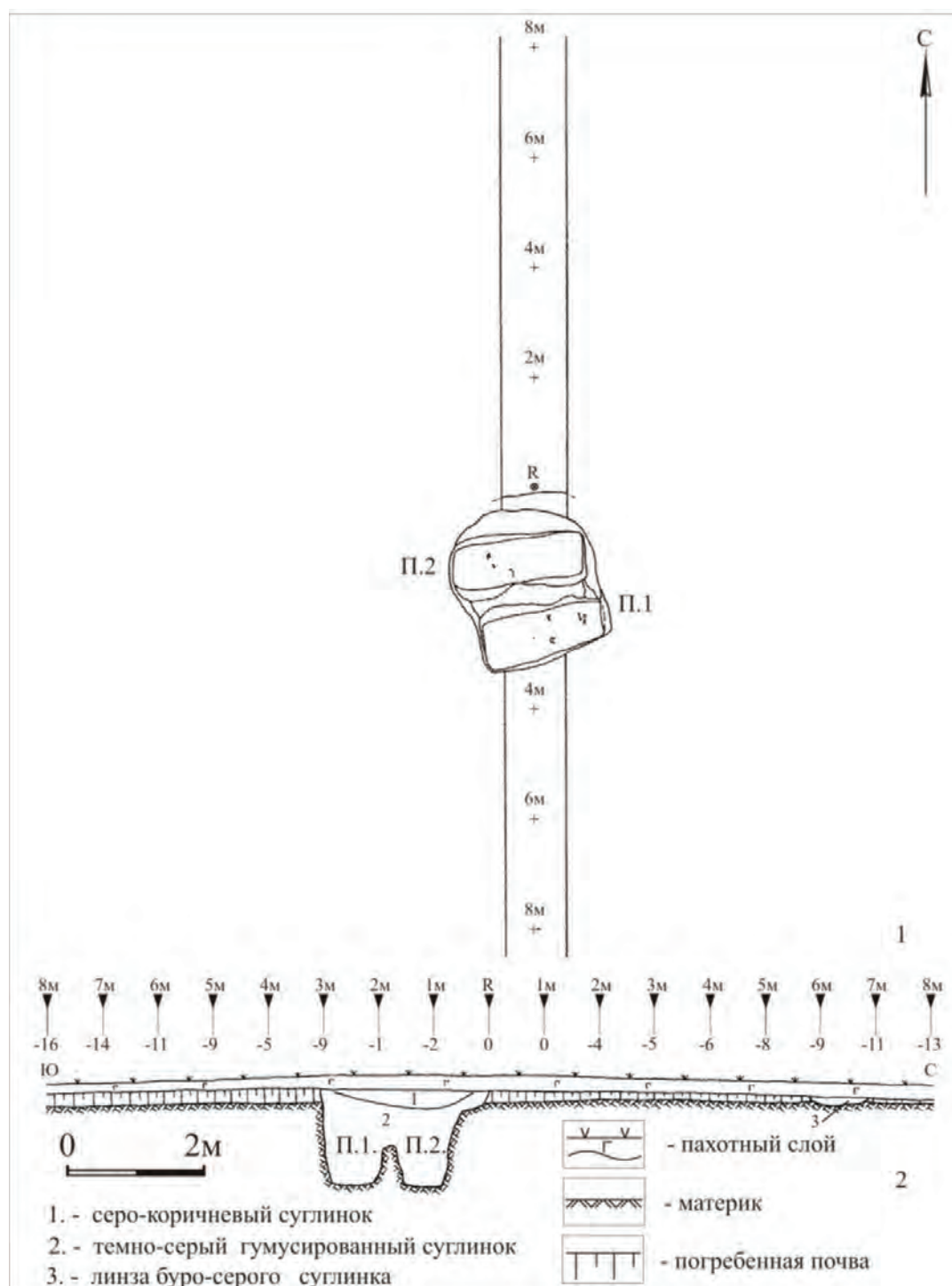

Рис. 2. «Айгурский-1». Курган 1: 1 – общий план; 2 – бровка, восточный фас.

Fig. 2. «Aigursky-1». Barrow 1: 1 – general plan; 2 – baulk, eastern face.

материковой перемычкой. Находки, обнаруженные в южной яме, отнесены к погребению 1, находки из северной ямы – к погребению 2. В связи с тем, что южная стенка погребения 1 фиксировалась с верха погребенной почвы, а верхний контур погребения был разрушен при ограблении, погребение 1 было принято условно за основное погребение в кургане.

Погребение 1 совершено в глубокой грунтовой яме подтрапециевидной формы с заплечи-

чками вдоль длинных стенок, ориентированной длинной осью по линии запад-юго-запад – восток-северо-восток. Яма сужалась с запада на восток и имела на неповрежденных участках отвесные стенки и спрямленные углы. Верхний контур северной стенки сильно нарушен. Размеры ямы по нижнему контуру: длина – около 2,15 м, ширина в западной части – около 0,92 м, ширина в восточной части – около 0,64 м. Возможно, на заплечи-

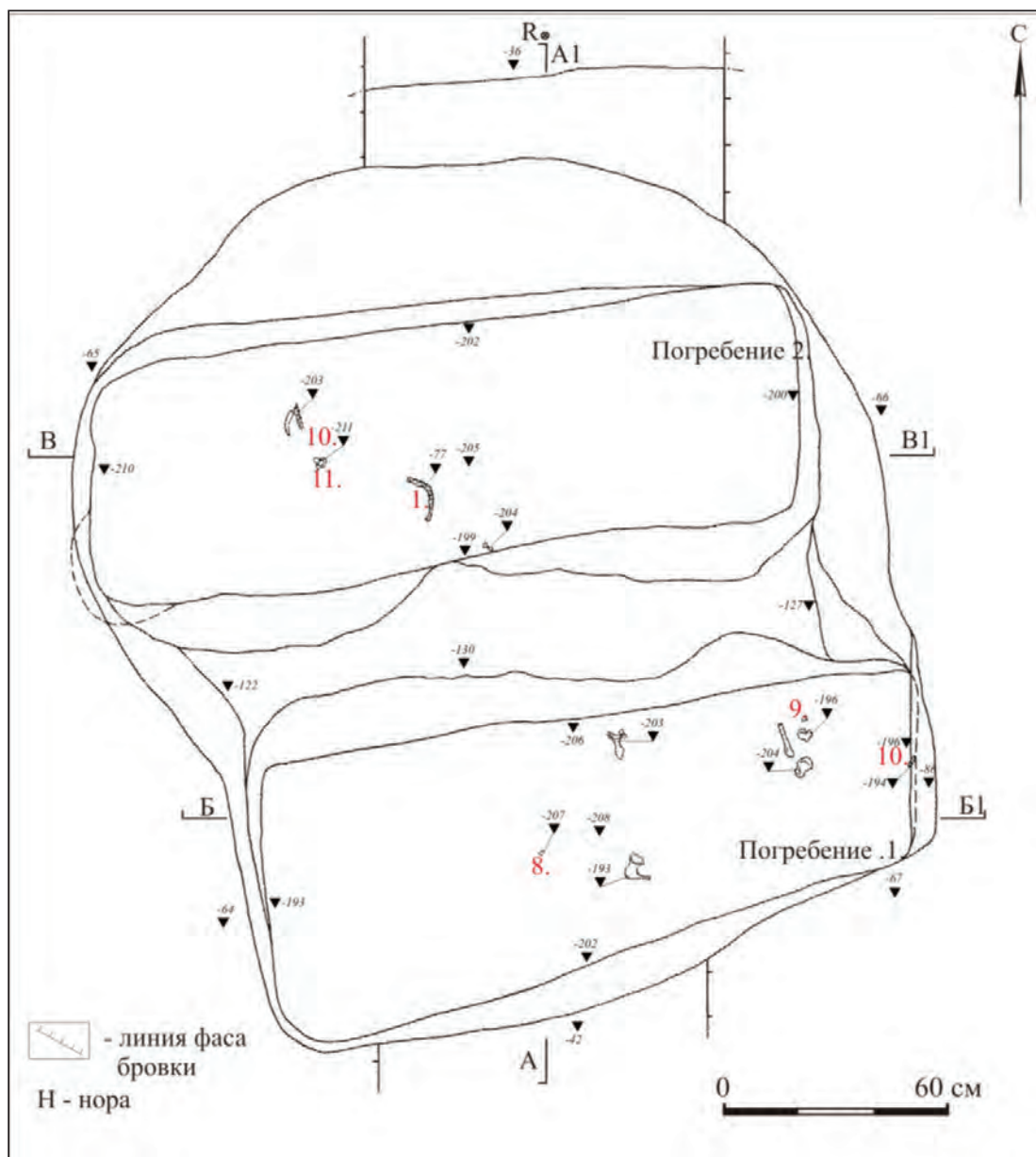

Рис. 3. «Айгурский-1». Курган 1. Погребения 1, 2. План.

Fig. 3. «Aigursky-1». Barrow 1. Burials 1, 2. Plan.

ках лежали деревянные плашки перекрытия: в заполнении был обнаружен древесный тлен от плашки сечением 4,5×1,5 см. За исключением северо-западного угла, заплечики были срезаны грабителями. В северо-западном углу их ширина составила около 12 см. Яма была вырыта до каменистого грунта. Дно ее неровное, с многочисленными углублениями от камней, извлеченных грабителями. Оно имеет небольшой уклон с запада на восток. В западной части дно зафиксировано на уровне –1,93 м от R, в восточной – на уровне –1,94 м от R (рис. 4). В заполнении ямы были обнаружены несколько человеческих позвонков и несколько зубов лошади восточного типа в возрасте 2,5–3 года¹.

Остатки погребального инвентаря были зафиксированы в придонной части заполнения ямы. В западной части ямы были обнаружены серебряный перстень вместе с фалангой пальца (1) и стеклянная орнитоморфная подвеска (2). В центральной части была найдена серебряная серьга (3). Здесь же рядом с южной стенкой были встречены фрагменты стеклянной бусины в бронзовой оплетке и часть нити, покрытый бронзовыми окислами (4). В восточной части ямы были обнаружены стеклянная подвеска (5), серебряный перстень без вставки (6) и серебряная монета (7). Здесь также были зафиксированы несколько мелких костей человеческого скелета и следующие находки: стеклянная вставка в перстень (8),

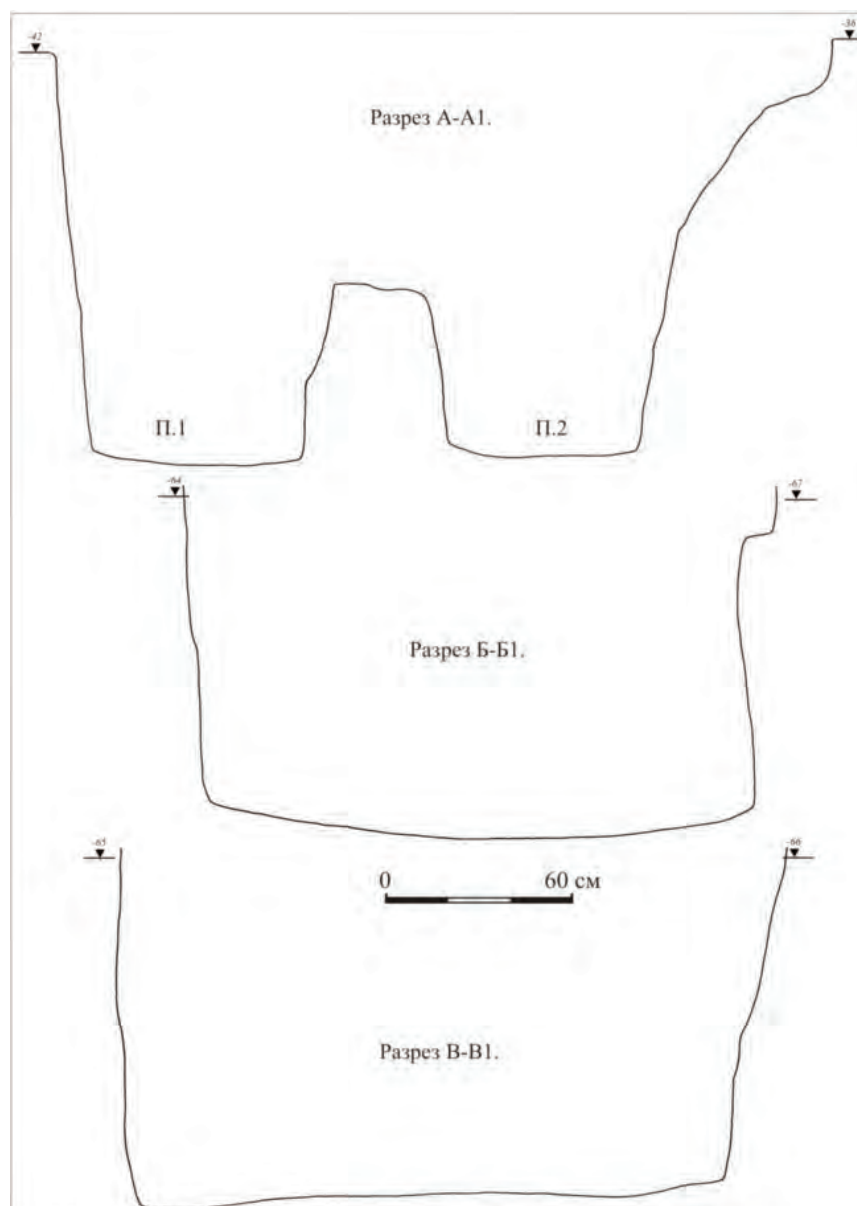

Рис. 4. «Айгурский-1». Курган 1. Погребения 1, 2. Разрезы.

Fig. 4. «Aigursky-1». Barrow 1. Burials 1, 2. Cuts.

ближе к северо-восточному углу был обнаружен фрагмент бронзового предмета (9), у восточной стенки - железная деталь кнутаовища (10) (рис. 3).

Описание находок.

1. Перстень серебряный, литой, щитковосрединный, имеет пластинчатую дужку и выпуклый прямоугольный щиток размерами 1,2×0,6×0,3 см. На лицевой и правой сторонах щитка нанесена арабская надпись. Она выполнена тонкими углубленными линиями. Согласно определению И.В. Волкова, варианты прочтения надписи $\dot{\text{ا}}\text{ز}$ - Азар, персидское мужское имя, означает «огонь». От щитка перстень сужается по высоте до 0,3 см, а по толщине - до 0,06–0,1 см на концах.

Концы захлестнуты, верхний конец заострен. Диаметр перстня - около 1,9 см (рис. 5: 1).

2. Подвеска стеклянная, орнитоморфная. Выполнена в форме фигурки водоплавающей птицы (уточки) с вертикальным каналом отверстия, выделенными глазами, клювом и хвостом. Изготовлена методом навивки нитей цветного стекла ультрамаринового, яркосинего, зеленого и золотистого оттенков на заготовку-туловище из непрозрачного стекла серо-зеленого цвета. Цветные нити имитируют окрас оперения диких уток. Клюв заострен и свисает вниз. У птицы выделены глаза со стилизованными зрачками. В нижней части туловища имеется утолщение, хвост ромбической формы и расположен горизонтально.

Рис. 5. «Айгурский-1». Курган 1. Погребение 1. Инвентарь: 1 – находка 1, перстень; 2 – находка 2, подвеска орнитоморфная; 3 – находка 6, перстень (1 – серебро, 2 – стекло, 3 – бронза).

Fig. 5. «Aigursky-1». Barrow 1. Burial 1. Inventory: 1 – finding 1, ring; 2 – finding 2, ornithomorphic pendant; 3 – finding 6, ring (1 – silver, 2 – glass, 3 – bronze).

Высота – 0,9 см, диаметр корпуса – 0,3–0,5 см, диаметр отверстия – 0,1 см, длина клюва – 0,3 см, длина хвоста – 0,5 см, ширина хвоста – 0,5 см, толщина хвоста – 0,15 см (рис. 5: 2).

3. Серьга серебряная, в форме «знака вопроса», деформированная. Представляет собой серебряный стержень с двумя слоями навивки из серебряной проволоки диаметром около 0,5 мм (нижний слой) и 1,5 мм (верхний слой) с разомкнутым кольцом в верхней части. В средней части стержня навивка верхнего слоя утрачена. В нижней части сохранился выпрямленный участок петли для крепления бусины. Длина серьги – около 7 см, длина

стержня – около 5 см, диаметр стержня – 2–3 мм (рис. 6: 4).

4. Бусина стеклянная, в бронзовой оплетке из сдвоенных нитей толщиной около 0,7 см (фрагмент). Изготовлена из глухого светло-серого стекла и имела бочонковидную форму с продольным каналом отверстия. Диаметр – около 0,7 см, высота – 1 см, диаметр отверстия – 0,25 см (рис. 6: 4).

5а. Подвеска стеклянная, биконическая. Изготовлена из глухого светло-серого стекла. В 0,35 см к низу от верха в подвеске высверлено сквозное поперечное отверстие конической формы. Высота – 2 см, диаметр в верхней

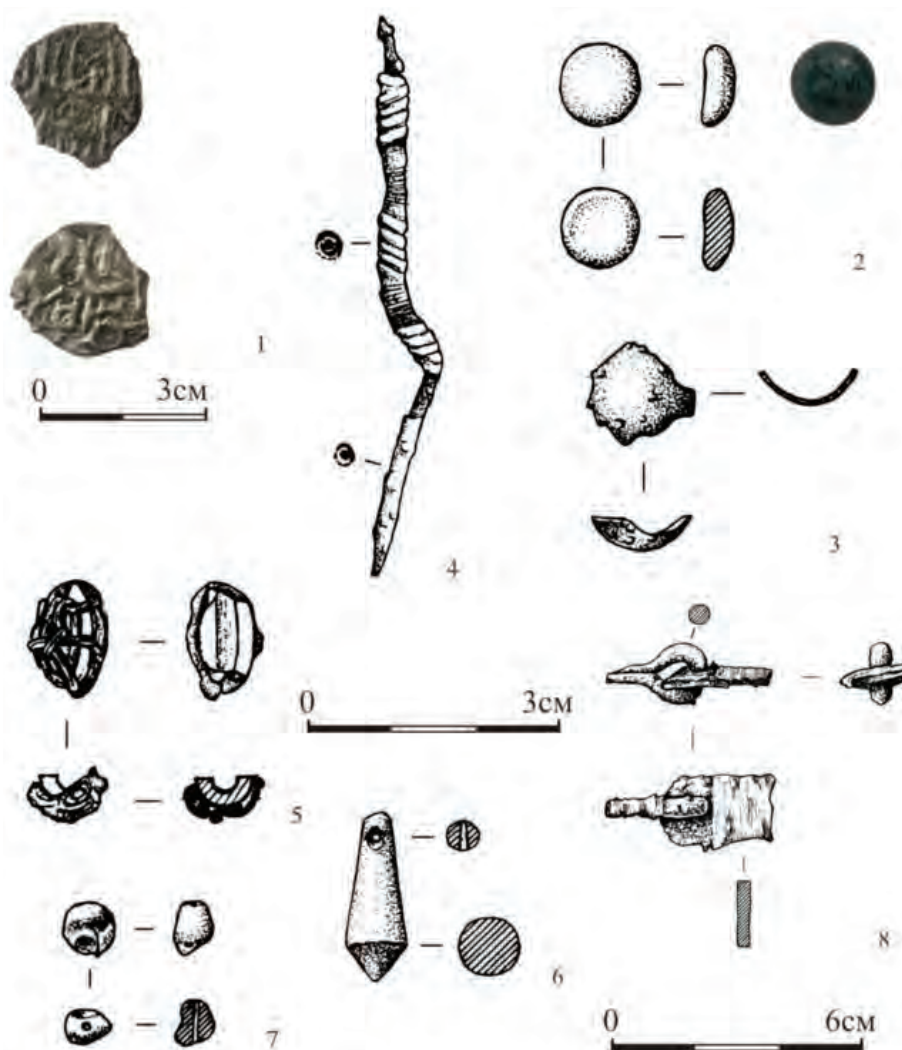

Рис. 6. «Айгурский-1». Курган 1. Погребение 1. Инвентарь: 1 – находка 7, монета; 2 – находка 8, вставка в перстень; 3 – находка 9, предмет; 4 – находка 3, серьга; 5 – находка 4, бусина; 6 – находка 5а, подвеска; 7 – находка 5б, бусина; 8 – находка 10, деталь кнутовища (1, 4 – серебро, 3 – бронза, 2, 6 – стекло, 5 – стекло, бронза, 7 – перламутр, 10 – железо).

Fig. 6. «Aigursky-1». Barrow 1. Burial 1. Inventory: 1 – finding 7, coin; 2 – finding 8, ring inset; 3 – finding 9, object; 4 – finding 3, earring; 5 – finding 4, bead; 6 – finding 5a, pendant; 7 – finding 5b, bead; 8 – finding 10, whip-handle piece (1, 4 – silver; 3 – bronze; 2, 6 – glass; 5 – glass, bronze; 7 – mother-of-pearl; 10 – iron).

части – 0,3 см, диаметр в средней части – 0,7 см, диаметр отверстия – 0,09–0,15 см (рис. 6: б).

5б. Бусина перламутровая, фрагмент. Имеет неправильно-округлую форму с выемкой в верхней части и поперечным каналом отверстия. Диаметр – 0,6 см, диаметр выемки – 0,25 см, диаметр отверстия – 0,06 см (рис. 6: 7).

6. Перстень бронзовый, щитковый. Щиток перстня образован захлестнутыми сплюсненными краями дужки и имеет овальную форму. Края щитка расположены асимметрично по отношению друг к другу. Дужка на противоположной от щитка стороне имеет треугольное сечение. На щитке находится крепе-

ние под вставку. Диаметр – 2,15 см, диаметр отверстия – 1,9 см, ширина дужки – 0,3–0,4 см, ширина щитка – 1,4 см, высота щитка – 0,85 см (рис. 1: 3).

7. Монета серебряная. Имеет эллипсовидную форму с неровными краями (фрагментирована, корродированна). Диаметр – 1,1–1,2 см, толщина – 0,1 см, вес – 0,4 г, 990 пробы². Из сохранившихся надписей читается: Л. с. Султан справедливый... О. с. ...Аль-Джедид (Новый)...753 г. по х. время правления Джанибек-хан, 1352–1353 гг., чекан Новый Сарай? (рис. 6: 1).

8. Вставка в перстень стеклянная, круглая. Изготовлена из полупрозрачного стекла ярко-зеленого цвета, имеет плоско-выпуклую

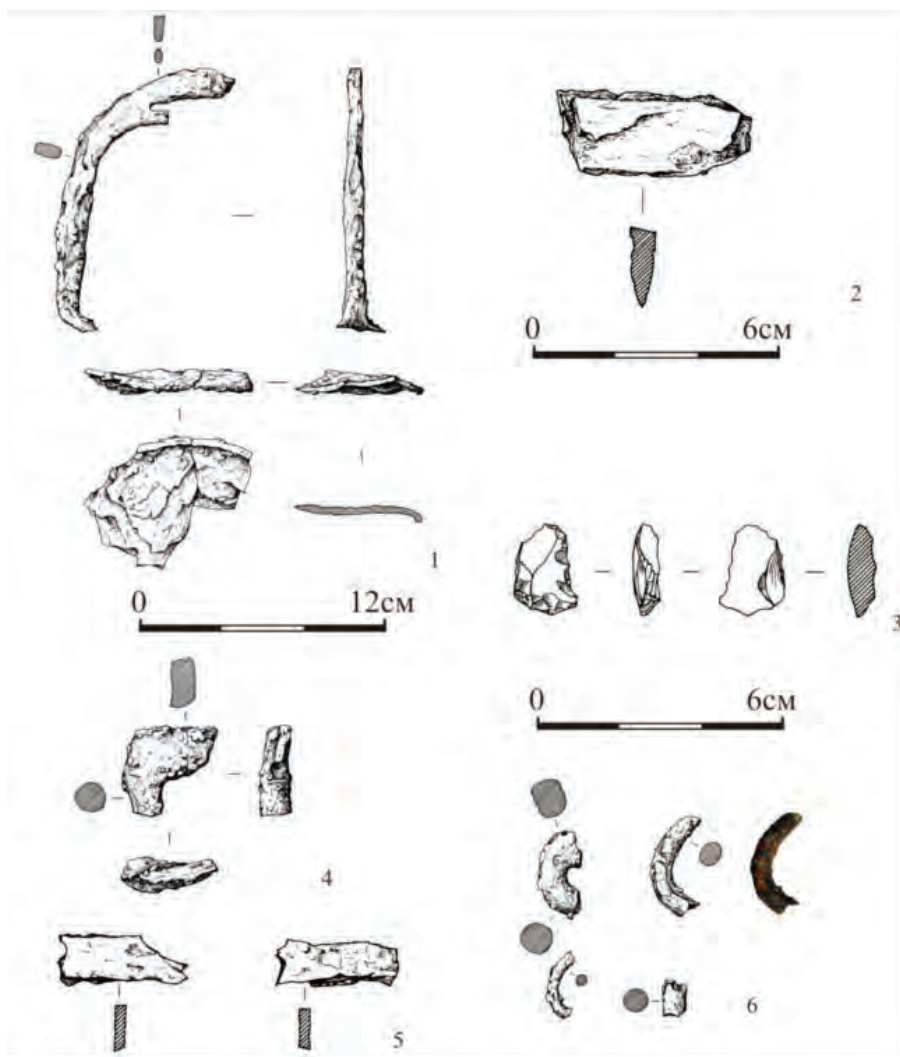

Рис. 7. «Айгурский-1». Курган 1. Погребение 2. Инвентарь: 1 – находка 1, стремя; 2 – находка 7, нож; 3 – находка 6, деталь кресала; 4 – находка 3, фрагменты предмета, 2 шт.; 5 – находка 10, предмет во фрагментах (2 шт.); 6 – находка 4, фрагменты колец, 4 шт. (1, 2, 4-6 – железо, 3 – кремнь).

Fig. 7. «Aigursky-1». Barrow 1. Burial 2. Inventory: 1 – finding 1, stirrup; 2 – finding 7, knife; 3 – finding 6, part of fire-lighter; 4 – finding 3, fragments of object, 2 pieces; 5 – finding 10, object in fragments (2 pieces); 6 – finding 4, fragments of rings, 4 pieces (1, 2, 4-6 – iron, 3 – flint).

форму с заглаженной кромкой. Диаметр – 0,95 см, толщина – 0,35 см (рис. 6: 2).

9. Фрагмент бронзового предмета. Диаметр – около 1,2 см, толщина – 0,03 см (рис. 6: 3).

10. Деталь кнутовища(?) железная. Представляет собой подвижное соединение железной заостренной пластины, обломанной на конце, и железного стержня с петлей, обломанной аналогичным образом. Петля продета в отверстие на пластине. Стержень имеет прямоугольное сечение, конец петли расплюсчен. На концах стержня и пластины имеются следы древесного тлена, что свидетельствует о том, что они были закреплены в деревянную часть кнутовища. Длина сохранившейся части пластины – 2,5 см, ширина – 1,5–1,6 см, толщина – 0,2–0,3 см, длина сохранившей-

ся части стержня – 1 см, сечение стержня – 0,4×0,2 см (рис. 6: 8).

Погребение 2 было выбрано параллельно погребению 1 и отделено от него перемычкой шириной около 0,55 м и смещено относительно него на 0,45 м к северо-западу. Судя по пропорциям и форме сохранившегося погребального сооружения, оно было совершено в глубокой грунтовой яме, ориентированной длинной осью по линии запад-юго-запад – восток-северо-восток. Южная стенка ямы сильно разрушена, в юго-западном углу грабителями выбрана ниша. Размеры ямы по нижнему контуру следующие: длина – 2,36 м, ширина в западной части – 0,8 м, ширина в восточной части – 0,76 м. Дно ямы неровное, которое было углублено грабителями у запад-

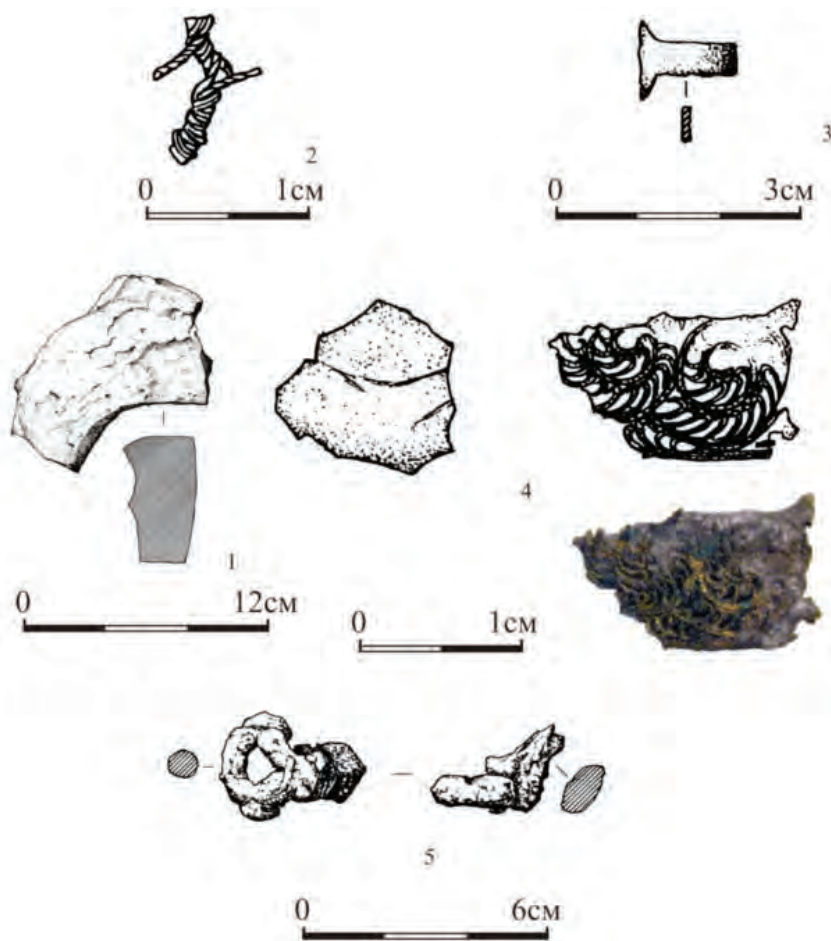

Рис. 8. «Айгурский-1». Курган 1. Погребение 2. Инвентарь: 1 – находка 2, абразив; 2 – находка 5б, фрагмент; 3 – находка 8 – фрагмент перстня; 4 – находка 9, фрагменты биметаллического украшения (2 шт.); 6 – находка 11, удила, фрагмент (1 – камень (кирпич?), 2 – ткань, 3 – серебро, 4 – серебро, золото).

Fig. 8. «Aigursky-1». Barrow 1. Burial 2. Inventory: 1 – finding 2, abrasive; 2 – finding 5b, fragment; 3 – finding 8, fragment of ring; 4 – finding 9, fragments of bimetallic decoration (2 pieces); 6 – finding 11, bits, fragment (1 – stone (brick?); 2 – fabric; 3 – silver; 4 – silver, gold).

ной стенки. В западной части оно зафиксировано на уровне -2,10 м от R, в восточной – на уровне -2,00 м от R (рис. 4). В центральной части ямы на уровне -0,77 м от R был обнаружен фрагмент дужки железного стремена (1). Впоследствии в заполнении были встречены 2 фрагмента его подножки. В верхних слоях заполнения были также найдены абразивный камень (кирпич?) (2) и фрагмент железного предмета (3). При выборке заполнения на более низком уровне были обнаружены многочисленные бесформенные фрагменты железных предметов, среди которых были выделены фрагменты четырех железных колец (4). При выборке заполнения в придонной части были зафиксированы стеклянная орнитоморфная подвеска (5а) и фрагмент ткани, покрытый бронзовыми окислами (5б), кресальный кремний (6), часть железного ножа (7), фрагмент серебряного перстня (8) и 2 фрагмента биметаллического сканого украшения (9).

В западной части ямы при расчистке дна были обнаружены предмет железный во фрагментах (10, 2 шт.) и фрагмент железных удил (11) (рис. 3).

Описание находок.

1. Стремя железное, в 2-х фрагментах. Оно имело узкую дужку арочной формы с широкой прорезью для ремня и широкую подножку с загнутым вниз краем. Реконструируемые размеры следующие: высота – 12,5 см, ширина дужки – 1,1–2,65 см, толщина – 0,6–1,1 см, ширина подножки – свыше 7 см, толщина – 0,3–0,7 см, длина прорези для ремня – около 3,5 см, ширина – 0,4 см (рис. 7: 1).

2. Камень абразивный (фрагмент кирпича?). Имеет форму сегмента кольца и пористую структуру с добавками дресвы и кварцевого песка. Цвет обжига – серо-коричневый. Размеры: 11×6×3,5 см (рис. 8: 1).

3. Фрагмент железного предмета. Имеет форму соединенных под прямым углом стерж-

ня диаметром 1,3 см и пластины, сужающейся к краю. Максимальные размеры предмета: 5×4,5×1,2 см (рис. 7: 4).

4. Фрагменты четырех железных колец. Они изготовлены из стержней диаметром около 0,5, 0,8, 1,1, 1,2 см. На кольце, изготовленном из стержня диаметром 0,8 см, сохранились следы аппликации золотой лентой в виде почти продольных параллельных полос шириной около 0,3 мм, нанесенных в технике поверхностной таушировки. Возможно, данные фрагменты являются частями пряжек (рис. 7: 6).

5а. Подвеска стеклянная, орнитооморфная. Разрушилась при снятии.

5б. Фрагмент ткани. Представляет собой две скрученные между собой нити диаметром около 0,9 см, покрытые бронзовыми окислами (рис. 8: 2).

6. Кремень кресальный. Обработан с одной стороны, имеет на рабочей поверхности заостренную грань. Размеры: 2×1,5×0,5 см (рис. 7: 3).

7. Нож железный, фрагмент. Имеет треугольное сечение и прямую спинку. Размеры: 4,7×2×0,6 см (рис. 7: 2).

8. Фрагмент серебряного перстня. Изготовлен из низкопробного серебра. Сохранились фрагмент плоской дужки, переходящей в широкий щиток. Форма и размеры не реконструируются (рис. 8: 3).

9. Фрагменты биметаллического сканого украшения, 2 шт. Один из фрагментов представляет собой серебряную пластину на которую в технике «глухой» скани напаяна тонкая золотая сканая проволока. Она образует две пары пересекающихся полуокружностей, пространство между которыми заполнено короткими спиральными односторонними завитками. Второй фрагмент не содержит украшений. Размеры: 1,4×0,8×0,05 см и 1,1×1×0,03 см (рис. 8: 5).

10. Предмет железный, во фрагментах (2 шт.). Форма предмета не реконструируется. Размеры: 3×1,2×0,2 см и 2,9×1,3×0,2 см (рис. 7: 5).

11. Удила железные, фрагмент. Сохранился фрагмент стержня длиной около 2 см и диаметром около 1,3 см с кольцом диаметром 2,3 см на конце (рис. 8: 6).

Курганный могильник «Айгурский-1» пополнил перечень памятников золотоордынской эпохи на территории Центрального Предкавказья. Он также является одним из свидетельств активности кладоискателей в Ставропольской губернии во 2-й пол. XIX – нач. XX в.

Памятник входит в группу элитных комплексов, расположенных на территории северо-восточных склонов Ставропольской возвышенности – Гашун-Уста, Джухта-2, Киевка-1887, Рагули-1887. Наряду с рядовыми комплексами, они локализуются в районе от долины р. Айгурки на западе до устьев рек Калаус, Рагули, Голубь и Чограй на востоке.

Курганный могильник «Айгурский-1» находился вдали от других курганных могильников золотоордынской эпохи, расположенных в долине р. Айгурки («Айгурский-2» и «Совруно-1, 2»). Элитный могильник «Джухта-2» также располагался на значительном удалении от большого курганного могильника у с. Рагули. Возможно, в данных случаях проявилось обособление могильников золотоордынской элиты от рядовых могильников. Интересно, что оба памятника располагались на расстоянии около 21,7 км друг от друга.

В курганном могильнике «Айгурский-1» не был прослежен окологурганский ровик. Аналогичный случай прослежен в кургане 27 курганного могильника «Айгурский-2», но в нем была обнаружена каменная подкурганная конструкция. (Бабенко, 2006, с. 111, рис. 1).

Погребения из кургана 1 совершены в разнотипных конструкциях. Погребение 1 было совершено в глубокой грунтовой яме с заплечиками. Наличие перекрытия из тонких деревянных плашек позволяет предположить, что на перекрытия были выложены части конской туши и предметы упряжи. Погребение 1 близко к типу АIV по типологии Г.А. Фёдорова-Давыдова (Фёдоров-Давыдов, 1966, с. 124), но содержит кости коня. Ближайшие аналогии – комплексы Айгурский 2-27-1 (Бабенко, 2006, с. 111, рис. 1), Совруно 1-1-1 (Бабенко, 2012, с. 215, рис. 8), Совруно 1-1-2 (Бабенко, 2012, с. 217, рис. 10) Джухта 2-5-2 (Доде, 2001, с. 119), Шарахалсун 5-8-1 (Бабенко, 2012, с. 224, рис. 17), Шарахалсун 5-8-2 (Бабенко, 2012, с. 226, рис. 19). В Нижнем Поволжье такие конструкции более характерны для женских погребений (Мыськов, 2015, с. 34). Погребение 2 совершено в прямоугольной яме, относящейся к типу АI по типологии Г.А. Фёдорова-Давыдова (Фёдоров-Давыдов, 1966, с. 124). В Нижнем Поволжье такие конструкции более характерны для мужских погребений (Мыськов, 2015, с. 33).

Судя по набору инвентаря, в погребении 1 была захоронена женщина, а в погребении 2 – мужчина. Взаимное расположение погребений в кургане 1 свидетельствует о вероятных родственных связях между захороненными.

Аналогичным образом были расположены мужское и женское погребения с богатым инвентарем в кургане 2 могильника «Джухта 2» (Доде, 2001, с. 119).

Несмотря на минимум сохранившегося инвентаря, комплексы из погребений 1 и 2 нуждаются в подробном рассмотрении. Инвентарь обоих погребений имеет аналогии как в погребальных, так и в бытовых памятниках Нижнего и Среднего Поволжья, Северо-Восточного Приазовья и Северного Кавказа. Найденные в погребении 1 перстни и орнитоморфная подвеска вызывают особый интерес.

Перстни являются редкой категорией погребального инвентаря позднекочевнических погребений. В Центральном Предкавказье они обнаружены в Новопавловском могильнике (3 экз.) (Охонько, Нарожный, 2007, с. 73), в кургане у с. Здвиженское (с. Воздвиженское Апанасенковского муниципального округа Ставропольского края) в 1891 г. (Отчет ИАК за 1891 г., 1893. с. 128, рис. №132) и в погребении, раскопанном Н.И. Веселовским в кургане в 7 км северо-восточнее с. Алексеевское совр. Благодарненского городского округа (Отчет ИАК за 1909–1910, 1913. с. 158). В подборке из 1033 погребений Волго-Донских степей по Е.П. Мыськову перстни встречены только в 12 погребениях (Мыськов, 2015, с. 165).

По форме и размерам перстень из погребения 1 (1) аналогичен перстням Болгарского городища типа В-Па-3 по типологии Г.Ф. Поляковой (Полякова, 1996, с. 171, рис. 61.24). На территории Центрального Предкавказья перстень с арабской надписью обнаружен впервые. Наличие в одном погребении двух перстней имеет аналогии в погребении 13 Новопавловского могильника (Нарожный, Охонько. 2007, с. 73, 140, рис. 31:4, 5)

Аналогии второму перстню (6) автору неизвестны. Возможно, он был изготовлен в Маджаре. С ним можно соотнести стеклянную вставку в перстень (8). Это стандартное изделие стеклоделов золотоордынских городов. Она относится к группе I, отделу 1, типу 1 по типологии Н.Н. Бусятской (Бусятская, 1976, с. 50). Подобные вставки, образованные каплей остывающего стекла на плоскости, обнаружены на Селитренном, Увекском и Болгарском городищах. На Селитренном городище производились вставки бирюзового и синего цветов (Галкин, 1984, с. 218). Вставки с Увекского городища изготовлены из прозрачного стекла синего, коричневого, зеленого цветов и непро-

зрачного стекла бирюзового оттенка (Валиулина, Недашковский, 2005, с. 262, с. 268, рис. 1: 50). Нет свидетельств производства подобных вставок на Болгарском городище, но в исследованной на городище стеклодельной мастерской производились стеклянные перстни из бирюзового и черного стекла (Полубояринова, 2006, с. 154).

Орнитоморфная подвеска из погребения 1 (2) относится к группе III, типу 1 по типологии Н.Н. Бусятской (Бусятская, 1976, с. 44). Автору известны две аналогии в погребальных памятниках – погребение из грунтового могильника «Ляпинская балка» вблизи одноименного поселения под Мариуполем (Евглевский, Кульбака, 2003, с. 388, рис. 13: 10а–10в) и комплекс Царев, 61/1 из округа Царевского городища (Мыськов, 2015, с. 170, 171, табл. XXX. 14). Влияние городской культуры в этих случаях очевидно. В случае с рассматриваемой подвеской удаленность приманьчского района от известных золотоордынских городов вызывает трудности в поиске места производства данного украшения.

Аналогичные подвески обнаружены на Селитренном городище на раскопе II 1970 г. (Бусятская, 1976, с. 44, 61, табл. 1, 2) и при раскопках стеклодельной мастерской на Болгарском городище (Полубояринова, 2006, с. 155, рис. 3.28). Всего в сводку Н.Н. Бусятской вошло 5 подвесок из различных памятников. Они изготовлены из голубого или темно-синего стекла (Бусятская, 1976, с. 44). По мнению М.Д. Полубояриновой, нет никаких следов изготовления подвески из Болгара в данной мастерской (Полубояринова, 2006, с. 157). По мнению Н.Н. Бусятской, подобные подвески изготавливались на Селитренном городище. (Бусятская, 1976, с. 45).

По сравнению с известными автору аналогиями айгурская подвеска отличается реалистичностью и иной цветовой гаммой. Учитывая недостаточную изученность стеклодельных мастерских в городах Золотой Орды, нельзя исключить изготовление данной подвески в Маджаре. Из городища Маджары происходит подвеска каплевидно-уплощенной формы из непрозрачного стекла бирюзового цвета (Курышова, 2021, с. 164, 165, рис. 3: 9), напоминающая хвост айгурской подвески. К сожалению, на городище Маджары ещё не исследована стеклодельная мастерская и пока можно лишь ограничиться выводами Н.П. Курышовой о наличии аналогий стеклянным изделиям из городища Маджары на среднеазиатских, древнерусских и золотоордынских

памятниках, в Индии и Иране (Курышова, 2021, с. 166, 167).

Образ уточки является одним из наиболее распространенных в искусстве Золотой Орды. По мнению А.В. Евглевского и В.К. Кульбаки, он воплощен в «памятниках именно оседлых культур» (Евглевский, Кульбака, 2003, с. 399). Образ уточки получил распространение в золотоордынской кашинной керамике с полихромной подглазурной росписью и подглазурным рельефом под прозрачной бесцветной поливой. Но для этих изображений характерен разворот головы птицы относительно туловища (Булатов, 2002, с. 43-44).

Н.М. Булатов отмечал распространение образа уточки у населения Средней Азии, Ирана в предмонгольский период и в средневековом Китае. По его мнению, эта традиция сохранилась в Средней и Передней Азии и по каким-то причинам получила распространение в городах Золотой Орды (Булатов, 2002, с. 45). По мнению Л.Л. Галкина, стеклодельная мастерская на Селитренном городище использовала готовые образцы, привезенные из Средней Азии (Галкин, 1984, с. 220).

Также необходимо учитывать возможное влияние волжских булгар (Руденко, 2011, с. 32) и финно-угорского населения Верхнего Прикамья (Вострокнутов, 2009, с. 29-31), в мифологии которых прослеживается культ водоплавающей птицы.

Серьга из погребения 1 (3) относится к серьгам типа VIб по типологии Г.А. Фёдорова-Давыдова (Фёдоров-Давыдов, 1966, с. 39). В Центральном Предкавказье имеется несколько аналогий – серьга, найденная в окрестностях с. Хагинско-Немецкое Ставропольской губернии (ныне с. Ульяновское Яшалтинского района Республики Калмыкия) в 1886 г. (Архив ИИМК, ф.1, 1891 г., д. 133, л. 5), серьга из погребения 1 кургана 7 курганного могильника Новозаведенное-II (Волков и др., 2001, с. 127, рис. 2: 1) и две серьги из погребения 4 кургана 1 курганного могильника Новозаведенное III (Чхаидзе и др., 2021, с. 117, 125, рис. 1.1, 1.2). Подобные серьги с длинным стержнем и сплошной навивкой, по данным Е.П. Мыськова, получили распространение в Волго-Донских степях не раньше 2-й трети XIV в. (Мыськов, 2015, с. 162).

Биконическая подвеска (5а) имеет известные автору аналогии в двух находках из слоя XIV в. раскопа на участке под пристройку к зданию Азовского краеведческого музея по ул. Московской 38/40, которые отличаются

более вытянутыми пропорциями (Перевозчиков, 1997, с. 69, рис. 13. 4, 5).

Фрагменту перламутровой бусины (5б) среди золотоордынских памятников имеются аналогии на Селитренном городище (Полубояринова, 1991, с. 45, 43, рис. 15-17).

Дирхем из погребения 1 (7) относится к числу немногочисленных находок монет в кочевнических погребениях Золотой Орды в Центральном Предкавказье. Все они относятся к столичному чекану (Бабенко, Обухов, 2013, с. 294-301). Преобладание монет столичного чекана характерно и для кочевнических погребений Волго-Донских степей, Среднего Дона и отчасти Нижнего Дона (Мыськов, 2015, с. 237). Рассматриваемая монета относится по времени к выделенному Е.П. Мыськовым II периоду в истории денежного обращения в среде кочевого населения Волго-Донского региона (1310 - нач. 60-х гг. XIV в.), который он связал с периодом политической стабильности и экономического процветания Золотой Орды в годы правления Узбека и Джанибека (Мыськов, 2015, с. 238).

Г.А. Фёдоров-Давыдов отмечал проникновение монет в среду кочевого населения Нижнего Поволжья и его вовлечение в сферу товарно-денежных отношений (Фёдоров-Давыдов, 1966, с. 217). Отмеченные выше погребения с монетами в Центральном Предкавказье также свидетельствуют о проникновении в местную кочевую среду товарно-денежных отношений, но в меньших масштабах, чем в Волго-Донских степях. В последнее время в работах Е.И. Нарожного игнорируется данная версия, оспаривается подход Г.А. Фёдорова-Давыдова к находкам любых совместных находок монет количеством свыше двух экземпляров, а также искажается содержание понятия «клад» в трактовке Г.А. Фёдорова-Давыдова (Нарожный, 2017, с. 123, 124).

Из инвентаря погребения 2 вызывают интерес фрагмент железного стремени, фрагмент железного кольца с таушировкой золотом, фрагмент перстня и фрагменты сканого украшения.

Стремя (1) ориентировочно можно отнести к стремням типа Ia по классификации Е.П. Мыськова, находки которых в Волго-Донских степях датированы монетами XIV в. (Мыськов, 2015, с. 56, 59, табл. III).

Фрагменты колец с таушировкой (4) могут иметь аналогии в бесщитковых рамчатых пряжках круглой формы отдела А, типа 3 по типологии К.А. Руденко, имевших распро-

странение в Волго-Камье в XI-XII вв. (Руденко, 2001, с. 33, 34, 158, табл. III). К.А. Руденко приводит примеры бытования изделий аскизского круга в золотоордынское время (Руденко, 2001, с. 76, 77, 110, 111, рис. 24, 25).

К сожалению, малые размеры фрагмента сканого украшения (9) и его плохая сохранность не позволяют определить его тип. Это второй случай обнаружения в Центральном Предкавказье сканых украшений после случайных находок в кургане на горе Юн-Баба в 1887 г. в окрестностях с. Киевка совр. Апанаенковского муниципального округа (Спицын, 1906, с. 263, табл. III, 1, 3; табл. IV, 2, 4; Крамаровский, 2001, кат. 156–164). Предмет выполнен в технике «глухой» скани, что не характерно для ювелирных украшений. Мотив спиральных завитков имеет аналогии в шести-лепестковой розетке из Бухарского клада 1902 г. (Крамаровский, 2001, кат. 166). Это позволяет отнести его ко второму этапу (кон. XIII – 1-я пол. XIV в.) развития филигранных украшений спирального стиля по М.Г. Крамаровскому (Крамаровский, 2001, с. 176).

Сохранившиеся находки и тотальный характер ограбления свидетельствуют о первоначальном богатстве инвентаря обоих погребений. По данным Р.Р. Каримовой, перстни, браслеты, цилиндрические подвески и серьги использовались в убранстве костюма кочевников высокого материального и социального положения в обществе и обнаруживают повышенную тенденцию встречаемости в погребениях с золотыми предметами (Каримова, 2013, с. 81).

Наличие богатого инвентаря в курганном могильнике «Айгурский-1» является важным свидетельством сохранения частью кочевой аристократии своих языческих обычаев во 2-й пол. XIV в., когда в приманычской зоне уже начинается строительство сырцовых мавзолеев

и начинает распространяться мусульманский погребальный обряд (Бабенко, 2012, с. 196–203). Учитывая выводы, сделанные Е.П. Мыськовым по материалам Волго-Донских степей (Мыськов, 2015, с. 240), погребение 1 может быть датировано началом 1350-х – нач. 1360-х гг. Погребение 2 могло быть совершено в 1360-е – 1370-е гг.

Сохранившийся погребальный инвентарь из обоих погребений свидетельствует о прочных торгово-экономических и культурных связях кочевого населения Центрального Предкавказья с Нижним и Средним Поволжьем. Помимо рассматриваемых комплексов, с территории Центрального Предкавказья происходят предметы, имеющие аналогии в древностях Волго-Камья золотоордынского периода: серьги миндалевидной формы на пластинчатой основе со вставками из прозрачного стекла из курганного могильника Чограй VIII (Андреева, 1989, с. 63, 86, рис. 10.П; Полякова, 2000, с. 234, рис. 3), пластинчатые львиноголовые золотые браслеты из кургана 1887 г. на горе Юн-Баба (Спицын, 1906, с. 263, 262, рис. 71) и зеркала с арабской надписью из курганного могильника Новозаведенное-II (Волков и др., 2001, с. 129–130). За исключением зеркала из с. Новозаведенное, все перечисленные предметы происходят с севера региона.

Отмеченную выше высокую концентрацию позднекочевнических комплексов на северо-восточных склонах Ставропольской возвышенности можно объяснить традиционным расположением здесь зимних пастбищ кочевников Золотой Орды и Нового времени. Большое количество элитных погребений на этой территории также можно объяснить прохождением через долину Айгурки маршрутов перекочевков ханских ставок в районы Среднего Прикумья и в Пятигорье (Бабенко, 2019, с. 573–579).

Благодарности:

Выражаю искреннюю признательность И.В. Волкову за содействие в публикации серебряного перстня и за произведенное определение монеты.

Примечания:

1 Определение А.К. Швыревой, заведующей отделом природы ГУК «Ставропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве»..

2 Акт Донской государственной инспекции пробирного надзора №33 от 24.11.2009 г.

ЛИТЕРАТУРА

Андреева М.В. Курганы у Чограйского водохранилища (материалы раскопок экспедиции 1979 г.) // Древности Ставрополья / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. М.: Наука, 1989. С. 24–124.

Бабенко В.А. Отчет о раскопках курганного могильника «Айгурский 2» и курганного могильника «Айгурский 1» у совхоза «Советское руно» Ипатовского района Ставропольского края в 2000 г. / Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 23452–23453.

Бабенко В.А. Древности эпохи Золотой Орды из долины р. Айгурки // Город и степь в контактной Евро-Азиатской зоне. Тезисы докладов III Международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова (1931–2000) / Отв. ред. В.В. Мурашева. М.: Нумизматическая лит-ра, 2006. С. 110–112.

Бабенко В.А. Погребения эпохи Золотой Орды в сырцовых оградках на территории Центрального Предкавказья // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 11. Золотоордынское время / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДНУ, 2012. С. 193–230.

Бабенко В.А. Локализация комплекса из урочища Гашун-Уста (Ставропольская губерния, 1890 г.) и выделение золотоордынских владений в Центральном Предкавказье // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2 / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Казань, Кишинев: Stratum plus. 2019. С. 569–584.

Бабенко В.А., Обухов Ю.Д. Монеты в погребениях Золотой Орды на территории Центрального Предкавказья // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. XI. Археология, краеведение, музееведение / Гл. ред. А.Б. Белинский. М.: Памятники исторической мысли, 2013. С. 291–308.

Булатов Н.М. Антропоморфные и зооморфные сюжеты в керамике Золотой Орды // Поволжье и сопредельные территории в средние века / Труды ГИМ. Вып. 135 / Отв. ред. В.Л. Егоров, Ю.А. Зеленева. М.: ГИМ, 2002. С. 37–49.

Бусятская Н.Н. Стекланные изделия городов Поволжья (XIII–XIV вв.) // Средневековые памятники Поволжья / Отв. ред. А.П. Смирнов, Г.А. Фёдоров-Давыдов. М.: Наука, 1976. С. 38–72.

Валиулина С.И., Недашковский Л.Ф. Стекланные изделия Укека и его округа // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 7 / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2005. С. 257–280.

Вострокнутов А.В. Культ водоплавающей птицы в Верхнем Прикамье в эпоху средневековья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. 6 / Под общ. ред. А.М. Белавина. Пермь: Пермский гос. гуманитарно-педагогический ун-т, 2009. С. 29–37.

Галкин Л.Л. Стеклодельная мастерская на городище Селитренном // СА. 1984. № 2. С. 213–221.

Доде З.В. Костюмы кочевников Золотой Орды из могильника Джухта-2 // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. II: Археология, антропология, палеоклиматология / Гл. ред. А.Б. Белинский. М.: Памятники исторической мысли, 2001. С. 117–127.

Евглевский А.В., Кульбака В.К. Грунтовый могильник золотоордынского времени Ляпинская балка из Северо-Восточного Приазовья // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3. Половецко-золотоордынское время / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2003. С. 363–404.

Каримова Р.Р. Элементы убранства и аксессуары костюма кочевников Золотой Орды (типология и социокультурная интерпретация) / Археология Евразийских степей. Вып. 16. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. 212 с. +8 с. цв. вкл.

Крамаровский М.Г. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб.: Славия, 2001. 364 с.

Курышова Н.П. Стекланные украшения из золотоордынского города Маджар // Археология Евразийских степей. 2021. №4. С. 160–168.

Мыськов Е.П. Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград: РАНХиГС, 2015. 484 с.

Нарожный Е.И. Монетные находки XIII–XV вв. в погребениях: некоторые аспекты семиотических оценок известных артефактов // Археология Евразийских степей. 2017. №6. С. 116–127.

Нарожный Е.И., Охонько Н.А. Новопавловский могильник XIV века в системе евразийских древностей // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 7 / Ред. С.Н. Савенко. Армавир-Ставрополь: СГМЗ, ЦАИ АГПИ, 2007. С. 5–11.

Отчет ИАК за 1891 г. СПб: Типография Главного управления уделов, 1893. 187 с.

Отчет ИАК за 1909–1910 годы. СПб: Типография Главного управления уделов, 1913. 289 с.

Перевозчиков В.И. Раскопки во дворе Азовского краеведческого музея в 1994 г. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 г. Вып. 14 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Азовский краеведческий музей, 1997. С. 53–72.

Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН Татарстана, 1996. С. 154–257.

Полякова Г.Ф. О датировке некоторых типов ювелирных изделий из Волжской Болгарии // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Материа-

лы научной конференции / Труды ГИМ. Вып. 122 / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 2000. С. 232–236.

Полубояринова М.Д. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. М.: Институт археологии АН СССР, 1991. 112 с.

Полубояринова М.Д. Стеклодельная мастерская XIV в. в городе Болгаре // РА. 2006. № 4. С. 152–158.

Руденко К.А. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв.: Изделия аскизского круга в Среднем Поволжье. Казань: Заман, 2001. 256 с.

Руденко К.А. Булгарское золото. Филигранные височные подвески. Казань: Заман, 2011. 255 с.

Спицын А.А. Из коллекции Императорского Эрмитажа // Записки Отделения славяно-русской археологии Русского археологического общества. Т. VIII. Вып. I / Под ред. С.Ф. Платонова. СПб.: Русское археологическое общество, 1906. С. 249–274.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во МГУ, 1966. 276 с.

Чхаидзе В.Н., Канторович А.Р., Маслов В.Е. Погребения средневековых кочевников из курганного могильника Новозаведенное III на юго-востоке Ставропольского края // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 19 / Отв. ред. Е.И. Нарожный. Армавир-Карачаевск, 2021. С. 116–129.

Информация об авторе:

Бабенко Виталий Александрович, ведущий научный сотрудник. ООО «Наследие» (г. Ставрополь, Россия); vit-babenko@yandex.ru

REFERENCES

Andreeva, M. V. 1989. In Munchaev, R. M. (ed.). *Drevnosti Stavropol'ya (Antiquities of Stavropol region)*. Moscow: "Nauka" Publ., 24–124 (in Russian).

Babenko, V. A. 2000. *Otchet o raskopkakh kurgannogo mogil'nika «Aygurskiy 2» i kurgannogo mogil'nika «Aygurskiy 1» u sovkhoza «Sovetskoe runo» Ipatovskogo rayona Stavropol'skogo kraya v 2000 g. (Report on the excavations of the barrow cemetery "Aigurskiy 2" and the barrow cemetery "Aigurskiy 1" near the state farm "Sovetskoye runo" in Ipatovo district of Stavropol Krai in 2000)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund 1. R-1, no. 23452–23453 (in Russian).

Babenko, V. A. 2006. In Murasheva, V. V. (ed.). *Gorod i step' v kontaktной Evro-Aziatskoy zone (The city and the steppe in contact Eurasian spase)*. Moscow: "Numizmaticheskaya literatura" Publ., 110–112 (in Russian).

Babenko, V. A. 2012. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages) 11. Zolotoordynskoe vremia (Golden Horde Time)*. Donetsk: Donetsk National University, 193–230 (in Russian).

Babenko, V. A. 2019. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde) 2*. Kazan, Kishinev: "Stratum Plus" Publ., 569–584 (in Russian).

Babenko, V. A., Obuhov, Yu. D. 2013. In Belinskiy, A. B. (ed.). *Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza. Vyp. XI: Arkheologiya, antropologiya, paleoklimatologiya (Materials on the Study of the Historical and Cultural Heritage of the North Caucasus. Issue XI: Archaeology, local history, museology)*. Moscow: "Pamyatniki istoricheskoi mysli" Publ., 291–308 (in Russian).

Bulatov, N. M. 2002. In Egorov, V. L., Zeleneev, Yu. A. (eds.). *Povolzh'e i sopredel'nye territorii v srednie veka (Volga river region and adjacent territories in the Middle Ages)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 135. Moscow: State Historical Museum, 37–49 (in Russian).

Busyatskaya, N. N. 1976. In Smirnov, A. P., Fedorov-Davydov, G. A. (eds.). *Srednevekovye pamiatniki Povolzh'ia (Medieval Sites in the Volga Region)*. Moscow: "Nauka" Publ., 38–72 (in Russian).

Valiulina, S. I., Nedashkovskii, L. F. 2005. In Skripkin, A. S. (ed.). *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin) 7*. Volgograd: Volgograd State University, 257–280 (in Russian).

Vostroknutov, A.V. 2009. In Belavin, A. M. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition) VI*. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 29–37 (in Russian).

Galkin, L. L. 1984. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology) (2)*, 213–221 (in Russian).

Dode, Z.V. 2001. In Belinskiy, A. B. (ed.). *Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza. Vyp. II: Arkheologiya, antropologiya, paleoklimatologiya (Materials on the Study of the Histor-*

ical and Cultural Heritage of the North Caucasus. Issue II: Archaeology, Anthropology, Palaeoclimatology). Moscow: "Pamyatniki istoricheskoi mysli" Publ., 117–127 (in Russian).

Evglevskii, A. V., Kulbaka, V. K. 2003. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages) 3. Polovetsko-zolotoordynskoe vremia (The Cuman-Golden Horde Period)*. Donetsk: Donetsk National University, 363–404. (in Russian).

Karimova R.R. 2013. *Elementy ubranstva i aksessuary kostyuma kochevnikov Zolotoy Ordy (tipologiya i sotsiokul'turnaya interpretatsiya) (Elements of dressing and costume accessories of Golden Horde nomads (typology, social and cultural interpretation))*. Series: Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes) 16. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Kramarovskii, M. G. 2001. *Zoloto Chingisidov: kul'turnoye nasledie Zolotoy Ordy (Gold of Genghisid: the cultural heritage of the Golden Horde)*. Saint Petersburg: "Slaviya" Publ. (in Russian).

Kuryshova, N. P. 2021. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)*. 4, 160–168 (in Russian).

Mys'kov, E. P. 2015. *Kochevniki Volgo-Donskikh stepei v epokhu Zolotoy Ordy (Nomads of the Volga-Don Steppes in the Golden Horde Period)*. Volgograd: "RANKhiGS" Publ. (in Russian).

Narozhnyj, E. I. 2017. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)*. 6, 116–127 (in Russian).

Narozhnyj, E. I., Okhonko, N. A. 2007. In Savenko, S. N. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Severnogo Kavkaza (Materials and Research on the Archaeology of the North Caucasus)* 7. Armavir: "Nasledie Kubani" Publ., 5–11 (in Russian).

1893. In *Otchet Arkheologicheskoi komissii za 1891 g. (Report of the Imperial Archaeological Commission from 1891)* Saint Petersburg: "Tipografiia Glavnogo Upravleniia Udelov" Publ. (in Russian).

1913. In *Otchet Arkheologicheskoi komissii za 1909–1910 g. (Report of the Imperial Archaeological Commission from 1909–1910)* Saint Petersburg: "Tipografiia Glavnogo Upravleniia Udelov" Publ. (in Russian).

Perevozchikov, V. I. 1997. In Kiyashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 1994 godu (Historical and Archaeological Studies in Azov and Lower Don Region)* 14. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve Publ., 53–72 (in Russian).

Poliakova, G. F. 1996. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (City of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History Institute named after G. Ibragimov, Academy of Sciences of Tatarstan, 154–257 (in Russian).

Poliakova, G. F. 2000. In Belotserkovskaia, I. V. (ed.). *Nauchnoe nasledie A. P. Smirnova i sovremennye problemy arkheologii Volgo-Kam'ia (A. P. Smirnov's Scientific Legacy and Current Issues of Volga-Kama Archaeology)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum 122. Moscow: State Historical Museum, 232–236 (in Russian).

Poluboiarinova, M. D. 1991. *Ukrasheniia iz tsvetnykh kamnei Bolgara i Zolotoy Ordy (Jewelry of Gemstones found in Bulgar and the Golden Horde)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, Institute for Archaeology (in Russian).

Poluboiarinova, M. D. 2006. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (4), 152–158 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2001. *Tiurkskii mir i Volgo-Kam'ye v XI–XIV vv.: Izdeliia askizskogo kruga v Srednem Povolzh'ye (Turkic World and the Volga-Kama Region in the 11th–14th cc.: Articles of the Askiz Range in the Middle Volga Region)*. Kazan: "Zaman" Publ. 141 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2011. *Bulgarskoe zoloto: filigrannye visochnye podveski (Bulgarian Gold: Filigreed Temple Pendants)*. Kazan: "Zaman" Publ. (in Russian).

Spitsyn, A. A. 1906. In Platonov, S. F. (ed.). *Zapiski Otdeleniya slavyano-russkoy arkheologii Russkogo arkheologicheskogo obshchestva (Notes of the department of Slavic-Russian archaeology of the Russian Archaeological Society)* Vol. VIII. Issue I. Saint Petersburg: Russian Archaeological Society 249–274 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov: Arkheologicheskie pamiatniki (East-European Nomads under the Golden Horde's Khans: Archaeological Sites)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Chkhaidze, V. N., Kantorovich, A. R., Maslov, V. E. 2021. In Narozhnyi, E. I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Severnogo Kavkaza (Materials and Research on the Archaeology of the North Caucasus)* 19. Armavir: "Nasledie Kubani" Publ., 116–129 (in Russian).

About the Author:

Babenko Vitaly A., Ltd "Heritage", K. Marx, Ave., 56, Stavropol, 355017, Russian Federation; vit-babenko@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2022 г.
Статья принята к публикации 01.10.2022 г.

УДК 903.2-05(=512.1) "15/16"

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.6.320.328>

ЖЕЛЕЗНЫЙ КЛЮЧ С ГОРОДИЩА ИСКЕР. К ВОПРОСУ О НОВОМ ТИПЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ СЪЕМНЫХ ЗАМКОВ

©2022 г. А.А. Адамов

При археологических исследованиях на городище Искер – столице Сибирского ханства, был обнаружен железный ключ с раздвоенными концами для сжимания пружинных узлов. Аналогичные ключи известны из материалов г. Твери, г. Пскова, Рождественского городища и Крыма. Съёмный замок к таким ключам с двумя продольными ключевыми щелями был обнаружен при исследованиях г. Пскова. Датировка подобных устройств – XV–XVI вв. В существующие классификации замки с такими признаками не включены. Рассмотренные ключи и замок к ним, по особенностям замочной скважины и конструкции ключей, можно выделить в отдельный тип «И», основываясь на принципах построения классификации Б.А. Колчина. Подобные замки использовались жителями русских средневековых городов, населением Предуралья, Сибирского и Крамского ханств.

Ключевые слова: археология, Западная Сибирь, Сибирское ханство, Искер, ключ, съёмный замок, типология замков, Б.А. Колчин

THE IRON KEY FROM THE ISKER SETTLEMENT. TO THE ISSUE OF A NEW TYPE OF MEDIEVAL PADLOCKS

A.A. Adamov

During archaeological studies on the Isker settlement, the capital of the Siberian Khanate, an iron key with forked ends for squeezing spring units was found. Similar keys are known from Tver and Pskov, the Rozhdestvenskoye settlement and the Crimea. A padlock for such keys with two longitudinal key holes was revealed during studies in Pskov. Dating of such devices – XV–XVI centuries. The existing classifications do not include locks with such features. These mentioned keys and the lock to them, according to the features of the keyhole and the design of the keys can be referred to a separate type "I", based on the principles of B.A. Kolchin's classification. Similar padlocks were used by the dwellers of Russian medieval cities, the population in the Cis-Ural region, Khanate of Sibir and Crimean Khanate.

Keywords: archaeology, Western Siberia, Khanate of Sibir, Isker, key, padlock, typology of locks, B.A. Kolchin.

Остатки столицы Сибирского ханства – городища Искер – расположены на правом берегу р. Иртыш, в 17,7 км выше современного устья р. Тобол. Памятник находится на высокой террасе Тобольского материка, на мысу, образовавшемся при впадении в р. Иртыш небольшой р. Сибирки.

Археологические исследования на городище Искер в XXI в. ведутся автором и сотрудниками этноархеологической группы Тобольской комплексной научной станции, начиная с 2006 г. Они состоят из сборов находок из размытого культурного слоя, археологических исследований в овраге, отделяющим городище с напольной стороны и грунтового могильника, располагающегося рядом со столицей Сибирского ханства (Адамов и др., 2006; Адамов, 2015). Начиная с 2014 г. работы проводятся при поддержке Института археологии им. А.Х. Халикова АН Республики Татарстан.

Цель работы – ввести в научный оборот одну из находок полевого сезона 2007 г. Тогда в раскопе, заложенном на западном склоне оврага, на самом краю террасы, были исследованы остатки мощных культурных отложений. Судя по всему, наш раскоп захватил край уже почти обрушившейся в р. Иртыш мощной линзы перемещённых культурных отложений. Основная масса находок связана с существованием столицы Сибирского ханства и может быть датирована концом XV–XVI в. На глубине – 225 см от высшей точки раскопа, при выборке культурного горизонта, лежащего непосредственно на погребённой почве, был обнаружен железный предмет, который может быть идентифицирован как ключ от съёмного замка (рис. 1: 1).

Остатки съёмных металлических замков и ключей от них не редкость на городище Искер. В публикации В.Н. Пигнатти упоминаются остатки пяти замков, один из которых был в

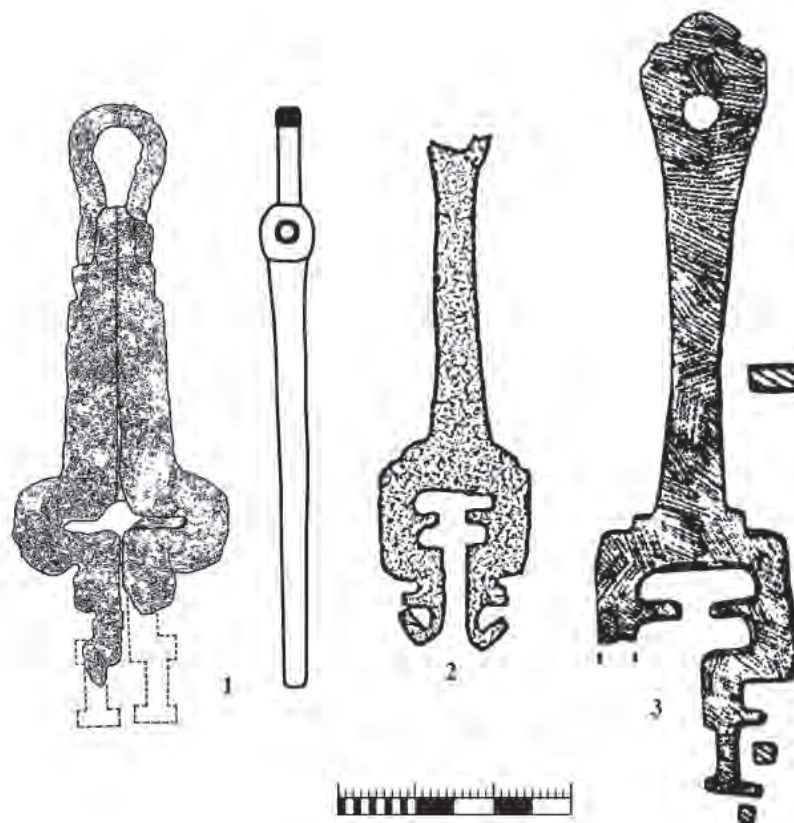

Рис. 1. Железные ключи от навесных замков.

1 – городище Искер; 2 – Рождественское городище (по: А.М. Белавин и Н.Б. Крыласова, 2008);
3 – Тверь (по: В.А. Лапшин, 2009).

Fig. 1. Iron keys of padlocks.

1 – Isker settlement; 2 – Rozhdestvensk settlement (according to A.M. Belavin and N.B. Krylasova, 2008);
3 – Tver (according to V.A. Lapshin, 2009).

виде фигуры животного (Пигнатти, 1915, с. 25, табл. IV: 10). В изданном каталоге коллекции М.С. Знаменского, собранной, в основном, на городище Искер, А.М. Тальгрэн упоминает под № 676 железный навесной замок, а под № 1091–1110 замки и их обломки. Кроме того, в иллюстрациях даны фотографии двух навесных замков (Tallgren, 1922, p. 25, 27, pl. III: 16, 17; Зыков, 2014, с. 373, 374). Рисунки двух навесных замков с городища из коллекции Тобольского музея-заповедника были опубликованы в монографии А.А. Адамова (Адамов, 2000, рис. 25: 10, 18). В одной из своих работ В.А. Могильников остановился на интерпретации замков и ключей из шести памятников Нижнего Обь-Иртышья. С городища Искер им учитывался ключ от замка типа В (по новгородской классификации) и болгарский бронзовый замок XIII–XIV в. в виде лошадки. Замки и ключи, находимые на памятниках Западной Сибири, В.А. Могильников считал древнерусскими, оговаривая, что замки в Прииртышье попали через волжских болгар, включённых

после монголо-татарского завоевания в улус Джучи (Могильников, 2000, с. 81). В статье Д.Т. Кульмаметова были рассмотрены съёмные замки с двух археологических памятников из Тобольского Прииртышья. Железные замки с Искера были отнесены автором к типам Г и Е (по классификации Б.А. Колчина) и отмечены, что бронзовый замок в виде лошадки имеет многочисленные аналогии в нижневолжских золотоордынских городищах второй половины XIII–XIV в. (Кульмаметов, 2006, с. 58).

А.П. Зыков выделил на материалах городища Искер 10 типов замков (Зыков и др., 2017, с. 252–266), из них съёмных – 7 типов. Четыре – аналогичны замкам типов А, Б, В, Е (по классификации Б.А. Колчина) (Зыков и др., 2017, с. 257–261), один зооморфный имеет прямые аналогии в золотоордынских древностях (Зыков и др., 2017, с. 262–264). Выделенный А.П. Зыковым тип 8 представляет собой одноцилиндровый съёмный пружинный замок с ключевой прорезью в донце цилиндра

дра для втульчатого лопастного ключа (Зыков, 2017, с. 261).

В статье А.А. Адамова о типологии и датировке замков с городища Искер были выделены две разновременные группы. Первая охватывает период XII–XIV в. и связана с угорским населением Тобольского Прииртышья; включает пять типов навесных замков. Опираясь на классификацию Б.А. Колчина, выделены: тип А (X – первая треть XIII в.); тип Б (XII – середина XIV в.); тип В (XII – начало XV в.); тип Г (середина XIII – первая половина XV в.). Кроме того, отмечено бытование медных замков в виде животного, которые подобны поволжским и встречаются там как в домонгольских, так и в золотоордынских слоях (Адамов, 2019, с. 22). Из городского слоя столичного города Сибирского ханства конца XV–XVI в. происходят навесные замки и ключи типа Е (по классификации Б.А. Колчина) (Адамов, 2019, с. 23). В работе было высказано мнение, что ещё два навесных замка, происходящих с Искера, относятся к периоду, когда столица Сибирского ханства прекратила своё существование. Замок типа 8 (по А.П. Зыкову) был отнесён к замкам от конских пут с возможной датировкой вплоть до начала XX в. Другой замок типа 10 (по А.П. Зыкову) открывался ключом с винтовой нарезкой, что было характерно для замков XIX – первой половины XX в. (Адамов, 2019, с. 23, 24).

Количество замков и их частей, а также ключей, обнаруженных на городище Искер, достаточно велико. И это позволяет, несмотря на то что памятник расположен в Западной Сибири, поставить вопрос о расширении существующей классификации навесных замков Восточной Европы.

Ещё в 1948 г. Б.А. Рыбаков разделил навесные замки на два типа: с ключом, имеющим бородку, и с ключом, загнутым на конце (Рыбаков, 1948, с. 218). Среди последних выделены трубчатые замки (киевского типа) кубической или трапециевидной формы (Рыбаков, 1948, с. 221), о которых Б.А. Рыбаков писал, что Т. Арне считал прототипом таких замков восточные образцы (Рыбаков, 1948, с. 222). При этом Т. Арне подразумевал под востоком земли Руси, из которых посредством торговли кубические замки попадали в Швецию и Норвегию (Arne, 1914, p. 200).

Рассматривая русские замки домонгольского времени Р.Л. Розенфельдт писал, что известно около двадцати типов цилиндриче-

ских навесных замков (Розенфельдт, 1953, с. 36), хотя в работе описано только пять групп замков, включая путные. Группы различаются формой и характером расположения замочной скважины, а также формой ключей. Внутри групп выделяются типы с различными вариантами формы замочной скважины и усложняющимися элементами ключей к ним (Розенфельдт, 1953, с. 36–38).

Стройную классификацию разработал в ряде работ Б.А. Колчин. В монографии 1953 г. исследователем выделены для висячих замков с пружинным механизмом на подвижных дужках шесть основных конструктивных видов, получивших буквенные обозначения от А до Е. (Колчин, 1953, с. 154, рис. 127). В монографии 1959 г. классификация претерпела существенные изменения: было выделено 10 конструктивных типов – вариантов, которые получили обозначения от А до З (тип В подразделялся на два варианта), и каждому типу соответствовали формы ключей. В основу классификации были положены форма корпуса, система ключа и ключевого отверстия (Колчин, 1959, с. 78–84, рис. 70). Гораздо позднее в статье, посвящённой хронологии новгородских древностей, классификация 1959 г. навесных замков осталась практически без изменений. Исчез только тип З, относящийся к путным замкам (Колчин, 1982, рис. 3). Эта классификация использовалась и в обобщающей монографии 1997 г., посвящённой описанию быта и культуры Древней Руси (Хорошев, 1997, табл. 5; 6).

Навесные замки, вошедшие в типологию Б.А. Колчина, представлены одним типом запорного механизма, основанного на вставляемом в корпус стержне (или нескольких), к которому крепились расходящиеся пластинчатые пружины. При запирании замка пружины сжимались, а внутри корпуса расходились, упираясь верхними концами в донце, тем самым препятствуя их выниманию. Чтобы открыть замок, нужно было внутри корпуса сжать пружины ключом.

По болгарским материалам Е.П. Казаков предложил свою классификацию средневековых замков. Исследователь выделил три вида замков: 1 – железные навесные; 2 – железные врезные; 3 – бронзовые. Замки первой группы – цилиндрические. Подразделяются на две подгруппы: а – одноцилиндровые; б – двухцилиндровые, каждая из которых подразделяется на три типа. В классификации выделены и отделы: 1 – с боковым расположением отверстия для ключа; 2 – с комбинированным; 3 – с

нижнедонным вводом ключа (Казаков, 1991, с. 70–74).

В монографии Ю.А. Семькина, посвящённой металлургии и кузнечному производству Волжской Булгарии, рассмотрены технологии изготовления и обзор основных типов замков, встречающихся на памятниках последней (Семькин, 2015). Учёный отметил, что типология замков Новгорода из-за слишком дробного выделения самостоятельных типов замков на основании одного, пусть и очень важного морфологического признака – по форме и размещению отверстия для ввода ключа в цилиндр – несколько проигрывает типологии Е.П. Казакова, хотя и последняя не лишена недостатков, так как в ней разнотипные замки (тип Е и Д по Б.А. Колчину) оказываются в одной группе (Семькин, 2015, с. 86, 87).

Учёный подчеркнул, что в типологической классификации нужно учитывать максимальное количество признаков, в том числе и количество пружинных узлов на запорных пластинах, которые можно подсчитать при внимательном анализе ключей (Семькин, 2015, с. 89). Автор описал и двухцилиндровый замок с круглой пластиной в донце большого цилиндра, с круглым отверстием в центре и спиральным вводом ключа (Семькин, 2015, с. 89, рис. 68).

Переходя к анализу обнаруженного на Искере ключа, нужно отметить, что он представляет из себя две железные (подпрямоугольные в разрезе) пластины. Пластины на конце соединены перпендикулярным штырём, с прикреплённой к нему железной петлёй для подвешивания. Трудно сказать, были ли пластины спаяны вместе или свободно вращались. На другом конце каждая пластина имела дугообразное расширение, образующее вместе крестообразную прорезь (из-за окислов железа эта прорезь заметно сужена). Окончания пластин имеют вид тонких пластинок с выступами, сохранившимися частично (рис. 1: 1).

Аналогий нашему ключу известно совсем немного. Впервые похожий ключ, происходящий с Рождественского городища, был опубликован А.М. Белавиным и Н.Б. Крыласовой (рис. 1: 2). Исследователи отнесли ключ к замку с продольной ключевой щелью (тип А по классификации Б.А. Колчина) и отметили, что такие замки исчезают в середине XIII в. (Белавин, Крыласова, 2008, с. 349, рис. 177: 10). Железный ключ, идентичный ключу из Рождественского городища (рис. 1: 3), был

опубликован в монографии В.А. Лапшина, посвящённой материальной культуре г. Твери XIII–XV в. (Лапшин, 2009, рис. 84: 14).

Нужно заметить, что ключ с городища Искер, как и ключи из Восточной Европы, имеют одну особенность. У них окончание, которое должно сжимать пружины в теле замка, раздвоено. Значит и продольных ключевых щелей на корпусе замка должно быть две. В замках, которые Б.А. Колчин отнёс к типу А, такая длинная прорезь одна, да и ключи к таким замкам имеют округлую или прямоугольную головку, но никак не раздвоенные концы (Колчин, 1959, рис. 65: 1; 66). Понятно, что конструкция замков, к которым подходит наш ключ, существенно отличается от замков типа А.

На городище Искер остатки замков с двумя щелевыми прорезями нам неизвестны. Хотя они вполне могут быть в неизданных материалах, собранных М.С. Знаменским на Искере и хранящихся сейчас в Финляндии (Зыков, 2014). Однако из средневековых материалов г. Пскова известен корпус замка (Салмина и др., 2016, рис. 6: 6), который обладает рядом признаков, свидетельствующих о том, что именно к таким запорам и применялись ключи, обнаруженные на Искере, Рождественском городище и в г. Твери.

Корпус замка из Пскова прямоугольный, с одной стороны к нему припаяна дужка, сохранившаяся не полностью, с другой стороны имеются два отверстия, в которые вставлялся запор с двумя пружинными узлами (рис. 2: 1). По дну замка шли две продольные ключевые прорези, расширенные на одном конце, в которые вставлялись раздвоенные концы ключей. Проводя ключом вдоль замка, за счёт выступов на концах пластин, происходило сжатие пружинных узлов, и замок открывался. Нужно обратить внимание и на то, что между прорезями располагалась вертикальная пластина с двумя перпендикулярными выступами (Салмина и др., 2016, рис. 6: 6). Прорези, имеющиеся на ключах (ближе к их окончаниям), должны были совпадать с выступами на нижней вертикальной пластине замка, и тогда ключ свободно скользил вдоль тела замка, сжимая пружины. Нужно отметить, что ключи с Рождественского городища и из г. Твери имеют именно такие прорези, которые подходят к замку из г. Пскова. Ключ с Искера имел крестовидную прорезь, отличающуюся от ключей из Восточной Европы.

Среди железных ключей, хранящихся в различных музеях нашей страны, удалось

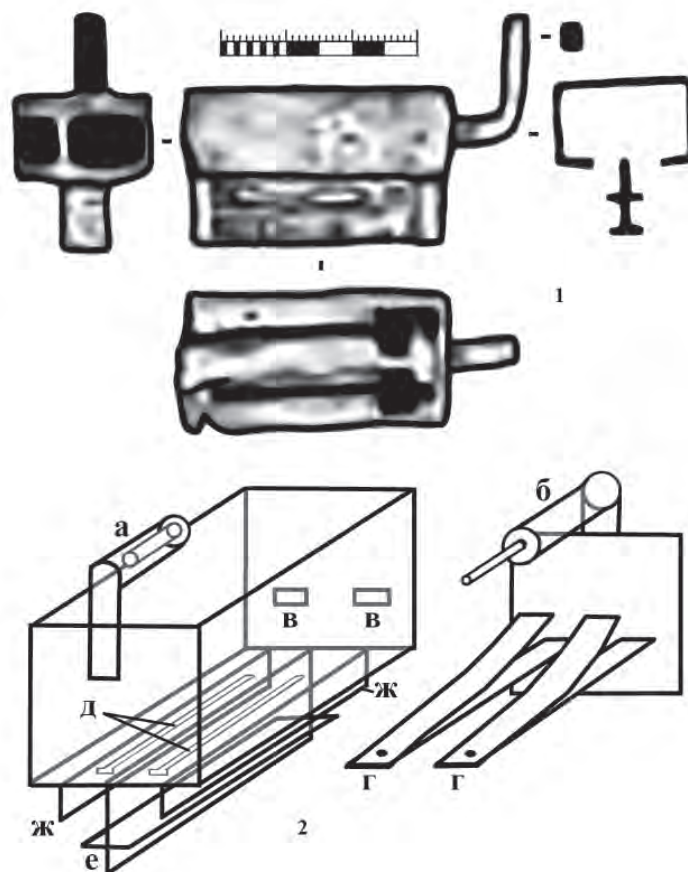

Рис. 2. Навесной замок из Пскова (1) (по: Е.В. Салмина и др., 2016)

и графическая реконструкция запорного устройства для ключа с городища Искер (2).

а – горизонтальная втулка; б – дужка запора; в – отверстия для вхождения пружинных узлов; г – пружинный узел; д – продольная ключевая щель; е – вертикальная пластина с горизонтальной планкой; ж – вертикальная пластина.

Fig. 2. Padlock from Pskov (1) (according to E.V. Salmina et al., 2016)

and graphic reconstruction of the locking device for the key from the Isker settlement (2).

a – horizontal socket; б – lock shackle; в – holes for the entry of spring units; г – spring unit; д – longitudinal key hole; е - vertical plate with a horizontal hasp; ж - vertical plate.

обнаружить ряд ключей с двумя раздвоенными концами. Это ключ из Псковского музея-заповедника (ГОСКАТАЛОГ.РФ: № 20289909), ключ из музея-заповедника «Остров-град Свияжск» (ГОСКАТАЛОГ.РФ: № 13872891), который идентичен ключам из г. Твери и Рождественского городища, и три ключа из Бахчисарайского музея-заповедника (ГОСКАТАЛОГ.РФ: № 7562364, 10447368).

Касаясь хронологии данной конструкции замков нужно отметить, что подобные замки достаточно редки, безусловно они использовались и изготавливались в том числе и русскими мастерами в городах Восточной Европы. Опираясь на материалы из Пскова и Твери, а также с городища Искер, мы можем определить период бытования подобных замков в пределах XV–XVI в., тем более что и на Рождественском комплексе присутствуют

материалы XVI–XX в. (Белавин, Крыласова, 2008, с. 514).

Нами сделана графическая реконструкция замка от ключа с городища Искер (рис. 2: 1). Замок подпрямоугольной формы, с одной боковой стороны к нему крепилась г-образная горизонтальная втулка (а), в которую входила дужка запора (б), с другой – имелись два отверстия для вхождения пружинных узлов (в). Запорный механизм состоял из пластины, к которой крепилась дужка запора и два пружинных узла (г). Дужка запора входила своим концом в горизонтальную втулку, чем, собственно, и осуществлялось закрытие замка. По дну замка шли две продольные ключевые щели (д). С внешней стороны между ними находилась вертикальная пластина с выступающей горизонтальной планкой, крестообразной в разрезе (е). Для затруднения

проникновения к ключевым щелям, возможно, применялись и две вертикальные пластины, крепившиеся по краям замка (ж). Ключ сжимал расходящиеся пружины запорного узла, который вынимался из замка, освобождая дужку.

Рассмотренный тип замка с двумя продольными ключевыми щелями в существующих классификациях съёмных замков отсутствует. Пожалуй, наиболее стройную классификацию средневековых съёмных замков предложил Б.А. Колчин. В ней учитываются формы ключей и характер расположения ключевых отверстий (которые, естественно, взаимосвязаны). Так как она построена только на материалах Новгорода, она, конечно же, не всеобъемлющая. Новые материалы из Восточной Европы и Сибири позволяют добавить ещё два типа в эту классификацию. Новый тип замка с оригинальной замочной скважиной и узнаваемым ключом описан Ю.А. Семькиным (Семькин, 2015, с. 89, рис. 68). В продолжении классификации Б.А. Колчина мы предлагаем выделить его в тип 3. Ещё один тип, не включённый в классификацию Б.А. Колчина, выделяется двумя продольными ключевыми прорезями и ключом с раздвоенными концами. Мы предлагаем включить этот тип в расширенную классификацию Б.А. Колчина под буквой И (рис. 1: 1; 2: 1). Этот

тип замка, насколько можно судить, был представлен в Восточной Европе, прежде всего, в русских городах, а также в Сибирском и Крымском ханствах. По ряду характерных отличий в оформлении ключей уже сегодня можно выделить по крайней мере два варианта замков, имеющих в нижней части разделительную, фигурную, вертикальную пластину (замок из Пскова, ключи из Твери, Свяжска и городищ Рождественского и Искера). Другой вариант замка такой пластины не имеет, что прослеживается на ключах из Псковского и Бахчисарайского музеев-заповедников.

Таким образом, на городище Искер был обнаружен ключ из съёмного железного замка, который можно датировать в пределах XV–XVI в. Замок имел две продольные ключевые щели, в которые вставлялись раздвоенные концы ключа, предназначенные для сжимания двух пружинных узлов. Замки такой конструкции использовались в русских городах, откуда они попадали в Предуралье. Близкие, но не идентичные замки бытовали у населения Сибирского и Крымского ханств. Рассмотренные ключи и замок к ним, по особенностям замочной скважины и конструкции ключей, используя принципы построения классификации Б.А. Колчина и продолжая её, можно выделить в отдельный тип И.

ЛИТЕРАТУРА

Адамов А.А. Археологические памятники города Тобольска и его окрестностей. Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2000. 95 с.

Адамов А.А. Археологические исследования на Кучумовом городище (Искере) в 2014 году // Поволжская археология. 2015. № 4 (14). С. 291–300.

Адамов А.А. Замки с городища Искер (типология и датировка) // Сибирские татары. Материалы Всероссийского (с международным участием) симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» / Отв. ред. З.А. Тычинских. Тобольск: Тобольская типография, 2019. С. 20–24.

Адамов А.А., Балюнов И.В., Данилов П.Г. Разведочные работы в устье реки Сибирки // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XII. Ч. I. / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. С. 242–248.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т., 2008. 603 с.

ГОСКАТАЛОГ.РФ: № 7562364. URL: <http://goskatalog.ru/portal/#/collections?q=7562364&imageExists=null>. (дата обращения 19.10.2022).

ГОСКАТАЛОГ.РФ: № 10447368. URL: <http://goskatalog.ru/portal/#/collections?q=10447368&imageExists=null>. (дата обращения 19.10.2022).

ГОСКАТАЛОГ.РФ: № 13872891. URL: <http://goskatalog.ru/portal/#/collections?q=13872891&imageExists=null>. (дата обращения 19.10.2022).

ГОСКАТАЛОГ.РФ: № 20289909. URL: <http://goskatalog.ru/portal/#/collections?q=20289909&imageExists=null>. (дата обращения 19.10.2022).

Зыков А.П. Археологическая коллекция М.С. Знаменского с городища Искер // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 12. / Отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск-Ханты-Мансийск: ТГУ, 2014. С. 336–378.

Зыков А.П., Косинцев П.А., Трепавлов В.В. Город Сибирь – городище Искер (историко-археологическое исследование). М.: Вост. лит-ра, 2017. 559 с.

Казаков Е.П. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. 176 с.

Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (Домонгольский период) // МИА. № 32. М.: Наука, 1953. 260 с.

Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (продукция, технологии) // МИА. № 65. Т. II / Под ред. А.В. Арциховского и Б.А. Колчина. М.: АН СССР, 1959. С. 7–120.

Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода / Ред. Б.А. Колчин, В.Л. Янин. М.: Наука, 1982. С. 156–177.

Кульмаметов Д.Т. Навесные замки Сибирского ханства // Сулеймановские чтения. Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. Ф.С. Сайфулина. Тюмень: Экспресс, 2006. С. 57–59.

Лапшин В.А. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.) / Труды ИИМК РАН. Т. XXX. СПб: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 540 с.

Могильников В.А. К проблеме взаимоотношений Руси и Югры в XI – XV веках // Русские сторожи-лы. Материалы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» / Отв. ред. А.В. Головнев. Тобольск-Омск: ОмГПУ, 2000. С. 77–85.

Пигнатти В.Н. Искер (Кучумово городище) // Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. XXV. Тобольск: Типография Епархиального Братства, 1915. С. 1–43.

Розенфельдт Р.Л. Русские замки домонгольского времени // КСИИМК. Вып. XLIX / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.: АН СССР, 1953. С. 32–38.

Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1948. 792 с.

Салмина Е.В., Салмин С.А., Подгорная Р.Г., Михайлов А.В. Особенности состава вещевого комплекса с территории Нового Торга Пскова (по материалам раскопок 2005–2013 гг.) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Вып. 31. / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2016. С. 123–134.

Семыкин Ю.А. Черная металлургия и кузнечное производство Волжской Булгарии в VIII – начале XIII вв. / Археология Евразийских степей. Вып. 21. Казань: Отечество, 2015. 168 с.

Хорошев А.С. Замки, ключи и замочные принадлежности // Древняя Русь. Быт и культура / Отв. ред. Б.А. Колчин, Т.И. Макарова. М.: Наука, 1997. С. 14–17.

Arne T.J. La suède et l'Orient: Études archéologiques sur les relations de la suède et de l'Orient pendant l'âge des Vikings. Uppsala: K.W. Appelbergs Boktryckeri, 1914. 240 p.

Tallgren A.M. Catalogue de la collection de M. Znamenski: Antiquités de la Sibéria occidentale conservées au Musée national de Finlande // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja. Helsinki – Helsingfors, 1922. Vol. XXIX. No. 4. P. 2–29. Pl. I–VI.

Информация об авторе:

Адамов Александр Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Тобольская комплексная научная станция (г. Тобольск, Россия); adamowaa@yandex.ru

REFERENCES

Adamov, A. A. 2000. *Arkheologicheskie pamiatniki goroda Tobol'ska i ego okrestnostei (Archaeological Sites in Tobolsk and its Neighbouring Area)*. Tobol'sk; Omsk: Omsk State Pedagogical University (in Russian).

Adamov A.A. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 14 (4), 291–300 (in Russian).

Adamov, A. A. 2019. In Tychinskikh Z.A. (ed). *Sibirskie tatars. Materialy Vserossiyskogo (s mezhdunarodnym uchastiem) simpoziuma «Kul'turnoe nasledie narodov Zapadnoy Sibiri» (Siberian Tatars. Precedings of the All-Russian (with international participation) symposium «Cultural heritage of the Western Siberia ethnicities»)*. Tobolsk: “Tobolskaya tipografiya” Publ., 20–24 (in Russian).

Adamov, A. A., Balyunov, I. V., Danilov, P. G. 2006. In Derevianko, A. P., Molodin, V. I. (eds.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii (Issues of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and the Adjoining Territories)*. Vol. 12. Part 1. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 242–248 (in Russian).

Belavin, A. M., Krylasova, N. B. 2008. *Drevniaia Afkula: arkheologicheskii kompleks u s. Rozhdestvensk (Ancient Afkula: the Archaeological Complex near the Rozhdestvensk Village)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).

GOSKATALOG.RF (*State catalogue of the Russian Federation*) № 7562364. Available at: <http://goskatalog.ru/portal/#/collections?q=7562364&imageExists=null> (Accessed 19.10.2022) (in Russian).

GOSKATALOG.RF (*State catalogue of the Russian Federation*) № 10447368. Available at: <http://goskatalog.ru/portal/#/collections?q=10447368&imageExists=null> (Accessed 19.10.2022) (in Russian).

GOSKATALOG.RF (*State catalogue of the Russian Federation*) № 13872891. Available at: <http://goskatalog.ru/portal/#/collections?q=13872891&imageExists=null> (Accessed 19.10.2022) (in Russian).

GOSKATALOG.RF (*State catalogue of the Russian Federation*) № 20289909. Available at: <http://goskatalog.ru/portal/#/collections?q=20289909&imageExists=null> (Accessed 19.10.2022) (in Russian).

Zykov, A. P. 2014. In Yakovlev, Ya. A. (ed). Yakovlev, A. Ya. (ed.). *Khanty-Mansiyskiy avtonomniy okrug v zerkale proshlogo (Khanty-Mansi Autonomous Area in the Mirror of the Past)* 12. Tomsk; Khanty-Mansiysk: Tomsk State University, 336–378 (in Russian).

Zykov, A. P., Kosintsev, P. A., Trepavlov, V. V. 2017. *Gorod Sibir – gorodishche Isker (istoriko-arkheologicheskoe issledovanie) (Town of Sibir – the settlement of Isker (historical and archaeological study))*. Moscow: “Vostochnaia literatura” Publ. (in Russian).

Kazakov, E. P. 1991. *Bulgarskoe selo X–XIII vekov nizovii Kamy (10th – 13th Century Bulgar Village in the Lower Kama Region)*. Kazan: “Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).

Kolchin, B. A. 1953. *Chernaia metallurgii i metalloobrabotka v drevnei Rusi (Domongol'skii period) (Iron and Steel Metallurgy and Metal Processing in Early Rus' (Pre-Mongol Period))*. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 32. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Kolchin B.A. 1959. In Artsikhovskiy, A. V., Kolchin, B. A. (eds.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR)* 65 (II). Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 7–120 (in Russian).

Kolchin, B. A. 1982. In Kolchin, B. A., Yanin, V. L. (eds). *Novgorodskii sbornik (50 let raskopok Novgoroda) (Novgorod Collected Works (50 Years of Excavations in Novgorod))*. Moscow: “Nauka” Publ., 156–177 (in Russian).

Kulmametov, D. T. 2006. In Sajfulina F.S. (ed) *Suleymanovskie chteniya. Materialy IX Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Suleymanov's readings. Proceedings of the IX All-Russian scientific and practical conference)*. Tyumen: “Ekspress” Publ., 57–59 (in Russian).

Lapshin, V. A. 2009. *Tver' v XIII–XV vv. (po materialam raskopok 1993–1997 gg.) (Tver in the 13th – 15th Centuries (based on the materials from excavations made in 1993–1997))*. Series: Proceedings of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, XXX. Saint Petersburg: Faculty of Philology and Arts of the St. Petersburg State University (in Russian).

Mogilnikov, V. A. 2000. In Golovnev, A. V. (ed) *Russkie storozhily. Materialy III-go Sibirskogo simpoziuma «Kul'turnoe nasledie narodov Zapadnoy Sibiri (Russian old-timers. Proceedings of the III Siberian symposium “Cultural heritage of the Western Siberia ethnicities”)*. Tobol'sk-Omsk: OmGPU Publ., 77–85 (in Russian).

Pignatti, V. N. 1915. In *Ezhegodnik Tobol'skogo gubernskogo muzeya (Yearbook of the Tobolsk Governorate Museum)* 25. Tobolsk: “Printing House of the Diocesan Brotherhood”, 1–43 (in Russian).

Rozenfeldt, R. L. 1953. In Udal'tsov, A. D. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 49. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 20–26 (In Russian).

Rybakov, B. A. 1948. *Remeslo Drevney Rusi (Craft of Ancient Rus)*. Moscow: Nauka” Publ. (in Russian).

Salmina, E. V., Salmin, S. A., Podgornaya, R. G., Mikhailov, A. V. 2016. In Lopatin N.V. (ed.). *Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoi zemli (Archaeology and History of Pskov and Pskov Land)* 31. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 123–134 (In Russian).

Semykin, Yu. A. 2015. *Chernaya metallurgiya i kuznechnoe proizvodstvo Volzhskoy Bulgarii v VIII – nachale XIII vv. (Ferrous metallurgy and blacksmith's work in the Volga Bulgaria in the VIII – early XIII centuries)* Series: Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes) 21. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences; “Otechestvo” Publ. (in Russian).

Khoroshev, A. S. 1997. In Kolchin B. A., Makarova T. A. (eds.). *Drevniaia Rus'. Byt i kul'tura (Ancient Russia. Everyday Life and Culture)*. Series: Archaeology of the USSR 16. Moscow: “Nauka” Publ., 14–17 (in Russian).

Arne, T. J. 1914. *La suède et l'Orient: Études archéologiques sur les relations de la suède et de l'Orient pendant l'âge des vikings*. Uppsala: K.W. Appelberg, (in French).

Tallgren, A. M. 1922. In *Suomen Muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja* XXIX, 4, 2–29 (in French).

About the Author:

Adamov Aleksander A. Candidate of Historical Sciences. Tobol'sk Complex Scientific Station of the Ural Branch of the RAS. Academician Osipov Str., 15, Tobol'sk, 626152, Russian Federation; adamowaa@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2022 г.
Статья принята к публикации 01.12.2022 г.

ОТ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАЗВЕДОК ДО МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПАМЯТНИКОВ ОСТРОВА-ГРАДА СВИЯЖСК В 1990-Х-2000-Х ГГ.

©2022 г. И.Р. Кузьмина

В статье проанализированы фундаментальные преобразования в системе государственной охраны культурного наследия, произошедшие в Республике Татарстан в 1990-х-2000-х годах, которые внесли качественные изменения в процесс сохранения историко-культурного наследия в исторических поселениях региона. На примере Свияжского исторического поселения проанализированы изменения методологических подходов к сохранению объектов археологического наследия острова и прилегающих к нему территорий от разведок и охранно-спасательных работ до комплексной научной консервации и архитектурно-археологической реставрации объектов и археологических артефактов, опирающихся на результатах проведенных междисциплинарных научных исследований последних десятилетий.

Ключевые слова: археологические памятники, государственная охрана культурного наследия, Свияжск, объекты историко-культурного наследия, археологические разведки и охранно-спасательные работы, консервация, реставрация, междисциплинарные научные исследования.

FROM ARCHAEOLOGICAL RECONNAISSANCES TO INTERDISCIPLINARY SCIENTIFIC STUDIES OF THE SITES ON THE ISLAND-TOWN OF SVIYAZHISK IN THE 1990S-2000S

I.R. Kuzmina

The author analyzes fundamental changes in the system of state protection of cultural heritage that took place in the Republic of Tatarstan in the 1990-2000s, that brought qualitative changes in the process of preservation of historical and cultural heritage in the historical settlements of the Republic. By the example of Sviyazhk historical settlement the author analyzes changes in methodological approaches to the preservation of archeological heritage objects of the island and its adjacent areas – from reconnaissances and protection-rescue works to complex scientific and architectural-archeological conservation of objects and archeological artifacts based on the results of the interdisciplinary scientific studies during the last decades.

Keywords: archaeological sites, state protection of cultural heritage, Sviyazhsk, objects of historical and cultural heritage, archaeological reconnaissance and protection-rescue works, conservation, interdisciplinary scientific studies.

В последние десятилетия сохранение археологического наследия стало одной из наиболее актуальных задач государства, а в последние годы – одним из приоритетных направлений национального проекта федерального масштаба, потому что археологические памятники являются наиболее уязвимым материальным свидетельством истории страны, национальной идентичности и исторической памяти народов, ее населяющих с древнейших времен.

Государственная система и законодательная база охраны объектов культурного наследия, сформированная в СССР в 60-х - 70-х годах XX века, стала гарантом обеспечения сохранения и научного изучения объектов археологического наследия, являющихся составной частью культурного наследия, но

имеющих специфические особенности охраны и управления. До начала 1990-х годов государственная охрана и сохранение археологического наследия осуществлялась в условиях советской модели плановой экономики и отсутствия частной собственности на землю. Археология советского периода, как и современная археология, является комплексной наукой, привлекающей специалистов и исследователей из различных отраслей.

В 1990-х годах на фоне общего кризисного состояния экономики в целом, снижения должного внимания к охране историко-культурного, природного и археологического наследия со стороны государства и общества, произошли коренные изменения в сфере управления культурой в целом. Начался процесс реформирования государственной политики в области

охраны памятников, который можно проследить на примере принятых региональным органом охраны памятников истории и культуры мер по сохранению объектов архитектурно-археологического наследия, расположенных на территории Свяжского сельского поселения Зеленодольского района Татарстана. Хотя нужно отметить, что выполнение принимаемых государством обязательств и поставленных задач в сфере культуры столкнулись прежде всего с вопросами их ресурсного обеспечения, отсутствием механизмов их реализации на всех уровнях власти. Одновременно с этим, отрасль остро нуждалась в модернизации материально-технической базы и сохранности памятников, музейных и архивных фондов, укреплении кадрового потенциала.

В конце перестроечного периода Свяжск был включен в Список исторических населенных мест РСФСР, имеющих архитектурные памятники, градостроительные ансамбли и комплексы, являющиеся памятниками национальной культуры, а также сохранившиеся природные ландшафты и древний культурный слой земли, представляющий археологическую и историческую ценность. Это событие было закреплено в 1990 году совместным постановлением коллегий Министерства культуры и Госстроя РСФСР, а также Президиума Центрального Совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (Постановление, 1990).

В последующие годы во исполнение вышеназванного постановления Правительством и Министерством культуры республики было принято ряд важных нормативно-правовых документов, направленных на сохранение историко-культурного, природного и археологического наследия Свяжска.

В 1990-х – начале 2000-х годах на государственную охрану регионального (республиканского) и местного значения было поставлено 20 объектов (в том числе комплексов) гражданской и культовой архитектуры культурного наследия Свяжска, таких как Уездное училище (XVIII–XIX вв.), Жилой дом с колонным портиком (XIX в.), Общественное здание, (XX в.), Административное здание (XIX в.), здание низшей ремесленной школы и пожарного обоза (XIX – нач. XX вв.), комплексы – зданий конного двора Успенско-Богородицкого монастыря (XVII в.), казенных сооружений (кон. XIX – нач. XX вв.), зданий земской больницы (XIX в.) и др. (Постановление, 1991). Таким образом, была обеспечена

государственная охрана не только памятников архитектуры Свяжска, но и уникального археологического культурного слоя, являющегося неотъемлемой частью исторической застройки острова.

В 2000 году постановлением Правительства Республики Татарстан Свяжск был включен в Список исторических населенных пунктов Республики Татарстан (Постановление, 2000).

Появившимся позитивным преобразованиям, произошедшим в последующие годы, положил начало процесс возрождения Свяжска как малого исторического города. Р.М. Валеев, оценивая этот исторический период, отмечал, что «развернувшееся в 90-е гг. XX-начале XXI вв. масштабное общественное движение за возрождение в Свяжске культурной и религиозной жизни, воспринимается населением Российской Федерации, как символ возрождения традиций религиозной культуры, разрушенной в годы тоталитарного режима» (Валеев, 2017).

К сожалению, само историческое поселение Свяжск как единый архитектурно-художественный и археологический объект культурного наследия продолжал разрушаться, что характеризовалось более чем 60-процентным износом всего существующего жилого фонда, общественных, муниципальных и ведомственных зданий. Более 40% архитектурно-художественных памятников XVI – начала XX в. федерального и республиканского значения находились в то время в предаварийном или аварийном состоянии. Утраты исторических памятников и городской застройки по подсчетам специалистов составляли около 75%. В Свяжске практически отсутствовала инженерная инфраструктура (Основные направления ... дата обращения 15.09.2022). Решать вопрос сохранения памятников исторического поселения точно и такими малыми средствами было непродуктивно. Поэтому уже тогда остро назрел вопрос о создании стратегии и первоочередных мероприятий по возрождению и развитию Свяжска.

В 1994 г. на основании приказов Министерства культуры Российской Федерации и Министерства культуры Республики Татарстан создается Комплексная межведомственная комиссия Российской Федерации и Республики Татарстан по вопросам сохранения памятников и создания достойных условий жизни населения острова Свяжск, а на следующий год при Кабинете Министров Республики Татарстан – Координационный совет

по решению проблем возрождения острова-града Свияжск.

Большую роль в возрождении Свияжска сыграл принятый Президентом Российской Федерации Б.Н. Ельциным Указ от 20.02.1995 №176, которым Ансамбль Успенского монастыря, XVI–XVII вв. в селе Свияжск Верхне-Услонского района включили в Перечень объектов федерального (общероссийского) значения как памятник градостроительства и архитектуры (Указ Президента Российской Федерации..., от 20.02.1995). После принятия данного документа начался процесс поэтапной передачи культовых объектов (имущества религиозного назначения) по всей стране, в том числе и на территории Свияжска в ведение (в безвозмездное бессрочное пользование) Русской Православной Церкви (1995–2001). При этом культовые объекты и их территории оставались в государственной собственности.

Однако, меры, предпринимаемые государственными органами Татарстана по сохранению историко-культурных и археологических памятников, в том числе Свияжска, были совершенно не достаточными в связи с отсутствием бюджетных ассигнований в необходимом объеме, на что повлияла политика государства, основанная на остаточном принципе финансирования отрасли культуры в целом. В начале 1990-х гг. ассигнования на культуру были невелики. По сведениям Л.В. Милова «...ситуация радикально изменилась в середине 1990-х гг., когда произошло обвальное сокращение бюджетного финансирования социально-культурной сферы. В 1995 г. объем финансирования культуры уменьшился на 40 % по сравнению с 1994 г., а в 1996 г. – на 43 % по сравнению с 1995 г. Из-за секвестрования федерального бюджета в 1996 г. средств на культуру выделено 42 % от запланированных, а в 1997 г. – только 40 %. В 1998 г. реальные расходы бюджета (с учетом инфляции) на социально-культурную сферу и науку по сравнению с предшествующим годом снизились в 2,2 раза. Только в 1999 г., по свидетельству вице-преьера В. И. Матвиенко, впервые культура была профинансирована на 100 %, а федеральные программы – на 90 %. Не выглядела оптимистично и динамика бюджетных расходов: в 1996 г. ассигнования на культуру и искусство составили 0,83 %, а в 2000 г. – 0,55 % от бюджета. Установленные законом нормативы бюджетных расходов на культуру (2 %) на федеральном уровне не только не выдерживались, но и уменьшались...» (Милов Л.В. ..., 2006).

Конечно, такое катастрофическое положение с ресурсным обеспечением отрасли отразилось на состоянии памятников истории, архитектуры и археологии, многие из которых продолжали находиться в плачевном состоянии, хотя наиболее значимые из них удалось взять под крыло структурного подразделения Министерства культуры республики – на баланс Научно-производственного управления по охране и использованию памятников истории и культуры Министерства культуры ТАССР (более 90 объектов культурного наследия, в основном федерального и регионального значения), с 1996 переименованного в Главное управление государственного контроля охраны и использования памятников истории и культуры Министерства культуры Республики Татарстан (далее – «ГУОП»), в результате чего, большая часть уникальных объектов культурного наследия сохранилась для будущих поколений, в Свияжске - это в основном объекты культового назначения с прилегающими к ним территориями: Успенский собор и Никольскую церковь, Архимандритский корпус и здание монастырского училища Успенского мужского монастыря, Троицкую и Сергиевскую церкви, собор Богоматери «Всех Скорбящих Радость», братские кельи и настоятельский корпус на территории Иоанно-Предтеченского женского монастыря, а также единственную сохранившуюся приходскую церковь Святых Равноапостольных Константина и Елены.

В 1990-е – начале 2000-х годов работы по сохранению историко-культурных и археологических памятников Свияжска в основном финансировались из сводной сметы доходов и расходов ГУОП, которое выступало в те годы единым заказчиком ремонтно-реставрационных, восстановительных и археологических работ на территориях муниципальных образований Татарстана. В основном это были ремонтные или восстановительные работы, поддерживающие памятники архитектуры и градостроительства (как правило, общественные сооружения, где располагались государственные культурные, образовательные и др. учреждения) в эксплуатационном состоянии, археологические полевые работы и охранно-спасательные мероприятия.

Методом сплошной археологической разведки в 1960–1980-е гг. татарстанскими археологами под руководством А.Х. Халиков было произведено обследование более 2/3 территории республики. В этот период было дополнительно выявлено около 4300 археоло-

гических памятников, что в итоге позволило специалистам сектора археологии и этнографии ИЯЛИ КФАН СССР подготовить и издать шесть выпусков Археологической карты Татарстана, где описания памятников было сгруппировано по речным системам (без учета административных границ районов) [8-13]. В 1987 г. началась работа по составлению свода «Археологические памятники Татарской АССР», в который вошли более 5000 объектов. По масштабу и объему научных исследований это был невероятный прорыв тогда еще советской археологической науки в регионе.

В начале 1990-х продолжились археологические исследования муниципальных районов республики, которые принесли немало интересных и ярких находок, выявили новые памятники археологии на территории Татарстана. Археологические исследования и охранно-спасательные работы проводились на территории острова Свяжск и на прилегающих к нему территориях, находящихся в зоне негативного воздействия Куйбышевского водохранилища. Именно тогда в структуре регионального ГУОПа появился отдел археологии, который совместно со специалистами отдела археологии ИЯЛИ КФАН СССР (преобразованного в 1995 в Национальный центр археологических исследований им. А.Х. Халикова в структуре ИЯЛИ КФАН, в 1997 – в Национальный центр археологических исследований им. А.Х. Халикова в структуре Института истории АН РТ, в 2014 – в Институт Археологии им. А.Х. Халикова АН РТ) занимался сохранением, выявлением и учетом памятников археологии, археологическими разведками (археологическими полевыми работами), охранно-спасательными работами и археологическими исследованиями на территории Казани и районов республики. В региональном органе охраны работала мощная команда молодых археологов, которые в последствии стали известными учеными и исследователями археологического наследия Татарстана и других регионов России, это такие как Константин Александрович Руденко – доктор исторических наук, профессор Казанского государственного института культуры, специалист по средневековой истории Волго-Камья, материальной культуре Волжской Булгарии и Золотой Орды, Андрей Алексеевич Чижевский – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела первобытной археологии Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, специалист по археологии эпохи бронзы и

раннего железного века Волго-Уральского региона, Константин Эдуардович Истомин – кандидат исторических наук, директор ООО «Центр прикладных археологических исследований». Их вклад в российскую археологическую науку и практику неоценим.

Силами сотрудников ГУОПа в 2004 г. был подготовлен и издан очередной сборник «Изучение, охрана и использование недвижимых памятников истории и культуры в Республике Татарстан», посвященный памятникам археологического наследия, находящихся на государственной охране (1257) и выявленных объектов археологии (1713) (Изучение, охрана, реставрация ..., 2004).

В 2004-2006 гг. по заказу Министерства культуры Республики Татарстан совместно с татарстанскими археологами велась работа по подготовке материалов свода памятников археологии Республики Татарстан, результатом этой большой работы стало издание в 2007 году свода в трех томах, где представлены полные сведения о 3492 объектах археологического наследия республики. Эта работа проводилась под общим научно-методическим руководством института археологии и Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Свод археологических памятников, 2007).

На фоне таких масштабных археологических работ и научных исследований в 1990-х – нач. 2000-х гг. стали актуальны работы по консервации руинированных памятников старины, выявленных или исследованных в ходе проведения археологических изысканий. Параллельно велась работа по сохранению известных памятников архитектуры, в том числе и уникальных культовых объектов XVI-XIX вв. Свяжска, их консервации, фрагментарной реставрации и проведению архитектурно-археологических исследований культурного слоя, заполняющего и окружающего объекты. Эти работы начали финансировать ежегодно из федерального бюджета по заявкам ГУОПа (которые состояли из большого пакета документов, проектов, смет и дефектных ведомостей, обоснований, справок, фотофиксаций и т.д.) в рамках реализации принятых в 1993–2000-х гг. федеральных целевых программ, таких как Федеральная целевая программа «Культура России» на 1993–1996 гг., 1997–1999 гг., 2001–2005 гг., 2006–2010 гг., 2012–2018 гг.). Одним из условий участия в данных программах было обеспечение финансирования запланированных мероприятий из регионального бюджета. В те годы это были не большие бюджетные ассигнования, но они

дали возможность поддерживать памятники, частично спасать их от разрушения и продолжать вести научные исследования, разрабатывать проектную документацию пусть и в усеченном виде, только на самое необходимое - на частичный ремонт, консервацию или фрагментарную реставрацию памятников. Считаю необходимым отметить, что в отличие от других регионов Российской Федерации, именно Татарстан выделялся активностью и большим количеством заявленных и профинансированных из федерального и регионального бюджетов объектов культурного наследия (до 20 объектов в год, тогда как другие регионы и далеко не все заявляли по 1-му, максимум 2-3 объекта).

Дальнейшие экономические и социальные изменения в России, произошедшие в последние десятилетия, потребовали фундаментальных изменений всей системы охраны и сохранения культурного наследия. Основным шагом на этом пути стало принятие Федерального закона "Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации" от 25.06.2002 N 73-ФЗ, который ввел ряд очень важных новых понятий и норм, регламентирующих охрану, сохранение и использование объектов культурного наследия, в том числе археологического и природного наследия.

В 2007-2010 гг. Правительство Республики Татарстан предприняло ряд комплексных мер государственной поддержки для преодоления кризисного положения в социальной сфере и сохранения объектов культурного наследия, возрождения Свияжска как исторического малого города. Постановлением Кабинета Министров Республики Татарстан от 24 августа 2007 г. № 417 утверждаются основные направления концепции социально-экономического, экологического и архитектурно-художественного возрождения Свияжска как исторического малого города. Целью концепции являлось определение стратегии и первоочередных мероприятий по возрождению и развитию Свияжска, выявление ресурсов и механизмов взаимосвязанного решения проблем духовного, социально-демографического, социально-экономического, социально-культурного возрождения и развития Свияжска как историко-культурного музея-заповедника и как исторического малого города (Постановление... от 24.08.2007).

На региональном уровне принимается Целевая комплексная программа сохранения культурного наследия «Мирас - Наследие»

(2007—2009 годы), в рамках которой также продолжились мероприятия по сохранению объектов культурного наследия Свияжска (Постановление... от 2 июля) [17]. Решением Коллегии Министерства культуры Российской Федерации от 24.06.2009 № 11 была одобрена концепция создания и развития федерального государственного учреждения «Историко-архитектурный и художественный музей-заповедник «Остров-град Свияжск». В результате реорганизации и на базе ГБУК РТ «Государственный музей изобразительных искусств Республики Татарстан» 30 октября 2009 г. создается ГБУК РТ «Государственный историко-архитектурный и художественный музей «Остров-град Свияжск» (переименованный в 2015 году в музей-заповедник) (Решение ... от от 16.07.2009).

Следующим знаковым шагом к возрождению Свияжска и урегулированию градостроительной деятельности на территории исторического поселения стало принятие постановления Кабинета Министров РТ от 16.07.2009 № 497, которым остров-град Свияжск (Свияжское сельское поселение) как достопримечательное место отнесен к объектам культурного наследия регионального (республиканского) значения. Характер использования, ограничения на использование и требования к хозяйственной деятельности, проектированию и строительству на территории достопримечательного места «Остров-град Свияжск» были утверждены приказом Министерства культуры Республики Татарстан от 07.08.2009 № 466 (Постановление... от 16.07.2009; Приказ ... от 7.08.2009).

Все вышеперечисленные государственные нормативно-правовые акты позволили в дальнейшем осуществить полномасштабные работы по сохранению историко-культурного, археологического и природного наследия Свияжска, предопределив основной вектор деятельности государственных органов власти, учреждений культуры, науки и образования, некоммерческих организаций и общественности в области популяризации, охраны и сохранения культурного наследия Татарстана на будущие десятилетия.

По инициативе Государственного Советника Республики Татарстан, Председателя Попечительского совета Республиканского фонда возрождения памятников истории и культуры Республики Татарстан (создан Указом Президента Республики Татарстан от 17.02.2010 № УП-71 (Указ... от 17.02.2010)

М.Ш. Шаймиева с 2010 года в Свияжске развернулись масштабные работы по реставрации православных храмов, соборов и церквей, монастырских строений и памятников гражданской архитектуры, строительству объектов инженерной и туристической инфраструктуры, а также обновлению жилищного фонда жителей острова в рамках реализации республиканского комплексного проекта по возрождению православной и мусульманской святынь Татарстана — «Культурное наследие: остров-град Свияжск — древний Болгар» на 2010-2015 годы, утвержденного постановлением Кабинета Министров РТ от 09.12.2010 № 1018 (продолгован до 2018 года) (Постановление... от 09.12.2010).

За 8 лет на территории острова-града Свияжск в рамках комплексного проекта было отреставрировано и приспособлено под современные нужды 35 объектов культурного наследия и объектов исторической среды, ныне признанных памятниками истории и культуры. Созданы новые музейные экспозиции и туристическая инфраструктура (История..., 2013). Достигнутые результаты позволили внести в 2017 г. Успенский собор и монастырь острова-града Свияжска в Список всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО.

Достигнуть таких беспрецедентных по масштабу результатов в возрождении Свияжска, реставрации его памятников сер. XVI — нач. XX вв. и строительстве новых объектов инженерной и туристической инфраструктур позволили первоочередные археологические изыскания при проведении работ по реставрации, консервации и приспособлению объектов культурного наследия, археологические охранно-спасательные работы и раскопки в зонах производства строительных работ.

Проводимые в 2000-х годах археологические охранно-спасательные работы вдоль разрушаемой береговой линии острова Свияжск позволили археологам выявить многочисленные деревянные постройки XVI–XVIII вв. Удалось реконструировать планировку средневекового города с остатками улиц, жилых домов и усадеб. Обнаруженные в ходе раскопок на территории самого острова и в его округе артефакты (более 140 тысяч артефактов XV–XX вв., каменные орудия и лепная керамика от V тыс. до н.э. — V н.э.) стали ценными экспонатами созданного в 2018 году Свияжского музея-заповедника Музея археологического дерева.

Анализируя процессы, происходящие в 1990-е начале 2000-х гг. в области охраны и сохранения объектов культурного наследия целом, можно констатировать, что в эти годы стал возвращаться интерес к научной консервации и комплексной реставрации археологических и архитектурных памятников, активное развитие получили новые междисциплинарные методы исследования объектов культурного наследия. В Татарстане на базе Казанского инженерно-строительного института реставрация объектов культурного наследия трансформировалась в научную дисциплину, и начался активный процесс подготовки дипломированных специалистов — архитекторов-реставраторов. На базе Института Истории им. Ш.Марджани образовалось обособленное подразделение Академии наук РТ — Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, который стал единственным ВУЗом Археологии на территории Поволжья и одним из ведущих институтов на территории Европейской части Российской Федерации, где выпускают исследователей археологического наследия страны, которые работают в условиях современных экономических вызовов и преобразований.

В 2000-х годах в связи с увеличением финансирования мероприятий по сохранению объектов культурного наследия в рамках реализации целевых программ на федеральном и региональном уровнях, удалось переломить ситуацию в деле сохранения архитектурно-археологического наследия республики и в последующем уйти от остаточного принципа финансирования производства работ, что положительно отразилось на качестве и масштабах проведения работ по сохранению археологического культурного слоя и архитектурных объектов Свияжска, в том числе Успенского монастыря, и в итоге, позволило завершить многолетнюю работу по изучению церковно-археологических древностей обители, научной комплексной реставрации уникальных памятников XVI–XIX вв. — Успенского собора XVI–XIX вв. с фресками XVI в. и масляной живописью XVIII–XIX вв. и Никольской трапезной церкви XVI–XVIII вв., провести комплекс научных исследований и выполнить реставрацию Архимандритского XVII в. и Братского XVII–XIX вв. корпусов, Монастырского училища XVII в., сохранившегося здания ледника и каменной (кирпичной) монастырской ограды XVII–XIX вв. с воссозданием утраченных ярусов надвратной церкви Вознесения Господня XVII–XVIII вв.,

завершить консервацию выявленных объектов археологии монастыря.

Впервые в Татарстане при реставрации памятников старины такого высочайшего уровня специалисты применили комплексный подход к научным исследованиям Успенского собора и монастыря, применяя передовые технологии и опираясь на профессиональный опыт лучших отечественных специалистов из разных областей науки и техники. В последующие годы, одновременно с производством реставрационных работ и археологических изысканий продолжались научные прикладные исследования, которые помогли современным специалистам из разных научных областей больше узнать о древних памятниках Свияжска (конструкциях, материалах, технологии и истории их возведения, археологических особенностях) и применить эти новые знания в научной комплексной реставрации.

Так в 2014–2017 гг. сотрудниками Казанского федерального университета совместно с Институтом археологии им. А.Х. Халикова велась научно-исследовательская работа по систематизации и обобщению результатов многолетнего архитектурно-археологического изучения Успенского собора и его территории: анализ фресок (исследования красочного и левкасного слоя) и масляной живописи, конструкций иконостаса, икон, дерева, почвы и камней, выполненных с применением различных методов исследования (радиоуглеродный, фитолитный, петрографический микробиологический, ренгенофлуоресцентный, дендрохронологический спектральный, электронная микроскопия и др.). Также проводились исследования материалов и биотиче-

ских образований строительных конструкций надземной и подземной частей собора, необходимые для выбора методики сохранения древних конструкций и археологического культурного слоя внутри и снаружи памятника, а также для подбора консервационных и реставрационных составов, определения методов антисептической обработки элементов памятника. Аналогичные междисциплинарные исследования удалось применить и на других объектах культурного наследия Свияжска XVI – нач. XX вв.

Таким образом, за период реализации комплексного проекта (2010–2018 гг.) были достигнуты несравнимые с предыдущим постсоветским периодом результаты по сохранению и изучению памятников археологии Свияжска и Болгар в их исторически сложившейся архитектурно-градостроительной среде. Это стало возможным благодаря выделению значительных средств из регионального и федерального бюджетов, а также средств благотворителей и инвесторов на проведение беспрецедентных по масштабу научных изысканий и производство археологических работ, а также привлечению к этим процессам отечественных профессиональных кадров и ученых, что позволило в рамках междисциплинарного взаимодействия принимать правильные решения по сохранению памятников Всемирного культурного наследия.

Отрадно, что вышеперечисленные междисциплинарные научно-прикладные исследования памятников старины и археологического наследия Свияжска продолжают и сегодня совместными усилиями ученых ведущих вузов Казани, археологами и специалистами в области охраны культурного наследия.

ЛИТЕРАТУРА

- Археологическая карта Татарской АССР. Предкамье / Отв. ред. А.Х. Халиков. М.: Наука, 1981. 211 с.
- Археологическая карта Татарской АССР. Предволжье / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯ-ЛИ КФАН СССР, 1985. 116 с.
- Археологическая карта Татарской АССР. Западное Закамье / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ КФ АН СССР, 1986. 282 с.
- Археологические памятники Центрального Закамья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1988. 98 с.
- Археологические памятники Восточного Закамья / Отв. ред. Е.П. Казаков. Казань: ИЯЛИ КФ АН СССР, 1989. 100 с.
- Археологические памятники бассейна р. Черемшан / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1990. 112 с.
- Валеев Р.М. Выдающаяся универсальная ценность Успенского собора и монастыря Свияжска в Татарстане как объекта Всемирного наследия ЮНЕСКО // Вестник КазГУКИ. 2017. № 4. С. 24–27.
- Изучение, охрана, реставрация и использование недвижимых памятников истории и культуры в Республике Татарстан. Вып. 4. Археологическое наследие / Отв. ред. И.М. Нестеренко. Казань: Мастер Лайн, 2004. 144 с.

История реставрации объектов культурного наследия острова-града Свияжск / Под общей ред. И.Р. Кузьминой. Казань: ИП Гарипова Г.Г., 2013. 260 с.

Милов Л.В., Барсенков А.С., Вдовин А.И., Воронкова С.В. История России XX – начала XXI века. М.: Эксмо, 2006. 429 с..

Основные направления концепции социально-экономического, экологического и архитектурно-художественного возрождения Свияжска как исторического малого города, утвержденные постановлением КМ РТ от 24 августа 2007 г. N 417 (в редакции постановления КМ РТ от 18 октября 2011 г. N 862). Доступно по URL: <https://docs.cntd.ru/document/917025605> (дата обращения 15.09.2022).

Постановление "Об утверждении нового списка исторических населенных мест РСФСР" Коллегии Минкультуры РСФСР от 19.02.1990 № 12, Коллегии Государственного комитета РСФСР по делам строительства от 28.02.1990 № 3, Президиума Центрального Совета ВООПИК от 16.02.1990 № 12(162).

Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 16.07.2009 № 497 «Об отнесении к объектам культурного наследия регионального (республиканского) значения достопримечательного места «Остров-град Свияжск».

Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 2 июля 2007 г. N 265 «Об утверждении целевой комплексной программы сохранения культурного наследия «Мирас-Наследие» на 2007 – 2009 годы.

Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 22.01.2000 № 38 «О мерах по улучшению охраны и использования недвижимых культурных и исторических ценностей в Республике Татарстан».

Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 24.08.2007 г. № 417 «Об утверждении Основных направлений концепции социально-экономического, экологического и архитектурно-художественного возрождения Свияжска как исторического малого города».

Постановление Кабинета Министров РТ от 09.12.2010 № 1018 «Об утверждении комплексного проекта «Культурное наследие – остров-град Свияжск и древний Болгар» на 2010–2015 годы.

Постановление Кабинета Министров Татарской ССР от 31.07.1991 № 337 «О включении в список памятников архитектуры местного значения архитектурных сооружений г. Казани и районов Республики Татарстан».

Приказ Министерства культуры Республики Татарстан от 7.08.2009 № 466 «Об утверждении положения о характере использования территории достопримечательного места, ограничениях на использование данной территории и требованиях к хозяйственной деятельности, проектированию и строительству на территории достопримечательного места «Остров-град Свияжск».

Решение Коллегии Министерства культуры Российской Федерации от 24.06.2009 № 11 «О создании музея-заповедника на о.Свияжск, Республика Татарстан».

Свод памятников археологии Республики Татарстан / Т. 3 / Отв.ред. А.Г. Ситдииков, Ф.Ш. Хузин. Казань: Изд-во Института Истории АН РТ, 2007. 528 с.

Указ Президента Республики Татарстан от 17.02.2010 № УП-71 «О создании Республиканского Фонда возрождения памятников истории и культуры Республики Татарстан».

Указ Президента Российской Федерации от 20.02.1995 №176 «Об утверждении Перечня объектов исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения».

Информация об авторе:

Кузьмина Илзиря Ришатовна, старший преподаватель кафедры всемирного культурного наследия, заместитель руководителя Центра развития компетенций UNIVERSUM+, Институт международных отношений, КФУ (г. Казань, Россия); ilzira-k@yandex.ru

REFERENCES

Khalikov, A. Kh (ed.). 1981. *Arkheologicheskaja karta Tatarskoi ASSR. Predkam'e (Archaeological Map of the Tatar ASSR. Cis-Kama River area)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Khalikov, A. Kh (ed.). 1985. *Arkheologicheskaja karta Tatarskoi ASSR. Predvolzh'e (Archaeological Map of the Tatar ASSR. Cis-Volga River Area)*. Kazan: Institute of Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).

Starostin, P. N. (ed.). 1986. *Arkheologicheskaja karta Tatarskoi ASSR. Zapadnoe Zakam'e (Archaeological Map of the Tatar ASSR. Western Trans-Kama Region)* I. Kazan: Institute of Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).

Khalikov, A. Kh (ed.). 1988. *Arkheologicheskie pamiatniki Tsentral'nogo Zakam'ia* (Archaeological Sites of the Central Trans-Kama Region). Kazan: Institute of Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).

Kazakov, E. P. (ed.). 1989. *Arkheologicheskie pamiatniki Vostochnogo Zakam'ia* (Archaeological Sites of the Eastern Trans-Kama Region). Kazan: Institute of Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).

Khalikov, A. Kh (ed.). 1990. *Arkheologicheskie pamiatniki basseina r. Cheremshan* (Archaeological Sites of the Cheremshan Basin). Kazan: Institute of Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).

Valeev R. V. 2017. In *Vestnik Kazanskogo Gosudarstvennogo Universiteta Kul'tury I Iskusstv* (Bulletin of the Kazan State University of Culture and Arts) 4, 24–27 (in Russian).

Nesterenko, I. M. (ed.). 2004. *Izuchenie, okhrana, restavratsiya i ispol'zovanie nedvizhimykh pamyatnikov istorii i kul'tury v Respublike Tatarstan. Vyp. 4. Arkheologicheskoe nasledie* (Study, protection, conservation and use of historical and cultural monuments in the Republic of Tatarstan. Part 4. Archaeological heritage). Kazan: "Master Lain" Publ. (in Russian).

Kuz'mina, I. R. (ed.). 2013. *Istoriya restavratsii ob"ektov kul'turnogo naslediya ostrova-grada Sviyazhsk* (History of conservation of cultural heritage objects of the island-city of Sviyazhsk). Kazan: "Garipova, G. G." Publ. (in Russian).

Milov, L. V., Barsenkov, A. S., Vdovin, A. I., Voronkova, S. V. 2006. *Istoriya Rossii XX – nachala XXI veka* (History of Russia of the XX – early XXI century). Moscow: "Eksmo" Publ. (in Russian).

Osnovnye napravleniya kontseptsii sotsial'no-ekonomicheskogo, ekologicheskogo i arkhitekturno-khudozhestvennogo vozrozhdeniya Sviyazhska kak istoricheskogo malogo goroda, utverzhdennye postanovleniem KM RT ot 24 avgusta 2007 g. N 417 (v redaktsii postanovleniya KM RT ot 18 oktyabrya 2011 g. N 862). (The main directions of the concept of social, economic, ecological, architectural and artistic revival of Sviyazhsk as a historical small town, approved by the resolution of the Government of Tatarstan dated August 24, 2007 N 417). Available at: <https://docs.cntd.ru/document/917025605> (accessed 15.09.2022) (in Russian).

Postanovlenie "Ob utverzhdenii novogo spiska istoricheskikh naselennykh mest RSFSR" Kollegii Minkul'tury RSFSR ot 19.02.1990 № 12, Kollegii Gosudarstvennogo komiteta RSFSR po delam stroitel'stva ot 28.02.1990 № 3, Prezidiuma Tsentral'nogo Soveta VOPIK ot 16.02.1990 № 12(162). (Resolution "On approval of the new list of historical settlements of the RSFSR" of the Board of the Ministry of Culture of the RSFSR dated 19.02.1990 No. 12, the Board of the State Committee of the RSFSR for Construction dated 28.02.1990 No. 3, the Presidium of the Central Council of the VOPIK dated 16.02.1990 No. 12(162).) (in Russian).

Postanovlenie Kabineta Ministrov Respubliki Tatarstan ot 16.07.2009 № 497 «Ob otnesenii k ob"ektam kul'turnogo naslediya regional'nogo (respublikanskogo) znacheniya dostoprimechatel'nogo mesta «Ostrov-grad Sviyazhsk». (Resolution of the Government of the Republic of Tatarstan dated 16.07.2009 No. 497 "On the assignment of the landmark "Island-town of Sviyazhsk" to objects of cultural heritage of regional (republican) significance) (in Russian).

Postanovlenie Kabineta Ministrov Respubliki Tatarstan ot 2 iyulya 2007 g. N 265 «Ob utverzhdenii tselevoy kompleksnoy programmy sokhraneniya kul'turnogo naslediya «Miras-Nasledie» na 2007 – 2009 gody (Resolution of the Government of the Republic of Tatarstan dated July 2, 2007 No. 265 "On approval of the target comprehensive program for the preservation of cultural heritage "Miras – Nasledie" for 2007 – 2009.) (in Russian).

Postanovlenie Kabineta Ministrov Respubliki Tatarstan ot 22.01.2000 № 38 «O merakh po uluchsheniyu okhrany i ispol'zovaniya nedvizhimykh kul'turnykh i istoricheskikh tsennostey v Respublike Tatarstan» (Resolution of the Government of the Republic of Tatarstan dated 22.01.2000 No. 38 "On measures to improve the protection and use of immovable cultural and historical values in the Republic of Tatarstan") (in Russian).

Postanovlenie Kabineta Ministrov Respubliki Tatarstan ot 24.08.2007 g. № 417 «Ob utverzhdenii Osnovnykh napravleniy kontseptsii sotsial'no-ekonomicheskogo, ekologicheskogo i arkhitekturno-khudozhestvennogo vozrozhdeniya Sviyazhska kak istoricheskogo malogo goroda» (Resolution of the Government of the Republic of Tatarstan dated 24.08.2007 No. 417 "On approval of the Main directions of the concept of social, economic, ecological, architectural and artistic revival of Sviyazhsk as a historical small town") (in Russian).

Postanovlenie Kabineta Ministrov RT ot 09.12.2010 № 1018 «Ob utverzhdenii kompleksnogo proekta «Kul'turnoe nasledie – ostrov-grad Sviyazhsk i drevniy Bolgar» na 2010–2015 gody. (Resolution of the Government of the Republic of Tatarstan dated 09.12.2010 No. 1018 "On approval of the complex project "Cultural heritage – island-town of Sviyazhsk and ancient Bolgar" for 2010–2015) (in Russian).

Postanovlenie Kabineta Ministrov Tatarskoy SSR ot 31.07.1991 № 337 «O vklyuchenii v spisok pamyatnikov arkhitektury mestnogo znacheniya arkhitekturnykh sooruzheniy g.Kazani i rayonov Respubliki Tatarstan» (Resolution of the Government of the TSSR dated 31.07.1991 No. 337 "On inclusion of architectural structures of Kazan and districts of the Republic of Tatarstan in the list of architectural monuments of local significance") (in Russian).

Prikaz Ministerstva kul'tury Respubliki Tatarstan ot 7.08.2009 № 466 «Ob utverzhdenii polozheniya o kharaktere ispol'zovaniya territorii dostoprimechatel'nogo mesta, ogranicheniyakh na ispol'zovanie dannoy territorii i trebovaniyakh k khozyaystvennoy deyatel'nosti, proektirovaniyu i stroitel'stvu na territorii dostoprimechatel'nogo mesta «Ostrov-grad Sviyazhsk» (Order of the Ministry of Culture of the Republic of Tatarstan dated 7.08.2009 № 466 "On approval of the regulations on the use of the territory of the site, restrictions on the use of this territory and the requirements for economic activity, design and construction on the territory of the site "Island-town Sviyazhsk") (in Russian).

Reshenie Kollegii Ministerstva kul'tury Rossiyskoy Federatsii ot 24.06.2009 № 11 «O sozdanii muzeya-zapovednika na o.Sviyazhsk, Respublika Tatarstan») (Decision of the Board of the Ministry of Culture of the Russian Federation dated 06/24/2009 No. 11 "On the creation of a museum-reserve on the island of Sviyazhsk, Republic of Tatarstan") (in Russian).

Sitdikov, A. G., Khuzin, F. Sh. (eds.). 2007. *Svod pamiatnikov arkheologii Respubliki Tatarstan (Corpus of Archaeological Sites in the Republic of Tatarstan)* 3. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Ukaz Prezidenta Respubliki Tatarstan ot 17.02.2010 № UP-71 «O sozdanii Respublikanskogo Fonda vrozozhdeniya pamyatnikov istorii i kul'tury Respubliki Tatarstan» (Decree of the President of the Republic of Tatarstan dated 17.02.2010 No. UP-71 "On the establishment of the Republican foundation for revival of historical and cultural monuments) (in Russian).

Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 20.02.1995 №176 «Ob utverzhdenii Perechnya ob'ektov istoricheskogo i kul'turnogo naslediya federal'nogo (obshcherossiyskogo) znacheniya» (Decree of the President of the Russian Federation No. 176 dated 20.02.1995 "On approval of the List of objects of historical and cultural heritage of federal (all-Russian) significance") (in Russian).

About the Author:

Kuzmina Ilziryia R. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; ilzira-k@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2022 г.
Статья принята к публикации 01.12.2022 г.

Критика и библиография

УДК 902

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.6.339.343>**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ: ВИХЛЯЕВ В. И., ПЕТЕРБУРГСКИЙ И. М., СЕДЫШЕВ О. В. ДРЕВНИЕ И СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ МОРДВЫ. САРАНСК: МОРД. УНИВЕРСИТЕТ, 2013. 216 С.¹**

© 2022 г. В.В. Ставицкий

Рецензируемое издание это первая монография, посвященная поселениям древней и средневековой мордвы. В ней описаны результаты раскопок шести поселений, три из которых публиковались ранее. Данные памятники авторы относят к периоду от середины I тыс. н. э. до XVIII в. Однако данная хронология носит дискуссионный характер, поскольку мордовских могильников в бассейнах рек Мокша и Вад ранее второй половины VII века не зафиксировано. А их хронология достаточно хорошо изучена. По своей структуре монография больше похожа на сборник статей, в которых публикуются данные научных отчетов о раскопках. Кроме предисловия и заключения в ней нет обобщающих разделов. Каждая глава представляет собой описание одного поселения, отсутствует единая стилистика изложения материала. Ряд недостатков имеет графическое оформление чертежей и рисунков. Все описанные в книге поселения относятся к разряду пойменных. Они разделены авторами на четыре категории: стоянки, небольшие деревни, производственные комплексы и хутора. На этих поселениях исследованы: дома, временные сезонные жилища, летние кухни, погреба, хозяйственные ямы, железоплавильные печи, глинобитные площадки для обмолота зерна. В монографии введены в научный оборот материалы раскопок ряда неопубликованных памятников, что позволило существенно расширить источниковую базу по ранним периодам мордовской истории.

Ключевые слова: археология, древняя мордва, средневековая мордва, селища, Примокшанье, VII век, позднее средневековье, производственные комплексы, историография, жилища

REVIEW OF THE MONOGRAPH: VIKHLYAEV V.I., PETERSBURGSKY I.M., SEDYSHEV O.V. ANCIENT AND MEDIEVAL SETTLEMENTS OF THE MORDOVIANS. SARANSK: MORD. UNIVERSITY, 2013. 216 P.²

V. V. Stavitsky

The reviewed edition is the first monograph which deals with the settlements of the ancient and medieval Mordva. It describes the results of the excavations of six settlements, three of which have been published before. The authors date those settlements to the period from the middle of the 1st millennium A.D. till the 18th century. However, this chronology is debatable, because no the Mordovian burial grounds in the Moksha and Vad river basins were registered before the second half of the 7th century. And their chronology is well enough studied. By its structure, the monograph is more like a compilation of articles, which publish the data of scientific reports on the expeditions. Except for the preface and conclusion, it has no generalizing chapters. Each chapter is a description of a single settlement, there is no unified style of presenting the material. The graphic design of the drawings and figures has a number of drawbacks. All the settlements described in the book belong to the category of floodplains. They are divided into four categories: camps, small villages, industrial complexes and farmsteads. At these settlements the following were investigated: houses, temporary seasonal dwellings, summer kitchens, cellars, household pits, iron-smelting furnaces, mud-brick platforms for threshing grain. In the monograph the materials of the results of the excavations of a number of unpublished sites are introduced into a scientific discourse, which allow the authors to significantly expand the source base on the early periods of the Mordovian history.

Keywords: archaeology, the ancient Mordva, the medieval Mordva, villages, Moksha River area, VII century, late Middle Ages, economy, historiography, dwellings

¹ Статья подготовлена при поддержке РНФ. Проект №22-28-20314 "Этногенез народов Западного Поволжья в эпоху средневековья".

² This article was prepared with the support of the Russian Science Foundation. Project No. 22-28-20314 "Ethnic genesis of the Peoples of the Western Volga Region in the Middle Ages".

Рецензируемое издание представляет собой публикацию материалов раскопок древних и средневековых мордовских поселений, которые авторы монографии относят к периоду от сер. I тыс. н. э. до XVIII в. К настоящему времени на территории Мордовии разведочными исследованиями выявлено более сотни мордовских поселений VII–XVII в. Однако подавляющее большинство их не раскапывалось. До выхода рецензируемой монографии достаточно полно были опубликованы только материалы селища Полянки, Старобадиковского, IV Ключковского и III Алкаевского поселений. Актуальность вышедшей монографии в первую очередь заключается в том, что в ней впервые представлены результаты раскопок ещё трёх селищ: Ефаево I, Шаверки II и Новый Усад III, что значительно расширяет источниковую базу по поселенческой археологии древней и средневековой мордвы. Основным предметом исследования выступает реконструкция внутренней структуры средневековых селищ, хозяйственных и жилых сооружений. Опираясь на полученные реконструкции, авторы делают выводы о хозяйственной деятельности их жителей. Классифицируют селища по степени их населённости и долговременности существования, а также пытаются найти им соответствия в систематике средневековых поселений, известных по летописным источникам.

В книге публикуются результаты раскопок и методика исследований шести поселений, каждому из которых соответствует отдельная глава. Исследование основано на описательном методе с использованием статистических выкладок, которые привлекаются при систематизации массового материала, полученного в ходе раскопок. Монография представляет собой научное издание, ориентированное на археологов и историков, занимающихся изучением истории средневековой мордвы.

Стиль изложения материала строго научный, в монографии много деталей, которые в большей степени характерны для научных отчётов, представляемых в архив Института археологии РАН, чем для научных статей, в которых обычно публикуются обобщённые данные.

В монографии нет единого перечня литературы, списки источников даются по главам. Во введении, которое носит историографический характер, представлено всего 25 источников, большая часть которых – это ссылки на заметки в издании справочного характера: «Археологические открытия». В остальных

главах число источников варьируется от 4-х до 13-ти. Причём примерно третья часть – это ссылки на научные отчёты раскопанных памятников и их предварительные публикации в «Археологических открытиях». Остальные ссылки сделаны на немногочисленные аналогии материалам раскопок, ограниченный характер которых не позволяет уверенно определить место в контексте конкретной эпохи. Таким образом, библиография издания не в полном объёме отвечает требованиям, предъявляемым к монографическим исследованиям такого рода.

По своей структуре издание больше похоже на сборник статей, поскольку, кроме введения, в котором изложена история изучения древнемордовских поселений, и краткого заключения объёмом в одну страницу, в нём нет обобщающих разделов. В книге нет даже единой нумерации иллюстраций, поэтому при ссылке на них приходится дополнительно указывать страницу, на которой рисунок размещён.

Как уже отмечалось выше, материалы раскопок поселений Старобадиковское и Ключковское IV уже публиковались И.М. Петербургским. Таким образом, в новом издании воспроизводится текст вышедших ранее статей с теми же иллюстрациями. Разница между ними заключается только в том, что теперь отсутствует описание артефактов, относящихся к более ранним эпохам (Петербургский, 1988; 1992). Остальные четыре памятника исследовались В.И. Вихляевым. Из них полностью были опубликованы только материалы III Алкаевского поселения (Беговаткина, Вихляев, 2004) и частично Нового Усада III (Аксенов и др., 1987). В разной стилистике авторами производится изложение результатов раскопок. И.М. Петербургским даётся суммарная характеристика находок, керамика подразделяется им на типы. В.И. Вихляевым классификация керамики приводится только для Ефаевского поселения, однако типы сосудов выделяются по другим параметрам. На остальных памятниках глиняная посуда делится на группы: по культурной принадлежности, примесям, способам изготовления (лепная и гончарная). Находки из заполнения ям описываются им по штыкам, а артефакты из культурного слоя – по пластам. Жилые и хозяйственные сооружения характеризуются по строительным периодам. По мнению В.И. Вихляева, это даёт возможность проследить эволюцию сооружений и вещевого комплекса поселений (с. 216). Однако это не совсем так, поскольку со временем быто-

вания жилых построек можно синхронизировать только находки, зафиксированные в предпольной части котлована и в заполнении хозяйственных ям, если таковые на дне жилища имеются. Находки из средних и верхних штыков заполнения землянок относятся ко времени, когда они были заброшены, и их котлованы постепенно затягивались мусором и землёй. Уровень пола в жилище обычно фиксируется по развалам сосудов. Его выявление возможно только во время проведения раскопок, чего, видимо, не было сделано. В результате авторы перекаладывают эту работу на читателей, предлагая им самим разобраться, находки каких штыков относятся ко времени функционирования жилища, а какие попали туда после, когда постройка была заброшена. В целом же главы, написанные В.И. Вихляевым, представляют собой сокращённый текст научного отчёта о раскопках. Для каждого поселения заново даётся описание методики его изучения, несмотря на то что она одинаковая для всех раскопанных им памятников. Обобщения результатов раскопок весьма незначительны по объёму, приводимые аналогии единичны. Какой из разделов написан О.В. Седышевым, в издании не указано.

К недостаткам издания также относится отсутствие графических материалов по стратиграфии памятников. В тексте содержится только их словесное описание. За исключением Старобадиковского поселения, на рисунках нет разрезов хозяйственных ям, жилых и производственных построек. Сами сооружения приводятся только на плане раскопов, часть которых имеет слишком мелкий масштаб, не позволяющий составить полного представления о конструктивных особенностях объектов.

Несмотря на высказанные замечания, нельзя не отметить, что это первое монографическое исследование по археологии древней и средневековой мордвы, посвящённое поселенческим памятникам. До этого публиковались только материалы могильников либо выходили обобщающие работы по вопросам происхождения, хронологии и социально-экономического развития мордовского этноса, которые также опирались на исследования погребальных памятников (Ставицкий, 2014; 2016). С выходом данной монографии у читателей наконец появилась возможность оценить значимость накопленных материалов по поселенческим памятникам мордвы.

Все проанализированные в издании поселения относятся к разряду пойменных. Их большинство было исследовано в результате хоздоговорных раскопок, которые проводились на мелиорируемых землях в бассейне р. Мокши. Это следует учитывать при изучении данных материалов, поскольку в это же время существовали поселения на пойменных террасах и водораздельных пространствах, тяготевших к участкам плодородных земель, что должно было предопределять хозяйственную направленность их жителей. Пока что данная категория памятников изучена крайне слабо. Жители поселений, расположенных в пойме рек, видимо, в большей степени тяготели к занятиям, связанным с эксплуатацией водных ресурсов и пойменных лугов, служивших прекрасными пастбищами. Все они относятся к разряду селищ, поскольку укрепленные городища в это время сооружались на высоких речных террасах, самой природой приспособленных для выполнения оборонительных задач. Следует также иметь в виду, что опубликованные материалы не равноценны. Большинство селищ не были раскопаны полностью, что затрудняет исследование их планировки и определение хозяйственной направленности деятельности населения. Наиболее ценные сведения по этому вопросу содержат Старобадиковское и Клюквенное поселения, раскопанные достаточно большими площадями (1 644 и 576 м²).

Наиболее ранние памятники авторы относят к сер. I тыс. н. э. Данным временем И.М. Петербургский датирует первую постройку Старобадиковского поселения. Основанием для этого являются находки в нижнем горизонте жилища керамики с крупными пальцевыми зачипами по венчикам и бочонковидной глазчато-полосатой бусины с основой чёрного цвета. Подобная датировка также основана на представлении о том, что керамика Старобадиковского поселения имеет переходный характер от городецкой к древнемордовской культуре (с. 15–16). С данным выводом нельзя согласиться, поскольку анализ хронологии городецких памятников, проведённый автором рецензии, показал, что на территории Примокшанья самые поздние городецкие слои поселений датируются временем не позже I в. н. э. Поэтому никакого перехода от городецкой к древнемордовской культуре в сер. I тыс. н. э. не было и быть не могло (Ставицкий, 2015). По признанию самого И.М. Петербургского, аналогичная керамика присутствует в погребениях II Старобадиков-

ского могильника, самые ранние захоронения которого относятся ко времени не ранее 2-й пол. VII в. (с. 16).

Бочонковидная глазчато-полосатая бусина, выполненная на основе чёрного цвета, датируется В.Б. Деопик IV–V в. Однако подобные бусы присутствуют и в погребениях могильников Чир Юрт и Баклы, которые датируются VI–VII в. (Деопик, с. 202–232). Последняя дата более вероятна, поскольку Старобадиковское поселение, по всей видимости, принадлежало населению, которое хоронило своих умерших во II Старобадиковском могильнике VII–X в., расположенном неподалёку от поселения, за ручьём, впадающим в р. Вад. Подобная топография средневековых могильников и селищ достаточно характерна для мордовских погребальных традиций. Кроме того, в бассейне р. Вад не известно и других мордовских могильников древнее VII в. (Ставицкий, 2016). На других поселениях Примокшанья также не зафиксировано находок, которые могли бы относиться к сер. I тыс. н. э. Таким образом, все исследованные авторами монографии памятники Вадско-Мокшанского бассейна относятся ко времени с VII по XVIII в.

Помимо средневековых материалов на ряде селищ присутствуют находки более ранних эпох, культурная принадлежность которых не всегда верно определяется в монографии. К волосовской культуре на поселении Клюквенное IV отнесена керамика имеркской культуры, на Старобадиковском, III Алкаевском и II Шаверском поселениях к поздняяковской культуре причислены фрагменты сосудов аким-сергеевского типа. И.М. Петербургским также неверно определена культурная принадлежность реконструированного развала гончарного сосуда и ряда фрагментов керамики со Старокадомского поселения (с. 34,

рис. 7), которые находит близкие аналогии в салтово-маяцкой культуре (Кравченко, Давыденко, 2001, рис. 31).

К положительным сторонам издания следует отнести тот факт, что его авторы впервые рассмотрели вопросы развития хозяйства у древнемордовского населения по материалам поселенческих памятников, которые до этого базировались преимущественно на анализе погребального инвентаря. Авторами монографии впервые классифицированы древнемордовские поселения, которые они отнесли к четырем типам: 1) небольшие деревни (Старобадиковское поселение); 2) хутора и отдельные усадьбы (Алкаевское III и Ефаево I); 3) производственные поселенческие комплексы (Клюквенное IV и Новый Усад III); 4) сезонные стоянки (Шаверки II). На этих поселениях изучены сооружения, представленные постоянными жилыми домами, временными сезонными жилищами, летними кухнями, погребями, хозяйственными ямами, железоплавильными печами, глинобитными площадками для обмолота зерна. Немаловажно и то, что в научный оборот были введены материалы раскопок ряда неопубликованных памятников, расширивших источниковую базу по ранним периодам мордовской истории.

В заключении приходится признать, что данная монография по ряду параметров не отвечает требованиям, предъявляемым к изданиям подобного рода. По своей структуре и стилистике это скорее сборник статей разных авторов, опубликованных под одной обложкой. Остаётся надеяться, что высказанные замечания будут учтены исследователями при подготовке новых монографических работ по поселенческой археологии мордвы.

ЛИТЕРАТУРА

Аксенов В.Н. Артемова В.Д., Вихляев В.И., Зеленев Ю.А. Новые археологические памятники Примокшанья // Краеведческие записки. – Саранск, 1987. Вып. 1. С. 50–106.

Беговаткина Г.М., Вихляев В.И. Алкаевское III поселение (древнемордовский комплекс) // Актуальные вопросы исторической науки. Пенза, 2004. Вып. 2. С. 71–79.

Деопик В.Б. Классификация бус юго-восточной Европы VI – XI вв. // Советская археология. 1961. №3. С.202 – 232.

Кравченко Э.Е., Давыденко В.В. Сидоровское городище // Степи Европы в эпоху средневековья. Хазарское время. Донецк, 2001. Т. 2. С. 233– 302.

Петербургский И.М. Поселение у поселка Клюквенный // Древние поселения Примокшанья. Саранск, 1992. С. 10–31.

Петербургский И.М. Старобадиковское поселение //Материалы по археологии Мордовии. Саранск, 1988. С. 3–22.

Ставицкий В.В. Происхождение древнемордовской культуры // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2015. №1. С. 42–58.

Ставицкий В.В. У истоков этногенеза древней мордвы // NB: Исторические исследования. 2014. № 4. С. 1–13. DOI: 10.7256/2306-420X.2014.4.13161.

Ставицкий В. В. Эрзя и мокша по данным археологии // Центр и периферия. 2016. № 1. С. 4–11.

Информация об авторе:

Ставицкий Владимир Вячеславович, доктор исторических наук, доцент, Пензенский государственный университет (г. Пенза, Россия), stawiczky.v@yandex.ru

REFERENCES

Aksenov, V. N. Artemova, V. D., Vikhlyayev, V. I., Zeleneev, Yu. A. 1987. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Kraevedcheskie zapiski (Regional Studies Notes)* 1. Saransk: “Mordovskoe knizhnoe izdatel’stvo” Publ., 50–106 (in Russian).

Begovatkina, G. M., Vikhlyayev, V. I. 2005. In Yagov, O. V. (ed.). *Aktual’nye voprosy istoricheskoy nauki (Actual issues of historical science)* 2. Penza: Penza State Pedagogical University, 71–79 (in Russian).

Deopik, V. B. 1961. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 202–232 (in Russian).

Kravchenko, E. E., Davydenko, V. V. 2001. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov’ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 2. *Khazarskoe vremia (Khazar Time)*. Donetsk: Donetsk National University, 233–302 (in Russian).

Peterburgsky I. M. 1988. In *Materialy po arkheologii Mordovii (Materials on the archeology of Mordovia)*. Saransk, 3–22 (in Russian).

Peterburgsky, I. M. 1992 In Zhiganov, M. F. (ed.). *Drevnie poseleniya Primokshan’ya (Ancient settlements of the Moksha River area)*. Saransk: “Mordovskoe knizhnoe izdatel’stvo” Publ., 10–31 (in Russian).

Stavitsky, V. V. 2014. In *NB: Istoricheskie issledovaniya (NB: Historical research)* 4, 1–13. DOI: 10.7256/2306-420X.2014.4.13161 (in Russian).

Stavitsky, V. V. 2016. In *Tsentr i periferiya (Center and Periphery)* 1, 4–11 (in Russian)

About the Author:

Stavitsky Vladimir V. Doctor of Historical Sciences. Penza State University. Lermontov St., 37, Penza, 440026, Russian Federation; stawiczky.v@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2022 г.
Статья принята к публикации 01.12.2022 г.

Хроника

УДК 929:902

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.6.344.347>**К ЮБИЛЕЮ МАРИНЫ ДМИТРИЕВНЫ ПОЛУБОЯРИНОВОЙ**

© 2022 г. И.В. Волков, Н.И. Недашковская, Л.Ф. Недашковский, А.Г. Ситдиков

В статье дается характеристика научной деятельности крупного специалиста по средневековой археологии Поволжья и Древней Руси М.Д. Полубояриновой, в ноябре 2022 г. отметившей 90-летний юбилей. Она родилась в Москве, где закончила МГУ, а с 1956 г. работала в Институте археологии академии наук. Основные исследования ученого посвящены материалам Волжской Булгарии и Золотой Орды, много лет М.Д. Полубояринова раскапывала Болгарское городище. На основе кандидатской диссертации была опубликована монография «Русские люди в Золотой Орде». В книге «Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды» обобщены данные об изделиях из драгоценных и поделочных камней, результаты исследования находок древнерусских материалов в Среднем Поволжье. Результаты изучения болгарских и золотоордынских материалов в археологических памятниках Древней Руси приведены в труде М.Д. Полубояриновой «Русь и Волжская Булгария в X-XV вв.».

Ключевые слова: археология средневековья, юбилей, М.Д. Полубояринова, научный вклад, Волжская Булгария, Золотая Орда.

**TO THE ANNIVERSARY OF MARINA DMITRIEVNA
POLUBOYARINOVA****I.V. Volkov, N.I. Nedashkovskaya, L.F. Nedashkovsky, A.G. Sitdikov**

The article describes the research activities of a major specialist in Medieval archaeology of the Volga region and Old Rus M.D. Poluboyarinova, who celebrated her 90th birthday in November 2022. She was born in Moscow, where graduated from Moscow State University, and since 1956 she worked at the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences. The main studies of the scientist have been devoted to the materials of the Volga Bulgaria and the Golden Horde, M.D. Poluboyarinova carried out excavations at the Bolgar fortified settlement for many years. On the basis of her candidate dissertation the monograph «The Russians in the Golden Horde» was published. The book “The Bolgar and the Golden Horde coloured stones jewelry” summarizes data on items made of precious and bright stones, the results of study of findings of Old Rus materials in the Middle Volga region. Results of study of the Volga Bulgaria and Golden Horde materials in the Old Rus archaeological sites are given in the work “Rus and Volga Bulgaria in the X-XV centuries” by M.D. Poluboyarinova.

Keywords: Medieval archaeology, anniversary, M.D. Poluboyarinova, scientific contribution, the Volga Bulgaria, the Golden Horde.

В ноябре 2022 г. отметила свой 90-летний юбилей выдающийся специалист по средневековой археологии Поволжья и Древней Руси кандидат исторических наук Марина Дмитриевна Полубояринова.

М.Д. Полубояринова родилась 4 ноября 1932 г. в г. Москве. В 1950 г. она поступила в Московский государственный педагогический институт, а в 1951 г. перевелась на исторический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, где обучалась до 1955 г. под научным руководством А.В. Арциховского (в его Новгородской археологической экспедиции М.Д. Полубояринова участвовала с 1952 г.).

Дипломная работа Марины Дмитриевны «Стеклянные браслеты Новгорода» в даль-

нейшем стала основой ее крупной статьи 1963 г. в «Материалах и исследованиях по археологии СССР» (Полубояринова, 1963).

В 1956 г. М.Д. Полубояринова начинает работать в Институте археологии (до 1957 г. – Институт истории материальной культуры) АН СССР, с которым оказалась связана вся ее дальнейшая трудовая деятельность: сначала в редакции журнала «Советская археология», а затем – в секторе славяно-русской археологии. В 1956-1968 гг. М.Д. Полубояринова работала лаборантом и старшим лаборантом, в 1968-1984 гг. – младшим научным сотрудником и научным сотрудником, в 1984-2012 гг. – старшим научным сотрудником. В 1971-1977 гг. она была ученым секретарем отдела славяно-русской археологии, в 1989-2005 гг.

была членом Отдела полевых исследований, в 1993-2002 гг. осуществляла научное руководство аспирантами и соискателями.

Основные исследования Марины Дмитриевны посвящены археологическим материалам Волжской Булгарии и Золотой Орды, памятники которых она изучала совместно с супругом – профессором кафедры археологии МГУ Германом Алексеевичем Федоровым-Давыдовым.

М.Д. Полубояринова участвовала в раскопках Новгорода, Рюрикова городища, Смоленска, Друцка, Серенска, ряда древнерусских памятников Орловской области, в 1961 г. самостоятельно вела раскопки Турова. С 1959 г. она начинает работу с Г.А. Федоровым-Давыдовым на Тигашевском городище в Среднем Поволжье, а затем на Царевском и Водянском городищах на Нижней Волге. В 1976-1990 гг. Марина Дмитриевна являлась начальником отряда Института археологии, раскапывавшего Болгарское городище. Участие в раскопках средневековых памятников различных регионов дало М.Д. Полубояриновой навыки тщательных полевых исследований, большой научный опыт и широкий аналитический кругозор, которым отличаются ее опубликованные работы.

В 1974 г. Марина Дмитриевна защитила кандидатскую диссертацию «Русские в Золотой Орде» (Полубояринова, 1973), на основе которой была написана и через четыре года опубликована ее первая монография «Русские люди в Золотой Орде» (Полубояринова, 1978), обобщившая все имеющиеся к тому времени данные по этой теме.

Крупная обобщающая статья М.Д. Полубояриновой «Стеклянные изделия Болгарского городища» вышла в сборнике «Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности» (Полубояринова, 1988). В данной работе Марина Дмитриевна обобщила все имеющиеся данные о стеклянных изделиях с Болгарского городища; была построена классификация изделий, выделены их хронологические группы, центры производства привозных изделий и возможные пути их поступления в Среднее Поволжье. Было высказано предположение о существовании стеклоделия на Болгарском городище, что было впоследствии доказано раскопками самой Марины Дмитриевны 1990 года.

В монографии М.Д. Полубояриновой «Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды» (Полубояринова, 1991) были обобщены все имеющиеся данные об изде-

лиях из драгоценных и поделочных камней, найденных в золотоордынском Поволжье.

Результаты исследования находок древнерусских материалов в Среднем Поволжье, а также болгарских и золотоордынских в Древней Руси были обобщены в фундаментальной монографии Марины Дмитриевны «Русь и Волжская Болгария в X-XV вв.» (Полубояринова, 1993).

Труды М.Д. Полубояриновой отличаются прекрасным знанием вещевого материала всего Старого Света и письменных источников. В работах Марины Дмитриевны на базе огромного собранного ею материала подробно анализировались домостроительство и торговля (Полубояринова, 2008) Болгарского городища, отдельные работы были посвящены привозным каменным котлам (Полубояринова, 2004), китайскому фарфору и селадону (Полубояринова, 2003а; 2003б), найденному на памятнике. Отдельная крупная статья была посвящена знакам на золотоордынской керамике (Полубояринова, 1980). Недавно вышла крупная обобщающая работа Марины Дмитриевны о жилищах Болгара (Полубояринова, 2016), где собран огромный материал и дана интерпретация даже фрагментарным остаткам, которые было бы сложно выделить исследователям нового поколения.

Полевые исследования Марины Дмитриевны были значимыми вплоть до последних сезонов, которые она провела в экспедиции. Именно раскоп CIV 1989-1990 гг. в Болгаре стал началом многолетних исследований городского рынка и стеклодельной мастерской, давших целую серию замечательных открытий в области золотоордынской археологии. Первое исследование М.Д. Полубояриновой предмонгольских фортификационных сооружений Болгарского городища на раскопе LVII 1977 г. успешно продолжилось рядом работ, ведущихся вплоть до настоящего времени.

Дом Марины Дмитриевны и Германа Алексеевича всегда был открыт для учеников и коллег, отличался гостеприимством и радушием, остается он таким и до сих пор.

Марина Дмитриевна обладает прекрасными человеческими качествами, она очень обаятельна, чрезвычайно доброжелательна по отношению к коллегам и является чутким наставником для более молодых исследователей, причем настоящим учителем, указывающим ученикам на их недочеты и дающим им ценные методические советы.

От имени коллег и учеников желаем всегда оставаться человеком, с которым дорогой Марине Дмитриевне всего самого коллеги могут посоветоваться по любым, лучшего, самое главное – крепкого здоровья, даже самым важным и не только научным вопросам, долгих лет, творческих сил, а также вопросам.

ЛИТЕРАТУРА

Полубояринова М.Д. Стекланные браслеты древнего Новгорода // МИА. № 117 / Ред. А.В. Арциховский, Б.А. Колчин. М.: Наука, 1963. С. 164-199.

Полубояринова М.Д. Русские в Золотой Орде. Автореф. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1973. 24 с.

Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. М.: Наука, 1978. 136 с.

Полубояринова М.Д. Знаки на золотоордынской керамике // Средневековые древности евразийских степей / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1980. С. 165-212.

Полубояринова М.Д. Стекланные изделия Болгарского городища // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 151-219.

Полубояринова М.Д. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. М.: ИА АН СССР, 1991. 112 с.

Полубояринова М.Д. Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. М.: Наука, 1993. 123 с.

Полубояринова М.Д. Китайский селадон из Болгара // РА. 2003а. № 2. С. 155-164.

Полубояринова М.Д. Китайский фарфор с Болгарского городища // РА. 2003б. № 3. С. 136–144.

Полубояринова М.Д. Каменные котлы из Болгара // Восточная Европа в Средневековье: к 80-летию В.В. Седова / Ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов, Н.В. Лопатин. М.: Наука, 2004. С. 316-323.

Полубояринова М.Д. Торговля Болгара // Город Болгар: культура, искусство, торговля / Отв. ред. П.Н. Старостин. М.: Наука, 2008. С. 27-107.

Полубояринова М.Д. Жилища Болгара // Город Болгар: Жилища и жилая застройка / Отв. ред. А.Г. Ситдииков. М.: Наука, 2016. С. 5–192.

Информация об авторах:

Волков Игорь Викторович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); plany_2010@mail.ru

Недашковская Надежда Игоревна, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва, Россия); n.nedashkovskaya@yandex.ru

Недашковский Леонард Федорович, доктор исторических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); Leonard.Nedashkovsky@kpfu.ru

Ситдииков Айрат Габитович, доктор исторических наук, декан, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); директор, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

REFERENCES

Poluboiarinova, M. D. 1963. In Artsikhovskii, A. V., Kolchin, B. A. (eds.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 117. Moscow: "Nauka" Publ., 164-199 (in Russian).

Poluboiarinova, M. D. 1973. *Russkie v Zolotoy Orde (The Russians in the Golden Horde)*. Thesis of Diss. of Candidate of historical sciences. Moscow (in Russian).

Poluboiarinova, M. D. 1978. *Russkie liudi v Zolotoi Orde (Russian People in the Golden Horde)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Poluboiarinova, M. D. 1980. In Pletneva, S. A. (ed.). *Srednevekovie drevnosti evraziiskix stepei (Medieval antiquities of the Eurasian steppes)*. Moscow: "Nauka" Publ., 165-212 (in Russian).

Poluboiarinova, M. D. 1988. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (City of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: "Nauka" Publ., 151-219 (in Russian).

Poluboiarinova, M. D. 1991. *Ukrasheniia iz tsvetnykh kamnei Bolgara i Zolotoi Ordy (Jewelry of Gemstones found in Bulgar and the Golden Horde)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, Institute for Archaeology (in Russian).

Poluboiarinova, M. D. 1993. *Rus' i Volzhskaia Bolgariia v X—XV vv. (Rus' and Volga Bulgaria in 10th—15th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Poluboiarinova, M. D. 2003a. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (2), 155-164 (in Russian).

Poluboiarinova, M. D. 2003b. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (3), 136-144 (in Russian).

Poluboiarinova, M. D. 2004. In Makarov, N. A. Chernetsov, A. V. Lopatin, N. V. (eds.). *Vostochnaia Evropa v Srednevekov'e: k 80-letiiu V.V. Sedova (Eastern Europe during the Middle Ages: Dedicated to the 80th Anniversary of V. V. Sedov)*. Moscow: "Nauka" Publ., 316-323. (in Russian).

Poluboiarinova, M. D. 2008. In Starostin, P. N. (ed.). *Gorod Bolgar: Kul'tura, iskusstvo, trgovlia (City of Bolgar: Culture, Art, Trade)*. Moscow: "Nauka" Publ., 27-107 (in Russian).

Poluboiarinova, M. D. 2016. In Sitdikov, A. G. (ed.). *Gorod Bolgar: zhilishcha i zhilaia zastroika (City of Bolgar: Dwellings and Residential Buildings)*. Moscow: "Nauka" Publ., 5-192 (in Russian).

About the Authors:

Volkov Igor V. Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; plany_2010@mail.ru

Nedashkovskaya Nadezhda I. Candidate of Philological Sciences. Russian State University for the Humanities. Miusskaya Sq., 6, Moscow, GSP-3, 125993, Russian Federation; n.nedashkovskaya@yandex.ru

Nedashkovsky Leonard F. Doctor of Historical Sciences, Kazan (Volga region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420008, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Leonard.Nedashkovsky@kpfu.ru

Sitdikov Airat G. TAS Corresponding Member. Doctor of Historical Sciences. Head of department, Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2022 г.
Статья принята к публикации 01.12.2022 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

УДК 904 902.01

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.6.348.356>

V МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС АРХЕОЛОГИИ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ «ЕВРАЗИЙСКАЯ СТЕПНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ЧЕЛОВЕК И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ СРЕДА»¹

© 2022 г. А.Г. Ситдииков, А. Онгарулы, Д.А. Воякин, А.В. Поляков, Р.Р. Саттаров

В публикации представлены итоги международного научного конгресса, состоявшегося в октябре 2022 г. в г. Туркестан (Республика Казахстан). Традиция проведения Международного конгресса археологии евразийских степей была заложена на учредительном съезде конгресса в Казани в 2007 г., организаторами которого выступили археологи Академии наук РТ. В работе V Конгресса, проходившего на базе Института археологии имени А.Х. Маргулана, приняли участие учёные и специалисты из различных научных организаций, представляющих 28 стран. На заседании заслушано и обсуждено 213 докладов и сообщений, посвящённых актуальным проблемам археологии степной Евразии. Материалы Конгресса опубликованы в пяти томах, охватывающих пять основных тематических направлений – археология эпохи раннего металла, ранних и средневековых кочевников, древних и средневековых городов, а также проблемы сохранения и музеефикации археологического наследия Евразии.

Ключевые слова: археология, история, Евразия, конгресс, кочевые империи, городская культура, междисциплинарные исследования.

V INTERNATIONAL CONGRESS ON ARCHAEOLOGY OF THE EURASIAN STEPPES "EURASIAN STEPPE CIVILIZATION: HUMAN AND HISTORICAL AND CULTURAL ENVIRONMENT"²

A.G. Sitdikov, A. Ongaruly, D. A. Voyakin, A. V. Polyakov, R.R. Sattarov

The publication presents the results of the international scientific congress held in October 2022 in Turkistan city (Kazakhstan). The tradition of holding the International congress of archaeology of the Eurasian steppes was founded on constituent assembly in Kazan in 2007, organized by archaeologists of the Tatarstan Academy of Sciences. Scientists and experts from various scientific organizations representing 28 countries participated in the work of V Congress that took place on the basis of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan. At congress 213 papers devoted to the urgent issues of archaeology of steppe Eurasia were presented and discussed. Proceedings of the Congress are published in 5 volumes covering 5 basic thematic directions - archaeology of the epoch of early metal, early and medieval nomads, ancient and medieval cities, and also issues of preservation and museumification of archaeological heritage of Eurasia.

Keywords: archaeology, history, Eurasia, congress, nomadic empires, urban culture, interdisciplinary studies.

12–14 октября 2022 г. в г. Туркестан Республики Казахстан прошёл V Международный конгресс археологии евразийских степей «Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда». Традиция проведения этого значимого научного мероприятия в области изучения археологического наследия была заложена на Учредительном съезде Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей в Казани в 2007 г., где было принято решение о создании

новой научной организационной структуры, объединяющей и координирующей усилия археологов в изучении истории народов степей Евразии и сопредельных территорий (Ситдииков и др., 2012, с. 233). Целью этого нового формата общения археологов, специализирующихся на изучении культуры народов Степи, стало получение новой, актуальной, ещё не опубликованной информации о предках тюркоязычных народов, широкий обмен знаниями (Средневековая... 2007а; 2007б).

1 Работа выполнена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан № OR11465466 «Великая Степь в контексте этнокультурных исследований», 2021-2022 гг.».

2 The work was carried out within the framework of program-targeted financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan No. OR11465466 "The Great Steppe in the context of ethnic and cultural studies", 2021-2022"

I Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей состоялся в 2009 г. в Казани. В его работе приняли участие более 150 человек, приехавших из 8 стран. Одной из ключевых тем, которые были представлены на конгрессе, стали вопросы взаимодействия кочевых и оседлых культур, проблемы урбанизации степной Евразии. Местом проведения следующего конгресса был выбран г. Барнаул (Алтайский край, Россия) (Ситди́ков и др., 2012, с. 233).

В 2012 г. на базе Алтайского государственного университета прошел II Международный конгресс средневековой археологии степной Евразии, в котором приняло участие 93 участника из 12 стран (Беларусь, Болгария, Венгрия, Молдова, Монголия, Китай, Польша, Россия, Румыния, Украина, Франция, Япония). На заседаниях предметом обсуждения стали вопросы реализации проектов по изучению процессов, протекавших на территории от Великой Китайской стены на Востоке и до Дуная на Западе в эпоху средневековья, на территории, где тюркские, славянские и финно-угорские народы создали уникальную евразийскую цивилизацию. Ключевой темой Конгресса стали вопросы генезиса народов Алтая и их роль в развитии материальной культуры Евразии в эпоху средневековья (Ситди́ков и др., 2012; Ситди́ков и др., 2013; Ситди́ков и др., 2020, с. 318; Ситди́ков, 2021, с. 17).

В 2017 г. во Владивостоке на базе Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Приморский край, Россия) прошёл III конгресс, в работе которого приняло участие более 120 участников из 12 стран (Болгария, Венгрия, Германия, Казахстан, Канада, Китай, Монголия, Польша, Россия, США, Франция, Япония). Обсуждение научных вопросов на Конгрессе было сосредоточено на рассмотрении проблем изучения истории и археологии средневековых государств и империй Евразии, коммуникаций и связей между культурами и цивилизациями, массовых миграций и диффузии культурных и технологических импульсов, истории и археологии Евразии в эпоху средневековья (Ситди́ков и др., 2020а, с. 318; Ситди́ков и др., 2020б; Ситди́ков, 2022, с. 17–18).

Предшествующая нынешнему Конгрессу встреча учёных, объединённых идеей изучения древностей степной Евразии, прошла в 2019 г. в Улан-Удэ, в которой приняло участие более 230 участников из 20 стран (Австрия, Болгария, Великобритания, Венгрия, Герма-

ния, Израиль, Индия, Испания, Казахстан, Канада, Китай, Кыргызстан, Монголия, Россия, Турция, Украина, Франция, Хорватия, Швейцария, Япония). Его работа стала важным этапом, позволившим собрать отечественных и зарубежных исследователей разных специализаций в изучении проблем нomaдизма, оседлости и городской цивилизации на широком пространстве Евразийских степей в средневековом мире (Ситди́ков и др., 2020а; Ситди́ков и др., 2020б; Ситди́ков, 2022, с. 18–19).

На каждом из этапов проведения Конгресса объектом обсуждения ставились актуальные вопросы по изучению степной Евразии. Выбор места проведения конгресса в Туркестане связан с закономерным развитием научных актуальных тем, представленных в работе Конгресса и расширяющих географию его проведения, создавая новые возможности в изучении культур степных пространств евразийского континента. V Международный конгресс археологии евразийских степей продолжил выполнение задач, которые были определены в период его создания и закреплены Учредительным съездом конгресса.

Организаторами V Международного конгресса стали Министерство науки и высшего образования Республики Казахстан, Институт археологии имени А.Х. Маргулана КН МНВО РК, Институт археологии имени А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан, Международный институт центральноазиатских исследований, Международный казахско-турецкий университет имени Ходжи Ахмеда Ясави, Акимат Туркестанской области, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт археологии Российской академии наук, Институт археологии и этнографии СО РАН, Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН (Кунсткамера), Институт истории материальной культуры РАН, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего востока ДВО РАН, Алтайский государственный университет.

В работе Конгресса приняли участие учёные и специалисты из различных научных организаций из 28 стран: Австралия, Азербайджан, Армения, Болгария, Великобритания, Венгрия, Германия, Израиль, Иран, Казахстан, Канада, Китай, Кыргызстан, Молдова, Монголия, Пакистан, Польша, Россия, США, Таджикистан, Туркмени́я, Турция, Узбекистан, Украина, Франция, Чехия, Южная Корея,

Рис. 1. Обложка программы V Международного конгресса археологии евразийских степей (г. Туркестан, Республика Казахстан, 12–14 октября 2022 г.)
Fig. 1. Cover of the program of the V International congress on archaeology of the Eurasian steppes (Turkistan, Republic of Kazakhstan, October 12–14, 2022)

Япония. В рамках пленарных и секционных заседаний заслушано и обсуждено 213 докладов и сообщений, посвящённых актуальным проблемам археологии степных и оседлоземледельческих районов (рис. 1, 2).

На пленарном заседании, состоявшемся 12 октября в Большом зале Дворца культуры Международного казахско-турецкого университета имени Ходжи Ахмеда Ясави, прозвучали приветственные слова генерального директора Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МНВО РК, к.и.н. А. Онгарулы, заместителя акима Туркестанской области С.А. Калкаманова, председателя правления – ректора Международного казахско-турецкого университета имени Ходжи Ахмеда Ясави, к.э.н. Ж.А. Темирбековой, главного научного сотрудника Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МНВО РК, д.и.н., академика НАН РК Б.А. Байтанаева, директора Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан, д.и.н., чл.-корр. АН РТ А.Г. Ситдикова, директора Международного института центральноазиатских исследований, к.и.н. Д.А. Воякина (рис. 3).

После приветственных слов пленарное заседание продолжили научные доклады. М.К. Хабдуллина, к.и.н., доцент кафедры археологии и этнологии Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилёва (Астана, Казахстан) в своём докладе об исторических типах городов в степных империях Азии пришла к выводу, что особенностью городской культуры кочевых империй было многообра-

зие типов городов, выполнявших специализированные функции: храмовые, религиозные центры, где проходили ежегодные сборы для совершения обрядов и жертвоприношений, города – как хранилища государственных запасов, города – как сакральные, церемониальные резиденции общегосударственного значения. А.В. Поляков, д.и.н., директор Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург, Россия) представил результаты исследований последнего времени, характеризующие культурно-исторические процессы, происходившие на территории Минусинских котловин на протяжении эпохи палеометалла. Вопросы происхождения и роли кочевой цивилизации в Центральной Азии были рассмотрены в докладе д.и.н. Р.Х. Сулейманова из Национального университета Узбекистана (Ташкент, Узбекистан). Майклом Фрачетти, Ph.D., представляющим Вашингтонский университет в Сент-Луисе (*Сент-Луис, США*), был прочитан доклад на тему «Кочевой образ жизни и городское развитие в доисторическую и средневековую эпохи». Процесс и динамика урбанизации Поволжья в эпоху средневековья была рассмотрена в докладе д.и.н., директора Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан, чл.-корр. АН РТ А.Г. Ситдикова. Заключительным докладом в пленарном заседании стал доклад Шинья Шоды из Национального исследовательского института культурных ценностей Нара (Нара, Япония), посвящённый анализу органических остатков

Рис. 2. Участники V Международного конгресса археологии евразийских степей
Fig. 2. Participants of the V International congress on archaeology of the Eurasian steppes

Рис. 3. Пленарное заседание в Большом зале Дворца культуры Международного казахско-турецкого университета имени Ходжа Ахмеда Ясави
Fig. 3. Plenary session in the Great Hall of the Palace of Culture of Akhmet Yassawi University

керамики раннего железного века в Казахстане.

После окончания пленарных докладов состоялась презентация сборника материалов V конгресса (рис. 4). Материалы докладов опубликованы в пяти томах (рис. 5), охватывающих пять основных тематических направлений: археология эпохи раннего металла, ранних и средневековых кочевников, древних и средневековых городов, а также проблемы сохранения и музеефикации археологическо-

го наследия Евразии (Евразийская степная..., т. 1; Евразийская степная..., т. 2; Евразийская степная..., т. 3; Евразийская степная..., т. 4; Евразийская степная..., т. 5).

Работа конгресса была продолжена в рамках секционных заседаний, в основе разделения которых лежит хронологический принцип.

Секция 1 «Культурно-исторические процессы в Евразийских степях в эпоху раннего металла: традиции и инновации»

Рис. 4. Презентация сборника материалов V Международного конгресса археологии евразийских степей

Fig. 4. Presentation of the collected proceedings of the V International congress on archaeology of the Eurasian steppes

(руководители секций: д.и.н. А.В. Поляков (Санкт-Петербург, Россия), к.и.н. И.В. Мерц (Алматы, Казахстан), к.и.н. В.С. Синика (Тирасполь, Молдова) посвящена материалам памятников эпохи палеометалла огромной территории Евразийских степей. В докладах были отражены такие вопросы, как культурно-исторические процессы, экономика и социальные реконструкции, взаимоотношения земледельческих и степных культур, искусство.

Секция 2 «Феномен ранних кочевников Евразии» (руководители секций: д.и.н. А.Д. Таиров (Челябинск, Россия), к.и.н. Р.Р. Саттаров (Казань, Россия), к.и.н. Ж.Р. Утубаев (Алматы, Казахстан), д.и.н. П.К. Дашковский (Барнаул, Россия) обсуждала вопросы определённого хронологического периода – эпохи ранних кочевников. Во время работы секции были рассмотрены как серьёзные аналитические обобщения по культурно-историческим процессам, происходившим в Евразийских степях, так и информативные сообщения по отдельным памятникам, а также некоторые аспекты широкого круга проблем: миграции населения, социальные реконструкции, погребальные традиции.

На заседании секции 3 «Кочевники степной Евразии в средние века» (руководители секций: д.и.н. Н.П. Матвеева (Тюмень, Россия), Ph.D. А.К. Айтгали (Алматы, Казахстан), к.и.н. А.В. Фрибус (Санкт-Петербург,

Россия) были затронуты вопросы археологии средневековья евразийских степей: процессы и этапы урбанизации в Степи; систематизация представлений о фортификации в степной зоне Евразии в эпоху средневековья и функционирования городищ; исследования раннесредневековых поселений в низовьях Сырдарьи и этнических контактов горожан и кочевников позднесредневековых городов Южного Казахстана; взаимодействие населения лесостепи Западной Сибири в раннем средневековье с народами Казахстана и др.

Секция 4 «Урбанизм степной Евразии в средние века» (руководители секций: к.и.н. М.К. Хабдуллина (Астана, Казахстан), к.и.н.

Kazakhstan, Turkistan, 11–14 October, 2022

Eurasian steppe civilization:
*human and the historical
and cultural environment*

Рис. 5. Обложка 1 тома сборника материалов V Международного конгресса археологии евразийских степей

Fig. 5. Cover of the 1st volume of the collected proceedings of the V International congress on archaeology of the Eurasian steppes

В.Ю. Коваль (Москва, Россия), к.и.н. М.Д. Калменов (Алматы, Казахстан) рассматривала материалы, отражающие актуальные проблемы археологии Средневековья евразийских степей: характеристику погребальных комплексов тюрок Центральной Азии и поздних кочевников V–XIV в.; вопросы взаимоотношений средневековых тюрок и монголов внутри Золотой Орды, некоторых государств в VIII–X в., этнокультурных процессов, в том числе в Улусе Джучи. Также в работе секции был обсуждён значительный блок вопросов по изучению памятников городской культуры раннего и развитого средневековья, в том числе по особенностям формирования городской культуры у тюрок-кочевников; топографическим и архитектурным признакам развитого средневекового города, социальной топографии и ремесленным производствам города золотоордынского периода; искусству эпохи средневековья.

На заседании последней секции 5 «История изучения археологии степных культур Евразии; Сохранение и музеефикация археологического наследия кочевников Евразии» (руководители секций: *к.и.н. А.Д. Касенова (Алматы, Казахстан), д.и.н. Т.С. Жумаганбетов (Актобе, Казахстан)*) представлены доклады, отражающие различные аспекты истории и археологии Евразийских степей. Среди них – вопросы истории археологических исследований, религии и мировоззрения населения, искусства и архитектуры, междисциплинарных изысканий, охраны памятников культурного наследия.

По результатам работы Конгресса участники отметили следующие аспекты:

– с эпохи палеометалла обширные пространства степи стали ключевым фактором в формировании различных культур, имевших влияние на развитие всего континента. Составной частью этого процесса является зарождение и сложение тюркских, индоевропейских, угорских и других народов востока и запада;

– всё более возрастающий интерес у исследователей вызывает проблематика зарождения и развития степных империй и городских культур, формирование крупных урбанизированных сообществ, интегрированных в культуру кочевников;

– степной коридор всегда был основной экономической, политической и культурной артерией континента. Он играл особую роль в развитии трансконтинентальных маршрутов;

– участники конгресса обратили внимание на необходимость комплексного изучения древнего и средневекового искусства народов, населявших Евразийские степи;

– участники подчеркнули необходимость постоянной международной коллаборации и интеграции учёных в сферах археологических исследований историко-культурного наследия, источниковедческого изучения и формирования музейного пространства;

– участники конгресса высоко оценили работу по развитию периодического издания конгресса «Археология евразийских степей» и приветствовали его включение в международную базу цитирования Scopus;

– отметили в ходе следующих конгрессов необходимость предусмотреть возможность представления к обсуждению постерных докладов, что создаст необходимые условия для участия большего числа специалистов;

– работа конгресса показала свою эффективность, существующие органы конгресса успешно выполняют свои задачи. Предложено создать совет из представителей учредителей конгресса, выполняющий координационные функции на период между проведениями конгрессов;

– участники V Международного конгресса археологии евразийских степей отметили актуальность и необходимость проведения подобных форумов на регулярной основе.

Таким образом, V Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей подтвердил и упрочил свой изначальный статус важной международной научной площадки, соединяющей специалистов в области древней и средневековой археологии степной Евразии и способствующей обмену результатами их достижений, существенно расширив как хронологические рамки исследований, так и географию участников, определив новые ориентиры в исследованиях и сформировав основы для укрепления сотрудничества в изучении исторического наследия Евразии.

ЛИТЕРАТУРА

Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда. Материалы V международного конгресса археологии евразийских степей (г. Туркестан, 11–14 октября 2022 г.). В 5-ти т. Т. 1.

/ Отв. ред. Б.А. Байтанаев, А.Г. Ситдииков, Д.А. Воякин. Алматы – Туркестан: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2022. 312 с.

Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда. Материалы V международного конгресса археологии евразийских степей (г. Туркестан, 11–14 октября 2022 г.). В 5-ти т. Т. 2. Алматы – Туркестан: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2022. 348 с.

Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда. Материалы V международного конгресса археологии евразийских степей (г. Туркестан, 11–14 октября 2022 г.). В 5-ти т. Т. 3. Алматы – Туркестан: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2022. 224 с.

Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда. Материалы V международного конгресса археологии евразийских степей (г. Туркестан, 11–14 октября 2022 г.). В 5-ти т. Т. 4. Алматы – Туркестан: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2022. 300 с.

Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда. Материалы V международного конгресса археологии евразийских степей (г. Туркестан, 11–14 октября 2022 г.). В 5-ти т. Т. 5. Алматы – Туркестан: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2022. 288 с.

Ситдииков А.Г. Международный конгресс археологии Евразийских степей: этапы становления // Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда. Материалы V международного конгресса археологии евразийских степей (г. Туркестан, 11 – 14 октября 2022 г.). В 5-ти т. Т. 1. Алматы – Туркестан: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2022. С. 13–22.

Ситдииков А.Г., Базаров Б.А., Гомбожапов А.Д., Нолев Е.В., Красильников П.В. IV Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей // Поволжская археология. 2020а. № 1. С. 217–226.

Ситдииков А.Г., Базаров Б.А., Гомбожапов А.Д., Нолев Е.В., Красильников П.В. IV Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей // РА. 2020б. № 3. С. 204–205.

Ситдииков А.Г., Тишкин А.А., Хузин Ф.Ш. II Международный конгресс средневековой археологии Евразийских степей // РА. 2013. № 4. С. 181–183.

Ситдииков А.Г., Хузин Ф.Ш., Шакиров З.Г. II Международный конгресс средневековой археологии Евразийских степей // Поволжская археология. 2012. № 2. С. 233–241.

Средневековая археология Евразийских степей. Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Т. I / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин, Казань: Институт истории АН РТ, 2007а. 252 с.

Средневековая археология Евразийских степей. Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Т. II / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин, А.Г. Ситдииков. Казань: Институт истории АН РТ, 2007б. 180 с.

Информация об авторах:

Ситдииков Айрат Габитович, доктор исторических наук, декан, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия), директор, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

Онгарулы Акан, кандидат исторических наук, генеральный директор, Институт археологии им. А.Х. Маргулана Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (г. Алматы, Республика Казахстан); akan123@mail.ru

Воякин Дмитрий Алексеевич, кандидат исторических наук, директор, Международный институт центральноазиатских исследований (г. Самарканд, Узбекистан); d_voyakin@hotmail.com

Поляков Андрей Владимирович, доктор исторических наук, директор, Институт истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург, Россия); poliakov@yandex.ru

Саттаров Рузиль Раильевич, кандидат исторических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия), ученый секретарь, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); sattarov.rr@rambler.ru

REFERENCES

Baitanayev, B. A., Sitdikov, A. G., Voyakin, D. A. (eds.). 2022. Evraziyskaya stepnaya tsivilizatsiya: chelovek i istoriko-kul'turnaya sreda. *Materialy V mezhdunarodnogo kongressa arkheologii evraziyskikh stepey (g. Turkestan, 11–14 oktyabrya 2022 g.). V 5-ti t. (Eurasian steppe civilization: human and the historical and cultural environment. Proceedings of the 5th International Congress on Archaeology of the Eurasian Steppes (Turkistan, 11–14 October, 2022). In 5 volumes)* 1. Almaty – Turkistan: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).

Baitanayev, B. A., Sitdikov, A. G., Voyakin, D. A. (eds.). 2022. Evraziyskaya stepnaya tsivilizatsiya: chelovek i istoriko-kul'turnaya sreda. *Materialy V mezhdunarodnogo kongressa arkheologii evraziyskikh*

stepes (g. Turkestan, 11–14 oktyabrya 2022 g.). V 5-ti t. (Eurasian steppe civilization: human and the historical and cultural environment. Proceedings of the 5th International Congress on Archaeology of the Eurasian Steppes (Turkistan, 11–14 October, 2022). In 5 volumes) 2. Almaty – Turkistan: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).

Baitanayev, B. A., Sitdikov, A. G., Voyakin, D. A. (eds.). 2022. Evraziyskaya stepnaya tsivilizatsiya: chelovek i istoriko-kul'turnaya sreda. *Materialy V mezhdunarodnogo kongressa arkheologii evraziyskikh stepes (g. Turkestan, 11–14 oktyabrya 2022 g.). V 5-ti t. (Eurasian steppe civilization: human and the historical and cultural environment. Proceedings of the 5th International Congress on Archaeology of the Eurasian Steppes (Turkistan, 11–14 October, 2022). In 5 volumes) 3. Almaty – Turkistan: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).*

Baitanayev, B. A., Sitdikov, A. G., Voyakin, D. A. (eds.). 2022. Evraziyskaya stepnaya tsivilizatsiya: chelovek i istoriko-kul'turnaya sreda. *Materialy V mezhdunarodnogo kongressa arkheologii evraziyskikh stepes (g. Turkestan, 11–14 oktyabrya 2022 g.). V 5-ti t. (Eurasian steppe civilization: human and the historical and cultural environment. Proceedings of the 5th International Congress on Archaeology of the Eurasian Steppes (Turkistan, 11–14 October, 2022). In 5 volumes) 4. Almaty – Turkistan: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).*

Baitanayev, B. A., Sitdikov, A. G., Voyakin, D. A. (eds.). 2022. Evraziyskaya stepnaya tsivilizatsiya: chelovek i istoriko-kul'turnaya sreda. *Materialy V mezhdunarodnogo kongressa arkheologii evraziyskikh stepes (g. Turkestan, 11–14 oktyabrya 2022 g.). V 5-ti t. (Eurasian steppe civilization: human and the historical and cultural environment. Proceedings of the 5th International Congress on Archaeology of the Eurasian Steppes (Turkistan, 11–14 October, 2022). In 5 volumes) 4. Almaty – Turkistan: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).*

Sitdikov, A. G. 2022 In Baitanayev, B. A., Sitdikov, A. G., Voyakin, D. A. (eds.). Evraziyskaya stepnaya tsivilizatsiya: chelovek i istoriko-kul'turnaya sreda. *Materialy V mezhdunarodnogo kongressa arkheologii evraziyskikh stepes (g. Turkestan, 11–14 oktyabrya 2022 g.). V 5-ti t. (Eurasian steppe civilization: human and the historical and cultural environment. Proceedings of the 5th International Congress on Archaeology of the Eurasian Steppes (Turkistan, 11–14 October, 2022). In 5 volumes) 1. Almaty – Turkistan: Margulan Institute of Archaeology, 13–22 (in Russian).*

Sitdikov, A. G., Bazarov, B. A., Gombozhapov, A. D., Nolev, E. V., Krasilnikov, P. V. 2020. In *Povolzhskaya Arkheologia (Volga River Region Archaeology)* 31 (1), 217–226 (in Russian).

Sitdikov, A. G., Bazarov, B. A., Gombozhapov, A. D., Nolev, E. V., Krasilnikov, P. V. 2020. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (3), 204–205 (in Russian).

Sitdikov, A. G., Tishkin, A. A., Khuzin, F. Sh. 2013. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (4), 181–183 (in Russian).

Sitdikov, A. G., Khuzin, F. Sh., Shakirov, Z. G. 2012. In *Povolzhskaya Arkheologia (Volga River Region Archaeology)* (2), 233–241 (in Russian).

Khuzin, F. Sh. (ed.). 2007. *Srednevekovaia arkheologiya evraziyskikh stepes: Materialy Uchreditel'nogo s'ezda Mezhdunarodnogo kongressa (Medieval Archaeology of the Eurasian Steppes: Proceedings of Constitutive Meeting of the International Congress) II. Kazan: Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).*

Khuzin, F. Sh., Sitdikov, A. G. (eds.). 2007. *Srednevekovaia arkheologiya evraziyskikh stepes: Materialy Uchreditel'nogo s'ezda Mezhdunarodnogo kongressa (Medieval Archaeology of the Eurasian Steppes: Proceedings of Constitutive Meeting of the International Congress) II. Kazan: Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).*

About the Authors:

Sitdikov Airat G. TAS Corresponding Member. Doctor of Historical Sciences. Head of department, Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Ongaruly Akhan. Candidate of Historical Sciences, general director, Institute of archaeology named after A.Kh. Margulan; Dostyk Ave., 44, Shevchenko Str., 28, Almaty, 050010, the Republic of Kazakhstan; akan123@mail.ru

Voyakin Dmitry A. Candidate of Historical Sciences, International Institute for Central Asian Studies (IICAS). Univer boulavard str., 19, Samarkand, 140129, Uzbekistan; d_voyakin@hotmail.com

Polyakov Andrei V. Doctor of Historical Sciences, director, Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, Dvortsovaya emb., 18, Saint Petersburg, 191186, Russian Federation; poliakov@yandex.ru

Sattarov Ruzil R. Candidate of Historical Sciences. Associated professor, Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sattarov.rr@rambler.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2022 г.
Статья принята к публикации 01.12.2022 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

АВТОРСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ 2022

Авилова Л.И., Гей А.Н., Клещенко А.А. (Москва, Россия) Головные уборы, венчики и диадемы: континуитет традиций в эпоху энеолита и бронзы. № 2, 64

Адамов А.А. (Тобольск, Россия) Железный ключ с городища Искер. К вопросу о новом типе средневековых съемных замков. № 6, 320

Азаров Е.С. (Москва, Россия), **Ахмедов И.Р.** (Санкт-Петербург, Россия) Клад начала раннего железного века у поселка Одоевские Горы в Среднем Поочье. № 2, 356

Айбабина Е.А. (Симферополь, Россия) см. **Ломакин Д. А.** (Симферополь, Россия) № 4, 274

Акынды М. (Анталья, Турция), **Хузин Ф.Ш.** (Казань, Россия) Ранний ислам в Волжской Булгарии в исследованиях Е.А. Халиковой и А.Х. Халикова (к 1100-летию официального принятия ислама болгарскими предками поволжских татар). № 5, 8

Алешинская А.С. (Москва, Россия), **Чижевский А.А.** (Казань, Россия), **Спиридонова Е.А., Кочанова М.Д.** (Москва, Россия) Маклашеевское II городище, палинологический аспект. № 2, 371

Андреев С.И. (Тамбов, Россия) Русско-ордынское пограничье на Окско-Донской равнине. № 4, 73

Антипина А.Н. (Москва, Россия) «Под знаком комолой коровы...» – возвращаясь к остеологической коллекции поселения Горный. № 2, 40

Антонов М.А. (Алматы, Казахстан) см. **Усманова Э.Р.** (Караганда, Казахстан) № 2, 77

Артемьева Н.Г., Артемьева П.А. (Владивосток, Россия) Бронзовая гиря с девизом правления Хана Хубилая из Приморья. № 3, 8

Артемьева П.А. (Владивосток, Россия) см. **Артемьева Н.Г.** (Владивосток, Россия) № 3, 8

Архипенко А.А. (Симферополь, Россия) см. **Винничек В.А.** (Пенза, Россия) № 6, 105

Асылгараева Г.Ш. (Казань, Россия) см. **Ситдинов А.Г.**, (Казань, Россия) №1, 237

Ахатов Г.А. (Алматы, Казахстан) см. **Усманова Э.Р.** (Караганда, Казахстан) № 3, 74

Ахмедов И.Р. (Санкт-Петербург, Россия) см. **Азаров Е.С.** (Москва, Россия) № 2, 356

Ахметгалин Ф.А. (Казань, Россия) Археологические исследования столицы Касимовского ханства. № 5, 305

Ахметгалин Ф.А. (Казань, Россия) см. **Зубарева М.М.** (Свияжск, Россия) №1, 141

Ахметгалин Ф.А., Ситдинов А.Г. (Казань, Россия) Изучение материальной культуры Волго-Окского региона в эпоху средневековья: предварительные итоги и перспективы исследований. № 6, 76

Ахметгалин Ф.А., Хазиев А.И. (Казань, Россия), **Грибов Н.Н.** (Москва, Россия) Керамические комплексы Старого посада города Касимова (по материалам исследований 2009–2018 гг.). № 4, 44

Ашығалиев Б.М. (Казань, Россия) О создании музея под открытым небом на территории средневекового Городища Жайык. №1, 86

Ашығалиев Б.М. (Казань, Россия) см. **Калменов М.Д.** (Уральск, Казахстан) №1, 172

Ашығалиев Б.М. (Казань, Россия) см. **Калменов М.Д.** (Уральск, Казахстан) № 3, 90

Бабенко В.А. (Ставрополь, Россия) Локализации городища Маджары и его топография по архивным материалам XVIII–XIX вв. № 4, 104

Бабенко В.А. (Ставрополь, Россия) Погребения кочевой знати из курганного могильника «Айгурский-1» на Северо-Востоке Ставрополя. № 6, 303

Бадеев Д.Ю. (Москва, Россия) Ремесленные районы гончаров в золотоордынском Болгаре. № 3, 157

Байбуртский А.М. (*Симферополь, Россия*) см. **Ушаков С.В.** (*Симферополь, Россия*) № 4, 264

Батуева Н.С. (*Пермь, Россия*) см. **Морозов В.В.** (*Москва, Россия*) №1, 8

Бездудный В.Г., Вафина Г.Х., Мирсияпов И.Ю., Овечкина Л.В. (*Казань, Россия*), **Пигарев Е.М.** (*Йошкар-Ола, Россия; Казань, Россия*), **Ситдииков А.Г.** (*Казань, Россия*) Предварительные итоги исследований неконтактными методами Лапасского комплекса мавзолеев. № 3, 314

Бездудный В.Г. (*Казань, Россия*), **Пигарев Е.М.** (*Йошкар-Ола, Россия*), **Ситдииков А.Г.** (*Казань, Россия*) Магнитометрические исследования памятников Золотой Орды Нижнего Поволжья. № 6, 144

Бездудный В.Г. (*Казань, Россия*) см. **Кольченко В.А.** (*Бишкек, Кыргызская Республика*) № 6, 37

Белорыбкин Г.Н. (*Пенза, Россия*) Археологический кружок – время удивляться. №1, 288

Белорыбкин Г.Н. (*Пенза, Россия*), **Зеленеев Ю.А.** (*Йошкар-Ола, Россия*), **Ситдииков А.Г.** (*Казань, Россия*) Основные итоги археологического изучения Наровчатского городища (г. Мохши) и его окрестностей. № 6, 85

Бижанова А.Е. (*Уральск, Казахстан*) см. **Калменов М.Д.** (*Уральск, Казахстан*) № 3, 90

Битюков В.С. (*Воронеж, Россия*) Территория Дивногорья в эпоху Золотой Орды. № 4, 80

Бобров В.В. (*Кемерово, Россия*) О восточной периферии ареала сейминско-турбинской традиции металлообработки в эпоху поздней бронзы и раннего железа. № 2, 186

Богачук Д.С. (*Москва, Россия*) см. **Сиротин С.В.** (*Москва, Россия*) № 5, 271

Богданов С.В. (*Оренбург, Россия*) Специфика рудного протолита в металлургии бронзового века степного Приуралья. № 2, 206

Большакова Н.В. (*Самара, Россия*) см. **Вальков Д.В.** (*Самара, Россия*) № 2, 418

Бочаров С.Г. (*Севастополь, Россия*), **Масловский А.Н.** (*Азов, Россия*) Периодизация развития градостроительства в Золотой Орде. № 4, 98

Бочаров С.Г. (*Севастополь, Россия*), **Обухов Ю.Д.** (*Элиста, Россия*) Стратиграфия золотоордынского города Маджар. Первые наблюдения. №4, 110

Бочаров С.Г. (*Севастополь, Россия*), **Обухов Ю.Д.** (*Элиста, Россия*) Находки монет чекана города Мохши на Маджарском городище и памятниках его ближайшей округи. № 6, 97

Бочаров С.Г. (*Севастополь, Россия*), **Яворская Л.В.** (*Москва, Россия*) Сельские поселения Крыма золотоордынского времени: современное состояние изучения. № 4, 228

Бугарчев А.И. (*Казань, Россия*), **Петров П.Н.** (*Алматы, Казахстан*), **Сингатуллина А.З., Шайхутдинова Е.Ф.** (*Казань, Россия*) Монеты XV века хана Барака Булгарского монетного двора (по материалам клада «Караульная Гора»). № 5, 19

Бугарчев А.И., Шайхутдинова Е.Ф. (*Казань, Россия*) Нумизматический комплекс из с. Рождественно (Татарстан) по материалам Музея археологии РТ Института археологии АН РТ. № 3, 169

Бугарчев А.И., Степанов О.В. (*Казань, Россия*) О болгарских монетах Менгу-Тимура с титулом «ан-Насир ли-дин Аллах» (1266–1272). № 6, 8

Букина О.В. (*Самара, Россия*) см. **Денисов И.В.** (*Стерлитамак, Россия*) № 5, 74

Букина О.В. (*Самара, Россия*) см. **Рафикова К.В.** (*Самара, Россия*) № 5, 244

Валиев Р.Р., Ситдииков А.Г. (*Казань, Россия*) Результаты разведочных исследований в окрестностях Увекского городища в 2018–2019 гг. № 3, 272

Валиев Р.Р., Степанов Р.А. (*Казань, Россия*) Археологические исследования у д. Ржавец. № 5, 26

Валиулина С.И., Нуретдинова А.Р. (Казань, Россия) Металлургические тигли из ювелирных мастерских Сарая Ал–Джедид. №1, 93

Вальков Д.В., Большакова Н.В. (Самара, Россия), **Кошутин Р.А., Пинигин Г.В.** (Москва, Россия) Верификация памятников археологии открытыми экспедициями под руководством В.В.Гольмстен (на примере «курганника у села Домашка»). № 2, 418

Варфоломеев В.В. (Караганда, Казахстан) Металлообрабатывающая мастерская на поселении Аккезен, Центральный Казахстан. № 2, 225

Васильев Д.В. (Астрахань, Россия) Результаты 20 лет исследований на Самосдельском городище и новые перспективы. № 5, 42

Васильев Д.В., Чичко Т.В. (Астрахань, Россия) Буддистские погребально-поминальные комплексы из материалов могильника «Маячный Бугор». № 4, 8

Вафина Г.Х. (Казань, Россия) см. **Бездудный В.Г.** (Казань, Россия) № 3, 314

Винничек В.А., Винничек К.М. (Пенза, Россия), **Дидюлин А.В.** (Самара, Россия) К вопросу об этническом составе населения Верхнего Посурья и Примокшанья в золотоордынское время. № 3, 138

Винничек В.А. (Пенза, Россия), **Архипенко А.А.** (Симферополь, Россия) О двух комплексах крымских монет с урочища Сырты Вадинского района Пензенской области. № 6, 105

Винничек В.А., Винничек К.М. (Пенза, Россия) Бронзовые матрицы с Никольского селища: к вопросу об их применении в качестве разновесок в средние века. № 6, 110

Винничек В.А., Винничек К.М., Кезин С.В., Дидюлин А.В. (Пенза, Россия) Уникальный перстень-печатка с Верхнесурского средневекового поселения. № 6, 114

Винничек К.М. (Пенза, Россия) см. **Винничек В.А.** (Пенза, Россия) № 3, 138

Винничек К.М. (Пенза, Россия) см. **Винничек В.А.** (Пенза, Россия) № 6, 110

Винничек К.М. (Пенза, Россия) см. **Винничек В.А.** (Пенза, Россия) № 6, 114

Висент-Гарсия Х.М. (Мадрид, Испания) см. **Мартинес-Наваррете М.И.** (Мадрид, Испания) № 2, 9

Волков И.В. (Москва, Россия) Некоторые картографические и нарративные источники об Укеке. № 3, 204

Волков И.В., Лопан О.В. (Казань, Россия) Участок мусульманского кладбища XIV в. на южной окраине Болгарского городища (раскоп CLXXVIII). № 6, 14

Волков И.В., Недашковская Н.И., Недашковский Л.Ф., Ситдииков А.Г. (Казань, Россия) К юбилею Марины Дмитриевны Полубояриновой. № 6, 344

Волкова Е.В., Денисов А.В., Кормилицын Д.В., Платонов В.И. (Самара, Россия) Медный кельт из курганного могильника Светлое Поле II. № 2, 446

Волкова Е.В., Денисов А.В., Кузнецов П.Ф., Мочалов О.Д., Салугина Н.П. (Самара, Россия) Коллекция находок раннего железного века с поселения у с. Красносамарское. №2, 406

Воякин Д.А. (Самарканд, Узбекистан) см. **Ситдииков А.Г.** (Казань, Россия) № 6, 348

Выборнов А.А. (Самара, Россия) см. **Морозов В.В.** (Москва, Россия) №1, 8

Выборнов А.А. (Самара, Россия) см. **Никитин В.В.** (Йошкар-Ола, Россия) №1, 292

Гаглойты Р.Х. (Цхинвал, Республика Южная Осетия), **Кочкаров У.Ю.** (Москва, Россия), **Мамаев Р.Х.** (Грозный, Россия), **Нарожный В.Е.** (Армавир, Россия), **Нарожный Е.И.** (Кара-чаевск, Россия) Об одном типе наконечников копий XIII–XIV вв. с территории Северного Кавказа. № 4, 119

Газимзянов И.Р. (Казань, Россия), **Хохлов А.А.** (Самара, Россия) Краниологическая характеристика антропологических материалов из погребений грунтового могильника Самарской Луки «Жигули – I» (Самарская область, Ставропольский район). № 3, 190

Галимова М.Ш. (Казань, Россия) Палеолит Казанского Поволжья: история изучения и новые данные. №1, 106

Галимова М.Ш. (Казань, Россия) А.Х. Халиков о палеолите Среднего Поволжья (в свете современных данных). №5, 51

Гей А.Н. (Москва, Россия) см. **Авилова Л.И.** (Москва, Россия) № 2, 64

Гинькут Н.В. (Севастополь, Россия) см. **Неделькин Н.В.** (Севастополь, Россия) № 6, 268

Гисматулин М.Р. (Ульяновск, Россия) Материалы Муранского могильника в коллекции УОКМ. № 3, 181

Гмыря Л.Б. (Махачкала, Россия) Золотые височные привески с ажурной бусиной как связующее звено между двумя курганными могильниками Восточного Предкавказья (Львовский Первый-2; Паласа-Сырт). №1, 121

Голубев О.В. (Пенза, Россия) Территория распространения монет чекана Мохши. № 6, 119

Гончаров Е.Ю. (Москва, Россия), **Лебединский В.В.** (Севастополь, Россия) Античные монеты из собрания музея в Тартусе (Сирия). № 6, 201

Горбунов В.С., Горбунов Ю.В. (Уфа, Россия) Рудные источники Южного Приуралья и их связь с поселенческими памятниками уральской абашевской культуры. № 2, 218

Горбунов Ю.В. (Уфа, Россия) см. **Горбунов В.С.** (Уфа, Россия) № 2, 218

Грибов Н.Н. (Москва, Россия) Предметы восточного импорта из Нижнего Новгорода: ассортимент находок, археологический контекст, опыт интерпретации. № 4, 37

Грибов Н.Н. (Москва, Россия) см. **Ахметгалин Ф.А.** (Казань, Россия) № 4, 44

Григорьев С.А. (Екатеринбург, Россия) Хронология сейминско-турбинских бронз на основании ближневосточных и китайских источников и датировки извержения Санторина. № 6, 186

Губайдуллин А.М. (Казань, Россия) О городищах раннего средневековья на территории Среднего Поволжья. №1, 136

Губайдуллин А.М. (Казань, Россия) О градостроительстве в Булгарском улусе Золотой Орды. № 3, 149

Губайдуллин А.М. (Казань, Россия) Некоторые вопросы изучения средневековой фортификации. № 5, 67

Гусельников Т.А. (Москва, Россия) Иерархия сакральных пространств Храма Девы Марии в Судакской крепости. № 4, 236

Гюль Э.Ф. (Ташкент, Узбекистан) см. **Усманова Э.Р.** (Караганда, Казахстан) № 2, 77

Данич А.В. (Пермь, Россия) см. **Подосёнова Ю.А.** (Пермь, Россия) № 5, 282

Дегтярева А.Д. (Тюмень, Россия), **Кузьминых С.В.** (Москва, Россия) Металл абашевской культуры Среднего Подонья. № 2, 151

Денисов А.В. (Самара, Россия) см. **Волкова Е.В.** (Самара, Россия) №2, 406

Денисов А.В. (Самара, Россия) см. **Волкова Е.В.** Самара, Россия) № 2, 446

Денисов А.В. (Самара, Россия) см. **Лыганов А.В.** (Казань, Россия) №1, 46

Денисов И.В. (Стерлитамак, Россия), **Зубов С.Э., Букина О.В.** (Самара, Россия) Применение 3D-технологий в сфере сохранения и использования археологического наследия. № 5, 74

Дидюлин А.В. (Самара, Россия) см. **Винничек В.А.** (Пенза, Россия) № 3, 138

Дидюлин А.В. (Пенза, Россия) см. **Винничек В.А.** (Пенза, Россия) № 6, 114

Доде З.В. (Ставрополь, Россия) Мамлюки и Золотая Орда сквозь призму текстильной находки 2021 года на Увекском городище. № 3, 280

Дрёмов И.И. (Саратов, Россия), **Круглов Е.В.** (Волгоград, Россия) Курган 5 могильника Кривая Лука XVI и проблема ассимиляции монголов в Золотой Орде. № 3, 243

Дроздова Г.И. (*Казань, Россия*) Научное наследие Р.Г. Фахрутдинова (по материалам фонда № 17 МАРТ ИА АН РТ). №1, 256

Дроздова Г.И. (*Казань, Россия*) Исследования Биляра казанскими археологами в архивных материалах. № 5, 90

Дьякова О.В. (*Москва, Россия*) Даурские памятники Приамурья. № 3, 19

Ермаков С.В. (*Елец, Россия*) см. **Тропин Н.А.** (*Елец, Россия*) № 4, 54

Зеленеев Ю.А. (*Йошкар-Ола, Россия*) см. **Белорыбкин Г.Н.** (*Пенза, Россия*) № 6, 85

Зиливинская Э.Д. (*Москва, Россия*) Благоустройство и санитария в золотоордынских городах. № 3, 196

Зиливинская Э.Д. (*Москва, Россия*) Среднеазиатские параллели в мемориальном зодчестве Мохши. № 6, 122

Зоря Р.С. (*Севастополь, Россия*) Концептуальные взгляды Н.Ф. Калинина на древнейшее прошлое Волго-Камья. № 5, 97

Зубарева М.М. (*Свияжск, Россия*), **Ахметгалин Ф.А.** (*Казань, Россия*) Изразцы с изображением «Свияжской» вазы. №1, 141

Зубов С.Э. (*Самара, Россия*) см. **Денисов И.В.** (*Стерлитамак, Россия*) № 5, 74

Зубов С.Э. (*Самара, Россия*) Воинские пояса Волго-Уралья рубежа эр. № 5, 106

Зубов С.Э. (*Самара, Россия*) см. **Рафикова К.В.** (*Самара, Россия*) № 5, 244

Зубов С.Э., Ронжова С.С. (*Самара, Россия*) Бусинное ожерелье девочки из Западного Приуралья рубежа эр (по материалам раскопок пьяноборского Кипчаковского I курганно-грунтового могильника). № 5, 119

Иванов В.А. (*Уфа, Россия*) Кочевники Золотой Орды и окружающий их мир: парадигма взаимовосприятия. № 3, 125

Иванов В.А. (*Уфа, Россия*) История населения Урало-Поволжья в эпоху раннего железного века (дискурс-анализ исследований XX столетия). № 5, 129

Иванов П.А. (*Пермь, Россия*) см. **Подосёнова Ю.А.** (*Пермь, Россия*) № 5, 282

Иванова Н.В. (*Самара, Россия*) см. **Лыганов А.В.** (*Казань, Россия*) №1, 46

Иванова Н.В. (*Самара, Россия*) см. **Кондрашин В.В.** (*Казань, Россия*) № 2, 313

Измайлов И.Л. (*Казань, Россия*) Знаки-тамги как символы болгарской государственности X – первой трети XIII века. №1, 148

Иконников Д.А., Соболев А.С. (*Пенза, Россия*) Исследование Золотарёвского городища VIII-XIII вв. Михаилом Романовичем Полесских. № 5, 140

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г. (*Кемерово, Россия*) Предметы крепления колчана к поясу из погребений развитого средневековья в Кузнецкой котловине. № 3, 28

Искандерова А.Д., Султанова М.Н. (*Самарканд, Узбекистан*) Орнаментация глазурованной керамики Хорезма (XIII–XIV вв.). № 3, 57

Казаков Е.П. (*Казань, Россия*) Взгляд в прошлое. №1, 160

Казаков Е.П. (*Казань, Россия*) Турбаслинско-именьковская общность: проблемы изучения. № 6, 206

Казанбаева З.З. (*пос. Жезды, Казахстан*) см. **Сураганова З.К.** (*Нур-Султан, Казахстан*) № 2, 115

Калменов М.Д. (*Уральск, Казахстан*), **Ашыгалиев Б.М.** (*Казань, Россия*) Материальная культура городища Жайык (по результатам археологических исследований 2012-2015 гг.). №1, 172

Калменов М.Д., Бижанова А.Е. (*Уральск, Казахстан*), **Ашыгалиев Б.М.** (*Казань, Россия*) Исследования сельских поселений округов золотоордынских городов Запада Казахстана (на примере городища Жайык). № 3, 90

- Каменщиков О.Ю.** (Пермь, Россия) см. **Подосёнова Ю.А.** (Пермь, Россия) № 5, 282
- Кезина С.В.** (Пенза, Россия) см. **Винничек В.А.** (Пенза, Россия) № 6, 114
- Кириченко Д.А.** (Баку, Азербайджанская Республика) Антропологические материалы из «Культового Кургана» (Азербайджанская Республика). №1, 74
- Кириченко Д.А.** (Баку, Азербайджан) Цилиндрическая печать из историко-краеведческого музея г. Джалилабада (Азербайджанская Республика). № 2, 468
- Клещенко А.А.** (Москва, Россия) см. **Авилова Л.И.** (Москва, Россия) № 2, 64
- Ковалева К.С.** (Москва, Россия; Волгоград, Россия) Химический состав цветного металла золотоордынских городов: предварительные данные. № 4, 84
- Коваль В.Ю.** (Москва, Россия) Мусульмане в Средневековой Руси: в поисках неуловимых следов. № 6, 25
- Ковтун И.В.** (Кемерово, Россия) Ранние кочевники андроновской эпохи. № 2, 278
- Кожа М.Б.** (Туркестан, Казахстан) см. **Усманова Э.Р.** (Караганда, Казахстан) № 3, 74
- Козлов Д.А.** (Саранск, Россия) Накладки аскизского типа из мордовского погребения №б Аткарского могильника. № 3, 249
- Кокорина Н.А.** (Москва, Россия) Мои археологические университеты. №1, 285
- Кольченко В.А.** (Бишкек, Кыргызская Республика), **Бездудный В.Г.**, **Тулуш Д.К.**, **Ситдинов А.Г.** (Казань, Россия) Геофизические исследования средневековых городов Чуйской долины в 2021 году. № 6, 37
- Кондрашин В.В.** (Казань, Россия), **Иванова Н.В.**, **Хохлов А.А.**, **Цибин В.А.** (Самара, Россия) Археологический контекст погребений с древнейшей чумой Михайловского II курганного могильника в степном Поволжье. № 2, 313
- Коренюк С.Н.**, **Мингалева М.К.** (Пермь, Россия) Бусы Гляденовского костыща (материалы раскопок 2003–2006 гг.). № 5, 151
- Корж Е.А.** (Ставрополь, Россия), **Шашунова С.М.** (Волгоград, Россия) Шёлковые шапочки бокк из коллекций Волгоградского областного краеведческого музея и Астраханского музея-заповедника. № 4, 20
- Кормилицын Д.В.** (Самара, Россия) см. **Волкова Е.В.** Самара, Россия) № 2, 446
- Король Г.Г.** (Москва, Россия) Особенности декора средневековых ремennых украшений из Минусинской котловины в коллекции И.П. Товостина (Национальный Музей Финляндии, Хельсинки). № 2, 103
- Котеньков С.А.** (Москва, Россия) см. **Соловьёв Д.С.** (Астрахань, Россия) № 3, 304
- Кочанова М.Д.** (Москва, Россия) см. **Алешинская А.С.** (Москва, Россия) № 2, 371
- Кочкаров У.Ю.** (Москва, Россия) см. **Гаглойты Р.Х.** (Цхинвал, Республика Южная Осетия) № 4, 119
- Кочкина А.Ф.** (Самара, Россия) Находка бронзового «уродца» в Самарском Поволжье. №1, 182
- Кочкина А.Ф.** (Самара, Россия) см. **Сташенков Д.А.** (Самара, Россия) № 6, 133
- Кошутин Р.А.** (Москва, Россия) см. **Вальков Д.В.** (Самара, Россия) № 2, 418
- Кравченко С.А.** (Азов, Россия) см. **Юдин Н.И.** (Азов, Россия) № 4, 147
- Кравченко Э.Е.** (Казань, Россия) Новые сведения о находках чугуна на золотоордынских памятниках Донецкого региона. № 4, 198
- Кравченко Э.Е.** (Казань, Россия) Мусульмане хазарского времени на Северском Донце: археологические свидетельства и вопросы их интерпретации. № 6, 59
- Крамаровский М.Г.** (Санкт-Петербург, Россия), **Сейдалиев Э.И.** (Симферополь, Россия; Казань, Россия) Мечеть Куршун-Джами (Крым, XIV в.) и сельджукская традиция Анатолии. № 4, 242

- Красновских М.П.** (*Пермь, Россия*) см. **Подосёнова Ю.А.** (*Пермь, Россия*) № 5, 282
- Кройтор Е.А.** (*Казань, Россия*) Средневековые пластинчатые браслеты с изображениями кошачьих. Вопросы датировки. №1, 189
- Круглов Е.В.** (*Волгоград, Россия*) см. **Дрёмов И.И.** (*Саратов, Россия*) № 3, 243
- Крыгин А.П.** (*Алматы, Казахстан*) см. **Марыксин Д.В.** (*Алматы, Казахстан*) № 3, 98
- Крыласова Н.Б.** (*Пермь, Россия*) Ассортимент украшений из легкоплавких сплавов на основе олова в материалах Родановской археологической культуры. № 5, 164
- Крыласова Н.Б.** (*Пермь, Россия*) см. **Подосёнова Ю.А.** (*Пермь, Россия*) № 5, 282
- Кубанкин Д.А.** (*Саратов, Россия*) Золотоордынский город Укек по данным археологических исследований 2005–2021 гг. № 3, 264
- Кузин-Лосев В.И.** (*Донецк*) Выделение социальных элит Северной Евразии с позиций форм сознания. № 5, 178
- Кузнецов П.Ф.** (*Самара, Россия*) см. **Волкова Е.В.** (*Самара, Россия*) №2, 406
- Кузьминых С.В.** (*Москва, Россия*) Археологическому кружку Казанского университета – 25 лет (воспоминания очевидца). №1, 278
- Кузьминых С.В.** (*Москва, Россия*) Маклашеевка и постмаклашеевка: кельты финала бронзового века. № 2, 245
- Кузьминых С.В.** (*Москва, Россия*) см. **Дегтярева А.Д.** (*Тюмень, Россия*) № 2, 151
- Кузьминых С.В.** (*Москва, Россия*), **Труфанов А.Я.** (*Екатеринбург, Россия*), **Рассомахин М.А.** (*Миасс, Россия*), **Мызников С.А.** (*Екатеринбург, Россия*) Бронзовый кельт раннего железного века с верховьев р. Конды. №2, 452
- Куклина А.А.** (*Казань, Россия*) Трансформация подходов к изучению неполивной керамики (на примере средневековой массовой керамики с памятников Поволжья). №1, 195
- Куклина А.А.** (*Казань, Россия*) К вопросу о различиях местной гончарной керамики Болгара раннего и позднего золотоордынского периодов. № 3, 163
- Куклина А.А.** (*Казань, Россия*) Материальная культура Волжской Булгарии в коллекции Музея Археологии РТ. № 5, 192
- Кузьмина И.Р.** (*Казань, Россия*) От археологических разведок до междисциплинарных научных исследований памятников Острова-града Свияжск в 1990-х–2000-х гг. № 6, 329
- Курьшова Н.П.** (*Казань, Россия*) Стекланные подвески в виде водоплавающей птицы с территории Волго-Донского региона (XIII–XIV вв.). № 4, 89
- Лапшина И.Ю.** (*Волгоград, Россия*) К вопросу о локализации Ак и Кок Орды. № 3, 132
- Лебединский В.В.** (*Севастополь, Россия*) см. **Гончаров Е.Ю.** (*Москва, Россия*) № 6, 201
- Лифанов Н.А.** (*Самара, Россия*) Каменнодольская находка: к вопросу о заволжском отрезке «мадьярского пути на запад». № 5, 199
- Лифанов Н.А.** (*Казань, Россия*) Селище Брусяны III – средневековое поселение на Самарской Луке (раскопки 2018 г.) № 6, 227
- Лобода А.Ю.** (*Москва, Россия*) см. **Шишлина Н.И.** (*Москва, Россия*) № 2, 168
- Ломакин Д. А., Айбабина Е. А.** (*Симферополь, Россия*) Беседка Селямет Герая в Бахчисарайском Дворцовом комплексе. № 4, 274
- Лопан О.В.** (*Казань, Россия*) см. **Волков И.В.** (*Казань, Россия*) № 6, 14
- Лыганов А.В.** (*Казань, Россия*) см. **Морозов В.В.** (*Москва, Россия*) №1, 8
- Лыганов А.В., Саттаров Р.Р.** (*Казань, Россия*), **Денисов А.В., Иванова Н.В.** (*Самара, Россия*) Селище Озеро Белое I позднего бронзового века в Самарском Поволжье. №1, 46

Лыганов А.В. (Казань, Россия), **Морозов В.В.**, **Смирнов А.Л.** (Москва, Россия), **Храмченкова Р.Х.** (Казань, Россия) Поселение Игимский Бор I – новый памятник Сейминско-Турбинского хронологического горизонта (предварительные результаты исследований). № 5, 207

Майко В.В. (Симферополь, Россия) Штрихи к портрету материальной культуры Солхата (на примере охранных раскопок 2011 г.). № 6, 293

Мамаев Р.Х. (Грозный, Россия) см. **Гаглойты Р.Х.** (Цхинвал, Республика Южная Осетия) № 4, 119

Мартинес-Наваррете М.И., **Монтеро-Руис И.** (Мадрид, Испания), **Ровира-Льоренс С.** (Бенифайо, Испания), **Висент-Гарсия Х.М.** (Мадрид, Испания) “Испанцы в шахтах”: Сергею Владимировичу Кузьминых посвящается. № 2, 9

Марыксин Д.В. (Алматы, Казахстан), **Попов П.В.** (Астрахань, Россия), **Крыгин А.П.** (Алматы, Казахстан) Работы на городище Кызылкала в 2021 году и предварительный анализ керамического материала. № 3, 98

Масловский А.Н. (Азов, Россия) Золотоордынский Азак во время правления Тохтамыша (1381–1395 гг.), № 4, 185

Масловский А.Н. (Азов, Россия) см. **Бочаров С.Г.** (Севастополь, Россия), № 4, 98

Мерц В.К. (Павлодар, Казахстан) см. **Усманова Э.Р.** (Караганда, Казахстан) № 2, 77

Мимоход Р.А. (Москва, Россия) Средневожжская абашевская культура и культура колоколо-видных кубков: наброски к семейному портрету. № 2, 122

Минаев А.П. (Азов, Россия) Каменные архитектурные детали золотоордынского Азака. № 4, 155

Мингалева М.К. (Пермь, Россия) см. **Коренюк С.Н.** (Пермь, Россия) № 5, 151

Мирзаахмедов С.Д. (Ташкент, Узбекистан) Ранние рабаты-каравансараи Бухары на границах кочевой степи (по материалам городища Пайкенд). №3, 44

Мирсияпов И.Ю. (Казань, Россия) см. **Бездудный В.Г.** (Казань, Россия) № 3, 314

Митряков А.Е. (Ижевск, Россия) см. **Черных Е.М.** (Ижевск, Россия) № 2, 88

Могаричев Ю.М. (Симферополь, Россия) Пещерные церкви горного Юго-Западного Крыма XIII–XIV вв. как отражение политической, культурной и религиозной ситуации в регионе. № 4, 259

Мойсова Е.Д. (Азов, Россия) Изображение птиц на поливной керамике производства Юго-Восточного Крыма из раскопок Азака. № 4, 176

Мокрушин И.Г. (Пермь, Россия) см. **Подосёнова Ю.А.** (Пермь, Россия) № 5, 282

Молодин В.И. (Новосибирск, Россия) Некоторые знаковые маркеры одиновской культуры. № 2, 53

Монтеро-Руис И. (Мадрид, Испания) см. **Мартинес-Наваррете М.И.** (Мадрид, Испания) № 2, 9

Морозов В.В. (Москва, Россия), **Лыганов А.В.** (Казань, Россия), **Выборнов А.А.** (Самара, Россия), **Смирнов А.Л.** (Москва, Россия), **Батуева Н.С.** (Пермь, Россия) Муллинское II поселение в Икско-Бельском междуречье: материальная культура, стратиграфия и радиоуглеродная хронология. №1, 8

Морозов В.В. (Москва, Россия) см. **Лыганов А.А.** (Казань, Россия) № 5, 207

Мочалов О.Д. (Самара, Россия) см. **Волкова Е.В.** (Самара, Россия) №2, 406

Мызников С.А. (Екатеринбург, Россия) см. **Кузьминых С.В.** (Москва, Россия) №2, 452

Мыц В.Л. (Санкт-Петербург, Россия) Амфоры-голосники из храма Иоанна Предтечи в Керчи и проблема датировки памятника. № 4, 206

Набиуллин Н.Г., **Салахатдинова Г.Т.** (Казань, Россия) Из истории исследований археологических памятников средневекового и Нового времени г. Набережные Челны. № 5, 217

Нарожный В.Е. (*Армавир, Россия*) см. **Гаглойты Р.Х.** (*Цхинвал, Республика Южная Осетия*) № 4, 119

Нарожный Е.И. (*Карачаевск, Россия*) см. **Гаглойты Р.Х.** (*Цхинвал, Республика Южная Осетия*) № 4, 119

Нарожный Е.И. (*Карачаевск, Россия*) Городище «Нижний Джулат» в Кабардино-Балкарии. № 4, 136

Недашковская Н.И. (*Казань, Россия*) см. **Волков И.В.** (*Казань, Россия*) № 6, 344

Недашковский Л.Ф. (*Казань, Россия*) см. **Волков И.В.** (*Казань, Россия*) № 6, 344

Недашковский Л.Ф., Шигапов М.Б. (*Казань, Россия*) Железные Предметы с Багаевского селища. №1, 202

Недашковский Л.Ф., Шигапов М.Б. (*Казань, Россия*) Железные предметы с Багаевского селища (часть 2). № 3, 288

Неделькин Е.В., Гинькут Н.В. (*Севастополь, Россия*) Археологические исследования крепости Чоргунский Исар (Юго-Западный Крым) в 2019 году. № 6, 268

Нигамаев А.З. (*Елабуга, Россия*) Средневековое оружие ближнего боя из фондов музеев Елабуги. № 5, 227

Никитин В.В. (*Йошкар-Ола, Россия*), **Выборнов А.А.** (*Самара, Россия*) Рецензия на монографию: Березина Н. С. Каменный век Чувашия // Археология Евразийских Степей. Казань. 2021. № 1. 261 с. №1, 292

Никитина Т.Б. (*Йошкар-Ола, Россия*) Конские принадлежности в могильниках Ветлужско-Вятского междуречья. № 5, 235

Новиков А.В. (*Кострома, Россия*) Культурная трансформация на Верхней Волге в раннем железном веке. № 2, 382

Нуретдинова А.Р. (*Казань, Россия*) см. **Валиулина С.И.** (*Казань, Россия*) №1, 93

Обухов Ю.Д. (*Элиста, Россия*) см. **Бочаров С.Г.** (*Севастополь, Россия*) №4, 110

Обухов Ю.Д. (*Элиста, Россия*) см. **Бочаров С.Г.** (*Севастополь, Россия*) № 6, 97

Овечкина Л.В. (*Казань, Россия*) см. **Бездудный В.Г.** (*Казань, Россия*) № 3, 314

Озеров В.В. (*Лаишево, Россия*) Актуальные вопросы сохранения объектов культурного наследия. №1, 213

Окороков К.С. (*Москва, Россия*) см. **Сиротин С.В.** (*Москва, Россия*) № 5, 271

Ольговский С.Я. (*Киев, Украина*) Ольвийские дельфины и проблема связей Нижнего Побужья с Волго-Уралем. № 2, 460

Онгарулы А. (*Алматы, Республика Казахстан*) см. **Ситдииков А.Г.** (*Казань, Россия*) № 6, 348

Пальцева Д.У. (*Астрахань, Россия*) Булгарские костяные детали снаряжения коня и всадника X–XIV вв. №1, 220

Панюшкина И.П. (*Тусон, США*) см. **Усманова Э.Р.** (*Караганда, Казахстан*) № 3, 74

Патрушев В.С. (*Йошкар-Ола, Россия*) Археологический кружок Марийского государственного университета. №1, 269

Петров П.Н. (*Алматы, Казахстан*) см. **Бугарчев А.И.** (*Казань, Россия*) № 5, 19

Пигарёв Е.М. (*Йошкар-Ола, Россия; Казань, Россия*) 100 лет с начала научного изучения Селитренного городища (некоторые итоги и выводы). № 4, 28

Пигарёв Е.М. (*Йошкар-Ола, Россия; Казань, Россия*) Формирование на Нижней Волге столичного центра Улуса Джучи в эпоху правления хана Узбека (анализ нумизматического материала). № 3, 295

Пигарев Е.М. (*Йошкар-Ола, Россия; Казань, Россия*) см. **Бездудный В.Г.** (*Казань, Россия*) № 3, 314

- Пигарев Е.М.** (*Йошкар-Ола, Россия*) см. **Бездудный В.Г.** (*Казань, Россия*) № 6, 144
- Пинигин Г.В.** (*Москва, Россия*) см. **Вальков Д.В.** (*Самара, Россия*) № 2, 418
- Платонов В.И.** (*Самара, Россия*) см. **Волкова Е.В.** (*Самара, Россия*) № 2, 446
- Подосёнова Ю.А., Данич А.В., Крыласова Н.Б., Каменщиков О.Ю., Иванов П.А., Красновских М.П., Мокрушин И.Г.** (*Пермь, Россия*) Деревянные ножны с металлическими обкладками из баяновского могильника Ломоватовской археологической культуры: результаты химико-технологического исследования. № 5, 282
- Поляков А.В.** (*Санкт-Петербург, Россия*) см. **Ситдииков А.Г.** (*Казань, Россия*) № 6, 348
- Попов П.В.** (*Астрахань, Россия*) см. **Марыксин Д.В.** (*Алматы, Казахстан*) № 3, 98
- Раимкулов А.А.** (*Самарканд, Узбекистан*) Древние и средневековые кочевнические города Кашкадарьи (*Узбекистан*). № 3, 36
- Рассомахин М.А.** (*Миасс, Россия*) см. **Кузьминых С.В.** (*Москва, Россия*) №2, 452
- Рафикова К.В., Букина О.В., Зубов С.Э.** (*Самара, Россия*) Виртуальный музей археологии: архитектура музейного пространства. № 5, 244
- Ровира-Льоренс С.** (*Бенифайо, Испания*) см. **Мартинес-Наваррете М.И.** (*Мадрид, Испания*) № 2, 9
- Ронжова С.С.** (*Самара, Россия*) см. **Зубов С.Э.** (*Самара, Россия*) № 5, 119
- Руденко К.А.** (*Казань, Россия*) Пойменные поселения Западного Закамья в XI – начале XV в. и кочевники. № 3, 175
- Руденко К.А.** (*Казань, Россия*) О ремесленном производстве на болгарских селищах XI – начала XIII в.. № 5, 254
- Русланов Е.В.** (*Уфа, Россия*) Мавзолей Бэндэбикэ – статусный погребальный памятник с территории улуса Шибана: история изучения и окружающий контекст. № 3, 106
- Русланов Е.В.** (*Уфа, Россия*) Горновский археологический комплекс золотоордынского времени в Предуралье: к 60-летию научного изучения. № 6, 253
- Русланова Р.Р.** (*Уфа, Россия*) Средневековые бусы кургана №1 могильника Кусимово-3 в Южном Зауралье. № 6, 240
- Савенко С.Н.** (*Пятигорск, Россия*) О малоизвестном бытовом комплексе золотоордынского времени во въездной зоне города Кисловодска (Северный Кавказ). № 4, 128
- Сайпов С.Т.** (*Нукус, Узбекистан*) Кухонная посуда Южного Приаралья в золотоордынское время. № 3, 81
- Салахатдинова Г.Т.** (*Казань, Россия*) см. **Набиуллин Н.Г.** (*Казань, Россия*) № 5, 217
- Салугина Н.П.** (*Самара, Россия*) см. **Волкова Е.В.** (*Самара, Россия*) №2, 406
- Саттаров Р.Р.** (*Казань, Россия*) см. **Лыганов А.В.** (*Казань, Россия*) №1, 46
- Саттаров Р.Р.** (*Казань, Россия*) см. **Ситдииков А.Г.**, (*Казань, Россия*) №1, 237
- Саттаров Р.Р.** (*Казань, Россия*) см. **Ситдииков А.Г.** (*Казань, Россия*) № 6, 348
- Сафонов И.Е.** (*Воронеж, Россия*) см. **Сурков А.В.** (*Воронеж, Россия*) № 2, 341
- Сейдалиев Э.И.** (*Симферополь, Россия; Казань, Россия*) Мавзолей-дюрбе городища Солхат (XIII–XVIII вв.) по материалам исследований Старокрымской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. № 4, 250
- Сейдалиев Э.И.** (*Симферополь, Россия; Казань, Россия*) см. **Крамаровский М.Г.** (*Санкт-Петербург, Россия*), № 4, 242
- Сериков Ю.Б.** (*Нижний Тагил, Россия*) Балакино I – памятник бронзового века в окрестностях Нижнего Тагила (Среднее Зауралье). № 2, 302
- Сингатуллина А.З.** (*Казань, Россия*) см. **Бугарчев А.И.** (*Казань, Россия*) № 5, 19

Сиротин С.В., Богачук Д.С., Окорочков К.С. (Москва, Россия) Западные и восточные импорты в комплексах кургана 1 группы «Студеникин Мар» некрополя «Студеникин Мар – Высокая Могила» в Южном Приуралье. № 5, 271

Ситдииков А.Г. (Казань, Россия) см. **Валиев Р.Р.** (Казань, Россия) № 3, 272

Ситдииков А.Г. (Казань, Россия) см. **Бездудный В.Г.** (Казань, Россия) № 3, 314

Ситдииков А.Г., Саттаров Р.Р., Асылгараева Г.Ш. (Казань, Россия) Общие сведения о научной деятельности Института археологии имени А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстана в 2021 году. №1, 237

Ситдииков А.Г. (Казань, Россия) см. **Ахметгалин Ф.А.** (Казань, Россия) № 6, 76

Ситдииков А.Г. (Казань, Россия) см. **Белорыбкин Г.Н.** (Пенза, Россия) № 6, 85

Ситдииков А.Г. (Казань, Россия) см. **Бездудный В.Г.** (Казань, Россия) № 6, 144

Ситдииков А.Г. (Казань, Россия) см. **Кольченко В.А.** (Бишкек, Кыргызская Республика) № 6, 37

Ситдииков А.Г. (Казань, Россия) см. **Волков И.В.** (Казань, Россия) № 6, 344

Ситдииков А.Г. (Казань, Россия), **Онгарулы А.** (Алматы, Республика Казахстан), **Воякин Д.А.** (Самарканд, Узбекистан), **Поляков А.В.** (Санкт-Петербург, Россия), **Саттаров Р.Р.** (Казань, Россия) V Международный конгресс археологии евразийских степей «Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда». № 6, 348

Смирнов А.Л. (Москва, Россия) см. **Лыганов А.А.** (Казань, Россия) № 5, 207

Смирнов А.Л. (Москва, Россия) см. **Морозов В.В.** (Москва, Россия) №1, 8

Соболь А.С. (Пенза, Россия) см. **Иконников Д.А.** (Пенза, Россия) № 5, 140

Соловьёв Д.С. (Астрахань, Россия), **Котеньков С.А.** (Москва, Россия) Находки раннесредневековых пифосов-кувшинов в дельте Волги. № 3, 304

Соловьева Л.Н. (Москва, Россия) см. **Усманова Э.Р.** (Караганда, Казахстан) № 3, 74

Солошенко Н.Г. (Екатеринбург, Россия) см. **Шишлина Н.И.** (Москва, Россия) № 2, 168

Спиридонова Е.А. (Москва, Россия) см. **Алешинская А.С.** (Москва, Россия) № 2, 371

Ставицкий В.В. (Пенза, Россия) История изучения примокшанской группы мордовских могильников золотоордынского времени. № 6, 155

Ставицкий В.В. (Пенза, Россия) Рецензия на монографию: Вихляев В. И., Петербургский И. М., Седышев О. В. Древние и средневековые поселения мордвы. Саранск: Морд. университет, 2013. 216 с. № 6, 339

Сташенков Д.А., Кочкина А.Ф. (Самара, Россия) Кочевое население Самарского Поволжья в эпоху Золотой Орды. № 6, 133

Степанов О.В. (Казань, Россия) см. **Бугарчев А.И.** (Казань, Россия) № 6, 8

Степанов Р.А. (Казань, Россия) см. **Валиев Р.Р.** (Казань, Россия) № 5, 26

Сулейменов М.Г. (Кемерово, Россия) см. **Илюшин А.М.** (Кемерово, Россия) № 3, 28

Султанова М.Н. (Самарканд, Узбекистан) см. **Искандерова А.Д.** (Самарканд, Узбекистан) № 3, 57

Сураганова З.К. (Нур-Султан, Казахстан), **Казанбаева З.З.** (пос. Жезды, Казахстан) Культ кузнеца у казахов: традиционные представления, ритуальные, мифологические и фольклорные аспекты. № 2, 115

Сурков А.В., Сафонов И.Е. (Воронеж, Россия) Поселения финальной бронзы в Среднем Подонье. № 2, 341

Таймазов А.И. (Махачкала, Россия) Кремневый инвентарь местонахождения Айникаб 5 на Северо-Восточном Кавказе. № 6, 167

Тихонов С.С. (Омск, Россия) О находках наконечников копий сейминско-турбинского типа в Омской области. № 2, 180

Тропин Н.А., Ермаков С.В. (Елец, Россия) Находка монгольского доспеха в округе Ельца. № 4, 54

Труфанов А.Я. (Екатеринбург, Россия) см. **Кузьминых С.В.** (Москва, Россия) №2, 452

Тулуш Д.К. (Казань, Россия) см. **Кольченко В.А.** (Бишкек, Кыргызская Республика) № 6, 37

Урбушев А.У. (Казань, Россия) Наскальные изображения Сетерлю-1 (Центральный Алтай). № 6, 218

Усачук А.Н. (Донецк, Украина) «Вновь нам Каргалы подкинули массу сюрпризов...» (заметки о сезоне 2002 года). № 2, 24

Ускенбай К.З. (Алматы, Казахстан) см. **Усманова Э.Р.** (Караганда, Казахстан) № 3, 74

Усманова Э.Р. (Караганда, Казахстан), **Мерц В.К.** (Павлодар, Казахстан), **Гюль Э.Ф.** (Ташкент, Узбекистан), **Антонов М.А.** (Алматы, Казахстан) Головной убор, ритуал и гендерная символика (реконструкция по материалам эпохи бронзы могильника Ново-Ябалаклинский 1). № 2, 77

Усманова Э.Р. (Караганда, Казахстан), **Ускенбай К.З.** (Алматы, Казахстан), **Кожа М.Б.** (Туркестан, Казахстан), **Панюшкина И.П.** (Тусон, США), **Соловьева Л.Н.** (Москва, Россия), **Ахатов Г.А.** (Алматы, Казахстан) Мавзолей Джучи-хана: реалии, легенды и обряд. № 3, 74

Ушаков С.В., Байбуртский А.М. (Симферополь, Россия) Средневековый Херсонес в второй половине XIII в.: город, поселок, торговый пункт? № 4, 264

Хазиев А.И. (Казань, Россия) см. **Ахметгалин Ф.А.** (Казань, Россия) № 4, 44

Халиков И.А. (Казань, Россия) Отграничение археологических предметов от клада, находки. № 5, 298

Харламов П.В. (Оренбург, Россия) Уникальные предметы вооружения эпохи средневековья из Оренбургской области. № 3, 114

Хвостиков В.А. (Черноголовка, Россия) см. **Шишлина Н.И.** (Москва, Россия) № 2, 168

Хохлов А.А. (Самара, Россия) см. **Кондрашин В.В.** (Казань, Россия) № 2, 313

Хохлов А.А. (Самара, Россия) см. **Газимзянов И.Р.** (Казань, Россия) № 3, 190

Храмченкова Р.Х. (Казань, Россия) см. **Лыганов А.А.** (Казань, Россия) № 5, 207

Хузин Ф.Ш. (Казань, Россия) см. **Акынды М.** (Анталья, Турция) № 5, 8

Цибин В.А. (Самара, Россия) см. **Кондрашин В.В.** (Казань, Россия) № 2, 313

Цыбин М.В. (Воронеж, Россия) Таганский комплекс памятников золотоордынского времени на р. Битюг. № 4, 62

Чемякин Ю.П. (Екатеринбург, Россия) Кулайское погребение в лодке на Барсовой Горе. № 1, 436

Черных Е.М., Митряков А.Е. (Ижевск, Россия) Новые находки предметов изобразительного искусства из ареала ананьинской КИО в Среднем Прикамье. № 2, 88

Чижевский А.А. (Казань, Россия) см. **Алешинская А.С.** (Москва, Россия) № 2, 371

Чичко Т.В. (Астрахань, Россия) см. **Васильев Д.В.** (Астрахань, Россия) № 4, 8

Шайхутдинова Е.Ф. (Казань, Россия) см. **Бугарчев А.И.** (Казань, Россия) № 3, 169

Шайхутдинова Е.Ф. (Казань, Россия) см. **Бугарчев А.И.** (Казань, Россия) № 5, 19

Шашунова С.М. (Волгоград, Россия) см. **Корж Е.А.** (Ставрополь, Россия) № 4, 20

Шигапов М.Б. (Казань, Россия) см. **Недашковский Л.Ф.** (Казань, Россия) №1, 202

Шигапов М.Б. (Казань, Россия) см. **Недашковский Л.Ф.** (Казань, Россия) № 3, 288

Шпилов А.В. (*Казань, Россия*) Характеристика комплексов эпохи неолита, палеометалла и раннего железного века Берёзовогривско-Алексеевского III поселения в Нижнем Прикамье. №1, 60

Шишлина Н.И., Лобода А.Ю. (*Москва, Россия*), **Солошенко Н.Г.** (*Екатеринбург, Россия*), **Хвостиков В.А.** (*Черноголовка, Россия*) Копья Турбинского могильника: состав металла и технология изготовления. № 2, 168

Юдин Н.И. (*Азов, Россия*) О локализации местоположения мечетей Азака на основании эпиграфических находок. № 4, 167

Юдин Н.И., Кравченко С.А. (*Азов, Россия*) К характеристике гончарного ремесла Азака начала XIV века (по материалам раскопок мастерской по пер. Социалистическому 53, в г. Азове в 2015 году). № 4, 147

Юзеев А.Н. (*Казань, Россия*) Арабский географ ал-Идриси (XII в.) о тюркских народах Средней Азии (продолжение). №1, 230

Юзеев А.Н. (*Казань, Россия*) Арабский географ ал-Идриси (XII в.) о тюркских народах Средней Азии. № 5, 315

Яблоков А.Г. (*Воронеж, Россия*) Памятники золотоордынского времени в низовьях р. Воронеж. № 4, 68

Яворская Л.В. (*Москва, Россия*) К проблеме обеспечения мясными продуктами золотоордынских городов Нижней Волги: новые исследования археозоологических коллекций. № 4, 13

Яворская Л.В. (*Москва, Россия*) см. **Бочаров С.Г.** (*Севастополь, Россия*) № 4, 228

Яковлева Е.С. (*Челябинск, Россия*) Обустройство жилого пространства в нео-энеолите Южного Зауралья. № 6, 175

Янхунен Ю.А. (*Хельсинки, Финляндия*) Великое прошлое малых народов (на примере самодийцев). № 2, 283

Martínez Navarrete M.I. (*Madrid, Spain*) см. **Vicent García J.M.** (*Madrid, Spain*) № 2, 290

Montero-Ruiz I. (*Madrid, Spain*), **Rovira-Llorens S.** (*Benifaió, Spain*) Early copper mining in the Iberian Peninsula: state of the art. № 2, 194

Parpola Asko (*Helsinki, Finland*) Location of the Uralic proto-language in the Kama River Valley and the Uralic speakers' Expansion east and west with the 'Sejma-Turbino transcultural phenomenon' 2200-1900 BC. № 2, 258

Rovira-Llorens S. (*Benifaió, Spain*) см. **Montero-Ruiz I.** (*Madrid, Spain*) № 2, 194

Vicent García J.M., Martínez Navarrete M.I. (*Madrid, Spain*) Paleogenomics and Archaeology: recent debates about the spread of steppe ancestry in Westernmost Europe. № 2, 290

INDEX OF THE AUTHORS 2022

Adamov A.A. (*Tobolsk, Russian Federation*) The Iron Key from the Isker Settlement. To The Issue of a New Type of Medieval Padlocks. **No 6, 320**

Aibabina E.A. (*Simferopol, Russian Federation*) look **Lomakin D.A.** (*Simferopol, Russian Federation*) **No 4, 274**

Arkhipenko A.A. (*Simferopol, Russian Federation*) look **Vinnichuk V.A.** (*Penza, Russian Federation*) **No 6, 105**

Akhatov G.A. (*Almaty, Kazakhstan*) look **Usmanova E.R.** (*Karaganda, Kazakhstan*) **No 3, 74**

Akhmedov I.R. (*Saint Petersburg, Russian Federation*) look **Azarov E.S.** (*Moscow, Russian Federation*) **No 2, 356**

Akhmetgalin F.A. (*Kazan, Russian Federation*) Archaeological Studies of the Kasimov Khanate Capital. **No 5, 305**

Akhmetgalin F.A. (*Kazan, Russian Federation*) look **Zubareva M.M.** (*Sviyazhsk, Russian Federation*) **No 1, 141**

Akhmetgalin F.A., Sitdikov A.G. (*Kazan, Russian Federation*) Study of the Material Culture of the Volga-Oka Region During the Middle Ages: preliminary results and research prospects. **No 6, 76**

Akhmetgalin F.A., Khaziev A.I. (*Kazan, Russian Federation*), **Gribov N.N.** (*Moscow, Russian Federation*) Ceramics of the Old Posad of the City of Kasimov (based on research materials of 2009–2018). **No 4, 44**

Akynjy M. (*Antalya, Turkey*), **Khuzin F.Sh.** (*Kazan, Russian Federation*) Early Islam in Volga Bulgaria in the Studies of E.A. Khalikova and A.Kh. Khalikov (to the 1100th anniversary of the official adoption of Islam by the Bulgarian ancestors of the Volga Tatars). **No 5, 8**

Aleshinskaya A.S. (*Moscow, Russian Federation*), **Chizhevsky A.A.** (*Kazan, Russian Federation*), **Spiridonova E.A., Kochanova M.D.** (*Moscow, Russian Federation*) Maklasheevka II Hillfort, Palynological Aspect. **No 2, 371**

Andreev S.I. (*Tambov, Russian Federation*) Russian-Golden Horde Borderland and on the Oka-Don Plain. **No 4, 73**

Antipina E.E. (*Moscow, Russian Federation*) “Under The Sign of a Hornless Cow...” – Revisiting the Osteological Collection from the Gorny Settlement. **No 2, 40**

Antonov M.A. (*Almaty, Republic of Kazakhstan*) look **Usmanova E.R.** (*Karaganda, Republic of Kazakhstan*) **No 2, 77**

Artemieva N.G., Artemieva P.A. (*Vladivostok, Russian Federation*) Bronze Weight Inscribed with Kublai Khan’s Era Name from Primorye. **No 3, 8**

Artemieva P.A. (*Vladivostok, Russian Federation*) look **Artemieva N.G.** (*Vladivostok, Russian Federation*) **No 3, 8**

Ashygaliev B.M. (*Kazan, Russian Federation*) look **Kalmenov M.D.** (*Uralsk, Kazakhstan*) **No 1, 172**

Ashygaliev B.M. (*Kazan, Russian Federation*) look **Kalmenov M.D.** (*Uralsk, Kazakhstan*) **No 3, 90**

Ashygaliev B.M. (*Kazan, Russian Federation*) About the Creation of an Open Air Museum in the Territory of the Medieval City of Zhayik. **No 1, 86**

Asylgaraeva G.Sh. (*Kazan, Russian Federation*) look **Sitdikov A.G.** (*Kazan, Russian Federation*). **No 1, 237**

Avilova L.I., Gey A.N., Kleshchenko A.A. (*Moscow, Russian Federation*) Headdresses, Headbands, Diadems: continuity of traditions in eneolithic and bronze age. **No 2, 64**

Azarov E.S. (*Moscow, Russian Federation*), **Akhmedov I.R.** (*Saint Petersburg, Russian Federation*) Hoard of the Early Iron Age near Odoevskie Gory Village in the Middle Oka Region. **No 2, 356**

Babenko V.A. (*Stavropol, Russian Federation*) Localization of the Settlement of the Hillfort of Madjary and Its Topography Based on Archival Materials of the XVIII–XIX Centuries. **No 4, 104**

Babenko V.A. (*Stavropol, Russian Federation*) Burials of the Nomadic Elite from the Barrow Field "Aigursky-1" in the North-East of the Stavropol Region **No 6, 303**

Badeev D.Yu. (*Moscow, Russian Federation*) Potters' Districts in Bolgar of the Golden Horde Period. **No 3, 157**

Batueva N.S. (*Perm, Russian Federation*) look **Morozov V.V.** (*Moscow, Russian Federation*) **No 1, 8**

Bayburtsky A.M. (*Simferopol, Russian Federation*) look **Ushakov S.V.** (*Simferopol, Russian Federation*) **No 4, 264**

Belorybkin G.N. (*Penza, Russian Federation*) Archaeological Circle – Time to Be Surprised. **No 1, 288**

Belorybkin G.N. (*Penza, Russian Federation*), **Zeleneyev Yu.A.** (*Yoshkar-Ola, Russian Federation*), **Sitdikov A.G.** (*Kazan, Russian Federation*) The Main Results of the Archaeological Study of Narovchat Settlement (the City of Mukhshi) and Its Outskirts. **No 6, 85**

Bezudny V.G., Vafina G.Kh., Mirsiyapov I.Yu., Ovechkina L.V. (*Kazan, Russian Federation*), **Pigarev E.M.** (*Yoshkar-Ola, Russian Federation; Kazan, Russian Federation*), **Sitdikov A.G.** (*Kazan, Russian Federation*) Preliminary Results of Non-Contact Studies of the Lapas Complex of Mausoleums. **No 3, 314**

Bezudny V.G. (*Kazan, Russian Federation*), **Pigarev E.M.** (*Yoshkar-Ola, Russian Federation*), **Sitdikov A.G.** (*Kazan, Russian Federation*) Magnetometrical Studies of the Golden Horde Sites in the Lower Volga Region. **No 6, 144**

Bezudny V.G. (*Kazan, Russian Federation*) look **Kolchenko V.A.** (*Bishkek, Kyrgyz Republic*) **No 6, 37**

Bityukov V. S. (*Voronezh, Russian Federation*) The Territory of Divnogorye in the Golden Horde Period. **No 4, 80**

Bizhanova A.E. (*Uralsk, Kazakhstan*) look **Kalmenov M.D.** (*Uralsk, Kazakhstan*) **No 3, 90**

Bobrov V.V. (*Kemerovo, Russian Federation*) The Eastern Peripheral of the Area of the Seyminsky-Turbinskaya Tradition of Metalworking in the Late Bronze and Early Iron Ages. **No 2, 186**

Bocharov S.G. (*Sevastopol, Russian Federation*), **Maslovskiy A.N.** (*Azov, Russian Federation*) Periodization of Urban Development in the Golden Horde State. **No 4, 98**

Bocharov S.G. (*Sevastopol, Russian Federation*), **Obukhov Yu. D.** (*Elista, Russian Federation*) Stratigraphy of the Golden Hoard Town of Madzhar. First Observations. **No 4, 110**

Bocharov S.G. (*Sevastopol, Russian Federation*), **Yavorskaya L.V.** (*Moscow, Russian Federation*) Rural Settlements of Crimea in the Golden Hord Period: current stage of research. **No 4, 228**

Bocharov S.G. (*Sevastopol, Russian Federation*), **Obukhov Yu.D.** (*Elista, Russian Federation*) Finds of Coins, Minted in Medieval Mukhshi City on the Majar Settlement and Sites of Its Nearest District. **No 6, 97**

Bogachuk D.S. (*Moscow, Russian Federation*) look **Sirotnin S.V.** (*Moscow, Russian Federation*) **No 5, 271**

Bogdanov S. V. (*Orenburg, Russian Federation*) Characteristics of Ore Protolith in Bronze Age Metallurgy of Steppe Cis-Urals. **No 2, 206**

Bolshakova N.V. (*Samara, Russian Federation*) look **Valkov D.V.** (*Samara, Russian Federation*) **No 2, 418**

Bugarchev A.I. (*Kazan, Russian Federation*), **Petrov P.N.** (*Almaty, Republic of Kazakhstan*), **Singatulina A.Z., Shaikhutdinova E.F.** (*Kazan, Russian Federation*) Khan Barak Coins of the XV Century of the Bulgarian Mint (based on the materials of the hoard "Karaulnaya Gora"). **No 5, 19**

Bugarchev A.I., Shaykhutdinova E.F. (*Kazan, Russian Federation*) Numismatic Complex from Rozhdestveno Village (Tatarstan) Based on the Materials of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. **No 3, 169**

Bugarchev A.I., Stepanov O.V. (*Kazan, Russian Federation*) About the Bulgarian Coins of Mengu-Timur with the Title "An-Nasir Li-Din Allah" (1266–1272). **No 6, 8**

Bukina O.V. (*Samara, Russian Federation*) look **Denisov I.V.** (*Sterlitamak, Russian Federation*) **No 5, 74**

Bukina O.V. (*Samara, Russian Federation*) look **Rafikova K.V.** (*Samara, Russian Federation*) **No 5, 244**

Vafina G.Kh. (*Kazan, Russian Federation*) look **Bezdudny V.G.** (*Kazan, Russian Federation*) **No 3, 314**

Valiev R.R. (*Kazan, Russian Federation*) look **Valiev R.R.** (*Kazan, Russian Federation*) **No 3, 272**

Valiev R.R., Sitdikov A.G. (*Kazan, Russian Federation*) Results of Explorations in the Vicinity of Uvek Settlement in 2018–2019. **No 3, 272**

Valiev R.R., Stepanov R.A. (*Kazan, Russian Federation*) Archaeological Research by the village Rzhavets. **No 5, 26**

Valiulina S.I., Nuretdinova A.R. (*Kazan, Russian Federation*) Metallurgical Crucibles from the Jewellery Workshops of Saray Al-Jedid. **No 1, 93**

Valkov D.V., Bolshakova N.V. (*Samara, Russian Federation*), **Koshutin R.A., Pinigin G.V.** (*Moscow, Russian Federation*) Verification of Archeological Sites Discovered by Expeditions under the Supervision of V.V. Golmsten (on the example of "Kurgannik (burial mound) near Domashka Village"). **No 2, 418**

Varfolomeev V.V. (*Karaganda, Republic of Kazakhstan*) Metalworking Workshop at Akkezen Settlement in Central Kazakhstan. **No 2, 225**

Vasiliev D.V. (*Astrakhan, Russian Federation*) Results of 20-Years Research on the Samosdelka Settlement and New Perspectives. **No 5, 42**

Vasiliev D.V., Chicks T.V. (*Astrakhan, Russian Federation*) Buddhist Burial-Memorial Complexes from the Materials of Mayachny Bugor Burial Ground. **No 4, 8**

Vicent García J.M., Martínez Navarrete M.I. (*Madrid, Spain*) Paleogenomics and Archaeology: recent debates about the spread of steppe ancestry in Westernmost Europe (in English). **No 2, 290**

Vicent-García J.M. (*Madrid, Spain*) look **Martínez-Navarrete M.I.** (*Madrid, Spain*) **No 2, 9**

Vinnichek K.M. (*Penza, Russian Federation*) look **Vinnichek V.A.** (*Penza, Russian Federation*) **No 3, 138**

Vinnichek V.A., Vinnichek K.M. (*Penza, Russian Federation*), **Didyulin A.V.** (*Samara, Russian Federation*) The Issue of the Ethnic Structure of the Population of The Upper Sura and Moksha Regions in the Golden Horde Period. **No 3, 138**

Vinnichek V.A. (*Penza, Russian Federation*), **Arkhipenko A.A.** (*Simferopol, Russian Federation*) About Two Sets of Crimean Coins from the Syrty Locality in the Vadinsky Distrikt of the Penza Oblast. **No 6, 105**

Vinnichek V.A., Vinnichek K.M. (*Penza, Russian Federation*) Bronze Matrices from the Nikolskoye Settlement: to the question of their use as weights in the middle ages. **No 6, 110**

Vinnichek V.A., Vinnichek K.M., Kezina S.V., Didyulin A.V. (*Penza, Russian Federation*) A Unique Signet Ring from Verkhnesursky Medieval Settlement. **No 6, 114**

Vinnichек K.M. (*Penza, Russian Federation*) look **Vinnichек V.A.** (*Penza, Russian Federation*) No 6, 110

Vinnichек K.M. (*Penza, Russian Federation*) look **Vinnichек V.A.** (*Penza, Russian Federation*) No 6, 114

Volkov I.V. (*Moscow, Russian Federation*) Cartographic and Narrative Sources Related to Ukek . No 3, 204

Volkova E.V., Denisov A.V., Kormilitsyn D.V., Platonov V.I. (*Samara, Russian Federation*) Copper Socketed Axe from the Svetloye Pole II Burial Mound. No 2, 446

Volkova E.V., Denisov A.V., Kuznetsov P.F., Mochalov O.D., Salugina N.P. (*Samara, Russian Federation*) Early Iron Age Collection from the Settlement near Krasnosamarskoye Village. No 2, 406

Volkov I.V., Nedashkovskaya N.I., Nedashkovsky L.F., Sitdikov A.G. (*Kazan, Russian Federation*) To the Anniversary of Marina Dmitrievna Poluboyarinova. No 6, 344

Volkov I.V., Lopan O.V. (*Kazan, Russian Federation*) The Part of Muslim Cemetery of the XIV Century on the Southern Outskirts of the Bolgar Foerified Settlement (CLXXVIII excavation). No 6, 14

Voyakin D.A. (*Samarkand, Uzbekistan*) look **Sitdikov A.G.** (*Kazan, Russian Federation*) No 6, 348

Vybornov A.A. (*Samara, Russian Federation*) look **Morozov V.V.** (*Moscow, Russian Federation*) No 1, 8

Vybornov A.A. (*Samara, Russian Federation*) look **Nikitin V.V.** (*Yoshkar-Ola, Russian Federation*) No 1, 292

Gagloity R.Kh. (*Tskhinval, Republic of South Ossetia*), **Kochkarov U.Yu.** (*Moscow, Russian Federation*), **Mamaev R.Kh.** (*Grozny, Russian Federation*), **Narozhny V.E.** (*Armavir, Russian Federation*), **Narozhny E.I.** (*Karachaevsk, Russian Federation*) A Type of Spearheads of the 13th–14th Centuries from the Territory of the North Caucasus. No 4, 119

Galimova M.Sh. (*Kazan, Russian Federation*) A.Kh. Khalikov on the Paleolithic of the Middle Volga region (in the light of modern data). No 5, 51

Galimova M.Sh. (*Kazan, Russian Federation*) Paleolithic of the Kazan Volga Region: research history and new data. No 1, 106

Gazimzyanov I.R. (*Kazan, Russian Federation*), **Khokhlov A.A.** (*Samara, Russian Federation*) Craniological Characteristics of Anthropological Materials from the Burials of Zhiguli-I Subsoil Burial Ground in Samara Luka (Samara Oblast, Stavropolsky District). No 3, 190

Gey A.N. (*Moscow, Russian Federation*) look **Avilova L.I.** (*Moscow, Russian Federation*) No 2, 64

Ginkut N.V. (*Sevastopol, Russian Federation*) look **Nedelkin E.V.** (*Sevastopol, Russian Federation*) No 6, 109

Gismatulin M.R. (*Ul'yanovsk, Russian Federation*) Materials from the Muran Burial Ground in the Collection of the Ulyanovsk Regional Museum of Local Lore. No 3, 181

Gmyrya L.B. (*Makhachkala, Russian Federation*) Gold Temporal Pendants with Openwork Beads as a Link Between Two Mound Burial Grounds of East Ciscaucasia (Lvovsky Pervyi-2; Palasa-Syrt). No 1, 121

Golubev O.V. (*Penza, Russian Federation*) Circulation Area of Mukhshi Coinage. No 6, 119

Goncharov E.Yu. (*Moscow, Russian Federation*), **Lebedinsky V.V.** (*Sevastopol, Russian Federation*) Antique Coins from the Collection of Tartus Museum (Syria). No 6, 201

Gorbunov V.S., Gorbunov Yu.V. (*Ufa, Russian Federation*) Ore Sources of the Southern Cis-Urals and Their Relationship with Settlement Sites of the Ural Abashevo Culture. No 2, 218

Gorbunov Yu.V. (*Ufa, Russian Federation*) look **Gorbunov V.S.** (*Ufa, Russian Federation*) No 2, 218

Gribov N.N. (*Moscow, Russian Federation*) Items of Oriental Import from Nizhny Novgorod: assortment, archaeological context, interpretation. **No 4, 37**

Gribov N.N. (*Moscow, Russian Federation*) look **Akhmetgalin F.A.** (*Kazan, Russian Federation*) **No 4, 44**

Grigoriev S.A. (*Ekaterinburg, Russian Federation*) Chronology of the Seima-Turbino Bronzes Based on Near Eastern and Chinese Sources and the Dating of the Santorini Eruption. **No 6, 186**

Gubaidullin A.M. (*Kazan Russian Federation*) Urban Planning in the Bolgar Ulus of the Golden Horde. **No 3, 149**

Gubaidullin A.M. (*Kazan, Russian Federation*) Some Questions of Medieval Fortification Studies. **No 5, 67**

Gubaidullin A.M. (*Kazan, Russian Federation*) Early Medieval Hillforts in the Territory of the Middle Volga Region. **No 1, 136**

Guselnikov T.A. (*Moscow, Russian Federation*) Hierarchy of the Sacral Spaces of the Temple of the Virgin Mary in Sudak Fortress. **No 4, 236**

Gyul E.F. (*Tashkent, Uzbekistan*) look **Usmanova E.R.** (*Karaganda, Republic of Kazakhstan*) **No 2, 77**

Danich A.V. (*Perm, Russian Federation*) look **Podosyonova Yu.A.** (*Perm, Russian Federation*) **No 5, 282**

Degtyareva A.D. (*Tyumen, Russian Federation*), **Kuzminykh S.V.** (*Moscow, Russian Federation*) Metal of the Abashevo Culture from the Middle Don. **No 2, 151**

Denisov A.V. (*Samara, Russian Federation*) look **Lyganov A.V.** (*Kazan, Russian Federation*). **No 1, 46**

Denisov A.V. (*Samara, Russian Federation*) look **Volkova E.V.** (*Samara, Russian Federation*) **No 2, 406**

Denisov A.V. (*Samara, Russian Federation*) look **Volkova E.V.** (*Samara, Russian Federation*) **No 2, 446**

Denisov I.V. (*Sterlitamak, Russian Federation*), **Zubov S.E.**, **Bukina O.V.** (*Samara, Russian Federation*) Application of 3D -Technologies in the Field of Preservation and Use of Archaeological Heritage. **No 5, 74**

Diakova O.V. (*Moscow, Russian Federation*) Daurian Monuments of the Amur Region. **No 3, 19**

Didyulin A.V. (*Samara, Russian Federation*) look **Vinnichek V.A.** (*Penza, Russian Federation*) **No 3, 138**

Didyulin A.V. (*Penza, Russian Federation*) look **Vinnichek V.A.** (*Penza, Russian Federation*) **No 6, 114**

Dode Z.V. (*Stavropol, Russian Federation*) Mamluks and the Golden Horde Through the Prism of Textile Found at Uvek Settlement in 2021. **No 3, 280**

Dremov I.I. (*Saratov, Russian Federation*), **Kruglov E.V.** (*Volgograd, Russian Federation*) Krivaya Luka XVI, Mound 5 and the Issue of Assimilation of the Mongols in the Golden Horde. **No 3, 243**

Drozdova G.I. (*Kazan, Russian Federation*) Studies of Bilyar by Kazan Archaeologists in Archival Materials. **No 5, 90**

Drozdova G.I. (*Kazan, Russian Federation*) The Scientific Heritage of R. G. Fakhruddinov (According to materials of the fund No. 17 of the Museum of Archaeology of Tatarstan Republic of the Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov). **No 1, 256**

Ermakov S.V. (*Elets, Russian Federation*) look **Tropin N.A.** (*Elets, Russian Federation*) **No 4, 54**

Zeleneyev Yu.A. (*Yoshkar-Ola, Russian Federation*) look **Belorybkin G.N.** (*Penza, Russian Federation*) **No 6, 189**

Zilivinskaya E. D. (*Moscow, Russian Federation*) Amenities and Sanitation in Golden Horde Cities. **No 3, 196**

Zilivinskaya E.D. (*Moscow, Russian Federation*) Central Asian Parallels in the Memorial Architecture of Mukhshi. **No 6, 122**

Zorya R.S. (*Sevastopol, Russian Federation*) N.F. Kalinin's Conceptual Views on the Most Ancient Past of the Volga-Kama Region. **No 5, 97**

Zubareva M.M. (*Sviyazhsk, Russian Federation*), **Akhmetgalin F.A.** (*Kazan, Russian Federation*) Stove Tiles with the Image of the "Svyazhskaya" Vase. **No 1, 141**

Zubov S.E. (*Samara, Russian Federation*) look **Denisov I.V.** (*Sterlitamak, Russian Federation*) **No 5, 74**

Zubov S.E. (*Samara, Russian Federation*) look **Rafikova K.V.** (*Samara, Russian Federation*) **No 5, 244**

Zubov S.E. (*Samara, Russian Federation*) Warrior Belts from the Volga-Urals Area at the Turn of Era. **No 5, 106**

Zubov S.E., Ronzhova S.S. (*Samara, Russian Federation*) Girl's Bead Necklace from the Western Urals at the Turn of the Era (based on materials from the excavations of Pyany Bor Kipchakovo I mound-soil burial ground). **No 5, 119**

Ikonnikov D.S., Sobol A.S. (*Penza, Russian Federation*) The Study of the Zolotaryovka Fortified Settlement of the VIII–XIII Centuries by Mikhail Romanovich Polesskikh. **No 5, 140**

Ilyushin A.M., Suleymenov M.G. (*Kemerovo, Russian Federation*) Quiver Belt Fasteners from Developed Middle Age Burials in the Kuznetsk Basin. **No 3, 28**

Iskanderova A.D., Sultanova M.N. (*Samarkand, Uzbekistan*) Ornamentation on Glazed Ceramics of Khorezm (13th–14th CC.). **No 3, 57**

Iudin N.I. (*Azov, Russian Federation*) On the Localization of the Azak Mosques on the Basis of Epigraphic Finds. **No 4, 167**

Iudin N.I., Kravchenko S.A. (*Azov, Russian Federation*) On Characteristics of Azak's Pottery Craft of the Beginning of the 14th Century Ad (based on materials from excavations in Azov on Sotsialistichesky Lane, 53, in 2015). **No 4, 147**

Ivanov P.A. (*Perm, Russian Federation*) look **Podosyonova Yu.A.** (*Perm, Russian Federation*) **No 5, 282**

Ivanov V.A. (*Ufa, Russian Federation*) The Golden Horde Nomads and the Surrounding World: a mutual perception paradigm. **No 3, 125**

Ivanov V.A. (*Ufa, Russian Federation*) The History of the Population of the Ural-Volga Region During the Early Iron Age (discourse analysis of the studies in the XX century). **No 5, 129**

Ivanova N.V. (*Samara, Russian Federation*) look **Kondrashin V.V.** (*Kazan, Russian Federation*) **No 2, 313**

Ivanova N.V. (*Samara, Russian Federation*) look **Lyganov A.V.** (*Kazan, Russian Federation*). **No 1, 46**

Izmailov I.L. (*Kazan, Russian Federation*) Sings–Tamgas as Symbols of Bulgaria Government Xth – the First Third of the XIIIth Century. **No 1, 148**

Janhunen J. A. (*Helsinki, Finland*) The Great Past of Small Peoples (the case of the samoyeds). **No 2, 283**

Kalmenov M.D. (*Uralsk, Kazakhstan*), **Ashygaliev B.M.** (*Kazan, Russian Federation*) Material Culture of Zhayik Settlement (Based on the results of archaeological research 2012–2015). **No 1, 172**

Kalmenov M.D., Bizhanova A.E., Ashygaliev B.M. (*Kazan, Russian Federation*) Studies of Rural Settlements in the Areas of Golden Horde Cities in West Kazakhstan (on the example of Zhayik settlement). **No 3, 90**

Kamenchikov O.Yu. (*Perm, Russian Federation*) look **Podosyonova Yu.A.** (*Perm, Russian Federation*) No 5, 282

Kazakov E.P. (*Kazan, Russian Federation*) A Look into the Past. No 1, 160

Kazakov E.P. (*Kazan, Russian Federation*) The Turbasly–Imenkovo Community: issues of studying. No 6, 206

Kazanbaeva Z.Z. (*village of Zhezdy, Republic of Kazakhstan*) look **Surganova Z.K.** (*Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan*) No 2, 115

Kezina S.V. (*Penza, Russian Federation*) look **Vinnichuk V.A.** (*Penza, Russian Federation*) No 6, 114

Kirichenko D.A. (*Baku, Azerbaijan*) Anthropological Materials from «Cult Barrow» (Azerbaijan Republic). No 1, 74

Kirichenko D.A. (*Baku, Azerbaijan*) Cylinder Seal from Historical and Local Lore Museum of Jalilabad (Azerbaijan Republic). No 2, 468

Kleshchenko A.A. (*Moscow, Russian Federation*) look **Avilova L.I.** (*Moscow, Russian Federation*) No 2, 64

Kochanova M.D. (*Moscow, Russian Federation*) look **Aleshinskaya A.S.** (*Moscow, Russian Federation*) No 2, 371

Kochkarov U.Yu. (*Moscow, Russian Federation*) look **Gagloity R.Kh.** (*Tskhinval, Republic of South Ossetia*) No 4, 119

Kochkina A.F. (*Samara, Russian Federation*) The Finding of a Bronze “Freak of Nature” in the Samara Volga Region. No 1, 182

Kokorina N.A. (*Moscow, Russian Federation*) My Archaeological Universities. No 1, 285

Kondrashin V.V. (*Kazan, Russian Federation*), **Ivanova N.V.**, **Khokhlov A.A.**, **Tsibin V.A.** (*Samara, Russian Federation*) Archaeological Context of Burials with Ancient Plague of Mikhailovsky II Burial Mound in the Steppe Volga Region. No 2, 313

Korenyuk S.N., **Mingaleva M.K.** (*Perm, Russian Federation*) The beads found on the Glyadenovo Sanctuary During the 2003–2006 Excavation Period. No 5, 151

Kormilitsyn D.V. (*Samara, Russian Federation*) look **Volkova E.V.** (*Samara, Russian Federation*) No 2, 446

Korol G.G. (*Moscow, Russian Federation*) Features of the Décor of Medieval Belt Ornaments from the Minusinsk Basin in I.P. Tovostin’s Collection (The National Museum of Finland, Helsinki). No 2, 103

Korzh Y.A. (*Stavropol, Russian Federation*), **Shashunova S.M.** (*Volgograd, Russian Federation*) Silk Boktag Hats from the Collections of the Volgograd Regional Museum of Local History and Astrakhan Reserve Museum. No 4, 20

Koshutin R.A. (*Moscow, Russian Federation*) look **Valkov D.V.** (*Samara, Russian Federation*) No 2, 418

Kotenkov S.A. (*Moscow, Russian Federation*) look **Soloviev D.S.** (*Astrakhan, Russian Federation*) No 3, 304

Kovaleva K.S. (*Moscow, Russian Federation; Volgograd, Russian Federation*) Chemical Composition of Non-Ferrous Metal from Golden Horde Cities: preliminary data. No 4, 84

Koval V.Yu. (*Moscow, Russian Federation*) Muslims in Medieval Rus: in search of subtle traces. No 6, 288

Kovtun I.V. (*Kemerovo, Russian Federation*) Early Nomads of the Andronovo Period. No 2, 278

Kozha M.B. (*Turkestan, Kazakhstan*) look **Usmanova E.R.** (*Karaganda, Kazakhstan*) No 3, 74

Kozlov D.A. (*Saransk, Russian Federation*) Askiz Type of Plates from Mordovian Burial No. 6 of Atkar Burial Ground. No 3, 249

Kolchenko V.A. (*Bishkek, Kyrgyz Republic*), **Bezudny V.G.**, **Tulush D.K.**, **Sitdikov A.G.** (*Kazan, Russian Federation*) Geophysical Studies of Medieval Cities in the Chuy Valley in 2021. No 6, 37

Kochkina A.F. (*Samara, Russian Federation*) look **Stashenkov D.A.** (*Samara, Russian Federation*) No 6, 133

Kramarovskiy M.G. (*Saint Petersburg, Russian Federation*), **Seydaliev E.I.** (*Simferopol, Russian Federation; Kazan, Russian Federation*) Kurshun-Jami Mosque (Crimea, 14th Century) and the Seljuk Tradition of Anatolia. No 4, 242

Krasnovskikh M.P. (*Perm, Russian Federation*) look **Podosyonova Yu.A.** (*Perm, Russian Federation*) No 5, 282

Kravchenko E.E. (*Kazan, Russian Federation*) New Findings of Cast Iron in the Golden Horde Monuments of the Donetsk Region. No 4, 198

Kravchenko E.E. (*Kazan, Russian Federation*) The Muslims of Khazar Time on the Severskiy Donets: archaeological evidence and issues of their interpretation. No 6, 59

Kravchenko S.A. (*Azov, Russian Federation*) look **Iudin N.I.** (*Azov, Russian Federation*) No 4, 147

Kroitor E.A. (*Kazan, Russian Federation*) Medieval Plate Bracelets with Feline Images. Dating Issues. No 1, 189

Kruglov E.V. (*Volgograd, Russian Federation*) look **Dremov I.I.** (*Saratov, Russian Federation*) No 3, 243

Krygin A.P. (*Almaty, Kazakhstan*) look **Maryksin D.V.** (*Almaty, Kazakhstan*) No 3, 98

Krylasova N.B. (*Perm, Russian Federation*) A Set of Pewter-Based Fusible Alloy Decorations in the Materials of the Rodanovo Archaeological Culture. No 5, 164

Krylasova N.B. (*Perm, Russian Federation*) look **Podosyonova Yu.A.** (*Perm, Russian Federation*) No 5, 282

Kubankin D.A. (*Saratov, Russian Federation*) The Golden Horde City of Ukek Based on Archaeological Investigations of 2005–2021. No 3, 264

Kuklina A.A. (*Kazan, Russian Federation*) Differences Between Early and Late Golden Horde Ceramics from Bolgar Settlement. No 3, 163

Kuklina A.A. (*Kazan, Russian Federation*) Material Culture of Volga Bulgaria in the Collection Museum of Archaeology of Tatarstan. No 5, 192

Kuklina A.A. (*Kazan, Russian Federation*) Transformation of Approaches to the Study of Non-Glazed Ceramics (A case-study of medieval ceramics from the Volga Region). No 1, 195

Kuryshova N. P. (*Kazan, Russian Federation*) Glass Pendants in the Form of a Waterfowl from the Territory of the Volga-Don Region (13th–14th cc.). No 4, 89

Kuzin-Losev V.I. (*Donetsk*) Highlighting of Northern Eurasia Social Elites from the Position of Consciousness Forms. No 5, 178

Kuzmina I.R. (*Kazan, Russian Federation*) From Archaeological Reconnaissances to Interdisciplinary Scientific Studies of the Sites on the Island-Town of Sviyazhsk in the 1990s–2000s. No 6, 329

Kuzminykh S.V. (*Moscow, Russian Federation*) look **Degtyareva A.D.** (*Tyumen, Russian Federation*) No 2, 151

Kuzminykh S.V. (*Moscow, Russian Federation*) Maklasheyevka and Post-Maklasheyevka: socketed axes of the final bronze age. No 2, 245

Kuzminykh S.V. (*Moscow, Russian Federation*), **Trufanov A.Ya.** (*Yekaterinburg, Russian Federation*), **Rassomakhin M.A.** (*Miass, Russian Federation*), **Myznikov S.A.** (*Yekaterinburg, Russian Federation*) Bronze Socketed Axe of the Early Iron Age from the Upper Reaches of the Konda River. No 2, 452

Kuzminykh S.V. (*Kazan, Russian Federation*) Archaeological Circle of Kazan University is 25 Years Old (Eyewitness Memories). **No 1, 278**

Kuznetsov P.F. (*Samara, Russian Federation*) look **Volkova E.V.** (*Samara, Russian Federation*) **No 2, 406**

Lapshina I.Yu. (*Volgograd, Russian Federation*) The Localization of Ak and Kok Horde. **No 3, 132**

Lebedinsky V.V. (*Sevastopol, Russian Federation*) look **Goncharov E.Yu.** (*Moscow, Russian Federation*) **No 6, 201**

Lifanov N.A. (*Samara, Russian Federation*) The Kamennodolsk finding: on the question to the Trans-Volga section of the "Magyar Way to the West". **No 5, 199**

Lifanov N.A. (*Kazan, Russian Federation*) Brusyany III – a Medieval Settlement on the Samara Bend (excavation 2018). **No 6, 227**

Loboda A.Yu. (*Moscow, Russian Federation*) look **Shishlina N.I.** (*Moscow, Russian Federation*) **No 2, 168**

Lomakin D.A., Aibabina E.A. (*Simferopol, Russian Federation*) Selyamet Gerai Gazebo in Bakhchisarai Palace Complex. **No 4, 274**

Lopan O.V. (*Kazan, Russian Federation*) look **Volkov I.V.** (*Kazan, Russian Federation*) **No 6, 14**

Lyganov A.V. (*Kazan, Russian Federation*) look **Morozov V.V.** (*Moscow, Russian Federation*) **No 1, 8**

Lyganov A.V. (*Kazan, Russian Federation*), **Morozov V.V., Smirnov A.L.** (*Moscow, Russian Federation*), **Khramchenkova R.Kh.** (*Kazan, Russian Federation*) The Settlement of Igimskiy Bor I is a New Site of the Seima-Turbino Chronological Horizon (preliminary research results). **No 5, 207**

Lyganov A.V., Sattarov R.R. (*Kazan, Russian Federation*), **Denisov A.V., Ivanova N.V.** (*Samara, Russian Federation*) Ozero Belye I Ancient Village of the Late Bronze Age in the Samara Volga Region. **No 1, 46**

Maiko V.V. (*Simferopol, Russian Federation*) Touches to the Portrait of Solkhat Material Culture (on the example of security excavations in 2011). **No 6, 293**

Mamaev R.Kh. (*Grozny, Russian Federation*) look **Gagloity R.Kh.** (*Tskhinval, Republic of South Ossetia*) **No 4, 119**

Martínez Navarrete M.I. (*Madrid, Spain*) look **Vicent García J.M.** (*Madrid, Spain*) **No 2, 290**

Martínez-Navarrete M.I., Montero-Ruiz I. (*Madrid, Spain*), **Rovira-Llorens S.** (*Benifaió, Spain*), **Vicent-García J.M.** (*Madrid, Spain*) "The Spanish in the Mines": tribute to Serguei Vladimirovich Kuzminykh. **No 2, 9**

Maryksin D.V. (*Almaty, Kazakhstan*), **Popov P.V.** (*Astrakhan, Russian Federation*), **Krygin A.P.** (*Almaty, Kazakhstan*) Activities at Kyzylkala Settlement in 2021 and Preliminary Analysis of Ceramic Material. **No 3, 98**

Maslovskiy A.N. (*Azov, Russian Federation*) look **Bocharov S.G.** (*Sevastopol, Russian Federation*) **No 4, 98**

Maslovskiy A.N. (*Azov, Russian Federation*) The Golden Horde Town of Azak During the Tokhtamysh Reign (1381–1395 cc.). **No 4, 185**

Mertz V.K. (*Pavlodar, Republic of Kazakhstan*) look **Usmanova E.R.** (*Karaganda, Republic of Kazakhstan*) **No 2, 77**

Mimokhod R.A. (*Moscow, Russian Federation*) Middle Volga Abashevo Culture and Bell Beaker Culture: family portrait sketches. **No 2, 122**

Minaev A.P. (*Azov, Russian Federation*) Stone-Made Architectural Décor Details from the Golden Horde Town of Azak. **No 4, 155**

Mingaleva M.K. (*Perm, Russian Federation*) look **Korenyuk S.N.** (*Perm, Russian Federation*)
No 5, 151

Mirsiyapov I.Yu. (*Kazan, Russian Federation*) look **Bezudny V.G.** (*Kazan, Russian Federation*)
No 3, 314

Mirzaakhmedov S.D. (*Tashkent, Uzbekistan*) Early Rabat-Caravansarais of Bukhara at the Borders of the Nomad Steppe (based on Paikend settlement materials). No 3, 44

Mitryakov A.E. (*Izhevsk, Russian Federation*) look **Chernykh E.M.** (*Izhevsk, Russian Federation*)
No 2, 88

Mochalov O.D. (*Samara, Russian Federation*) look **Volkova E.V.** (*Samara, Russian Federation*)
No 2, 406

Mogarichev Yu. M. (*Simferopol, Russian Federation*) Cave Churches of the South-West Crimea in 13th – 14th Centuries as a Reflection of Political, Cultural, and Religious Agenda of the Region.
No 4, 259

Moiciva E.D. (*Azov, Russian Federation*) Bird Images on Ceramics Produced in South-Eastern Crimea from the Excavations of Azak. No 4, 176

Mokrushin I.G. (*Perm, Russian Federation*) look **Podosyonova Yu.A.** (*Perm, Russian Federation*)
No 5, 282

Molodin V.I. (*Novosibirsk, Russian Federation*) Particular Significant Markers of the OdinoVo Culture. No 2, 53

Montero-Ruiz I. (*Madrid, Spain*) look **Martínez-Navarrete M.I.** (*Madrid, Spain*) No 2, 9

Montero-Ruiz I. (*Madrid, Spain*), **Rovira-Llorens S.** (*Benifaió, Spain*) Early Copper Mining in the Iberian Peninsula: state of the art (in English). No 2, 194

Morozov V.V. (*Moscow, Russian Federation*) look **Lyganov A.V.** (*Kazan, Russian Federation*)
No 5, 207

Morozov V.V. (*Moscow, Russian Federation*), **Lyganov A.V.** (*Kazan, Russian Federation*), **Vybornov A.A.** (*Samara, Russian Federation*), **Smirnov A.L.** (*Moscow, Russian Federation*), **Batueva N.S.** (*Perm, Russian Federation*) Mullino II Settlement on the Ik-Belaya Interfluve: material culture, stratigraphy and radiocarbon chronology. No 1, 8

Myts V.L. (*Saint Petersburg, Russian Federation*) Amphorae-Resonators from the Church of St. John Prodromos in Kerch and the Issue of Monument Dating. No 4, 206

Myznikov S.A. (*Yekaterinburg, Russian Federation*) look **Kuzminykh S.V.** (*Moscow, Russian Federation*) No 2, 452

Nabiullin N.G., Salakhatdinova G.T. (*Kazan, Russian Federation*) From the History of Study of Medieval and Modern Times Archaeological Sites of Naberezhnye Chelny. No 5, 217

Narozhny E.I. (*Karachaevsk, Russian Federation*) look **Gagloity R.Kh.** (*Tskhinval, Republic of South Ossetia*) No 4, 119

Narozhny E.I. (*Karachaevsk, Russian Federation*) Nizhny Julat Settlement in Kabardino-Balkaria. . No 4, 136

Narozhny V.E. (*Armavir, Russian Federation*) look **Gagloity R.Kh.** (*Tskhinval, Republic of South Ossetia*) No 4, 119

Nedashkovskaya N.I. (*Kazan, Russian Federation*) look **Volkov I.V.** (*Kazan, Russian Federation*)
No 6, 344

Nedashkovsky L.F. (*Kazan, Russian Federation*) look **Volkov I.V.** (*Kazan, Russian Federation*)
No 6, 344

Nedashkovsky L.F., Shigapov M.B. (*Kazan Russian Federation*) Iron Objects from Bagaevka Settlement. No 1, 202

Nedashkovsky L.F., Shigapov M.B. (*Kazan, Russian Federation*) Iron Objects from Bagaevka Settlement (Part II). No 3, 288

Nedelkin E.V., Ginkut N.V. (*Sevastopol, Russian Federation*) Archaeological Studies of the Chorgunskiy Isar Fortress (South-Western Crimea) in 2019. No 6, 268

Nigamaev A.Z. (*Yelabuga, Russian Federation*) Medieval Melee Weapons from the Collections of Yelabuga Museums. No 5, 227

Nikitin V.V. (*Yoshkar-Ola, Russian Federation*), **Vybornov A.A.** (*Samara, Russian Federation*) Review of Monograph: Berezina N.S. Stone Age of the Chuvash Volga Region // Archaeology of the Eurasian Steppes. Kazan. 2021. Publ. No. 1. 261 p. No 1, 292

Nikitina T.B. (*Yoshkar-Ola, Russian Federation*) Horse Accessories in Burial Grounds of Vetluga and Vyatka Interfluve. No 5, 235

Novikov A. V. (*Kostroma, Russian Federation*) Cultural Transformation in the Upper Volga Region During the Early Iron Age. No 2, 382

Nuretdinova A.R. (*Kazan, Russian Federation*) look **Valiulina S.I.** (*Kazan, Russian Federation*) No 1, 93

Obukhov Yu. D. (*Elista, Russian Federation*) look **Bocharov S.G.** (*Sevastopol, Russian Federation*) No 4, 110

Obukhov Yu.D. (*Elista, Russian Federation*) look **Bocharov S.G.** (*Sevastopol, Russian Federation*) No 6, 97

Ovechkina L.V. (*Kazan, Russian Federation*) look **Bezudny V.G.** (*Kazan, Russian Federation*) No 3, 314

Ozerov V.V. (*Laishevo, Russian Federation*) Topical Issues of Preservation of Cultural Heritage Sites. No 1, 213

Okorokov K.S. (*Moscow, Russian Federation*) look **Sirotnin S.V.** (*Moscow, Russian Federation*) No 5, 271

Olgovsky S. Ya. (*Kiev, Ukraine*) Olbian Dolphins and the Issue of Relations of the Lower Bug with the Volga–Urals. No 2, 460

Ongaruly A. (*Almaty, Republic of Kazakhstan*) look **Sitdikov A.G.** (*Kazan, Russian Federation*) No 6, 348

Paltseva D.U. (*Astrakhan, Russian Federation*) Bulgarian Bone Details of the Equipment of Horse and Rider of the X–XIV Centuries. No 1, 220

Panyushkina I.P. (*Tucson, USA*) look **Usmanova E.R.** (*Karaganda, Kazakhstan*) No 3, 74

Parpola Asko (*Helsinki, Finland*) Location of the Uralic Proto-Language in the Kama River Valley and the Uralic Speakers' Expansion East and West with the 'Sejma-Turbino Transcultural Phenomenon' 2200-1900 BC (in English). No 2, 258

Patrushev V.S. (*Yoshkar-Ola, Russian Federation*) Archaeological Circle of Mari State University. No 1, 269

Petrov P.N. (*Almaty, Republic of Kazakhstan*) look **Bugarchev A.I.** (*Kazan, Russian Federation*) No 5, 19

Pigarev E.M. (*Yoshkar-Ola, Russian Federation; Kazan, Russian Federation*) Formation of the Capital Center of the Ulus Of Jochi in the Lower Volga During the Reign of Uzbek Khan (analysis of numismatic material). No 3, 295

Pigarev E.M. (*Yoshkar-Ola, Russian Federation; Kazan, Russian Federation*) look **Bezudny V.G.** (*Kazan, Russian Federation*) No 3, 314

Pigarev E.M. (*Yoshkar-Ola, Russian Federation; Kazan, Russian Federation*) 100 Years Since the Beginning of Scientific Study Selitrennoe Settlement (some results and conclusions). No 4, 28

Pigarev E.M. (*Yoshkar-Ola, Russian Federation*) look **Bezudny V.G.** (*Kazan, Russian Federation*) No 6, 144

Pinigin G.V. (*Moscow, Russian Federation*) look **Valkov D.V.** (*Samara, Russian Federation*) No 2, 418

Platonov V.I. (*Samara, Russian Federation*) look **Volkova E.V.** (*Samara, Russian Federation*) No 2, 446

Podosyonova Yu.A., Danich A.V., Krylasova N.B., Kamenchikov O.Yu., Ivanov P.A., Krasnovskikh M.P., Mokrushin I.G. (*Perm, Russian Federation*) Wooden Scabbard with Metal Plates of Bayanovo Burial Ground of the Lomovatka Culture Archaeological Culture: results of chemical and technological study. No 5, 282

Polyakov A.V. (*Saint Petersburg, Russian Federation*) look **Sitdikov A.G.** (*Kazan, Russian Federation*) No 6, 348

Popov P.V. (*Astrakhan, Russian Federation*) look **Maryksin D.V.** (*Almaty, Kazakhstan*) No 3, 98

Rafikova K.V., Bukina O.V., Zubov S.E. (*Samara, Russian Federation*) Virtual Museum of Archaeology: museum space architectonics. No 5, 244

Raimkulov A.A. (*Samarkand, Uzbekistan*) Ancient and Medieval Nomadic Cities of Kashkadarya (Uzbekistan). No 3, 36

Rassomakhin M.A. (*Miass, Russian Federation*) look **Kuzminykh S.V.** (*Moscow, Russian Federation*) No 2, 452

Ronzhova S.S. (*Samara, Russian Federation*) look **Zubov S.E.** (*Samara, Russian Federation*) No 5, 119

Rovira-Llorens S. (*Benifaió, Spain*) look **Martínez-Navarrete M.I.** (*Madrid, Spain*) No 2, 9

Rovira-Llorens S. (*Benifaió, Spain*) look **Montero-Ruiz I.** (*Madrid, Spain*) No 2, 194

Rudenko K.A. (*Kazan, Russian Federation*) About Craft Production on the Bulgar Settlements of the XI – Beginning of the XIII Century. No 5, 254

Rudenko K.A. (*Kazan, Russian Federation*) Floodplain Settlements of the Western Trans-Kama in the 11th – Early 15th Centuries and the Nomads. No 3, 175

Ruslanov E.V. (*Ufa, Russian Federation*) The Mausoleum of Bendebike: High-Status Funeral Monument from the Territory of the Shiban Ulus: study history and context. No 3, 106

Ruslanov E.V. (*Ufa, Russian Federation*) Gornovo Archaeological Complex of the Golden Horde Time in the Cis-Urals: to the 60th anniversary of scientific study. No 6, 253

Ruslanova R.R. (*Ufa, Russian Federation*) Medieval Beads from Barrow № 1 of the Kusimovo-3 Burial Ground in the Southern Trans-Urals. No 6, 240

Safonov I.E. (*Voronezh, Russian Federation*) look **Surkov A.V.** (*Voronezh, Russian Federation*) No 2, 341

Sainov S.T. (*Nukus, Uzbekistan*) Kitchen Ware from Southern Aral Sea Region in the Golden Horde Period. No 3, 81

Salakhatdinova G.T. (*Kazan, Russian Federation*) look **Nabiullin N.G.** (*Kazan, Russian Federation*) No 5, 217

Salugina N.P. (*Samara, Russian Federation*) look **Volkova E.V.** (*Samara, Russian Federation*) No 2, 406

Sattarov R.R. (*Kazan, Russian Federation*) look **Lyganov A.V.** (*Kazan, Russian Federation*) No 1, 46

Sattarov R.R. (*Kazan, Russian Federation*) look **Sitdikov A.G.** (*Kazan, Russian Federation*). No 1, 237

Sattarov R.R. (*Kazan, Russian Federation*) look **Sitdikov A.G.** (*Kazan, Russian Federation*) No 6, 348

Savenko S.N. (*Pyatigorsk, Russian Federation*) An Understudied Household Complex Golden Horde Period in the Entrance Area Of Kislovodsk (North Caucasus). **No 4, 128**

Serikov Yu. B. (*Nizhniy Tagil, Russian Federation*) Balakino I – Site of the Bronze Age in the Vicinity of Nizhny Tagil (Middle Transurals). **No 2, 302**

Seydaliyev E.I. (*Simferopol, Russian Federation; Kazan, Russian Federation*) look **Kramarovskiy M.G.** (*Saint Petersburg, Russian Federation*) **No 4, 242**

Seydaliyev E.I. (*Simferopol, Russian Federation; Kazan, Russian Federation*) Durbe-Mausoleums of the Ancient City of Solkhat (13th-18th Centuries) According to the Study Materials of Starokrymskaya Archeological Expedition by the State Hermitage Museum. **No 4, 250**

Shaikhutdinova E.F. (*Kazan, Russian Federation*) look **Bugarchev A.I.** (*Kazan, Russian Federation*) **No 5, 19**

Shashunova S.M. (*Volgograd, Russian Federation*) look **Korzha Y.A.** (*Stavropol, Russian Federation*) **No 4, 20**

Shaykhutdinova E.F. (*Kazan, Russian Federation*) look **Bugarchev A.I.** (*Kazan, Russian Federation*) **No 3, 169**

Shigapov M.B. (*Kazan Russian Federation*) look **Nedashkovskiy L.F.** (*Kazan Russian Federation*). **No 1, 202**

Shigapov M.B. (*Kazan, Russian Federation*) look **Nedashkovskiy L.F.** (*Kazan, Russian Federation*) **No 3, 288**

Shipilov A.V. (*Kazan, Russian Federation*) Characteristics of the Neolithic, Palaeometallic and Early Iron Age Complexes of Berezovogrivsko-Alekseevskoe III Settlement in the Lower Kama Region. **No 1, 60**

Shishlina N.I., Loboda A.Yu. (*Moscow, Russian Federation*), **Soloshenko N.G.** (*Yekaterinburg, Russian Federation*), **Khvostikov V.A.** (*Chernogolovka, Russian Federation*) Spearheads from Turbino Burial Ground: metal composition and production technology. **No 2, 168**

Singatullina A.Z. (*Kazan, Russian Federation*) look **Bugarchev A.I.** (*Kazan, Russian Federation*) **No 5, 19**

Sirotin S.V., Bogachuk D.S., Okorokov K.S. (*Moscow, Russian Federation*) Western and Eastern Imports in Barrow Complexes of the 1 Group «Studenikin Mar» of Necropolis «Studenikin Mar – Vysokaya Mogila» in the Southern Urals. **No 5, 271**

Sitdikov A.G. (*Kazan, Russian Federation*) look **Bezdudny V.G.** (*Kazan, Russian Federation*) **No 3, 314**

Sitdikov A.G. (*Kazan, Russian Federation*) look **Akhmetgalin F.A.** (*Kazan, Russian Federation*) **No 6, 76**

Sitdikov A.G. (*Kazan, Russian Federation*) look **Belorybkin G.N.** (*Penza, Russian Federation*) **No 6, 85**

Sitdikov A.G. (*Kazan, Russian Federation*) look **Bezdudny V.G.** (*Kazan, Russian Federation*) **No 6, 144**

Sitdikov A.G. (*Kazan, Russian Federation*) look **Kolchenko V.A.** (*Bishkek, Kyrgyz Republic*) **No 6, 37**

Sitdikov A.G. (*Kazan, Russian Federation*) look **Volkov I.V.** (*Kazan, Russian Federation*) **No 6, 344**

Sitdikov A.G. (*Kazan, Russian Federation*), **Ongaruly A.** (*Almaty, Republic of Kazakhstan*), **Voyakin D.A.** (*Samarkand, Uzbekistan*), **Polyakov A.V.** (*Saint Petersburg, Russian Federation*), **Sattarov R.R.** (*Kazan, Russian Federation*) V International Congress on Archaeology of the Eurasian Steppes "Eurasian Steppe Civilization: human and historical and cultural environment". **No 6, 348**

Sitdikov A.G., Sattarov R.R., Asylgaraeva G.Sh. (*Kazan, Russian Federation*) General Information about the Scientific Activities of the Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov of the Tatarstan Academy of Sciences in 2021. **No 1, 237**

Smirnov A.L. (*Moscow, Russian Federation*) look **Lyganov A.V.** (*Kazan, Russian Federation*) **No 5, 207**

Smirnov A.L. (*Moscow, Russian Federation*) look **Morozov V.V.** (*Moscow, Russian Federation*) **No 1, 8**

Sobol A.S. (*Penza, Russian Federation*) look **Ikonnikov D.S.** (*Penza, Russian Federation*) **No 5, 140**

Soloshenko N.G. (*Yekaterinburg, Russian Federation*) look **Shishlina N.I.** (*Moscow, Russian Federation*) **No 2, 168**

Soloviev D.S. (*Astrakhan, Russian Federation*), **Kotenkov S.A.** (*Moscow, Russian Federation*) Early Medieval Pithos-Jugs Discovered in the Volga Delta. **No 3, 304**

Solovieva L.N. (*Moscow, Russian Federation*) look **Usmanova E.R.** (*Karaganda, Kazakhstan*) **No 3, 74**

Spiridonova E.A. (*Moscow, Russian Federation*) look **Aleshinskaya A.S.** (*Moscow, Russian Federation*) **No 2, 371**

Stavitsky V.V. (*Penza, Russian Federation*) History of the Study of the Moksha River Region Group of the Golden Horde Time Mordovian Burial Grounds. **No 6, 155**

Stavitsky V.V. (*Penza, Russian Federation*) Review of the Monograph: Vikhlyaev V.I., Petersburgsky I.M., Sedyshev O.V. Ancient and Medieval Settlements of the Mordovians. Saransk: Mord. University, 2013. 216 P. **No 6, 339**

Stashenkov D.A., Kochkina A.F. (*Samara, Russian Federation*) Nomadic Population of the Samara Volga Region in the Golden Horde Epoch . **No 6, 133**

Stepanov O.V. (*Kazan, Russian Federation*) look **Bugarchev A.I.** (*Kazan, Russian Federation*) **No 6, 8**

Stepanov R.A. (*Kazan, Russian Federation*) look **Valiev R.R.** (*Kazan, Russian Federation*) **No 5, 26**

Suleymenov M.G. (*Kemerovo, Russian Federation*) look **Ilyushin A.M.** (*Kemerovo, Russian Federation*) **No 3, 28**

Sultanova M.N. (*Samarkand, Uzbekistan*) look **Iskanderova A.D.** (*Samarkand, Uzbekistan*) **No 3, 57**

Surganova Z.K. (*Nur-Sultan-Султан, Republic of Kazakhstan*), **Kazanbaeva Z.Z.** (*village of Zhezdy, Republic of Kazakhstan*) Smith Cult of the Kazakhs: traditional concepts, ritual, mythological and folklore aspects. **No 2, 115**

Surkov A.V., Safonov I.E. (*Voronezh, Russian Federation*) Final Bronze Settlements in the Middle Don Region. **No 2, 341**

Taymazov A.I. (*Makhachkala, Russian Federation*) Flint Inventory from the Ainikab 5 Site in the North-Eastern Caucasus. **No 6, 167**

Tikhonov S. S. (*Omsk, Russian Federation*) Spearheads of the Seima–Turbino Type Discovered in Omsk Oblast. **No 2, 180**

Tropin N. A., Ermakov S.V. (*Elets, Russian Federation*) The Discovery of Mongolian Armor in the Yelets District. **No 4, 54**

Trufanov A.Ya. (*Yekaterinburg, Russian Federation*) look **Kuzminykh S.V.** (*Moscow, Russian Federation*) **No 2, 452**

Tulush D.K. (*Kazan, Russian Federation*) look **Kolchenko V.A.** (*Bishkek, Kyrgyz Republic*) **No 6, 37**

Tsibin V.A. (*Samara, Russian Federation*) look **Kondrashin V.V.** (*Kazan, Russian Federation*) No 2, 313

Tsybin M.V. (*Voronezh, Russian Federation*) Tagansky Complex of Monuments of the Golden Horde Period on the Bityug River. No 4, 62

Urbushev A.U. (*Kazan, Russian Federation*) Rock Paintings of the Seterlu-1 Site (Central Altai). No 6, 218

Usachuk A.N. (*Donetsk, Ukraine*) “Once Again, Kargaly Gave Us a Lot of Surprises...” (notes on the 2002 Season). No 2, 24

Ushakov S.V., Bayburtsky A.M. (*Simferopol, Russian Federation*) Medieval Chersonesus in the Second Half of the 13th Century: a city, a village, a trading post? No 4, 264

Uskenbay K.Z. (*Almaty, Kazakhstan*) look **Usmanova E.R.** (*Karaganda, Kazakhstan*) No 3, 74

Usmanova E.R. (*Karaganda, Republic of Kazakhstan*), **Mertz V.K.** (*Pavlodar, Republic of Kazakhstan*), **Gyul E.F.** (*Tashkent, Uzbekistan*), **Antonov M.A.** (*Almaty, Republic of Kazakhstan*) Headdress, Ritual and Gender Symbols (reconstruction based on materials of the bronze age from the Novye Yabalakly 1 burial ground). No 2, 77

Usmanova E.R. (*Karaganda, Kazakhstan*), **Uskenbay K.Z.** (*Almaty, Kazakhstan*), **Kozha M.B.** (*Turkestan, Kazakhstan*), **Panyushkina I.P.** (*Tucson, USA*), **Solovieva L.N.** (*Moscow, Russian Federation*), **Akhatov G.A.** (*Almaty, Kazakhstan*) Juchi Khan Mausoleum: realities, legends and rituals. No 3, 74

Khalikov I.A. (*Kazan, Russian Federation*) Separation of Archaeological Items from the Treasure, Find. No 5, 298

Kharlamov P.V. (*Orenburg, Russian Federation*) Unique Medieval Armament Items from Orenburg Oblast. No 3, 114

Khaziev A.I. (*Kazan, Russian Federation*) look **Akhmetgalin F.A.** (*Kazan, Russian Federation*) No 4, 44

Khokhlov A.A. (*Samara, Russian Federation*) look **Gazimzyanov I.R.** (*Kazan, Russian Federation*) No 3, 190

Khokhlov A.A. (*Samara, Russian Federation*) look **Kondrashin V.V.** (*Kazan, Russian Federation*) No 2, 313

Khramchenkova R.Kh. (*Kazan, Russian Federation*) look **Lyganov A.V.** (*Kazan, Russian Federation*) No 5, 207

Khuzin F.Sh. (*Kazan, Russian Federation*) look **Akynjy M.** (*Antalya, Turkey*) No 5, 8

Khvostikov V.A. (*Chernogolovka, Russian Federation*) look **Shishlina N.I.** (*Moscow, Russian Federation*) No 2, 168

Chemyakin Yu.P. (*Yekaterinburg, Russian Federation*) Kulai Burial in a Boat on Barsova Gora. No 2, 436

Chernykh E.M., Mitryakov A.E. (*Izhevsk, Russian Federation*) New Finds of Fine Art Objects from the Ananyino Cultural and Historical Area in the Middle Kama Region. No 2, 88

Chicko T.V. (*Astrakhan, Russian Federation*) look **Vasiliev D.V.** (*Astrakhan, Russian Federation*) No 4, 8

Chizhevsky A.A. (*Kazan, Russian Federation*) look **Aleshinskaya A.S.** (*Moscow, Russian Federation*) No 2, 371

Yuzeev A.N. (*Kazan, Russian Federation*) The Arab Geographer al-Idrisi (XII century) about the Turkic Peoples of Central Asia). No 1, 230

Yuzeev A. N. (*Kazan, Russian Federation*) The Arab Geographer al-Idrisi (XII century) about the Turkic Peoples of Central Asia. No 5, 315

Yablokov A.G. (*Voronezh, Russian Federation*) Monuments of the Golden Horde Period in the Lower Reaches of the Voronezh River. No 4, 68

Yakovleva E.S. (*Chelyabinsk, Russian Federation*) Arrangement of Living Space in the Neolithic and Eneolithic of the Southern Trans-Urals. **No 6, 175**

Yavorskaya L.V. (*Moscow, Russian Federation*) look **Bocharov S.G.** (*Sevastopol, Russian Federation*) **No 4, 228**

Yavorskaya L.V. (*Moscow, Russian Federation*) The Issue of Meat Product Supply of the Golden Horde Cities of the Lower Volga: new studies of archaeozoological collections. **No 4, 13**

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
АН СССР – Академия наук СССР
БГИАМЗ (БГИАЗ) – Билярский государственный историко-архитектурный музей-заповедник (Билярский государственный историко-архитектурный заповедник)
ГАИМК – Государственная Академия материальной культуры
ГИМ – Государственный исторический музей
ДонНУ – Донецкий национальный университет
ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей
ИА АН СССР – Институт археологии Академии наук СССР
ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук.
ИАИАИАНД – Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону
ИАК – Известия археологической комиссии
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
ИГАИМК – Известия Государственной Академии материальной культуры, Ленинград
ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
ИЯЛИ КФАН СССР – Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР
КНЦ РАН – Казанский научный центр Российской академии наук
КСИА – Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
КСИИМК – Краткие сообщения и доклады Института истории материальной культуры Академии наук СССР
КЧГУ – Карачаево-Черкесский государственный университет
КФУ – Казанский федеральный университет
МАР ИААН РТ – Музей археологии Республики Татарстан А АН РТ.
МарГУ – Марийский государственный университет
МАЭ – Музей антропологии и этнографии Российской академии наук
МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (г. Москва).
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МИАР – Материалы и исследования по археологии России
НА ИА РАН – Научный архив Института археологии Российской академии наук
НЦАИ ИИ АНРТ – Национальный центр археологических исследований Института истории
НФ МА РТ ИА АН РТ – Научный фонд Музей археологии ИА АН РТ
им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан
ОГПУ – Оренбургский государственный педагогический университет
ПГПУ – Пензенский государственный педагогический университет
РА – Российская археология
РАН – Российская академия наук.
РФ ПГКМ – Рукописный фонд Пензенского государственного Краеведческого музея
РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СГУАК – Симбирская губернская учёная архивная комиссия
СОИКМ – Самарский областной историко-краеведческий музей имени П.В. Алабина
УАВ – Уфимский археологический вестник

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Все сведения для авторов, касающиеся подачи статей, порядка их рассмотрения, рецензирования, инструкций и рекомендаций по оформлению материалов, вопросов регулирующих взаимоотношения автора и издателя представлены на сайте журнала по адресу:

http://evrazstep.ru/index.php/aes/author_guidelines

Порядок приема материалов

№ 1 (февраль) – не позднее 1 декабря

№ 2 (апрель) – не позднее 1 февраля текущего года

№ 3 (июнь) – не позднее 1 апреля текущего года

№ 4 (август) – не позднее 1 июня текущего года

№ 5 (октябрь) – не позднее 1 августа текущего года

№ 6 (декабрь) – не позднее 1 октября текущего года

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, редакционной коллегией не рассматриваются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

INSTRUCTIONS FOR AUTHORS

All information for authors concerning the submission of papers, the procedure of their examination, review, instructions and recommendations for the execution of materials, issues regulating the communication between the author and the publisher are provided on the journal's website at:

http://evrazstep.ru/index.php/aes/author_guidelines

Manuscripts shall be submitted by the following dates:

Vol.1 (February) – not later than December 1 of the current year

Vol.2 (April) – not later than February 1 of the current year

Vol.3 (June) – not later than April 1 of the current year

Vol.4 (August) – not later than June 1 of the current year

Vol.5 (October) – not later than August 1 of the current year

Vol.6 (December) – not later than October 1 of the current year

Manuscripts not meeting the specified requirements in terms of execution shall not be examined by the editorial board!

These instructions come into effect since their publication in the journal and on the journal's website.

Журнал основан в мае 2017 г.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77– 79080

от 28 августа 2020 г. выдано Роскомнадзором

Оригинал–макет – *А. С. Беспалова*

420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Дата подписи в печать 19.12.2022

Дата выхода в свет 23.12.2022

Формат 60×84 1/8

Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 45,11

Тираж 1000 экз. Первый завод 100 экз. Заказ №

Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии "Orange Key"

г. Казань, ул. Галактионова, 14

